СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

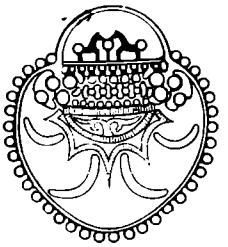
1

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

Ю. Е. БЕРЕЗКИН

НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ПЕРУАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

В настоящее время в исторической науке все более усиливается интерес к проблемам становления производящего хозяйства. Одним из районов, особенно благоприятных для изучения этих вопросов (древний земледельческий очаг, уникальная сохранность материалов), является побережье Перу. Наряду с открытиями Мак-Нейша в Мексике раскопки соответствующих памятников перуанского побережья представляют мировой интерес. О них уже упоминалось в советской литературе [1]. За последние годы за рубежом появился ряд новых статей и публикаций, дающих довольно полное представление об облике данной культуры.

По-видимому, вплоть до начала III тысячелетия до н. э. и во всяком случае в VII—VI тысячелетиях до н. э. [2] вдоль западных склонов Анд обитали бродячие племена, занимавшиеся охотой на лам и гуанако, сбором диких семян, кореньев и наземных улиток и в меньшей степени морских моллюсков [3]. Затем в Перу на берегу океана возникают постоянные поселения, экономика обитателей которых носила иной характер. Важнейшим местонахождением, дающим представление об этих памятниках (правда не о самых ранних), является Чилька-I, открытая Ф. Энжелем в 1962 г. [4] Жизнь там протекала непрерывно с начала IV до середины III тысячелетия до н. э. Стоянка расположена на берегу сухого русла в 3 *км* от моря. Сейчас это группа холмов высотой несколько метров, состоящих из песка, углей, раковин, различных органических остатков. Вместо сегодняшней пустыни в IV—III тысячелетиях до н. э. ее обитателей окружала растительность из тростника, трав и небольших деревьев. Жилищами служили дома типа чума. Для их сооружения выкапывалась круглая яма глубиной около 40 *см* и диаметром 2,5—3,5 *м*. Связанные по три-четыре, стебли тростника вкапывались по краям в землю и на высоте 2 *м* от пола сводя-

---

[1] В. А. Башилов. Связи древних цивилизаций Нового Света. Сб. «Археология Старого и Нового света». М., 1966, стр. 277—279; В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964. стр. 476; Б. И. Шаревская. Культура древних народов области Анд. Народы Америки, II. М., 1959, стр. 264.

[2] R. Berger, W. F. Libby. UCLA Radiocarbon Dates V. AJS; Radiocarbon, 8, 1966, стр. 476; G. J. Fergusson, W. F. Libby. UCLA Radiocarbon Dates II. AJS Radiocarbon, 5, 1963, стр. 16; M. A. Geyh. Hannover Radiocarbon Measurements, IV. AJS, Radiocarbon. 9, 1967, стр. 209.

[3] E. P. Lanning. A Preagricultural Occupation on the Cental Coast of Peru. AmAn. 28, 3, 1963, стр. 360—370.

[4] F. Engel. A Preceramic Settlement on the Central Coast of Peru: Asia, Unit I.— Transactions of the American Philosophical Society, Нов. сер. 53, 3, стр. 9—10; его же. Datations a l'aide du Radiocarbon 14 et Probléme de la Prehistoire du Pérou. 52, стр. 109—113, 1963; его же. El Precerámico sin algodon en la Costa del Perú. XXXV Congreso Internacional de Americanistas. Mexico, 1962. Actas y Memorias. III, Mexico, 1964, стр. 141—152; C. B. Donnan. An Early House from Chilca. Perú. AmAn 30, 2, part 2, 1964, стр. 137—144; M. A. Trautman, E. H. Willis. Isotopes, Inc. Radiocarbon Measurements I. Radiocarbon, 8, 1966, стр. 195—197.

лись посредине. Постройка покрывалась сверху стеблями травы, а ребра кита подпирали ее изнутри.

Основная пища жителей состояла из моллюсков, раковины которых в изобилии встречаются в культурном слое. О занятии рыболовством говорят два крючка с обрывком лески, один из раковины, другой костяной, а также сети из растительного волокна. Добычей обитателей становились морские птицы, черепаха, крупные морские млекопитающие (морской лев, тюлень, дельфин). Возможно, не брезговали и выброшенными на берег китами. Из китовой кости сделан плоский треугольный гарпун длиной 16 *см*. Листовидные наконечники изготовлялись с помощью двусторонней ударной ретуши из кварца, базальта, кремня. На некоторых из них заметны остатки клея, которым они были прикреплены к деревянным и тростниковым древкам. Однако, хотя основой существования обитателей Чилькн-I являлось море, их деятельность была уже направлена и на выращивание полезных растений: тыквы-горлянки, фасоли, батата (найдено два клубня). Плотную кожуру тыквы обрезали и получали сосуды нужной формы (тарелки, кувшины, черпаки). Фасоль являлась основным растительным продуктом питания, уступая, возможно, лишь диким клубням хунко. Энжель выделяет две ее разновидности: домашнюю и дикую [5]. Растения, вероятно, высаживались во влажную почву после весеннего речного паводка. Этот способ не требует никакого дополнительного полива и применялся в Перу еще сравнительно недавно [6]. Возможно, что при посадке пользовались заостренными костями крупных морских млекопитающих. Урожай растирали на плоских, слегка вогнутых зернотерках с помощью терочного камня. Пищу, очевидно, пекли на угольях или варили, бросая горячие камни в сосуды из тыкв.

В нижних слоях поселения найдены плащи или покрывала (в захоронениях), сделанные из травяного волокна методом twining [7]. Тот же метод применялся и при плетении корзин. В верхних слоях покрывала заменены шкурами ламы или вигони (хотя костей этих животных на стоянке нет). Тростниковые циновки встречаются во всех горизонтах. Для изготовления всех этих предметов применялись плоские костяные иглы с ушком, более толстые без него.

Умерших жители хоронили тут же, близ домов в неглубоких ямах в вытянутом положении без определенной ориентировки. Тела обернуты в тростниковые циновки. Иногда между циновками или под ними оказываются травяные покрывала, сети, возможно, остатки одежды, в верхних слоях — шкуры. Кроме покойников в ямах обернутые в циновки костяки обнаружены лежащими на полу в двух домах. На умерших лишь те пред-

---

[5] F. Engel. Datations a l'aide du Radiocarbon 14..., стр. 109; Н. И. Вавилов указывает на горные районы южной Мексики и Гватемалы как на зону наибольшего сортового многообразия всех американских видов фасоли. Н. И. Вавилов. Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света. Избранные труды, II. М.—Л., 1960, стр. 140—141; его же. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. Там же, стр. 165, 174. В основном те же сведения опубликованы в книге М. Таул (M. Towle. Ethnobotany of Pre-Columbian Peru. «Viking Fund Publications in Anthropology», 30, 1961, стр. 52—54), хотя она полагает, что одна из разновидностей фасоль-лимы, возможно, происходит из Анд. По мнению Л. Кашлан (L. Kaplan, Archaeology and Domestication in American Phaseolus (Beans). «Economic Botany», 19, 4, 1965, стр. 366), мало вероятно, чтобы дикие предки этой разновидности произрастали на побережье, скорее, их родиной могут являться восточные склоны Анд.

[6] F. Engel. A Preceramic Settlement on the Central Coast of Peru..., стр. 7, 20.

[7] В текстильном производстве Перу было известно как настоящее ткачество (weaving), так и изготовление так называемых плетеных тканей: twining (двойное переплетение — две нити утка охватывают нить основы с разных сторон и перевивают друг друга), looping (безузелковое переплетение — нить делает ряд петель, а затем сама проходит в них, образуя петли следующего ряда), knitting (узелковое переплетение — нити двух рядов, идущих под углом друг к другу, связываются при пересечении).

меты, которыми они украшали себя при жизни: несколько бусин на шее, а чаще вообще ничего нет. Правда, на одном из покойников была надета шапка с узорами из веревки, а в погребение младенца положена бусина из лазурита.

Кроме Чильки, поселения и могильник этого раннего периода найдены на полуострове Паракас и в бассейне реки Рио-Гранде-де-Наска[8]. Облик культуры примерно тот же. В основном она базировалась на использовании ресурсов океана: моллюсков, ракообразных, морских птиц и животных. В Монте-Гранде (5 *км* от моря на берегу Рио-Гранде) была найдена фасоль, а в Бока-дель-Рио-Гранде (устье реки) — пока только горлянка. Существуют отличия от Чильки в типе домов: на первом из двух упомянутых местонахождений чумы уступают место столбовой конструкции с перекладинами, а на втором — сооружениям из камня, глины, дерева и тростника, общий вид которых неясен. По словам Энжеля, в центре одного из поселений в Паракас находились, видимо, помещения из сырцового кирпича и камня, а вокруг — столбовые постройки[9]. Здесь же (Кабесас Ларгас) обнаружен могильник из шести погребений. Покойники лежат в скорченном или вытянутом положении головой на юг и завернуты в циновки, шкуры вигони и куски тканей хорошего качества, изготовленные из растительного волокна. С каждым из погребенных — один-два мелких предмета (кварцевый скребок, костяная игла, ожерелье из каменных бусин, или раковин, моток веревки). Кроме того, найден оссуарий, содержавший останки примерно 60 человек[10]. С захороненными были положены дубины или длинные палки. Энжель допускает, что это орудия труда первых пастухов — погонщиков лам.

В нескольких пунктах в Паракас и Чильке найдены стоянки, относящиеся, судя по радиоуглеродным датировкам, к VII—V тысячелетиям до н. э.[11] Их обитатели не знали фасоли, но пользовались тыквами (дикорастущими или намеренно высаживаемыми, сказать трудно). В пищу шли продукты моря, а также корнеплоды, в том числе, может быть, маниок. Жилища строились из тростника и травы. Покойников обертывали в циновки. Возможно, это были прямые предшественники жителей Чильки-I.

Несомненное появление экономики нового типа на перуанском побережье следует отнести к первой половине IV тысячелетия до н. э. (начало выращивания фасоли). В конце III—II тысячелетий до н. э. культура первых земледельцев, незнакомых с керамикой, достигает своего расцвета. В настоящее время известно уже более 50 местонахождений, некоторые из которых открыты в 40-е годы, но большая часть обнаружена за последнее десятилетие. Большинство стоянок находится в пределах или неподалеку от современной орошаемой зоны или на берегу старых русел современных рек, но обитатели некоторых поселений могли пользоваться лишь выходами подземных вод. Море почти всегда расположено рядом или отделено узким участком низменной прибрежной равнины.

---

[8] F. Engel. Datos con Referencia al Estudio de Sitios Precerámicos en su Concepto Morfológico y Glymatológico. «Antiguo Peru: Tiempo y Espacio». Trabajos Presentados a la Semana de Arqueologia Peruana, 9—14 Noviembre, 1959, I, Lima, 1960, стр. 126—127; его же. A. Preceramic Settlement..., стр. 9—10; его же. El Precerámico sin algodon..., стр. 144—152; его же. Un groupe humaine datant de 5000 ans à Paracas, Pérou. JSA. Нов. сер., 49, 1960, стр. 7—35; его же. Notes relative a des explorations archeologiques a Paracas et sur la Côte sud du Pérou. Travaux de l'Institut Français d'Etudes Andine, IX, 1963.

[9] F. Engel. Datos con Referencia..., стр. 127.

[10] Первоначально эти погребения не отличались от обнаруженных в могильнике, но затем были сильно повреждены.

[11] F. Engel. El Preceramico sin algodon..., стр. 151; H. Krueger, C. F. Weeks. Geochron Laboratories Inc. Radiocarbon Measurements, II. AJS, Radiocarbon, 8. 1966, стр. 156; M. A. Trautman, E. H. Willis. Ук. соч., стр. 196, 199.

На севере района крупнейшим памятником является Уака Прието [12]. За 1000 лет (вторая половина III — первая половина II тысячелетия) [13] здесь вырос холм высотой 12 *м*. В нижних слоях остатков жилищ пока не найдено. Обитатели более позднего периода рыли землянки глубиной около 2 *м*, состоявшие из одной-двух квадратных или овальных комнат площадью 4—5 $м^2$. Вертикальные стены были выложены галькой, скрепленной глиной, пол покрывала утрамбованная глина, а завершала все сооружение плоская крыша из деревянных балок и ребер кита. Узкий вход со ступенькой вел внутрь. По мере роста холма, чтобы предохранить жилую территорию от эрозии, были сооружены четыре террасы, укрепленные галькой. Высота нижней более 5 *м*.

Основную пищу жителей составляли моллюски, морские ежи и прочие «дары моря», а также рыба. Для ее ловли использовали как сети, найденные вместе с прикрепленными к ним поплавками из тыкв, и грузилами (гальки с отверстиями), так и крючки (из раковин и колючек). Кроме редких костей морского льва, морской свинки и птиц, остатков животных не найдено. Очень мало изделий из кости (лишь несколько шильев). Нет ничего, кроме двух игрушечных пращей, что могло бы быть истолковано как оружие. Отсутствуют даже наконечники. Довольно многочисленные ядрища и отбойники служили лишь для откалывания грубых отщепов. Зато в выращивании растений были достигнуты серьезные успехи. К тыкве-горлянке прибавилось два других вида тыкв (Cucurbita ficifolia и Cucurbita mochata). Разводили три или четыре вида бобовых, ачиру (Canna edulis), красный перец. Сажали или, скорее всего, собирали дикими различные фрукты. Встречается много диких клубней и кореньев. Многочисленные обожженные камни, очевидно, бросали в сосуды из тыкв для варки пищи. Одна из находок может, видимо, рассматриваться как уплощенная на конце палка-копалка. Каменные сосуды, чьи обломки обнаружены, возможно, выполняли роль зернотерок. Важным нововведением в Уака Прието по сравнению с местонахождениями времени Чильки является культивирование хлопка. Это 26-хромосомный (Gossipium barbadense) гибрид американского и азиатского (возможно, когда-то произраставшего и в Новом Свете) видов [14]. Употреблялись и другие растительные волокна (молочай, кактус). Из 3000 фрагментов ткани 78% текстиля сделано методом twining. Есть и настоящее ткачество (4%). Не имея ткацкого станка, люди этой эпохи, очевидно, просто прикрепляли нити основы к палке, а между ними продевали уток. Ткацких грузиков также нет. Видимо, нить скручивали руксй [15]. Иногда на тканях заметны следы окрашивания. Есть тростниковые циновки и плетеные корзины.

Как и в Чильке, покойников хоронили на поселении в неглубоких ямах без определенной позиции и ориентации. Несколько позже стенки ям стали выкладывать булыжниками, а в верхних слоях скелеты обнаружены лежащими целыми группами на полу покинутых жилищ. В погребениях найде-

---

[12] J. B. Bird. Praceramic Cultures in Chicama and Virú. A Reapprisal of Peruvian Archaeology. AmAn, 13. I, part 2, 1948, стр. 21—28; его же. American Oldest Farmers. «Natural History», 57, 7, 1948, стр. 296—303, 334—335; его же. Pre-ceramic Art from Huaca Prieta, Chicama Valley. «NP», 1, 1963, стр. 29—32; J. Bird, J. Mahler. America's Oldest Cotton Fabrics. «American Fabrics», 20, 1951—1952, стр. 73—78; E. O. Callen. Food Habits of Some Pre-Columbian Mexican Indians. «Economic Botany», 19, 4, 1965, стр. 335—337; F. Engel. Sites et establishments sans ceramique dans le côte peruvienne. JSA, 46, 1957, стр. 73—74; T. W. Whitaker, J. B. Bird. Identification and Significance of the Cucurbit Materials from Huaca Prieta, Peru. «American Museum Novitates», 1426, 1949.

[13] J. B. Bird. South American Radio Carbon Dates. AmAn, 17, 1, part 2, 1948, стр. 37—49; F. Engel. Le complexe précéramique d'El Paraiso (Pérou). JSA, 55, 1, 1966, стр. 56, 60.

[14] G. H. S. Bushnell. An Old World View of New World Prehistory. AmAn., 27, 1, 1961, стр. 66; M. Towle. Ук. соч., стр. 64; G. R. Willey. An Introduction to American Archaeology, 1. New York, 1966, стр. 21—22.

[15] G. H. Bushnell. Peru. New York, 1957, стр. 37.

ны великолепные образцы тканей с изображениями фантастических существ, похожих на змей с двумя симметрично расположенными головами на обоих концах тела, кондоров, крабов, а также людей. Кроме того, мертвых снабжали сосудами из тыкв, два экземпляра которых богато украшены. Композиция состоит из сильно стилизованных антропоморфных изображений и геометрических элементов, выполненных в сложившемся и оригинальном стиле. Все произведения искусства происходят из погребений, относящихся к нижним слоям.

Южнее Уака Прието, в долине Виру, в 1 *км* от моря расположен холм Серро Прието [16]. Толщина докерамических отложений около 1 *м*. В нижних слоях находились жилища из прямоугольного сырцового кирпича (камня вокруг нет) невыявленной конструкции. К верхним принадлежат дома из глины, смешанной с раковинами, из двух-трех смежных прямоугольных комнат каждая площадью 3—4 $м^2$. По крайней мере в одной из стен находилась прямоугольная ниша. Предметов найдено мало, однако известно, что жители ловили рыбу на крючки из раковин, собирали моллюсков и крабов, охотились на морских птиц, сажали горлянку и хлопок, растирали что-то на небольших плоских терках, изготовляли ткани методом twining и даже знали настоящее ткачество.

Между долинами Уачо и Чанкая на прибрежной равнине находится крупное древнее поселение Рио Секо [17]. Это несколько пологих холмов высотой до 4 *м*, которые, видимо, не вполне одновременны. В его середине располагались дома из каменных и коралловых блоков (камень доставлялся за 2 *км*), глины, сырцового кирпича прямоугольной формы. Раскопаны комплексы, состоящие из маленьких (3—6 $м^2$), примыкающих друг к другу помещений. В стене одного из них находилась ниша, а верх стены был украшен рядом чередующихся каменных плит и сырцовых кирпичей. Роль перекрытия играли стволы деревьев и кости кита. Кроме того, обнаружены какие-то небольшие глиняные платформы. В радиусе 300 *м* от этих сооружений замечены остатки столбов.

Как и в Уака Прието, в Рио Секо собирали моллюсков, ловили рыбу сетями с поплавками и грузилами. Найдены крючки из раковин, а также их заготовки. Объектом охоты были тюлени и птицы. Оружие — деревянные копья, к которым, возможно, прикреплялись базальтовые наконечники, пращи и копье-металки. Из птичьих костей делали иглы, шилья, непонятного назначения трубочки длиной 1—9 *см*, обрезанные с обоих концов, и даже флейты. Кости тюленя и куски дерева превращали в «мальерос». Этим простейшим приспособлением до сих пор пользуются перуанские рыбаки. На кость наносятся зарубки, и по ним отмечают величину ячеек сети [18]. Остатков растений, кроме хлопка и горлянки, не обнаружено [19]. Есть терки с терочными камнями. Сосуды делались из тыкв. Один сосуд диаметром 20 *см* выдолблен из позвонка кита. Текстиль представлен только плетеными тканями. Основной орнамент — ромб. Иногда

---

[16] J. B. Bird. Preceramic Cultures in Chicama and Virú, стр. 25—26; W. D. Strong, C. I. Evans. Cultural Stratigraphy in the Virú Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs. Columbian Studies in Archaeology and Ethnology, 4, 1952, стр. 18—23; G. R. Willey. Prehistoric Settlement Patterns in the Virú Valley, Peru. Smithsonian Institute. Bureau of American Ethnology, Bull. 155, 1953, стр. 42.

[17] F. Engel. Sites et establishments sans céramique..., стр. 79, 89—95, 103—105, 113—123; W. S. Wendt. Die Präkeramische Siedlung am Rio Seco, Peru. «Baessler — Archiv», Нов. сер., XI, 2, 1963, стр. 225—275.

[18] F. Engel. Sites et establishments..., стр. 118.

[19] Д. Колье, со ссылкой на Е. Ланнинга, сообщает о находке в верхних слоях Рио Секо, Кулебрас (см. ниже) и Уармей кукурузы. Многочисленные находки кукурузы среди типичных для докерамической эпохи отложений в Уармее описывают также Д. Келли и Д. Бонавия. (D. Collier. Agriculture and Civilizations on the Coast of Peru.— The Evolution of Horticultural Systems in Native South America. Causes and Consequences. A Symposium, Caracas, 1961, стр. 103; D. H. Kelly, D. B. Bonavía. New Evidence for Preceramic Maize on the Coast of Peru. NP, 1, 1963, стр. 39—41).

ткань окрашивали охрой. Практиковалось и плетение корзин. Жители украшали себя ожерельями и браслетами из яшмовых бусин, просверленными позвонками акулы и ската, подвесками из раковин. Некоторые предметы сделаны из необожженной глины. Это довольно многочисленные фрагменты грубых антропоморфных статуэток, непонятного назначения маленькие конусы высотой 2—3 *см* и толстые, с закругленными краями диски диаметром 2,5 *см* с одним или двумя отверстиями. В Рио Секо мы опять встречаем обычай хоронить покойников близ жилищ. Они лежат в овальных ямах на боку с подогнутыми ногами.

К северу от Рио Секо, в устье р. Кулебрас, находится другой памятник с каменной архитектурой [20]. Там, на склоне и у подножия холма, встречены квадратные и прямоугольные, углубленные в землю небольшие дома, сложенные из грубых камней с включением отдельных шлифованных плит. Пол сделан из необожженной глины или глины с камнем. Система террас и стен близ вершины холма группируется вокруг центральной лестницы, ориентированной на север. На одной из террас обнаружены два погребения с обычным для данной культуры инвентарем. Под поверхностью террасы оказался один черепок. Кроме того, найден некрополь. С трех сторон его окаймляют стены террас, не входящих в комплекс с лестницей. В стенках были сделаны ниши размером 30 × 30 *см* и глубиной 20 *см* из каменных плит, скрепленных глиной. На площадке между стенами находилась группа погребений. Все покойники лежали в вытянутом положении. Инвентарь могил относительно богат: корзины, тыквы, в некоторых из которых находилась известь, употребляемая при жевании коки, раковины, ожерелья из раковин и рыболовный крючок из того же материала [21].

В долине р. Чильон (к югу от Лимы) в 4,5 *км* от устья, Ф. Энжелем в 1965 г. было раскопано поселение Эль Параисо [22]. Комплекс из 50 комнат занимает площадь 50 × 50 $м^2$. Помещения в центре углублены в землю, а террасы и платформы по краям значительно возвышаются над ними. К центральным комнатам ведет несколько лестниц. Стены в основном сложены из прямоугольных каменных блоков размером 30 × 15 × 15 *см* (их было использовано около 300 тыс.) и тщательно оштукатурены. Слоем глины покрыты и полы. Перекрытие, вероятно, состояло из легких материалов и не сохранилось. В одном из помещений найдено святилище. Середину комнаты там занимает большое прямоугольное углубление, по углам которого расположены четыре меньшие конические ямки. Все углубления носят следы огня.

Погребальный обряд (раскопано шесть могил) характеризуется обычными для докерамической эпохи чертами (захоронения в ямах рядом с поселением, покойники завернуты в ткань). Среди тканей относительно много изделий, изготовленных методом настоящего ткачества (12%). Среди остатков культурных растений ведущее место принадлежит фасоли. Разводили также хлопок, хикиму (Pachirrhizuz Tuberosus), горлянку, возможно, мускатную тыкву. Как обычно, сохранились остатки съедобных

---

[20] F. Engel. Sites et establishments sans ceramique.... стр. 77—78. 87—94. 103, 113, 120—122, 142; его же. Notes relatives a des explorations archeologiques... стр. 18.

[21] По-видимому, по крайней мере некоторые из описанных сооружений относительно поздние. Возможно, они как-то связаны с так называемыми докерамическими храмами, обнаруженными в некоторых пунктах побережья (Лас Альдас, Асперо, Тэнк). Длина главного сооружения в Альдас достигает 450 *м*, но неизвестно, был ли весь комплекс построен уже в докерамический период (F. Engel. Sites et establishments..., стр. 78, 94, 102; E. Ishida a. o. Andes. Report of the University of Tokyo Scientific Expedition to the Andes in 1958. Tokyo. 1960, стр. 191—196. 444—447; D. Collier. Указ. соч., стр. 103; E. P. Lanning. Ук. соч., стр. 369; его же. Highland South America. AmAn, 28, 3, 1963; «Current Research», стр. 421; J. H. Rowe. Urban Settlements in Ancient Peru. NP. 1, 1963. стр. 5; G. B. Willey. J. M. Corbett. Early Ancon and Early Supe Cultures. Columbian Studie in Archaeology and Ethnology, 3, 1954.

[22] P. Engel. Le complexe précéramique d'El Paraiso (Pérou), стр. 43—96.

плодов и кореньев, кости рыб и млекопитающих (в основном морских), но раковины моллюсков занимают довольно скромное место. Кроме веретенец с пряслицами, игл, терок и пр. найдены две очень грубые антропоморфные статуэтки (из глины и камня) и рукоятка орудия из кости с изображением человеческого лица.

Поселение в Асии[23] находится в 100 *км* к югу от Лимы, на берегу пересыхающей речки Омас, в 2,5 *км* от моря. Его метровые отложения разделены на пять слоев. Планировка раскопанных сооружений довольно правильная. Над прямоугольным комплексом стен площадью 24×25 $м^2$ располагалась соломенная крыша (найдены ее остатки), покоившаяся на столбах. Первоначально материалом для строительства служил сырцовый кирпич круглой и яйцевидной формы, позже его сменил камень, скрепленный глиной. Строения опоясаны рядом двойных стен толщиной 30—40 *см*, между которыми оставлен проход шириной около метра. Главное помещение внутри делилось на комнаты. Общий вход находился в северном углу. На несколько десятков метров вокруг центрального комплекса обнаружены остатки столбовой архитектуры. Некоторые стены также уходят далеко в сторону. На протяжении трех последних из пяти периодов комплекс использовался в качестве места захоронения. Покойников погребали в овальных ямах глубиной около 30 *см*. Большинство умерших лежит в скорченном положении на боку, но твердо закрепленной позиции или ориентировки нет. Все покойники завернуты в тростниковые циновки, обычно в несколько: более грубые поверх более тонких. В некоторых случаях при раскопках открывались настоящие спеленутые мумии. Количество и характер инвентаря сильно колеблются, но не настолько, чтобы можно было отметить какие-то качественные различия. Интерес представляют одиночные и групповые захоронения черепов, в частности детских.

Подобно обитателям всех других рассматриваемых памятников, жители занимались сбором моллюсков. Сетями с грузилами и на леску с костяным или раковинным крючком ловили рыбу. Большинство костей принадлежит крупным морским млекопитающим и птицам. На охоте применялось разнообразное оружие: деревянные копья, дротики, гарпуны, обсидиановые и кварцитовые наконечники к ним, копьеметалки, палицы (одна из них снабжена акульими зубами), пращи. Выращивали хлопок, горлянку, фасоль, красный перец, корневища хикимы, в пищу употребляли плоды, ягоды, клубни хунко. Семена и коренья растирали на зернотерках с помощью пестов и терочных камней, хранили и приготовляли в сосудах из тыкв, камня, деревянных и выдолбленных из китовой кости колодах. Некоторые заостренные палки, как и в Эль Параисо, видимо, служили для вскапывания земли. Два орудия из китовой кости могли быть мотыгами. Часты находки листьев коки. Известь для жевания наркотика иногда клали в могилы.

Ткачество было развито довольно высоко. На покрывале, положенном в одно из погребений, сохранилось изображение двухголового существа, сходное с найденным в Уака Приете. Это один из распространеннейших впоследствии мотивов на побережье Перу. В текстильном производстве пользовались в основном хлопковым волокном, реже — другими материалами. Встречаются и изделия из перьев. Найден богатый набор текстильных инструментов: шилья, иглы, веретенца с пряслицами. Большинство пряслиц сделано из семян, плодов, смолы, но есть и каменные, на одном из которых выгравировано три изображения: млекопитающего, змеи, птицы или человека. Жители поселения носили бусы из камня, кости, раковин, семян, подвески из раковин. На одном из костяных инструментов, превращенном в подвеску, изображены обезьяны(?), трубящие в рожки. Интересны два зеркала, одно из обожженной, другое из сырой глины. Они подквадратной формы со стороной около 10 *см*. В центре к глине приклеен

[23] F. Engel. A Preceramic Settlement on the Central Coast...

полированный кусок антрацита, а поверхность украшена перламутровыми бусинами. На оборотной стороне обожженного зеркала вырезано какое-то стилизованное изображение.

Таковы основные памятники рассматриваемой эпохи. Сведения о других стоянках[24] подтверждают данные, изложенные выше. Характерные черты этих памятников уже отмечались Ф. Энжелем[25]. Если взять важнейшие из них, присущие всем местонахождениям, начиная с нижних слоев Чилькн-I и кончая Асией и Уака Приетой, то сюда, видимо, следует включить: 1) расположение близ берега моря[26]; 2) большое количество в культурном слое раковин морских моллюсков. Почти полное отсутствие костей наземных млекопитающих; 3) остатки тыквы-горлянки и фасоли; 4) погребения вблизи или внутри жилищ в неглубоких ямах или на полу в вытянутом или скорченном на боку положении. Покойники укрыты тростниковыми циновками; 5) текстильные изделия с применением техники twining и looping; 6) техника обработки камня, включающая в основном точечную оббивку, шлифовку, в отдельных случаях скобление, пиление, сверление. Полное отсутствие топоров, тесел и тому подобных инструментов. Чрезвычайная бедность и невыразительность каменной индустрии палео-мезолитической традиции; 7) зернотерки и терочные камни различных форм; 8) деревянное копье и дротик, копьеметалка, праща, палица, видимо, гарпун и болас, несомненное отсутствие лука и стрел.

Среди множества памятников в настоящее время представляется возможным выделить два типа: более ранний тип Чильки-I и более поздний тип Уака Приеты, что в основном соответствует делению докерамического периода Энжелем на два горизонта: хлопковый и дохлопковый. Их отличия в следующем:

Чилька	Памятники типа Уака Приеты
1. Круглые дома наподобие чума из тростника и травы	1. Жилища прямоугольных форм с применением в строительстве камня, гальки, сырца
2. Пищевые культурные растения представлены одним видом фасоли	2. Выращиваются несколько видов фасоли, съедобные виды тыкв, перец, корнеплоды
3. Отсутствие хлопка. Весь текстиль изготовлен из волокон диких растений. Настоящего ткачества нет	3. Хлопок общераспространен. Он является основным материалом в ткацком деле. Встречаются вещи, изготовленные способом настоящего ткачества

Кроме того, можно отметить увеличение в памятниках второй группы количества погребального инвентаря (при сохранении старого обряда). Характер жилищ следует признать наиболее показательным признаком, отличающим эти два типа. Смена небольших построек, состоящих из одного помещения, многокомнатными комплексами-поселками, возможно, отра-

[24] Среди них следует отметить Лос Чинос, Отуму, Ику, видимо, Сан Николас (A. Casavilca Curaca. Una exploracion paleontológica y arqueologica en que fueron descubiertos los primeros fósiles vertebrados del Perú y restos del periodo precerámico de Ica. Actas y Trabajos del II Congreso Nacional de Historia del Perú (Época Pre-Hispánica). 4—9 de Agosto de 1958, I. Lima, 1959, стр. 303; F. Engel. Early Sites..., стр. 56- 64; его же. Sites et establishments... стр. 82, 121, 161; его же. A Preceramic Settlements.., стр. 11; W. D. Strong. Recent Archaeological Discoveries in South Coastal Peru.— Transactions of the New York Academy of Sciences, сер. 11, 16, 4, 1954, стр. 216, его же. Paracas, Nazca and Tiahuanacoid Cultural Relationships in South Coastal Peru. AmAn, 22, 4, part 2, 1957, стр. 8—11; G. S. Vescelius. Some New Finds at San Nicolas, NP, 1, 1963, стр. 43—44.

[25] F. Engel. Sites et establishments..., стр. 140—141; его же. Notes Relatives..., стр. 8—20.

[26] O. Dollfus. Effets des fluctuations et des accidents climatique sur l'ecologie humaine du Pérou. JSA, 54, 2, 1965, стр. 229.

жает не только рост общественного богатства, но и определенные изменения в социальной организации. С комплексом Уака Приеты, очевидно, связаны Серро Прието, Кулебрас, Асия и другие местонахождения, в которых найден хлопок. Что же касается Чильки, то здесь какие-то связи прослеживаются с местонахождениями VII—V тысячелетий на полуострове Паракас (тростниковые хижины), но об этих поселениях пока слишком мало известно. Не хватает также сведений и о более поздних, но «дохлопковых» местонахождениях в Кабесас Ларгас и в бассейне Рио-Гранде. Энжель [27] сближает Монте-Гранде с Чилькой-I, а Бока-дель-Рио-Гранде с поселением в Кабесас Ларгас, опираясь на особенности устройства жилищ. Весьма возможно, что употребление на этих поселениях в качестве строительных материалов камня и глины указывает на иную, чем в Чильке, культурную традицию, получившую свое развитие уже в период после появления хлопка.

Таким образом, памятники побережья Перу VII—II тысячелетий до н. э. рисуют своеобразную картину становления производящего хозяйства. По-видимому, в VIII—VII тысячелетиях до н. э. здесь появились коллективы, занявшиеся преимущественно морским промыслом. Обитатели берега океана были поставлены в исключительное положение по сравнению с остальными бродячими племенами. В их распоряжении оказались огромные и, самое главное, постоянные пищевые ресурсы моря. Морской промысел, делая людей независимыми от летней засухи, позволял им жить оседло и в качестве дополнения к пищевому рациону или в иных целях собирать, а затем и самим выращивать горлянку и другие культуры. Небольшие речные долины, в которых достаточно обильные, но не разрушительные паводки оставляли после себя пространства плодородной орошенной земли, были идеальным местом для первых опытов по разведению домашних растений. Иными словами, предпосылкой возникновения развитого собирательства была оседлость, во всяком случае в летнее время, а та стала возможной лишь за счет использования ресурсов моря. Но, возникнув, земледелие само стало способствовать интенсификации морского промысла и еще более прочной оседлости. Замечательно, что из трех главных культур, выращивавшихся на побережье в докерамический период (горлянка, хлопок, фасоль), первые две применялись при изготовлении рыболовной снасти.

Морской промысел, сыграв выдающуюся роль в процессе возникновения производящего хозяйства, оставался, видимо, главным источником пищевых ресурсов и в последующее время. Даже если стоянки удалены от океана на 2—3 *км*, раковины составляют важнейшую часть культурного слоя. Мы не располагаем данными, позволяющими утверждать, что роль моря в хозяйстве существенно упала к концу этой эпохи по сравнению с временем Чильки-I. Лишь для Эль Параисо можно предполагать больше обычного удельный вес земледелия, хотя и здесь нет прямых доказательств того, что оно уже стало господствующей отраслью экономики. Важное место занимало наземное собирательство. Возможно, оно в течение всего периода значило по крайней мере не меньше, чем выращивание растений. Исследования с целью установить, какой точно процент совокупного продукта давала та или иная отрасль хозяйства, не проводились, но земледелию следует, вероятно, отвести лишь второе или третье место [28]. Возникнув в исключительно ранний период, оно долгое время развивалось довольно медленно, что, очевидно, в основном объясняется отсутствием высокопроизводительного вида, разведение которого отодвинуло бы на второй план все прочие источники средств существования. Значительный культурный

---

[27] F. E n g e l. El Precerámico sin algodon..., стр. 141—152.

[28] Косвенным подтверждением этого является отсутствие женских статуэток, характерных для раннеземледельческих культур Ближнего Востока, Балкан, Мезоамерики.

прогресс в докерамическую эпоху, сопоставимый с последствиями неолитической революции на Ближнем Востоке (каменная и глинобитная архитектура, развитое искусство, в конце периода, возможно, храмы), наступил на базе комплексного хозяйства, в котором земледелие еще не играло главной роли. Окончательная его победа на данной территории, по-видимому, произошла лишь после появления кукурузы — во второй половине II тысячелетия до н. э., что приблизительно совпало с широким распространением керамики.

J. E. Beriozkine

LES DEBUTS DE L'AGRICULTURE SUR LA COTE PERUVIENNE

Résumé

L'article dresse le bilan des nouveaux matériaux archéologiques obtenus ces dernieres années lors des fouilles des premiers hameaux d'agriculteurs sur la côte péruvienne (IVe — IIe millénaires avant notre ère).

A la base des données péruviennes l'auteur examine un des plus importants problèmes de l'histoire ancienne: la formation de l'économie produisanie au sein de l'ancienne économie d'appropriation.

Е. И. КРУПНОВ

ОБ УТОЧНЕННОЙ ДАТИРОВКЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как известно, хронология является основной канвой всякого исторического процесса. Обычно она прослеживается и по памятникам материальной культуры. И хотя сама задача датирования отдельных комплексов памятников и целых археологических культур нередко представляет собою довольно сложную проблему, любой археолог должен стремиться к установлению возможно точных дат для изучаемых древностей.

В этой связи показательным и вместе с тем очень поучительным представляется длительный опыт датирования одной из самых ярких и оригинальных археологических культур позднебронзового века нашей страны — кобанской культуры Северного Кавказа, открытой в 1869 г.[1] и привлекшей к себе внимание особенно после V Археологического съезда 1881 г.[2] Научный интерес к этой замечательной культуре не иссякает до сих пор ни у нас, ни за границей[3]. Изучению ее богатейшего бронзового инвентаря посвятили свои усилия как русские и советские, так и зарубежные ученые (В. Ф. Миллер, А. А. Миллер, А. А. Иессен, А. М. Тальгрен, Ф. Ганчар и др.). Кобанской культуре посвящена огромная литература, и это понятно, ибо в системе древностей Кавказа она занимает одно из ведущих мест[4].

Здесь уместно отметить, что по наиболее трудным и важным темам, связанным с попытками научного освещения кобанской культуры,— вопросам происхождения и особенно ее датировки — высказаны самые различные мнения и заключения. Диапазон колебаний предложенных для кобанской культуры дат очень велик: он колеблется до XV в. до н. э. вплоть до римского времени. Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что выводов и заключений о дате Кобана было высказано почти столько же, сколько было авторов, изучающих кобанскую культуру в самых различных аспектах[5]. Основная причина такого разнобоя объясняется отсутствием до последнего времени научно раскопанных могильных комплексов и стратиграфических данных по кобанским поселениям.

Если не учитывать старой и явно удревненной датировки Кобана Ж. Морганом (XX в. до н. э.), то наиболее ранним временем датировали

[1] Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре в Осетии. «Протоколы заседания комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», 20, М., 1878; «Museum Caucasicum», V, Тифлис, 1902, стр. 1—11.

[2] R. Virchew. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883; E. Chantre. Recherches antropologiques dans le Caucase, I—IV. Paris — Lyon, 1885—1887; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900.

[3] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, 13, Л., 1949, стр. 191—257; Richard Pittioni. Über das Kupfer der Kobaner Beile. «Mitteilungen der Antropologischen Gesellschaft in Wien». XCII. Wien, 1962, стр. 255; Tadeusz Sulimirski. Eine Kobaner Plachtaxt von Winniza. Там же, стр. 269.

[4] Основная литература по кобанской литературе приведена в книге: Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 106.

[5] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, 1, стр. 79.

кобанскую культуру Э. Шантр и В. А. Городцов [6]. По аналогии с удревненной тогда датировкой Гальштата и кобанскую культуру они датировали XV—XIV вв. до н. э. По нашему мнению, более верное хронологическое определение этой культуры предлагалось А. С. Уваровым [7] и Р. Вирховым, которые на основании ряда сходных элементов Кобана с переднеазиатскими комплексами относили эту культуру к последним векам II тысячелетия и первым векам I тысячелетия до н. э. В основном эту датировку поддерживало подавляющее большинство исследователей, в обоснование своего мнения приводивших самые различные доводы и соображения (Г. Д. Филимонов, А. С. и П. С. Уваровы, М. Гернес, В. Ф. Миллер, Б. В. Фармаковский, А. Тальгрен, М. И. Ростовцев, А. А. Миллер, Ф. Ганчар, С. Пржеворский, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин, А. П. Круглов, Е. П. Алексеева, Б. В. Техов и др.) [8]. Этого же мнения всегда придерживался и автор данной статьи [9].

В 20-е и 30-е годы нашего столетия А. П. Калитинский и М. М. Иващенко сделали попытку связать кобанскую культуру с колхидской и синхронизировать обе эти культуры с культурой греческих колоний Восточного Причерноморья VI—V вв. до н. э. [10]. Но моложе всех оценивали кобанские комплексы И. И. Толстой и Н. А. Кондаков; они рассматривали руководящие формы Кобана как производные от «римской элегантной бронзы» и относили их к началу нашей эры [11].

Насколько известно, только некоторые грузинские коллеги проявляют еще тенденцию углублять дату кобанской культуры, полностью синхронизируя ее с колхидской культурой Западной Грузии, датируемой с XIV—XIII до IX—VIII вв. до н. э. [12].

В основе аргументации почти всех авторов, датирующих кобанскую культуру последними веками II тысячелетия и начальными веками I тысячелетия до н. э., лежали типологические параллели кобанским бронзам и стилистические сопоставления их с закавказскими и переднеазиатскими (в частности, луристанскими) образцами; но главными и основными доводами для большинства являлись даты комплексов гальштатской культуры Западной Европы, а также отсутствие или слабое наличие железа даже в ранних кобанских комплексах. Мне лично последний довод также всегда казался наиболее существенным критерием для определения времени бытования культур переходного периода от бронзы к железу. Не развивая здесь этой темы, укажем только на значение все умножающихся новых фактов нахождения даже в ранних кобанских комплексах железного оружия (топоров и наконечников копий), а также предметов скифского типа. Последние же (мечи-акинаки, двухперые и трехперые наконечники стрел, серповидные ножи, определенная форма керамики с налепной орнаментацией с защипами и пр.), как известно, могут служить довольно точными хронологическими эталонами с VII и IV вв. до н. э. В этом отношении очень показательны результаты последних раско-

---

[6] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 284.

[7] А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. Тр. V АС, М., 1887, стр. 8.

[8] См. Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 80, где приведены все обоснования дат.

[9] E. Kroupnov. A propos de la Chronologie de l'Âge du Fer au Caucase Nord. VI Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Les rapports et les Informations des archeologues de l'URSS, Moscou, 1962; Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа. Уч. зап. ИИЯЛ, XIV. Махачкала, 1965, стр. 325.

[10] А. П. Калитинский. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dediees à la mémoire de N. P. Kondakow. Prague, 1926, стр. 50; М. И. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 68.

[11] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. III, СПб., 1890, стр. 114.

[12] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 300; Д. Л. Коридзе. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, стр. 154 (на груз. яз. с русск. резюме).

пок Б. В. Теховым давно известного, но только теперь ставшего популярным могильника кобанской культуры у сел. Тли в Юго-Осетии [13]. Подавляющее большинство его могильных инвентарей, состоящих из типичных, иногда даже для раннего Кобана ведущих форм (бронзовые орнаментированные топоры, разнообразные кинжалы, великолепные богато орнаментированные широкие пояса и многочисленные украшения из бронзы), сопровождаются довольно частыми находками железного и бронзового оружия уже скифского типа (VII—VI вв. до н. э.).

Еще большее значение для уточнения датировки времени бытования кобанской культуры имел опыт исследования Северо-Кавказской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и некоторыми местными научными учреждениями и музеями ряда бытовых памятников, т. е. древних поселений, таких, как Алхастинское [14], Змейское [15], Бамутское [16] и особенно полностью раскопанного древнего поселка близ сел Сержень-Юрт в Шалинском районе Чечено-Ингушской АССР [17]. Культурные слои этих поселений дали обильный и выразительный материал, в основном доскифского периода, типологически связанный с кобанской культурой Центрального Кавказа. Принципиальное значение имеет факт обнаружения на территории Чечено-Ингушетии явных доказательств бытования и здесь кобанской культуры; этим самым значительно раздвигается к востоку ее ареал, ранее ограничивавшийся лишь Осетией и Кабардино-Балкарией. Здесь открыты и могильники кобанской культуры разных этапов ее развития: Исти-су, Нестеровский, Луговой (у с. Мужичи) [18], а в последние годы и близ селений Сержень-Юрт, Шали, Ца-Ведено и др., давшие выразительнейшие образцы как ранней, так и поздней поры развития кобанской культуры, осложненной уже взаимосвязями со скифо-савроматской культурой Предкавказья.

Некоторые особенности материала из этих памятников (несколько иные керамические формы с налепной орнаментацией, глиняная мелкообъемная скульптура, «пинтадеры», своеобразие бронзовых предметов) позволили коллективу СКАЭ усмотреть в этих признаках этнографические отличия местных племен и выделить новый восточный (чечено-ингушский или вайнахский) локальный вариант кобанской культуры [19].

Многочисленные погребальные комплексы из новых научно проведенных раскопок могильников, а также учет стратиграфических данных по исследованным поселениям создали условия для уточнения самой периодизации развития кобанской культуры. Эта периодизация изложена нами в докладе, подготовленном к VI Международному конгрессу доисторических знаний [20]. Разработанная периодизация представляет собой трехчленную хронологическую шкалу, продолжавшую отражать развитие определенных локальных вариантов еще северокавказкой археологической куль-

---

[13] Доклад Б. В. Техова о раскопках Тлийского могильника на секции железного века Сессии ОИ и ООН МАН в Кишиневе в апреле 1967 г.; его же. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии. СА, 1965, 2, стр. 142—159.

[14] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, стр. 157—198.

[15] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. МАДИСО, I, Орджоникидзе, 1961, стр. 11.

[16] Сб.: «Археологические открытия в 1966 году». М., 1967, стр. 61.

[17] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, АН СССР, 103, 1965, стр. 67; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.). КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 81.

[18] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сб.: «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 139.

[19] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 185, рис. 26, карта.

[20] E. Kroupnov. A propos de la Chronologie de l'Âge du Fer au Caucase Nors. Att. del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche-Sezione V—VIII, Roma, 1966, стр. 88.

туры эпохи средней бронзы (II тысячелетия до н. э.) [21]. Первый период этой шкалы определяется рубежом II и I тысячелетий, т. е. XI—X вв. до н. э., возможно, с XII в., когда только возникают ведущие формы Кобана. Для Северного Кавказа в целом это и будет переходный период от бронзы к железу. Второй период — с IX до середины VII в.— характеризуется заметным распространением железа, пока в виде орудий, труда и оружия. В свете всех последних данных можно решительно утверждать, что именно на этот период и падает блестящий расцвет кобанской культуры, нашедшей свое выражение в широчайшем ассортименте самых разнообразных изделий, начиная от бронзовой клепаной посуды и кончая разнообразнейшими кинжалами и особенно многочисленными украшениями. По богатству, оригинальности и исключительно широкому ассортименту вещей кобанская культура нисколько не уступает ни прославленной гальштатской культуре Западной Европы, ни не менее известной луристанской бронзе Западного Ирана [22]. Наконец, третий период кобанской культуры мы склонны определять отрезком времени со второй половины VII в. до н. э. (со скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию) до IV в. до н. э. (до сарматского периода), хотя необходимо признать, что в некоторых своих видоизмененных формах эта культура продолжала развиваться и позднее.

При разработке этой периодизации мы руководствовались не только общим процессом внедрения железа на широкой территории Восточной Европы и даже Малой и Передней Азии, но и более уточненными датировками таких культур, как гальштатская культура Западной Европы, культура Центрального Закавказья доурартского периода, луристанская культура Передней Азии и др. Судя по последним данным, культура Гальштата относится к раннежелезному веку и датируется периодом от X до V в. до н. э. [23]. Весьма популярная в археологических кругах культура позднебронзового века Закавказья, в разных локальных вариантах очень богато представленная и в Западном Азербайджане, и в Восточной Грузии, и в северных районах Армении, в настоящее время рядом исследователей датируется периодом, начиная с XIII—XII вв. до н. э. и позднее, вплоть до урартского периода [24]. Наконец, нельзя не обратить внимание на более поздние даты, предлагаемые для луристанской бронзы рядом исследователей. Так, Ф. Н. Ганчар датировал ее последними веками II тысячелетия до н. э. [25]. Это мнение разделяет сейчас и М. И. Артамонов [26]. Р. Гиршман, связав луристанскую культуру с киммерийской проблемой, относит ее к VIII—VII вв. до н. э. [27]. В экспозиции Национального музея в Багдаде есть великолепные комплексы луристанской бронзы, которые также датируются X—VIII вв. до н. э. [28].

Таким образом, разработанная периодизация развития кобанской культуры нисколько не противоречит последнему опыту установления хронологии для ряда типологически близких культур на широкой территории южной зоны Евразии.

---

[21] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 23, табл. 1.

[22] Я пришел к этому заключению после личного ознакомления с подлинными и лучшими образцами гальштатской культуры в музеях городов Загреба и Любляны (Югославия) в 1965 г. и с луристанской бронзой в Багдадском музее (Ирак) в 1966 г.

[23] Jan Filip. Enzykolpädisches Handbuch zur Ur und Frühgeschichte Europas I (a-k). Prag, 1966, стр. 458; И. Кастелиц. Ситула из Вач. Београд, 1956, стр. 3.

[24] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 79 сл.

[25] F. Hancar. Kaukasus Luristan. ESA. IX. 1934, стр. 47.

[26] М. И. Артамонов. К предыстории скифо-сибирского звериного стиля. Melanges Offerts a K. Michalowski. Warszawa, 1966, стр. 249.

[27] R. Ghirshman. A propos des bronzes du Louristan de la collection Foroughi. «Iranica Antiqua», VII, 2, Leiden, 1962, стр. 165.

[28] Guide-Book to the Iraq Museum. Baghdad, 1966, стр. 43, N 27, 28.

Давно занимаясь изучением кобанской культуры как одной из основных археологических культур позднебронзового века Кавказа, мы, естественно, не могли не пытаться уточнить ее хронологию, т. е. уточнить время, которым определяется становление руководящих форм этой культуры, а также периоды ее развития, расцвета и заката. Понятно, что наиболее сложной задачей являлось определение ранней даты развития Кобана из-за отсутствия таких эталонов, как хорошо датированные импортные вещи, древние надписи на синхронных вещах (например, урартские) или скифо-савроматское оружие, которыми ныне определяются второй и третий периоды развития кобанской культуры. Пользуясь ретроспективным методом датирования и типологическим анализом руководящих форм кобанской культуры, мы не решались углублять раннюю дату глубже XI в. до н. э., в основном определяя ее рубежом II и I тысячелетий до н. э.

Опыт раскопок Сержень-Юртовского поселения кобанской культуры в Чечено-Ингушетии вообще значительно расширил наши возможности для исторической интерпретации этой культуры и обеспечил реальную возможность значительно уточнить время бытования Кобана. В этом плане особое значение приобретают приемы датирования разных горизонтов верхнего культурного слоя на этом поселке методом точных наук, в частности по степени распада углерода (C^{14}) в органических остатках.

Подвергшиеся в радиокарбонной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР радиоуглеродному анализу многочисленные куски древесного угля из культурного слоя Сержень-Юртовского поселения дали такие возрастные определения[29] (см. таблицу анализов).

Серия радиокарбонных анализов угля из верхнего культурного слоя кобанского поселения у с. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушская АССР)

Лабораторный номер анализа	Год взятия образца из раскопок	Штык или горизонт. культурного слоя	Определение лаборатории, лет$^{-1}$	Абсолютная дата, год
ЛЕ-575	1963	Начало 2-го штыка.	2620±75	670 *
ЛЕ-661	1961	2-й штык, кв. Д-7	2860±60	910
ЛЕ-491	1961	3-й штык, кв. Д-7	2890±75	940
ЛЕ-265	1962	Яма на уровне пола 3-го штыка	3140±95	1190

* По принятому во всех лабораториях мира правилу от абсолютной цифры отсчитывается условная цифра 1950.

По поводу наиболее глубокой даты, указанной в таблице, — 1190±95 г. до н. э.— необходимо сделать пояснение. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что образцы угля для этого анализа нами были взяты в 1961 г. из хозяйственной ямы; нужно также считаться и с тем, что сами физики совершенно не настаивают на точности этой датировки, ибо они тогда только разрабатывали свою методику. Кроме того, как известно, в начале 60-х годов атмосфера была заражена радиоактивными элементами. Все это, конечно, могло сказаться на точности анализа. Поэтому и мы не склонны считать эту дату точной. Все же остальные даты более достоверны. Они удивительно точно совпадают с нашим определением времени жизни этого замечательного поселка кобанской культуры, основанном на типологическом анализе вещей.

Главное в том, что это не единственный анализ, в случайной точности которого можно было бы сомневаться, а целая, пусть небольшая, серия анализов, давших точные даты с X до VII в. н. э. включительно. В пределах этих дат вполне укладывается обильный материал с этого поселка, представленный как ранними формами кобанских изделий, так и ранними образцами наконечников стрел скифского типа. Таким образом, сделан-

[29] Коллектив СКАЭ выражает глубокую благодарность за проведенные анализы сотрудникам лаборатории во главе с С. И. Руденко.

ный нами вывод о том, что интенсивная жизнь на этом поселении протекала в основном с X по VII в. до н. э.[30], ныне уточняется радиоуглеродным анализом органических остатков.

Но значение этих анализов выходит за пределы самого Сержень-Юртовского поселения. Они позволяют увереннее, чем раньше, говорить о ранней дате кобанских изделий вообще. Учитывая наличие на этом памятнике рубчатых браслетов, ранних форм фибул, шейных гривен, кинжалов, топоров, а также наконечников стрел и копий, т. е. всех самых ранних руководящих форм кобанской культуры, нельзя думать, что этот поселок был заселен позднее (археологически) уже оформившимися создателями основного ядра кобанской культуры. Даже допуская эту возможность в свете всего изложенного, мы не склонны раннюю дату Кобана уводить глубже XI в. до н. э. По нашему убеждению, кобанская культура окончательно сформировалась и бытовала на Центральном Кавказе с XI по IV в. до н. э., пройдя последовательно три этапа своего развития. И в укреплении этого мнения о современной датировке Кобана решающим моментом стали три анализа угля, установившие точные даты образования культурного слоя на кобанском поселении у с. Сержень-Юрт, подвергнувшегося сильному разрушению в VII в. до н. э. в результате штурма скифских полчищ.

Если изложенные посылки верны, можно представить, какое значение будет иметь уточненная датировка кобанской культуры для ее синхронизации с другими археологическими культурами Кавказа, взаимосвязи с которыми бесспорны. Больше того, отныне вещевые комплексы кобанской культуры могут служить определенными хронологическими эталонами для уточнения хронологии и разработки периодизации не только таких археологических культур Кавказа, как центральнозакавказская, колхидская, каякентско-харачоевская и прикубанская, но и полностью еще не изученной киммерийской культуры юга европейской части СССР.

E. I. Kroupnov

SUR LA DATATION PRECISEE ET LE CLASSEMENT CHRONOLOGIQUE DE LA CIVILISATION DE KOBAN DU CAUCASE DU NORD

Résumé

L'expérience centenaire de l'illustre civilisation de Koban du Caucase du Nord de la fin de l'Age du Bronze se caractérisait par une large amplitude de ses datations, à partir du XVe siècle jusqú à la limite de notre ère.

Il y a quelques années l'auteur a élaboré le classement chronologique de la civilisation de Koban se divisant en trois périodes: Iere période passagère de l'Age du Bronze à l'Age du Fer (à partir du XIe siècle jusqu'au IXe siècle avant notre ère); 2eme période de l'Age du Fer (à partir du IXe siècle jusqu'à la moitié du VIIe siècle avant notre ère); 3eme période — à partir de la deuxième moitié du VIIe (de temps des expéditions des Scythes à travers Caucase en Asie Antérieure jusqu'au IVe siècle avant notre ère (jusqu'à l'époque Sarmate).

La datation des deux premières périodes de cette échelle a été approuvée d'une façon éclatante par une série d'analyses radio-carboniques (C^{14}) du charbon extirpé d'une couche d'habitation d'un nouvel hameau de Koban découvert près du village Sergègne — Yourt dans la République autonome Tchétchéno-Ingouchétia) et complétement étudié.

La série est composée de 3 dates certaines:

2890 ± 75 = année 940 — moitié du Xe siécle avant notre ère.

2860 ± 60 = année 910 — fin du Xe siècle avant notre ère.

2620 ± 75 = année 670 — moitié du VIIe siècle avant notre ère.

La datation précisée du Koban servira d'etalon pour un nombre de civilisations simultanées du Caucase.

[30] В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.), стр. 86

А. П. МАНЦЕВИЧ

О ЩИТАХ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Самым простым и поэтому самым главным видом защитного оружия в древности были щиты. Однако в научных исследованиях им уделялось внимания меньше, чем какому-либо другому виду вооружения [1]. Целью настоящей статьи является предварительная публикация некоторых материалов, связанных с этой темой.

В 1913 г. Н. И. Веселовским при раскопке курганов в станице Елизаветинской на Кубани было найдено несколько железных «панцирей»: один, состоявший из полос, стоял снаружи у стенки каменного склепа в Южном кургане, второй (его длина до 0,7 *м*) лежал у восточного края стены на каменной плите вместе с железным мечом [2] и чешуйчатым поясом [3]. Третий «панцирь» был найден в 1914 г. на одном из скелетов в Северном кургане. Состоял ли этот «панцирь» из чешуек или полос, неизвестно. Н. И. Веселовский указывает лишь, что «панцирь» был «тяжелый» [4]. Несомненно, что первый «панцирь» из полос был щитом. Возможно, что щитом был и третий предмет, названный «тяжелым панцирем».

В кургане Солоха, раскопанном Н. И. Веселовским в 1912—1913 гг., тоже был обнаружен «панцирь» из железных чешуек [5].

В 1924 г. в Эрмитаж поступили материалы, оставшиеся неразобранными после смерти Н. И. Веселовского (в 1918 г.), из его раскопок в станице Елизаветинской, и среди них груда обломков, главным образом железных [6]. Однако часть указанных обломков оказалась принадлежащей предметам из кургана Солоха, например, рукоять одного из мечей [7], обломки бронзового пояса [8]. Это объясняется тем, что оба памятника — и курган Солоха, и курганы станицы Елизаветинской — исследовались Н. И. Веселовским в одни и те же годы. Поэтому обнаруженные среди материалов 1924 г. обломки оборонительного вооружения из железа — полос или чешуек — в одинаковой мере могут относиться и к кургану Солоха, и к обоим курганам станицы Елизаветинской [9].

Главную массу составляли обломки прямых железных полос. К некоторым из них на обратной стороне пристали чешуйки железного панциря, скрепленные окисью металла, густо покрывавшей все обломки. Из обломков удалось собрать части нескольких плоских щитов различной формы. Один из них, по-видимому, найден в Южном Елизаветинском кургане

---

[1] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ Д-1-4. М., 1964, стр. 78; Н. И. Сокольский. О боспорских щитах. КСИИМК, 58, 1955, стр. 14—25. Н. И. Сокольский вопроса о монометаллических щитах не касается.

[2] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 149, рис. 229 и стр. 151.

[3] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941, стр. 23, рис. 6 и стр. 29, № 13.

[4] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 155.

[5] Там же, стр. 121.

[6] Инв. № Ку 1913—1914 1/7.

[7] Инв. № Дн 1913 1/47.

[8] Инв. № Дн 1913 1/267, 268; Кр 1914 1/50, 171; Кр 1915 1/81.

[9] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 121, 151 и 155.

(«панцирь из полос»). Другой, названный «тяжелым железным панцирем», может быть, принадлежит комплексу Северного кургана [10].

«Елизаветинских» щитов оказалось больше, чем найдено было «панцирей» в курганах станицы Елизаветинской и Солохе, поэтому можно предполагать, что среди обломков «елизаветинских» щитов могут быть и обломки «панциря» (т. е. щита), происходящие из кургана Солоха, но ввиду невозможности определить, которые из щитов найдены в курганах

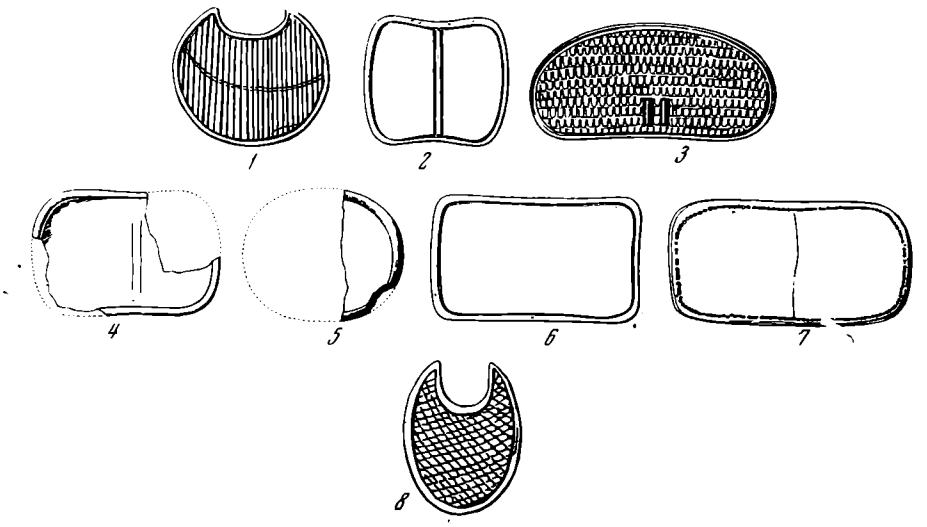


Рис. 1. Изображения щитов на предметах торевтики

1—3 — на гребне из кургана Солоха; *4—5* — на оболочке горита оттуда же; *6* — на воронежской вазе; *7* — на куль-обской вазе; *8* — на калафе из кургана Большая Близница

Солоха и которые в станице Елизаветинской, все описанные ниже щиты условно будут называться елизаветинскими. Во всяком случае отпадает повод для утверждения, что в Солохе «не было защитного вооружения» [11].

Основным свойством чешуйчатого панциря является его эластичность, которая обусловлена характером основы и способом крепления чешуек. Различная величина и форма чешуек зависели от их места на панцире; мягкими нитями (жилы или ремешки) чешуйки крепились на мягкую основу — кожу или ткань [12]. Коренным образом отличались от панцирей щиты из полос. Вопреки утверждению А. И. Мелюковой [13], они не имели основы; полосы соединялись наглухо проволочными скрепами, поэтому основа для них была не нужна; обратная сторона щитов обтягивалась кожаной подкладкой [14].

Елизаветинские щиты изготовлены из полос шириной 22—25 *мм* толщиной 2—3 *мм*; у каждого из них длина полос зависела от формы щита. Полосы расположены вертикально, как это видно на щите у побежденного всадника на гребне из кургана Солоха (рис. 1, *1*); полосы заходят одна на другую на 10—15 *мм*. При изготовлении щита они накладывались в направлении справа налево; скреплены они отрезками железной проволоки длиной около 20 *мм*, толщиной 3 *мм*. Концы скреп загнуты на обратной стороне щита и заходят один за другой (рис. 2, *1*).

[10] Щиты из полос обычно определялись археологами как панцири и не были должным образом описаны. ДП, II, Киев, 1899, стр. 19, табл. VII, № 155; А. А. Сидоренко. Скіфський курган на р. Удай. «Археологія», XVI, Київ, 1964, стр. 194, рис. 5. Хотя автор высказывает предположение что это был щит, но в то же время, видимо, склонен скорее считать его нагрудной частью панциря.

[11] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 83.

[12] Э. Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки Киевской губернии. ИАК, 14. СПб., 1905, стр. 56.

[13] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78.

[14] Э. Э. Ленц. Ук. соч., стр. 57.

При этом правый конец скрепы проходит через одну пластину, а левый — через две (как показано на схематическом рисунке 2, *2*). Скрепы расположены рядами в шахматном порядке. Расстояние между рядами 5—8 *см*. Подкладка обрамляла край щита и заходила на его лицевую сторону, образуя как бы кайму шириной 10—15 *мм*. Кожа была пришита к краю щита, как показывают отверстия (диаметром 1,0—1,5 *мм*) на концах пластин на расстоянии 10 *мм* от края, например, на щите IV (рис. 3, *4*).

Первый щит (рис. 3, *1*, 4) прямоугольной формы. Сохранились верхний и нижний края и правый нижний угол. Высота щита 42—43 *см*, ширина неизвестна, так как левый край не сохранился. Состоит из двух больших обломков; левый, шириной 21,5 *см*, склеен из 10 обломков и скреплен из 16 полос; правый, шириной 25 *см*, склеен из 13 обломков, составлен из 18 полос. Скрепы размещены в восемь рядов в шахматном порядке (скрытые окисью скрепы обозначены на рисунке пунктиром). На лицевой стороне следы кожаной подкладки в виде каймы. В могиле щит лежал на железном панцире, чешуйки которого повернуты лицевой стороной к обратной стороне щита и скреплены с ним окисью. О четырехугольных щитах — ἀσπίδια τετρανώνα — упоминают Свида и Плутарх [15].

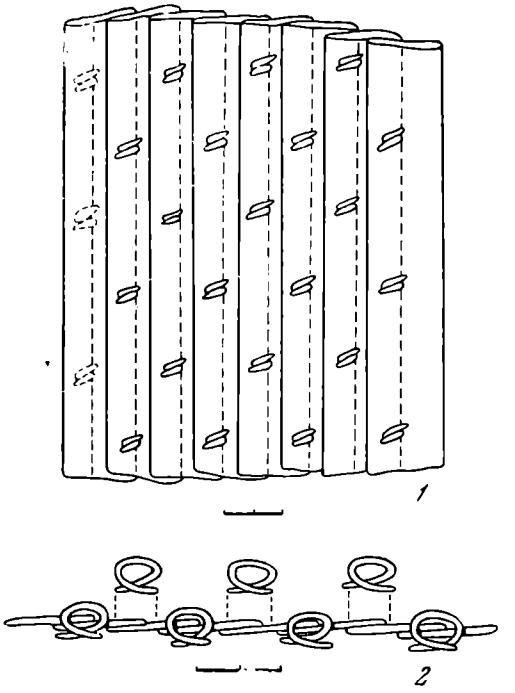


Рис. 2. Схема крепления щита из полос
1 — вид с обратной стороны; *2* — поперечный разрез

Второй щит (рис. 3, *2*) имел округлую форму. Сохранилась левая часть из десяти полос (из них девять неполных). Склеен из семи обломков. По краю кожаная подкладка в виде каймы, шириной 13 *мм*. Скрепы расположены семью рядами в шахматном порядке. Обращает внимание хорошо сохранившаяся деталь щита — полоса в форме сегмента, заканчивающая его левый край. Она изготовлена специально для данного места на щите и прикреплена двумя скрепами, место которых несколько нарушает шахматную схему расположения скреп. Размеры обломка: высота 32 *см*, ширина 16 *см*. Высота щита была около 35 *см*, ширина около 40 *см*.

Единственный известный нам круглый щит из станицы Костромской (с золотой фигурой оленя) был гладкий, если судить по рисунку [16], и имел большие размеры: его диаметр достигал 70 *см*. Можно предполагать, что елизаветинский щит имел выемку в верхней части, подобно пельте на гребне из Солохи у побежденного всадника (рис. 1, *1*); его щит, очевидно, из-за миниатюрных размеров предмета имеет только один ряд скреп [17]. Древние авторы сообщают много сведений о щитах греков, пер-

---

[15] DAGR, «Clipeus», стр. 1257 сл. Среди трофеев Павла Эмилия Плутарх называет фракийские четырехугольные щиты. Плутарх. Павел Эмилий. Перевод В. Алексеева, III, 1 [б. г.], стр. 97.

[16] ОАК за 1897 г., стр. 12, рис. 44.

[17] В работе «Гребень и фиала из кургана Солоха» (СА, XIII, 1950, стр. 219) мною ошибочно указано, что этот щит изготовлен из прутьев. В действительности же легкий щит был атрибутом пеших воинов и амазонок; например, на калафе из Большой Близницы, на лекифе Ксенофанта. На этих памятниках изображен плетеный щит.

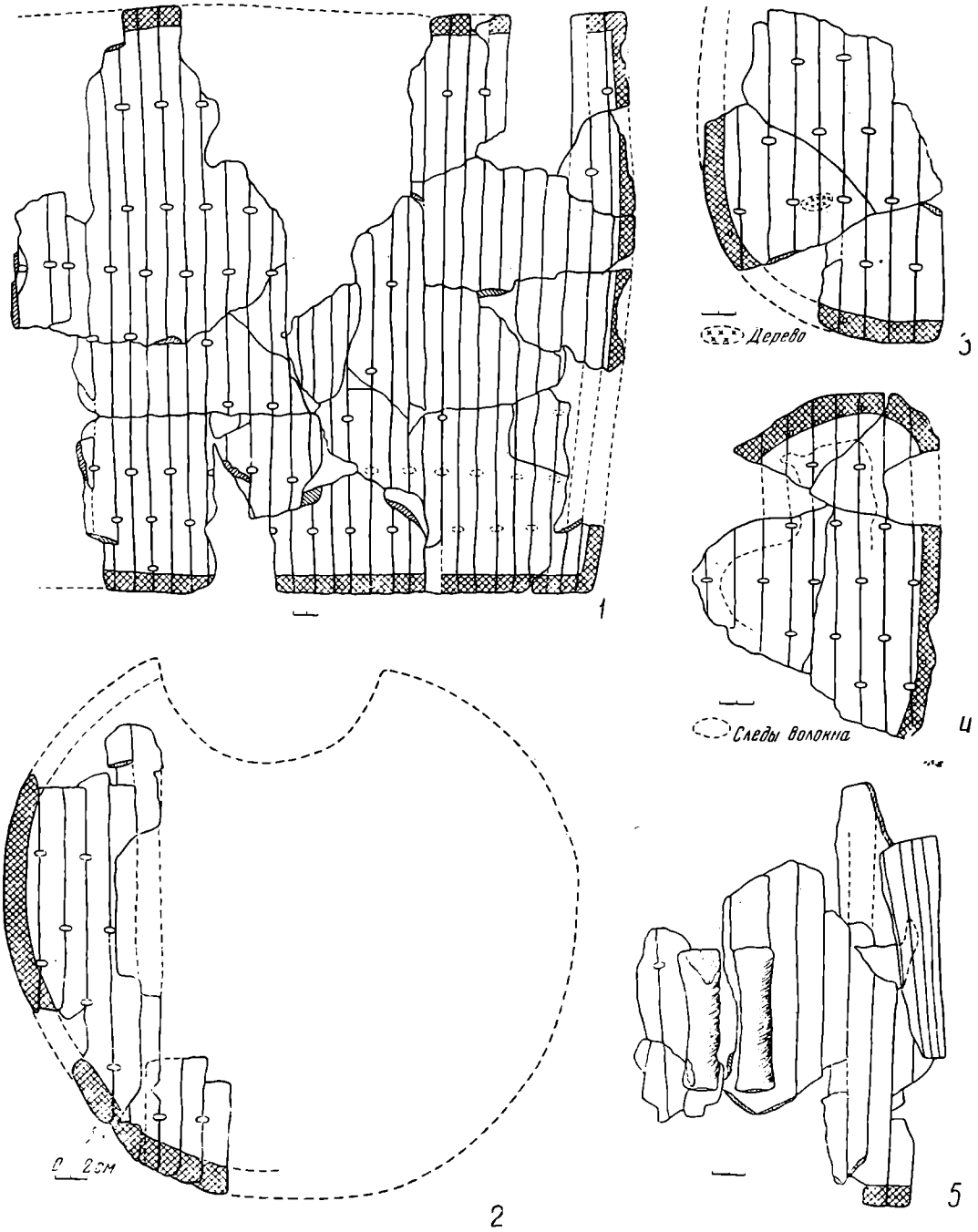


Рис. 3. «Елизаветинские» щиты

1 — прямоугольный; *2* — круглый; *3—4* — обломки нижней и верхней частей щитов; *5* — обломок средней части щита с трубочками, крепившими рукоятку

сов, фракийцев и других народов античного мира [18]. Греки употребляли главным образом круглые щиты большого диаметра, которые могли закрыть более половины фигуры воина. Таков, например, щит, изображенный на ножках из Чертомлыкского кургана. Пельта была щитом

Естественно, что у богатого всадника, изображенного на гребне, был более тяжелый, металлический щит. Это же предположение высказано и А. И. Мелюковой (А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78.).

[18] Thesaurus Graecae, linguae ab. H. Stefano constructus. Vol. sextum, Parisiis, 1829.

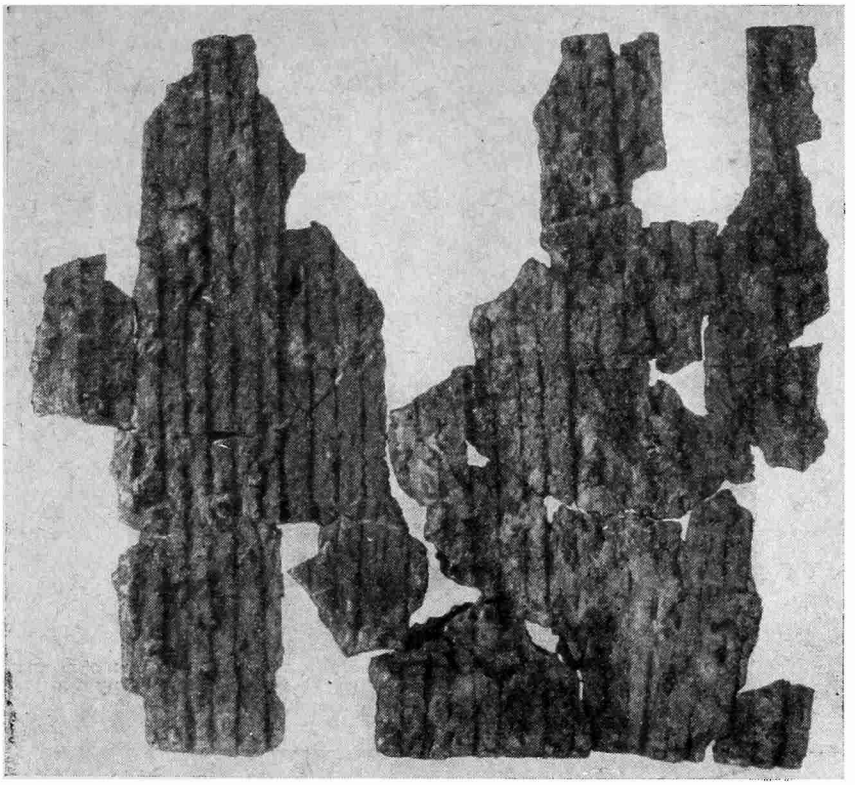


Рис. 4. Первый «елизаветинский» щит (прямоугольный)

фракийцев [19], но употреблялась и другими народами и была очень распространенной формой щита в античную эпоху, о чем свидетельствует не только специальный термин λελτασται для легковооруженного воина, но и многочисленные изображения его на памятниках искусства. В то же время в зависимости от рода войск представителями одного народа употреблялись щиты разной формы и величины. Например, у тех же фракийцев были щиты четырехугольные, о которых упоминает Плутарх, и круглые. Как видим, обе названные формы представлены первым и вторым елизаветинскими щитами.

От третьего щита сохранилось девять полос. Это обломок левой нижней части (рис. 3, *3*), у которой переход от бокового края к нижнему горизонтальному имеет плавный округлый контур. Склеен из четырех обломков; высота 20 *см*, ширина 14 *см*. Снаружи кайма кожаной подкладки и отверстия (видны только два) для ее прикрепления на расстоянии 8 *мм* от края. В средней части незначительные остатки дерева. На обратной стороне заметны остатки кожи. Скрепы размещены в четыре ряда. Сохранившаяся часть края показывает, что этот щит своей формой больше всего напоминает щит пешего воина на гребне из кургана Солоха (рис. 1, *2*).

Четвертый щит имел форму, близкую сердцевидной. Сохранилось девять полос — правая верхняя часть (рис. 3, *4*). Контур верхнего края к середине щита вогнут. Боковая сторона, как у предыдущего, несколько закруглена книзу. Склеен из четырех обломков, высота 21,3 *см*, ширина 14,8 *см*. По верхнему краю ряд отверстий для пришивания подкладки, которая каймой обрамляла края щита. Скрепы размещены пятью рядами. Плавные контуры этого щита также несколько напоминают щит пешего

[19] DAGR, Pelta. О разнообразии форм щитов у фракийцев свидетельствуют памятники искусства на территории Фракии. См. примеч. 22.

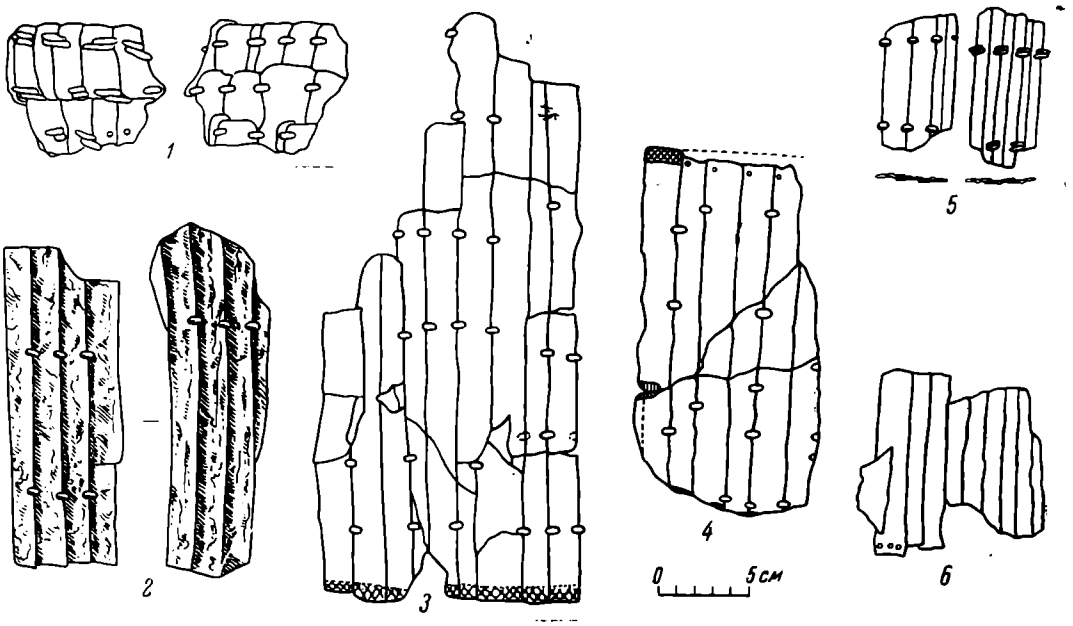


Рис. 5. Обломки щитов из курганов Северного Причерноморья

1 — чигиринский (лицевая и обратная стороны); *2* — аксютинский (в двух обломках); *3* — волковецкий; *4* — из Семибратнего кургана; *5* — из могилы на мысе Ак-Бурун в Керчи; *6* — из кургана № 18 у станицы Елизаветинской

воина на гребне из кургана Солоха (рис. 1, *2*), поэтому возможно, что вместе с предыдущим обломком он составлял один предмет.

Кроме описанных частей щитов имеется еще ряд обломков, из которых два наиболее интересны (прежде они составляли одно целое, но распались и в настоящее время не совпадают в изломе): к ним толстыми стержнями прикреплены две трубки длиной 8 *см*, шириной у концов 2,5 *см*, в середине 1,8 *см* (рис. 3, *5*). Концы стержней проходят через щит и загнуты на обратной стороне, заходя один за другой. На месте крепления трубок на полосы щита с обратной стороны подложена подкладка из кусков железного чешуйчатого панциря [20]. Чешуйки величиной 3× × 2,5 *см* расположены рядами, как на панцире. Такие же две трубочки изображены на щите всадника на гребне из кургана Солоха (рис. 1, *3*). В обоих случаях они, скорее всего, служили для крепления ручки щита. Оба обломка состоят из 13 полос, сильно погнуты, правый край завернут наружу.

Представленный материал, несмотря на его фрагментарность, свидетельствует о разнообразии форм железных щитов из полос.

Вопреки мнению, что «из защитного вооружения наиболее обычным является металлический чешуйчатый панцирь» [21], простота изготовления щита и его использования обусловила то, что он в сравнении с панцирем, несомненно, был наиболее широко распространен. Этим объясняются более частые изображения щитов, чем изображения панцирей [22].

В ряде курганов Северного Причерноморья найдены щиты аналогичной структуры. Приведу некоторые примеры.

Второй курган у с. Волковцы б. Роменского у. Полтавской губ., раскопанный С. А. Мазараки (рис. 5, *3*). Щит, названный панцирем [23], имел

[20] Аналогичная трубочка, укрепленная на массивных железных полосах, поступила в Эрмитаж из ГАИМК без указания происхождения. Инв. № 1900/48.

[21] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 80.

[22] Г. Кръстева-Кожарова. Указател на предмети изобразени върху антични паметници от България. София, 1958, стр. 79—80 (12 панцирей) и стр. 81—83 (28 щитов). На предметах торевтики также преобладают щиты.

[23] ДП, II, стр. 19, табл. VII, № 155.

прямоугольную форму подобно первому елизаветинскому. Найденные там же крестовидный налобник [24] и шаровидный сосуд с белой инкрустацией на черной лощеной поверхности [25] позволяют датировать погребение не позднее начала V в. до н. э. [26]

В четвертом Семибратнем кургане был найден единственный известный до сих пор щит из бронзовых полос [27]. От него сохранилось шесть обломков полос с мелкими отверстиями по краю. Разумеется, эти остатки не дают возможности определить форму щита, но являются важнейшим указанием на наличие бронзовых полосчатых щитов той же конструкции, что и железные.

В седьмом Семибратнем кургане найден обломок верхней части щита, также названного панцирем [28]. Обломок состоит из шести полос с пятью рядами скреп, расположенных попарно; склеен из трех кусков (рис. 5, *4*) [29]. Щит был прямоугольной формы и имел кожаную подкладку (видны четыре отверстия для ее крепления). Этот щит, как и елизаветинские, также не имел деревянной основы; его полосы скреплены неподвижно [30]. Датируется он тем же временем, что и найденный у Волковцев.

Щит из кургана Толстая или Тараканова могила близ с. Крячковка, Пирятинского р-на Полтавской области найден А. А. Сидоренко в 1959 г. Автор датирует его V—IV вв. до н. э. [31] Как видно по уцелевшему левому нижнему углу, обрамленному кожей [32], и этот щит также имел прямоугольную форму. Как указано в публикации, длина его была 1,1 *м*. Обломок состоит из девяти полос, соединенных такими же скрепами, как и елизаветинские щиты. Определение предмета у А. А. Сидоренко не совсем ясно. В подписи под рисунком [33] он назван панцирем, а в тексте сообщается, что это могла быть часть панциря, «а может быть, и щита» [34]. Из описания видно, что вместе со щитом в погребении находились также панцирь и пояс.

Обломки щита из первого кургана у с. Аксютинцы б. Роменского уезда Полтавской губ., раскопанного С. А. Мазараки (рис. 5, *2*). В отчете о раскопках обломки не упомянуты [35], но приведены в публикации А. И. Мелюковой [36]. Если эти обломки действительно принадлежат комплексу Аксютинского кургана, то по аналогии с Чертомлыкским курганом (головной убор, трубочка, бусы, перстень, браслет, колокольчик) [37] они могут быть датированы второй половиной IV в. до н. э.

---

[24] Там же, табл. XVI, № 316.

[25] Там же, табл. XXXIV, № 680.

[26] Этот щит приведен А. И. Мелюковой (А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78, примеч. 115), но в подписи под рисунком, где изображены пояса, он назван щитом под знаком вопроса (табл. II, *7*); ею же (примеч. 113) повторена ошибка Н. Е. Бранденбурга: в кург. № 486 у с. Мокиевки найден не щит, как сообщает Бранденбург (см. Н. И. Печенкин. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 131), а остатки пояса (А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, № 2, стр. 28. Инв. № Дн 1932 58/9); А. И. Мелюкова неправильно называет также щитом (А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 7, примеч. 114) три обломка железного чешуйчатого панциря из кург. № 499 у с. Басовки (Н. И. Печенкин. Ук. соч., стр. 154. Инв. № Дн 1932 12/3).

[27] Инв. № С.— Бр. IV, 17.

[28] ОАК за 1876 г., стр. 115 и 138. Инв. № 702 ДД. С.— Бр. 7, IV, 4.

[29] ОАК за 1876 г., Атлас табл. II, 20; воспроизведен нижний обломок.

[30] Не имел ее и щит, найденный В. Ф. Пешановым у Запорожья (А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78).

[31] А. А. Сидоренко. Ук. соч., стр. 191—194.

[32] Там же, стр. 193, рис. 5 (щит по ошибке повернут основанием влево).

[33] Там же, стр. 193.

[34] Там же, стр. 194.

[35] Отчет РИМ за 1906 г. М., 1907, стр. 14—17.

[36] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78 — «Обломки полосчатой брони»; табл. 22, рис. 11 и 12 — «части... доспехов», хотя форма полос и их крепление те же, что у обычных пластинчатых щитов.

[37] Отчет РИМ, табл. I, *1*, *6*, *8*, *9*, *16* и табл. II, *19*, *22*.

Наиболее северной находкой щитов из полос в настоящее время являются обломки, обнаруженные в кург. 23/13 IV—III вв. до н. э., исследованном П. Д. Либеровым в группе Частых близ Воронежа [38].

Несколько отличаются от елизаветинских два железных полосчатых щита облегченного типа. В могиле на мысе Ак-Бурун в Керчи найдены два обломка. Размеры: 8,0 × 4,0 и 9,3 × 4,0 *см*. Описаны они как «обломки железных лат» или «чешуйчатый панцирь» [39]. Каждый обломок состоит из трех полос (ширина полосы 15—16 *мм*), неподвижно соединенных скрепами, которые расположены двумя рядами (рис. 5, *5*). Расстояние между рядами 5 *см*. На обратной стороне следы кожи, приставшей к железу. Эти тонкие полосы своей формой отличаются от панцирной чешуи и имеют продольный выгиб в виде слабо выраженного ребра. Крепление то же, что и на щитах. Поэтому представляется возможным определить их как часть щита облегченного типа. Датируется погребение, как и аксютинское, второй половиной IV в. до н. э. (панафинейская амфора, монета Александра Великого) [40].

В кург. № 18 станицы Елизаветовской на Дону найдена «пластинка из железных панцирных пластинок» [41]. Приводится А. П. Мелюковой как возможная «принадлежность щита» [42]. Этот обломок состоит из десяти полос шириной 8 *мм*, длиной до 9,3 *см*, концы их обломаны (рис. 5, *6*) Толщиной и формой крепления полос обломок напоминает предыдущий и также мог принадлежать легкому щиту. Пластинки из ак-бурунского (рис. 5, *5*) и елизаветовского погребений (рис. 5, *6*) настолько тонки, что должны иметь очень небольшую длину; они похожи на чешуйки и, может быть, являются частью чешуйчатого щита, сходного со щитом, изображенным на гребне из кургана Солоха (рис. 1, *3*).

Вероятно, такому же щиту принадлежали и железные пластинки-чешуйки 400 или 401 Чигиринского кургана. Они наглухо скреплены бронзовой проволокой и имеют размеры 4,5 × 2,5 *см* (рис. 5, *1*). Поэтому едва ли прав Э. Э. Ленц, который считает их панцирями грубой отделки с «неуклюжим и непрочным скреплением» при помощи проволоки. Грубость и архаичность проволочных связок он относит за счет «местной туземной работы с ее первобытными, твердо укоренившимися приемами» [43].

Щиты разной конструкции и формы представлены на предметах торевтики: на воронежской вазе — гладкий, прямоугольный щит со срезанными углами (рис. 1, *6*) [44]; близкий к овальному, также гладкий щит — на куль-обской вазе (рис. 1, *7*) [45]. На горите из кургана Солоха изображены небольшие щиты у двух пеших воинов (рис. 1, *4*, *5*). У одного видна обратная сторона щита, подобного куль-обскому и воронежскому; у второго щит овальный, гладкий (видна небольшая его часть). Наконец, три щита представлены на гребне из Солохи (рис. 1, *1—3*): один гладкий, почти прямоугольный, с двумя вогнутыми сторонами, второй овальный, из чешуек и третий, изготовленный из полос, круглый, с выемкой вверху —

[38] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону. М., 1965, стр. 26 и 31, табл. 21, *4*, *8*. Определены как «панцирные пластины».

[39] ОАК за 1875 г. стр. XXXIII—XXXV; ОАК за 1876 г., стр. 7, № 13 и стр. 113. Атлас, табл. II, *11*, *12*. Инв. № 702 ВВ, АкБ. 37. У М. И. Ростовцева (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 388) они также значатся как «чешуйчатая панцирная рубашка».

[40] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 388.

[41] А. А. Миллер. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году. ИАК, 56, Пг., 1914, стр. 236, рис. 33. Инв. № ТЕ 1911, 115.

[42] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78. Ошибочно указано, что пластина составлена не из железных, а из бронзовых чешуек.

[43] Э. Э. Ленц. Ук. соч., стр. 57—58.

[44] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 34, Пг., 1914, табл. III, *4*.

[45] Там же, табл. III, *7*; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности. 2, СПб., 1889, стр. 143, рис. 120.

пельта; она изображена также и на калафе из Большой Близницы (рис. 1, *8*).

Небольшие гладкие щиты изготовлялись из легкого материала (дерево) и обтягивались кожей [46]; они употреблялись пешими воинами. Большие гладкие щиты (подобно изображенным на воронежской и кульобской вазах) были, очевидно, принадлежностью вооруженных копьями всадников. Также принадлежностью всадников были и еще более тяже-

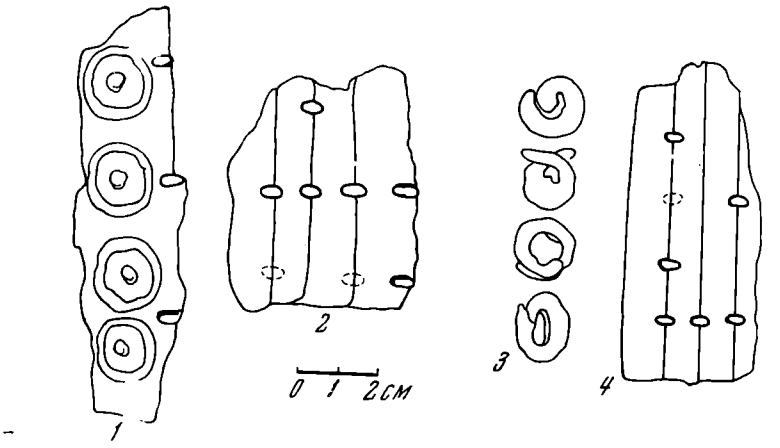


Рис. 6. Обломки «панцирей» из района Шумен в Болгарии

1—2 — у с. Браничево (два обломка); *3—4* — у с. Янково (один железный обломок и четыре бронзовые скрепы)

лые щиты — металлические, из полос или чешуек. Примером служит щит у всадника на гребне из Солохи (рис. 1, *3*) с такими же двумя трубочками, как на одном из елизаветинских щитов.

В Западном Причерноморье находки щитов из полос не отмечены. Поэтому большой интерес представляют встреченные во фракийских некрополях Браничева, Янкова и Кьолмен обломки предметов защитного вооружения из железных полос, определяемые исследователем Цветаной Дремсизовой как обломки панцирей. Так, в кург. № 10 близ с. Браничево (60 *км* севернее г. Шумен) часть обломков «панциря» состоит из полос шириной 23—25 *мм*, наложенных одна на другую и соединенных проволочными «колечками» — скрепами (рис. 6, *1*, *2*) [47]. Полосы украшены рельефными кружками с выпуклой серединой. На обратной стороне полос — остатки ткани. На каждой полосе скрепы расположены сплошными рядами, как на ак-бурунском щите. В той же гробнице найдено бронзовое украшение в зверином стиле [48], аналогичное найденным в Огузе, Крайове и Панагюрище, и серебряная чаша с начертанными на ней фракийскими именами [49]. По форме чаша аналогична серебряной чаше из кургана Карагодеуашх [50]. Цв. Дремсизова датирует находку концом IV или началом III в. до н. э.

Вторая аналогичная находка на территории Фракии была сделана в третьем кургане у с. Янково (23 *км* к югу от г. Шумен). Здесь обломки «панциря» из железных полос шириной 1,4 *см* в отличие от всех упомянутых ранее украшены бронзовыми кружками [51]. Полосы наложены одна

---

[46] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78.

[47] Цв. Дремсизова. Некрополь Браничево. ИБАИ, 25, София, 1962, стр. 173—175, рис. 12 на стр. 174. Выражаю глубокую благодарность тов. Дремсизовой за присланные фотоснимки и сообщение сведений о найденных обломках (в письмах и в устной беседе 7 VII 1967).

[48] Там же, стр. 174, рис. 13.

[49] Там же, стр. 75, рис. 14.

[50] Древности Южной России. МАР, 13, СПб., 1894, табл. V, *3*.

[51] Цв. Дремсизова. Надгробни могили при село Янково. ИБАИ, XIX, София, 1955, стр. 75, рис. 19.

на другую и соединены бронзовыми скрепами (рис. *6*, *3*, *4*). Сопровождающие находки — чернолаковые сосуды и фракийская фибула — датируют курган у с. Янково второй половиной IV в. до н. э.[52] Тем же временем датируется третий «панцирь», найденный в кургане с. Кьолмен (Шуменского округа)[53].

Способ крепления полос и отчасти размеры (ширина 23—25 *мм*) болгарских «панцирей» те же, что у елизаветинских щитов (ширина 22—25 *мм*), и как будто говорят в пользу того, что это тоже были щиты. Однако вызывает недоумение наличие ткани на «панцире» из Браничева, поэтому, не видя оригиналов, определить назначение шуменских находок представляется затруднительным.

Техника изготовления щитов из полос и чешуек, равно как и чешуйчатых панцирей, очень близка, поэтому можно сказать с уверенностью, что изготовлялись эти предметы защитного вооружения одними и теми же мастерами. Б. Н. Граков считает железные панцири с Каменского городища продукцией местных мастеров[54], как и древнейшие железные предметы, найденные на пространствах Восточно-Европейской равнины. Они изготовлены из кричного железа, добытого из болотной руды[55].

Согласно общепринятой точке зрения, в Боспорском царстве были широко развиты ремесла. Его столица Пантикапей была центром, где греческими мастерами изготовлялись из золота и серебра такие шедевры античной торевтики с изображениями скифов, как куль-обская, воронежская и чертомлыкская вазы, гребень и горит из Солохи и т. д.[56]. По предположению Е. О. Прушевской, некоторые изделия торевтики, например фиала из Солохи, были изготовлены в Пантикапее «мастером, привлеченным, может быть, на Боспор из фракийско-македонского района»[57]. Поэтому можно было бы предполагать, что «привлеченными» из Фракии и Македонии изготовлялись и предметы вооружения — панцири, щиты и т. д., изображенные на этих памятниках, тем более что район Керчи богат железной рудой.

Однако в древности столица Боспорского царства называлась «Пантикапей», или «Рыбный путь»[58], потому что рыбные ресурсы были основой его экономики, а его рудные богатства или совсем не разрабатывались, или их разработка была совсем незначительной. Только в период возникновения Тмутараканского княжества, «когда на собственной местной железорудной базе получило широкое развитие железокузнечное дело, город стал называться «Корчев» («Город кузнецов»)[59]. Вопрос осложняется еще двумя обстоятельствами. Как указывает В. Ф. Гайдукевич, в условиях античной металлургической техники использование керченской руды в силу ряда ее свойств было очень затруднено или даже совсем невозможно. Поэтому он предполагает, что на Боспор руда или металл доставлялись или из Криворожья, или из Малой Азии[60]. Представляется более вероятным и естественным, что источником железа, как и золота и серебра, был также север Балканского полуострова, с которым экономические и культурные связи Северного Причерноморья и Боспора в античную эпоху были особенно тесными[61]. Немаловажным является еще

[52] Там же, стр. 82.

[53] Устное сообщение Цв. Дремсизовой 7 VII 1967 г.

[54] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 124—127, табл. XVII, *6*.

[55] Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. СА, 1958, 4, стр. 3—9.

[56] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 443.

[57] Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. АГСП, I, М.—Л., 1955, стр. 339.

[58] В. И. Абаев. Παντικάπαιον. Изследвания в чест на Акад. Димитър Дечев. София, 1958, стр. 183—189.

[59] Там же, стр. 189.

[60] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 116—117.

[61] См. примеч. 70.

и тот факт, что железные предметы различного назначения, найденные в Северном Причерноморье, нередко имеют золотую или серебряную оболочку. Примерами служат панцири из второго кургана группы Частых близ Воронежа [62] и второго Семибратнего кургана [63], нож и пояс из Куль-Обы [64], псалии из второго Мастюгинского кургана [65]. Наконец, ряд вещей из Александропольского кургана: псалии [66], панцирь [67], два плоских навершия с изображением крылатой богини (лицевая сторона покрыта золотом, обратная — серебром) [68]. Но особенно часто встречаются в инвентаре богатых курганов Северного Причерноморья железные мечи с покрытыми золотом рукоятками.

Все эти изделия исполнены в одной технике, но в разном стиле; различно и их качество, мастерство исполнения; однако все они указывают на широкое использование одновременно железа, золота и серебра как мастерами-художниками (нож, мечи), так и простыми кузнецами-ремесленниками (навершия, панцири, пояса, конские псалии) — благородных металлов, которые были так же им доступны, как и железо, и, очевидно, в значительном количестве добывались в тех же областях, где изготовлялись и перечисленные железные предметы военного и конского снаряжения и где был достаточно высоким уровень и техники добычи металлов, и их обработки. Поэтому нам представляется наиболее вероятным локализовать такие области на юге.

А. И. Мелюкова полагает, что железные панцири не могут считаться местным изобретением, появились они в Скифии, «вероятно, из области древневосточных цивилизаций» (ассирийцы, хетты) [69]. По нашему мнению, нет необходимости искать столь отдаленный источник появления панцирей при наличии культурно родственных и географически близких областей Подунавья и севера Балканского полуострова. Как было отмечено, экономические и культурные связи Северного Причерноморья в скифскую эпоху были особенно интенсивны с античным миром, и не только с самой Грецией, но и с ее северными соседями, жителями богатого металлами Подунавья, культурно родственными племенам Скифии. С. А. Жебелев считал, что одним из источников притока золота на Боспор были, «скорее всего, Фракия или Малая Азия» [70]. Добыча металлов во Фракии, как известно, была главным занятием бессов. Они добывали золото, серебро и главным образом железо [71]. Из эпоса мы узнаем о развитии кузнечного дела у фракийцев, в частности об изготовлении ими железного оружия [72]. Тесно связан с использованием железа и на нем основан культ Ареса во Фракии. Вопросам древней добычи и обработки железа на юге Европы и в Подунавье много уделялось внимания в ряде исследований последних лет [73].

---

[62] Инв. № До 1910 2/II—24.

[63] ОАК за 1876 г., Атлас, табл. II, *15—16*.

[64] А. П. Манцевич. О скифских поясах, стр. 26, рис. 9.

[65] Инв. № До 1906 1/22—23. ОАК за 1906 г., стр. 110.

[66] Инв. № Дн 1855 1/143. 687 (ДГС. Атлас, I, табл. VII, *9*) и № Дн 1856 1/22—23, 629—630 (Там же, табл. XIV, *3*).

[67] Инв. № Дн 1855 1/169, 568, 610, 780. Там же. Атлас, I, табл. XI, 14,

[68] Инв. № Дн 1851 1/1—2. Там же, Атлас, I, табл. I, *1—2*.

[69] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 73.

[70] С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 143.

[71] W. Tomaschek. Die alten Thraker. I, Wien, 1893, стр. 76; Const. Ireček. Archäologische Fragmente aus Bulgarien. Archäologisch — epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich — Ungarn..., Jahrgang X, Wien, 1886, стр. 75—85; А. С. Шофман. История античной Македонии. I, Казань, 1960, стр. 80, 92—93.

[72] J. Wiesner. Die Thraker. Stuttgart, 1963, стр. 33—35; А. С. Шофман. Ук. соч., стр. 89.

[73] О древних рудниках Македонии и Фракии VI—IV вв. до н. э. см.: А. С. Шофман. Ук. соч., стр. 44—45, 79, 105, 119, 124, 126, 129; В. Миков. Тракийски накитни предмети V—IV вв. до н. э. ИБАИ, 17, 1950, стр. 155. О железе на Балканах см. также: Epaminonda Crivelli. Il ferro nei poemi di Omero e di Esiodo. «Histria», 1933,

В альпийских и дунайских областях отдельные предметы из железа появляются с IX в. до н. э.[74] Разработки железа древнейших эпох засвидетельствованы на Мароше в долине р. Черны, в области Хунедоара и Потаиссы[75]. В римскую эпоху в Дакии изготовлялось железное оружие для римских солдат[76]. Особенно много древних разработок обнаружено в Далмации (Динарские Альпы); известны железные рудники в Винче[77]. Наряду с железом здесь добывались золото, серебро, бронза, свинец, ртуть, мышьяк. Железные рудники были одной из главных причин прихода римлян в Далмацию.[78]

Возникает ряд вопросов: не могли ли природные залежи железа вместе с золотом и серебром на Балканах обусловить использование человеком этих металлов в том же сочетании, не находился ли на Балканском полуострове центр производства упомянутых «полиметаллических» предметов вооружения и быта, найденных в курганах скифской эпохи? И наконец, не были ли елизаветинские («монометаллические») щиты изготовлены теми же умельцами? По нашему мнению, изложенное выше дает положительный ответ на поставленные вопросы.

A. P. Mantcevitch

SUR LES BOUCLIERS DE L'EPOQUE DES SCYTHES

Résumé

Parmi les matériaux des fouilles des tumulus Solokha et Elisavétinskié entreprises en 1913—1917 par N. I. Véssélovski il y a des fragments des objets en barres de fer fixés solidement par des tirants en fer ayant les traces du cuir à l'envers. J'ai réussi à rassembler de ces fragments les parties des boucliers d'une forme diverse. Etablir la place précise de la trouvaille des boucliers dans les tumulus Solokha et Elisavetinskié — cela se révèle impossible. Les restes des boucliers de la technique semblable en bronze et en fer étaient souvent retrouvés dans les kourganes scythiques du littoral nord de la mer Noire, mais ordinairement ils étaient considérés comme cuirasses.

Les fragments des plaques en fer du tirant analogique, de toute évidence les boucliers aussi, sont trouvés dans les tumulus de Bulgarie, pourtant l'auteur de ces trouvailles les détermine comme cuirasses.

La ressemblance des images des boucliers d'une pareille forme et d'une technique semblable sur les objets de la toreutique que nous estimons parvenus de la Thrace et de la Macédoine aussi bien que les témoignages des auteurs anciens sur les lieux de l'extraction du fer et de la production des armes permettent de considérer les boucliers en question comme importés sur le littoral de la mer Noire des régions de Thrace et de Macédoine.

2, стр. 270—289; K. Horedt. Die Verwendung des Eisens in Rumänien. Dacia, Нов. сер., VIII, 1964, стр. 119—132. Тема обработки железа фракийскими кузнецами трактуется в статье: E. Oberhummer. «Thrake», PWK, VI A, 1936, стр. 401.

[74] John Alexander. Greeks, Italians and the Earliest Balkan Iron Age, «Antiquity», XXXV, 1962, стр. 123—130.

[75] И. Т. Кругликова. К вопросу о романизации Дакии. ВДИ, 1947, 3, стр. 213.

[76] A. Goetze. Eisen. RE, III, Berlin, 1925, стр. 61—62.

[77] И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 86.

[78] Милоје М. Васић. Крозкултурни слој Винче I. Споменик (С—100) Српска Академија наука, Нов. сер., 2, Београд, 1950, стр. 56; Esad Pašalič. O antickom rudarstvu u Bosni i Herzogovini. Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu. Archeologija. Нов. сер., IX, Sarajevo, 1954, стр. 47—72. Резюме на стр. 73—75. Карта рудников на стр. 63. Рудникам римской эпохи посвящена статья: Dimitrije Sergejevski. Rimski rudnici željeza u severozapadnoj Bosni. Glasnik, XVIII, Sarajevo, 1963, стр. 85—100. Резюме на стр. 100—102. Там же приведена литература. O. Davies. Ancient Mines in the Central Balkans. «Revue international des études balcaniques», Beograd, 1938, стр. 405—418.

А. И. ШКУРКО

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО ХИЩНИКА В ИСКУССТВЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

Лесостепная Украина богата памятниками скифского звериного стиля. Однако в архаических комплексах изображения свернувшегося хищника встречаются редко, а ведь это один из самых популярных мотивов скифского искусства [1]. Для VI в. до н. э. нам известно лишь два изображения из курганов близ с. Дарьевка и Васильково на Правобережье и из Старшой могилы на Полтавщине [2]. Оба они украшают наконечники ножен мечей и в литературе рассматривались только с этой стороны [3].

Бронзовый наконечник ножен короткого меча из Старшой могилы был опубликован В. А. Ильинской, но изображение было определено неточно [4]. Позднее мы интерпретировали его как изображение свернувшейся пантеры [5]. Перед нами действительно вариант этого мотива. Своеобразие состоит в том, что зверь здесь не свернут в кольцо, а в соответствии с вытянутой подтреугольной формой наконечника как бы сломан пополам (рис. 1). К сожалению, наконечник в верхней части обломан, что несколько затрудняет определение всех деталей изображения [6]. Голова хищника, занимающая верхнюю часть поля, выполнена традиционно — с размещением на одной линии ноздри, глаза и уха. Длинная, с орнаментально трактованной гривой шея и узкая полоска туловища обрамляют подтреугольное поле наконечника, середина которого заполнена поджатыми к телу ногами. Лапы переданы полукольцами. Короткий хвост, видимо, был загнут под морду. Плечо и бедро подчеркнуты завитками, а суставы ног — маленькими треугольниками. Итак, мы имеем изображение свернувшегося хищника кошачьей породы (судя по условно переданной гриве,— льва), выполненное в своеобразной технике. Наконечник литой. Изображение совершенно плоское, решенное в графической манере. Причем фон, образованный широкими врезанными линиями, довольно глубокий, что придает изделию ажурный вид. Подобная техника не характерна в целом для скифского искусства Северного Причерноморья. В лесостепи в архаический период она представлена только на жаботинских костяных пластинах [7], зато широко встречается на художественных изделиях Кавказа [8]. Весьма своеобразно также художественное решение некоторых деталей.

[1] G. Borovka. Scythian Art. London, 1928, стр. 45; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 118.

[2] Смела, II. СПб., 1894, стр. 132, рис. 13; В. А. Іллінська. Курган Старша могила — памъятка архаічної Скіфії. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 196—212, табл. III, *7*.

[3] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, стр. 61—62.

[4] В. А. Іллінська. Ук. соч., стр. 202.

[5] В. Б. Виноградов, А. И. Шкурко. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время. «Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях». М., 1963, стр. 43, рис. 1, *5* (в подписи под рисунком ошибка).

[6] Мы пользуемся фотографией из альбома коллекции Д. Я. Самоквасова.

[7] ДП, III, Киев, 1900, табл. LXI, *539—540*; М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2, рис. 2.

[8] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 459, табл. XXXVII; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XVII, *8*; XX, *4*.

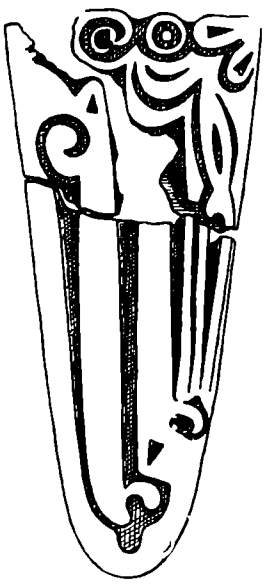


Рис. 1. Бронзовый наконечник из кургана Старшой могилы

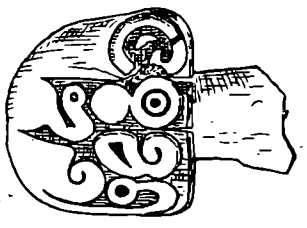


Рис. 2. Костяной наконечник ножен из курганов между с. Дарьевка и Васильково

У льва отсутствует пасть: ей не осталось места. Это характерно для скифских художников VI в. до н. э., которые, в отличие от своих восточных коллег, передавали образ свернувшегося в кольцо хищника в очень компактной схеме. Достаточно сравнить известные майэмирские золотые пластинки и особенно золотую застежку из Сибирской коллекции с изображениями достаточно свободно «свернутых» барсов и очень компактные и трудные для восприятия образы тех же зверей в Келермессе [9], у которых мы видим тонкий, куцый хвостик без завитка на конце. На костяной бляшке из архаического погребения на Темир-горе у пантеры пасть совершенно отсутствует, ее место занял завиток хвоста [10]. Глаз передан двумя концентрическими кружками. Прием, характерный для многих произведений скифского искусства, особенно головок зверей на костяных псалиях VI в. до н. э., но редко встречающийся в изображениях хищников (известен нам у барсов, пантер и львов из Дарьевки — Васильково, рис. 2, Келермесса [11] и Саккызского клада [12]). В такой же технике, но в форме завитка выполнена ноздря. Аналогии остаются те же, исключая келермесскую пантеру. Ухо дано как бы двойное. Известны разные варианты такой трактовки уха в ранних памятниках скифского звериного стиля [13]. Все они, видимо, перерабатывают самостоятельный мотив этого стиля — копыто лошади [14]. У изображений кошачьих хищников очень близкую трактовку уха мы видим опять же в Саккызском кладе — у львов на золотой пекторали [15]. И наконец, только памятники переднеазиатского искусства помогают понять декорировку щеки нашего льва двумя изогнутыми линиями. Ничего подобного в Северном Причерноморье нет. Если же исходить из изображений кошачьих хищников на серебряном блюде из Зивийе [16] или костяной головки собаки (?) из Кармир-Блура [17], то можно предположить, что перед нами схематичная передача или утолщения гривы, отделяющего последнюю от морды льва в произведениях ассиро-урартского искусства [18], или, скорее

[9] Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 12, рис. 7, 9, табл. 35.

[10] Там же, стр. 16, рис. 16.

[11] Там же, табл. 22, 24.

[12] R. Chirshman. Le Trésor de Sakkez, les origines de l'art Méde et les bronses du Luristan. «Atribus Asiae», XIII, 3, 1950, стр. 181—206, рис. 7; R. Ghirshman. L'Iran des Origines a l'islam. Paris, 1951, стр. 90, табл. III, *1*; Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 80, рис. 45.

[13] Сокровища скифских курганов..., табл. 5, 35; Смела, II, СПб., 1894, стр. 132, рис. 12; табл. XVIII, *4*; ДП, III, табл. XLIX, L, LI.

[14] Сокровища скифских курганов..., стр. 12, рис. 7 (справа); ДП, III, табл. LXI, 542.

[15] A. Godard, Le Trésor de Ziwiyé (Kurdistan), Haarlem, 1950, рис. 33; С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, табл. XIII, *3*.

[16] R. Ghirshman. Le Trésor de Sakkez..., стр. 186—188, рис. 9, 10; С. И. Руденко, Ук. соч., стр. 42, рис. 32.

[17] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 91, рис. 58; см. также стр. 111, рис. 76.

[18] E. Akurgal. Urartäische Kunst. «Anatolia», IV, Ankara, 1959, стр. 76—114.

всего, морщин под глазом, столь же типичных для этого круга изображений. Это, кстати, лишний раз подтверждает, что на наконечнике из Старшой могилы изображен лев. В этой связи можно также предположить, что трактовка его морды совсем без нижней челюсти помимо общей причины, отмеченной выше, может вытекать и из особенностей изображения морды львов в переднеазиатском, особенно урартском, искусстве, когда массивному тупому носу со сложной графической разработкой ноздрей и складок кожи над верхней челюстью противостоит на другой стороне широко раскрытой пасти значительно более легкая и менее выступающая нижняя [19]. Ей-то в компактной схеме свернувшегося льва и не осталось места.

Точных аналогий рисунку гривы мы не знаем. Орнаментальная передача гривы (шерсти) чаще всего параллельными или изогнутыми линиями хорошо представлена в VI в. до н. э. и не только на изображениях львов. Это относится ко всем упомянутым выше кошачьим хищникам из Зивийе [20], к некоторым фигурам животных на келермесской секире [21], к некоторым изображениям на кобанских бронзовых пряжках [22]. Следует упомянуть также посульские орлиноголовые бляхи и кое-какие костяные псалии [23]. Остается отметить, что прием выделения плечевого и бедренного поясов особым завитком более типичен для восточных районов скифо-сибирского стиля, хотя достаточно представлен и на Северном Кавказе [24].

Таким образом, изображение льва из Старшой могилы выглядит весьма своеобразным среди памятников лесостепной Скифии. Несомненна его связь с самыми ранними произведениями скифского искусства, отмеченными сильным переднеазиатским влиянием. Датировка первой половиной VI в. до н. э. [25] не вызывает сомнений.

Эта характеристика может быть применена и ко второму свернувшемуся хищнику кошачьей породы, украшающему костяной наконечник ножен из кургана у с. Дарьевка и Васильково (рис. 2). Изображение также очень компактно, дано в рельефе, но без моделировки туловища. Очень своеобразна композиция. Непропорционально большая голова хищника не оставила места для задней части тела. Зверь оказался как бы лежащим на спине с высоко поднятой головой и хвостом. Ближайшие аналогии опять находим среди вещей из Зивийе, особенно в украшении золотого наконечника ножен [26]. Трактовка голов двух геральдически сопоставленных хищников (вероятно львов), изображенных только до середины туловища, удивительно близка нашему образцу. Очень похожи уши, глаза, щеки, ноздри, а также пропорциональные решения. Только пасть у хищника из Дарьевки выполнена несколько иначе, в манере, близкой келермесским пантерам. Вполне вероятно, что мы имеем здесь дело с переработкой передних частей голов хищников саккызского круга, у которых ноздри и пасть передаются условно, в виде зигзагообразной фигуры, восходящей, вероятно, к элементам лотосного орнамента [27]. Наконечник но-

---

[19] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, рис. 40, 41, табл. XXII, XXV, XXXVI.

[20] Мы придерживаемся принятой большинством исследователей датировки погребения в Зивийе концом VII в. до н. э.

[21] Сокровища скифских курганов..., табл. 12—15, 17; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, табл. LIV, LV.

[22] П. С. Уварова, Ук. соч., табл. XX, *4*; CXVII, *8*.

[23] В. А. Іллінська. Скіфська вузда VI ст. до н. э. «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 56, рис. 14, *9*.

[24] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. CXVI, *7*; CXVII, *8*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 154, рис. 17.

[25] В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., стр. 212.

[26] R. Ghirshman. Le Trésor de Sakkez..., рис. 7; Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, рис. 45.

[27] Сравни пасть льва на пекторали с ассирийской трактовкой лотосного орнамента. С. И. Руденко. Ук. соч., рис. 57 и табл. XIII, *3*.

жен из Зивийе показывает, на наш взгляд, еще начальный момент переработки популярной древневосточной композиции, причем применительно только к этой категории декорируемых предметов [28]. Характерно, что, выполненная в формах скифского стиля при соблюдении его основного художественного принципа — полного заполнения украшаемого пространства, старая композиция уже не влезает в ограниченную площадь наконечника. Б. Б. Пиотровский неточен, когда говорит об изображении здесь двух хищников, стоящих на задних лапах [29]. Таким образом, практическая задача украшения круглых и овальных плоскостей требовала новых композиционных решений. Думается, что наконечник из Дарьевки отражает один из моментов создания новой схемы. Об этом свидетельствует не только одинаковая трактовка головы хищника, но и приблизительное сохранение пропорций и элементов композиции. Так, наиболее странным кажется выполнение задней части туловища. Нога или вообще отсутствует (тогда завиток передает ягодицы зверя), или неестественно вывернута назад.

Наши наблюдения потверждают мысль Н. Л. Членовой о возможности появления обеих основных поз кошачьего хищника (припавшего к земле и свернувшегося в кольцо) путем выделения и переработки (сгибания и разгибания) полусогнутых львов древневосточных геральдических композиций [30]. В трактовке образа в обеих позах нет заметной разницы. Любую из келермесских свернувшихся в кольцо пантер можно «разогнуть» и получить обычное изображение припавшего к земле хищника. Может, не случайно один из самых ранних свернувшихся барсов на костяной бляшке из погребения на Темир-горе (середина VII в. до н. э.) [31] изображен, собственно говоря, не свернувшимся в кольцо, а «припавшим» к кольцу. Конкретные особенности композиционного решения во многом определялись формой предмета. Примером переходного состояния геральдической композиции в процессе ее переработки может служить оформление устья ножен меча из того же Саккызского клада, где оба зверя (вероятно, зайцы), выполненные уже в формах скифского стиля, даны в полусогнутом состоянии, подчеркивающем форму устья и соответственно перекрестья акинака [32]. Причем звери отделены друг от друга массивной рефленой полосой, которая делает их композиционное единство условным. Прекрасной иллюстрацией полного распадения композиции является украшение серебряного зеркала из Саккызского клада [33], на котором львята в позе припавшего к земле хищника в верхнем ряду изображены вертикально, повернутыми друг к другу, а в нижнем даны уже следующими друг за другом.

Однако второе положение Н. Л. Членовой о появлении основных поз, применяемых для изображений хищников кошачьей породы в скифском искусстве, в памятниках древневосточного искусства задолго до сложения искусства скифского кажется недоказанным. Наоборот, рассмотренные изображения из Саккыза и лесостепной Скифии показывают, на наш

---

[28] О самом сюжете и его распространении в скифском искусстве см. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 254; Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, 63, Пг., 1917, стр. 49—53; И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 51.

[29] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 80.

[30] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, стр. 127.

[31] Сокровища скифских курганов..., стр. 16, рис. 16. Дата погребения, установленная Шефольдом (K. Schefold. Der skythische Tierstiel in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938, стр. 7), подтверждена последними исследованиями родосско-ионийской керамики. Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966, стр. 14.

[32] A. Godard. Le Trésor de Ziwiye, стр. 29, рис. 39.

[33] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 42, рис. 32.

взгляд, еще процесс сложения этих поз (схем), в частности схемы свернувшегося в кольцо хищника. Наконечник из Старшой могилы убедительно свидетельствует, что в основе изображения здесь лежит образ льва, заимствованный из урартского или ассирийского искусства.

Естественно, что образы и льва и барса были чужды жителю лесостепной Скифии и не получили здесь в VI в. до н. э. самостоятельного развития, во всяком случае в рамках этого мотива. Кажется не случайным, что оба изображения оказались на наконечниках ножен мечей. Давно уже известна целая группа костяных наконечников ножен, происходящих из Египта и Передней Азии, украшенных фигурами свернувшихся животных[34]. Датировка их определяется аналогиями на персепольских рельефах VI — V вв. до н. э., где акинак с подобным наконечником ножен является типичным оружием мидийцев и саков[35]. Как известно, основная форма скифского меча с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием имеет переднеазиатское происхождение[36]. Вероятно, на иранском Востоке, на периферии Ассирийского царства, в период пребывания здесь причерноморских скифов сложились не только форма и способ ношения меча-акинака, но и принцип украшения ножен, особенно их наконечника, фигурой свернувшегося в кольцо хищника. В Скифии иранский короткий меч и его характерные ножны подверглись быстрой переработке, большинство ножен не только не имело расширения на конце, но и вообще изготовлялось без наконечника[37]. Естественно, что исчезла и традиция украшения расширенного конца звериными изображениями.

Значительно богаче представлен мотив свернувшегося в кольцо хищника в памятниках лесостепной Скифии конца VI—1-й половины V в. до н. э. Причем в трактовке образа наблюдаются существенные различия, позволяющие выделить несколько групп изображений, связанных, вероятно, с влиянием разных художественных центров. Прежде всего надо назвать золотые бляшки из кург. № 2 у с. Яблоновка на Киевщине и бронзовые уздечные из кург. № 2 у с. Волковцы на Полтавщине[38]. Б. Н. Граков, описывая изображения свернувшихся хищников из Яблоновки, справедливо отметил, что мотив «здесь дан в архаической четкой обработке»[39]. По сути дела это прямое развитие традиционных изображений VI в. до н. э., классических для Причерноморья образцов этого мотива из Келермесских курганов. Можно думать, что появление их в лесостепи объясняется тесными связями и сильным культурным влиянием Прикубанья[40]. Характерны плотная компоновка, экономная простота и четкость контуров. Особенно интересна близость келермесским образцам в трактовке морды хищника, а также в моделировке туловища. В этом отношении стиль изображений из Волковцев представляется более рафинированным и поздним. Курган № 2 у с. Яблоновка датируется началом V в. до н. э.[41], од-

---

[34] M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China, London, 1929, табл. II, *2*, *4*; E. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 265, рис. 367; R. D. Barnet. A Review of Acquisitions 1955—1962 of Western Asiatic Antiquities. «The British Museum Quarterly», XXVI, N 3—4, London, 1963, табл. XV.

[35] E. F. Schmidt. Persepolis., I, Chicago, 1953, табл. 64, 65 и др.

[36] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 61.

[37] Там же, стр. 62, 63.

[38] Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова. Тр. СА РАНИОН, II. М., 1928, стр. 69—78, табл. VI, 9; ДП, II, Киев, 1899, табл. XVI, *316*.

[39] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 76.

[40] Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 170; В. А. Іллінська. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури посульсько-донецького лісостепу. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 59 сл.

[41] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 77.

нако золотые бляшки еще во многом связаны с художественными традициями предыдущего столетия. В целом эта группа свернувшихся хищников кошачьей породы (вероятно, барсов) отличается от более ранних изображений рядом новых моментов: когтистые лапы, некоторая сглаженность рельефа, появление дополнительных орнаментальных элементов в виде орлиной головки на конце хвоста, который теперь занимает единственно возможное положение — перед мордой. Все эти признаки характерны для стиля V в. до н. э. вообще.

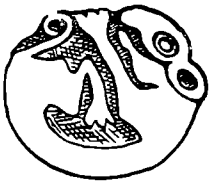


Рис. 3. Бронзовая бляшка из кург. № 482 у с. Басовка

Вероятно, к этой группе следует отнести и свернувшегося в кольцо барса (?) на клыке из Посулья, хотя при сохранении старой, традиционной трактовки образа здесь появляются новые приемы стилизации: усиление плеча и бедра птичьими головками, пальметка в центре. На клыке имеется также орнамент типа «бегущей волны». Эти чисто орнаментальные мотивы могут свидетельствовать о греческом влиянии [42], а возможно, и о производстве в одном из северопонтийских центров.

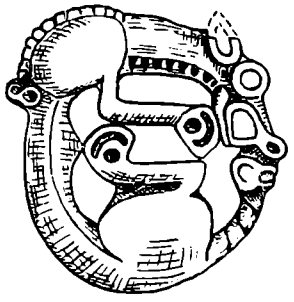


Рис. 4. Бронзовая бляшка из кург. № 499 у с. Басовка

Вторая группа изображений свернувшегося хищника кошачьей породы представлена в лесостепи пока тремя бронзовыми бляшками из кург. № 482 у с. Басовка на Суле (рис. 3). Нетрудно заметить их прямую связь со свернувшейся пантерой на ольвийской крестовидной бляхе [43]. С. И. Капошина прекрасно определила стилистические особенности последнего изображения и связала их с влиянием античного искусства [44]. Следует только добавить характерный композиционный признак этой группы — своеобразное положение передней ноги. Недавно Н. А. Онайко выступила за пересмотр традиционного взгляда на ольвийское производство крестовидных блях [45]. Один из ее доводов сводится к тому, что свернувшийся хищник из Ольвии большинство аналогий имеет в лесостепном Приднепровье и Северо-Восточном Причерноморье. Однако в первом районе только пантеры из Басовки являют полную аналогию. Изображения на медальонах бляхи из Опишлянки стоят очень близко стилистически, но все-таки дают пантер в другой позе, в сцене терзания [46]. И совсем далеко от ольвийской бляхи изображение свернувшегося хищника на упомянутом выше клыке, хотя оно тоже в какой-то степени отражает влияние греческого искусства. Аналогии из второго района, представленные все геральдическими композициями из двух хищников, к нашему мотиву прямого отношения не имеют. Не заостряя внимания дальше на этом вопросе, подчеркнем самое главное для нас: факт несомненного греческого влияния на разработку традиционного скифского сюжета. Следуя принятой пока большинством исследователей точке зрения на происхождение крестовидных блях, мы условно можем назвать эту группу изображений ольвийской. Время ее существования, видимо, конец VI — начало V в. до н. э.

Наконец, третья группа представлена целой серией изображений на бронзовых уздечных бляхах из кург. № 491 у с. Макеевка, № 398 у с. Жу-

---

[42] Сокровища скифских курганов..., стр. 34; А. П. Манцевич. Деревянные сосуды скифской эпохи. «Археологический сборник», 8. Л.— М., 1966, стр. 36—37.

[43] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956, стр. 173, рис. 16.

[44] Там же, стр. 175.

[45] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 172.

[46] Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приуралям в архаїчну та классичну епохи? «Археологія», I, Київ, 1947, стр. 33, рис. 5.

ровка на Правобережье, из кург. № 499 у с. Басовка и № 8 Частых курганов на Среднем Дону[47]. Все они украшают бляхи одного типа и выполнены в ажурной технике, что сразу отличает их от всех рассмотренных выше изображений свернувшихся хищников (рис. 4). Животные трактованы суше, кажутся более вытянутыми. Это вызвано изменением самой схемы: фигура вписана в овал, чтобы замкнуть его, приходится растягивать изображение. Особенно удлиняется хвост. Зверь как бы вцепился в него. По-новому трактуется и голова: прижатое заостренное ухо, крупный глаз, длинная, широко раскрытая пасть с ноздрей в виде кружка. Во всем облике зверя есть что-то волчье. Характерна условная передача шерсти на шее и особенно на загривке, в основании которого изображена маленькая птичья головка. Она-то и имеет решающее значение для выявления прототипа всей группы.

Совершенно ясно, что птичья головка не могла самостоятельно появиться на этом месте. Ничего подобного скифский звериный стиль не знает. Зато ее происхождение прекрасно объясняется из сравнения всех хищников третьей группы с известным волкоподобным зверем на бляхе из погребения № 3 кургана Кулаковского в Крыму[48]. Не вызывает сомнений их общая близость. Это касается и схемы, и деталей, и стилистических приемов. Изображения хищников из лесостепи переданы только несколько схематичнее и менее декоративно. Очень похожие бляхи из Макеевки и Басовки (рис. 4) дают нам первый этап переработки южного образца: сохраняется общая трактовка образа, но исчезают такие детали «усиления», как птичья головка на бедре и фигура горного козла на плече. Отсутствует изображение признака пола, что полностью соответствует принципам скифского звериного стиля. От фигурки горного козла на плече остался только рог с птичьей головкой на конце. Свернувшиеся хищники из Журовки и Частых курганов представляют уже простое копирование двух предыдущих изображений. В передаче деталей чувствуется схематизм, дальнейшая потеря первоначальной органической определенности.

Видимо, дальнейшую схематизацию этого типа, а точнее, изображения из кург. № 8 Частых курганов дают свернувшиеся в кольцо хищники на бляшках из кург. № 10 у с. Русская Тростянка[49]. Реальный образ зверя почти потерян, как и связь с прототипом. Весь этот материал подтверждает мысль Б. Б. Пиотровского о возможности сильнейшей схематизации и искажения изображения при многократном копировании[50].

Предложенная выше последовательность изображений не вызывает принципиальных возражений и с точки зрения хронологии комплексов. Все лесостепные находки, исключая Русскую Тростянку, относятся к первой половине V в. до н. э., причем кург. № 491 у с. Макеевка — к началу века[51]. В таком случае не позднее должна датироваться бляха из кургана Кулаковского. Приблизительно так ее и датируют большинство исследователей: Г. Боровка — VII — VI вв. до н. э.[52], М. И. Ростовцев —

---

[47] А. А. Бобринской. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, 14. СПб., 1905, стр. 6, рис. 6; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965, рис. 2, 198; Гос. Эрмитаж, Дн. 1932 12/17; Дн. 1932, 12/10.

[48] Сокровища скифских курганов, табл. 78; G. Borovka. Scythian Art, табл. 13.

[49] П. Д. Либеров. Ук. соч., табл. 24, 20, 21.

[50] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 120.

[51] В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М., 1967, стр. 92—93. Только курган № 8 в группе «Частых курганов» датирован П. Д. Либеровым (П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 28) рубежом VI—V вв до н. э. В свете нашего исследования эта дата занижена и не является достаточно обоснованной.

[52] G. Borovka. Scythian Art, стр. 35.

концом VI — началом V в. до н. э.[53], В. А. Ильинская — началом V в. до н. э.[54]. Правда, М. И. Артамонов склонен к более поздней дате, считая бляху связанной уже со следующим этапом в развитии скифского искусства[55]. На наш взгляд, в стилистическом решении образа хищника из кургана Кулаковского нет ничего специфически позднего. Подчеркнутая орнаментальность образа, достигнутая обилием дополнительных изображений, находит полное соответствие в ряде памятников конца VI — начала V в. до н. э. (золотые бляшки с изображением барсов из Витовой могилы и Опишлянки, серебряные и бронзовые псалии из кург. № 2 Ульского аула)[56]. Причем в этих произведениях заметно греческое влияние (и в технике инкрустации зеленоватым стеклом, и в трактовке некоторых образов)[57]. Мы не можем согласиться с Н. А. Онайко, когда она хочет выделить бляху из кургана Кулаковского как совершенно своеобразное произведение в искусстве Северного Причерноморья[58]. Правильную характеристику этого изображения и его связи с группой художественных изделий из курганов Прикубанья дал К. Шефольд[59]. В близкой стилистической манере выполнено еще одно произведение скифского искусства, недавно открытое в Крыму: верхняя часть золотой обкладки колчана из Ильичевского кургана[60]. Необычно сложная композиция рельефного фриза сближается с хищником на бляхе и некоторыми золотыми пластинками из Семибратних курганов единой тенденцией к насыщению ограниченного изобразительного поля целым рядом отдельных образов, не всегда сюжетно взаимосвязанных, к усилению орнаментальной стороны в трактовке звериного образа. Так, даже олень не избежал здесь «усиления». А. М. Лесков справедливо связывает золотую обкладку с деятельностью боспорских мастерских[61]. К этому же художественному кругу должна принадлежать и бляха из кургана Кулаковского.

В свете изложенного представляется плодотворной идея Н. А. Онайко о важной роли Боспора, тесно связанного с Прикубаньем, в производстве некоторых художественных изделий для лесостепной Скифии уже с конца VI в. до н. э.[62] Несомненно, что разработка нового образа свернувшегося в кольцо хищника, отмеченного волчьими чертами, происходила в Северо-Восточном Причерноморье. Это подтверждается, кстати, находками бронзовых бляшек в Ставропольском кургане на Северном Кавказе[63] и в кургане на мысу Ак-бурун (раскопки 1862 г.) в Крыму[64]. Изображенные свернувшиеся хищники при сильной и самостоятельной переработке первоначального образа все-таки сохранили самый существенный для нас момент — трактовку загривка в виде рифленой полоски с завитком в основании. Появление нового типа изображения свернувшегося хищника не обошлось, вероятно, без восточных влияний. Это касается самой схемы и общего характера трактовки образа. Для восточных районов скифо-сибирского стиля с самого начала были характерны ажурные изображения со свободной компоновкой фигуры, часто в овальной схеме.

---

[53] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, СПб., 1918, стр. 65.

[54] В. А. Іллінська. Скіфськи сокиры. Археологія, XII. Київ, 1961, стр. 44.

[55] Сокровища скифских курганов, стр. 30.

[56] Там же, табл. 56; Г. Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, рис. 47, 48.

[57] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 166; Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, 34. СПб., 1914, стр. 33.

[58] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 163.

[59] K. Schefold. Der skythische Tierstiel, стр. 48.

[60] А. М. Лесков. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. СА, 1968, I, стр. 158—165, рис. 7.

[61] Там же, стр. 165.

[62] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 172.

[63] Гос. Эрмитаж. Кр 1883 1/8.

[64] l'Art Russe des Scythes à nos jours. Trésors des Musées Soviétigues. Grand Palais, Oktobre 1967 — Janvier 1968, рис. 58; ОАК за 1862 г., стр. XIV.

В савроматском искусстве образ кошачьего хищника рано приобретает волчьи черты [65].

Этой третьей группой, происхождение которой не обошлось, как показывает бляха из кургана Кулаковского, без влияния боспорской или близкой ей мастерской, и заканчивает интересовавший нас мотив свое существование на территории лесостепной Скифии, причем на большей ее части уже в первой половине V в. до н. э. Только на Среднем Дону изображения свернувшихся хищников, чрезвычайно условные и схематичные, живут еще долго, во всяком случае весь V в. до н. э. [66] Это особенно относится к соседней территории ананьинской культуры, где известен целый ряд подобных изображений.

Итак, лесостепная Скифия не является родиной мотива свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы, хотя он появляется здесь еще в первой половине VI в. до н. э. Ранние изображения малочисленны и отражают сильное переднеазиатское влияние. С конца VI — начала V в. до н. э. в разработке мотива начинают принимать участие северопонтийские ремесленные центры, прежде всего Ольвия и Боспор. Местное искусство лесостепи или просто копирует южные образцы или подвергает их некоторой переработке, не приводящей, однако, к появлению оригинальных художественных образов.

A. I. Chkourko

SUR L'IMAGE D'UN FAUVE ROULE EN BOULE DANS L'ART DES SCYTHES HABITANTS DES STEPPES BOISEES

Résumé

Le motif d'un fauve de race féline dans l'art des habitants des steppes boisées de la Scythie du VIe siècle avant notre ère est peu représenté et n'est guère remcontré que sur les embours des fourreaux d'épées. L'analyse des images démontre leur lien direct aves les monuments scythiques de l'Asie Antérieure. C'est là que de toute evidence s'est formée la tradition d'orner les fourreaux d'épées d'une figure d'un lion roulé en boule. Cette image est apparue dans les steppes boisées de la Scythie en même temps que l'akinakglaive iranien.

Les images d'un fauve roulé, souvent aux traits de loup, sont plus nombreuses en Ve siècle avant notre ère. Il ets à indiquer les trois groupes d'images principaux dont les particularités stylistiques sont marquées par l'influence des différents centres artistiques (d'Olbia, du Bosphore et du bassin du Kouban).

Le motif d'un lion ou d'un guépard roulé était au total étranger à l'art des régions de steppe boisée de la Scythie. En imitant et en transformant les modèles méridionaux les artisans du terroir n'ont pas crée d'images artistiques originales.

---

[65] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 243.

[66] Курган № 10 у с. Русская Тростянка датируется V—IV вв. до н. э.; П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 28.

Л. А. СОЛНЦЕВ, Р. Б. СТЕПАНСКАЯ, Л. Д. ФОМИН, Б. А. ШРАМКО

О ПОЯВЛЕНИИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЧУГУНА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Одним из неясных вопросов древней истории металлургии в Восточной Европе является вопрос о появлении первых изделий из чугуна на этой территории. В древней Руси домонгольского периода местные мастера, видимо, совершенно не применяли этот металл для изготовления каких-либо вещей и даже, как полагает Б. А. Колчин, не были знакомы с ним в виде отходов металлургического производства [1]. Однако это не исключает появления отдельных привозных изделий из чугуна на территории Восточной Европы не только в эпоху раннего средневековья, но даже и в более раннее время. Некоторые историки полагают, что в раннем железном веке европейские металлурги не умели получать чугун вследствие того, что не могли создать в сыродутном горне достаточно высокую температуру. [2] Но дело совсем не в этом.

После того, как человек научился добывать железо при помощи редукции в сыродутном горне, не существовало непреодолимых препятствий для получения чугуна. Некоторое количество чугуна могло получаться даже помимо желания древних металлургов, так как образование жидкого чугуна в сыродутном горне [3] начинается уже при температуре 1140—1150° С. Такие случаи археологически зафиксированы уже в памятниках второй половины III тысячелетия до н. э. Так, в одном из жилищ поселения Геой-Тепе в иранском Азербайджане найден кусок белого чугуна [4]. Этот слиток, получившийся случайно в ходе сыродутного процесса, содержит 3,51% С и плавится при температуре 1250° С. Таким образом, дело было не в температуре, не в трудностях получения чугуна, а в том, что вначале в большинстве стран его не умели использовать.

Не решен окончательно вопрос о применении чугунного литья европейскими мастерами античной эпохи. Отдельные находки слитков чугуна этого времени [5] интересны, но сами по себе они недостаточны для решения вопроса об использовании чугуна. Павсаний, как известно, относил открытие способа сознательного получения жидкого железа, т. е. чугуна, к VI в. до н. э., связывая это изобретение с именем Федора Самосского [6]. Не совсем четкие указания имеются и у других античных авторов (Аристотель, Теофраст, Плиний), но и эти тексты толкуются противоречиво [7] и свиде-

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 52.

[2] Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 205.

[3] А. А. Байков. Физико-химические основы способов прямого восстановления железа и руд. Избранные труды. М., 1961, стр. 80.

[4] T. Burton Brown. Iron Objects from Azarbaijan. «Man», L, 4, 1950, стр. 7—9.

[5] R. T. Tylecote. Metallurgy in Archaeology. London, 1962, стр. 202, 243.

[6] Paus., III, 12, 10.

[7] Р. В. Шмидт. Очерки по истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции. ИГАИМК, 108, 1936, стр. 309, 310; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 82; O. Olshausen. Über Eisen in Altertum, PZ, 7, 1915, стр. 31—39; R. Pleiner. Základy slovanského železářského hutnictvi v českých zemich. Praha, 1958, стр. 132; A. Krawczuk, J. Piaskowski. Metalurgia w pismach Arystotelesa. KHKM. VI, 3 1958, стр. 323.

тельствуют лишь о том, что если в античном мире и знали чугун, то древние авторы не имели о нем достаточно четкого представления. В связи с этим очень важен каждый археологический факт, который в какой-то мере может пролить свет на картину использования чугуна в древности.

В 1962 г. была опубликована статья М. С. Синицына, в которой сообщается о находках слитков чугуна, содержащего 3,3% С. Они обнаружены на поселении в урочище Вершина Одесской области, в помещении, которое автор считает древней кузницей [8]. Однако уже отмечалось, что объяснение помещения с печью как «мастерской по обработке железа» (кузницы) и особенно датировка его VI в. до н. э. вызывает большие сомнения [9]. Действительно, непонятно, почему в кузнице оказались чугунные плитки («болванки»), которые не поддаются ковке; почему шлаки из соседней водомоины связываются именно с этой мастерской, если в ней, даже в печи, шлаков нет? Трудно объяснить также отсутствие здесь отходов кузнечного производства. В самом комплексе «мастерской по обработке железа» в урочище Вершина найдена среди прочих вещей и керамика средневекового типа [10]. Кроме того, автор вообще отмечает наличие на поселении средневекового татарского слоя [11]. Наконец, можно еще добавить, что указания на возможную добычу чугуна из керченской руды не подтверждаются никакими конкретными находками. Исследователи древней металлургии Пантикапея не отмечают никаких фактов подобного рода [12].

Более интересны находки, сделанные в 1964 г. при раскопках А. И. Мелюковой на поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Беляевского района Одесской области. На этом поселении греко-варварского типа, принадлежавшего, возможно, каллипидам, в непотревоженных слоях, которые содержали большое количество античной керамики, на глубине от 0,70 до 1,0 *м* найдены три обломка котлов (рис. 1, *а—г*). Эти обломки были любезно переданы нам А. И. Мелюковой для всестороннего исследования [13].

Поверхность обломков была покрыта толстым слоем земли, пропитанной ржавчиной. Этот слой сравнительно легко удаляется механическим путем, обнажая металл с большим количеством мелких пор и раковин. Заметно, что на внутренней стороне фрагментов пор и раковин значительно меньше, чем на наружной. Из трех фрагментов два представляют собой обломки стенок размером 14×9,4 и 16×11 *см*, а третий — обломок венчика котла размером 13 × 9,5 *см*. Венчик имеет плоский край и утолщен до 8,5 *мм* (рис. 1, *б*). Толщина стенок у обломков котла колеблется от 4 до 6,5 *мм*.

От каждого из кусков был отделен небольшой образец металла для макро- и микроструктурного исследования и химического анализа. Спектральный анализ производился при помощи спектрографа ИСП-28 на тех же образцах, что и микроисследование.

Изломы образцов имеют ярко выраженный кристаллический характер (рис. 2, *а*). В изломах видны поры, часть которых имеет окисленную поверхность. На макрошлифах первого и третьего фрагментов видно, что пористость в основном располагается у внешней поверхности котла (рис. 2, *в*), а у фрагмента № 2 поры более или менее равномерно распределены в массе металла (рис. 2, *б*).

---

[8] М. С. Синицын. Раскопки в урочище Вершина, близ с. Ильинка Одесской обл. в 1946—1947 гг. МАСП, Одесса, 1962, стр 150—161.

[9] Б. А. Шрамко. Появление и освоение железа в Восточной Европе. Сб.: «Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР», IV, Харьков, 1965, стр. 225.

[10] М. С. Синицын. Ук. соч., стр. 159, рис. 6—11.

[11] Там же, стр. 152.

[12] И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, 1957; О. Ю. Круг, Н. В. Рындина. К вопросу о железной металлургии Пантикапея, МИА, 103, 1962.

[13] Акт от 15 марта 1965 г. Находки из раскопа № 1, кв. 13 и граница кв. 12 и 13.

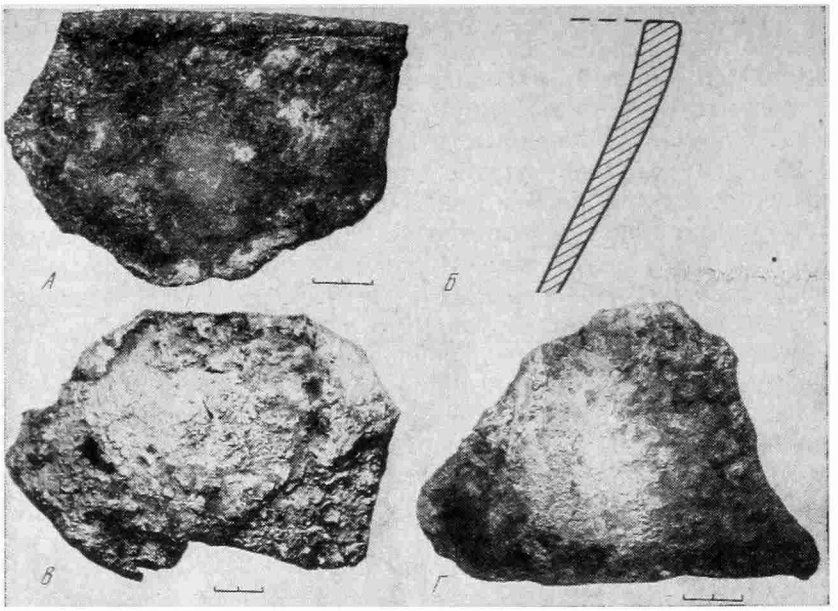


Рис. 1. Обломки котла, найденные на поселении у с. Николаевки

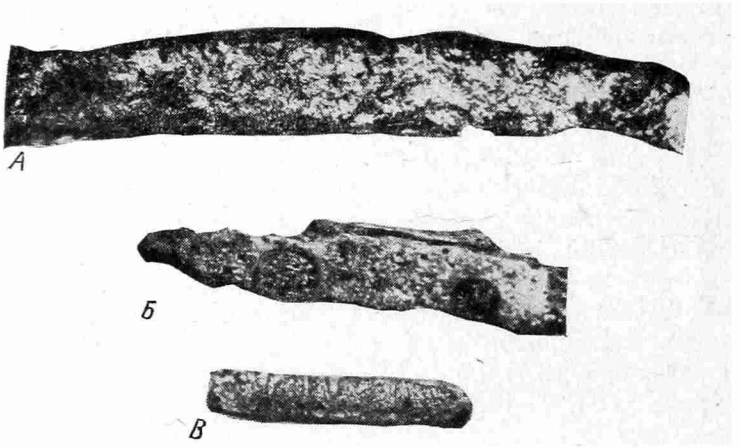


Рис. 2. Изломы образцов (фото 2*а* — увел. 3; фото 2*б*—*в*— увел. 2,5)

При микроисследовании нетравленных шлифов фрагментов № 1 и № 3 было установлено, что в металле имеется много пор округленной формы, небольшое количество междендритного пластинчатого графита, крабообразный и звездообразный графит и шлаковые включения (рис. 3, *а*). При микроисследовании нетравленного шлифа фрагмента № 2 видны шлаковые включения округленной формы, два из которых имеют очень большие размеры (до 2 *мм*). Судя по цвету, эти включения имеют силикатный характер. Графит здесь не имеет звездообразной формы (рис. 3, *б*).

Травление 4%-ным спиртовым раствором HNO_3 выявило во всех шлифах характерную структуру заэвтектического белого чугуна с небольшой степенью распада цементита в звездообразный графит. Структурные составляющие: ледебурит, небольшое количество графита и первичный цементит (рис. 4*а*, *б*).

Результаты химического и спектрального анализов приведены в табл. 1 и 2.

Спектральный анализ производился преимущественно для того, чтобы уточнить, являются ли найденные на поселении в разных местах фрагменты обломками одного сосуда или нескольких. Как видно из приведенных

Таблица 1

№ обр.	Fe	$C_{общ}$	$C_{связ}$	Si	Mn	S	P	Cr
1	Осн.	4,24	3,87	0,07	—	0,02	0,14	0,03
2	»	5,0	Не опр.	0,1	Сл.	0,02	0,18	—
3	»	4,1	»	0,15	»	0,031	0,19	—

Таблица 2

№ обр.	Fe	Si	Ti	Ni	Mn	V	Mo	Co	W	As	Cu
1	Осн.	+	+	—	Сл.	—	++	—	—	—	+
2	»	+	+	—	»	—	++	—	—	—	+
3	»	+	+	—	»	—	++	—	—	—	+

Таблица 3

Предмет	Место находки и дата	Fe	Si	Mn	S	P	C
Топор	Нестеровский мог., VI—V в до н. э.	Осн.	0,05	0,005	—	0,126	0,029
Удила	Резино, Украина. Скифский курган	»	0,07	—	—	0,19	—
Наконечник копья	Сапогов, Украина. Курган скифский	»	0,0	0,0	—	0,16	—
Умбон	Венгрия, латенская эпоха	»	0,09	0,02	0,007	0,050	0,12
Нож	То же	»	0,08	0,06	0,006	0,088	0,50
Топор	Зильхестер, Англия, IV в.	»	Сл.	0,013	0,007	0,061	0,319
Гвоздь	Уилдеспул, Англия, II в.	»	Нет	—	0,013	0,114	0,07
Штифт	То же	»	0,060	Сл.	0,031	0,257	0,080

таблиц, состав металла всех образцов настолько похож, что позволяет говорить о принадлежности всех фрагментов одному котлу.

Химический анализ показывает, что чугун был получен в сыродутном горне с помощью древесного угля из руды типа бурых железняков, которые обычно использовались древними металлургами для получения железа. Доказательством этого является незначительное количество серы и повышенное содержание фосфора в металле, тем более, что при сыродутном процессе значительная часть его переходит в шлак. Отсутствие марганца или наличие его в виде следов, а также чрезвычайно низкое содержание кремния свидетельствуют о том, что чугун выплавлялся без применения флюсов.

Аналогичную картину дают анализы и многих других образцов древних железных изделий по данным ряда исследователей [14] (табл. 3).

Незначительное количество хрома, обнаруженное в одном из фрагментов котла из Николаевки, по-видимому, объясняется наличием его соединений в исходной руде. Малое содержание кремния привело к отбеливанию чугуна и получению ледебуритной структуры.

[14] Л. П. Васильева, Д. М. Нахимов. Исследование древних металлических изделий. СПМС, 5, М., 1953, стр. 33—39; J. Piaskowski. Technologia wyrobo'w żelaznych u dawnych Scytów. PT, LXXX, 18, Warszawa, 1959, стр. 26; Zoltay Endre. Néhány hazai La Téne-kori vastárgy metallográfiai vizsgálata. «Archaeologiai Ertesitö», 83, I, Budapest, 1956, стр. 44, 45; R. F. Tylecote. Metallurgy in Archaeology, стр. 242, 243.

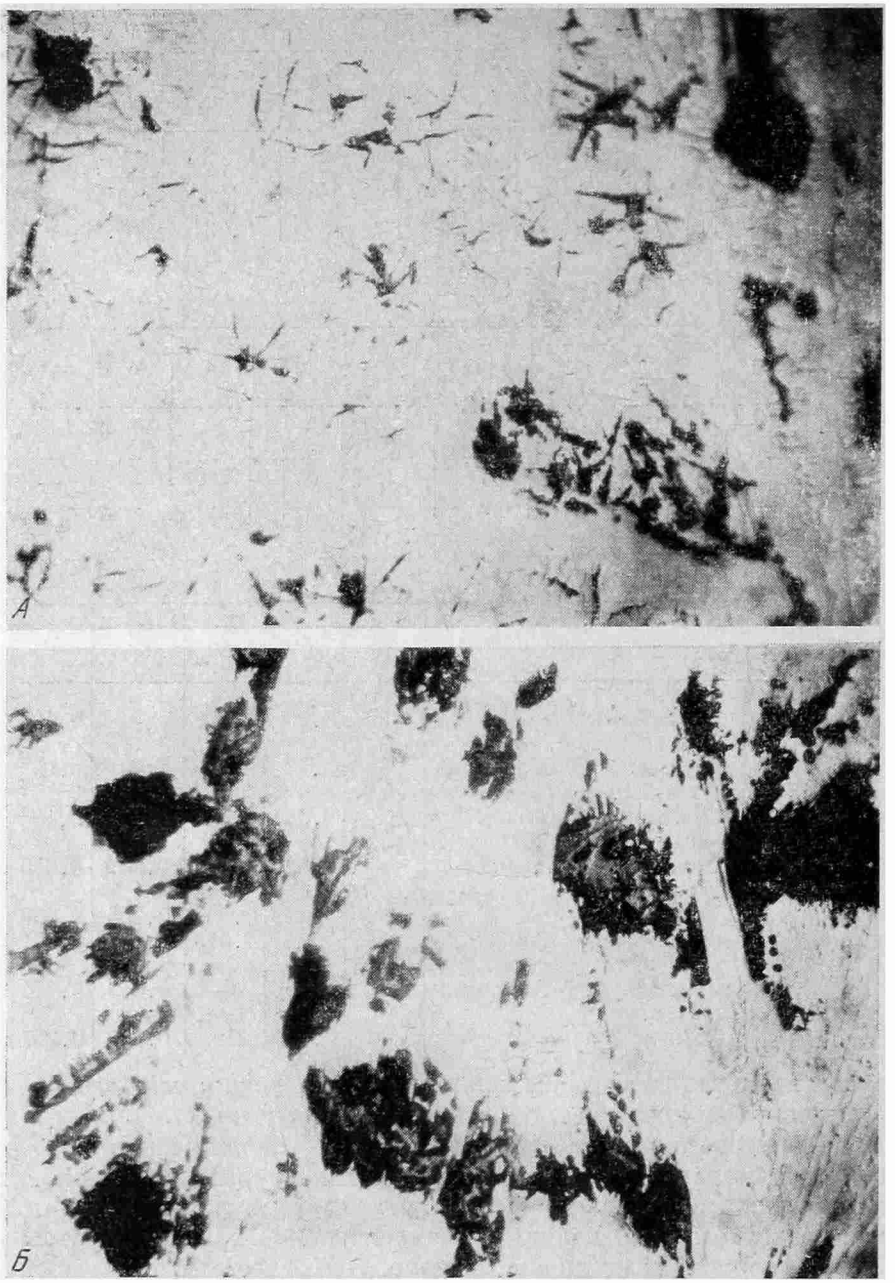


Рис. 3
а — микроструктура нетравленого фрагмента № 1; *б* — микроструктура нетравленого фрагмента № 2.

Наличие большого количества пор говорит о недостаточной газопроницаемости формы. Скорее всего, это была плотная глиняная форма. Отсутствие достаточного количества материала не позволяет установить более точно технологию литья.

К сожалению, сохранившиеся обломки не позволяют также реконструировать полностью форму котла, что сильно затрудняет археологическое исследование. Во всяком случае можно сказать, что эта находка не представляет собой с технологической точки зрения что-то невероятное для эллинистической эпохи, к которой относится поселение у с. Николаевка [15], так как белый чугун, как мы уже отмечали, можно получить в сыродут-

[15] А. И. Мелюкова. Раскопки на могильнике и поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка. Сб.: «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 204, 205.

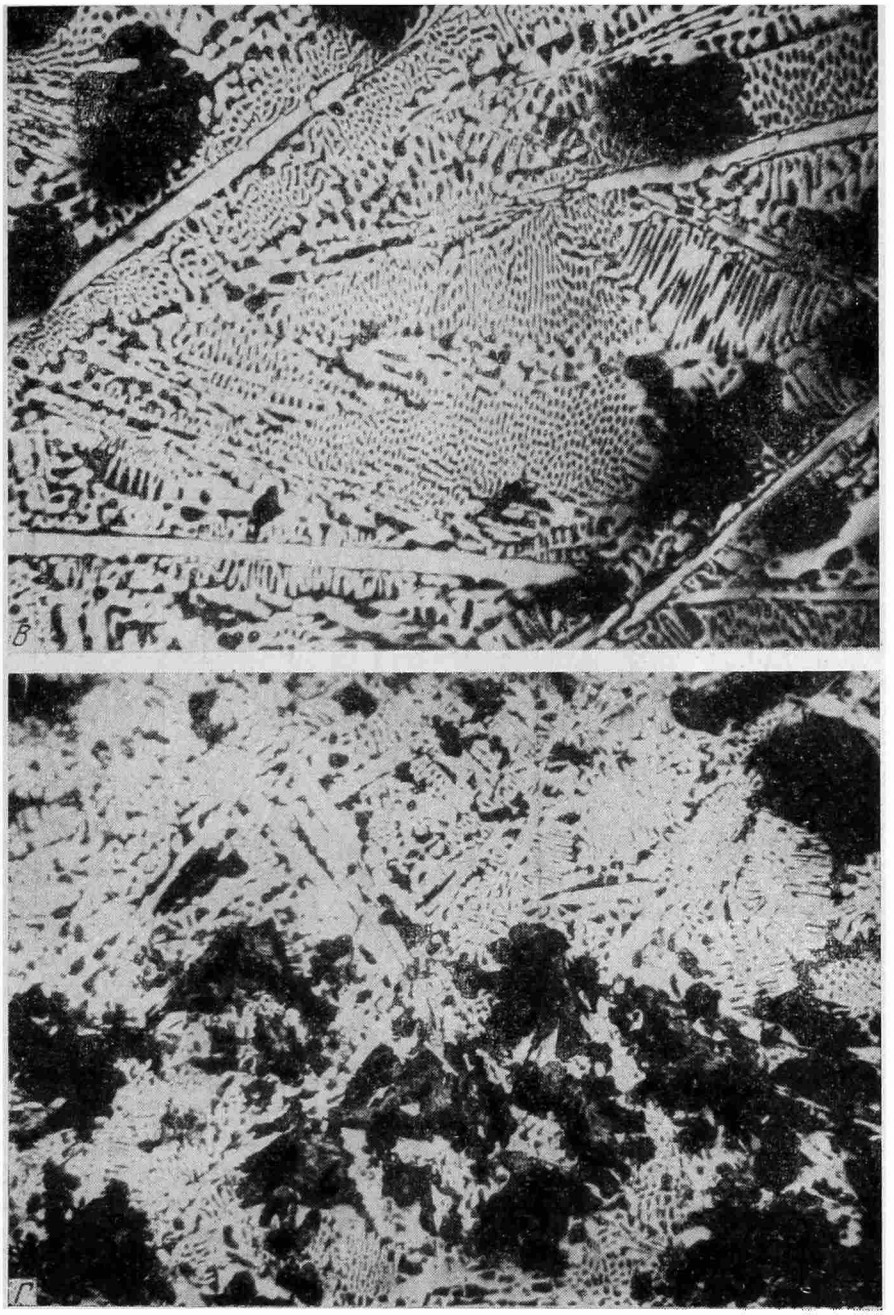


Рис. 4
в — микроструктура травленого образца № 1; *г* — микроструктура травленого образца № 2 (увел. 70)

ном горне. Датировка обломков не вызывает сомнений, так как стратиграфические условия залегания их безупречны. Следы перекопов культурного слоя в данном месте, по сообщению А. И. Мелюковой, отсутствуют. Обломки найдены в разных местах и на значительной глубине, что исключает возможность случайного попадания их с поверхности. Находки сопровождаются материалами античной эпохи, и, наконец, как подчеркивает А. И. Мелюкова, за время раскопок на поселении у с. Николаевка вообще не найдено ни одного обломка керамики или каких-либо других вещей, не относящихся к IV—III вв. до н. э. Расположенный рядом могильник также дает погребения этой эпохи.

Все это заставляет нас очень внимательно отнестись к данным находкам. Известно, что ряд авторов допускает возможность изготовления ли-

тых изделий из черного металла в античном мире с эллинистической эпохи [16]. При раскопках римской виллы вблизи Брединга в Англии среди различных железных орудий, бытовых предметов и строительных деталей были обнаружены также два обломка чугунных котлов [17]. Культурный слой виллы довольно хорошо датируется римскими монетами и другими остатками, указывающими на то, что она начала свое существование в конце II — начале III в. и в течение V в. была постепенно заброшена. Однако нужно учитывать, что речь идет о памятнике, раскопки которого производились в 1880—1881 гг., когда фиксация материала не была достаточно точной.

Сопоставляя наши материалы с данными о фрагменте одного из котлов виллы Брединг, который был подвергнут специальному химическому и металлографическому анализу, а также с результатами анализов некоторых других [18] образцов чугуна (табл. 4), можно заметить, что образцы из

Таблица 4

Место и дата находки	Fe	C	Si	P	S	Mn
Гсой-Тепе, III тысячелетие до н. э.	Осн.	3,51	0,56	0,45	0,16	0,03
	»	3,49	0,38	0,18	0,035	Сл.
Хенгистбери, I в.	»	3,52	1,92	0,77	0,05	0,63
Тиддингтон, III—IV в.	»	3,36	Не опр.	0,90	0,13	0,98
Вилла Брединг	»	3,99	0,09	0,026	0,035	0,08
Болгар, XIV в.	»	4,46	0,08	0,16	0,085	0,08
То же	»	2,93	0,14	0,34	0,067	0,052
»	»	3,31	0,18	0,48	0,045	0,31
»						
ЛД-1 современный древесноугольный. ГОСТ 4833-49	»	3,7—4,2	2,26—2,75	Не более 0,3	Не более 0,02	0,7—1,2
ЛК-4 современный коксовый. ГОСТ 4832-58	»	3,9—4,4	1,25—1,75	0,11—0,70	0,04—0,05	0,5—1,30

поселения у Николаевки выглядят более древними, чем котлы из виллы Брединг.

В образце из виллы Брединг мы видим большее, чем в наших находках, содержание серы и марганца. Это заставляет думать, что котел из виллы Брединг относится даже не к позднеантичному или раннесредневековому, а к более позднему времени, что допускает и его исследователь. Можно также отметить, что местные британские руды редко содержат достаточно много марганца, чтобы дать в чугуне 0,98% этого элемента, как это зафиксировано в образце из виллы Брединг. Поэтому это чугунное изделие, видимо, привозное [19].

Трудно пока сказать, где был изготовлен чугунный котел, остатки которого найдены на поселении у Николаевки. Спектральный анализ показал, что в металле отсутствует примесь мышьяка, характерная для керченских руд. Вообще полное отсутствие каких-либо данных о знакомстве местного населения Северного Причерноморья античной эпохи с чугуном даже в виде отходов металлургического производства заставляет пока предполагать, что этот котел был привезен из какого-то более отдаленного центра.

---

[16] Р. В. Шмидт. Очерки по истории..., стр. 310; A. Krawczuk, J. Piaskowski. Metalurgia w pismach..., стр. 146.

[17] H. F. Cleere. Roman Domestic Ironwork, as Illustrated by the Brading. «Bulletin of the Institute of Archaeology». University of London, N 1, 1958, стр. 68, рис. 11.

[18] А. М. Ефимова. Черная металлургия города Болгара. МИА, 6, 1958, стр. 308; T. Burton Brown. Iron Objects..., стр. 7—9; R. T. Tylecote. Metallurgy in Archaeology, стр. 202, 243; H. F. Cleere. Roman Domestic Ironwork..., стр. 73.

[19] H. F. Cleere. Ук. соч., стр. 72—74.

L. A. Solntzev, R. B. Stepanskaia, L. D. Fomine, B. A. Chramko

SUR LES PREMIERS OBJETS EN FONTE EN EUROPE DE L'EST

Résumé

L'article est consacré à l'examen des matériaux servant de témoignage de ce que les premiers objets détachés en fonte sont apparus en Europe de l'Est encore à l'époque antique. Les auteurs estiment que les renseignements sur «l'atelier du travail du fer» dans le hameau près du village. Iliynka dans le lieu — dit Verchina sont assez contradictoires et que sa datation du VIe siècle avant notre ère donne un grand lieu aux doutes. Les lingots de fonte trouvés ici peuvent bien se rapporter au Moyen âge. Les trois fragments d'une chaudière en fonte trouvés dans un hameau près du village Nikolaévka dans la région d'Odessa et qui étaient découverts à une grande profondeur dans une couche d'habitation non violée peuvent être datées des IVe — IIIe siècles avant notre ère.

Ces objets étaient soumis aux analyses métallographique, chimique et spectral lesquelles ont démontré que la chaudière était faite en fonte blanche fondu dans une forge d'un minerai d'un type de l'hématite brune à l'aide du charbon de bois. De toute évidence cette chaudière était importée.

И. С. ВИНОКУР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПЛЕМЕН

Вопросы духовной культуры древних народов изучались и изучаются в отечественной и зарубежной науке. В основу многих исследований этого направления положены письменные исторические и этнографические источники, все шире привлекаются археологические материалы. Как верно отметил Б. А. Рыбаков, одной из интереснейших и важных областей археологии является попытка проникнуть в причудливое мышление древнего человека на основе изучения тех памятников материальной культуры, которые им оставлены [1]. В последние годы довольно интересные исследования проведены, например, по идеологическим представлениям и верованиям племен трипольской культуры [2]. В настоящее время начинается изучение духовной культуры черняховских племен. [3] В основу нашей статьи положены, прежде всего, материалы черняховской культуры юго-западных районов УССР.

Для рассмотрения отдельных элементов духовной культуры черняховских племен обратимся в первую очередь к таким материалам, которые позволяют осмыслить определенные аспекты идеологических представлений населения. На первое место среди археологических данных, по нашему мнению, должен быть поставлен самый массовый материал — керамика. Она доносит до нас в своих формах и орнаментах определенные сюжеты, связанные с представлениями древних земледельцев об окружающем их мире, природе [4]. Эти представления, как показывают материалы, носили либо утилитарный характер (идея хозяйственного благополучия), либо воплощают в себе первые шаги синтеза (стремление познать окружающую природу, обращение к небесным светилам, составление определенных хозяйственных календарей и т. п.)

Примерами черняховских керамических изделий с нанесенными на их поверхность символическими знаками являются уже опубликованные и нашедшие убедительную трактовку в статье Б. А. Рыбакова сосуды из Ромашек (Киевщина, исследования В. В. Хвойки), Лепесовки (Волынь, исследования М. А. Тихановой), Малаешт (Молдавия, исследования Г. Б. Федорова) [5]. К этим находкам мы можем добавить новые, обнаруженные нами в самые последние годы на черняховских памятниках юго-запада Правобережья УССР. Это прежде всего два керамических кубка из Раковецкого могильника (Тернопольская область) [6], кувшин из черня-

[1] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4, стр. 66.

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38. 1953. стр. 193—276; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА. 1965, 1—2.

[3] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян, стр. 66—90; Э. А. Симонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. СА, 1963, 1, стр. 49—61.

[4] Орнаментация черняховской керамики стала предметом исследования Э. А. Симоновича. Э. А. Симонович. Орнаментация черняховской керамики. МИА, 116. 1964. стр. 270—361.

[5] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян, стр. 66—90.

[6] И. С. Винокур, М. И. Островский. Раскопки Раковецкого могильника в 1962 г. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 64—70.

Рис. 1. Керамика с символическими орнаментами

1, 2 — раковецкий кубок с солярными знаками; *3, 4* — кувшин из черняховского погребения в Гнатках; *5* — раковецкий кубок со звездными знаками

ховского погребения в Гнатках (Хмельницкая область) [7], обломки гончарной посуды с черняховского поселения у с. Брага (Хмельницкая область)[8].

Кубок из погребения № 4 Раковецкого могильника с плоским дном и округлым туловом. Поверхность сосуда имеет прекрасное черное лощение. Символический орнамент кубка состоит из двух полос — нижней и верхней. И в нижней, и в верхней полосе изображено по четыре солярных знака. Между солярными знаками находятся дугообразные и прямые линии с разным количеством их в каждом ряду (рис. 1, *1*, *2*; 2, *1*). Этот кубок

[7] Находка краеведа М. И. Ягодзинского, любезно предоставившего сосуд для опубликования.

[8] Сборы Б. М. Кушнира.

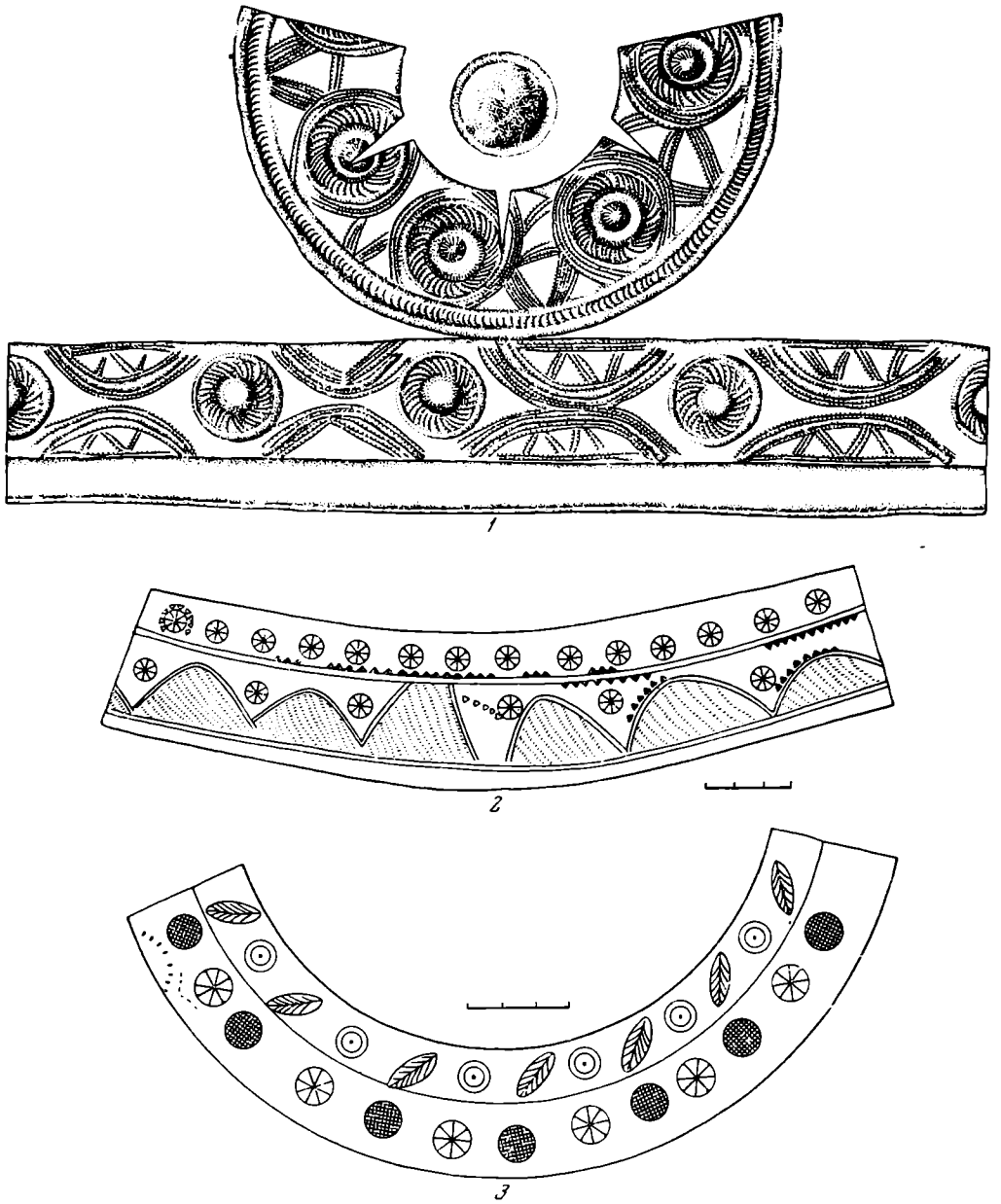


Рис. 2. Развертки орнаментов

1 — раковецкий кубок с солярными знаками; *2* — раковецкий кубок со звездными знаками; *3* — кувшин из погребения в Гнатках

найден в трехручной сакральной вазе (чаше) и был перекрыт еще одной миской. Указанная ситуация находки кубка из погребения № 4 Раковецкого могильника еще раз свидетельствует о том, что орнамент на кубке имел символическое, ритуальное значение.

Второй кубок из Раковецкого могильника был обнаружен в погребении № 15. Условия его находки подобны только что описанному — он также находился в трехручной сакральной вазе и был перекрыт еще одной миской. Внешняя поверхность этого кубка, в отличие от первого, тусклая, неблестящая. Орнамент на кубке состоит из двух ярусов. В одном ярусе изображено тринадцать звездчатых знаков и четырнадцатый с дополнительной короной, очевидно,— разграничительный. В другом ярусе изображено шесть подобных знаков. Кроме того, в орнаменте указанного кубка имеется ряд дугообразных линий, а пространства, образованные этими линиями, покрыты оттисками гребенчатого штампа. Дополнительными в ор-

наменте этого кубка являются вдавления, нанесенные треугольным штампом. В одном ярусе их 24, а в другом — 38 (по 19 сверху и снизу) (рис. 1, *5*; 2, *2*).

Для трактовки смысла рисунков, заключенных в орнаменте двух кубков Раковецкого могильника, мы обратимся, прежде всего, к их форме. Оба они округлы, близки к сферическим. Понять смысл орнамента можно, по нашему мнению, лишь при учете указанных форм сосудов. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что орнаментированными оказались не только верхние, но и нижние части кубков. Поэтому естественно предположить, что смысл символических рисунков на кубках может быть понят только тогда, когда сосуды перевернуты вверх дном. Округло-сферическая форма сосудов должна была, очевидно, символизировать идею неба. Форма небесного свода послужила основанием, опираясь на которое древний человек уподобил его, с одной стороны, черепу человеческой головы, а с другой — высокой блестящей горе [9]. Эта мифическая гора часто упоминается в сказочных преданиях славян и германцев [10]. Блеск дневного неба, озаренного яркими лучами солнца, и представлен, по нашему мнению, на первом раковецком кубке. Солярные знаки, исключительно умело воплощенные древним мастером, читаются в динамике. Тут совершенно несомненная идея о связи символических солярных знаков на кубке с образом солнца, которое посылает тепло и свет на землю и способствует обильному урожаю (рис. 2, *1*).

Если первый кубок представлял дневное небо, освещенное солнцем, то кубок из погребения № 15 воплощал, очевидно, идею ночного неба. Именно поэтому его поверхность тусклая, неблестящая. Символический рисунок на этом кубке мы, к сожалению, пока полностью расшифровать не можем. Отдельные же элементы орнамента читаются. В верхнем ярусе рисунка (рис. 2, *2*) 13 звездчатых знаков могли, как мы полагаем, соответствовать лунному году, который как известно, в отличие от солнечного состоит из 13 лунных месяцев [11]. А 24 треугольных оттиска в этом же ярусе могут соответствовать в свете сказанного полумесяцам солнечного года. Полагаем, что эта идея и воплощена в рисунке «ночного» кубка из Раковца. Такая трактовка орнаментики приведенных раковецких кубков является, несомненно, предварительной. Если даже окажется, что наша идея о смысловом изображении в орнаментах и не совсем верна, то, тем не менее, ситуация находки кубков в одном комплексе с ритуальными вазами (чашами) сама по себе знаменательна. Это свидетельство определенного магического обряда, связанного с погребальным черняховским ритуалом.

Интересный сюжет запечатлен на кувшине из черняховского погребения в Гнатках. На верхней части тулова имеются два ряда символических изображений. В верхнем ряду по сырой глине специальным штампом нанесено 7 растительных символов (очевидно, колосьев) и между ними 6 солярных знаков (рис. 1, *3*, *4*; 2, *3*). В нижнем ряду имеется еще 6 солярных знаков (кстати, изображения их поданы точно под первыми солярными символами). Кроме того, здесь же в чередовании с солярными подано 7 других знаков, очевидно, символов земли. Смысл орнамента на кувшине из Гнатков, по нашему мнению, заключается в том, чтобы показать взаимосвязь идей о солнце, земле и растительности (в первую очередь злаковых растений).

Идея о благотворном влиянии солнца на растительный мир прослеживается и по орнаменту на обломках черняховской керамики из Браги (рис. 3). Здесь также запечатлены в чередовании солярные и растительные символы. На одном из черепков в верхнем ряду читаются солярные

---

[9] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. I, М., 1866, стр. 115.

[10] Там же, стр. 122.

[11] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, стр. 72.

знаки, а в нижнем — прорастающие зерна злаковых. На другом — солярные символы чередуются в нижнем ряду с изображением растений.

Наконец, следует вспомнить обнаруженный М. Ю. Брайчевским на Черепинском черняховском поселении в Среднем Поднепровье фрагмент сосуда. На нем изображен конь, который, очевидно, идет в упряжке и тянет плуг [12]. В верхней части указанного керамического фрагмента, над изображением коня, читается система волнистых линий — символ воды. В нижнем ярусе, под изображением коня, имеется солярный знак. Черепинская находка воплощает в своем рисунке идею о плодородии грунта — жизненно необходимую основу оседлого земледельческого хозяйства.

Указанные материалы, вместе с хозяйственными календарями [13], дают возможность пметь в виду определенные элементы идеологических представлений черняховских племен, которые отражают оседлый земледельческий уклад населения первой половины I тысячелетия [14]. Отметим, что наличие календарей, соответствующая система солярных и звездных знаков на раковецких кубках обусловливались, видимо, определенным пониманием мира отдельными представителями древнего общества. И несмотря на то, что такими представителями были прежде всего жрецы, волхвы, имеющиеся в наличии материалы отражают не только религиозные языческие верования черняховских племен, но и уровень понимания мира (природы в целом). Археологические материалы черняховских племен первой половины I тысячелетия дают возможность наметить определенную закономерность в изучении таких процессов духовной культуры, которые фиксируют стремление древнего земледельческого общества в какой-то мере познать мир, природу. По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Здесь сразу видно, что это обожествление природы или это определенное отношение к природе обусловливается формой общества, и наоборот» [15]. Стремление познать окружающую географическую среду, зафиксированное в материалах черняховской культуры, идет, очевидно, из глубокой древности. Это было определенным донаучным представлением о природе, но все же таким, когда проявлялись и рациональные элементы синтеза.

Мы, конечно, далеки от мысли, что все или большинство орнаментальных мотивов в черняховской керамике связано только с ритуальным смысловым значением. Для эпохи начала «великого переселения народов», очевидно, определенное место в орнаментике занимали и чисто эстетические моменты. Более того, археологические материалы дают возможность поставить вопросы изучения такого проявления духовной культуры черняховских племен, как искусство. Керамические изделия черняховской культуры, резьба по кости, изготовление ювелирных украшений и т. п. — все это свидетельство определенного уровня художественного мышления и воплощения идей в разном материале. Наконец, мы имеем на черняховских поселениях и скульптурные изображения из камня — антропоморфных идолов [16]. Древние мастера-скульпторы III—IV вв. умели правильно выбрать пропорции и оригинально решать антропоморфные скульптуры из камня. Интересно при этом отметить, что, не вдаваясь в подробную детализацию, древние мастера умели скупыми штрихами достигать основно-

[12] М. Ю. Брайчевський. Зображення коня з с. Черепин в Середньому Подесті. Археологія, XII, Київ, 1961, стр. 183—184.

[13] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян, стр. 66—90.

[14] О хозяйственном и социальном укладе черняховских племен см. М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964.

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 29.

[16] В. И. Довженок. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, XLVIII, 1952; М. Ю. Брайчевский. Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре. КСИИМК, 52, 1953; И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье. СА, 1964, 4; М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженок. Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье, ИАЮЗО, М., 1967; И. С. Винокур. Языческие изваяния Среднего Поднестровья. ИАЮЗО.

го — создания своеобразной монументальности скульптур. Антропоморфные идолы на черняховских поселениях юго-западных районов УССР — свидетельство самобытного и оригинального проявления древнего искусства ваяния.

Говоря о духовной культуре черняховских племен, нельзя не отметить и таких ценных фрагментов посуды с граффити, которые были обнаружены М. А. Тихановой на поселении в Лепесовке [17]. Там обнаружены на нескольких черепках прочерченные по сырой глине отдельные греческие буквы. В связи с тем, что в Лепесовке обнаружены остатки гон-

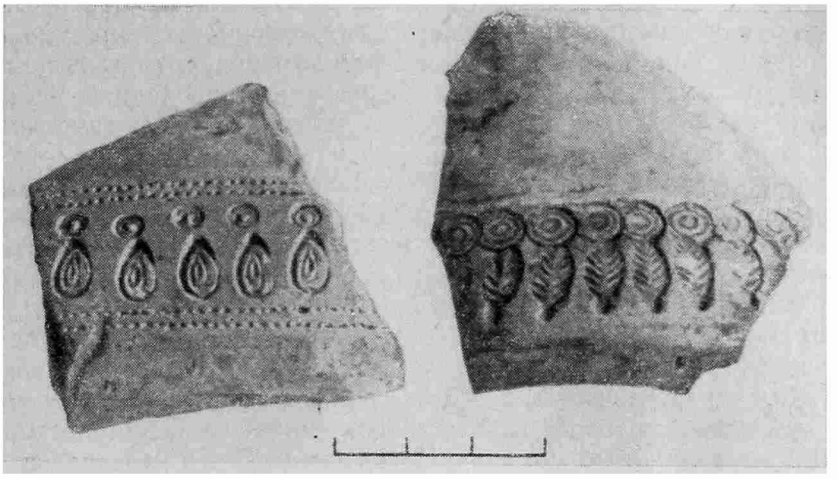


Рис. 3. Фрагменты керамики с поселения Брага под Каменец-Подольским

чарных горнов, М. А. Тиханова объясняет эти граффити как результат пребывания греческих ремесленников на Лепесовском поселении [18]. Не отвергая такой возможности, мы предлагаем и другой вариант трактовки указанных находок. Граффити из Лепесовки могут, по нашему мнению, быть свидетельством и того, что отдельные представители черняховского населения знали элементы древнегреческого письма. Упомянем в этой связи и о других находках аналогичного порядка. На фрагменте лепного сосуда с поселения Рипнев II имеются прочерченные по сырой глине латинские буквы [19]. На Будештском могильнике в Молдавии найден костяной игольник — костяная трубочка с прочерченными латинскими буквами t и s. Этот малоценный предмет, как отмечает Э. А. Рикман, не мог быть привозным [20]. Латинская цифра IV прочерчена на образце черняховской керамики из могильника в Косаново [21] и, наконец, обрывок латинской надписи имеется на черепке из могильника Алтэ в Румынии [22].

---

[17] М. А. Тиханова, Ф. Д. Гуревич, И. И. Ляпушкин, Я. С. Станкевич, М. К. Каргер, К. Д. Лаушкин. Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 году. КСИИМК, 79, 1960, стр. 93—95; М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, 2, стр. 190.

[18] М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка..., стр. 190.

[19] В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, 116, 1964, стр. 243, рис. 14. Подчеркнем, что буквы нанесены по сырой глине лепного, а не гончарного сосуда. Поэтому здесь связь с гончарами, которая может иметь место в Лепесовке, отпадает полностью.

[20] Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 209.

[21] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. ИАЮЗО СССР, стр. 84, рис. 5, *1*, стр. 118, табл. III, *4*.

[22] B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV — lea e. n. in Muntenia. Bucureşti, 1966, стр. 395, рис. 269.

Указанные материалы являются, по нашему мнению, свидетельством того, что отдельные представители черняховского населения могли знать элементы греческого и латинского письма. В условиях довольно тесных контактов, которые существовали между черняховским населением лесостепи Юго-Восточной Европы с Причерноморьем и римскими провинциями, такие явления вполне возможны. Очевидно, развивая свое местное пиктографическое письмо, параллельно с этим черняховское население (во всяком случае отдельные его представители) могло знать в силу культурных и экономических контактов с Причерноморьем, римскими провинциями элементы греческой и латинской письменности. Что касается значения древнегреческих и латинских букв на посуде и других предметах указанных черняховских памятников, то, наряду с другими возможностями, надо иметь в виду, что для народов, которые еще не знали настоящей письменности, обладание элементами последней часто представлялось каким-то значительным и действенным магическим средством [23].

На черняховских поселениях Юго-Запада Правобережной Украины в последние годы обнаружены памятники, которые относятся к остаткам капищ-жертвенников и жертвенных мест. На поселениях зафиксированы и отдельные специфические предметы, связанные с соответствующими верованиями черняховских племен. Уникальный памятник открыт М. А. Тихановой на черняховском поселении в Лепесовке. Тут исследовались остатки древнего святилища [24]. В пределах наземного сооружения 15,5 × 8 *м* обнаружено четыре очага. Несколько меньшие очаги прослежены и за пределами постройки. В непосредственной близости от постройки расчищены специальные площадки, вымазанные в древности глиной. В очагах и неподалеку от них найдены глиняные имитации печеного хлеба, так называемые «хлебцы» [25]. Внутри постройки, на полу, расчищены раздавленные и целые сосуды: горшки, миски и большой пифосообразный сосуд. На площадках также найдены обломки больших сосудов [26].

Наибольший очаг обнаружен внутри постройки (1,5×1,66 *м*). В основе этого центрального по значению очага найдены две трехручные ритуальные вазы (чаши) на высоких конических подставках. Вазы имеют у венчика резной ажурный бордюр. В двойных рукоятках с трех сторон подвешены глиняные кольца [27]. Плоские широкие венчики указанных сосудов разделены на 12 и 9 частей. В каждой из этих частей по сырой глине перед обжигом нанесены символические изображения. Нет никакого сомнения в том, что очаг с указанными ритуальными сосудами был центральным в святилище. К нему примыкали другие. Весь этот комплекс наземной постройки, вместе с объектами вокруг нее, связывается с остатками святилища. Святилище функционировало, очевидно, продолжительное время. Интересным в этом плане является то обстоятельство, что центральный очаг имел семь подов, которые перекрывали друг друга [28]. Из этого вытекает, что, функционируя продолжительное время, святилище поддерживалось в соответствующем порядке. Можно думать, что за порядком на святилище присматривали специальные люди — волхвы-жрецы. Б. А. Рыбаков считает, что вазы (чаши) Лепесовского святилища были предназначены для новогодних гаданий. Одна из чаш охватывала своими изображениями весь год с его солнечными фазами и наиболее

---

[23] К. Вейлэ. От бирки до азбуки. М., 1923, стр. 70.

[24] М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. ..., стр. 180—181.

[25] О находках такого типа мы уже высказывались, новые материалы подтверждают наши выводы. И. С. Винокур. Волынские «хлебцы». Научный ежегодник Черновицкого университета за 1958 год. 1960, стр. 109—111.

[26] М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв...., стр. 180—181.

[27] Там же, стр. 181.

[28] Там же.

важными хозяйственными работами. Вторая могла использоваться для гаданий про погоду [29]. Все указанные церемонии, связанные с Лепесовским святилищем, предполагали, очевидно, коллективность проведения соответствующих ритуальных обрядов под руководством волхвов-жрецов.

Интересно, что церемонии языческих гаданий, которые прослеживаются по материалам Лепесовского святилища, были связаны с очагами и глиняными «хлебцами», обнаруженными в них. Святилище не могло обойтись без муляжей спеченного хлеба. Аналогичные ритуальные «хлебцы» зафиксированы и на многих других черняховских поселениях (Коростышев, Слободище, Голодьки, Маркуши, Радянське, Житинцы и др.) [30]. Все они вылеплены из глины и невелики по размерам (8—12 *см*). В глине «хлебцев» часто попадаются отпечатки растительных примесей и даже отдельных зерен злаковых. Указанные «хлебцы» (рис. 4, *1*) имеют и свои прототипы в более ранних археологических памятниках. При разведках и раскопках И. Ф. Левицкого в мегалитических погребениях II тысячелетия до н. э. на Волыни были обнаружены глиняные «хлебцы» [31]. В 1958 г. при раскопках на трипольском поселении Магала, под Черновцами, в жилище был найден круглый вылепленный из глины «хлебец» несколько приплюснутой формы [32].

Этнографические материалы помогают разгадать назначение указанных находок на черняховских поселениях первой половины I тысячелетия. В России, на Украине и в Белоруссии еще в конце XIX — в начале XX в. в субботу на стол в красном углу хаты клали лучший образец спеченного хлеба, на рождество сюда же клали кныш, на пасху — куличи и т. п. Хлебные продукты были у многих народов одним из элементов религиозно-обрядовых действий. Мы знаем у славянских народов обычай посыпать зерном в жилищах на новый год и молодых на свадьбе, сюда же относится свадебный каравай, обрядовая каша на свадьбе, крестинах и т. п. Во всех событиях народной жизни, как указывает этнограф Ф. М. Сумцов, сложных и простых, важных и второстепенных прослеживается наличие обрядового хлеба [33]. Те же явления отмечал А. С. Фаминцын [34]. Приведенные этнографические параллели указывают на обрядовое значение глиняных «хлебцев», найденных на черняховских поселениях юго-запада Правобережной Украины.

На отдельных черняховских поселениях обнаружены и некоторые важные детали, связанные с древними магическими языческими действиями. Во время исследований черняховского поселения в Киселеве Черновицкой области в одном из жилищ прослежена такая деталь. В основе глинобитной печи был замазан кухонный горшок. Поверх него лежали обломки небольшой миски. В горшке находился обломок железной косы [35]. Перед нами, несомненно, деталь культового характера, связанная с представлением жителей III—IV вв. о своем хозяйственном благополучии.

На селищах черняховской культуры Среднего Поднестровья исследованы и остатки языческих капищ-жертвенников, центральными фигурами которых были антропоморфные каменные языческие идолы. Еще в 1848 г. в р. Збруч (левый приток Днестра), у с. Гусятина, была обнаружена каменная скульптура Святовита, хранящаяся ныне в Краковском археологическом музее. В 1875 г. в этом же с. Гусятине был найден еще один идол, но местные крестьяне разбили его и использовали камень для строитель-

---

[29] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян, стр. 67—71.
[30] И. С. Винокур. Волынские «хлебцы»..., стр. 110—111.
[31] Материалы Житомирского краеведческого музея.
[32] І. С. Винокур. Археологічні дослідження на тришільському поселенні біля с. Магала. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 160, рис. 4, *4*.
[33] Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885, стр. 48.
[34] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. I, СПб., 1884, стр. 57.
[35] Б. А. Тимощук, И. С. Винокур. Памятники черняховской культуры на Буковине. МИА, 116, стр. 189, рис. 3, *1*.

ства[36]. В 1952 г. в с. Иванковцы Хмельницкой области В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский исследовали остатки языческого капища[37]. Там были обнаружены три каменных идола. Указанные скульптуры и все капище в целом связываются их исследователями с культурным слоем черняхов-

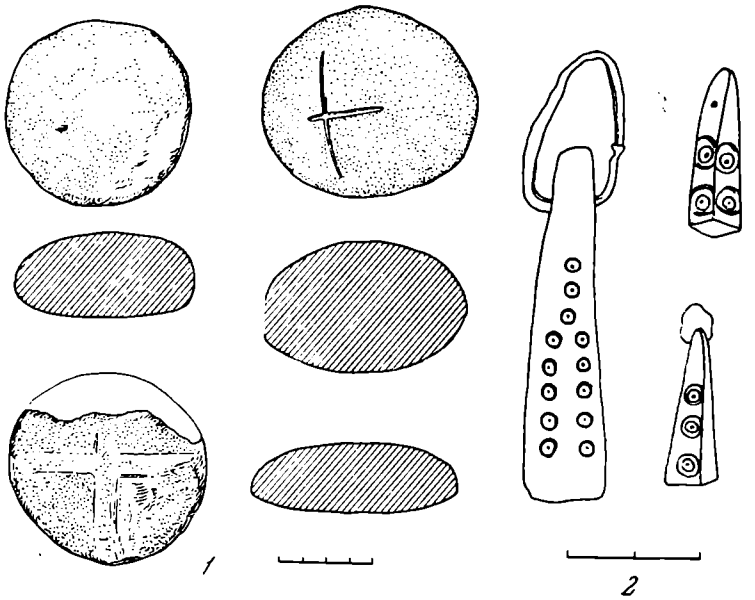


Рис. 4. Ритуальные предметы

1 — глиняные «хлебцы» с черняховских поселений Слободище, Коростышев, Голодьки на Волыни; *2* — пирамидальные костяные амулеты с солярными знаками (Ново-Александровка, овчарня совхоза Приднепровского, Черняхов)

ского поселения, на котором и были обнаружены каменные изваяния[38]. В 1963 г. в с. Ставчаны Хмельницкой области (в том же Приднестровском районе) обнаружены остатки капища-жертвенника, центральными фигурами которого были антропоморфный идол и коническпй каменный столб с солярным знаком. Антропоморфный языческий идол из Ставчан олицетворял, очевидно, солнечное божество[39]. Исследования в Ставчанах показали, что скульптуры и жертвенник в целом были присыпаны умышленно — вот почему изображения в камне сохранилпсь так хорошо. Можно предполагать, что жертвенник был присыпан в момент какой-то военной опасности. Здесь мы снова прослеживаем (так же, как и на примере Лепесовского святилища) наличие у племен черняховской культуры специальных людей, которые занимались делами отправления религиозных языческих культов. Археологи и любители старины, изучавшие Среднее Поднестровье до революции, отметили ряд пунктов, где в разное время были обнаружены антропоморфные языческие идолы: Иванковцы Олешпнские, Березна, Березова, Хоньковцы, Козлов, Пыжовка, Хребтиев, Кузьминчик, Ольховец и др.[40]

Антропоморфные языческие изваяния Среднего Поднестровья по материалу, технике, манере и семантике изображений, несомненно, составляют единое целое[41]. Они отличаются от южных степных изваяний Украины и, тем более,— от антропоморфных скульптур Спбири, Алтая, Кир-

[36] Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, М., 1901, стр. 305.

[37] М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженок. Поселение и святилище в с. Иванковцы в Среднем Поднестровье, стр. 238—263.

[38] Там же.

[39] И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье, стр. 210—214.

[40] В. К. Гульдман. Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольскпй, 1901, стр. 292—294.

[41] И. С. Винокур. Языческие изваяния Среднего Поднестровья, стр. 136—144.

гизии, Кавказа и т. д.[42] Надо иметь в виду, что появление антропоморфных языческих изваяний, как верно отмечает польский исследователь Г. Ленчик, связано с религиозными взглядами и верованиями, возникшими на стыке трех континентов: Азии, Африки и Европы[43]. Поэтому, несмотря на стойкость в манере и семантике изображений, у днестровских изваяний имеются и определенные черты сходства с аналогичными памятниками других территорий. Определенные черты сходства, имеющиеся в языческих скульптурах на значительно удаленных территориях,— результат идеи антропоморфизма, широко распространившейся в разных языческих религиях[44].

В литературе была высказана мысль о преемственности кельтских антропоморфных изваяний и збручского Святовита[45], но это совсем не так[46]. Славянский мир не мог перенять у кельтов традиции изготовления больших каменных скульптур хотя бы потому, что кельты сами таких больших изваяний не изготовляли до столкновения их с культурами Средиземноморья. Появление таких изваяний на юго-востоке Европы может быть, очевидно, связано с дальнейшим развитием идеи антропоморфизма у местных племен при определенном влиянии средиземноморских земледельческих культур.

Полагаем, что антропоморфные изваяния Среднего Поднестровья при ретроспективном рассмотрении данных «Повести временных лет», которые относятся ко всем восточнославянским племенам, должны быть связаны со славянскими божествами. Днестровский район, очевидно, не был исключением. Антропоморфные идолы были широко известны всем без исключения славянским племенам[47]. Но в других районах идолы изготовлялись из дерева, и они, естественно, до нас не дошли.

Антропоморфные каменные языческие изваяния и жертвенники-капища Среднего Поднестровья дают возможность считать, что большинство их было связано с принесением жертв на конкретных селищах. Это божества представителей общины, жившей на том или ином черняховском селище. Но очевидно, что наряду с капищами-жертвенниками для каждого отдельного поселения у племен Среднего Поднестровья были и своеобразные религиозные языческие центры. Последние имели значение для определенной территории. Один из таких центров и представлен, видимо, збручским Святовитом и его окружением. Среди поселений славян на территории Центральной Европы также функционировали подобные центры. Это, например, широко известная на территории Польши Гора Сленжа со многими языческими памятниками[48].

Могильники черняковской культуры дают возможность представить элементы древней погребальной обрядности как у местных племен, так и у пришлого населения[49]. Как известно, для черняховских могильников характерным является наличие бритуализма — существование двух погребальных обрядов (трупоположений и трупосожжений).

---

[42] G. Leńczyk. Świtowid Zbruczański. «Materiały archeologiczne», V, Kraków, 1964, стр. 10—11.

[43] Там же, стр. 52.

[44] Отметим, что идеи антропоморфизма начали проникать из Средиземноморья на территорию Подпестровья еще в энеолите. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре.

[45] J. Rosen-Przeworska. Przezytki celtyckie i celtoscytyjskie na obszarze Polski. «Archeologia Polska», VIII, 1, 1963, стр. 113.

[46] И. С. Винокур. Языческие изваяния..., стр. 141—142.

[47] Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. ИКДР, II М.—Л., 1951, стр. 71—72.

[48] H. i W. Hołubowicz. Z badań na Ślęży w 1949 roku. «St. Wczesn», 1, 1952, стр. 119—148; H. Cehak-Hołubowiczowa. Kamienna konstrukcja kultowa pod szazytem na północnym stoku góry Ślży. «Swiatowit», XXIII, Warszawa, 1960, стр. 479—493.

[49] Мы считаем, что черняховская культура покрывала разные по происхождению племена. Но центральное место среди них, судя по данным письменных источников и основной территории черняховских племен, занимали славяне.

Природа черняховского погребального обряда и ритуала имеет свои генетические корни в древностях зарубинецкой и пшеворской культур. Интересно, что в некрополях зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур погребения не имеют никаких внешних признаков и, вместе с тем, очень редко перекрывают друг друга. Речь идет о том, что соплеменники и у носителей зарубинецких, пшеворских древностей, и у носителей черняховской культуры знали порядок захоронения на своих кладбищах. Но это делалось так, чтобы далекие соседи и враги, нападавшие на территорию указанных племен, не знали о местах их могильников. Складывается представление, что отсутствие внешних признаков могил у черняховцев было связано с желанием соплеменников сохранить порядок на своих некрополях и не давать возможности врагам осквернять могилы своих предков. В условиях начала «великого переселения народов», когда значительные контингенты разноэтничных племен пришли в движение, такая система на некрополях лесостепных племен рубежа и первой половины I тысячелетия имела вполне реальную основу.

С течением времени в процессе смешения племен и их длительного совместного проживания пришлые элементы, однако, сливались с местными. И это нашло свое отражение в погребальной обрядности черняховской культуры. Так, определенное влияние на сложение погребальной обрядности у черняховских племен имели носители сарматской культуры, которые, как показал Г. Б. Федоров, привнесли новый компонент в погребальную обрядность черняховцев — трупоположение [50]. Правда, есть некоторые основания считать, что появление обряда трупоположения происходило параллельно с этим, и на местной основе, еще у племен зарубинецкой культуры [51]. Но, очевидно, большую роль в этом процессе сыграли сарматы.

В силу сказанного уже во II—III вв. на ранних черняховских могильниках мы прослеживаем биритуализм в обрядности, который продолжает доминировать на протяжении всего времени функционирования черняховской культуры.

Трупосожжения черняховских могильников являются воплощением идеи о том, что огонь очищает. Поэтому вполне понятно, почему земледельческое население первой половины I тысячелетия, которое обожествляло солнце, такое значительное место в похоронном ритуале отвело огню. Но не только в трупосожжениях видим мы проявление идеи обожествления солнца и огня, с ним связанного. Трупоположения на черняховских могильниках также имеют элементы, связанные с действием огня. Так, при исследованиях Раковецкого и Ружичанского [52] могильников прослежено, что умершего посыпали пеплом ритуального костра. В погребальных ямах часто встречается и пережженное дерево. Над погребениями удается проследить слой грунта, который содержит в себе много золы. На месте Ружичанского и Раковецкого могильников, как и на других черняховских некрополях, прослежены также и остатки ритуальных тризн. В верхних слоях грунта, над погребениями, всегда встречается много обломков древней посуды вместе с отдельными костями животных, прослойками пепла и древесного угля. Тризны над умершими сопровождались, очевидно, устройством ритуальных кострищ [53].

---

[50] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958, 3, стр. 234—243.

[51] И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, 70, 1959, стр. 63.

[52] И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружачанка. Сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 228—230.

[53] Интересно, что в этнографических материалах Прикарпатья еще в недалеком прошлом зафиксированы такие моменты, как устройство поминок прямо на кладбище. Причем гончарную посуду, которую использовали, били и оставляли на месте.

Отметим, что преобладающее большинство черняховских погребений сопровождается посудой с жертвенной пищей[54]. Очевидно, идея о существовании потустороннего мира была широко распространенной. Кроме обычных бытовых предметов во многих захоронениях черняховской культуры встречаются и специальные ритуальные или сакральные предметы. К таким вещам в первую очередь относятся трехручные вазы. Очень часто с указанными сакральными сосудами связаны находки специальных кубков, которые также несли соответствующую магическую нагрузку. К кругу указанных предметов должны быть отнесены и разнообразные амулеты из кости и раковин[55]. Некоторые из этих амулетов имеют на своей поверхности отдельные или целые серии солярных знаков. Видимо, и здесь идея солнечного божества занимала одно из ведущих мест (рис. 4, *2*).

Следует отметить наличие на некоторых черняховских могильниках погребений, вещевой инвентарь которых, бесспорно, свидетельствует о роде занятий умершего или умершей. На могильнике в Косаново, например, обнаружено захоронение, сопровождавшееся набором каменных лощил — инструментов древнего гончара[56]. В Малаештском могильнике также обнаружено захоронение гончара, сопровождавшееся гончарными шлаками[57]. На Ружичанском могильнике открыто женское погребение с шестью глиняными биконическими пряслицами. На могильнике в Коблево[58] обнаружено погребение «хирурга», содержавшее наряду с обломками керамики и фрагментами ножа бронзовый ланцетовидный нож с четырехгранной перевитой рукояткой с кольцом на конце. Наконец, надо иметь в виду женские захоронения с игольниками, иглами и пряслицами, встреченными на многих черняховских некрополях.

На Раковецком могильнике, кроме обычных для черняховской культуры захоронений (трупоположений и трупосожжений), обнаружено и такое, которое представляет специальный интерес с точки зрения изучения древних языческих обрядов и верований. Это так называемое потревоженное погребение с северной ориентировкой (№ 15)[59]. В южной части могильной ямы, неподалеку от костей ног, было расчищено каменное изваяние. Это подтесанный каменный столб с округлым расширяющимся навершием (рис. 5, *2*). Высота его — 0,9 *м*. Он высечен из камня-известняка. Каменное изваяние, по нашему мнению, имеет фаллический характер[60]. Эта находка каменного языческого изваяния в погребении сама по себе знаменательна, так как она является первой на могильниках черняховской культуры Украины. Подобные по ритуалу захоронения (только без наличия идолов) зафиксированы на черняховских могильниках: Ромашки, Черняхов, Маслово, Лохвица, Переяслав-Хмельницкий, Деревянное, Телешовка, Журавка Ольшанская, Августиновка, овчарня совхоза Приднепровского, Будешты, Малаешты[61].

Исследователи по-разному трактуют эти необычные захоронения. Хаотическое расположение костей в таких погребениях объясняют, например, тем, что захоронения могли быть ограбленными[62]. Другие археологи не

---

[54] Есть, однако, и совсем безынвентарные захоронения. Это можно отнести за счет элементов имущественной и социальной дифференциации у черняховских племен.

[55] Э. А. Сымонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху, стр. 58.

[56] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. ИАЮЗО СССР, стр. 92, рис. 10.

[57] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 287.

[58] Э. А. Сымонович. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 135.

[59] И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. ИАЮЗО СССР, стр. 149—155.

[60] Там же, стр. 156, рис. 14.

[61] Э. А. Сымонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху, стр. 52.

[62] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, 82, стр. 90.

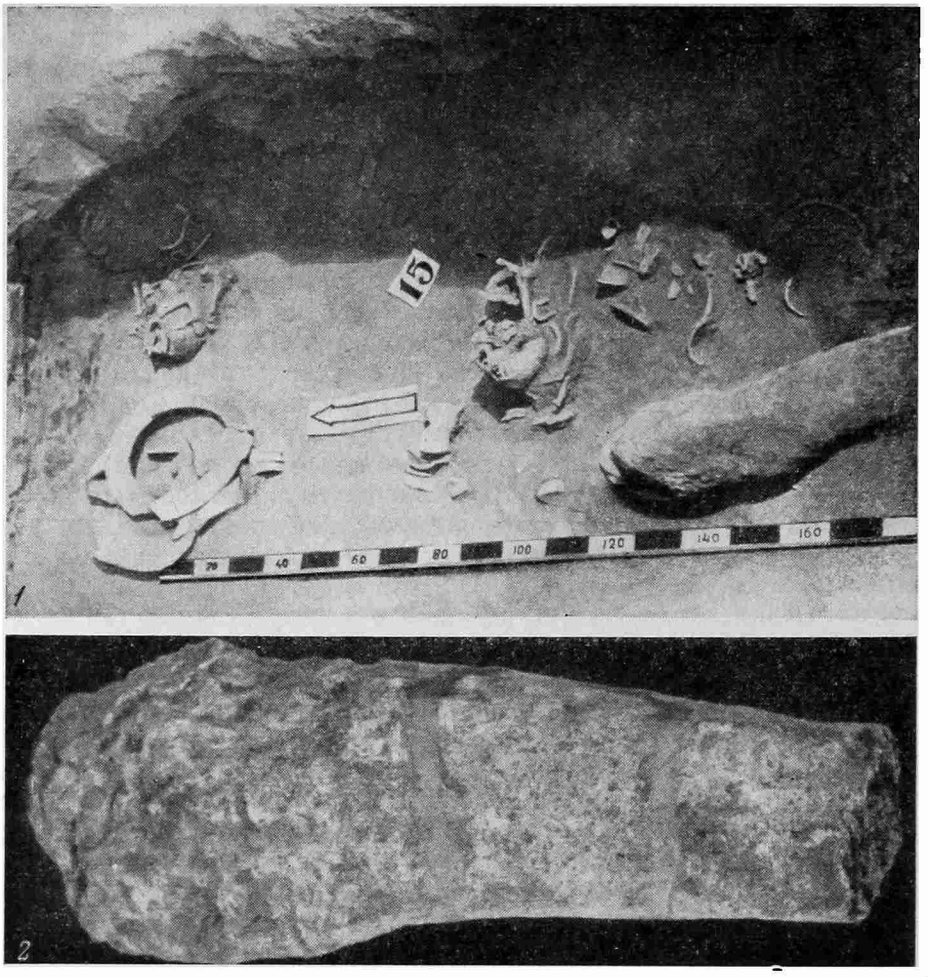


Рис. 5. Погребение № 15 Раковецкого могильника (*1*) и каменный фаллический идол (*2*) из этого погребения

без основания склонны видеть в подобных захоронениях результат каких-то магических действий [63]. Э. А. Сымонович указывает, что на могильниках перекапывались именно захоронения с северной ориентацией, которые он считает более ранними, и объясняет массовое разрушение ранних черняховских могил магическими целями: для охраны живых от влияния мертвых [64].

К числу таких погребений и относится описанное захоронение Раковецкого могильника. Здесь мы имеем уникальный случай, когда в могиле вместе с другими предметами найден каменный фаллический идол. Кости скелета свидетельствуют о том, что погребенной была пожилая женщина. О принадлежности указанного захоронения женщине свидетельствует и набор предметов из могилы (костяной гребень, бусина, глиняное пряслице). Полагаем, что перед нами захоронение женщины-жрицы. Каменный фаллический идол должен был символизировать культ плодородия, как это широко известно у многих народов [65]. Интересно, что одно из надгробий древнерусского времени в Среднем Поднестровье также связывается

[63] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 142.

[64] Э. А. Сымонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху, стр. 59.

[65] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, стр. 439.

с реликтом язычества [66] и соответствующего фаллического, как мы полагаем, культа.

Анализ материалов черняховских могильников дает возможность выделить и кенотафы. На Ружичанском могильнике было расчищено такое захоронение. Здесь не было ни остатков скелета, ни остатков кремации тела умершего. Но в яму этого символического захоронения были поставлены сосуды с жертвенной пищей [67]. Отдельные, специально закопанные сосуды были найдены и на других черняховских некрополях (Будешты, Волосское) [68]. Напомним, что и в Корчеватовском могильнике зарубинецкой культуры было обнаружено несколько кенотафов. По-видимому, традиция устройства кенотафов на некрополях черняховских племен, имитировавших погребальный обряд в честь сородичей умерших или погибших на чужбине, имела местные корни.

Мы рассмотрели только некоторые аспекты изучения духовной культуры черняховских племен, используя для этого главным образом материалы, обнаруженные в последние годы на территории юго-запада Правобережной Украины. Дальнейшая работа по изучению указанных вопросов истории племен Юго-Восточной Европы впереди.

I. S. Vinokour

CERTAINES QUESTIONS DE LA CIVILISATION SPIRITUELLE DES TRIBUS TCHERNIAKHOVIENNES

Résumé

Pour l'examen des certaines questions de la civilisation spirituelle des tribus tcherniakhoviennes l'article fait usage des matériaux céramiques, des restes des autels et des lieux de sacrifice dans les hameaux, des observations sur le rituel funéraire etc. Pour l'explication sont aussi appelée les données ethnographiques.

L'ornement des céramiques tcherniakhoviennes outre sa destination purement esthétique permet d'observer les motifs ayant la signification rituelle. Certains ornements creusés sur les poteries tcherniakhoviennes prouvent que les représentants de cette civilisation ont connu les éléments de l'écriture grecque et latine.

Les matériaux des temples paiens permettent de supposer l'éxecution des cérémonies rituelles sous la direction des prêtres.

Le rituel funéraire de ces tribus démontre la croyance de ces anciens agriculteurs en la vie au-delà de ce monde et la persuasion de la nécessité d'accompagner les enterrements des festins funéraires rituels.

On y peut voir aussi une certaine tendance de souligner le genre d'occupation d'un homme défunt.

---

[66] Б. А. Тимощук. Надгробие из с. Мусоровки Черновицкой области. СА, 1957, 3, стр. 254—256.

[67] И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 229.

[68] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, 82. стр. 325, рис. 20; А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, стр. 178.

Г. В. ШИШКИНА

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МАРАКАНДЫ

Древний Самарканд, крупный политический и экономический центр с многовековой историей, уже в течение 100 лет привлекает к себе внимание. В научной литературе, и отечественной и иностранной, принята локализация Мараканды времен походов Александра Македонского на городище Самарканда — Афрасиаб. В. Л. Вяткин, проводивший большие по объему работы на Афрасиабе, отвергал отождествление его с Маракандой [1] в силу понятного для его времени незнания древних и древнейших (середины I тысячелетия до н. э.) археологических материалов. И тем не менее позднее он пересматривает свои представления о городище и, хотя осторожно, меняет датировку (IV—V вв. н. э.) древних слоев на более раннюю (II—III вв. н. э.) [2]. Возражение против традиционной локализации Согда, а вместе с тем и Мараканды в долине Заравшана было выдвинуто Б. Я. Стависким [3]. Однако его точка зрения не встретила поддержки [4], и позднее Б. Я. Ставиский отказывается от предложенной им локализации Согда в долине Кашка-Дарьи [5]. Вопрос о местонахождении Мараканды вновь поднят в диссертации М. Пачоса. На основе изучения городских укреплений М. Пачос высказывает сомнение относительно отождествления Мараканды с Афрасиабом [6].

Представление о Самарканде середины I тысячелетия до н. э. как о крупном городе, занимавшем всю территорию городища Афрасиаб, получило признание в научной литературе [7]. Однако соответствующие слои или группы бесспорных находок совершенно определенно зафиксированы только в северо-западном и южном районах городища. Отсутствие материалов на других исследовавшихся участках еще не может служить достаточным основанием для широких выводов. Чрезвычайно сложный первоначальный рельеф (как это показали раскопки) существенно изменился в силу большой интенсивности жизни на этой территории в течение многих веков. Неизбежные перепланировки сопровождались сносом значительных толщ земли — верхушек лёссовых холмов с лежащими на них культурными остатками, что хорошо прослежено в нескольких пунктах. Пример исследования западной окраины городища, где на первых порах ряд шурфов

[1] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 4, 64.

[2] ЦГИА УзССР, Архив В. Л. Вяткина, 2, стр. 90, 92, 100. Отчет о деятельности Узкомстариса за 1929—1930 годы.

[3] Б. Я. Ставиский. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда. ЛГУ, 1948, 3.

[4] В. М. Массон. К локализации Согда. Тр.САГУ, гум. науки, 3, нов. сер., XI. Ташкент, 1950.

[5] Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины, ИМКУ, I. Ташкент, 1959, стр. 80—81.

[6] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, стр. 16, 17; его же. К изучению стен городища Афрасиаб. СА, 1967, 1, стр. 73.

[7] А. И. Тереножкин. Согд. и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, 4, стр. 158.

Рис. 1. Пункты обнаружения слоев I и II периодов Афрасиаба

Цифрами обозначены номера раскопов. ПН — пункты, отмеченные А. И. Тереножкиным; *1* — пункты находок I периода; *2* — пункты находок II периода

создал картину заселения этого района не раньше IX в. н. э. и где позднее выявились значительно более древние слои, показал, что только изучение широких площадей, фиксация и осмысление всех фактов позволят составить о городе более или менее правильное представление. Вот почему пока не может быть отвергнуто [8] утверждение о существовании здесь в середине I тысячелетия до н. э. крупного города.

Работы последних лет на городище показали, что классификация керамики Афрасиаба, предложенная А. И. Тереножкиным, в основе сохраняет свое значение. Но уже сейчас могут быть сделаны поправки в характеристиках некоторых комплексов и уточнены датировки отдельных периодов. Материалы, полученные для I периода, расширили представление о нем, но не внесли изменений в датировку его серединой I тысячелетия до н. э.

В 1948 г. А. И. Тереножкин на юге Афрасиаба (около 40 *м* восточнее Шахи-Зинда) заложил небольшой раскоп на краю обрыва, на месте внешней городской стены (пункт 35, рис. 1). Здесь на уровне материкового лёсса была расчищена часть помещения с гладким, сильно известкованным полом и остатками южной стены, представлявшей «обрывчик в суглинке», облицованный пахсовой кладкой [9]. В 1959 г. во время работ Самаркандско-

[8] М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 29.

[9] А. И. Тереножкин. Исследования на Афрасиабе в 1948 г. Рукопись. Архив Сектора археологии АН УзССР, стр. 4, 6—8.

го археологического отряда раскоп А. И. Тереножкина был несколько расширен к востоку. На полу того же самого помещения были найдены две пары круглых, диаметром около 18 *см* галек, одна из которых, с шипом, входит в углубление другой, свободно в нем вращаясь и выполняя роль шарнира. Одна пара галек помещалась на очень прочном коническом основании из алебастра высотой 0,24 *м*, в котором был укреплен нижний камень с углублением (рис. 2). Соприкасающиеся поверхности галек отшлифованы долгой работой. На Афрасиабе же в мастерской IV в. н. э. найден

Рис. 2. Шарнирные камни на полу помещения после расчистки

нижний шарнирный камень. Место находки определяет его как подпятник под гончарный круг [10]. Поэтому и здесь, в пункте 35, наиболее вероятным кажется объяснение этого устройства как основания гончарного круга [11]. В таком случае перед нами гончарная мастерская, имевшая в своем распоряжении не менее двух кругов [12]. Лежавший на полу помещения полированный каменный пестик (длина 6 *см*, ширина 3 *см*, рис. 3, *19*) [13], возможно, был принадлежностью гончарного производства и мог употребляться для сглаживания поверхности сосудов при формовке [14] или каких-то других целей. Там же в нижнем слое найдены: сосуд со слегка выпуклым дном, через резкое ребро переходящим в вогнутые стенки с тонким краем, (рис. 3, *4*); два сосуда на плоских днищах с перегибом тулова в нижней части и почти вертикальными стенками (рис. 3, *6*, *7*); фрагменты нескольких крупных сосудов со слабо выраженной шейкой и утолщенным отогнутым краем (часть из них со знаками в виде косого креста и круга) (рис. 3, *9*, *10*); фрагмент полусферической чаши, покрытой в отличие от

[10] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, XXXVI, стр. 138, рис. 37, *3*. Автор датирует мастерскую более ранним временем.

[11] В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, 2. Ташкент, 1961, стр. 42, 53. Связь галечных шарниров с гончарным производством подтверждается находкой их в обжигательной печи сасанидского времени в Туркмении. А. Г. Губаев. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане. СА, 1967, 1, стр. 263, рис. 2, *8*.

[12] Предположение подкрепляется последними работами Н. Б. Немцевой к северу от мастерской, где в слое середины I тысячелетия до н. э. найдены ошлакованные куски лёсса.

[13] А. И. Тереножкин. Исследования..., стр. 7, 10.

[14] Подобные каменные и терракотовые инструменты применялись в гончарном производстве с древности до наших дней. I. Marshall. Taxila II. Cambrige, 1951, стр. 502. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ, нов. сер., XII, М.— Л., 1959, стр. 140, 146, 192, 214; рис. 38, 40, 52, *4*, 55, *6*, *7*.

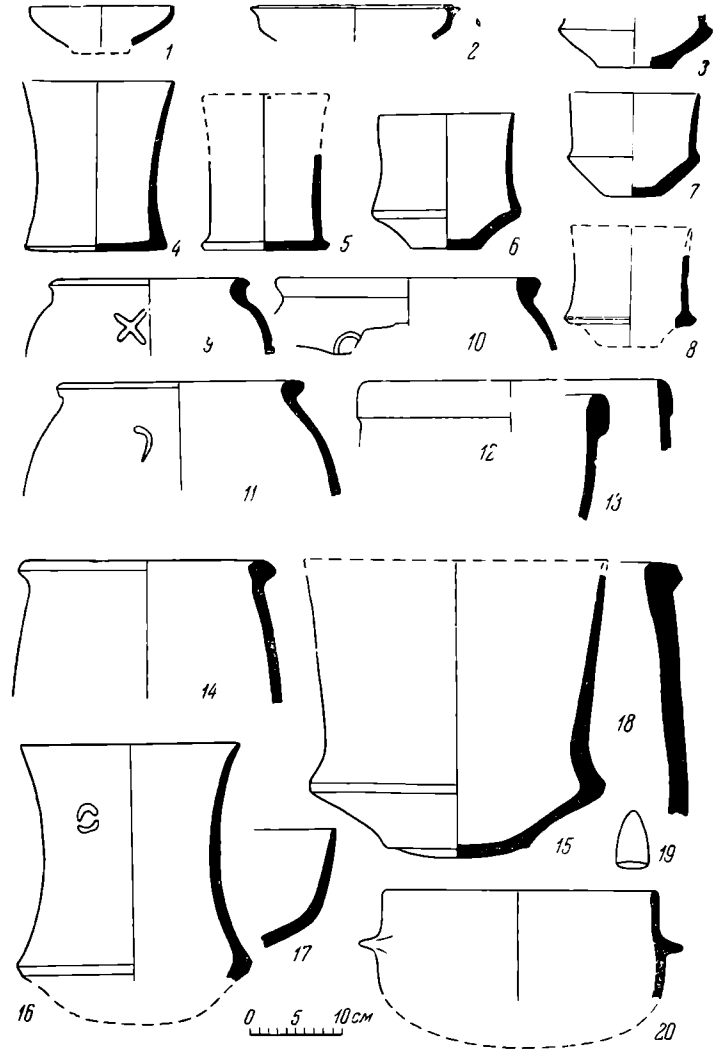


Рис. 3. Керамика I периода

1, 2, 4, 6, 7, 9—20 — пункт 35; *3* — пункт 43; *5, 8* — раскоп 9

всех прочих сосудов розоватым ангобом (рис. 3, *17*). Зольники над слоем, лежавшем на полу, содержали керамику тех же форм и, кроме того, две мисочки — с горизонтальным бортом и с закругленным внутрь краем (рис. 3, *1, 2*). Знаки на сосудах из зольника, как и упомянутые выше, прочерчены до обжига и имеют вид запятой и двух полукружий, обращенных друг к другу (рис. 3, *11, 16*).

В окрестностях Шахи-Зинда слой середины I тысячелетия до н. э. прослежен еще в двух пунктах, а в обрезе средневековой городской стены под ее основанием найдено скопление сосудов с резким перегибом стенок (типа, представленного на рис. 3, *4*, и др.), связанное с четким уровнем какой-то постройки [15]. По словам Н. Б. Немцевой, на юге городища керамика стадии Афрасиаб I встречается и на поверхности, что объясняется постоянными перемещениями толщ земли на территории многовековых кладбищ.

Слои середины I тысячелетия до н. э. выявлены и на северном краю городища в пределах первого кольца городских укреплений. Близ обрыва к Сиабу, под городской стеной III в. до н. э., слой с бронзовым двухперым

[15] Археологические работы в районе Шахи-Зинда проводятся Н. Б. Немцевой.

втульчатым наконечником и керамикой типа Афрасиаб I [16] составляет всего 0,70 *м*, причем по направлению к городу он исчезает вместе с повышением уровня материковой поверхности. Из этого последнего факта и присутствия большого количества древнейшей керамики в теле городской стены становится ясно, что слой на значительном пространстве уничтожен при постройке стены. Сбросы той же керамики обнаружены рядом, вдоль обрывчика на террасе над Сиабом [17]. Последними работами М. И. Филанович слой I периода обнаружен на территории соборной мечети. Западнее, в большой низине, слои с керамикой I тысячелетия до н. э. мощностью несколько метров содержат бракованную керамику и шлак [18].

На западной окраине городища период Афрасиаб I представлен пока отдельными находками вне связи со слоем. Здесь на раскопе 9 (см. рис. 1) расчищен небольшой отрезок канала. В русле канала, на дне его (шурф 2, верхнее русло, занимающее основную площадь шурфа, рис. 4), вместе с человеческими черепами и фрагментами керамики лежал вымытый откуда-то (вероятно, из погребения) бронзовый черешковый трехгранный наконечник стрелы. Грани боевой части наконечника переходят у основания черешка в слабо намеченные лопасти. Черешок на бóльшей части своей длины уплощен (рис. 5, *1*). Этот тип бронзовых наконечников стрел уже достаточно хорошо известен на обширной территории от Монголии до Урала на севере и Памира на юге [19]. За последние годы сделаны находки таких наконечников стрел на юге Узбекистана, в поселении времени Ахеменидов [20]. Исследователи, занимавшиеся вопросами датировки комплексов с трехгранными наконечниками стрел на уплощенном черешке, относят их ко времени в пределах между IX и IV вв. до н. э.

Другой бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы найден в кладке стены X в., куда он попал из культурного слоя, взятого на глину для кирпича. Широкие лопасти его срезаны под тупым углом, втулка не выступает за пределы лопастей (рис. 5, *2*). Такие наконечники стрел с более или менее выраженной втулкой встречаются в памятниках VII—IV вв. до н. э. Ирана, Средней Азии, Кавказа и южного Урала [21].

Из керамического материала с определенностью к комплексу Афрасиаба I может быть отнесен один фрагмент цилиндрического сосуда с резким перегибом стенок в придонной части (рис. 3, *8*). У него характерный красноватый в изломе цвет плотного черепка и светлая поверхность. Найден фрагмент в чужом для него, гораздо более позднем комплексе. На северо-западе Афрасиаба (близ нынешнего раскопа 9) в 1947 г. при прокладе дороги на аэропорт А. И. Тереножкин отметил два пункта с комплексом Афрасиаб I (пункт 49 — пикеты 9 и 10) и один — северо-восточнее, около двойного кольца стены (пункт 38, рис. 1). В числе находок были железный серп, бронзовое зеркало с длинной ручкой и железная лопаточка [22].

[16] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 80, рис. 2, *1*; 4, *1*.

[17] М. И. Филанович. Полевой отчет о работах в стратиграфическом шурфе, заложенном в низине в пределах первого кольца городских стен Афрасиаба (1961 г.). Здесь и дальше рукописные отчеты использованы с любезного разрешения авторов, за что и приношу им свою искреннюю благодарность.

[18] Выявленные районы гончарного производства (северный и южный), вероятно, разновременны.

[19] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 83, рис. 17, табл. XIV, *7*; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 204, табл. Д, *11*, табл. XXVI, *10*; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 47, рис. 16, *2а — 6*, 35*Б*, *1*; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, 2, рис. 9, и др. работы.

[20] Исследования на Кучук-Тепе Л. И. Альбаума.

[21] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, рис. 12; С. П. Толстов. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, 3, рис. 3, *5*, *16*; Г. И. Ионе. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. Материальная культура Азербайджана, III. Баку, 1953, стр. 85; Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. Ереван, 1950, рис. 55, 63; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 23, 22—*9*, 33А, *4ж*.

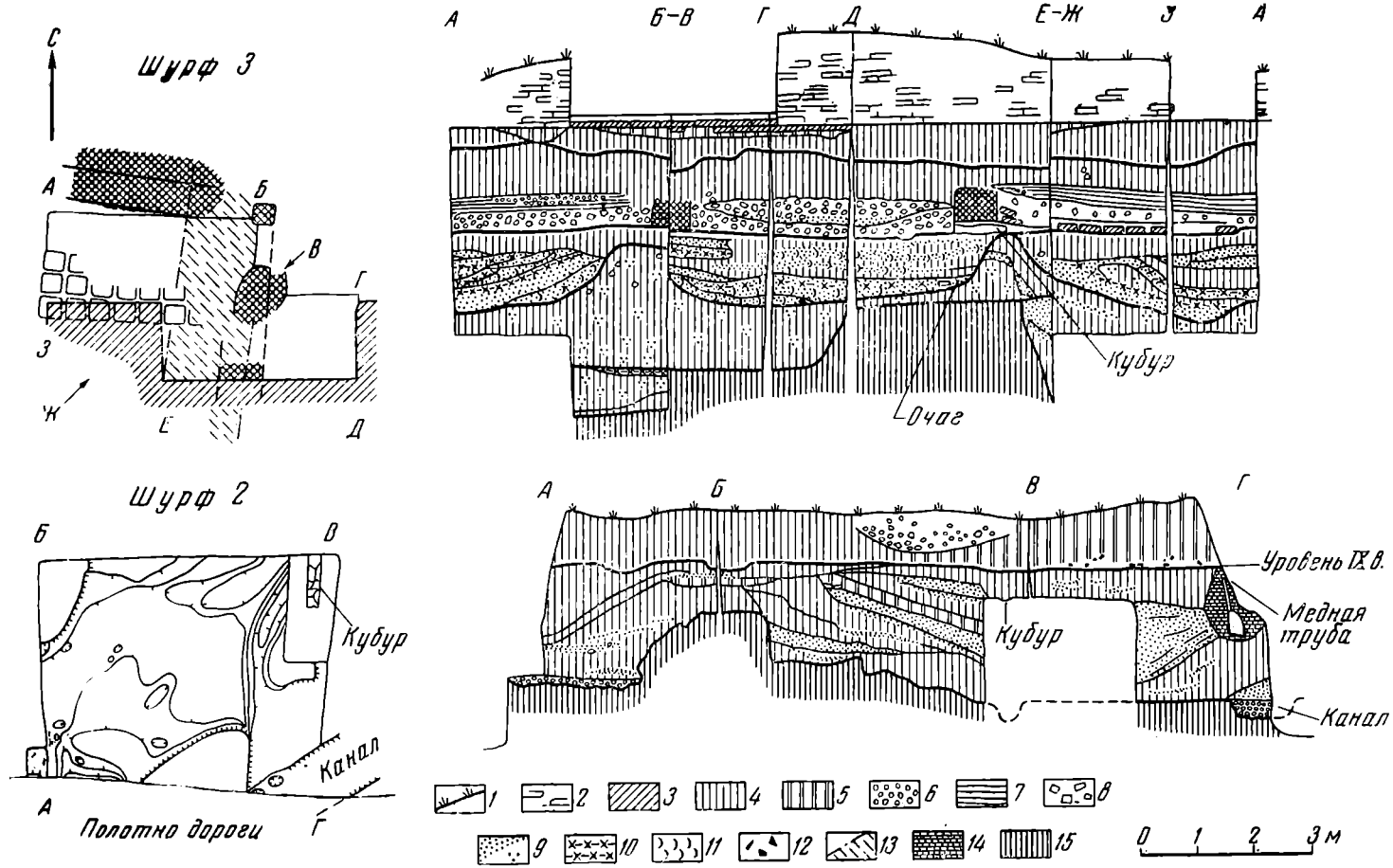


Рис. 4. Планы и развертки шурфов на раскопе 9

Условные обозначения. *1* — дерновый слой; *2, 3* — кладка сырцового кирпича IX—X вв.; *4* — плотный слой; *5* — рыхлый слой; *6* — крупный песок; *7* — слоистый натек; *8* — завал сырцового кирпича; *9* — зольники и рассеянные включения золы и угольков; *10* — гумус; *11* — обломки жаровен; *12* — жженый кирпич; *13* — земляной вал; *14* — поглощающее устройство IX в.; *15* — материковый лёсс

В 1967 г. близ восточного края дороги на аэропорт, южнее раскопа 7, зафиксирован зольник, лежащий на материковом лёссе и содержащий керамику, типичную для середины I тысячелетия до н. э. Таким образом, единичные предметы из раскопа 9 находят себе подкрепление в перечисленных выше материалах и их следует считать перемещенными из нарушенных слоев, существовавших на западе городища. Малочисленные, но характерные формы керамики и бронзовые наконечники стрел на участке раскопа 9 вполне согласуются с комплексом Афрасиаб I, отнесенным А. И. Тереножкиным к V—IV вв. до н. э.[23], что позднее подтвердилось обширным и хорошо датированным благодаря четкой стратиграфии материалом Яз-Тепе в Туркмении[24].

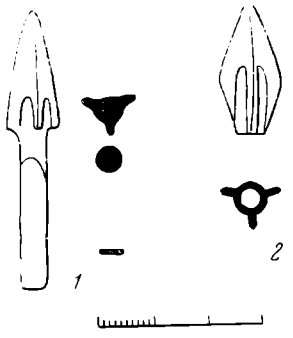


Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел

Западнее раскопа 9 был сделан разрез внешней городской стены. Материк под стеной с внешней стороны образует широкую ступень, на которой лежат две прослойки золы общей толщиной 0,75 м. В материке вырыты две ямки, заполненные рыхлой землей и золой. Подобная картина наблюдается и на северном фасе городища, где в разрезе на раскопе 6 материковый лёсс также образует ступень с внешней стороны города. И на этой ступени лежала выброшенная сверху керамика I тысячелетия до н. э.[25] И в том и другом случае перед нами остатки каких-то древнейших оборонительных приспособлений, использовавших особенности местности, с площадкой вдоль обрыва, по всей вероятности защищенной с внешней стороны стенкой.

Остатки более позднего и конструктивно отличного оборонительного сооружения выявлены на севере городища, западнее раскопа 6, где в 1947 г. А. И. Тереножкин расчистил зольник, керамику из которого он отнес к стадии Афрасиаб I[26]. В 1964 г. этот раскоп был несколько расширен и превращен в разрез для исследования городской стены (раскоп 12А). Как выяснилось, горизонтальная площадка лёссового холма большими ступенями опускается внутрь городища и обрывается отвесной стеной в сторону Сиаба. На ней у самого края обрыва сохранились остатки пахсовой стены (рис. 6)[27], проходившей вдоль северного фаса и рухнувшей вместе с пластами лёсса в Сиаб. К внутренней поверхности стены[28] со стороны городища и прилегает упомянутый зольник, лежащий на верхней ступени: из-за плохой сохранности стены трудно сказать, перекрывал ли зольник разрушенный гребень стены или примыкал к ее поврежденной (слабоуступчатый профиль) поверхности. Зольные прослойки общей мощностью 2 *м* в разрезе имеют вогнутую форму и производят впечатление заполнения какого-то пространства более 3 *м* шириной. Возможно, это пространство было коридором в теле оборонительной стены, внутренняя часть которой уничтожена при возведении средневеково-

---

[22] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. стр. 155, рис. 69, II 2—4.

[23] Там же, рис. 69, II.

[24] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 59.

[25] Работы на разрезе раскопа 6 производились М. И. Филанович весной 1960 г. См. также М. К. Пачос. К изучению стен..., рис. 6. На разрезе А—Б горизонтальная площадка, вырезанная в материковом лёссе, видна слева, на В—Г — справа (более разрушенный участок).

[26] В комплекс материалов, собранных здесь А. И. Тереножкиным, входил каменный молоток. А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, I, 1.

[27] Схема составлена В. А. Шишкиным.

[28] М. Пачос, проводивший здесь работы, почему-то не обратил внимания на остатки ранней стены, хотя на чертеже разреза она нанесена и выделена особой штриховкой.

го укрепления. Поскольку зольник примыкает к плоскости стены, а не нарушен ею, керамика, извлеченная из него должна послужить основанием для выяснения времени функционирования стены. В керамике из зольника преобладают формы, характерные для периода Афрасиаб I. К примеру, А. И. Тереножкин извлек отсюда сосуд баночной формы с острым ребром при переходе к широкому, чуть выпуклому дну. Но в 1964 г. здесь встречены фрагменты широкогорлых кувшинов более типичных для комплексов II периода, и пирамидальное грузило из обожженной глины. Там

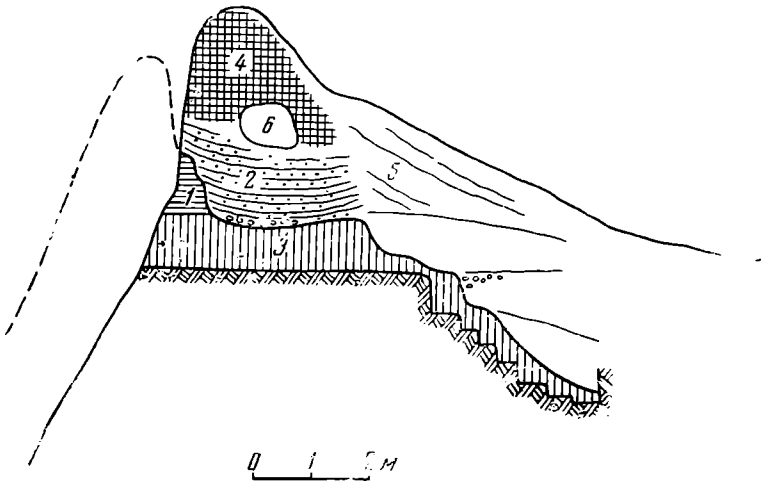


Рис. 6. Схема разреза 12А

1 — остатки древней стены; *2* — зольные прослойки; *3* — материковый лёсс; *4* — средневековая стена; *5* — оплывы средневековой стены; *6* — рыхлый слой

же найдена нижняя часть сосуда, занимающего промежуточное положение между глубокой чашей с волнистым профилем стенок из комплекса Яз III [29] и сосудами баночной формы с изломом комплекса Афрасиаб I. Сосуд из зольника сформован иначе, чем последние, ребро его без срезов, округлых очертаний, придонная часть подправлена ножом. Формы керамики позволяют датировать зольник IV в. до н. э. В таком случае стена, к которой он примыкает, должна быть отнесена, вероятнее всего, ко времени до прихода в Мараканду Александра. Уточнение даты возведения второго по времени укрепления древнего Самарканда — дело будущего.

Древнее население, освоившее холмистую местность и превратившее ее в укрепленный пункт, должно было не только использовать особенности рельефа, но и соответствующим образом приспособить его для целей обороны. И прежде всего потребовалось придать склонам холмов наибольшую крутизну. Лёссовые же отвесные стены легко слоятся по вертикали и рушатся. Этот процесс можно увидеть на Афрасиабе в районе мавзолея Ходжа Данияра, где каждый год в зимний период от обрывистого края городища отваливаются громадные глыбы. Об этом обстоятельстве нельзя забывать, исследуя слои у самого края городища.

М. Пачос в своей диссертационной работе пришел к выводу об отсутствии признаков города на территории Афрасиаба раньше IV в. н. э. [30] Вывод сделан на основе многочисленных разрезов стен, но обращает на себя внимание один немаловажный факт. Разрезы, как правило, обнажают лишь верхушку лёссового останца под основанием поздней стены, а не доведены до относительно горизонтальной линии древней почвы, на

[29] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура.... табл. XLII, 3.
[30] М. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 15, 16.

уровне которой и должно ожидать древнейшие слои. В этом плане показательно изучение стен северного фаса, где раскопы, затронувшие вершины материковых холмов, не дали материала той древности, который был получен тут же, рядом со стеной на горизонтальных площадках (раскоп 6, разрезы 6 и 12). Только случайный зольник оказался на верхней широкой ступени останца.

Можно полагать, что вся северо-западная четверть городища, включая перечисленные пункты на западе, входила в систему древнейших оборонительных сооружений. Выбор места для поселения на высоких (20—30 *м*) холмах, в сильной степени затруднявших водоснабжение, сам по себе свидетельствует о приспособленности его к обороне. Около середины I тысячелетия до н. э. холмы были укреплены оборонительными сооружениями недостаточно выявленной конструкции, а несколько позднее — пахсовой стеной. Если справедливо сообщение Страбона о том, что в числе других городов Александр разрушил Мараканду[31], то перед нами остатки не вполне срытых стен. Источники не сохранили рассказа о взятии Мараканды, и трудно даже предположить, в какой степени мог пострадать при этом город. Ничего не сказав о действиях Александра в Мараканде, Квинт Курций сообщает, что, оставив в городе гарнизон, он опустошает и сжигает ближние села[32]. Возможно, этот факт привел К. В. Тревер к мысли о добровольной сдаче города[33]. В ходе освободительной борьбы с македонцами Мараканда становится центром событий, хотя, оговаривает Квинт Курций, жители города не одобряли восстание[34]. Последнее заявление могло относиться к «отцам» города, боявшимся расправы в случае неудачи. Можно допустить, что разгневанный участием горожан в восстании, Александр приказал разрушить городские укрепления.

Дело дальнейшего кропотливого изучения — выяснить связь северо-западного и южного районов заселения. Составляли ли они единую территорию города, или собственно город этого периода ограничивался северо-западной четвертью городища, решить пока нельзя. Тем более рано говорить о социальной структуре города. В северо-западной низине в трех культурных слоях в изобилии найдены только довольно грубая толстостенная керамика и отбросы керамического производства[35]. Отличается состав керамического комплекса из заполнения гончарной мастерской, где процент толстостенной керамики возрастает. Положение гончарной мастерской на краю холмов, составляющих единое плато Афрасиаба, позволяет предположить, что и южные районы городища входили в черту города.

Наличие специализированных мастерских с товарным производством допустимо и для более ранних периодов, а для середины I тысячелетия до н. э. подтверждается наблюдениями В. М. Массона на крупных поселениях Маргианы, где гончарные печи сосредоточены в одном квартале[36]. О высоком уровне керамического производства в этот период говорит уже само применение гончарного круга, а кроме того, и технологическое исследование керамики, проведенное Н. С. Гражданкиной. Гончарная масса составлялась из смеси лёсса и глины типа керамзитовой (гильмоя) с добавлением пуха камышовых метелок для уменьшения воздушной усадки. Сосуды изготовлялись несколькими способами, обычно из одного куска глины. Иногда стенки и днище сосуда формовались отдельно и скреплялись после подсушки. В распоряжении гончаров были печи достаточно совершенных конструкций, дававшие температуру до 900—950° С. Но па-

---

[31] Страбон. XI, 10, 4.
[32] Квинт Курций. VII, 6, 10.
[33] К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. ВИ, 1947, 5, стр. 115.
[34] Квинт Курций. VII. 7, 24.
[35] Сведения взяты из отчетов М. И. Филанович.
[36] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 69.

раллельно с ремесленным существовало и домашнее производство котлов. Здесь использовался способ лепки из глиняной ленты, а обжиг производился на кострах при свободном доступе воздуха (отчего получался серый черепок), где температура не поднималась выше 500—530°. В гончарную массу делались добавки крупного песка, дробленого сланца или керамики.

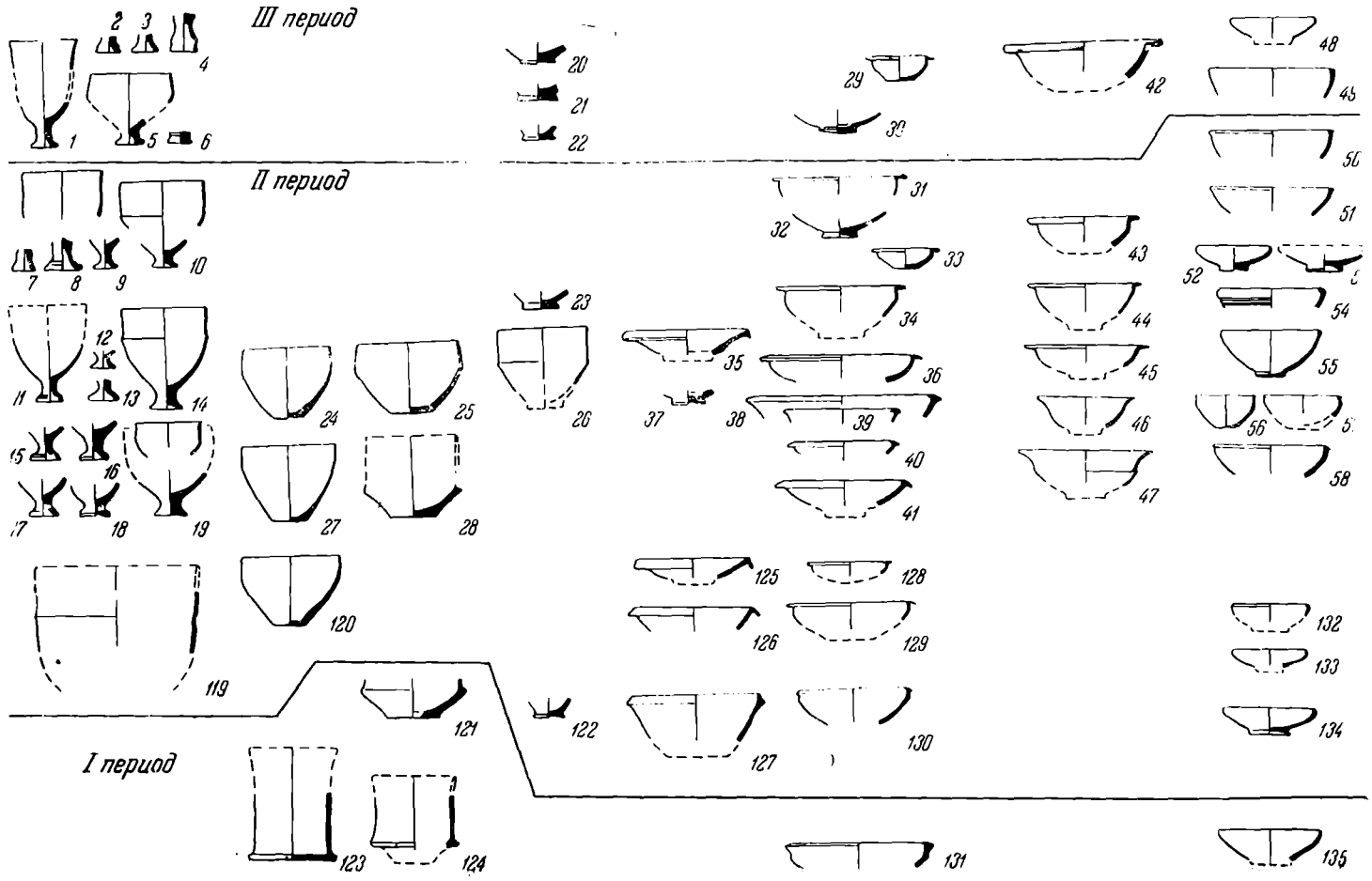
Освоение безводных холмов было связано с трудностями водоснабжения. Результаты нивелировки окрестностей Афрасиаба в 1904 г., произведенной по просьбе В. В. Бартольда, показали, что вода в город могла подаваться только с южной стороны и только по специальному устройству [37]. Русла главных каналов перемещались незначительно (в условиях сложного рельефа Афрасиаба прокладка нового русла была сопряжена с немалыми усилиями), а их направление оставалось неизменным на протяжении всей жизни города. Западный канал проходил с юга на север в месте нынешней дороги на аэропорт. Его древнее русло на небольшом отрезке было раскрыто в районе раскопа 9. Другой канал перерезал городище по центру. На плане Афрасиаба 1885 г., правда с некоторым трудом, поскольку составлен он после проведения здесь дороги Ташкент — Самарканд, вдоль восточной стороны городища можно проследить еще одну узкую низину, где могло пролегать русло восточного канала, отводы из которого снабжали водой южный район городища.

Археологический материал, полученный из русел каналов, не дает повода утверждать, что каналы, а следовательно, и водоподъемное устройство уже существовали в первый период освоения территории Афрасиаба. С полной уверенностью можно говорить о функционировании магистральных каналов во II периоде, хотя вероятнее более раннее сооружение ирригационной системы города, тем более, что на севере городища в середине I тысячелетия до н. э. существовала система искусственных водоемов.

Культурные слои II и III периодов прослежены по всей территории городища (рис. 1), если только не уничтожены позднейшими земляными работами, но и тогда они фиксируются по находкам керамики в строительных материалах поздних построек. Оба периода представлены одними и теми же ведущими формами керамики, которые на протяжении длительного времени столь слабо изменяются, что до массового накопления материала не представляется возможным проследить их развитие. Нижняя граница II периода определяется резкой сменой облика преимущественно столовой посуды, когда широкое распространение получают красный ангоб, сплошное и полосчатое лощение. В большом количестве встречаются банковидные красноангобированные бокалы на маленьком плоском донце (рис. 7, *24, 27, 120*) с вертикально-полосчатым лощением; чаши красноангобированные с Т-образным и плавно отогнутым бортом, часто лощеные радиальными полосами (рис. 7, *31—34, 36, 38, 41, 44, 45, 128, 129*); светлоангобированные чаши с венчиком клювовидного профиля (рис. 7, *35, 38, 125, 126*) и с закругленным внутрь краем (рис. 7, *48, 52, 53, 133, 134*). Многие формы керамики связывают ее с предшествующим периодом. О том, что такие типичные для II и III периодов формы, как чашечка с закругленным бортом на кольцевом поддоне с утолщением в центре, чаша с горизонтальным бортом, баночной формы бокалы, зарождаются в более ранних комплексах, свидетельствует не только материал самого Афрасиаба (рис. 7, *131, 135*), но и близкие ему комплексы Маргианы [38]. А серия сосудов типа хумча сохраняет ту же форму, что и в I периоде. Это крупные сосуды почти цилиндрической формы с резко выраженным ребром при переходе от стенок к округлому днищу и с манжетовидным венчиком (рис. 7, *86, 87, 89, 148*). Только в конце III периода меняется форма вен-

[37] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., III, М., 1965, стр. 188.

[38] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XXXVII, *16*; XXXIX, *17, 18*.


III период
II период
I период

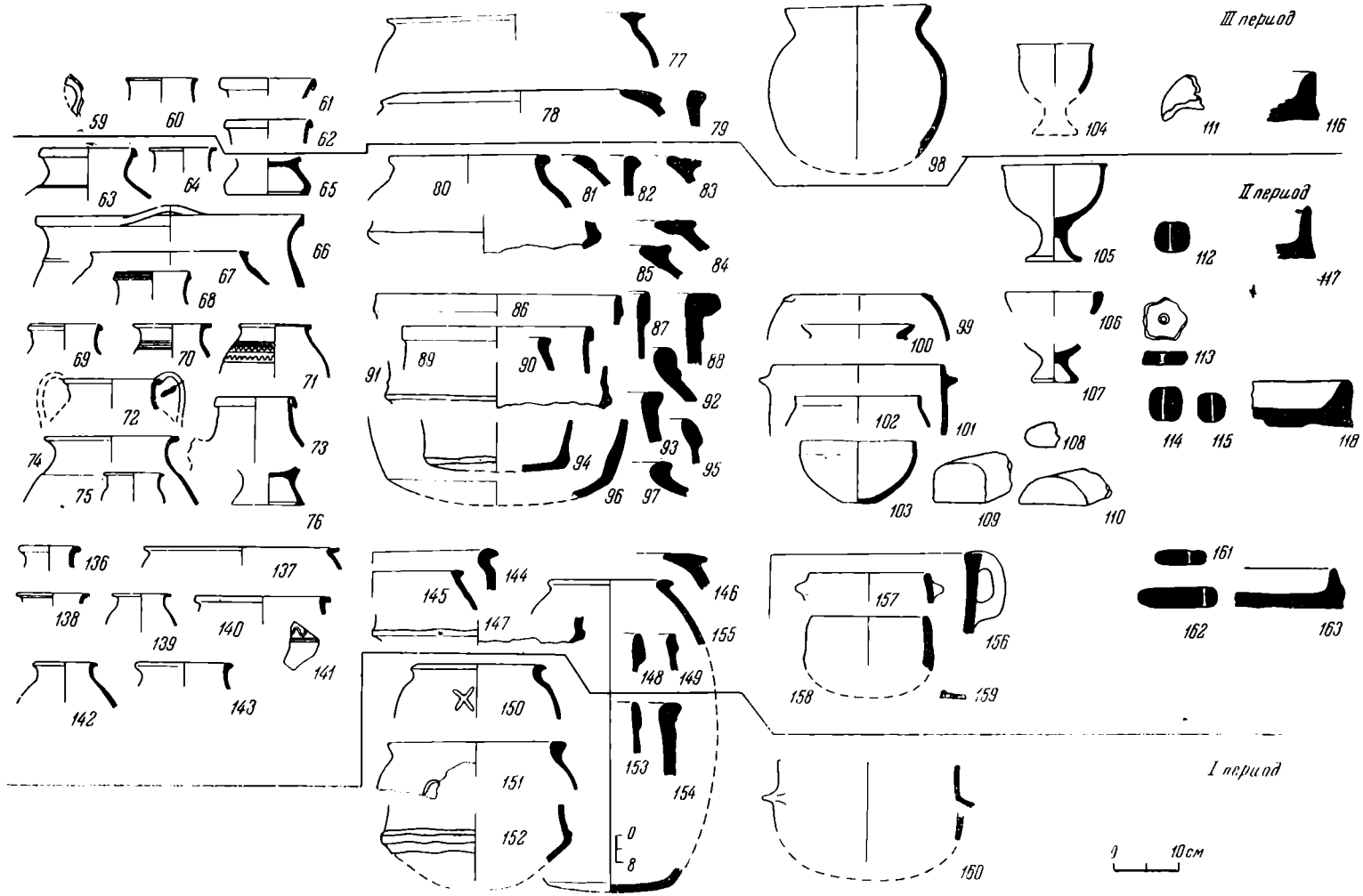


Рис. 7. Сводная таблица керамики

чика, а затем этот тип керамики исчезает. Различие между II и III периодами устанавливается по обилию лощеных кубков на ножках в слоях III периода (рис. 7, *7—19*). Что касается датировки этих двух периодов у А. И. Тереножкина (IV—II вв. до н. э.), то рамки ее следует расширить до I в. н. э., когда, по-видимому, появляются кубки на неустойчивой ножке и меняется весь керамический комплекс.

В связи с большим сходством керамических форм II и III периодов не всегда с определенностью удается установить принадлежность небольших групп керамики (например, разрозненные фрагменты из кладок стен) определенному слою. Поэтому, рассматривая топографию находок на Афрасиабе, часто приходится говорить о слоях II—III периодов совместно. Для II периода на северном фасе городища выявлены мощные укрепления над обрывом к Сиабу. Керамика, включенная в тело стены и лежащая у ее основания, слой Афрасиаб I под стеной, дают достаточно определенную дату возведения стены — III в. до н. э. Эта стена строилась одновременно на значительном протяжении. Она проходила вдоль обрыва, следуя его естественным поворотам. На восток от исследованного С. К. Кабановым отрезка стены на месте траншей В. Л. Вяткина выявилась картина ниспадающих от обрыва в сторону городища зольных слоев (раскоп 12Б[39], рис. 1). Направление слоев не вызывает сомнений в существовании помещений на обрушенном ныне краю обрыва, где на горизонтальной площадке материка (как и на раскопе 12А) стояла городская стена. О верхней границе освоения внутристенных помещений дает представление материал из слоя, лежащего на крутом склоне материкового холма со стороны города. Здесь найдены большие вазы, ниже лежали кубки ранних типов. Разрез обнажил только верхние ступени материкового основания и не доведен до подножия холма, почему самые нижние слои здесь остались неизвестными.

При зачистке промоины в северной стене цитадели выяснилось, что с внутренней стороны стена стоит на внешнем краю холма и на культурном слое 0,5 *м* толщиной[40]. Слой, лежащий на крутом склоне древнего холма ниже обрывающегося вертикально, заставляет предположить и на этот раз, как в подобных случаях на северном фасе городища, существование более древнего укрепления. Время возведения и характер укрепления поможет объяснить расчистка лёссового холма в глубь цитадели и вниз к его подножию. Поскольку этот единственный разрез на цитадели[41] затронул внешнюю обкладку неисследованного раннего сооружения, судить о времени возникновения цитадели не приходится, тем более что неясно время появления на лёссовой ступени культурного слоя, накопившегося в результате сбросов из сторожевых помещений в стене или других жилых построек. Можно говорить о ремонте или, скорее, восстановлении цитадели. По Арриану и Курцию Руфу[42], в Мараканде была укрепленная цитадель. Сведения Арриана об осаде Спитаменом македонского гарнизона в цитадели и Курция о том, что Спитамен заперся в стенах города, не окажутся противоречивыми, если представить себе первоначальную цитадель, как и более позднюю, внутри города. Спитамен, войдя в город, заперся в стенах его и осадил цитадель с загнанным туда гарнизоном[43].

Шесть раскопов и четыре зачистки в пределах так называемого первого укрепления показывают, что первичная стена (по северному фасу сохранился фрагмент IV в. до н. э.) разрушалась неравномерно и по мере необходимости ремонтировалась или восстанавливалась. И уже сейчас на-

[39] Работы М. Пачоса и Т. Агзамходжаева.

[40] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 7.

[41] Разрез 15А, который М. Пачос считает разрезом юго-восточной башни цитадели, на самом деле приходится на восточный отрезок так называемого 1-го кольца стен.

[42] Арриан. IV, 3, 6; Квинт Курций. VII, 6, 10.

[43] Квинт Курций. VII, 6, 24.

считывается не менее пяти строительных периодов, охватывающих промежуток времени более тысячелетия (разрез 12А на рис. 6; раскоп 6[44], разрезы 12 и 15).

Двойная и малая третья стены возведены на остатках культурного слоя толщиной до 2,5 *м*. Время накопления слоя в большинстве случаев неизвестно[45], но в пахсовых кладках стен и в нижних слоях под стеной на востоке (раскопы 13Г и 14) содержится материал II и III периодов.

Внешнее четвертое кольцо укреплений, как и по северному фасу, возводилось не одновременно. Вызывает большие сомнения датировка мощной кладки городской стены из сырцового кирпича (35—40) × (35—40) × × (15—16) *см* к востоку от Шахи-Зинда хорезмшахским временем[46]. Известно, что начало XIII столетия было смутным временем для Самарканда. Султану Осману пришлось укреплять свое положение женитьбой на дочери хорезмшаха Мухаммеда. В 1211 г. Мухаммед жестоко расправился с восставшими самаркандцами. А через восемь лет началось вторжение в Среднюю Азию Чингиз-хана. Сомнительно, чтобы в ближайшие к вторжению монголов годы возможно было возведение монументальной городской стены. На большой высоте от подножия стены внутри ее выведен коридор. Кладка велась из клейменных кирпичей с камышовыми прокладками строго через каждые три ряда кирпича. Отпечатки камыша, а местами в толще стены и его остатки прослеживаются от самого основания на всю сохранившуюся 20-метровую высоту стены[47]. Такая монументальная стена, в добротной кладке которой не чувствуется никаких признаков спешки, вряд ли могла быть возведена в период длительных политических неурядиц, безусловно сказавшихся на экономике города. Время возведения южного отрезка четвертой стены еще предстоит выяснить, но некоторые черты (размеры кирпича, внутристенный коридор) сближают ее с северной стеной III в. до н. э.

Археологические материалы последних лет не дают оснований опровергать отождествление Мараканды с городищем Афрасиаб. Они позволяют с уверенностью говорить о жизни на северо-западном и южном участках городища и подтверждают городской характер поселения середины I тысячелетия до н. э., размеры и структуру которого предстоит выяснить. В последующие века была обжита вся территория Афрасиаба и возведены мощные оборонительные сооружения.

G. V. Chichkina

SUR L'EMPLACEMENT DE MAROKANDE

Résumé

En raison de ce que ces derniers temps certains archéologues mettent en question la localisation de la Marakande des auteurs grecs sur le territoire de l'ancien Samarkande — ville antique Afrociab la précision du temps de l'apparition de la ville sur ce terrain se revête d'une extrême importance. Sur de grandes surfaces de la ville antique les dernières années on a découvert et exploré les couches du milieu du Ier millénaire avant notre ère. A part cela on a découvert les vestiges des fortifications se rapportant à deux périodes — celle du milieu du Ier millénaire avant notre ère et celle du IIIe siècle avant notre ère. Ces fortifications englobaient au moins un quart nord-ouest de l'oppidum.

Les matériaux obtenus durant les fouilles prouvent l'existence d'une grande ville sur le territoire de l'ancien Samarkande en période antérieure à l'invasion d'Alexandre le Grand en Asie Centrale.

[44] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция..., где на рис. 1 представлены два периода городской стены.

[45] М. Пачос. Из раскопок..., стр. 21, 25.

[46] М. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 15.

[47] Камышовые прокладки в среднеазиатском строительстве широко применялись в период средневековья. Но в данной связи интересно сообщение Геродота о способе возведения стен Вавилона с камышовыми плетенками через каждые 30 кирпичей (Геродот. I, 179), свидетельствующее о значительной древности этого приема.

О. В. ОВСЯННИКОВ

О КОСТОРЕЗНОМ РЕМЕСЛЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Интерес к русской средневековой резной кости как особой группе предметов материальной культуры понятен и закономерен. Внимание исследователей привлекало обычно позднее средневековье, в котором предпочтение отдавалось северным косторезам. Однако и в этих хронологических рамках исследователи ограничивались, как правило, искусствоведческим подходом. В русских резчиках по кости видели преимущественно талантливых «умельцев», деятельность которых рассматривали в отрыве от общих экономических процессов, происходивших в рамках централизованного русского государства. В данной работе автор стремился отметить самые общие тенденции в развитии косторезного ремесла в средневековой, главным образом в послемонгольской, Руси.

Обилие изделий из кости на домонгольских древнерусских памятниках позволяет предполагать повсеместную распространенность обработки этого материала, относительно широкие масштабы производства и наличие специальных людей, занятых в нем. Мы не касаемся обработки кости в деревне, где она носила характер домашней промышленности, а также в феодальных вотчинах, в которых ремесло не было товарным производством, а являлось формой феодальной повинности в системе натурального хозяйства. Выделение косторезного ремесла в самостоятельную отрасль относят к X в. [1] или, более широко, IX—XIII вв. [2].

С. А. Изюмова обоснованно указала на следующие типы резьбы, включая токарную: гравировка, плоскостная (плоскорельефная) и объемная резьба [3]. Нам представляется возможным выделить еще один тип — резьба напроем, применяемая при изготовлении прорезных вещей. Существование в домонгольской Руси ажурной резьбы (не следует путать резьбу напроем, которая может быть в достаточной степени сложной и тонкой, и ажурную, которая появляется лишь в позднее средневековье), как это предполагает С. А. Изюмова, вызывает сомнение.

Древнерусские косторезы [4] обрабатывали все основные сорта кости — животную («скотскую»), слоновую, «рыбьи зубы» и рог. Употребление того или иного сорта кости определялось как функциональным назначением вещи, так и социальным положением ремесленника и заказчика [5].

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.— Л., 1958, стр. 416.

[2] С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 21.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Краткую сводку о косторезном ремесле и мастерских в древней Руси см.: Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 413—414.

[5] «Рыбьи зубы» — моржовая кость — в древней Руси ценилась очень высоко, преподносилась в качестве подарков князьям (Ипатьевская летопись. 6618 (1160) г). Беломорские промыслы в большей части находились в руках Великого Новгорода. Любопытно, что в Новгороде был найден кусок моржового клыка с надписью «ДОМО». А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 363. Право посылать ватаги на Белое море имели и великие князья. ААЭ, I, СПб. 1836, № 1—2 (1294—1340 гг.). Даже в XV в., в 1476 г. в числе подарков Ивану III от новгородских посадников упоминаются «рыбьи зубы». К. В. Базилевич. Имущество московских князей в XIV—XVI вв. Тр. ГИМ, III, М., 1926, стр. 29.

Нельзя не обратить внимание на то, что в слоях древнерусских городов домонгольского времени наряду с костяными гребнями найдены и деревянные (Новгород, Минск, Новогрудок, Торопец) [6]. Схожесть техники производства костяных и мелких деревянных вещей делает правдоподобным предположение, что костяные и деревянные гребни могли производиться в одной мастерской, одним и тем же мастером. Наличие костяных изделий со следами токарной обработки (в первую очередь шахматных фигур[7]) дает, на наш взгляд, еще один факт тесной взаимосвязи обработки дерева и кости в ту эпоху. Наряду с изготовлением точеной посуды, деталей мебели токарь мог использовать свои специфические технические навыки для изготовления определенного набора изделий из кости. Сопоставление продукции обнаруженных киевских мастерских[8] и великолепно выточенных шахматных фигур свидетельствует о различном уровне мастерства и квалификации ремесленников.

Сведения об обработке кости в XIV—XV вв. немногочисленны. Раскопками в Новгороде найдено значительное число деревянных гребней и шахматных фигур наряду с костяными[9]. Таким образом, традиция, выражающаяся в тесной взаимосвязи обработки кости и дерева, продолжает существовать. Некоторую информацию содержат новгородские писцовые книги самого конца XV в. В писцовой книге 1500 г. в Иван-городе упомянут «Васко гребник» [10], в г. Яме — «Парфейко токарь» [11]. Отрывочность данных по интересующему нас вопросу следует отнести скорее к скудности и неразработанности источниковедческой базы, чем к застою в обработке кости в этот период. Более существен тот факт, что мы не имеем данных, свидетельствующих о каких-то принципиальных отличиях в организации производства и сбыта костяных и мелких деревянных предметов в домонгольской Руси и в XIV—конце XV в.

Следующий период (XVI—XVII вв.) следует рассматривать особо. Не только потому, что он отличается от предшествующего времени обилием как письменных источников, так и самых произведений этого ремесла. Прежде всего следует отметить качественно новые явления в экономической жизни позднесредневековой Руси, выразившиеся в углублении общественного разделения труда, в развитии ремесла до уровня мелкотоварного производства [12]. Рассматриваемый период — это время предпосылок формирования всероссийского рынка и сложения его.

Если до конца XV в. товарность городского ремесла ограничивалась в основном спросом местного, довольно узкого рынка, то с начала XVI в. положение меняется. Образование русского централизованного государства с громоздкой бюрократической системой управления, с большой армией, увеличение численности городского населения привело к значительному увеличению потребности в товарной массе сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий [13]. Темпы перерастания ремесла в мелкотовар-

---

[6] А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 7; В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Из истории торговли древнего Новгорода. СА, XXIV, 1955, стр. 93. О находке деревянных гребней в Новогрудке и Торопце сообщили Ф. Д. Гуревич и М. В. Малевская.

[7] И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 68.

[8] А. М. Шовкопляс. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. КСИА АН УССР, 3, 1954, стр. 27 сл.

[9] В. Е. Вихров и Б. А. Колчин. Ук соч., стр. 93; И. М. Линдер. Ук. соч., стр. 71.

[10] НПК, III, СПб., 1868, стр. 884.

[11] НПК, IV, СПб., 1896, стр. 228.

[12] С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. Научные труды, I, М., 1952, стр. 25.

[13] Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто. Товарное производство на Руси (до XVII в.). ВИ, 1954, 1, стр. 132.

ное производство, процесс общественного разделения труда в XVI—XVII вв. значительно ускорился. Важнейшим показателем этого процесса является рост общественного разделения труда не только в городе, но и в деревне. «К концу XVI в.,—пишет Б. Н. Тихомиров,— наряду с отдельными ремесленными дворами уже встречаются села с большим скоплением ремесленного люда» [14]. Теперь уже общий объем ремесленной продукции в русском государстве включал в себя значительную долю производства деревенского ремесла. Средоточием различных ремесел становятся монастырские вотчины.

Ремесленная обработка дерева и кости, объем товарной продукции этих производств далеко перешагнули черту средневекового русского города. Мы продолжаем рассматривать группу ремесленных специальностей совместно, ибо, как показывают факты, они очень тесно связаны с обработкой кости и дерева. Характерно, что такие специальности, как гребенщик, токарь, резец, пуговичник, указываются вне связи с определенным видом сырья. Наряду с определением «гребенщик» [15], встречается «гребник» [16]. Лишь в Торецкой книге 1540 г. ремесленники связаны с тем видом сырья, которое они обрабатывают — «Федко роговик» и «Данилко рожечник» [17].

Термин «костерезы» появился сравнительно недавно, еще в XIX в. их называли «мастер костяных дел», «костянник», «гребенщик», «гребенный мастер», резчик, токарь [18]. Особо выделились те токари, которые знают «мастерство на меди, кости, железе и дереве» [19]. И. Н. Уханова проследила по документам, что лишь в начале XIX в. получает хождение термин «токарный костяной цех» [20].

Любопытно, что единственное пока известие XVII в. о «костяном дел токаре» встречается в документах мастерских Оружейной палаты [21] ибо сама специфика придворных мастерских способствовала и более узкой технологическо-профессиональной специализации ремесленников и технической оснащенности производства. Характерно, что царский указ костяных дел токарю предписывал один комплект шахматных фигур выточить, а другой сделать резным [22]. Т. е. в этом случае мастер совмещал функции токаря и резчика, и это, по всей видимости, не было каким-то исключением.

Наиболее обильный и систематический материал дают писцовые и лавочные книги XVI в. Новгорода Великого [23]. Данные эти по интересующим нас специальностям систематизированы и сведены А. В. Арциховским в таблицу. Оказалось, что в 80-е годы в Новгороде работало 13 гребенщиков, 42 токаря, 3 резца [24]. Налицо явное преобладание ремесленников с токарной специализацией, что, несомненно, отражает более универсальный подход к материалу, широкий круг вырабатываемого

[14] Б. Н. Тихомиров. Ремесло в Московском государстве в XVI в. ИАН, 2, Л., 1933, Отд. обществ. наук, стр. 103.

[15] Писцовые книги XVI в. СПб, 1872, 1, стр. 923.

[16] НПК, IV, стр. 228.

[17] Торопецкая книга 1540 года, Археографический ежегодник за 1963 г., М., 1964, стр. 285.

[18] И. Н. Уханова. К вопросу о формировании косторезных центров в России XVIII — начале XIX в. МЭ, 2, Л. 1962, стр. 4—5.

[19] И. Н. Уханова. Ук. соч., стр. 4, 5.

[20] Там же.

[21] И. М. Линдер. Ук. соч., стр. 116.

[22] Там же.

[23] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. РАНИОН, М., 1930; Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому. СПб., 1912.

[24] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. НИС, 6, Новгород, 1939, стр. 12, 13. А. П. Пронштейн дает несколько другие цифры: токарей 38, гребенщиков 12, причем все эти специальности помещает в группу ремесленников, занимающихся обработкой дерева. А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, стр. 73, 87.

ассортимента и соответственно — больший спрос на их продукцию. В связи с этим характерно, что гребенщики, как правило, «молотчие люди», среди токарей встречаются «середние», среди резцов — «лутчие» [25]. Один из резцов — Васка в момент переписи (1585—1586 гг.) находился уже в Москве у государя в резцах [26].

Обработкой кости и дерева в XVI—XVII вв. занимались во многих русских городах [27]. Обычно ремесленники сами сбывали свою продукцию, хотя посредник в лице скупщика все энергичнее вторгается в жизнь городского и сельского рынка.

В XVI—XVII вв. значительно увеличились масштабы обработки дерева и кости в монастырских хозяйствах. В Иосифо-Волоколамском монастыре в 1579—1580 гг. среди 119 человек обслуживающего ремесленного персонала было два токаря [28]. Б. Н. Тихомиров по данным приходно-расходных книг XVI в. этого монастыря выявил различные категории ремесленников, обслуживающих монастырь: свободные городские ремесленники (нанимались для выполнения срочных заказов), перехожие ремесленники из местной братии, зависимые ремесленники, поселившиеся на определенных условиях, мастера, отрабатывающие свои вклады [29]. Любопытно, что один из зависимых ремесленников — токарь получал от монастыря жалованье за недельную выработку (выработка составляла 30 ставцов, 20 братин, 20 блюд) [30]. Несколько позднее в монастыре появился целый комплекс по выделке посохов — «кочережникова изба», и в ведомости раздачи жалованья за 7066 г. упоминаются два токаря и два кочережника [31]. В самом начале XVII в. возникает интересный производственный комплекс по обработке дерева и кости в Кирилло-Белозерском монастыре — «токаренная изба», входившая в так называемый «шваленный дворец». В приходно-расходной книге монастыря за «120 год» записано, что «подмонастырский крестьянин дер. Понтино Якуня Юрьев на шваленный дворец на токаренную избу выронил лес и срубил и внутри в избе зделал со всем сполна, найму ему за все 8 рублев» [32]. Среди мастеров «шваленного дворца» упоминаются мастера, связанные с обработкой дерева и кости; Меншик, Оксенка, Первуша — токари, Калина судописец, Оська и Максимка — ложкари, Исак — кочережник [33]. «Чашник» упоминается в монастырских документах еще в 1601 г. [34]. Об обработке кости в токаренной избе свидетельствуют следующие записи: «У казны куплено 1450 ложек, шадровых с костьми и без костей, дано 5 р. 2 алт. 3 д.» [35]. На складе хранилось «300 ложек репчатых добрых и присадками из рыбьего зуба» [36]. Токаренная изба производила ложки, посохи, ножевые черенья, деревянные братины и всякие «точеные сосуды». Для работы в токаренной избе монастырь привлекал мастеров из своих дере-

---

[25] Б. Д. Греков. Опись..., стр. 15, 44, 53 и др.

[26] Там же, стр. 53.

[27] Писцовые книги XVI в. стр. 923; II, СПб, 1877, стр. 1073—1074; Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896, стр. 8, 32—34, 41; Устюг Великий, материалы для истории города XVII и XVIII столетий. 1883, стр. 10, 87, 144; В. И. Шунков. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. ИЗ, 5. 1939, стр. 111 сл.

[28] М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. ИЗ, 3, 1938, стр. 150—153.

[29] Б. Н. Тихомиров. Ремесло..., стр. 111—118.

[30] Там же, стр. 112.

[31] Там же, стр. 112—113.

[32] Архив ЛО АН СССР, ф. 247, оп. 1, ед. 45, Л. 16 об. Книги приходные и расходные 120 году (1 сентября 1611 г.— 31 августа 1612 г.).

[33] Там же, л. 75 об.— 76. Книги казенные приходные и расходные казначея старца Антония 123 года (1 сентября 1614 — 28 февраля 1615 г.).

[34] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625 гг.), I, 1, СПб, 1897, стр. 220.

[35] Архив ЛО АН СССР ф. 247, оп. 1, ед. 45, л. 74 об.

[36] С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 97, 98.

вень. Так, в записях 123—124 гг. упоминается крестьянин д. Иванова Бора Марк-токарь[37]. В монастырских мастерских обрабатывали кость не только на токарных станках, но и «резали» ее. В 1601 г. были сделаны кнут «с тремя владыгами, резными в кости» и складни, «четырех святых» из кости[38].

Уже в XVI в. наряду с отдельными ремесленниками в деревне были целые ремесленные села. Одним из таких сел (с. Клементьевское) в Московском уезде владел Троице-Сергиевский монастырь. Среди пашенных и непашенных крестьян этого села были представители различных ремесел, в том числе токарь[39]. В 1595 г. монастырю было дано право сбора пошлин в свою пользу в с. Клементьевском и Радонежском городке от продажи различных товаров, в числе которых упомянуты деревянные гребни и гребенки[40]. Возникновение центров ремесла и торговли среди сельских поселений и тенденция к постепенному перерастанию этих поселений в посады является существенно новым моментом для Руси периода сложения единого всероссийского рынка. Довольно наглядную иллюстрацию этому дают записи в «Книге расписных мелочных товаров Московской большой Таможни» 1694 г.[41] Так, в частности, говорится о привозе больших партий ножей из с. Вяцкого (Коломенский уезд). Приведем данные записей за весь 1694 г. 1-я партия: 1400 ножей средней руки; 1500 полусередовик, черенье красное; 900 ножей, черенье костяное говяжье; 500 ножей малых[42]. 2-я партия: 400 ножей с медною оправою, середовики; 400 ножей с медною оправою, полусередовики; 400 ножей костяное черенье, малые; 50 ножей, черенья грановитого кирилловского дела[43]. 3-я партия: 850 ножей с медною оправою, середовики; 950 ножей с медною оправою, полусередовики; 650 ножей костяного черенья; 450 ножей простых малых; 100 лезвий («лезий»)[44]. 4-я партия: 1100 ножей с медною оправою, середовики; 700 ножей с медною оправою, малые; 65 ножей простых; 100 ножей с костяными череньями, малые[45]. Таким образом, из 10915 ножей, поступивших в 1694 г. на московский рынок, 2100 имели костяные рукояти («черенья»), причем 50 из них имели «черенья» грановитого кирилловского дела (это свидетельствует об активности «токаренной избы» Кириллово-Белозерского монастыря на протяжении всего XVII в.). Привоз «простых», вероятно с деревянными черепьями, ножей, как и просто лезвий, не так уж велик. Ножи с костяными рукоятками в это время были одной из ходовых и популярных бытовых вещей. Они встречаются в описях имуществ княжеских фамилий («нож в ножнах черен рыбей зуб»)[46], входят в состав кладов в монастыри («ножи складные черены рыбые одношадрые с припайками»)[47], встречаются в описях имуществ монастырских лиц («5 ножев связанных черены рыбьи одношадрые»)[48]. Поражает объем продукции, привозимой крестьянами и посадскими людьми из с. Вяцкого. Это продукция, в основном уже готовая к употреблению. Совершенно ясно, что изделия не вышли из мастерской тех, кто их привез, по крайней мере не все изделия. Нали-

---

[37] Архив ЛО АН СССР ф. 247, оп. 1, ед. 45, л. 87, л. 118.
[38] Н. Никольский. Ук. соч., стр. 161.
[39] Б. Н. Тихомиров. Ремесло..., стр. 105.
[40] ААЭ, I, СПб., 1836, № 363.
[41] С. И. Сакович. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. Тр. ГИМ. 30. М., 1956.
[42] Там же, стр. 41.
[43] Там же, стр. 92, 93.
[44] Там же, стр. 20.
[45] Там же, стр. 82.
[46] Опись имущества княгини Ирины Мстиславской. ЧОИДР, 3, М., 1915, стр. 5.
[47] Макарий епископ Архангельский и Холмогорский. ЧОИДР, 3, М., 1900, стр. 68.
[48] А. О. Изюмов. Вкладные книги Антониева-Сийского монастыря. 1576—1694 гг. ЧОИДР, 2, М., 1917, стр. 71.

цо мануфактура, соединяющая в себе ремесленников: не только кузнецов, но и медников и косторезов, резчиков по дереву. Не случайно, по-видимому, часть череньев куплена в мастерских Кириллово-Белозерского монастыря. Подгонка и насадка купленных порой в отдаленных районах череньев производилась уже на месте. Конечно, трудно судить о количестве мастерских и мастеров, изделия которых агенты или скупщики привозили в Москву, тем не менее о значительном количестве их говорит объем продукции. Книга 1694 г. позволила, таким образом, уловить одно из любопытнейших и характерных для XVII в. явлений в развитии русского ремесла.

В тесной связи с ремесленной специализацией различных районов русского государства стоит вопрос о сырьевой базе русских косторезов. Наиболее массовым и доступным костяным сырьем продолжает оставаться «скотская» или говяжья кость и рог. Об этом наглядно свидетельствуют и археологические раскопки культурных слоев XVI—XVII вв. в различных древнерусских городах [49]. В упомянутой уже «Книге расписных мелочных товаров» 1694 г. имеются сведения о привозе в Москву костисырья только в одном 1694 г.: из Козлова привезено 150 рогов, из Твери 14 гнезд рогов козлиных, из Коломны куль рогов бычьих, из Вязьмы 100 бычьих рогов, из Басманой слободы 700 «голов рогов коровых» и 3 рога лосиных [50]. «Скотскую» кость ввозят и в Холмогоры: в 1676 в. Федор Миронов купил «на Устюге» рогов скотских и поплыл на Холмогоры [51].

Со второй половины XVI в. через морские ворота страны Архангельск — Холмогоры на Русь устремилась слоновая кость. Так, только в 1671 г. в Архангельск было привезено 267 штук и 2 бочки слоновых клыков, а в 1672 г.— 6 *т* разрезной слоновой кости [52]. Любопытно сообщение об отпуске «Двинского уезда Осипа Васильева сына Зиновьева, с ним городцкой покупки заморского товара 27 пуд кости слоновой в горбах и в обресках, цена по 20 по 8 алтын пуд» [53]. Из Архангельска и Холмогор слоновая кость шла на рынки других городов и в первую очередь на московский рынок [54]. О закупке холмогорскими гребенщиками слоновой кости говорит и документ 1670 г., когда холмогорцы не могли полностью выполнить царский заказ, так как во время пожара в лавках у них кость вся сгорела, «а купить де им после ярмонки было не уково» [55].

Расширение сырьевой базы русских косторезов за счет местной и привозной кости, бесспорно, содействовало дальнейшему развитию обработки кости, углублению специфики этого ремесла на фоне дальнейшего процесса территориального разделения труда. В связи с этим огромное значение приобрели восточносибирские морские промыслы. Восточносибирские промыслы позволили московскому царю создать колоссальные запасы «рыбьего зуба». Не случайно в 1674 г. в уплату за привезенные товары армянскому купцу Ромоданскому была дана из казны моржовая кость [56].

---

[49] В Новгороде известна косторезная мастерская первой половины XVI в. с довольно значительным числом отходов (405 штук) и изделий из «скотской» кости. А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. П. Мантейфель. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. ИИС, 5, Новгород, 1939, стр. 12. «Скотскую» кость и рог использовали и московские мастера XVI—XVII вв. М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 59; его же. О древней Москве. М., 1964, рис. 56*а*, 58*б*.

[50] С. И. Сакович. Ук. соч., стр. 27, 60, 14, 15—16, 91.

[51] Таможенные книги Московского государства XVII в. II, М.—Л., 1951, стр. 46. Животная кость составляла основной вид сырья в костерезной мастерской конца XVII в., обнаруженной в Холмогорах.

[52] Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. Тр. ГИМ, IV, М., 1928, стр. 88.

[53] АЛОИИ, Ф. Холмогорской таможенной избы. № 1204.

[54] Д. Н. Тверская. Москва второй половины XVII в. — Центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, стр. 89.

[55] И. М. Гиндер. Ук. соч., стр. 119, 120.

[56] Н. А. Бакланова. Ук. соч., стр. 40.

На протяжении всей второй половины XVII в. «на государя» отправляются из Восточной Сибири большие транспорты «рыбьего зуба» и «замореной» (бивни мамонтов) кости. О размерах промысла моржовой кости свидетельствует, например, факт о наличии только у С. Дежнева в 1660 г. «моржовых клыков своего промысла» 50 пудов [57]. В 1662 г. «на государя» у семи промышленников было взято около 130 пудов «летучей кости» [58], а «замореной» в Сибири были такие запасы, что можно нагрузить многие суда [59]. Русские промыслы этого времени в Тихом и Ледовитом океанах — это прежде всего промыслы моржовой кости. Предполагаемое освоение Аляски идет под девизом: брать ясак с местного населения «моржовым зубьем большим», а с промышленников «имать на государя лутчим же рыбьем зубьем» [60]. По указу царя отправляются «охочие служивые люди» на море, «для розыска новых рек и промыслов рыбьего зуба» [61]. Кость из Восточной Сибири шла не только в казну государя, часть шла в монастыри и церкви в качестве церковного налога и, вероятно, как вклады, часть оседала на месте, незначительное количество вывозилось приезжими купцами. Так, в 1662 г. было отправлено «церковной кости по разным прилатам в разные городы 2 пуда 21 гривенка с полугривинкой» [62].

Во второй половине XVII в. обработкой кости, правда в незначительном количестве, занимались в Енисейске. Таможенная книга за 1698—1699 гг. упоминает трех енисейских гребенщиков: Данилу Григорьева, Радиона Леонтьева и его сына Ивана [63]. Основная продукция этих косторезов — гребни из мамонтовых клыков — поступала не только на рынок Енисейска, но и в другие сибирские города — Тобольск, Томск [64]. Данные о цене на некоторые группы косторезной продукции в Сибири содержат «Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску» XVII в. [65]. Приведем из этих документов некоторые данные: цена за 100 гребней слоновых больших — 25 руб., средних — 20 руб., меньших — 10 руб.; роговых больших — 4 руб., средних — 3 руб., меньших — 2 руб. Цена одного гребня: слонового — гривна, мамонтового полгривны, рогового — 4 деньги [66]. Сибирский косторезный центр начал складываться не без влияния северян. Предпосылки этому были и в миграции населения с архангельского севера в Сибирь и в активной торговле северян с сибирскими городами. Северяне (колмогорцы, пинежане, мезенцы, важане, каргопольцы, сольвычегодцы и др.) принимали активное участие и во внутренней сибирской торговле [67].

Наряду с процессом территориального разделения труда, находящимся в тесной связи с развитием сырьевой базы и ремесленной специализации различных районов Московского государства, идет процесс специализации художественных ремесел [68]. Необходимо подчеркнуть тесную взаимосвязь этих двух сторон единого процесса — складывания всероссийского рынка.

В связи с затронутыми нами вопросами можно сделать некоторые замечания. Обработкой кости и дерева в средневековой Руси занимались

[57] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII в. Л.—М., 1952, стр. 137.
[58] Там же, стр. 135, 136.
[59] Там же, стр. 205.
[60] Там же, стр. 65.
[61] Там же, стр. 205.
[62] Там же, стр. 108.
[63] А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 114.
[64] Там же.
[65] ЧОИДР, 3, 1900, стр. 68.
[66] Там же, стр. 68, 69.
[67] А. Н. Копылов. Ук. соч., стр. 244, 246, 247.
[68] Л. Л. Муравьева. Материалы писцовых, переписных и приходно-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII века. Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, стр. 174.

ремесленники различных специальностей — токари, гребенщики, резцы. В позднем средневековье возникают простейшие формы мануфактур по обработке изделий из дерева и кости. Производство костяных и деревянных изделий позволяет теперь обслуживать не только местные узкие рынки, но и вывозить значительные товарные массы в другие районы страны. Территориальное разделение труда, ремесленная специализация различных районов Московского государства создали благоприятные условия для выделения художественных центров по обработке кости, дерева, цветных металлов и др., но этого вопроса мы здесь не затрагиваем, ибо это большая и самостоятельная проблема.

O. V. Ovsianikov

SUR LA CISELURE SUR OS DANS LA RUSSIE DE MOYEN AGE

Résumé

Le présent article expose à la base des matériaux archéologiques et des sources écrites les observations sommaires sur le développement de la ciselure sur os en Russie surtout en XVIe — XVIIe siècles. Le dégagement de la ciselure sur os en branche de l'industrie indépendante a eu lieu en Xe siècle. Par la suite ce genre de métier est caractérisé par la spécialisation étroite d'une part (par exemple: la production des peignes, des chapelets ect.) et d'autre part par son universalisation car un artisan tout en travaillant sur os et sur bois pouvait en même temps monter et orner les différents objets de la destination usuelle. Grâce à la division du travail en XVIe siècle la ciselure sur os voit apparaître quelques spécialités bien distinctes: faiseurs des peignes, des chapelets, tourneurs, graveurs. Les artisans ici dénommés formaient parfois des sortes d'ateliers où ils fabriquaient cuillères, manches des couteaux, boutons, échecs, bourdons, vases et autres objets qui devaient être travaillés sur le tour.

La spécialisation artisanale des régions de l'Etat Moscovite qui a eu lieu pas plus tard qu'à la fin du XVIe siècle était suivie par la formation tout d'abord dans le Nord russe et après en Sibérie des centres particuliers de ciselure sur os qui utilisaient largement comme matière première os des animaux, des morses et l'ivoire qu'on devait importer des autres pays.

Les artisans de Kholmogori d'Alexandrovsk, de Jenisseï et d'autres parts habitant non seulement les villes, mais aussi la campagne alimentaient en XVIIe — début du XVIIIe siècles de leur production non seulement son marché régional mais aussi le marché central. Les ciseleurs-artistes les plus qualifiés étaient concentrés à Moscou.

En XVIIe siècle en certains villages sont apparus les manufactures primitives dans lesquelles ciseleurs sur os et sur bois, forgerons, chaudronniers unissaient leur travail, ce qui était le moment nouveau.

L'atelier de ciselure sur os comprenant un jeu d'instrument et de demi-produits trouvé lors des fouilles de Kholmogori permet de se faire une idée de l'aménagement et de la production des entreprises de ce genre en Russie de Moyen âge.

Публикации

А. В. ВИНОГРАДОВ, Э. МАМЕДОВ

КЫЗЫЛНУРА 1 — ПЕРВЫЙ МУСТЬЕРСКИЙ ПАМЯТНИК В КЫЗЫЛКУМАХ

До недавнего времени наиболее ранние из археологических находок в пустыне Кызылкумы, как во внутренних делювиально-пролювиальных ее частях, так и на древнеаллювиальных окраинах, относились к различным периодам неолитической эпохи. Обилие неолитических памятников и полное отсутствие более древних находок породило даже представление о неблагоприятности условий этой территории для обитания человека в эпоху палеолита и малой перспективности археологических поисков в этом направлении.

Мустьерское местонахождение Кызылнура 1 является первым достоверным свидетельством столь древнего освоения человеком территории Кызылкумов и одним из немногих палеолитических памятников северной равнинной части Средней Азии [1].

Кызылнура 1 относится к числу мустьерских стоянок открытого типа. Она была найдена в 1962 г. в юго-западных Кызылкумах, между впадиной Аякагытма и возвышенностью Кокча, в 12,1 *км* на ЗСЗ от пос. Кокча.

В 1966 г. стоянка была осмотрена авторами этой статьи, работавшими в составе Южнокызылкумского отряда Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР. Тогда же была собрана большая часть материала и снят план стоянки.

Район этот представляет собой древнюю пролювиальную равнину высотой 250—300 *м* над уровнем моря. Шурфом восточнее стоянки были вскрыты (снизу вверх): 1) глина плотная, светло-зеленая, загипсованная. Цоколь пролювиального шлейфа. Возраст — верхний эоцен; 2) конгломерат из гальки палеозойских пород, а также катунов и мелких обломков меловых и палеогеновых глин. Промежутки между галькой заполнены песчано-гравийной массой. Слоистость косая. Цемент глинисто-карбонатный и гипсовый. Последний преобладает в верхней части слоя. Мощность 2 *м*. На поверхности слоя найдены кремни мустьерского времени.

Каких-либо прямых указаний на возраст конгломерата в районе стоянки не обнаружено. Однако ранее он был прослежен до подножий Нуратинских гор, где его стратиграфическое положение вырисовывается достаточно ясно. Он относится к широко распространенной в Кызылкумах кызылкумской свите А. А. Ямнова — М. Н. Грамма [2], чаще представленной толщей песков и рыхлых песчаников водного генезиса. Возраст свиты

[1] До открытия Кызылнуры 1 палеолитические находки на равнинах Средней Азии были известны лишь в восточном Прикаспии (район Красноводского полуострова). А. П. Окладников. Древнейшее прошлое Туркменистана. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР. Ашхабад, 1956.

[2] А. А. Ямнов. О стратиграфии континентальных отложений неогена Каракумов и Кызылкумов. ДАН СССР, нов. сер. 72, 4, 1950, стр. 761, 762; М. Н. Грамм. О разрезе неогеновых отложений в северо-западной части Минбулакской котловины (Кызылкумы). ДАН СССР, 103, 4, 1955, стр. 679; его же. Раздел «Нижний антропоген», в кн. Решения Совещания по разработке унифицированных стратиграфических схем для Средней Азии, Ташкент, 1959, стр. 123.

по совокупности фактов: залеганию на размытой поверхности апшеронских осадков, присутствию четвертичной фауны Dreissensia polimorpha Pall[3], Corbicula Fluminalus Müll., Anodonta sp. Planorbis sp., Limnaea sp.[4], остракод Limnocithere pomosa Man., L. Sancti-patricii Br. et Rob.[5] и некоторым другим признакам определяется как нижнечетвертичный[6]. На юге пролювиальная равнина смыкается с обширной неогеновой аллювиальной равниной р. Зеравшана.

Рельеф всей этой территории осложнен рядом замкнутых котловин и молодых брахиантиклиналей. Здесь находится одна из самых крупных впадин Кызылкумов — Аякагытминская. На восточном борту одной из безымянных котловин диаметром около 10 *км* и находится участок, давший кремневые изделия. Котловина эта имеет вогнутые склоны, кое-где изрезанные короткими сухими оврагами. Днище котловины местами засолончаковано или покрыто маломощным чехлом песков. В котловине расположены две островные возвышенности: Карасыгыр и Кызылнура (258,7 *м*). Последняя и дала название стоянке.

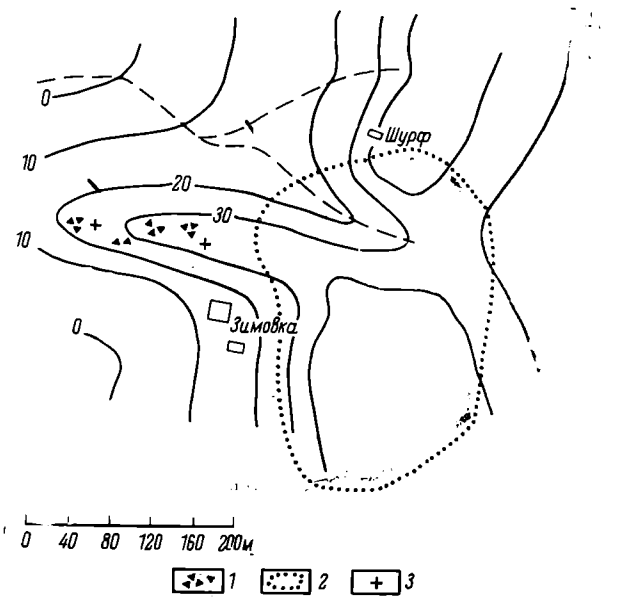


Рис. 1. Стоянка Кызылнура 1. Схематический план района находок

1 — каменистые россыпи («развалы»); *2* — границы участка кремневых находок; *3* — единичные находки

В районе стоянки от склона внутрь котловины отделяются две узкие гряды. На гребне южной гряды, ближайшей к стоянке и меньшей по протяженности (250—300 *м*), обнажаются, образуя «развалы», окремненные палеозойские породы. На обломках иногда встречаются щеткообразные наросты светло-коричневого кремня.

Находки, как уже говорилось, собраны на восточном борту котловины на галечно-глинистой загипсованной поверхности, покрытой редкой полынно-эфемеровой растительностью. Они были рассеяны на участке шириной до 200 *м*, тянущемся с севера на юг по краю котловины на 300—350 *м*. В меньшем количестве они попадались на склоне котловины, единично — у основания склона. В северной части этого участка кремни были найдены на склонах короткого и глубокого прорезающего край котловины оврага. Наконец, несколько кремневых обломков со следами сколов найдены на гребне южной гряды, в «развале» окремненных палеозойских пород (рис. 1). Наибольшая концентрация находок в пределах этой площади характерна для небольшого участка, ограниченного с запада склоном котловины, а с севера — оврагом.

Коллекция находок со стоянки Кызылнура 1 насчитывает 156 кремневых предметов. Почти все они сильно патинизированы, большая часть сильно оглажена, для отдельных экземпляров характерно частичное разрушение поверхности.

---

[3] С. А. Кушнарь. К геологии юго-западных Кызылкумов. Уч. зап. географ. фак. МОПИ, 3, I, 1940, стр. 191.

[4] А. А. Ямнов. Ук. соч., стр. 762.

[5] М. Н. Грамм. Нижний антропоген, стр. 123.

[6] Подробно о кызылкумской свите см. Э. Мамедов. Пески Внутренних Кызылкумов. Тр. ТашГУ, нов. сер., 269, географ. н., 32, Ташкент, 1964, стр. 100—111.

По степени оглаженности, характеру патины и другим внешним признакам, а также исходному материалу изделий находки из Кызылнуры 1 можно условно разделить на три группы. Первая, самая крупная (примерно 90 предметов), объединяет находки, выветрелые в большей степени, чем остальные, и патинизированные. Для них характерны жирный блеск поверхности и заметно оглаженные ребра. Все они патинизированы, цвет поверхностей — коричневых тонов. Материал — кремень хорошего качества. Ко второй группе (примерно 39 предметов) отнесены изделия слабо выветрелые, сохранившие острые ребра и покрытые густой рыжевато-коричневой патиной. Исходный материал изделий аналогичен. Границы

Таблица 1

Состав находок по группам

Тип находок	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Всего
Орудия (изделия с ретушью, резцовыми сколами, двусторонне обтесанные)	24	5	—	29
Нуклеусы	2	1	—	3
Заготовки нуклеусов	1	1	1	3
Отщепы	34	20	17	71
Пластины крупные	3	2	—	5
Пластины мелкие	—	—	2	2
Куски кремня со следами скалывания	26	—	17	43
Всего	90	29	37	156

третьей группы находок условны. Ядро ее составляют отщепы из светло-серой, коричневато-серой, иногда почти белой породы, по-видимому, окремненного известняка. Для них характерны очень свежие сколы, острые края и, в большинстве случаев, полное отсутствие патины. Этими же признаками характеризуется и некоторое количество предметов из светло-коричневого и коричневато-серого кремня [7].

Резкого перехода между изделиями первой и второй групп нет — и по степени оглаженности, и по характеру патины. Среди выветренных изделий первой группы имеются предметы, совершенно аналогичные по фактуре поверхности находкам второй группы. Как уже отмечалось, обе эти группы объединяются и материалом. Основная же часть находок третьей группы отчетливо выделяется по материалу, цвету, фактуре и другим признакам.

Посмотрим, чем различаются эти группы находок по составу (табл. 1).

Как видно из табл. 1, выделенные группы находок заметно различаются и по составу. Наибольший интерес представляют находки первых двух групп. Однако прежде чем их рассматривать, охарактеризуем кратко находки третьей группы.

Выразительных предметов среди них немного. Лишь восемь отщепов можно охарактеризовать исчерпывающе. Два из них крупные (7—8 *см* в диаметре), остальные мельче. У трех — скошенная ударная площадка, у остальных угол между площадкой и плоскостью скола близок к 90°. У большинства отщепов ярко выраженный отбивной бугорок — крупный и выпуклый. Площадки гладкие, лишь в одном случае отмечена выпуклая двугранная площадка. Преобладают сколы с нуклеусов дисковидного типа.

[7] Кроме кремневых находок, на том же участке собрана небольшая коллекция поздней керамики — грубой и толстостенной лепной и ремесленной.

Нуклеусов в коллекции нет, имеется лишь крупная заготовка с первоначальной подтеской — предположительно для одноплощадочного нуклеуса конической формы. Большинство охарактеризованных предметов изготовлено из светлого окремненного известняка. Небольшая группа предметов из светло-коричневого и коричневато-серого кремня также характеризуется отсутствием патины и свежестью сколов. Среди них несколько отщепов и две ножевидные пластины. Это находки в основном совсем иного вида, особенно пластины. Последние — мелкие, правильно ограненные — очень напоминают соответствующие изделия с многочисленных в этом районе неолитических стоянок. Небольшие кремневые отщепы также имеют достаточно поздний облик.

Можно предположить, что третья группа включает в себя разновременные находки. Наиболее ранние из них — это отщепы из окремненного известняка. По некоторым признакам они могут быть сопоставлены с находками первых двух групп, к рассмотрению которых мы и обратимся сейчас.

Отсутствие данных о характере первоначального залегания находок не позволяет сколько-нибудь убедительно объснить различия в их внешнем виде. Некоторые исследователи считают, что различия в степени патинированности и оглаженности не всегда являются свидетельствами разновременности материала и что использовать эти данные для датировок следует с большой осторожностью [8]. Поэтому при рассмотрении находок первой и второй групп мы склонны отдать предпочтение не различиям в их внешнем виде, а определенному типологическому их сходству. Заметим еще раз, что резкого перехода между ними нет и что для предметов второй группы характерна столь же ярко выраженная патина, что и для первой. Поэтому мы рассматриваем их в целом, оговаривая в большинстве случаев принадлежность предметов к той или иной из групп.

Нуклеусы. В коллекции три нуклеуса и две массивных грубо отесанных неоформленных еще заготовки. Два маленьких нуклеуса можно отнести к типу дисковидных. Один двусторонний, округлых очертаний (диаметр 5,2 *см*, рис. 2, *2*; вторая группа), другой неправильных очертаний (диаметр 4,8 *см*, рис. 2, *3*; первая группа). Ко второй группе находок относится плоский двуплощадочный нуклеус леваллуазского типа, неправильно овальных очертаний (диаметр 5,5 *см*, толщина 1,5 *см*, рис. 2, *1*). Рабочая сторона имеет хорошо выраженные следы удлиненных сколов с двух противоположных концов. На одном конце сохранился участок ударной площадки (на рисунке 2 — сверху), на противоположном она сбита сильным ударом и имеет вид защепа. Обратная сторона нуклеуса уплощена серией сколов, направленных от краев нуклеуса к центру. В числе находок второй группы имеется крупный и толстый отщеп, сколотый с одноплощадочного нуклеуса, который, возможно, в дальнейшем также использовался как одноплощадочный нуклеус (рис. 3, *6*). Чтобы закончить о нуклеусах, укажем, что среди сколов имеются два отщепа, снятые с нуклеусов леваллуа классического типа — черепаховидных (tortoise-shape core). Один из них довольно крупный, из числа находок второй группы, другой поменьше, относится к первой группе находок.

Сколы. Сколов различных типов, не имеющих дополнительной обработки, в коллекции 54 экз. Вместе с орудиями, сделанными из сколов, они составляют серию в 74 экз. Рассмотрим их в целом. Отметим прежде всего решительное преобладание отщепов. Пластин лишь 5 экз., из них — три первичные со следами желвачной корки на спинке. Все пластины крупные, массивные, с двугранной спинкой. Характерно соотношение длины и ширины как 2:1. Индекс пластин для сколов первой и второй групп в целом 6,7%. Отщепы преимущественно средних и мелких размеров.

По характеру огранки спинки и некоторым другим признакам их можно классифицировать следующим образом: 1) отщепы типа леваллуа;

[5] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, стр. 56.

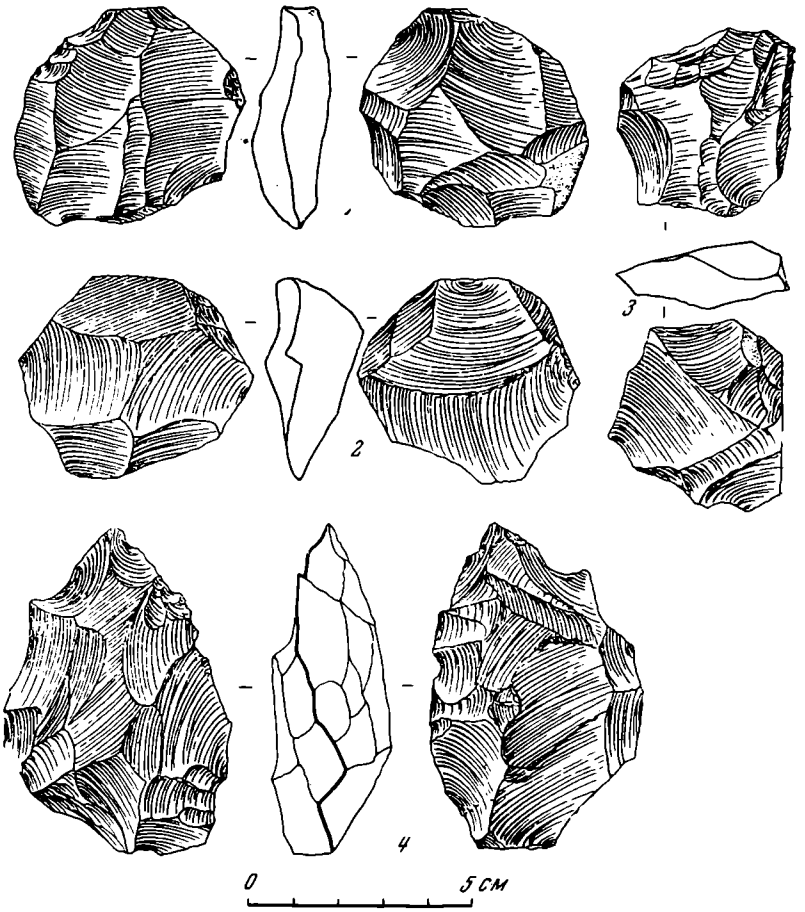


Рис. 2. Стоянка Кызылнура 1. Изделия из кремня
1—3 — нуклеусы; *4* — ручное рубильце

2) отщепы не леваллуа; 3) прочие. Первый тип — отщепы, снятые с одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов и упоминавшиеся выше отщепы с нуклеуса типа tortoise-chape. Второй — отщепы, снятые с дисковидных нуклеусов. К последней категории отнесены сколы морфологически неясные: с желвачной коркой на спинке, мелкие обломки и прочие. На табл. 2 показано количественное соотношение сколов трех типов по группам.

В целом индекс леваллуа равен 64%, что позволяет отнести рассматриваемую коллекцию к числу индустрий типа леваллуа [9].

Таблица 2

Количественное соотношение сколов различных типов

Характер поверхности	Пластины	Отщепы	Всего	Сколы леваллуа	Сколы не леваллуа	Прочие
Сколы первой группы (оглаженные и патинизированные)	4	47	51	21	10	20
Сколы второй группы (патинизированные, почти не оглаженные)	1	22	23	11	8	4
Всего	5	69	74	32	18	24

[9] Здесь и ниже статистические подсчеты выражены в индексах Ф. Борда (F. Bordes. Essai de classification des industries «mousteriennes». «Bulletin de la Société préhistorique Française», L, 7—8, Paris, 1953).

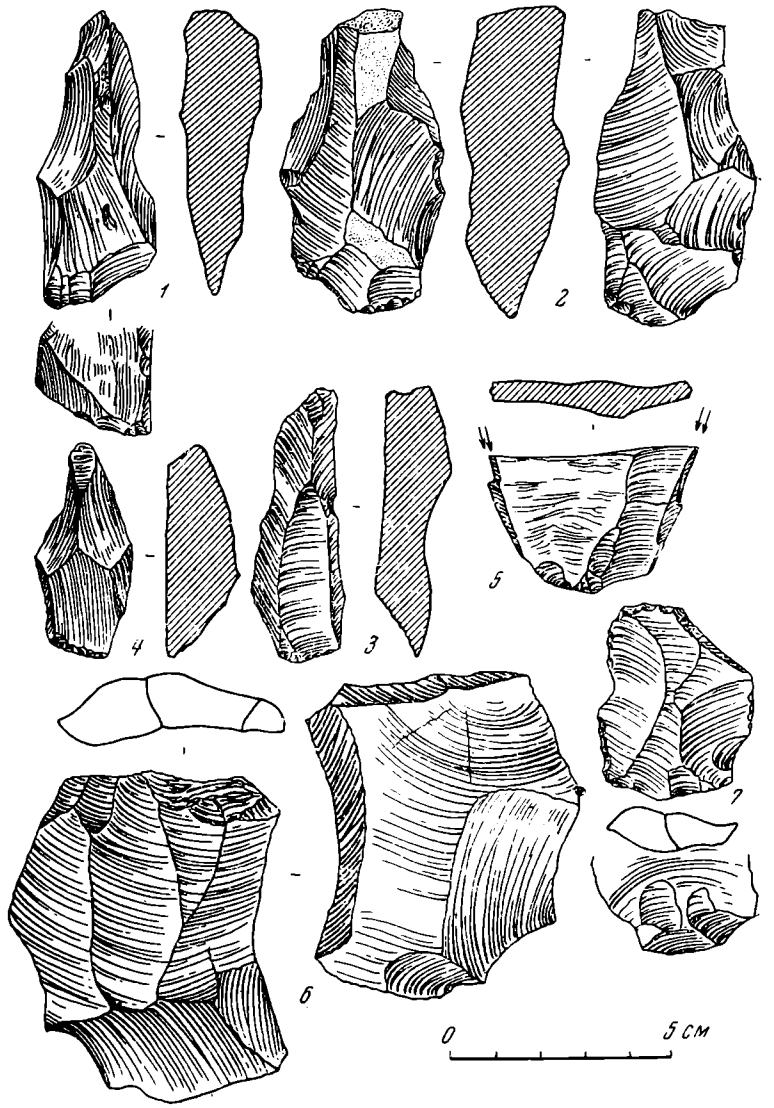


Рис. 3. Стоянка Кызылнура 1. Изделия из кремня

1—4 — долотовидные орудия; *5* — орудие с резцовыми сколами; *6* — отщеп; *7* — отщеп с краевой ретушью

Удалось классифицировать по характеру оформления ударной площадки 41 скол (табл. 3).

Процент подправленных площадок довольно высок для исследованных сколов как первого, так и второго типа, хотя в целом рассматриваемую коллекцию и нельзя относить к типу фасетированных индустрий (индекс подправки 29%) [10].

У 32 сколов измерен угол между плоскостями площадки и отбива. Результаты следующие: 1) угол, близкий к 90° (не более 95°),— 7 случаев; угол 95—120° — 19 случаев; угол больше 120° — 6 случаев. Таким образом, для описываемой коллекции сколов наиболее характерен тупой угол между площадкой и поверхностью скола (78%).

Для большинства сколов характерна площадка треугольной формы, реже неправильно линзовидной. В трех случаях отмечена более сложная

[10] Индекс подправки площадок выведен с учетом двухгранных площадок, т. е. он является общим индексом подправки (IF large Ф. Борда). Индекс тонкой подправки нами не определялся, так как он был бы неточным из-за сильной заглаженности поверхности большинства сколов.

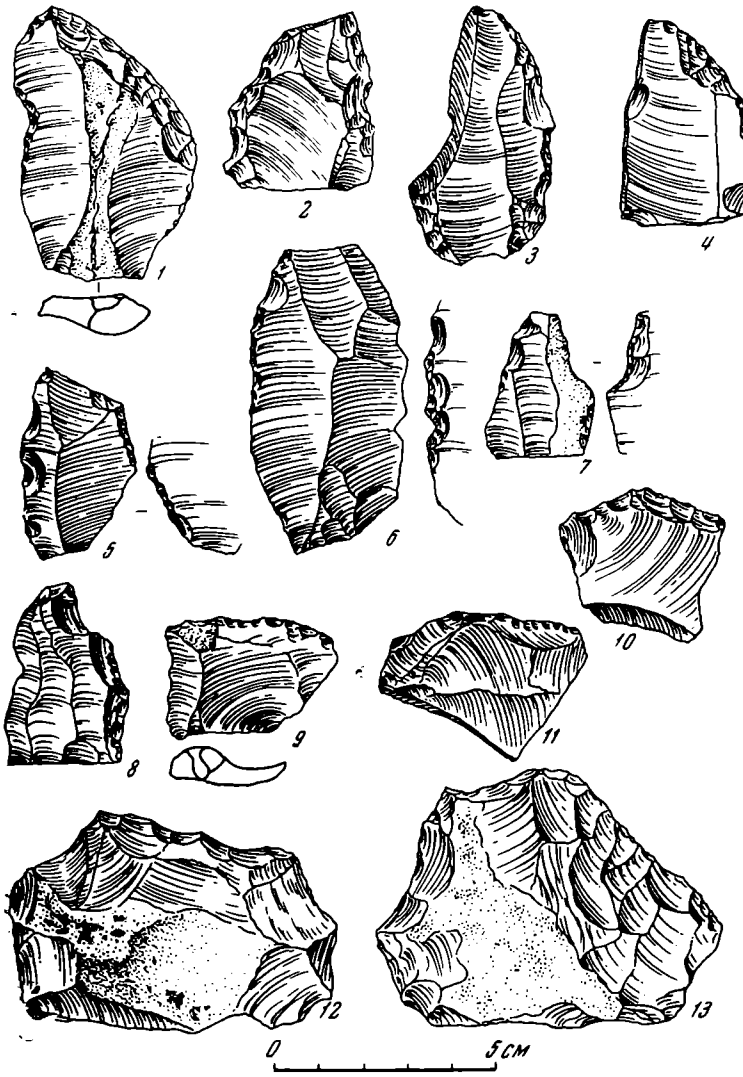


Рис. 4. Стоянка Кызылнура 1. Изделия из кремня

1, 3—8 — пластинчатые отщепы с краевой ретушью; *2* — обломок остроконечника; *9—11* — скребки; *12—13* — скребла

форма ударной площадки, в том числе одна близкая к типу «chapeau de gendarme».

Орудия. Сюда отнесены изделия с ретушью, двусторонне обтесанное орудие, обломок со сколами типа резцовых и несколько долотовидных изделий с подправкой рабочих концов. Орудий довольно много — 26% общего количества находок первой и второй групп. Однако набор их довольно ограниченный.

Как остроконечник может быть определено лишь одно изделие. Оно изготовлено из пластинчатого отщепа и представлено обломком (рис. 4, *2*). По обеим сторонам орудие обработано довольно крутой ретушью, образовавшей неправильный мелковыемчатый контур.

Небольшую, но устойчивую серию образуют орудия из остроконечных пластинчатых отщепов с ретушью по одной стороне и затупленной другой стороной. По форме они близки остроконечникам, отличаясь от них характером обработки и, следовательно, функционально.

Наиболее выразительно в этой серии крупное полностью сохранившееся изделие (длина 6,1 *см*, рис. 4, *1*). Один край у него сильно выпуклый, другой почти прямой с легкой выемкой в середине. Выпуклый край укреплен пологой ретушью характерного для мустье типа — ступенчатой, с зало-

мами. Противоположный край был обработан более мелкой и более крутой ретушью. Несомненно, это режущее орудие [11].

Иным способом изготовлены два другие орудия, по-видимому, аналогичные первому функционально (рис. 4, *3—4*). Ударная площадка и отбивной бугорок находятся здесь не в основании орудия, как обычно, а у его вершины. Один край орудий сколот (затуплен) сильным ударом. В результате этого достигнут тот же эффект, что и у первого орудия — получена удобная для упора пальцев плоскость. Ударная площадка отщелов почти полностью унесена сколом. Прием этот не нов для мустьерских

Таблица 3

Характер оформления ударной площадки сколов

Тип скола	Двухгранная	Фасетированная прямая	Фасетированная выпуклая	Всего подправленных	Гладкая	Всего
Сколы типа леваллуа	2	2	3	7	14	21
Сколы не леваллуа	2	1	1	4	9	13
Прочие	—	1	—	1	6	7
Всего	4	4	4	12	29	41

памятников; ближайшую аналогию этим орудиям мы снова находим в материалах пещеры Тешик-Таш [12]. Рабочая сторона орудий ретуширована; в отличие от первого остроконечника здесь она имеет неправильно зубчатый контур.

Заметим, что у всех трех орудий рабочей является правая сторона. К описываемой серии относится, вероятно, и орудие, изображенное на рис. 4, *8*. С клювовидным острием в верхней части, ретушированное с одной стороны, оно также имеет выемчатый контур рабочего края.

Все пять орудий относятся к первой группе находок.

Орудий типа скребел в коллекции два. Оба они — из числа находок второй группы. Известно, что, как и остроконечники, изделия, объединяемые в группу скребел, часто функционально различны. Это отчетливо показывают и орудия из Кызылнуры 1.

Первое сделано из массивного отщепа с большой сильно скошенной треугольной ударной площадкой. По выпуклому краю отщеп обработан грубоватой ретушью. Контур рабочего края неровный (рис. 4, *12*). Другое орудие, также из крупного отщепа, обработано в совершенно иной технике. Ровный, слегка вогнутый, очень острый рабочий край образован на одной стороне отщепа пологой ретушью, далеко заходящей на спинку отщепа. Ретушь аккуратная, фасетки преимущественно длинные, разной ширины. Вместе с тем на обработанной поверхности кое-где имеются характерные для мустьерской ретуши заломы, образующие ступенчатую поверхность. Это орудие сближается с описанным выше и характером обработки другой стороны. Здесь более грубой и крутой ретушью и сколами образована неглубокая выемка. Последние два обстоятельства, а также специфическая рыжеватая патина на тыльной стороне отщепа, характерная для изделий второй группы (и частично первой), не дают как будто оснований для вынесения этого единственного в своем роде изделия

[11] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). Сб. Тешик-Таш, Палеолитический человек, М., 1949, стр. 63.

[12] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 64.

за пределы рассматриваемого комплекса. Изделия следующей небольшой (3 экземпляра, все относятся к первой группе находок) группы могут быть по ряду признаков определены как скребки. Все они сделаны из маленьких отщепов, у которых крутой ретушью образован прямой или слегка выпуклый рабочий край (рис. 4, *9—11*). Большая группа совершенно аналогичных орудий выделена А. П. Окладниковым среди материалов Тешик-Таша [13].

Кроме описанных орудий, в коллекции имеется также небольшая группа отщепов с ретушью, не столь ярко выраженных типологически. Всего их десять экземпляров (все из числа находок первой группы), по характеру обработки они различны. Для четырех характерна крутая ретушь отдельных участков одной (в трех случаях) или обеих боковых сторон. В одном случае ретушь у основания пластинчатого отщепа нанесена с брюшка (рис. 4, *5*). У трех изделий — пластины и двух отщепов — боковые стороны обработаны ретушью (у пластины — с брюшка) в виде неправильно зубчатого лезвия (рис. 4, *6*). Обломок небольшого пластинчатого отщепа (или пластины) обработан с одного конца противолежащей ретушью, образующей нечто вроде черешка (рис. 4, *7*). Остальные два изделия с нерегулярной ретушью еще менее выразительны.

Заметную серию среди находок первой группы составляют орудия долотовидной формы. Это удлиненные грубоограненные куски кремня, довольно массивные, трех-, четырех- или многогранные в сечении с нешироким клиновидным рабочим краем на одном конце (в отдельных случаях — на обоих концах, но последние невыразительны). Значительная для столь небольшой коллекции серия этих изделий (7 экз., рис. 3, *1—4*), устойчивость формы в пределах серии, характер обработки большинства их исключают как будто элемент случайности в их выделении. Очевидно, для изготовления «долот» служили подходящие обломки кремня. Однако большинство их подвергалось дополнительно специальной подтеске крупными сколами, направленными поперек длинной оси. Кроме того, три экземпляра имеют специальную «укрепляющую» подправку ретушью на рабочем конце. Для остальных характерна некоторая «смятость» лезвия. Длина изделий варьирует в пределах от 4,5 до 6,5 *см*.

Долотообразные орудия отмечены в ряде среднеазиатских мустьерских памятников. Однако их трудно сопоставить типологически с описанными выше, так как о них обычно лишь бегло упоминается [14].

Одно изделие из числа находок второй группы может быть условно определено как резец. Это обломок кремневой плитки, обколотой с одной

---

[13] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 55, табл. 1, рис. 33, *4*; рис. 36, *2—3*, *6*; рис. 38, *1—2* и др.

[14] О «долотовидных инструментах» упоминается при описании кайрак-кумских находок: А. П. Окладников, В. А. Ранов. Кайрак-кумский палеолит. В кн. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 86; В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 26. В последней работе упоминается лишь об одном изделии из Кайрак-Кумов, «отдаленно напоминающем грубое долото». Судя по описанию, «долотовидные орудия» нередки в материале мустьерских слоев пещеры Обирахмат: Р. Х. Сулейманов. Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии. ИМКУ, 7, Ташкент, 1966, стр. 20. Что касается других территорий, то определенное типологическое сходство с орудиями описанной серии показывает находка из четвертого слоя стоянки Молодова I в Приднестровье. Однако это «клиновидное изделие» значительно большего размера (длина его 23,5 *см*), что, вероятно, предполагает его иное функциональное назначение. А. П. Черныш предполагает, что оно могло использоваться для выкапывания различных углублений в почве (А. П. Черныш. Ранний и средний палеолит Приднестровья. ТрКИЧП, XXV, М., 1965, стр. 68, рис. 39). Долотовидные орудия из отщепов с подтеской на брюшке, найденные в Староселье, сделаны в иной технике, и, возможно, могут быть сопоставлены с публикуемыми орудиями лишь функционально. (А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 105). Вместе с тем эта и другие находки подобного рода указывают на достаточно широкое распространение орудий клиновидной формы, связанных, очевидно, главным образом с обработкой дерева, в памятниках мустьерской эпохи.

стороны и сохранившей корку — на другой. Сколами резцового типа образованы острые трехгранные углы по обоим краям прямого излома, разделившего плитку (рис. 3, *5*).

Наконец, последнее и одно из самых интересных в материалах стоянки орудие — небольшое ручное рубильце. Оно довольно массивное, имеет близкую к миндалевидной форму и скошенное основание. Длина орудия 7,5 *см*, ширина 5 *см*, толщина 2,6 *см* (рис. 2, *4*). В сечении оно линзовидное. Рубильце обработано в технических традициях предшествующей ашельской эпохи — грубоватой двусторонней обтеской. Фасетки сколов преимущественно широкие и короткие, образовавшие на обеих сильно выпуклых сторонах орудия характерную уступчатую поверхность. Дополнительной обработке ретушью по краям оно не подвергалось. Боковые стороны острые и имеют неправильно зубчатый контур. Скошенная сторона основания затуплена, уплощена несколькими сколами. Изделие относится к числу находок второй группы — патинизированных, но почти неоглаженных.

Описанная находка относится к числу немногих находок подобного рода в памятниках среднеазиатского мустье [15] и представляет в связи с этим особенный интерес. Установлено, что двусторонне обработанные орудия типа небольших ручных рубил, позднее — наконечники, характерны не для всех мустьерских памятников. По этому признаку выделены две группы мустьерских комплексов и определены территории преимущественного распространения памятников того или иного типа [16]. Исследователи среднеазиатского палеолита склонны рассматривать мустьерские памятники этого района, в том числе и типа леваллуа-мустье (группа А по В. А. Ранову), в пределах круга мустьерских памятников, для которых двусторонне обработанные формы не характерны [17]. Рубильце из Кызылнуры 1 каких-либо существенных коррективов в эти представления не вносит и представляет, на наш взгляд, лишь хронологический интерес. Форма, пропорции орудия и особенно характер обработки позволяют рассматривать его как случайный, пережиточный образец древней техники, во многом близкий к своим исходным ашельским прототипам.

Рассмотрев материал стоянки Кызылнура 1, можно прийти к выводу, что она дает хотя и ограниченный, но достаточно выразительный комплекс находок мустье-леваллуазского типа (находки первой и второй группы). Он характеризуется следующими основными признаками: 1) преобладанием в материале сколов средних и мелких размеров, крупные сколы (6—8 *см*) встречены единично; 2) очень низким индексом пластин (6,7%). Все пластины массивные, треугольные в сечении. Характерно соотношение длины и ширины как 2 : 1. Длинные пластины, характерные для многих памятников среднеазиатского мустье, и в частности для Кайрак-Кумов, здесь отсутствуют; 3) сравнительно высоким индексом леваллуа (64%) и в то же время незначительным индексом фасетирования (29%); 4) преобладанием тупого угла между ударной площадкой и отбивной поверхностью сколов (79%); 5) довольно высоким процентом орудий в общем количестве находок (около 26%) [18] при сравнительно ограниченном числе типов изделий. Преобладает краевая ретушь широкими короткими фасетками, изредка наносившаяся и с брюшка. Лишь один раз встре-

[15] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 63.

[16] А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье, стр. 78—87; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 27—31.

[17] А. П. Окладников, В. А. Ранов. Кайрак-кумский палеолит, стр. 86; В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 29.

[18] Эта цифра может быть уменьшена и стать близкой к обычной для мустье-леваллуа, если принять во внимание сколы и обломки, отнесенные к третьей группе (невыветрелые находки из кремнистого известняка). Как отмечалось выше, некоторые отщепы этой группы, сильно выделяющиеся внешним видом, типологически могут быть сопоставлены с основным мустьерским комплексом стоянки.

чена ретушь типа отжимной, далеко заходящая на поверхность отщепа (так называемая обволакивающая ретушь); 6) наличием среди изделий двусторонне обтесанного ручного рубильца, довольно архаичного в пределах мустье типа.

Эти и некоторые другие признаки достаточно четко определяют место стоянки среди известных сейчас памятников леваллуа — мустье Средней Азии. По мнению всех исследователей, наиболее поздними из мустьерских памятников этого типа являются Ходжикент и Обирахмат. Для них характерно большое количество длинных пластин и орудий на пластинах, в том числе длинные узкие изогнутые остроконечники, приближающиеся по форме к остриям типа шательперрон, леваллуазские одно- и двухплощадочные нуклеусы, в том числе и близкие к призматическим [19]. Сравнение этих материалов с публикуемыми несомненно показывает большую древность последних.

Из более ранних мустьерских памятников того же, что и Кызылнура 1, типа — открытых стоянок — наиболее хорошо обследованы и опубликованы кайраккумские местонахождения. При общем сравнении материала Кызылнуры 1 и Кайрак-Кумов, наблюдается некоторое их сходство. И в том, и в другом случае мы имеем дело с комплексами, в которых отчетливо выражены леваллуазские признаки. Однако более существенны различия между этими материалами. Вот главные из них: 1. Очень высокий в Кайрак-Кумах и очень низкий в Кызылнуре 1 индекс пластин (56% и 6,7% соответственно) [20]. 2. Для подавляющего большинства сколов из Кайрак-Кумов характерен прямой угол между плоскостями площадки и отбива (80% — прямой и близкий к нему угол), в то время как в Кызылнуре наблюдается обратная картина (для 78% сколов характерен тупой угол). 3. Отсутствие к Кайрак-Кумах и наличие в Кызылнуре 1 двусторонне обработанных орудий. Каково бы ни было значение этих и некоторых других различий — хронологическое или культурно-территориальное — они весьма существенны. Вопроса о хронологическом сопоставлении этих двух комплексов мы коснемся ниже. Сейчас же обратимся к материалам другого крупного мустьерского памятника Средней Азии — пещерной стоянки Тешик-Таш. Выше нам уже приходилось сопоставлять и указывать на сходство отдельных категорий находок этого памятника и Кызылнуры 1. Более детальное сравнение показывает, что эти соответствия не случайны.

А. П. Окладников — исследователь Тешик-Таша — неоднократно отмечал наличие многих леваллуазских приемов в технике обработки орудий обитателей грота [21], хотя одновременно и противопоставлял его типичным леваллуа-мустьерским комплексам [22]. В группу памятников типа леваллуа-мустье относит Тешик-Таш и В. А. Ранов, оговаривая, однако, его особое место среди этих памятников [23]. Количественная характеристика леваллуазских признаков в технике обитателей Тешик-Таша при публикации не была дана, однако В. А. Ранов, по-видимому, прав, утверждая, что «материалы из этого памятника, в конечном итоге, демонстрируют больше мо-

---

[19] А. П. Окладников. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 68—76; Х. К. Насретдинов. Грот Обирахмат. ИМКУ, 5, Ташкент, 1964, стр. 21—27; Р. Х. Сулейманов. Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии. ИМКУ, 7, Ташкент, 1966, стр. 19—27. О периодизации мустьерских памятников Средней Азии см.: В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 97—104; А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии. В кн. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966, стр. 23—49.

[20] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 33.

[21] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки, стр. 61—63; его же. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 48.

[22] Там же, стр. 32.

[23] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 98, стр. 118, сноска 3.

ментов сходства, чем расхождения с рассматриваемой группой памятников»[24]. Исходя из этого, типологическое сравнение материалов Тешик-Таша и Кызылнуры 1 следует считать вполне оправданным.

Из общих для обоих памятников признаков укажем прежде всего на те, которые отличают их от других леваллуа-мустьерских памятников: а) низкий индекс пластин; б) преобладание сколов с тупым углом между площадкой и плоскостью отбива; в) наличие орудий типа ручных рубил.

В Тешик-Таше процент пластин примерно таков же, что и в Кызылнуре 1 (по подсчетам В. А. Ранова, индекс пластин равен 5%)[25], однако несравненно меньше, чем в остальных леваллуа-мустьерских памятниках Средней Азии, в том числе и в Кайрак-Кумах. Существенно, что длинные пластины, аналогичные кайрак-кумским, были найдены лишь в первом, верхнем слое Тешик-Таша[26].

Несомненный интерес представляет факт общего совпадения результатов наблюдений над углом между ударной площадкой и отбивной поверхностью сколов. Для Тешик-Таша специальных подсчетов не проводилось, однако неоднократно отмечалась характерность сильно скошенных площадок[27]. Мы уже говорили, что это один из признаков отличия сравниваемых комплексов от большинства других леваллуа-мустьерских памятников Средней Азии. Не говоря уже о позднемустьерских гротах Ходжикент и Обирахмат[28], даже в материалах Кайрак-Кумов сколы с углом, близким к 90°, составляют 80% общего количества измеренных сколов. Несколько меньше, но также достаточно много, их в другом таджикистанском памятнике — Джар-Кутане (от 60 до 70%)[29].

Мы не имеем возможности сопоставить Тешик-Таш и Кызылнуру 1 по характеру оформления ударных площадок сколов. Количественных данных по Тешик-Ташу нет. В одной из последних работ А. П. Окладников характеризует индустрию Тешик-Таша как полностью нефасетированную[30]. Однако при публикации памятника им было отмечено наличие в материалах его некоторого количества сколов с фасетированными площадками[31]. Очевидно, этот вопрос необходимо оставить открытым до проведения подсчетов.

О некоторых сходных моментах в технике изготовления орудий в Тешик-Таше и Кызылнуре 1 говорилось выше.

Наиболее интересным из совпадений является, на наш взгляд, характерный для обоих памятников прием оформления одной из сторон отщепа (противоположной рабочей стороне) продольным затупливающим сколом.

Кызылнуринские скребки аналогичны соответствующим изделиям из Тешик-Таша. Близки по форме и скребла, однако обработка одного из кызылнуринских скрёбел («обволакивающей» ретушью) не находит прямых аналогий в Тешик-Таше. Изделия с резцовыми сколами рассматриваемых памятников не только однотипны, но и близки по форме[32].

Не находят аналогий в Ташик-Таше долотовидные орудия из Кызылнуры 1. Бо́льшая чем в Кызылнуре 1 массивность нуклеусов, сколов и некото-

[24] Там же, стр. 118. Имеются в виду Кайрак-Кумы, Джар-Кутан, Ходжикент, Обирахмат и другие леваллуа-мустьерские памятники Средней Азии.

[25] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 33.

[26] А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 32.

[27] «На большинстве отщепов ясно видна широкая, характерно изогнутая, извилистая, плоская и широкая ударная площадка, сильно скошенная по отношению к длинной оси отщепа». А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки..., стр. 63.

[28] А. П. Окладников. Ходжикентская пещера..., стр. 72.

[29] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 24, 37—38.

[30] А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 25.

[31] «На площадках некоторых отщепов и пластин,— так же как и на изготовленных из них орудиях,— имеются дополнительные фасетки — следы предварительной подправки нуклеуса». А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки..., стр. 63.

[32] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки, стр. 49, рис. 33, *3*. Ср. рис. 3, *5* в настоящей статье.

рых типов орудий из Тешик-Таша объясняется, вероятно, как более грубым материалом, из которого они сделаны, так и обилием последнего в самой пещере и ее ближайших окрестностях (кремнистый известняк, кварцит, кварц). Орудие, сделанное из кремня, найдено в пещере только однажды [33].

Отмеченные черты сходства позволяют говорить о хронологической близости обоих памятников [34]. Довольно ранняя, в пределах мустье, дата Тешик-Таша признается большинством исследователей. По схеме В. А. Ранова, это памятник развитого мустье и в хронологической шкале среднеазиатских памятников леваллуа-мустье следует вслед за более ранними Кайрак-Кумами [35]. Верхнему слою Тешик-Таша, вероятно, близки хронологически материалы из Ходжикента [36]. В этой схеме наиболее дискуссионными являются датировка кайрак-кумских материалов и вытекающая отсюда проблема хронологического соотношения Кайрак-Кумов и Тешик-Таша.

А. П. Окладников и В. А. Ранов, публикуя находки из Кайрак-Кумов, разделили их на два хронологических комплекса: древний, ашеле-мустьерский «порфиритовый комплекс» и собственно мустьерский комплекс [37]. Последний был хронологически сопоставлен с верхним слоем Тешик-Таша [38]. Основаниями для такого разделения послужили бóльшая выветренность и окатанность вещей «порфиритового комплекса», а также бóльшая примитивность форм и техники их изготовления. Однако статистическая обработка материала не привела к существенному типологическому обособлению комплексов, что вынудило авторов отметить условный характер их выделения [39]. Позднее В. А. Ранов отказался от представления о двух комплексах и определил материал из Кайрак-Кумов как «единый ашеле-мустьерский или скорее раннемустьерский комплекс» [40]. Эту точку зрения можно признать правильной, если предположить, что на территории Южного Узбекистана и на севере Таджикистана существовали в одно и тоже время две линии развития каменной индустрии, объединяемые широкими рамками техники леваллуа-мустье, но различающиеся рядом существенных технических и типологических признаков.

Первая представлена материалами Кайрак-Кумов, вторая — Тешик-Таша и Кызылнуры 1. Классификация более поздних памятников была бы сейчас затруднительна, так как их индустрия может с равным успехом рассматриваться как продолжение и той и другой линии развития. Это предположение вытекает из сравнения материалов Тешик-Таша и Кызылнуры 1, с одной стороны, и комплекса кремнистых пород Кайрак-Кумов — с другой: сравнение с несомненностью показывает большую типологическую древность первых. В предположении о двух вариантах развития культуры леваллуа-мустье на этой территории нет ничего невозможного. Однако материала сейчас все еще недостаточно, чтобы сколько-нибудь полно проследить эти два пути и, следовательно, доказать их существование. Поэтому представляется более обоснованным для настоящего времени мнение А. П. Окладникова о разновременности кайрак-кумских находок [41].

---

[33] Там же, стр. 55, 60—61.

[34] По-видимому, такое хронологическое соответствие будет касаться главным образом нижних слоев Тешик-Таша, так как верхний первый слой его дает уже не характерные для Кызылнуры 1 длинные пластины. См. А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 32, 45.

[35] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 97—104.

[36] А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 32; его же. Ходжикентская пещера..., стр. 76.

[37] А. П. Окладников, В. А. Ранов. Кайрак-Кумский палеолит, стр. 81—87.

[38] А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 35—36, 45—46.

[39] А. П. Окладников, В. А. Ранов, Ук. соч., стр. 81—82.

[40] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 18.

[41] Вопреки мнению В. А. Ранова (В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 18), А. П. Окладников и сейчас, по-видимому, придерживается этой точки зрения. См. А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии, стр. 36, 45—46.

Доказывая одновозрастность кайрак-кумских находок, В. А. Ранов акцентирует внимание на отсутствии четкого типологического разрыва между «профиритовым комплексом» и комплексом кремнистых пород. Однако в данном случае решающую роль в датировке последнего комплекса должна сыграть его общая типологическая характеристика и наличие в нем многих существенных признаков отнюдь не раннемустьерского возраста. Последнее обстоятельство отмечалось при публикации кайрак-кумских находок [42], неоднократно упоминает о нем и В. А. Ранов в работе о палеолите Таджикистана.

Подведем некоторые итоги. Открытие мустьерской стоянки Кызылнура 1 — первого палеолитического местонахождения в Кызылкумах и одного из немногих на равнинах Средней Азии, дает новый интересный материал к проблеме древнейшего заселения и освоения человеком этих обширных территорий. Каменная индустрия стоянки (первая и вторая группы находок) принадлежит к типу леваллуа-мустье, представленному в Средней Азии материалами таких памятников как Тешик-Таш, Кайрак-Кумы, Ходжикент, Обирахмат и другие.

Наиболее близок публикуемый материал к находкам из нижних слоев Тешик-Таша, которым он, очевидно, близок и хронологически. Находки из Тешик-Таша и Кызылнуры 1, выделяясь некоторыми технико-типологическими признаками, занимают особое место в ряду леваллуа-мустьерских памятников Средней Азии; типологически, а скорее всего и хронологически, они древнее основной массы кайрак-кумских находок.

Находки третьей группы — типологически невыразительны и, по-видимому, разновременны. Бóльшая часть их — сколы и обломки из окремненного известняка без патины и следов оглаженности — скорее всего также относится к эпохе мустье. Единичные кремневые поделки имеют более поздний, возможно неолитический, возраст.

В настоящее время стали известны и другие палеолитические находки из Кызылкумов. Коллекция мустьерских и, возможно, более поздних палеолитических находок собрана на террасах восточного борта впадины Аякагытма. Из района Алтынтау (Центральные Кызылкумы) происходит двусторонне обработанное миниатюрное рубильце позднемустьерского облика (пункт Кендыктюбе 2). Наконец, в районе Лявлякана (пункт Лявлякан 516) найден сильно оглаженный кремневый отщеп, аналогичный по характеру отщепам первой группы стоянки Кызылнура 1.

Открытие новых палеолитических местонахождений в Кызылкумах — дело ближайшего будущего. Кроме открытых стоянок, палеолитический материал могут дать пещеры и скальные навесы, которых немало в низкогорных возвышенностях Внутренних Кызылкумов.

A. V. Vinogradov, E. Mamedov

KYZYLNOURA I — PREMIER MONUMENT MOUSTERIEN EN KYZYL-KOUM

Résumé

Kyzylnoura I appartient au nombre des stations moustériennes gisant en plein air. Elle était découverte en 1962 au Sud-Ouest du Kyzyl-Koum. En 1966 la station était explorée par les auteurs du présent article.

L'industrie de pierre de cette station appartient au type Levallois-Moustier qui est représenté en Asie Centrale par les matériaux des monuments comme Téchik-Tach, Kairak-Koum, Khodjikent et autres.

La découverte d'une station moustérienne Kyzylnoura I qui est le premier gisement paléolithique en Kyzyl-Koum et un des peu nombreux dans les plaines de l'Asie Centrale nous permet d'avoir un regard nouveau sur la paléogeographie de ces régions aujourd'hui désertes et de leur peuplement initial.

[42] А. П. Окладников, В. А. Ранов. Кайрак-кумский палеолит, стр. 81—88; В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 1, табл. 1, стр. 21—22, 24 и др. В последней работе кайрак-кумские находки рассматриваются в целом.

И. Т. КРУГЛИКОВА

НЕКРОПОЛЬ ПОСЕЛЕНИЯ У ДЕР. СЕМЕНОВКИ

Поселение у дер. Семеновки Ленинского района Крымской области, расположенное на берегу Азовского моря Казантипского полуострова, исследовалось совместной экспедицией Института археологии АН СССР, Феодосийского краеведческого музея и Керченского историко-археологического музея в 1953, 1954 и с 1957 по 1962 г. Результаты этих раскопок неоднократно освещались в литературе[1]. Однако до настоящего времени нигде не нашли отражения работы, проводившиеся на некрополе данного поселения. Хорошо известно, что материалы, полученные при раскопках одних только жилищ без исследования могил, без изучения погребальных обрядов и могильных сооружений, не позволяют осветить всех сторон жизни поселения, ответить на вопрос об этнической принадлежности его обитателей, их религиозных представлениях. Поэтому, для правильной оценки какого-либо населенного пункта представляется необходимым одновременное исследование как его жилых кварталов, так и некрополя. Исходя из этих соображений, экспедиция 1960 г. приступила к поискам некрополя исследуемого поселка.

Несколько разведочных раскопок, заложенных в районе бухты, над которой находилось поселение в ложбине и на склонах возвышенностей вокруг бухты, позволило установить, что на северном склоне южной возвышенности, т. е. с противоположной стороны от основного холма, где была укрепленная часть поселения, жилых построек не было. Здесь на поверхности сохранились остатки каменных кругов типа оград, возводившихся вокруг каменных ящиков. Такого типа ограды с погребениями в каменных ящиках были обнаружены между Семеновской и мысом Казантип.

В 1957 г. А. М. Лесков обнаружил пять и раскопал два каменных ящика[2], причем один из них находился в 2 *км* к северу от Семеновки. Связывая эти ящики с таврами, А. М. Лесков датирует их V—IV вв. до н. э. Три аналогичных каменных ящика были раскопаны в 1958 г. нашей экспедицией в районе дер. Рыбное[3]; по обнаруженным в них обломкам амфор они могут быть датированы IV в. до н. э. Все эти ящики потревожены еще в древности: костяки и инвентарь разбросаны, керамика побита. По времени все они предшествуют возникновению исследуемого нами поселения.

Разведочные траншеи, заложенные в 1960 г. на разных участках северного склона, показали, что в период существования античного поселения

---

[1] И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря, СА. XXV, 1956, стр. 247 сл.; е е ж е. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960, стр. 64 сл.; е е ж е. Поселение у деревни Семеновки. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 73 сл.; е е ж е. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 43 сл.; е е ж е. Исследования сельских поселений античных государств юга СССР. ААН. Budapest, 1962, стр. 226 сл.; е е ж е. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 70 сл.

[2] А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, 1961, 1, стр. 263 сл.

[3] И. Т. Кругликова. Отчет о раскопках поселения у деревни Семеновки, Архив ИА, д. № Р-1, 1705, стр. 12—13.

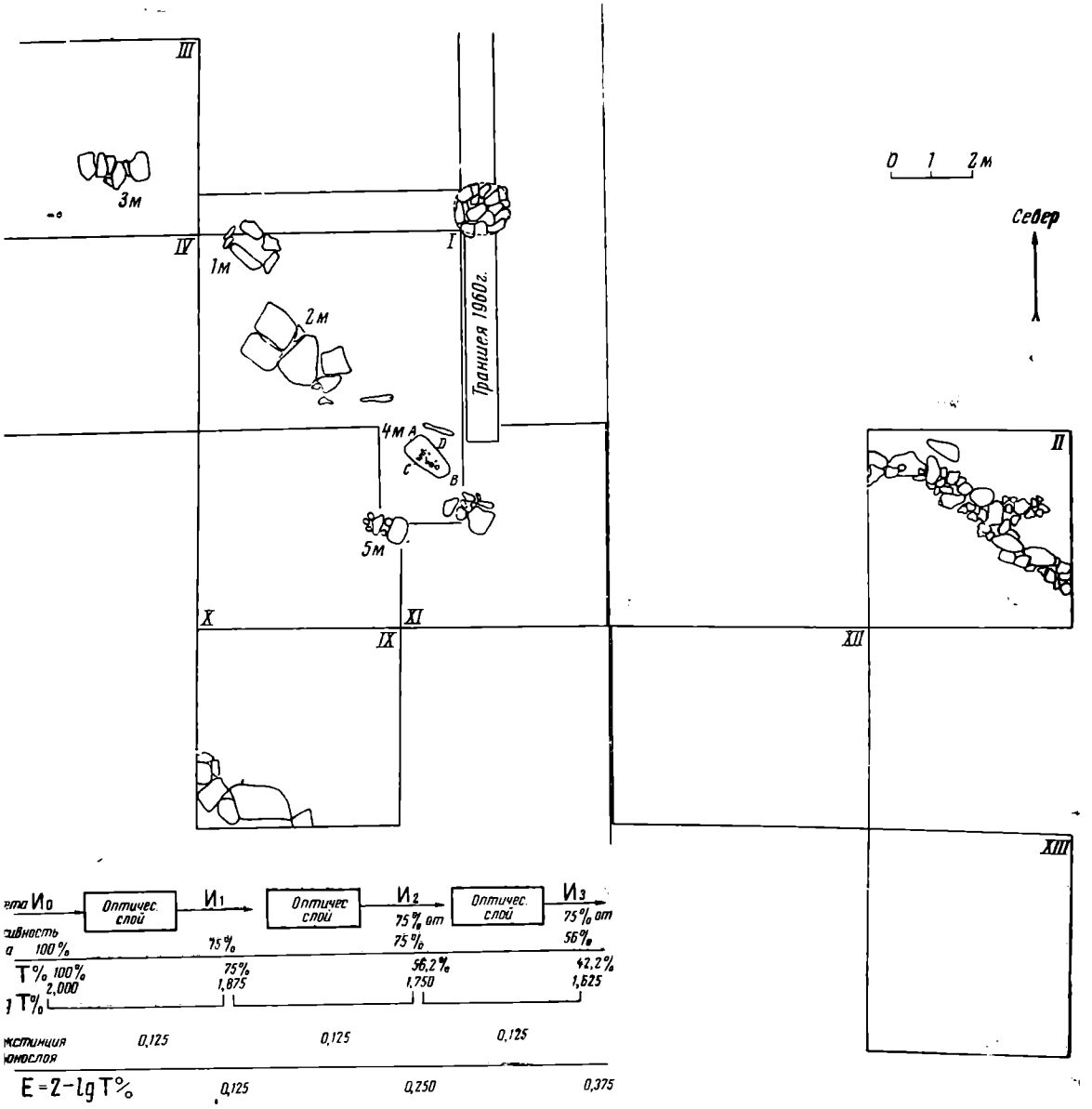


Рис. 1. План могильника

на соседних холмах здесь был пустырь. Судя по незначительным остаткам круглых каменных оград и обнаруженной нами огромной яме, заполненной крупными камнями и плитами, каменные ограды и ящики, выступавшие обычно над поверхностью, были здесь разобраны еще в античное время.

В течение 1960—1962 гг. здесь была вскрыта площадь около 400 *м*^{2}. Однако только на одном небольшом участке были открыты пять могил, расположенных по линии с северо-запада на юго-восток на протяжении 15 *м* (рис. 1). Пять из них имели эту же ориентировку, а одна (№ 3) была вытянута с востока на запад. Четыре могилы были перекрыты каменными плитами, у трех из них боковые стенки были сложены из плоских камней, поставленных на ребро (№ 1, 2, 5) так, что они образовывали своего рода каменные ящики. Лишь одна могила (№ 4) представляла собой простую замляную яму. Именно она и была самой глубокой. Ее дно находилось на глубине 1,2 *м* ниже современной поверхности почвы. Глубина остальных колебалась от 0,5 до 0,9 *м*. В могилах находилось от одного (№ 1) до четырех (№ 5) костяков.

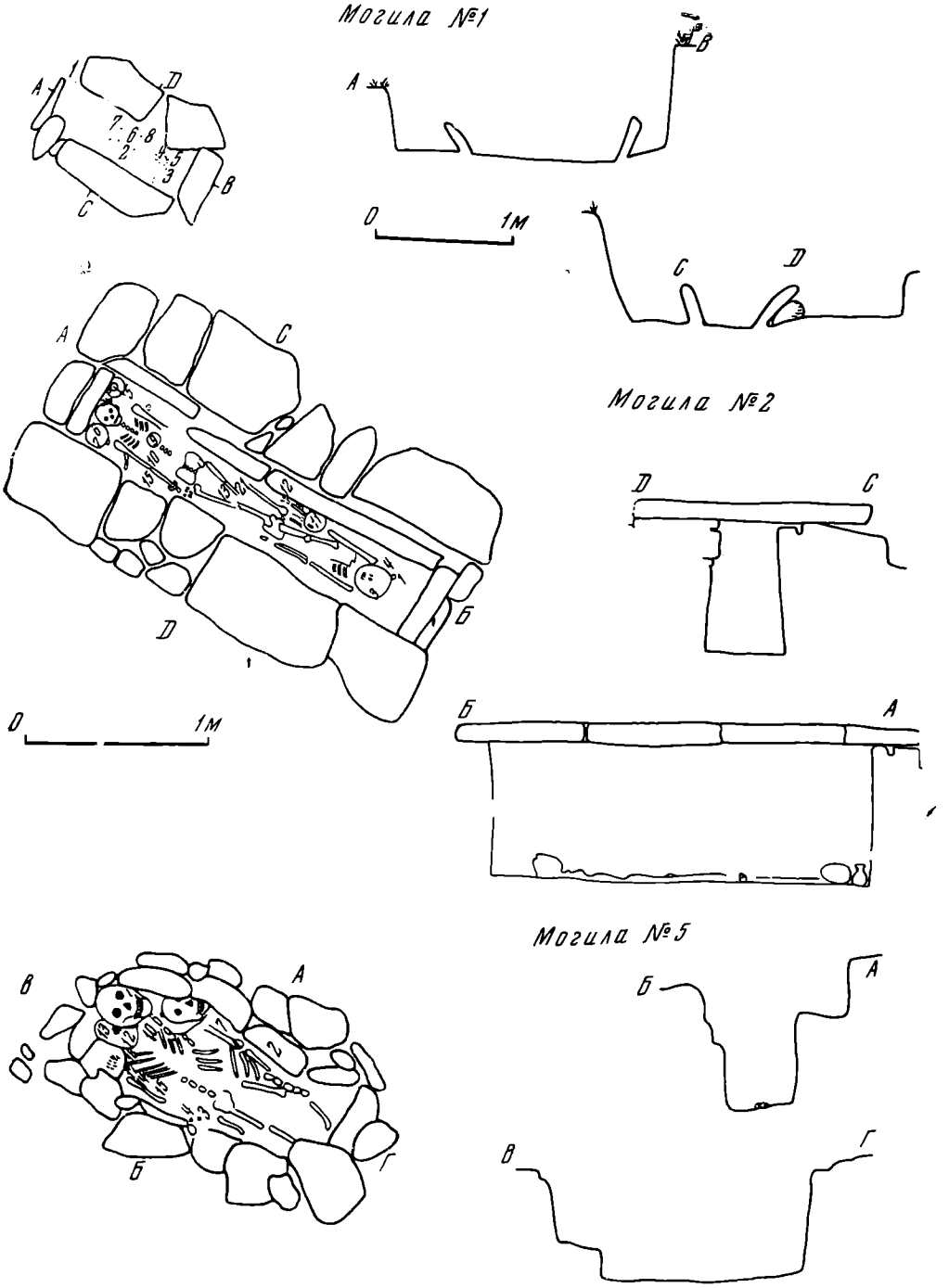


Рис. 2. Планы и разрезы могил № 1, 2, 5

Могила № 1 (рис. 2, *1* и рис. 3) была обнаружена на глубине 0,5 *м*. Стенки могилы были обставлены поставленными на ребра каменными плитами. Их толщина 0,1 *м*, высота 0,3—0,4 *м*. В головах и в ногах стояло по одной плите, у одной из стенок было две плиты, у другой — одна длинная плита и камень. Длина могилы 1,1 *м*, ширина 0,4 *м*. Земляной пол могилы был посыпан мелкой галькой и окатанными кусочками керамики. Сверху могила была перекрыта каменной плитой, обрушившейся внутрь могилы. Так же как и плиты, стоявшие вдоль стенок, эта плита не имела следов обработки. Склон здесь крутой, поэтому юго-восточный конец могилы находился на глубине 0,85—0,9 *м* от современной поверхности поч-

Рис. 3. Могила № 1

вы, а северо-западный — на глубине 0,52—0,58 *м*. От похороненного здесь ребенка сохранилось только несколько тонких костей черепа и зубы, лежавшие в юго-восточном конце могилы. Около черепных костей найдено 213 бусин различных размеров из стекла и непрозрачной пасты (рис. 4). Среди них преобладали желтые, оранжевые и голубые, имелись также черные, синие, зеленые стеклянные прозрачные и позолоченные. Имелись также полосатые и глазчатые: белая с зелеными и зеленые с желтыми глазками. Здесь же найдены бронзовая подвеска в виде двух шариков, соединенных дугой (рис. 5, *3*), пронизь из голубого непрозрачного стекла в виде лежащей фигурки льва (рис. 5, *1*), две бронзовые пружинные фибулы (рис. 6, *1—3*) и литая бронзовая антропоморфная подвеска (рис. 5, *2*). Над черепными костями лежал бронзовый литой браслет с утолщенными концами (рис. 7, *4*). В области плечевых костей с левой стороны лежали три, с правой — два бронзовых проволочных браслета (рис. 7, *1—3*). Несколько ниже найдены два бронзовых колечка и примерно в области таза еще 10 стеклянных бусин. Одна бусина голубого непрозрачного стекла лежала в северном углу могилы.

В могиле № 2 пять каменных плит, покрывавших могилу, были обнаружены на глубине 0,65—0,75 *м* от современной поверхности почвы на уровне материка. Щели между ними были заткнуты небольшими камнями[4]. Могильная яма была вырыта в материке. Ее стенки выложены

[4] Размеры плит различны: длина от 0,5 до 1,2 *м*, ширина от 0,5 до 1 *м*; толщина от 0,12 до 0,20 *м*.

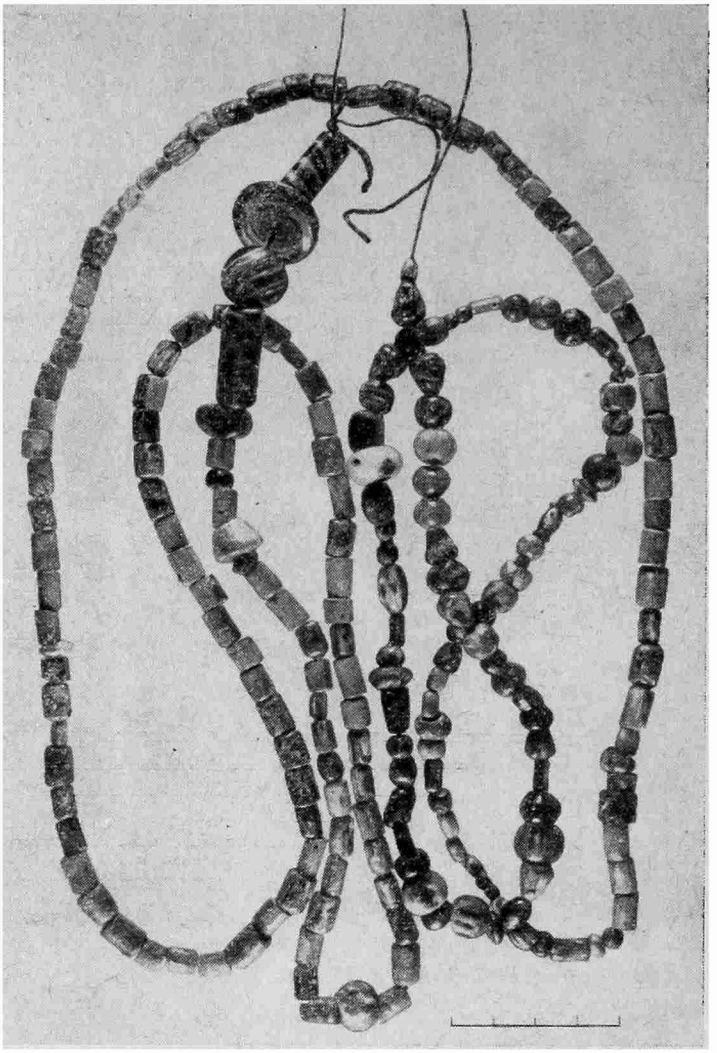


Рис. 4. Бусы из могилы № 1

каменными плитами такого же типа, как и покрывавшие могилу (рис. 8). Вдоль северо-восточной стенки стояли три плиты высотой 0,7 *м*, толщиной 0,12 *м*, длиной 1,1; 0,5 и 0,6 *м*; вдоль юго-западной стенки — тоже три плиты высотой по 0,5 *м*. У северо-западной и юго-восточной стенок могилы стояло по одной плите. Длина могильной ямы внутри каменной выкладки 2,1 *м*, ширина 0,4 *м*, глубина 0,75 *м* (рис. 2, *2*). Над вертикально стоящими плитами юго-западной стенки, вдоль всей ее длины были положены плоские крупные камни неправильных очертаний. Горизонтально лежащие камни были и вдоль северо-восточной стенки, но там они не перекрывали вертикальных плит, а лежали около них на материке. Все каменные плиты сохранили следы обработки. На дне могилы, выстланной мелкой морской галькой, были обнаружены два костяка, лежавшие головами в противоположные стороны. Черепные крышки были обнаружены на глубине 0,6 *м* как в юго-восточном, так и в северо-западном концах могилы. В районе черепа, находившегося в юго-восточном конце могилы, были найдены: три бронзовые гладкие шпильки и одна серебряная с розеткой на конце (рис. 5, *4*, *8*). На костях черепа прослежен тонкий слой земли лиловато-розоватого цвета — возможно, следы сгнившего головного убора — и амулет в виде бронзового цилиндрика[5], внутри которого обнару-

[5] Тоненькая бронзовая оболочка разрушилась при расчистке и не удалось установить, где было ушко.

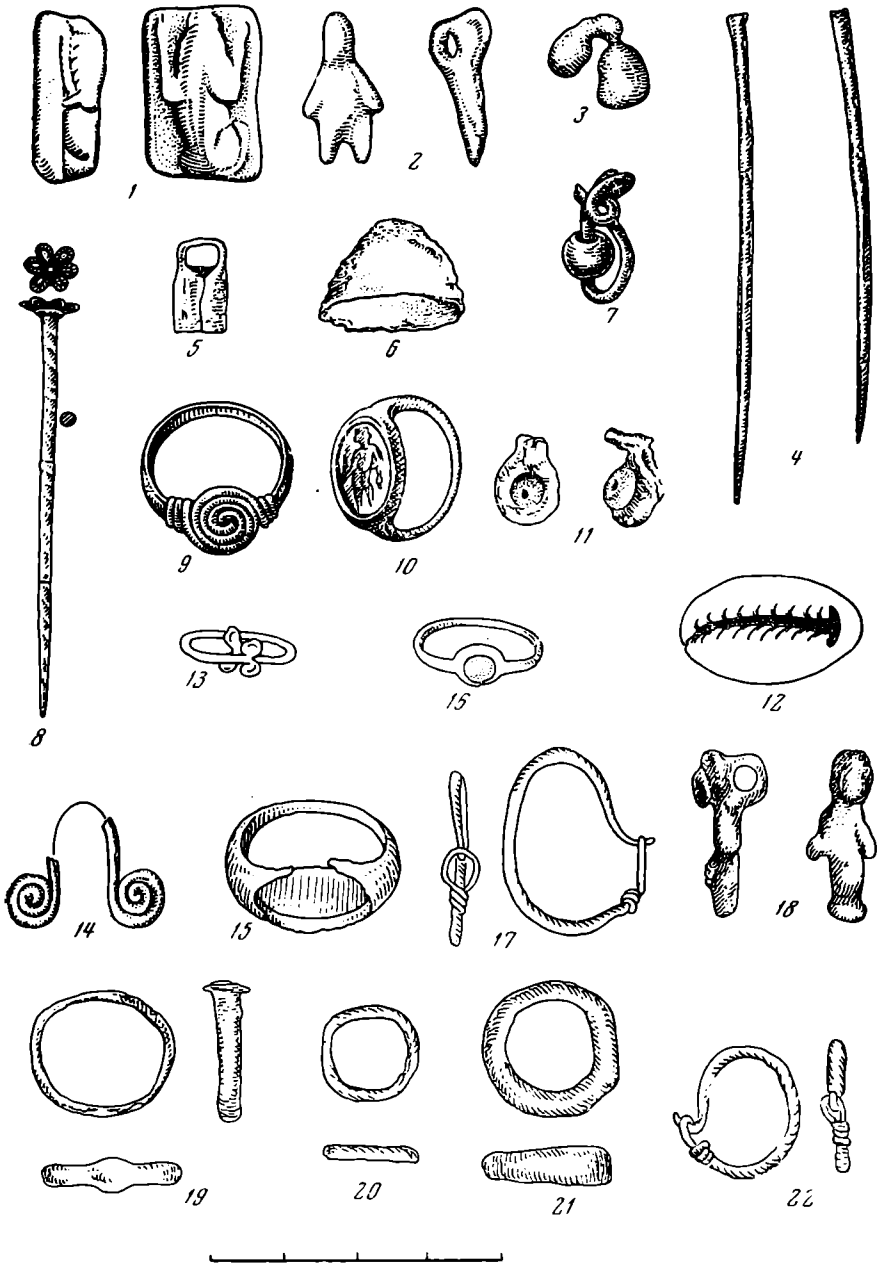


Рис. 5. Украшения из погребений

1 — пронизь из голубой пасты; *2* — антропоморфная подвеска; *3* — подвеска; *4* — иглы; *5* — подвеска; *6* — колокольчик; *7* — подвеска; *8* — игла; *9, 10* — перстни; *11* — подвеска; *12* — раковина «каури»; *13* — перстень; *14* — «очковидная» подвеска; *15—16* — перстни; *17* — серьга; *18* — антропоморфная подвеска; *19—20* — перстни; *22* — серьга (*1—3* — мог. № 1; *4—6, 8—11, 15—16* — мог. № 2; *3, 7, 13, 14* — мог. № 3; *2* — мог. № 4; *17—22* — мог. № 5)

жен кусок обуглившегося дерева такой же формы (рис. 9, *7*). Здесь же были четыре сердоликовые бусинки и две пастовые, бронзовое кольцо с гнездом для вставки, которую, возможно, заменяла найденная (рис. 5, *9*) рядом половина стеклянной бусины, соответствующая по размеру пустому гнезду перстня. Под костями черепа было найдено более 200 сердоликовых бус, четыре бусины из горного хрусталя (рис. 10). У правого бока костяка лежала серебряная туалетная ложечка (рис. 9, *5*) и большое плоскодонное блюдечко (диаметром 12 *см*), покрытое темно-красным неблестящим лаком (рис. 11, *4*). В блюдечке лежала ромбовидная фибула (рис. 6, *4*), а под ним — створка речной ракушки с остатками румян в вп-

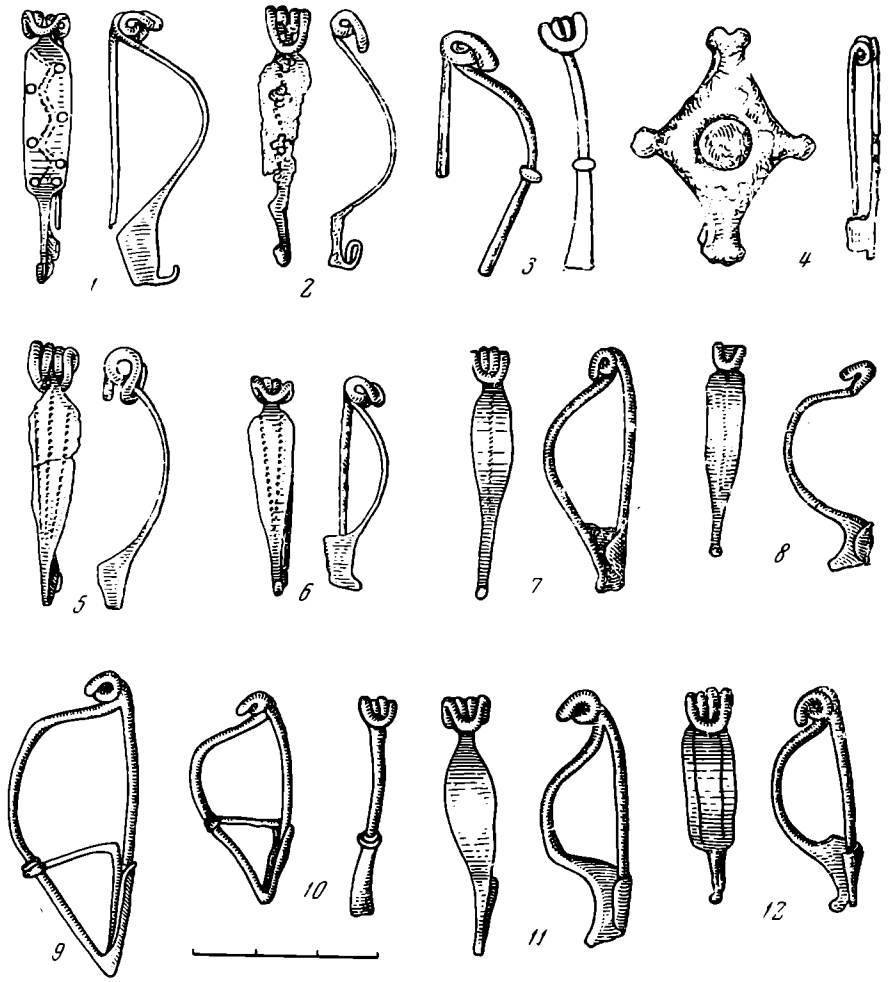


Рис. 6. Фибулы из погребений

1—3 — мог. № 1; *4* — мог. № 2; *5* — мог. № 3; *6* — мог. № 4; *7—12* — мог. № 5

де розового порошка. Здесь же был найден позвонок крупного животного. У правой руки внизу найдено колечко со спиральным щитком (рис. 5, *9*), у левой руки — бронзовый браслет с уплощенными концами (рис. 7, *5*), два перстня: бронзовый со стеклянной бусиной (рис. 5, *16*) и серебряный с геммой из сердолика, на которой вырезана стоящая мужская фигура (рис. 5, *10* и рис. 12, *6*). Под правыми ребрами обнаружились несколько сильно порванных листочков очень тонкой золотой фольги.

Череп второго скелета, положенного головой к северо-западу, тоже плохо сохранился. В области головы было найдено много бисера из стеклянной голубой пасты (рис. 13), халцедоновые, сердоликовые и пастовые бусины (рис. 14), а также две подвески, сделанные из сердоликовых бусин, обкрученных бронзовой проволокой с ушком вверху (рис. 5,*11*, и рис. 12, *3*). Справа от головы скелета стояла краснолаковая мисочка (рис. 11, *1*). К северо-востоку от головы стоял лепной сероглиняный кувшин высотой 15 *см* (рис. 11, *3*). На обеих руках костяка были надеты браслеты. На правой руке три браслета — один с шишечками на концах (рис. 7, *6*), два с уплощенными концами в виде змеиных головок (рис. 7, *5*). На левой руке два: один с шишечками и один со змеиными головками. У плечевых костей было рассыпано много бисера цилиндрической формы из так называемой голубой стеклянной пасты (рис. 13); по-видимому, бисер был нашит на покрывало. В области грудной клетки лежало плоское бронзовое зеркало (рис. 9, *1*), под которым также был найден бисер.

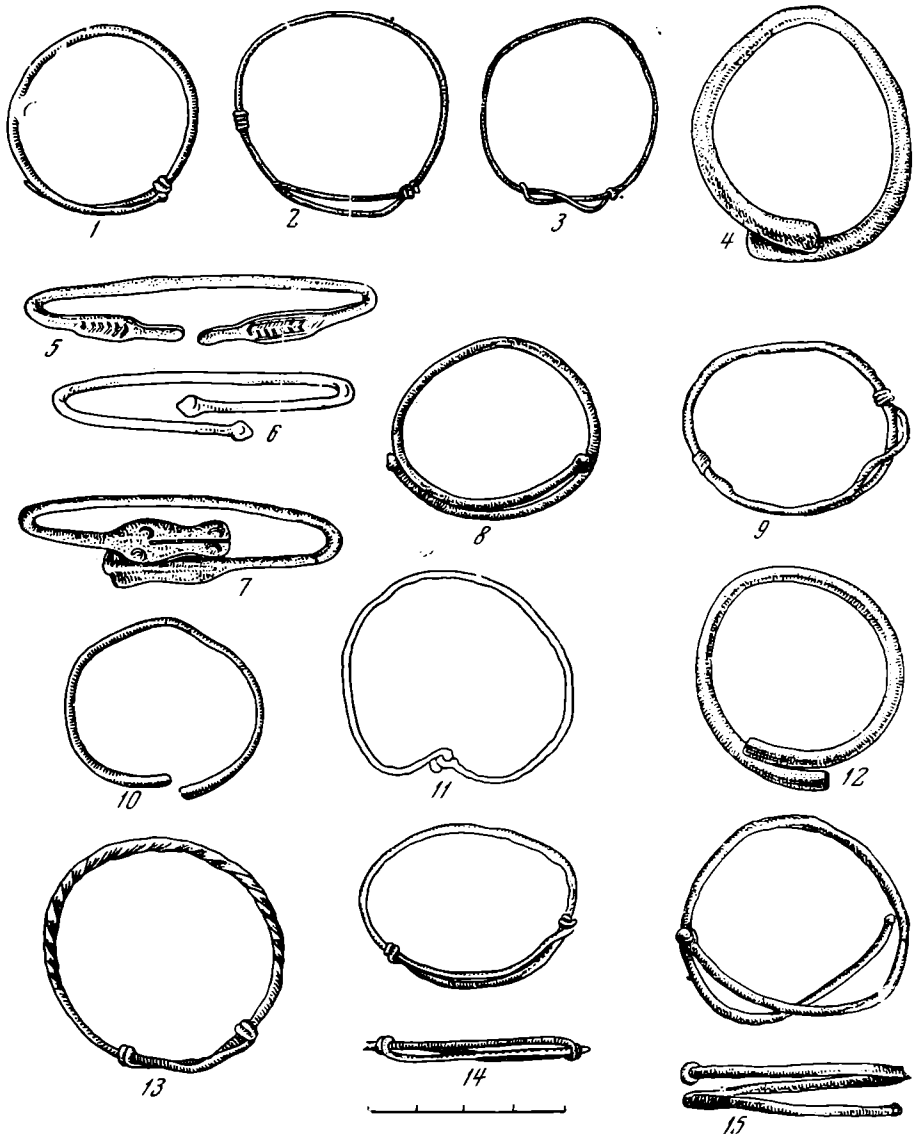


Рис. 7. Браслеты

1—4 — мог. № 1; *5—7* — мог. № 2; *8—12* — мог. № 3; *13* — мог. № 4; *14—15* — мог. № 5

В краснолаковой мисочке лежали зола и железный ножик с остатками деревянной ручки, надевавшейся на черенок (рис. 9, *4*). Под левым плечом лежала обуглившаяся кость животного. В грунте, над костяками, найдены биконическое глиняное пряслице (рис. 9, *2*), бронзовый колокольчик (рис. 5, *6*) и подвеска в виде ведерка (рис. 5, *5*).

Три большие плиты неправильных очертаний и два камня, покрывавшие могилу № 3, обнаружены на глубине 0,7 *м*. Плиты имели длину 0,7 *м*, ширину от 0,38 до 0,5 *м*, толщину 0,12—0,15 *м*. Камни были несколько меньших размеров. На этом же уровне на расстоянии 1,3 *м* к западу от камней найдены краснолаковая тарелочка (рис. 9, *8* и рис. 11, *2*) с клеймом в виде сандалий (рис. 9, *9*), помещенным в центр окружности из параллельных насечек. Высота тарелки 3,5 *см*, диаметр у края 14 *см*. Рядом с ней находился фрагментированный лепной кувшин с краснолощеной поверхностью (рис. 11, *6*). Очертаний могильной ямы проследить не удалось, кости скелетов, очень сильно разрушенные, лежали непосредственно под каменными плитами. Может быть, могильная яма была очень мелкой и перекрывавшие ее камни упали на скелеты. По-видимому, сосуды, найденные поблизости, относятся к данному погребению и выброшены из него

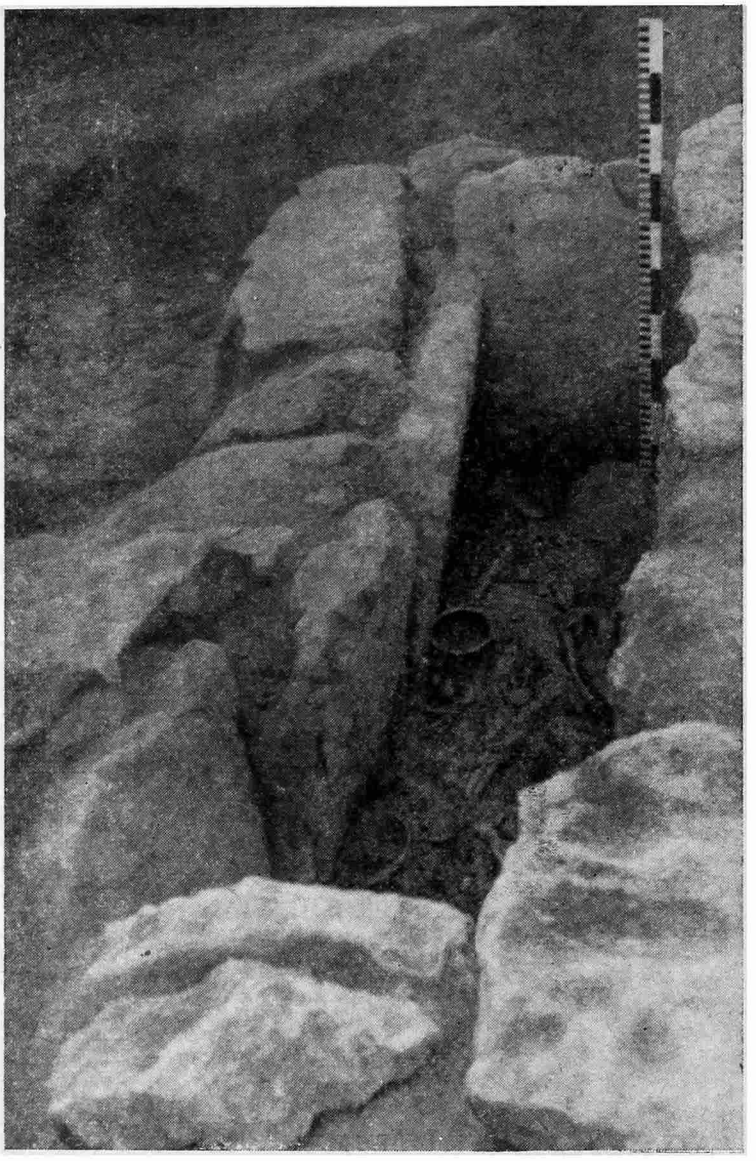


Рис. 8. Могила № 2

при выемке плит. Черепа трех скелетов сохранились плохо. Кости черепа, рук, ног, ребра, сильно перемешанные, были скучены на небольшом пространстве 0,7 × 0,48 *м*. Может быть, это разновременные погребения и кости предыдущих погребенных были сдвинуты в одну кучу, а скелет последнего погребенного полностью истлел. При зачистке среди костей были найдены следующие предметы: 100 стеклянных бус из черной, голубой и красной стеклянной пасты, гладкие, глазчатые, полосатые и желобчатые (рис. 15), маленькие бронзовые браслеты — 5 литых и 2 проволочных (рис. 7,*8*—*12*), бронзовое колечко с двумя спиральками на каждом из концов (рис. 5, *13* и рис. 12, *4*), фрагментированная бронзовая пружинная фибула с приемником, украшенным насечкой (рис. 6, *5*), подвеска очковидная со спиральками на концах (рис. 6, *5*), бронзовая подвеска в виде проволочки, на которую одета пастовая бусинка (рис. 5, *7*), фрагментированное колечко из бронзовой проволоки, обломок бронзовой рельефной бляшки с погрудным изображением богини, вероятно, Афродиты и Эрота. Сохранились только голова богини, справа от которой были головка и ручка ребенка (рис. 9, *10*). Здесь же найдена крупная бусина из стеклянной пасты с желтыми глазками (рис. 9, *3*).

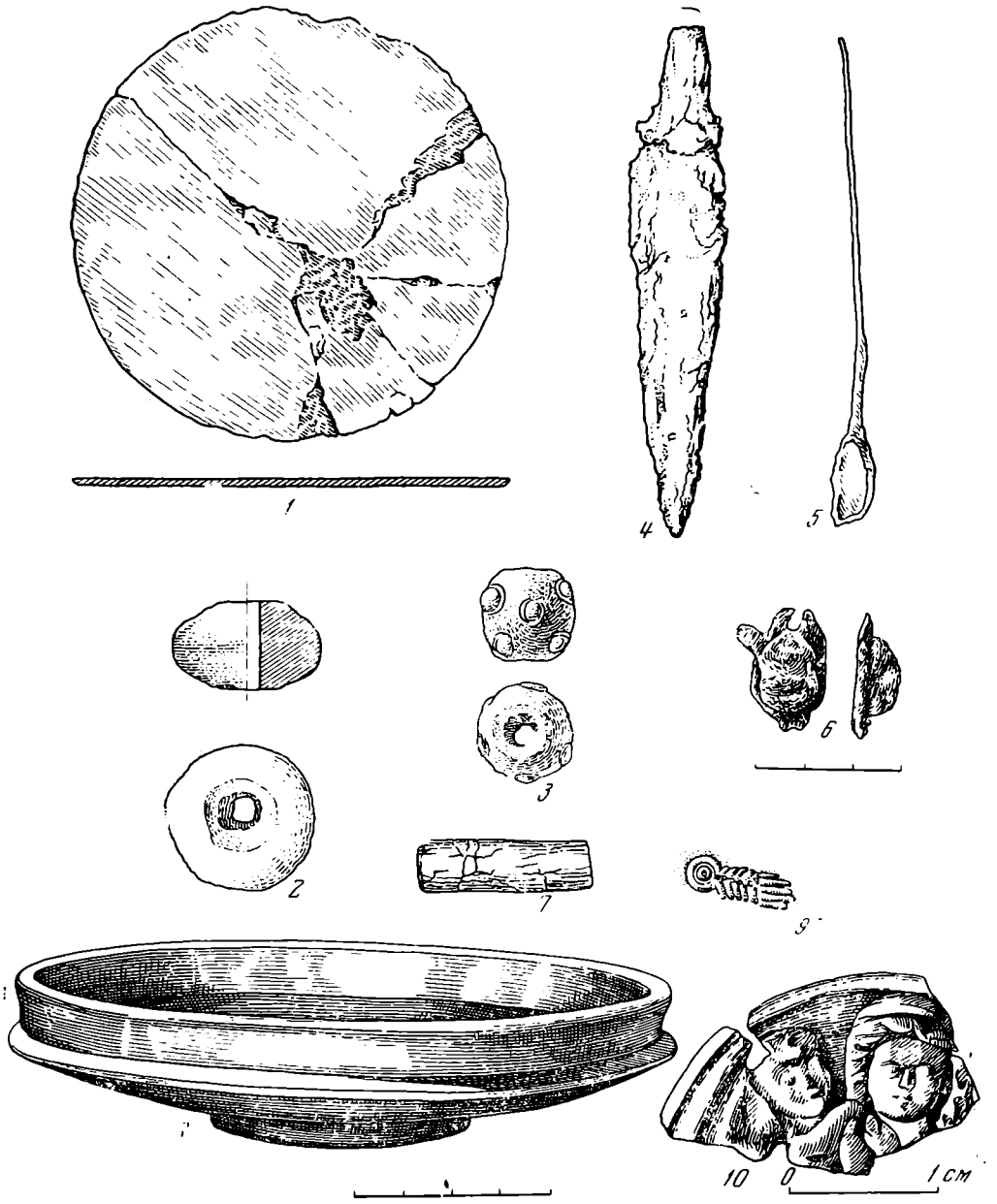


Рис. 9. Вещи из погребений

1 — зеркало; *2* — пряслице; *3* — бусина; *4* — нож; *5* — туалетная ложечка; *6* — обломок бронзовой фибулы; *7* — амулет (обугленное дерево); *8* — краснолаковая миска; *9* — клеймо на внутренней части ее дна; *10* — часть бронзового рельефного медальона (*1, 2, 4, 5, 7* — мог. № 2; *3, 8—10* — мог. № 3; *6* — мог. № 5)

Могила № 4, обнаруженная на глубине 0,8 *м*, представляла собой простую земляную яму овальной формы длиной 1,2 *м*, шириной 0,60 *м* в северо-западном конце и 0,4 *м* — в юго-восточной части. Дно ее находилось на глубине 1,1—1,2 *м* от современной поверхности почвы. Кости двух скелетов сохранились плохо, оба черепа лежали в юго-восточной части могильной ямы. В ногах (т. е. в северо-западной части могилы) стоял маленький лепной одноручный горшочек высотой 7 *см* (рис. 16 и рис. 11, *5*). В районе черепов найдены: пронизь в виде скарабея из голубого непрозрачного стекла — так называемой египетской пасты, пронизь в виде сжатого кулака из того же материала (рис. 12, *1—2*), 75 стеклянных бус (рис. 17), одна раковина каури с отверстием для нитки (рис. 5,*12*) одна створка большой речной ракушки со следами розовой краски,

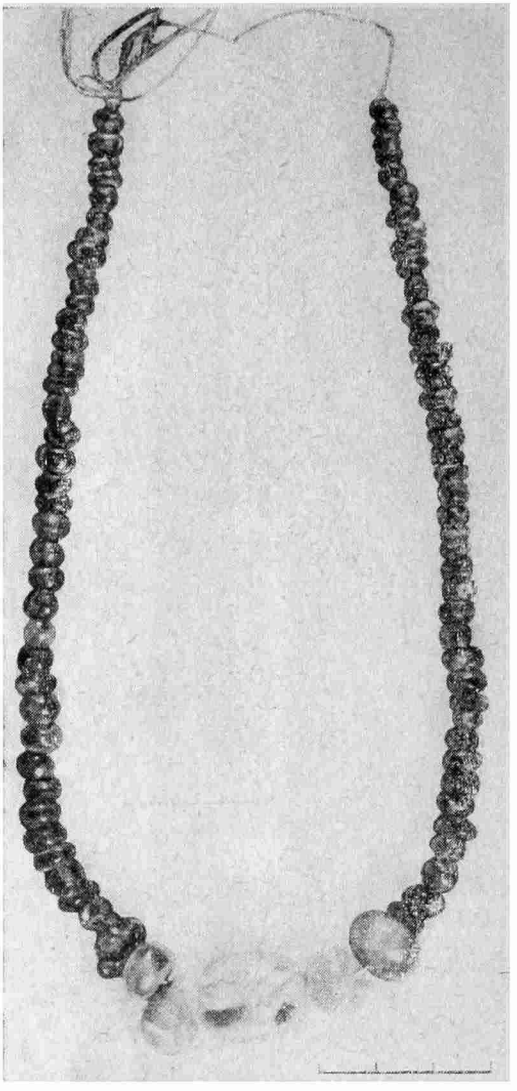


Рис. 10. Бусы из могилы № 2

два одинаковых бронзовых браслета из крученой проволоки (рис. 7, *13*) и один литой с обломанными концами. Возможно, этому браслету принадлежал конец в виде расплющенной змеиной головки, на котором сохранились отпечатки шерстяной ткани (рис. 12, *9*). Там же найдена бронзовая пружинная фибула с плоским приемником, украшенным насечкой (рис. 6, *6*).

На расстоянии 0,2—0,5 *м* от северо-восточного борта могилы в материк была врыта каменная плита высотой 0,7 *м*, шириной 0,8 *м* и толщиной 0,1 *м*. Ее узкие грани были обращены на северо-запад и юго-восток. На расстоянии 1,2 *м* к северо-западу стоял на ребре еще один плоский камень неправильных очертаний. Он был повернут узкими сторонами к востоку и к западу. Его западный конец находился на расстоянии 0,7 *м* от могилы № 2. Не исключена возможность, что оба эти камня выполняли роль надгробий около могил № 2 и 4.

Могила № 5 обнаружена на глубине 0,5 *м*. Она была перекрыта двумя большими плоскими каменными плитами неровных очертаний. Между ними и рядом лежали мелкие дикарные камни (рис. 1). Стенки ее были сложены из стоящих на ребре камней известняка различных размеров (рис. 18), пол был посыпан ракушкой и галькой. Глубина могилы 0,43 *м*, длина 0,9 *м*, ширина 0,32 *м*. В могиле находились четыре детских костяка плохой сохранности, ориентированные головами на юго-восток. Все они лежали скученно на одном горизонте и были засыпаны землей, поэтому не всегда удавалось определить, к какому из костяков следует отнести те или иные вещи, найденные в могиле. По-видимому, с костяком, лежащим у северо-западной стенки, были положены: ребристая подвеска из голубого непрозрачного стекла, так называемой египетской пасты, 15 черных стеклянных и 10 сердоликовых бусин (рис. 19), лучковая подвесная бронзовая фибула (рис. 6, *9*) и бронзовый проволочный браслет с перекрученными концами (рис. 7, *14*). Ко второму лежащему рядом костяку, вероятно, надо отнести найденные на его черепных костях пять сердоликовых бусин (рис. 18) и бронзовую серьгу (рис. 5, *22*), бронзовое проволочное колечко (рис. 5, *20*), а также обнаруженные в районе ребер бронзовую подвеску в виде антропоморфной фигурки с ушком (рис. 5, *18*), сильно попорченную бляшку (или фибулу-брошь) с выступами (рис. 9, *6*). Рядом с третьим костяком лежали четыре бронзовые фибулы, в том числе одна пружинная лучковая с подвязанным приемником (рис. 6, *10*) и три маленьких пружинных с широкой плоской спинкой, с пластинчатым приемником и

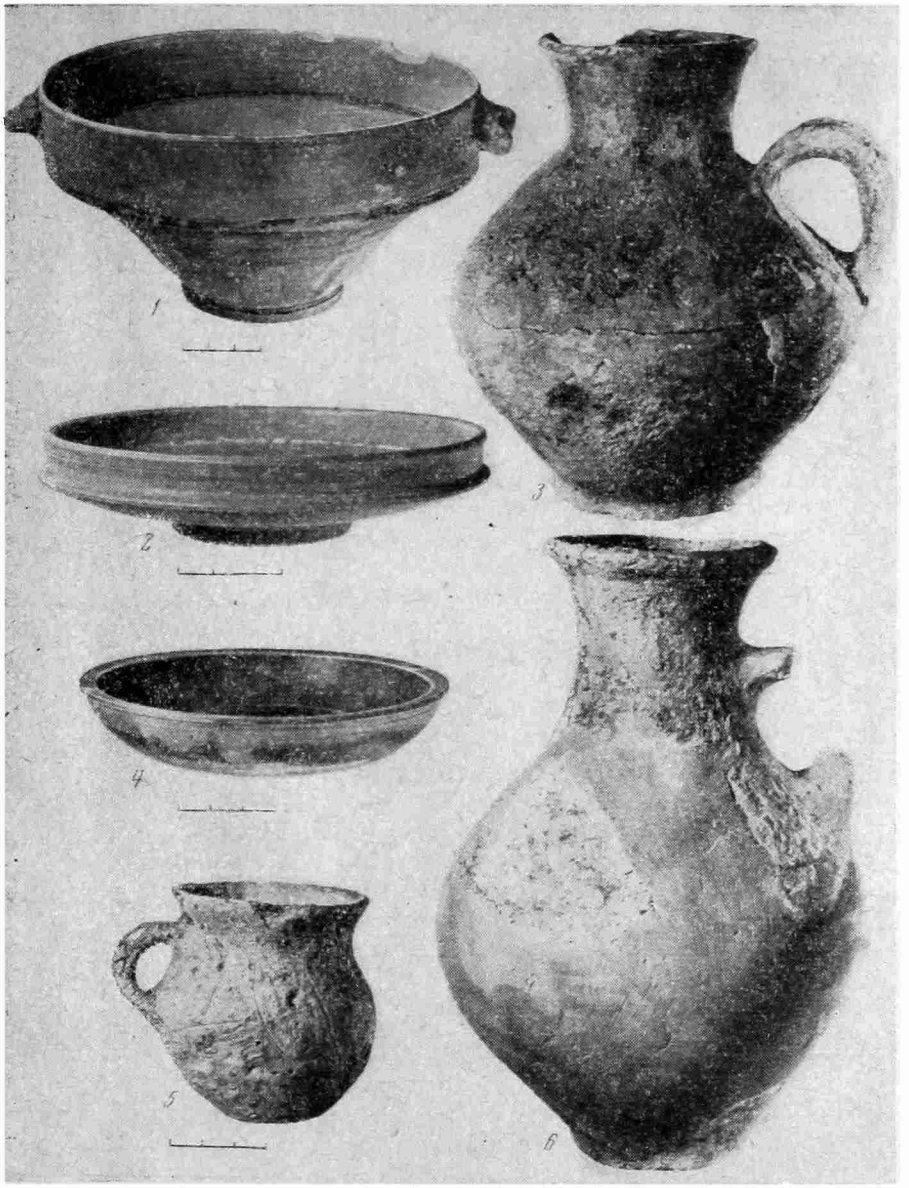


Рис. 11. Сосуды из погребений

1, 2, 4 — краснолаковые миски; *3, 5, 6* — лепные сосуды (*1* и *4* — мог. № 2; *2* — мог. № 3; *3* — мог. № 2; *5* — мог. № 4; *6* — мог. № 3)

с завитком на конце (рис. 6, *7, 8, 11*), бусы сердоликовые и из непрозрачного стекла: глазчатая, полосатая, зеленые и голубые (рис. 18) и пара бронзовых проволочных сережек (рис. 5, *17, 21*). У самой юго-восточной стенки среди костей четвертого скелета были найдены еще две аналогичные сережки (рис. 11, *6*), два бронзовых колечка (рис. 5, *19, 21*) и два бронзовых браслета. Один из них витой с подвязанными концами (рис. 7, *14*), другой гладкий с заходящими друг за друга концами с шишечками на краях (рис. 7, *15*). В грунте над костяками были найдены еще два бронзовых колечка (рис. 11, *9*), две фрагментированные и одна целая фибула (рис. 6, *12*).

Описанные пять могил хронологически близки. В могилах № 1, 3, 4 и 5 найдены небольшие фибулы одного типа с пружинами, пластинчатыми спинками, иногда украшенными насечками, и с пластинчатыми приемниками, заканчивающимися шишечками или завитками (рис. 6,

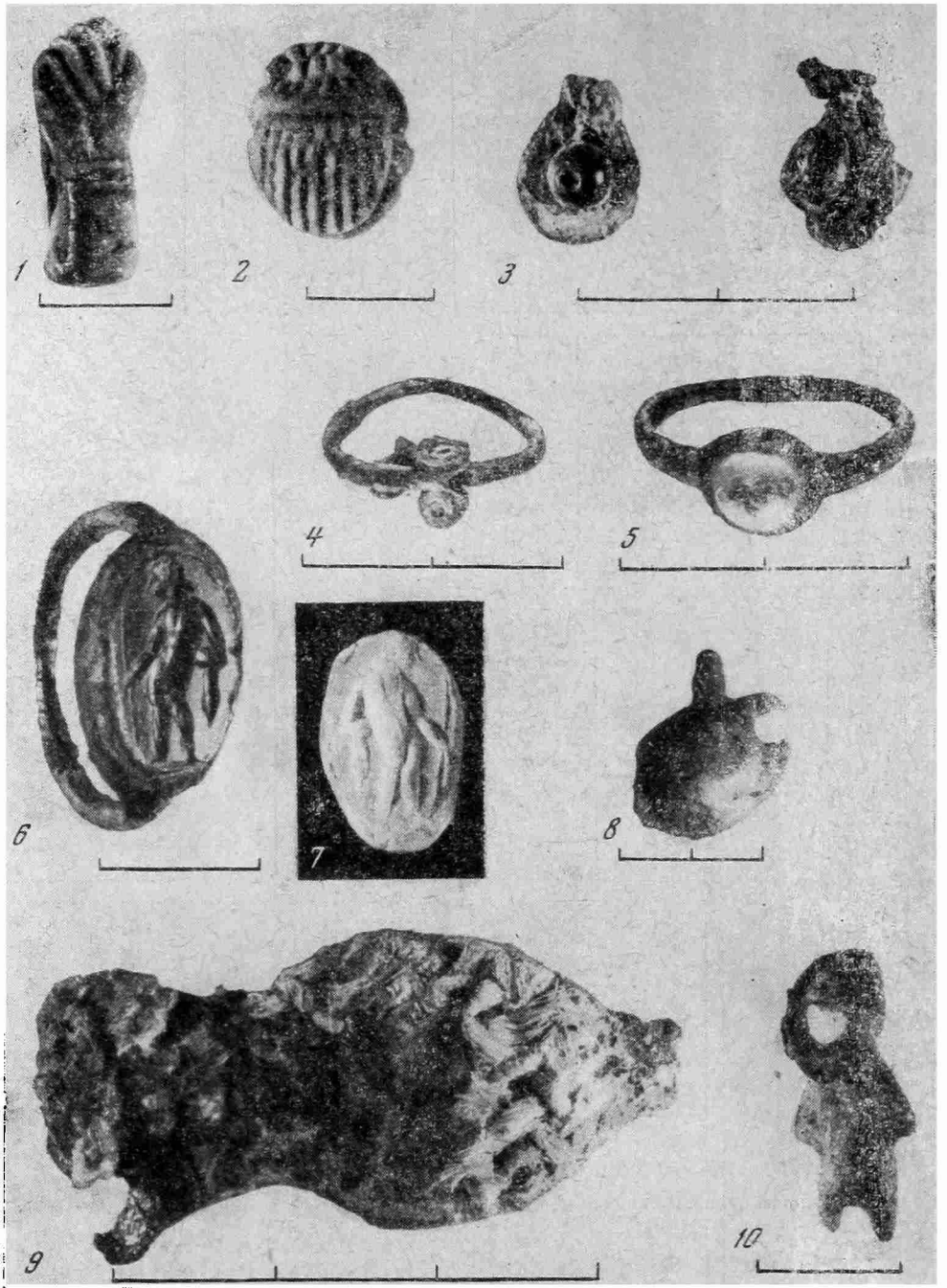


Рис. 12. Вещи из погребений

1—2 — пронизи из египетской пасты (мог. № 4); *3* — подвески (мог. № 2); *4—6* — перстни (мог. 3 и 2); *7* — оттиск с геммы; *8* — обломок фибулы (мог. № 5); *9* — остатки ткани на обломке браслета (мог. № 4); *10* — антропоморфная подвеска (мог. № 1)

1, *2*, *5—8*, *11*, *12*). Эти фибулы А. К. Амброз относит к I—II вв.[6] Найденные в могилах № 1 и 5 лучковые подвязные фибулы с расширенными ножками имеют аналогии в погребальных комплексах II и III вв.[7]. Шарнирная фибула-брошь с ромбовидным щитком и с завитками на углах из могилы № 2 датируется второй половиной I — первой половиной II в[8].

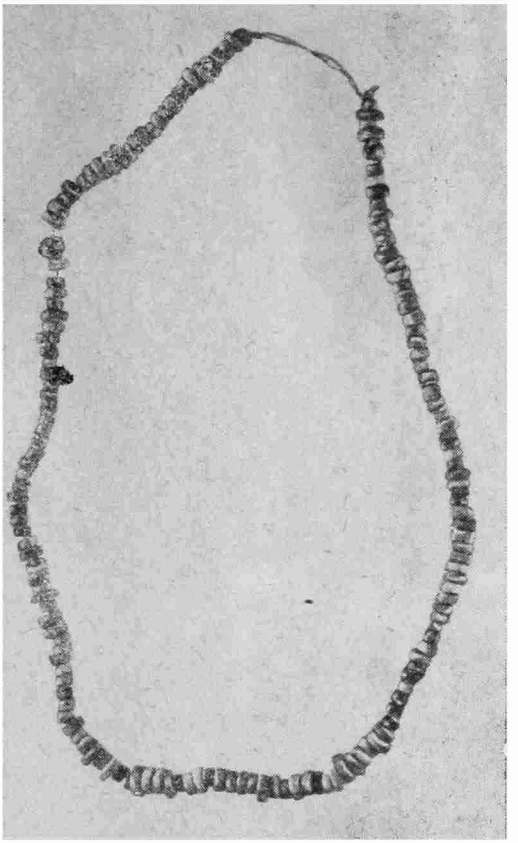


Рис. 13. Бисер из мог. № 2

Краснолаковая посуда из погребений не противоречит этой датировке. Краснолаковая мисочка с прижатыми ручками (рис. 11, *1*) очень близка малоазийской чаше, найденной в Мирмекии и отнесенной Т. Н. Книпович к середине I в.[9]. Аналогичная мисочка найдена в некрополе у дер. Ново-Отрадное[10]. Краснолаковая тарелочка с клеймом в виде сандалии (рис. 9, *9*) внутри круга близка тарелке из Мирмекия типа 7 (М) с клеймом в виде сандалии, помещенным в центре трех врезанных концентрических кругов. Т. Н. Книпович датирует ее второй третью I в.[11]. Близкая по форме тарелочка с более массивными стенками, без клейма, но с кругом из мелких насечек найдена в Илурате и относится Л. Ф. Силантьевой ко II в.[12]. Клейма, по форме близкие сандалии нашей тарелочки, имеются на краснолаковых чашечках из некрополя Танаиса[13]. Краснолаковое блюдечко из могилы № 2 с горизонтально срезанным краем и на плоском дне (рис. 11, *4*) является одним из вариантов типа чаши G59, найденной на Афинской агоре[14], отличаясь от последней несколько большей округлостью своих стенок и немного меньшими размерами. Афинскую чашу Г. Робинзон относит к I в. Темный цвет лака, матовая поверхность и качество глины нашего блюдечка заставляют отнести его к группе сосудов боспорского производства.

Антропоморфные фигурки-подвески (рис. 5, *2*, *18*) типа найденных в могилах № 1 и 5 обнаружены в грунтовом могильнике Неаполя Скиф-

[6] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ Д1-30. М., 1966, стр. 45, табл. 5, *14—18*.

[7] Там же, стр. 49 и 51, табл. 9, *8* и 9, *11*.

[8] Там же, стр. 33, табл. 15, *5*. Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, 4, стр. 143 и 146, рис. 3.

[9] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 295, рис. 1, *3*, и стр. 296, тип 3 (М).

[10] Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, 1, стр. 199, рис. 7, *4*, могила 28 (I в. н. э.).

[11] Там же, стр. 298 и 299, рис. 2, *4*; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, стр. 156, рис. 36.

[12] Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата, МИА, 85, 1958, стр. 290, рис. 5, *2*.

[13] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, табл. XXIX, *2*. Другой вариант такого клейма в круге из насечек: табл. XXII, *2*.

[14] H. Robinson. The Athenian Agora. Pottery of the Roman period. Princeton, 1959, табл. 66, *G 59*.

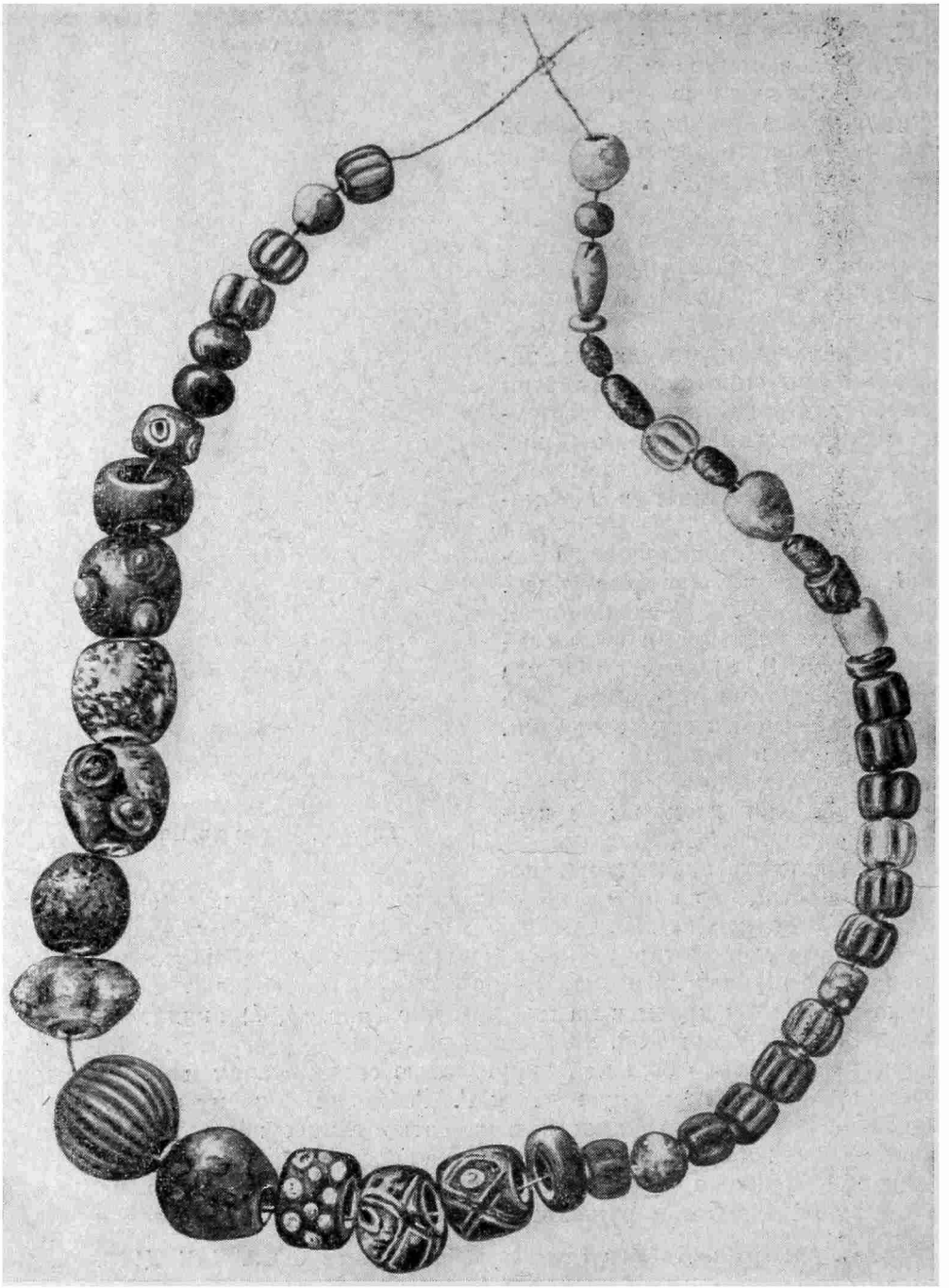


Рис. 14. Бусы из могилы № 2

ского, в том числе в погребении № 98 с инвентарем I—II вв.[15], в некрополе Кыз-Аул в могилах № 11 и 12, которые В. Ф. Гайдукевич относит к I—II вв.[16]. Такого типа подвески встречались в склепах Пантикапея[17],

[15] Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского...; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК. Киев, 1957, стр. 127, табл. VI, *4*.

[16] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 203 и 204.

[17] Раскопки 1907 г., склеп 78. ИАК, 35, 19, стр. 33, собр. Гос. Эрмитажа, инв. № 1820/93; в Гос. Историческом музее имеются три аналогичные антропоморфные подвески из коллекции Думберга, инв. № 28737, происходящие, вероятно, из Керчи.

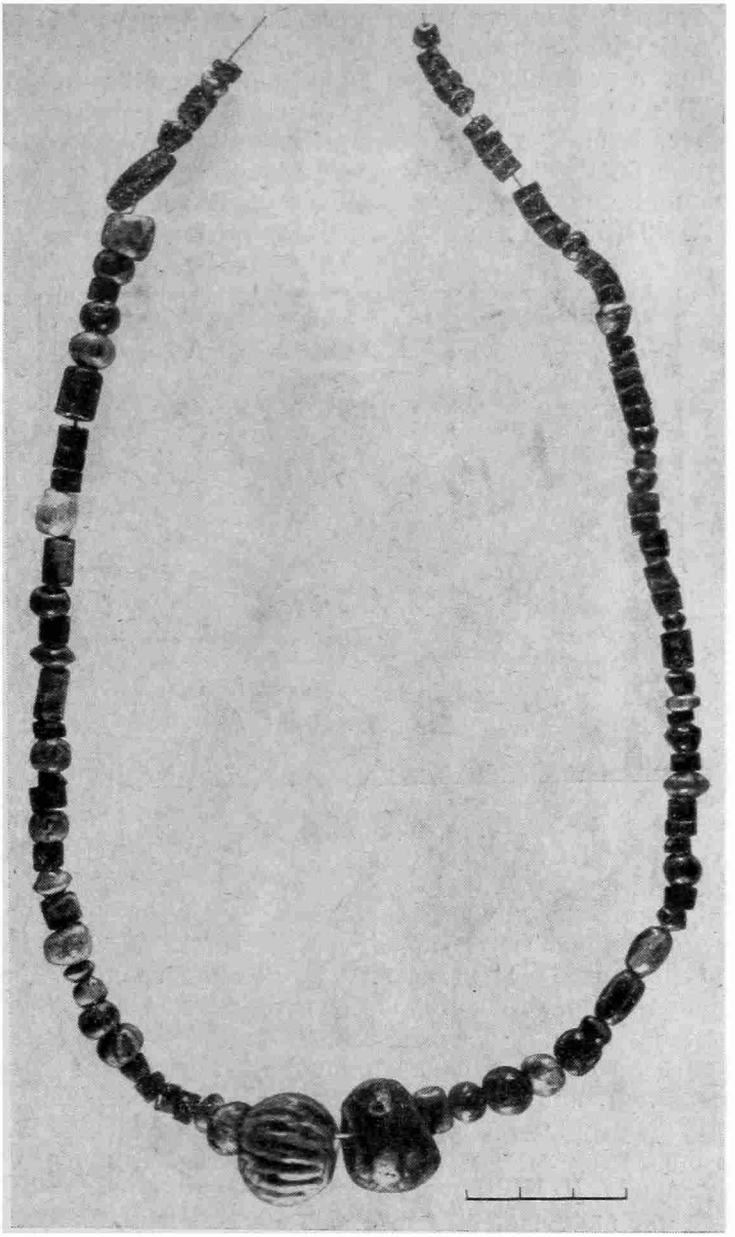


Рис. 15. Бусы из могилы № 3

в Прикубанье [18], и даже в Фергане [19] с материалами первых веков нашей эры.

В могилах № 1, 3 и 5 найдены одинаковые браслеты из круглой в сечении бронзовой проволоки с заходящими друг на друга концами, притянутыми к дужке спиральными оборотами проволоки, образующими раздвижной замок (рис. 7, *1—3*, *9*, *14*). Золотой браслет такой же формы был найден в Керчи в детской гробнице I в. [20]. Аналогичные бронзовые браслеты, датируемые первыми веками нашей эры, имелись в некрополе Не-

[18] ОАК за 1902 г., стр. 73, рис. 156.

[19] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 49, рис. 10.

[20] Л. И. Чупстова. Новые находки из некрополя Керченского полуострова. МИА, 69, 1959, стр. 240, рис. 3.

аполя Скифского[21], в могильниках у дер. Кыз-Аул[22] и Ново-Отрадное[23], у с. Заветное Бахчисарайского района[24]. Литые бронзовые браслеты круглые в сечении с утолщающимися концами, заходящими друг за друга (рис. 7, *4*, *12*) из могил № 1 и 3 встречаются в могильниках Неаполя Скифского[25], с. Заветного[26], в каменных ящиках Байдарской долины[27] Такого же типа браслеты с несмыкающимися концами и с меньшим различием в толщине концов и дужки были найдены в Тиритаке (могила III в. н. э., № 19 (44))[28] и на Таманн (в могиле V в. до н. э. № 16)[29].

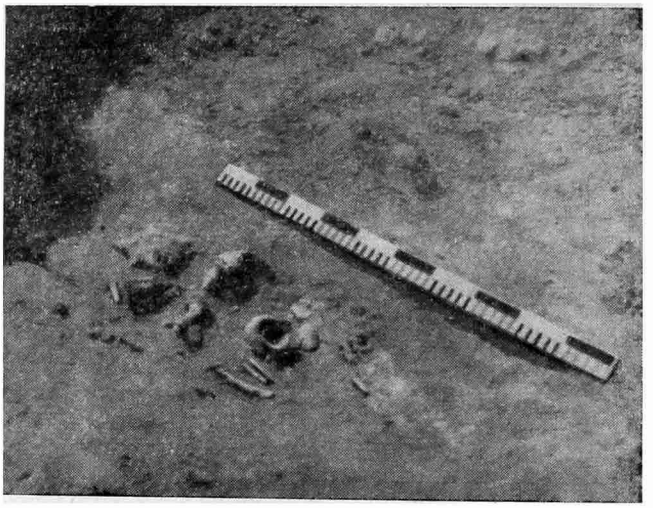


Рис. 16. Могила № 4

Бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки с конусовидными шишечками на концах (рис. 7, *6*, *8*, *15*) из могил № 2, 3, 5 аналогичны найденным в могилах I—II вв. н. э. у дер. Ново-Отрадное[30], в некоторых каменных ящиках Байдарской долины[31], в могиле I в. н. э. у с. Ново-Филипповка Запорожской области[32] и во многих других местах. Менее распространены браслеты с расплющенными концами в виде змеиных головок (рис. 7, *5*), найденные в могилах № 2 и 4. Уплощенные концы, напоминающие форму змеиных головок браслета из могилы № 2, имеются на одном из браслетов из могилы № 12 некрополя Танаиса[33], но насечки там другого рисунка. Д. Б. Шелов датирует могилу первыми веками нашей эры на основании аналогий с браслетами из Неаполя Скифского. Аналогий другому типу браслетов с уплощенными дважды расширяющимися концами (рис. 7, *7*) найти не удалось.

---

[21] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 124, табл. III, *12*.
[22] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 206, могила 13.
[23] Т. М. Арсеньева. Ук. соч., стр. 201, рис. 9, *6*.
[24] Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э., бІля с. ЗавІтно, Бахчисарайського району. «Археология», XV, Київ, 1963, стр. 101, рис. 4, *1*.
[25] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 124, 2, *4*.
[26] Н. О. Богданова. Ук. соч., стр. 102, рис. 4, *2*.
[27] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, 37, СПб., 1909, стр. 149, рис. 29, *16* (ящик № 26, стр. 143).
[28] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, стр. 224, рис. 95, *2*.
[29] Там же, стр. 159, рис. 2, *4*.
[30] Т. М. Арсеньева. Ук. соч., стр. 201, рис. 9, *5*, и стр. 202.
[31] Н. И. Репников. Ук. соч., стр. 149, рис. 29, *9*.
[32] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, ВССА. М., 1954, стр. 238, и табл. VI, *1*.
[33] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 11, табл. XXXIV, *11*.

Лишь в одной могиле (№ 2) встречены перстни со вставками из стекла и камней. Один из них с выпавшей вставкой (рис. 5, *15*) напоминает своей формой перстни I в. до н. э.—I в. н. э.[34]. Впрочем, такую же форму имеет перстень с сердоликовой вставкой из могилы III в. у дер. Ново-Отрадное[35]. Два других перстня из рассматриваемого нами могильника значительно менее массивны и не имеют плавного перехода от щитка к дужке (рис. 5, *10*, *16*, *19*). На сердоликовой гемме, вставленной в один из них, вырезана обнаженная мужская фигура с копьем, или высокой палкой, в левой руке и с плащом, перекинутым через правую руку (рис. 12, *6*, *7*). На голове его — широкополая шляпа или шлем. Изображение очень грубое и имеет анатомические погрешности. Отсутствуют многие детали, неправильны пропорции ног и тулова, неверно положение ног и левого бедра, не уместились ступни. Последний недостаток наблюдается, впрочем, и на гемме с изображением Гермеса, вырезанной на гранате, которую М. И. Максимова относит к I в. и считает изделием боспорского камнореза[36]. Возможно, что рассматриваемая нами гемма тоже была сделана на Боспоре в I или II в. Однако художественное ее качество много ниже, чем у перстня, воспроизведенного М. И. Максимовой, а поверхность камня не имеет выпуклости, как у гранатов рассматриваемой ею группы. Качество выполнения и поза стоящей фигуры на нашей гемме близка инталье на красной яшме из Ольвии с изображением Меркурия перед жертвенником[37]. В той же самой позе, но с прямо повернутой головой, и совсем в другом художественном стиле воспроизведена статуя Диониса на гемме эллинистического времени[38].

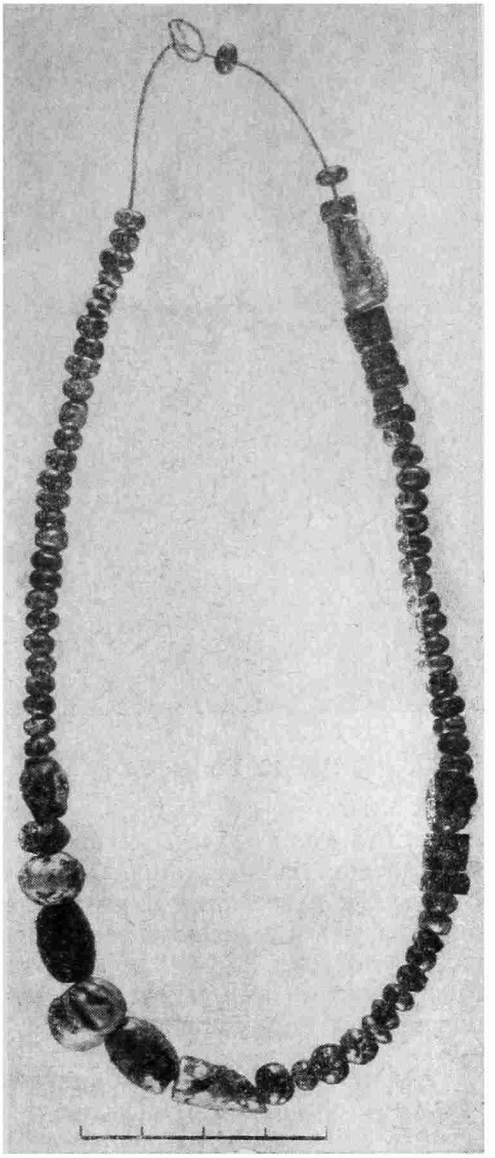


Рис. 17. Бусы из могилы № 4

Один из перстней со светлой стеклянной вставкой, найденной в могиле № 2 (рис. 5, *16*), очень близок бронзовым престенькам из могилы № 103 некрополя Танаиса, которые Д. Б. Шелов датирует началом I в.[39].

Особый интерес представляют перстни со щитком из скрученной спиралью проволоки (рис. 5, *9*) и с концами в виде двух спиралек (рис. 5,

---

[34] М. И. Максимова. Боспорская камнерезная мастерская. СА, 1957, 4, стр. 76, рис. 1.

[35] Т. М. Арсеньева, Ук. соч., стр. 195, рис. 3.

[36] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 78, 79, рис. 2, *12*.

[37] Т. В. Кибальчич. Южнорусские геммы. Берлин, 1910, табл. III, *90*,

[38] M. W. Furtwängler. Die Antiken Gemmen. I. Berlin, 1900, табл. XXXIV, *21* и III, стр. 167.

[39] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 38, табл. XIV, *16*.

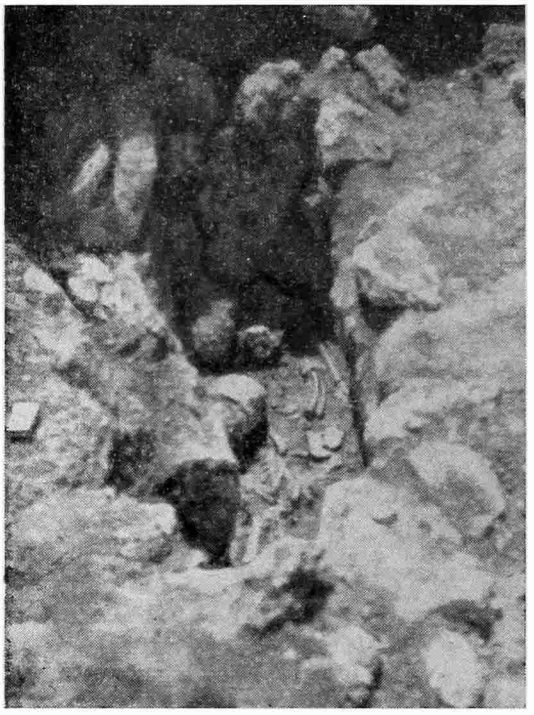


Рис. 18. Могила № 5

13). Перстни первого типа сохраняют древние греческие традиции. Они известны среди находок в Олимпии [40]. Кольцо с двумя завитками на каждом из концов является одним из вариантов бронзовых колец, распространенных в первые века нашей эры у местных племен Северного Причерноморья [41] и даже у их далеких восточных соседей [42]. К этому же типу украшений принадлежит подвеска с закрученными в виде волют-спиралей концами [43]. Их спиралевидный орнамент как бы возрождает мотив, широко распространенный в Европе еще в эпоху Гальштатта, и отражает одно из интересных явлений, наблюдаемое в позднеантичный период — возрождение архаических мотивов [44]. На Боспоре они встречаются в поселениях и могильниках I—III вв., удаленных от городских центров и, по-видимому, отвечали вкусам рядового боспорского населения сельских районов. Бронзовые колокольчики тоже встречаются довольно часто в могильниках Боспора и в соседних с ним областях в первые века нашей эры [45]. Пронизи из так называемой египетской пасты в виде руки и скарабея из могилы № 4 (рис. 12, *1*, *2*), фигурки лежащего льва из могилы № 1 (рис. 5, *1*), амфориска из могилы № 5 (рис. 18) и другие очень характерны для погребений первых веков нашей эры. Такие пронизи в виде льва и ска-

---

[40] F. H. Marschall. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1907.

[41] Н. Б. Богданова. Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э., стр. 101; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 71, рис. 47, *1*; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Побережье. Киев, 1961, стр. 107, рис. 112, *2* (датировка А. И. Тереножкина ошибочна).

[42] С. Т. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, табл. III, *2*.

[43] Такие подвесочки найдены в могильнике у Ново-Отрадного (Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 202). Аналогичные были найдены в Поднепровье (А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, 1, стр. 274 сл., рис. 1, *3*; 4, *10*), в Прикубанье (Н. В. Анфимов, Тахтамукаевский могильник. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, стр. 200 и табл. III, *11*).

[44] Очень близкие аналогии очковидным подвескам со спиралями имеются из погребений в могильниках Кавказа середины I тысячелетия до н. э. (Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунджи. Тр. ГИМ, XVI, М., 1947, стр. 28, рис. 24, 24—25; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XLVII, *6*). Они встречаются и в каменных ящиках Байдарской долины (Н. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 147, рис. 28, 41—42). А. М. Лесков относит их к среднему этапу таврской культуры и датирует VI—V вв. до н. э. (А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 97, рис. 34 и стр. 107).

[45] Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 203; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 205; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 78, табл. XXXIX, *5*, *6*; Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э..., стр. 105; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1051, стр. 199, рис. 18, 28.

Рис. 19. Бусы из могилы № 5

рабеев найдены в могиле I—II вв. н. э. некрополя Танаиса [46]. Те же типы пронизей, что и в Семеновке, найдены в некрополе Неаполя Скифского [47]. Скарабеи и лежащие львы обнаружены в Прикубанье в мото-сарматском могильнике второй половины I в. до н. э.— II в. н. э. [48], в Крыму, в могильнике позднескифского времени у дер. Заветное [49], в сарматских погребениях Запорожской области у с. Ново-Филипповка [50].

Скарабеи и реберчатые бусы, очень близкие найденным в могилах у д. Семеновка, были обнаружены в Кировоградской области в могиле I—II вв. [51].

[46] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 42 и рис. 7.

[47] Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского, СА, 1961, 1, стр. 271, рис. 1.

[48] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 199, рис. 18, *18*, стр. 200.

[49] Н. А. Богданова. Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э., стр. 102, рис. 4, *18*.

[50] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА. М., 1952, стр. 241.

[51] Э. А. Сымонович Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии. КСИА АН СССР, 107, М., 1966, стр. 115, рис. 45.

В боспорском могильнике I—III вв. у дер. Ново-Отрадное были найдены пронизи в виде кулака, скарабея, амфорисков[52]. Несмотря на то, что приведенные выше аналогии относятся в основном к I—II вв., такого типа пронизи встречались на Боспоре и с материалом более позднего времени. Так, фигурка льва была найдена в Керчи в могиле с индикацией монеты Рискупорида V (239—261 гг.) [53], а скарабей был обнаружен в катакомбе вместе с золотыми украшениями с перегородчатой инкрустацией в виде птичьей головки позднеантичного времени [54]. Это говорит о том, что пронизи из египетской пасты бытовали на Боспоре очень долго.

Описанные выше могилы по своему устройству, по погребальному обряду и инвентарю очень близки погребениям первых веков нашей эры могильников у дер. Ново-Отрадное [55] и у б. дер. Кыз-Аул [56]. Для всех этих могильников характерны коллективные погребения с преобладанием ориентировки головой на восток и юго-восток. Но если в могильниках у дер. Кыз-Аул и Ново-Отрадного иногда можно насчитать до восьми и даже до девяти костяков в одной могиле, то в Семеновке больше четырех костяков в одной могиле не было. Во всех этих могильниках есть могилы с земляным дном и со стенками, обставленными каменными плитами, перекрытые такими же плитами, но есть и грунтовые ямы как перекрытые, так и не перекрытые плитами. Земляные полы могил часто посыпались морским ракушечным песком и галькой.

Инвентарь и типы могил, вскрытых у д. Семеновка, близки также погребениям могильника первых веков нашей эры у дер. Заветное Бахчисарайского района Крымской области [57], находившегося уже вне границ Боспорского царства. Однако в этом могильнике преобладала иная ориентировка погребенных, они лежали головой на юго-запад.

Близкое сходство погребений у дер. Семеновки с некрополями других поселений европейской части Боспора свидетельствует об этнической и социальной близкости населения, оставившего эти памятники. Погребенные в этих некрополях были потомками боспорцев — населения, образовавшегося в результате многовекового смешения различных этнических групп: скифов, тавров, греков и пришедших позднее сарматов. Полная аналогия находок на некрополе и на поселении позволяет сделать заключение и о социальной принадлежности этого населения. Вероятно, это были рядовые жители поселков, основой жизни которых было земледелие, но в то же время они разводили скот и занимались рыболовством. Находки монет и импортных изделий говорят о значительной роли торговли и о том, что хозяйство их было денежным.

Небольшое количество раскопанных могил вблизи поселения у дер. Семеновка не позволяет делать окончательных выводов о характере некрополя в целом, но отдельные части некрополя представляют большой интерес. Особенностью раскопанной части могильника является расположение могил довольно узкой полосой с север-запада на юго-восток внутри двух параллельно стоящих каменных заграждений, имеющих то же направление. Эти каменные ограды высотой 0,5—0,6 *м* состоят из больших дикарных камней, лежащих на материке. Их поверхность находится на глубине 0,2 *м* от современной поверхности почвы, они производят впечатление развалившихся загородок. Камни северо-восточной ограды лежат в два-три ряда. На расстоянии 21 *м* к юго-западу от этой ограды, расчищенной на протяжении 8 *м*, по-видимому, находилась вторая, открытая нами лишь

---

[52] Т. М. Арсеньева. Ук. соч., стр. 200 и 201, рис. 9.
[53] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи и его окрестностях в 1903 г. ИАК, 17, СПб., 1905, стр. 69, рис. 35.
[54] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 54.
[55] Т. М. Арсеньева. Ук. соч.
[56] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч.
[57] Н. О. Богданова. Ук. соч.

на протяжении 3,5 *м*. Характер кладов камней и их форма у обеих оград аналогичны. Можно предполагать, что они ограждали участок некрополя, принадлежавший какой-то родовой группе.

Изолированность небольшой группы могил, исследованных нами, отсутствие поблизости от них других захоронений — позволяет высказать предположение о наличии в некрополе данного поселения родовых могильников.

I. T. Krouglikova

NECROPOLE PRES DU VILLAGE SEMIONOVKA

Résumé

Le village bosphorien sur le rivage de la mer Azov en Crimée est daté des I^e^ — IIIe ss de notre ère. Il était exploré à partir de l'année 1953 jusqu'à l'année 1962.

La nécropole était composée de groupes de tombes détachées ce qui la différenciait des nécropoles des villes bosphoriennes dont les tombes occupent tout le territoire. Un groupe appartenant à une famille contenait cinq tombes dans lesquelles se trouvait un, deux, trois ou quatre squelettes.

Les tombes étaient faites en cistes et en fosses. Les vases au vernis rouge, les ornements, les fibules trouvés dans les tombes les datent des I^e^ — IIe ss de notre ère.

Le mobilier funéraire, le caractère des tombes, leur orientation (Nord-Ouest, Sud-Est) les rapprochent aux nécropoles d'autres cités bosphoriens des I^e^ — IIe ss (Novo-Otradnoé, Kyz-Aoul, etc.). Les murs en pierre qui entourent cette nécropole font sa particularité.

П. Н. ШУЛЬЦ

БРОНЗОВЫЕ СТАТУЭТКИ ДИОСКУРОВ ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Культ Диоскуров в античную эпоху был распространен не только в Средиземноморье, но и на берегах Черного моря. До последнего времени оставалось неясным — почитались ли Диоскуры только в греческих городах Северного Причерноморья и Боспорском царстве, или же это почитание проникало и в среду местного населения, в частности скифского. Находка двух статуэток Диоскуров в Неаполе Скифском как будто говорит в пользу именно этого предположения.

В Неаполе наряду с обычным массовым материалом изредка встречаются замечательные памятники эпиграфики и искусства. Среди них художественные изделия, найденные в мавзолее [1], росписи склепа № 9 [2], здание с фресками [3], пьедестал с посвятительной надписью богине Родос [4], серебряное блюдце с именем боспорской царицы Гипепирии [5], погребальный комплекс сарматского военачальника [6].

Одним из таких шедевров является бронзовая статуэтка Диоскура, найденная в 1957 г. (рис. 1, *1—3*). Это первая находка такого рода на территории СССР. Фигурка обнаружена во время раскопок, в зольнике, около пригородного здания с сенями [7] (рис. 2). Это здание по плану напоминало мегароны микенской эпохи [8], оно находилось почти рядом с оборнительной стеной Неаполя невдалеке от главных городских ворот [9].

В юго-западном углу здания был устроен небольшой жертвенник в виде неглубокой ямы, обрамленной кольцом камней. В ней находились примп-

---

[1] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953; Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА. 96, 1961, стр. 103—213.

[2] П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя скифского КСИИМК, XXI, 1947, стр. 16—21. рис. 7, *а*.

[3] И. В. Яценко. Декоративная роспись общественных зданий в Неаполе скифском. СА, 1960, 4, стр. 91—112, рис. 1—15.

[4] О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. СА, 1960, 1, стр. 261—265; Э. И. Соломоник. Эпиграфические памятники Неаполя скифского. НЭ, 31, 1962, стр. 41—43. рис. 8.

[5] И. В. Яценко. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя скифского. Сб. в честь А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 101—113, рис. 1—4.

[6] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950). ИАДК, Киев, 1957, стр. 75—76, рис. 8, *а*, *б*, рис. 16, *а*; А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, XXXVII, стр. 170, сл., рис. 56.

[7] П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1957 г. Архивы ИА АН УССР и САСА. Инв. А. № 31/2; его же. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 123—124 (тезисы доклада). Статуэтка хранится в г. Симферополе в Крымском отделе Института археологии АН УССР. Инвентарный номер по полевой описи — 430.

[8] О зданиях типа мегарона на позднескифских городищах см. П. Н. Шульц. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. Сб. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1967, стр. 43—46; М. С. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 72, сл., рис. 38. Прототипом позднескифских зданий типа мегарона могли послужить святилища типа храмов в антах Ольвии и Боспора (И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 80—88, рис. 32).

[9] Характеристика стен и ворот Неаполя дана в статье: А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского (1948). ВДИ, 1950, 4, стр. 179—181.

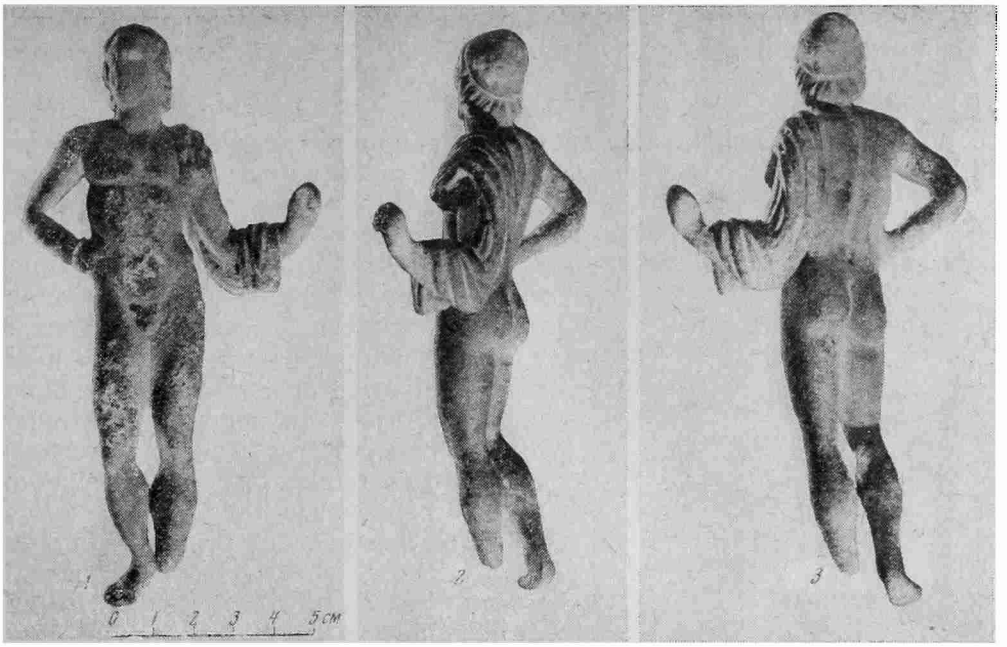


Рис. 1

1, 2, 3 — первая бронзовая статуэтка Диоскура из Неаполя Скифского

тивные небольшие фигурки богини и баранов местной работы, вылепленные из сырой земли [10]. Здесь же были найдены кости молодых барашков, принесенных в жертву. Богиня, очевидно, олицетворяла производящие силы земли и одновременно была и владычицей зверей.

В центре здания находился прямоугольный глинобитный очаг, или жертвенник, расписанный по сторонам красной и черной красками. Кровля у предполагаемого свето-дымового отверстия над очагом поддерживалась четырьмя деревянными столбами, от которых сохранились углубления в полу. Две деревянные колонны поддерживали кровлю при входе в сени. В юго-восточном углу главного помещения была устроена из камня и глины расписная лежанка. Здание это, вероятно, имело культовое назначение, оно построено в I в до н. э. и погибло на рубеже II—III вв. н. э. [11].

Зольник, находился у восточной стены здания. В нем было найдено много вещей разного времени с III в. до н. э. по III в. н. э. Слои в зольнике перемешаны и не дают в своей стратиграфии хронологической последовательности. Зола сюда, возможно, высыпалась в разное время из очага и жертвенника пригородного здания, а частью могла свозиться и из разновременных городских построек. Стратиграфия зольника, следовательно, не дает оснований для точной датировки найденной в нем статуэтки.

В зольнике было найдено много фрагментов ценных предметов: головка богини (греческая терракота III в. до н. э.) [12], обломки редких для Неаполя привозных стеклянных сосудов, в том числе и поздних из синего стекла, целая золотая серьга и пронизи из стеклянной нитяной мозаики с изобра-

[10] В. М. Маликов. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. КСИА АН УССР, 1961, 11, стр. 64—69, рис. 1—4.

[11] Описание пригородного здания и зольника к нему примыкающего, дано П. Н. Шульцем в отчете о раскопках Неаполя скифского в 1958 г. (Архивы ИА АН УССР и ОАСА, Инв. А, № 30/2).

Публикация памятника подготовляется участниками его полевого исследования — Е. Н. Черепановой и А. Н. Щегловым.

[12] Головка богини, может быть Афродиты, наряду с другими терракотами и глиняными фигурками из Неаполя скифского подготавливается к изданию П. Н. Шульцем в «Своде археологических источников», посвященном терракотам Северного Причерноморья (составитель М. М. Кобылина).

жением головы Горгоны [13]. Возможно, что не только пригородное здание, но и примывавший к нему зольник, судя по находкам, имели культовое назначение [14].

Вторая бронзовая статуэтка Диоскура (рис. 3, *1*, *2*) была обнаружена в 1958 г. в том же зольнике во время случайных земляных работ за пределами раскопки, но почти рядом с местом находки первой статуэтки. Зольник был полностью доследован в 1959 г. [15].

Судя по стилю, обе статуэтки были сделаны в разное время и неравноценны по своему художественному качеству. Но по сюжету и композиции они связаны между собой, дополняя одна другую. Обе выполнены из бронзы, идентичной по составу входящих в нее компонентов. Это дает основание предполагать, что и та и другая изготовлены в одном и том же производственном центре и хронологически не так уже отдалены одна от другой [16].

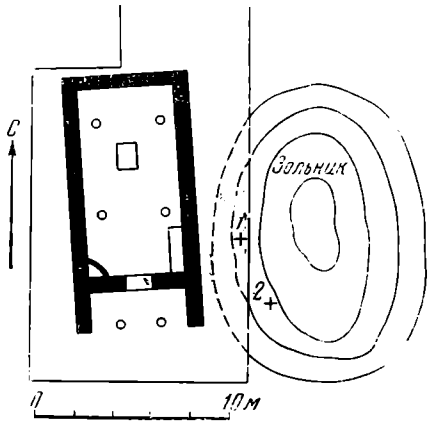


Рис. 2. Схематический план пригородного здания и зольника около стены у главных ворот Неаполя Скифского

1 — место находки первой статуэтки Диоскура; *2* — место находки второй статуэтки

Высота первой статуэтки — 11,8 *см*, сохранность относительно хорошая. Ступня левой ноги отсутствует, ступня правой ноги и кисть левой руки оплавились. И. В. Богданова-Березовская считает, что это дефект литья [17]. Поверхность особенно сильно пострадала на лице, груди, животе и верхней части ног. Сзади статуэтка сохранилась лучше. Она лежала в земле на спине и почвенные кислоты в большей степени повредили ее лицевую поверхность. Патина благородная, темно-зеленого, местами почти черного тона.

Статуэтка изображает нагого юношу (рис. 1, *1*, *2*, *3*). На голове у него пилос — главный атрибут Диоскуров [18]. Через левое плечо перекинут короткий плащ. Юноша опирается на левую ногу, правая слегка согнута в колене, чуть выдвинута вперед и носком касается земли. Сдержанное, еще не остановившееся движение проходит через всю его фигуру: левое бедро выше правого, правое плечо выше левого и слегка выдвинуто вперед. Юноша подбоченился правой рукой, локоть слегка отведен назад. Левая рука в плече опущена, немного отодвинута в сторону и согнута. Кисть приподнята. Юноша, судя по движению руки, кисти и пальцев, придерживал какой-то легкий предмет, быть может повод коня [19]. Кисть правой руки,

[13] Аналогичные пронизи найдены на восточном участке некрополя Неаполя скифского. Э. А. Сымановичч. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского. СА, 1961, 1, стр. 270—273, рис. 2.

[14] О культе золы и домашнего очага у поздних скифов см.: Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, стр. 200.

[15] П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1958 г. Архив ОАСА. Инв. А № 33/2. Вторая статуэтка обнаружена жителем Симферополя, шофером А. С. Бурлако при выборке золы для хозяйственных целей из нетронутой раскопками части зольника у раскопа «Е». Конец правой руки у статуэтки А. С. Бурлако отломал «для проверки состава металла». Эта статуэтка находится в Крымском отделе Института археологии АН УССР (Симферополь). Инв. номер по полевой описи 1959 г.— 1 (подъемный материал).

[16] И. В. Богданова-Березовская. Статуэтка Диоскуров из Неаполя скифского (химико-технологическое исследование). В этом же выпуске СА, стр. 277—280.

[17] Там же.

[18] Об этом см.: PWK, V, 9, Dioskuren. Stuttgart, 1903, стр. 1108.

[19] В кисти левой руки заметны следы оплавившегося сквозного отверстия шириной в 1 *мм*. Это отверстие хорошо видно при рентгеновском просвечивании. Возможно, что через это отверстие был пропущен металлический повод. Для древка копья отверстие узковато, да и положение кисти не допускает такой реконструкции.

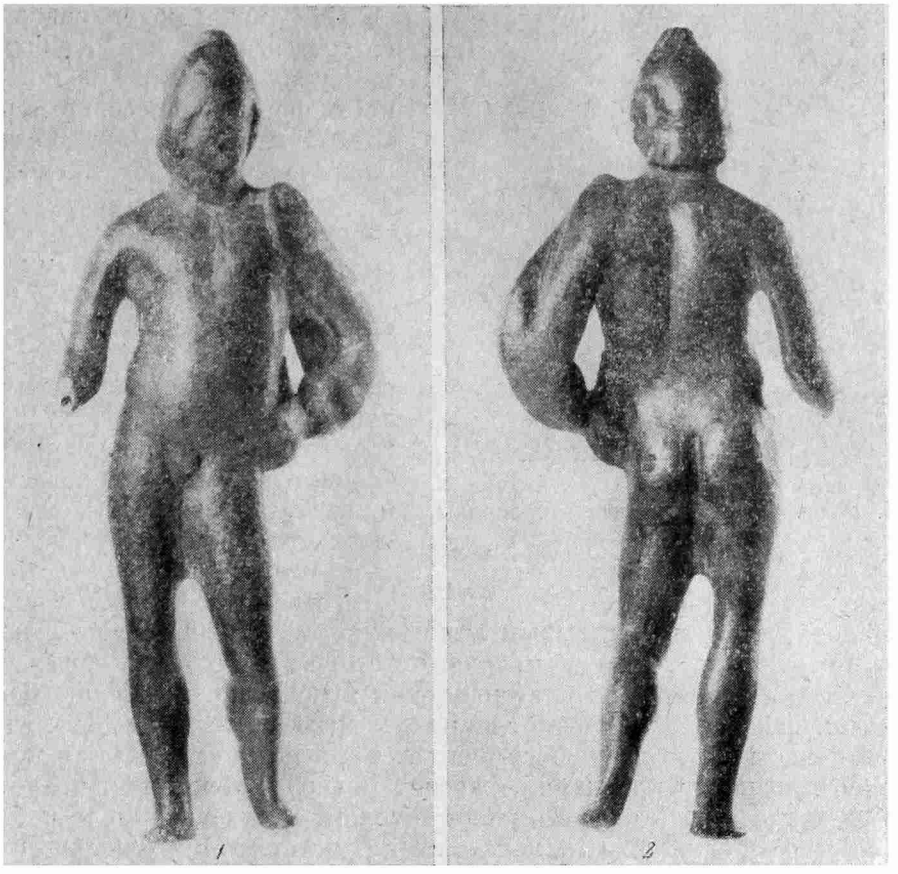


Рис. 3.

1, 2 — вторая бронзовая статуэтка Диоскура из Неаполя Скифского

трактованная более примитивно, покоится на талии. Большой палец отведен вверх. Голова свободно повернута вправо от зрителя, в три четверти, и чуть откинута назад. Диоскур смотрит влево и вверх. Глаза инкрустированы серебром, зрачки переданы углублением — это усиливает выразительность взгляда (рис. 4). Длинные волосы локонами выбиваются из-под пилоса на лоб, закрывают уши и сзади падают на шею почти до плеч. Пряди волос переданы свободно, живописно. Слева локоны спускаются ниже, чем справа.

Пропорции фигуры изящны и легки. Внутреннее движение снизу вверх дано свободно и вместе с тем сдержанно. Мышцы на груди и животе подчеркивают крепкое сложение, четкие деления фигуры (нижние границы живота и грудных мышц, линия «альба») говорят о не изжитых еще старых традициях аргосско-сикионской школы и строгого стиля, но со спины деления выражены в меньшей степени, пластика форм развивается свободно, выпукло, в едином ритме от ступни до головы. Оси бедер, плеч и головы не совпадают. В фигуре налицо элементы пространственного построения, воспринятого от Лисиппа и его школы [20]. Статуэтка смотрится со всех сторон.

[20] Вопрос о принципах пространственного построения статуй у Лисиппа детально рассмотрен в книге: О. Ф. Вальдгауэр. Лисипп. Берлин, 1923, стр. 40 сл. См. также M. Bieber. The Sculpture of the Hellenistic. New York, 1961. Лисиппу и его школе в данной работе посвящена специальная глава (гл. III, стр. 30, сл). Там же литература вопроса. Дальнейшее развитие этого принципа в школе Лисиппа можно проследить в бронзовой статуе «Диадоха» из Национального музея Терм в Риме (Arndt Br., табл. 358). Глаза «Диадоха» инкрустированы (там же, табл. 359—360), что обычно для многих статуй и статуэток эллинистической эпохи. Инкрустация глаз встречается и в римских изделиях.

Рис. 4. Голова и верхняя часть туловища первой статуэтки Диоскура

Свободная моделировка мышц спины, ягодиц, ног, необыкновенная уравновешенность и пластичность форм, экспрессивный поворот головы и пространственность композиции позволяют предполагать, что неапольский Диоскур воспроизводит в малых формах бронзового литья статуарный оригинал, созданный на рубеже поздней классики и эллинизма.

С пластикой форм тела несколько контрастируют более условные складки плаща, усиленные гравировкой. Следы чеканки и гравировки заметны и на волосах, и по нижнему краю пилоса. Хотя поверхность фигуры и головы пострадала, тем не менее свежесть и красота стройного юноши с обращенным кверху, к солнцу, открытым лицом чувствуется достаточно ясно. Оригинал или, точнее, восковая модель, с которой выполнена форма для отливки, была сделана первоклассным, как я полагаю, греческим мастером эллинистической эпохи. Несмотря на дефекты литья высокие художественные качества статуэтки несомненны. Судя по оплавленности ног и отсутствию признаков креплений, рассчитанных на подставку, неапольский Диоскур мог служить амулетом или вотивом. Его нельзя было поставить. Можно было лишь положить, подвесить или вставить в землю. Он, возможно, являлся приношением божеству, и поэтому его находка в зольнике около здания с жертвенником культового характера вряд ли случайна.

Только этим можно объяснить инкрустацию глаз серебром при дефектах литья. Бракованная статуэтка, без правой ступни, после литья тем не менее была дополнена инкрустацией, она могла быть продана лишь как амулет или вотив, не рассчитанный на вертикальную установку на подставке.

По композиции и стилю наша статуэтка отличается от знаменитой бронзовой фигурки Диоскура из Парамитии (Эпир), которая рядом исследователей признается греческим оригиналом [21].

В статуэтке из Парамитии еще больше движения, пластичности, тончайших переливов формы, чем в нашей. Она восходит к иной статуарной группе, к иным традициям. В голове и лице ярко выражены патетические черты, унаследованные от школы Скопаса. Но прототипы той и другой по времени, скорее всего, совпадают и восходят к начальному эллинизму.

---

[21] H. B. Walters. Select Bronses Greeks, Romans and Etruscan in the British Museum. London, 1915, стр. 37, № 277, табл. XXII. По мнению H. B. Walters (Ук. соч., стр. 37) и Picard (Ch. Picard. Sur un groupe mutilé d'Eleusis: Le Dioscure à la protome chevaline. BCH, LXXXII, II, 1958, стр. 448, сл. и стр. 460), статуэтка из Парамитии — греческий оригинал начала эллинистической эпохи. Она воспроизводит Кастора Элевсинской или же примыкающей к ней по композиции группы Диоскуров с протомами коней. Walters подчеркивает, что в статуэтке Британского музея имеются явные признаки влияния школы Скопаса (патетический характер лица). Процессы органического слияния традиций Лисиппа, Скопаса и Праксителя в эллинистической скульптуре ярко выражены в бронзовой статуэтке Диомеда из Эрмитажа (О. Ф. Вальдгауэр. Бронзовая статуэтка Диомеда. Ежегодник Российского института истории искусств, I. Пг., 1922, стр. 129—134, рис. 1—3, табл. X). В этой хорошей римской реплике статуарного оригинала II в. до н. э. больше, чем в первом Диоскуре из Неаполя, свободного пространственного движения, тонкой, элегантной, если не сказать рафинированной, моделировки. Прототип неапольской статуэтки явно более ранний, более сдержанный, более монументальный.

Может быть, даже прототип Диоксура из Неаполя несколько предшествовал прототипу Диоскура из Парамитии. В нашей статуэтке ярче выражены традиции строго стиля и черты, унаследованные от аргосско-сикионской школы[22], моделировка в ней дана сдержанней. Деления мышц более четки. В голове и лице драматических черт меньше. По облику она проще, менее дифференцирована, более целостна.

В общем росте голова неапольской фигурки вмещается больше, чем шесть, почти семь раз. Благодаря этому юноша кажется высоким и изящным, но вместе с тем фигура не лишена монументальных качеств. Неапольский Диоскур выглядит менее рафинированным, более компактным (несмотря на деления), чем Диоскур Британского музея. Особенно это заметно на увеличенных фотографиях, на которых наш Диоскур воспринимается как статуя, и его малый размер не ощущается.

Вторая неапольская статуэтка Диоскура (рис. 3) меньше первой. Ее высота 10 *см*, толщина 1,02 *см*. Сохранилась она хуже первой, оплавлены обе ступни и плащ. По мнению И. В. Богдановой-Березовской, это, так же как и у первой, дефект литья. Это странное совпадение, может быть, обусловлено тождеством назначения статуэток. Признаков крепления к подставке и здесь нет. Следовательно, и в данном случае фигурка являлась амулетом или вотивом. Кисть правой руки отломана. Поверхность сильно повреждена, особенно лицевая; лучше сохранилась тыльная сторона. Статуэтка, вероятно, как и первая, лежала на спине, поэтому грудь и лицо от воды и почвенных кислот пострадали больше. Черты лица едва улавливаются.

Юноша изображен нагим. На голове у него пилос удлиненной формы, напоминающий фригийскую шапку. Такого рода головные уборы встречаются у Диоскуров на вотивных рельефах Фракии первых двух веков нашей эры (рис. 5). Короткий плащ, перекинутый через левое плечо, свешивается сзади, конец его завернут у кисти левой руки. На плаще, у плеча, заметен бугорок, может быть плохо сохранившееся и не на месте посаженное изображение фибулы. Правая рука опущена в плечевой части, согнута в локте и выдвинута вперед. И в данном случае, судя по движению руки, юноша, возможно, держал какой-то легкий предмет, может быть, повод коня.

Фигура юноши дана во весь рост, в медленном, как бы останавливающемся движении. Он опирается на правую ногу, левая, слегка согнутая в колене, отставлена назад, касается носком земли. Левое плечо приподнято и чуть выдвинуто вперед. Диоскур подбоченился, упираясь кистью левой руки в бедро. Положение кисти и большого пальца, вертикально отогнутого вверх, совершенно такое же, как и у первой статуэтки. Разница только в том, что первый Диоскур упирается в бедро правой рукой, а второй — левой.

Отличаясь своими размерами, стилем и качеством работы, обе статуэтки по движению и композиции гармонируют между собой. Они как бы

---

[22] Для обоснования этого положения привлечем, в порядке сравнения, одну из статуэток аргосской школы, выполненную в традициях строгого стиля (E. Langlotz. Fruhgriechische Bild hauerschulen. Nürnberg, 1927, табл. 31, стр. 57). В ней, как и в первой статуэтке из Неаполя, при заметном членении мышц передано сильное движение правой руки и головы. В нашей статуэтке есть черты, заставляющие вспомнить особенности построения статуи Эрота Соранцо (О. Ф. Вальдгауер. Пифагор Регийский. Пг, 1915, стр. 29 сл., рис. 1, 2, 7). И там, и здесь движение развивается снизу вверх и завершается в поднятой и повернутой голове. Но если в двух привлеченных примерах (статуэтка Афинского музея, Эрот Соранцо) черты строгого стиля ярко выражены, то в нашей статуэтке они едва улавливаются. Преобладает свободная пластическая компановка форм, свойственная начальному эллинизму. Для того, чтобы подчеркнуть элементы традиционности в неапольском Диоскуре, сопоставим его с предшествующим ему бронзовым оригиналом IV в. до н. э. (K. A. Neugebauer. Die griechischen Bronzen der klassischen Zeit und des Hellenismus. Berlin, 1951, стр. 46, табл. 22, 34). И там, и здесь дань традициям налицо.

Рис. 5. Диоскуры с конями. Фракийский вотивный рельеф. Мрамор. Софийский археологический музей. Болгария, II в. н. э.

дополняют друг друга и по своему ритму связаны. Возможно, что обе они, каждая в своей манере, скорее всего через посредствующие образцы, восходят к одной и той же статуарной группе. Ведь близнецы Тиндариды, сыновья спартанского царя Тиндарея, а по другому варианту мифа — сыновья Зевса и Леды [23], в античном, греческом, этрусском и римском искусстве обычно изображались вместе.

Однако обе фигуры объединяются в группу лишь по своей архитектонике и композиционному построению. В размерах, пропорциях, пластике и деталях заметны существенные отличия. Пропорции второй статуэтки менее гармоничны, чем первой. Кисть левой руки сделана грубо и непомерно велика. Правая рука, в особенности сзади, угловата. При отливке верхние части ног соединились. Мастер не отделил их прорезом. Но наиболее сильны отличия в моделировке. Формы второй статуэтки жестки и массивны. Линия спины ритмически не объединилась с линией нижней части фигуры. Между этими линиями вмятина. Шея тяжела. Черты упрощенности и примитивности в работе объясняются тем, что вторая статуэтка, в отличие от первой, сделана рядовым ремесленником, хотя обе восходят в конечном итоге к единому хорошему эллинистическому прототипу.

---

[23] В Лаконии, «родине» Диоскуров, преобладало представление, что их отцом был легендарный спартанский царь Тиндарей, поэтому древние авторы, в частности Павсаний, постоянно называют Диоскуров Тиндаридами (Павс. II, 34, 10; III, 13, 8; 18, 9; 18, 14; V 8, 4; IX, 35, 1). По некоторым мифам, отец Диоскуров — Зевс, а мать — Леда (PWK, V, 9. Dioskuren, стр. 1087 сл.).

По своему характеру вторая статуэтка близка работам рядовых римских бронзолитейщиков первых двух веков нашей эры[24]. За римское время говорит и форма шапки, у Диоскуров эллинистической эпохи на головах обычным пилосы конической формы. Таким образом, между статуэтками имеется расхождение как во времени, так и по качеству, хотя обе, судя по составу металла, сделаны, возможно, в одном и том же производственном центре. Но одна, по стилю, скорее всего выполнена в эллинистическое, другая — в римское время. Обе фигурки объединены лишь сюжетно-тематической и композиционной взаимосвязью и тождеством состава бронзы. Совпадение состава металла дает основание к сближению дат статуэток, но стилевое их различие не позволяет предполагать их одновременность.

Вернемся к вопросу о композиционной взаимосвязи двух фигур. У каждого из Диоскуров на голове шапка, а на левом плече плащ. Один левой рукой, другой правой придерживали, вероятно, поводья коней. Один Диоскур упирается правой рукой в бедро, другой — левой. Юноши одинакового возраста, оба обнажены. Прически и короткие плащи идентичны. Композиция двух близнецов симметрична.

Если статуэтки привести к одному масштабу и поставить рядом, то композиция прототипа восстанавливается сама собой. Первая статуэтка находилась в парной группе слева от зрителя, а вторая — справа. Многочисленные изображения братьев, иногда с древними надписями, позволяют предполагать, что слева от зрителя в группе стоял Кастор (первая статуэтка), а справа Полидевк (Поллукс) — вторая статуэтка. Если наше предположение о том, что оба Диоскура держали поводья коней, правильно, то мысленно мы дополним композицию, послужившую источником для двух неапольских Диоскуров, двумя конями, медленно идущими или стоящими рядом между юношами. Для пояснения нашей мысли даем примерную, чисто ориентировочную, реконструкцию группы прототипа, выполненную в порядке опыта скульптором М. Р. Габе (рис. 6).

Такого рода группа получила широкое отражение в иконографии греческого, италийского, римского и фракийского искусства. Многие изображения на италийских и римских монетах[25], фресках[26], на рельефах, в частности фракийских вотивных[27], а так же в круглой скульптуре[28] позволяют преположить, что этот иконографический мотив, имеющий длительную историю, подсказан знаменитой, очевидно, бронзовой статуар-

---

[24] При просмотре в коллекциях и фондах Гос. Эрмитажа сравнительного материала мне оказали ценную помощь научные сотрудники: З. А. Билимович, А. П. Манцевич, М. П. Ваулина, Л. Н. Белова и другие, за что считаю своим долгом принести благодарность.

[25] H. A. Graeber. Coins of the Roman Republic in the British Museum, III. London, 1910, стр. 12, табл. XCV, *10*. Привлеченный италийский серебряный денарий относится к 91 г. до н. э. Сходные денарии того же времени с аналогичными изображениями Диоскуров между спокойно идущими конями имеются в фондах нумизатического отдела Эрмитажа. Позже эта же статуарная группа изображалась на монетах империи и в ее провинциях несколько иначе: кони в центре, а Диоскуры по сторонам (H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum. I, табл. 42, 3; его же, Coins of Fhrigia, II. London, 1906, табл. XII, *9* (Септимий Север); Henry Cohen. Description Historique des monnaies. Medailles impériales, VII. Leipzig. 1930, стр. 166—167 (Максенций). Аналогичные монеты с Диоскурами чеканились в Пафлагонии и Понтийском царстве (W. H. Waddington. Recueil général des Monnaies grèçques d'Asie Mineure, I. Paris. 1904, табл. IX, *13;* табл. XIX, *28;* табл. XXVII, *12*).

[26] Musei Burbonico, IX. Napoli, 1833, табл. XXXVI; Caloti. Stucchi figurati in un sepulero fuori della mura di Roma, 1795, табл. II; F. Cumont. Recherches sur le symbolisme funéraire des Domains. Paris, 1942, стр. 73, сл., рис. 7.

[27] G. Mihailov. Inscriptiones Graecae in Rulgaria repertae. София, 1961, III, № 1311, табл. 149; № 1332, табл. 157; F. Chapouthier. Les Dioscures an service d'une déesse. 1935, стр. 279, рис. 2; Francois Salviat. Symbolisme astral et divin. A propos d'une stèle de Phasos. RA, нов. сер., I. Paris, 1966, стр. 38, рис. 7.

[28] В Капитолийском музее находятся две мраморные статуарные группы Диоскуров (римские копии греческих бронзовых оригиналов), держащих за повод медленно

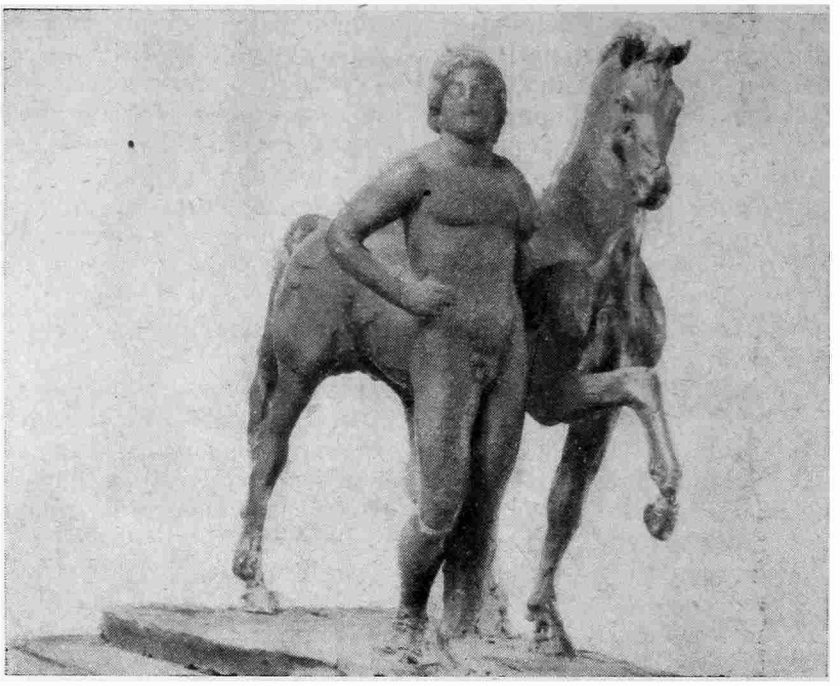


Рис. 6. Диоскур с конем, деталь предполагаемой бронзовой группы — прототипа (эллинистической эпохи). Ориентировочная реконструкция, скульптора М. Р. Габе

ной группой Диоскуров с конями. Ранние ее воспризведения на серебряном италийском денарии (91 г. до н. э. Гос. Эрмитаж), а затем на римских монетах, начиная с Нерона [29], говорят за то, что данная группа была сделана еще в эллинистическую эпоху и пользовались в дальнейшем популярностью в Италии и Риме [30]. Попытаемся уточнить дату группы, послужившей прототипом для неапольских статуэток.

Изображения Диоскуров в пилосах появляются в IV в. до н. э. [31]. Раньше у них на головах были венки или же плоские шапочки с полями (pétasos). Иконографический материал показывает, что в интересующей нас статуарной группе Диоскуры были уже в пилосах. Следовательно, груп-

идущих коней. (S. Reinach, Répetoire de Statuaire Grecque et Romaine, I. Paris, 1920, стр. 485, табл. 2044—2045. Грубая мраморная реплика этой же группы (рубеж II—III вв. н. э.) входит в знаменитый клад скульптур из Констанцы (V. Canarache, A. Aricescu, V. Barbu, A. Rădulescu. Le dépôt de monuments sculpturaux récemment découverts à Constanta. «Studia Archaeologica», София, 1963, стр. 137, 17, рис. 18, *а*, *б* на стр. 150); их же. Fezaurul de sculpturi de la Toms. «Edituro Stintigică», Bucuresti, 1963 (стр. 90—93, 129, табл. 46—47); Jorga Stoian. Cultul Dioscuriloi şi triburile Tomitane. SCIV, 3, рис. 16, Bucureşti, 1965, стр. 519—532, рис. 1 на стр. 520. Стоян дал новое истолкование надписи и привлек дополнительный сравнительный материал.

[29] Harold Mattingles. Ук. соч., табл. 42, 3; Henry Cohen, Ук. соч., стр. 166—167.

[30] О культе Диоскуров в Италии писал A. Maurie. Le culte de Castor et Pollux en Italie. 1883. Он отметил, что в Италии культ Диоскуров соприкасался с культом ларов. Об этом же в работе: Ch. Peyre. Castor et Pollux et les Penates pendant la période républicain. «Mélanges», Paris, 1962.

[31] В Пелопоннесе, «родине» Диоскуров, самые ранние их изображения с конями относятся к VI—V вв. до н. э. (PWK, V, 9, стр. 1108). Пилосов на Диоскурах еще нет. В Аттике наиболее раннее скульптурное симметрическое их изображение со спокойно стоящими конями было создано в первую половину IV в. до н. э. в одном из вотивных незаконченных мраморных рельефов. (C. Blümel. Die Klassische griechischen, Skulpturen. Berlin, 1966, стр. 76, № 89, табл. 120). Позже Диоскуры повсеместно изображаются в пилосах (Ch. Picard. Dioscures cavaliers à la demimontur fantomale. RA, I. 1962, стр. 110—113, рис. 1; там же, стр. 195—200, рис. 8, на стр. 199; M. Almagre. Le Necrópolis de Ampurias, II. Barcelona, 1953, стр. 126, рис. 109, табл.

па была создана не раньше IV в. до н. э. и не позже начала I в. до н. э., когда она была воспроизведена в италийских монетах. Из всех имеющихся реплик и свободных перефразировок, по-видимому, наиболее близко повторяет характер одного из Диоскуров данной группы миниатюрная реплика из Неаполя (первый Диоскур). Статуэтка, если судить по ее стилю, изображала памятник, выполненный на рубеже IV—III вв. до н. э. В конце IV в. завершал свою деятельность Лисипп, автор знаменитой конной группы Александра и его этайров [32]. В начале III в. школа Лисиппа, в лице его многочисленных учеников, продолжала проявлять активность. Именно этому времени полностью соответствует характер первой неапольской статуэтки. Конечно, она, как реплика, могла быть сделана значительно позже своего статуарного прототипа, или его повторений в малых формах, но в ней, судя по ее характеру, так живо и непосредственно переданы особенности раннеэллинистического оригинала, что вывести ее за хронологические рамки эллинизма трудно. Это явно греческая работа. Я не вижу в ней, в отличие от второй статуэтки [33], ни одной черты, которая бы допускала ее отнесение к первым векам нашей эры. Поэтому я склонен датировать первую статуэтку широко III—I вв. до н. э. Вторая же статуэтка по иконографическим (шапка) и стилистическим признакам может быть отнесена к I—II вв. н. э. Для более точных дат у нас оснований пока нет.

По мнению Пикара, к эллинистической эпохе восходит сильно фрагментированная мраморная группа Диоскуров из Элевсина, от которой сохранились лишь части [34]. Вместо коней здесь были изображены их протомы. Шеи коней были обрамлены венцами из листьев аканфа. Пикар убедительно разъяснял, что протомы коней в венцах аканфа порождены

XI). Привлеченные изображения убеждают, что в конце IV—III вв. до н. э. статуарный прототип Диоскуров в пилосах и плащах с медленно идущими конями был уже известен в античном мире.

[32] О. Ф. Вальдгауер. Лисипп, стр. 15—16. В свое время было выдвинуто предположение, что бронзовая статуэтка всадника, найденная в Геркулануме (Arndt Br., табл. 335, *в*), свободно воспроизводит в малых формах Александра на коне из упомянутой группы Лисиппа. Если даже это и не так, то статуэтка все же позволяет в известной мере судить о пространственных решениях мотивов конного боя у Лисиппа и его школы. В еще большей мере позволяет об этом говорить бронзовая греческая скульптура амазонки III в. до н. э., найденная при раскопках городища около санатория «Чайка» близ Евпатории. (А. Карасев. Результаты раскопок у санатория «Чайка» близ Евпатории. Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 107—108). Памятник, вероятно, повторяет одну из фигур не дошедшей до нас конной группы школы Лисиппа, изображающей битву греков с амазонками (см. Arndt Br., табл. 335, *а*; мраморные копии у S. Reinach. Ук. соч., стр. 481—482, № 2028 *a*, *b*, *c*, № 2105). Привлеченный материал показывает, что изображение конных групп в бронзовых композициях распространилось в эллинистическом мире со времен деятельности Лисиппа и его школы. Различные варианты скульптурных групп Диоскуров с конями входили в этот цикл произведений начального эллинизма.

[33] По тяжеловесной, грубоватой работе второму неапольскому Диоскуру, пожалуй наиболее близок Диоскур из Македонии, римской работы I—II вв. н. э. (H. C. Gulik. Catalogue of the Bronzes in the Allard Pierson Museum. Amsterdam, 1940. стр. 17, табл. IX, *27*). Этот же тип Диоскура в пилосе, увенчанном звездой, встречен и в Галлии (E. Esperandieu, H. Rolland. Bronzes antiques de la Seine-Martine. Paris, 1959, стр. 42, табл. XXIV, *59*). См. также E. Babelon. Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque nationale. Paris, 1895, стр. 299, No 687. Близкий экземпляр есть в Гос. Эрмитаже (не издан). Привлеченные изображения римского времени генетически связаны с прототипами Александрийской школы эллинистической эпохи. R. Pagenstecher. Expedition Sieglin, II, I, a (1923), стр. 71, рис. 71.

[34] Ch. Picard. Ук. соч., стр. 435 сл., рис. 1—3. От группы сохранилась часть постамента, протома коня и ступни ног одного из Диоскуров, вероятно Кастора. Полагаю, что и эта группа воспроизводит в мраморе статуарный бронзовый прототип. Данная группа неоднократно повторялась в первые века нашей эры (Ch. Picard. Ук. соч., стр. 452, рис. 12—13). Лучше других сохранились Диоскуры с протомами коней в театре из Триполитании (Ernesto Caffarelli e Giacomo Caputo. Leptis Magna. Roma, 1963, стр. 13, сл., табл. 75, 77—79).

кругом идей о рождении всего живого из земли и ухода в землю, что вполне отвечало хтоническим и космогоническим культам, с которыми Диоскуры были связаны[35]. Недаром же Павсаний, описывая Элевсин и его памятники, заметил: «... вышедший из земли конь может быть божественного происхождения и имеет цвет волос, подобный вороненой стали» (Павс., VIII, 25, 10)

Диоскуры, как известно, олицетворяли собой представление о смене света и тьмы, дня и ночи, рождения и смерти, мира и войны. Один из главных атрибутов Диоскуров — утренняя и вечерняя звезда. Диоскуры были как бы посредниками между миром подземным, земным и небесным. В созвездии Близнецов две самых ярких звезды носят их имя[36].

В композиции парной группы (которую мы восстанавливаем по неаполькским статуэткам привлекая многочисленные иконографические аналогии) кони шли по земле. Но лицо Кастора (первая статуэтка) обращено к небу, к солнцу, а лицо Полидевка (вторая статуэтка) чуть склонено. Возможно, что и здесь то же круг идей. Недаром же Кастор носил белый пилос, а Полидевк — черный, как символы утреннего и ночного неба.

В монументальной живописи, на фресках Афин Диоскуров изображал Полигнот[37]. На фресках Рима и Помпей[38] этот мотив и получил дальнейшую перефразировку. В одном случае над Диоскуром парят два гения, один с поднятым, а другой с опущенным факелом (жизнь и смерть) (рис. 7), а на помпеянской фреске над Диоскурами сияют две звезды — утренняя и вечерняя. На фресках конь Кастора светлый, а у Полидевка — темный.

Кони — спутники Диоскуров, героев ристалищ, покровителей наездников, путников и мореплавателей. Культ Диоскуров сплетался в Спарте, Элевсине, Фракии и других центрах с погребальным культом, в котором коню принадлежала видная роль[39]. Мы можем уверенно говорить о том, что в наиболее прославленных статуарных группах Диоскуры изображались с протомами коней, с конями, спокойно идущими или вздыбленными, и мчащимися на конях.

Таких групп было по меньшей мере четыре. Уже упоминалась парная группа Диоскуров из Элевсина, имеющая ряд реплик римского времени[40]. Широко известна мраморная группа Кастора и Поллукса со вздыбленными конями (находится в Риме перед Капитолием на Monte Caballo)[41]. В Риме находилась также не дошедшая до нас бронзовая группа Диоскуров, мчащихся на конях. Эта группа, как известно, начиная с 269 г. до н. э., получила широкое отражение на монетах Италии, Рима, а затем Бактрии, Понтийского царства и в других центрах, в частности, на западных берегах Понта Евксинского[42].

---

[35] Ch. Picard. Ук. соч., стр. 435, 465. Об этом же в PWK, V, 9 стр. 1108.

[36] PWK, V, 9, стр. 1096 и 1108; F. Cumont. Ук. соч., стр. 73; Плутарх. Лисандр, 12.

[37] Павсаний. I, 18, 2.

[38] F. Cumont. Ук. соч., стр. 74, рис. 7; Calotti. Ук. соч., стр. 2, сл., табл. II; Museo Barbonico, IX, № 1833, табл. XXXVI.

[39] Роль коня в погребальном ритуале и в представлениях греков о загробном мире освещена в работе: L. Malten. Das Pferd im Toten-Glauben. Arch. Jahrb., XXIX, B. 1914, стр. 179.

[40] Ch. Picard. Ук. соч., стр. 435, сл., рис. 1—3; E. Caffarelli e Giacomo Caputo. Ук. соч., табл. 77—79.

[41] MW, табл. 95; S. Reinach. Ук. соч., стр. 485, 2045, табл. 812.

[42] H. A. Graeber. Coins of the Roman Republic in the British Museum, III, табл. VIII, *1—7*. P. Gardner. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886, табл. VI, *3—4*, *6—7*; G. Mihailov, Ук. соч., I. София, 1956, № 83, табл. 29. Ценные замечания о возможности изображения на привлеченных монетах и рельефах структурной группы имеются у Реглинга (K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk, Berlin, 1925, стр. 112, 137, табл. XLIII, *876*), у. А. Н. Зограф (Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 235—237, табл. XIV, *7*; XV, *9*; *XIX*, *8—10*) и у К. В. Тревер (Памятники греко-бактрийского искусства, М.— Л., 1940, стр. 120, табл. 36, *2*). По этому вопросу К. В. Травер пишет: «Резчики

Рис. 7. Диоскуры с конями. Рисунок с фрески в гробнице на Via Flaminia близ Рима. I в. н. э.

Статуэтки Диоскуров из Неаполя, как мы полагаем, позволяют восстановить четвертую группу с двумя спокойно идущими конями (рис. 6). Эта группа, как мы видели, изображалась на монетах, фресках (рис. 7), на вотивных рельефах Фракии (рис. 5), на вазах [43], в круглой скульптуре [44], например, в знаменитом кладе скульптур, найденном около Констанцы [45]. В этот клад входит небольшая мраморная группа ремесленной работы рубежа II—III вв. н. э., изображающая Диоскура с медленно идущим конем [46]. Следует отметить, что прототипы данной группы, возможно, имели, в свою очередь, два варианта. Иногда братья держат в руках копья, а иногда изображаются без оружия — подбоченившись, как в варианте, представленном неапольскими статуэтками.

монет Евкратида, видимо, имели в виду *совершенно определенную статуарную группу Диоскуров* (курсив наш.— *П. Ш.*), судя по тому, что на всех монетах они изображены совершенно одинаково. Естественно предположить, что имелась в виду известная бронзовая группа Диоскуров, восходящая к эпохе Лисиппа на Квиринале, в Риме» (стр. 120). Попутно заметим, что не исключена возможность пятой конной группы Диоскуров, медленно едущих верхом на конях. О возможности такой группы мы можем судить по изображению на золотом статере из Тарента, чеканки 315 г. до н. э. (A. J. Evans. The Horsemen of Tarentum. «The Numismatic Chronicle», and «Journal of the Numismatic Society», London, 1889, сер. III, IX, стр. 97—98).

[43] H. A. Graeber. Ук. соч., III, табл. XCV; F. Cumont. Ук. соч., стр. 73, рис. 7. G. Mihailov. Ук. соч., III, № 1311, табл. 149, № 1332, табл. 157; Eva Bonis. Késöhellénisztikus domormüves edenycsoport eltersjodése a romai tartomanyokbon. AÉ, 79, Budapest, 1952, стр. 25, рис. 4, табл. II, *1*; D. Robinson. An Venophorus, belonging to the Johns Hopkins University. AJA, XIII, стр. 30, сл., рис. 1—2. На одной стороне вазы изображен Кастор, на другой Поллукс. См. также U. Hausmann. Οινοφοροι. AM, 69/70, 1954/1955, стр. 137, сл., табл. 44, *2*.

[44] S. Reinach. Ук. соч., I, стр. 485, табл. 2044 и 2045. Эта же группа изображена на одной из рельефных книдских амфор (Lovis Sanlini. Catalogue des objects antiques. Roma, 1899, табл. III, *351*).

[45] V. Canarache, A. Aricescu, V. Barbu, A. Rădulescu. Ук. соч., стр. 91—93, 129, рис. 46—47.

[46] Iorgu Stoian. Le culte des Dioscures et les tribus Tomitaines à la lumière d'un monument récemment publié, стр. 348, рис. 1, *a*.

Значение статуэток из Неаполя заключается в том, что они способствуют восстановлению одного из перечисленных вариантов статуарных групп Диоскуров с конями (рис. 6). Большое число изображений этой группы позволяет предполагать, что она была широко известна в древности. Все четыре перечисленные группы, в том числе и два варианта четвертой, с копьями и без копий, были созданы в эпоху эллинизма и повторялись в копиях и репликах и в римское время в первые века нашей эры.

Статуэтки из Неаполя дают ценный дополнительный материал к вопросу о культе Диоскуров в Северном Причерноморье. Кастор и Полидевк были участниками походов аргонавтов в Колхиду за Золотым руном. Павсаний писал: «...Я знаю, что они (Диоскуры) действительно участвовали в походе Ясона» (Павс., III, 24, 7). По преданию, из Колхиды они вывезли статую богини, ту самую, которая находилась потом в одном из храмов Лаконики (Павс., III, 19, 7). В честь героев был назван Диоскуриадой город в Колхиде. На монетах Диоскуриады II—I вв. до н. э. изображались шапочки Диоскуров[47]. В Пантикапее на рубеже III—II вв. до н. э. и в Горгиппии во II в. до н. э. чеканились монеты с изображением двух пилосов Диоскуров, иногда со звездами и рогами изобилия[48]. Поклонение великим богам Самофракии, связанным с Кабирами и Диоскурами, имело место в Нимфее и Тиритаке[49]. Все это свидетельствует о почитании Диоскуров в Колхиде и на Боспоре.

О культе Диоскуров в Херсонесе мы знаем из эпиграфического и иконографического материала. На гидрии, найденной в подстенном склепе № 1012, имеется надпись о награде за участие в Афинском празднике Анакий в честь Диоскуров[50]. В том же Херсонесе в 1903 г. найден мраморный вотивный рельеф фракийского происхождения. На нем изображены мчащиеся на конях влево Диоскуры и алтарь с фигурой жреца. К. Костюшко-Валюженич опубликовал этот рельеф, но не разобрался в сюжете и происхождении памятника. Он предположил, что на рельефе

---

[47] И. А. Орбели справедливо, как я полагаю, называет Диоскуриаду «городом близнецов» (И. А. Орбели. Город близнецов Διοσκουριας..., ЖМНП, XXXIII. Спб, 1911, стр. 195); В. Ф. Гайдукевич считает, что «Диоскуриада основана милетянами» (А. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 23). М. И. Максимова в своей книге (М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 71, 309, 315—317, 354, 404—405) не раз останавливается на вопросах, связанных с Диоскуриадой. А. И. Болтунова в статье Античные города Грузии и Армении (Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 155, сл.), опираясь на данные Помпония Мелы (Помп. Мела, I, 108), считает Фасис и Диоскуриаду милетскими колониями. О. Д. Лордкипанидзе (О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, на груз. яз.), считает, что название «Диоскурия» восходит к местному топониму. Не будучи лингвистом, не решаюсь судить, насколько это толкование отвечает действительности. Об одном можно сказать с уверенностью, что в восприятии древних авторов Диоскуриада была связана именно с близнецами Диоскурами, участниками походов аргонавтов в Колхиду. Культ Диоскуров на Кавказском побережье засвидетельствован монетами, найденными в Диоскуриаде (E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 587, 632, табл. IX, *28*) и монетами Горгиппии (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 180, табл. XLII, *14*).

[48] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 180, Табл. XLII, *20*, *21*. О культе Диоскуров в Пантикапее, см. также PWK, V, 9, стр. 1103.

[49] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 74—87. О культе великих богов Самофракии см. у К. Лемана (K. Lehmann. Samothrace. «Hesperia», XX. 1, 1951, стр. 4, сл).

[50] К. К. Костюшко-Валюженич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1889 г. ИАК, I. СПб, 1901, стр. 7, сл., рис. 6—7; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. ХС, I, Севастополь, 1927, стр. 23, рис. 14, 15; С. А. Семенов-Зусер. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940, стр. 31, сл.; M. M. Kublanow. Agone und agonistische Festveranstaltungen in den antiken Staaten der nördlichen Schwarzmeerküste. « Alterhum», Berlin, 1960, 3, стр. 147. Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 59—60.

«изображен въезд в город двух полководцев после победы над врагами» [51]. Мотив мчащихся на конях Диоскуров, как мы убедились, был распространен в вотивных рельефах Фракии, где они изображались, за единичными исключениями, скачущими вправо [52].

В Ольвии культ Диоскуров засвидетельствован эпиграфическим памятником III—II вв. и монетами I в. до н. э. с изображениями пилосов и звезд [53]. Гирст в свом исследовании о культах Ольвии Диоскурам уделил особый раздел [54].

В Причерноморье этот культ был особенно распространен на западном побережье в районах Фракии, Дакии и на территории Мезии. В связи с изучением монет Истрии Head отметил, что культ Диоскуров был очень распространен вообще по берегам Евксина [55]. Он представлен как в греческих городах, так и в местных центрах. Несколько святилищ с вотивными рельефами первых веков нашей эры с изображениями Диоскуров обнаружены в Мезии и Паннонии. В Томах было святилище или даже храм Диоскуров [56]. Мы уже упомнпали, что в Добрудже близ Констанцы в клад скульптур входила мраморная фигура Поллукса с конем. Поклонению всадникам-Диоскурам во Фракии, вероятно, способствовал распространенный здесь культ местного конного божества [57]. В первые века нашей эры культ Диоскуров в этих районах переплетался, вероятно, как показал Picard, и с культом Сабазия [58]. Особое развитие культ Диоскуров получил в Македонии [59]. Храм Диоскуров был построен в г. Византии [60].

---

[51] К. Костюшко-Валюженич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. ИАК, 16, СПб, 1905, стр. 54, сл., рис. 12.

[52] G. Mihailov. Ук. соч., I, № 83, табл. 29.

[53] В верхней части обломка мраморной плиты из Ольвии с декретом рубежа III—II в. до н. э. изображены два пилоса Диоскуров и звезды над ними (Ios Pe, I², № 33, стр. 56—57). Сходные изображения встречаются и на ольвийских монетах первой половины I в. до н. э., времени господства Митридата в Ольвии (А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 139). Как мне указала Е. И. Леви, в Ольвии за последние годы обнаружена серия сильно фрагментированных парных терракотовых фигурок обнаженных юношей, быть может кабиров или Диоскуров. Головы фигурок не сохранились, что затрудняет определение данной серии. О том, что культы кабиров и Диоскуров, в частности во времена Митридата Евпатора, тесно переплетались между собой, свидетельствует святилище Диоскуров-кабиров, построенное в честь Митридата на о. Делосе. В святилище сохранились базы статуй Диоскуров-кабиров и надписи (E. Chapoutier. Le Sanctuair de dieux de Samothrace. Le monument de Mithridate, Explorations archéologiques de Delos. XVII, 1935, стр. 13—42). Святилище и статую созданы в 102/101 гг. до н. э. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 200—203. Примерно тогда же, после побед Митридата над скифами и подчинения его власти Херсонеса, Боспора и Ольвии, было построено и пригородное культовое знание у стен Неаполя Скифского.

[54] G. M. Hirst. The Cults of Olbia. JHS, London, 1902, XII, стр. 245; Г. М. Гирст. Ольвийские культы. ИАК, 27, СПб., 1908, стр. 75—199. Раздел, посвященный Диоскурам, на стр. 132—133.

[55] B. V. Head. Historia Numorum. Oxford, 1901, стр. 235.

[56] R. Nitzhammer. Dioscurii la Tomis. «Buletienul Societati Numismatice Romine». Bucureşti, 1913, стр. 33—34; F. Chapouthier. Уч. соч., стр. 113—115, 211; J. Babelon, Les Dioscures à Tomi. «Melange», I, 1949, стр. 24—33; Jorgu Stoian Ук. соч., стр. 347—356. По мнению Stoian'a в Томи находился храм Диоскуров (стр. 352, сл.)

[57] Об этом в работе J. Stoian. Ук. соч., стр. 353, 356, а также в работе Ch. Picard. Sur un groupe mutile d'Eleusis, стр. 454.

[58] О связи культа Диоскуров во Фракии с культом Сабазия см. у F. Cumont. Ук. соч., стр. 72—73. О слиянии культа Диоскуров во Фракии с местными культами, в частности конного божества, см. в работе J. Stoian. Ук. соч., стр. 353—356. Наиболее обстоятельно осветил этот вопрос Picard в ряде своих работ (Ch. Picard. Le Dioscure cavalier à la «demimonture», RA, 1962, стр. 112; его же. Sabasios, Dieu Thraco-Phrygien: Expánsion et aspests nouveaux de son culte. RA, II, 1961. О связи культа Диоскуров с культом Сабазия на стр. 156).

[59] PWK, V, 9, 1093, 1098. О культе Диоскуров в Македонии см. также Heuzey. Mission de Macédoine, стр. 419,

[60] PWK, V, 9, стр. 1102.

Почитание этих героев получило распространение не только в греческих городах, но и в варварском мире, в частности в Галлии и в Германии [61]. Варварам был близок культ парных конных близнецов-героев. Поэтому мы вправе предполагать, что статуэтки Диоскуров попали в Неаполь Скифский не случайно, а именно в тот период, когда культ Диоскуров распространился в Колхиде, на Боспоре, Синдике, Херсонесе и Ольвии.

И Геродот (IV, 70), и Лукиан (Токсирид или дружба, 37) говорят о клятвенных договорах, о верности и дружбе между скифами-побратимами. Мы знаем, как высоко ценили скифы содружество в борьбе и подвигах. «Скифы не знают ничего выше дружбы». Эти слова вложил Лукиан в уста Токсирида (Токс., 7). По Лукиану, друзьям-героям Оресту и Пиладу скифы построили храм, приносили жертвы и устраивали в честь них праздники и торжественные собрания (Токс., I). Скифы, судя по Лукиану, высоко чтившие Ореста и Пилада, могли тем более почитать Кастора и Поллукса — близнецов-героев.

Парные композиции были распространены в искусстве скифов. Они прослеживаются в изделиях скифского художественного ремесла в мотивах звериного стиля ранней и средней поры [62]. Но особое распространение парные композиции получают в так называемых греко-скифских художественных изделиях IV—III вв. до н. э., в которых начинает уже доминировать изображение человека. Именно к этому кругу изделий относятся сцены побратимства, состязаний в борьбе, стрельбе из лука, парные изображения всадников [63]. Позже, в условиях дальнейшего развития позднескифского государства, идея парности и содружества в борьбе получила свое выражение в героизированном парном портрете скифских царей Скилура и Палака [64].

А. М. Золотарев в своей книге «Родовой строй и первобытная мифология» на большом сравнительном этнографическом материале разъяснил, что обычай побратимства и мифы о близнецах-героях корнями своими уходят в дуальную организацию первобытных родовых общин. В своей работе он подчеркнул, что «...с течением времени близнецы, первоначально бесхитростные герои, почти смертные люди, наделяются различными космогоническими чертами... превращаются в полубогов или в настоящих богов» [65].

---

[61] E. Kruger. Die gallischen und germanischen Dioscuren. I, Trierer Zeitschrift für geschichte und Kunst des Trier. Landes und seiner Nachturgebiets», 15 Jahrgang, 1940, стр. 8, сл.; II, 16/17 Jahrgang, 1941/42, Doppelheft, стр. 1—66. Об этом же в PWK, 9, стр. 1111.

[62] Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 15, рис. 14; стр. 22, рис. 32; табл. 11, 52, 54, 71, 96, 142, 146. Часть привлеченных парных композиций навеяна симметрическими мотивами древневосточного искусства, часть принадлежит собственно скифскому звериному стилю.

[63] М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 42, рис. 81, табл. 202—203, 224, 228; E. Minns. Уч. соч., стр. 169, рис. 62; стр. 197, рис. 90; стр. 202, рис. 97; стр. 203, рис. 98.

[64] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—56.

[65] А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 127. Приведенная цитата, хотя и относится к этнографическому материалу, вполне может быть применена и к легендам о Диоскурах и к их культу в Греции. В этом культе неизменно усиливались космогонические элементы. Они достигли наибольшей силы в первые века до нашей эры. Ценнейший материал по этому вопросу собран в упомянутой работе F. Cumont в первой и второй главах (F. Cumont. Ук. соч., стр. 34—94). В упоминавшейся выше книге «Памятники греко-бактрийского искусства» К. В. Тревер проводит интересные параллели между культом Диоскуров в Греции и Риме и культом Ашвинов — близнецов-героев, сыновей неба. Этот культ получил распространение в Иране и проник на территорию северной Индии (К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л., 1937, стр. 12—13). Божественных близнецов Ашвинов, о которых повествует Ригвада (X, 77, 2; 78, 6; 85, 9),

Легенды о Диоскурах, плававших с аргонавтами — с Ясоном, Орестом и Пиладом, вдоль берегов Понта, их содружество между собой, их ратные подвиги могли найти понимание и отклик и в скифской среде. Идея парности конных героев, звездных братьев-близнецов могла быть созвучной и поздним скифам. Поэтому можно допустить, что статуэтки двух Диоскуров были приобретены и привезены в Неаполь Скифский по той причине, что здесь, так же как и в других центрах варварской периферии — во Фракии, Германии, Галлии и т. д., имел место культ Диоскуров.

Следует учесть, что этот культ был представлен по соседству с Неаполем в Херсонесе и что в Неаполе, наряду со скифами, сарматами и таврами, жили и греки [66]. Последние могли способствовать проникновению культа Диоскуров в позднескифскую среду. Конечно, утверждать, что этот культ был в Неаполе, мы не можем, но находка здесь двух статуэток делает это предположение вероятным.

Хотелось бы отметить и другое: обе статуэтки найдены около пригородного, очевидно, культового здания, построенного после Диофантовых войн во времена гегемонии Митридата в Северном Причерноморье. Здание находилось рядом с древней дорогой [67]. Павсаний отмечает, что многие храмы и святилища Диоскуров в Греции строились за пределами городов, у дорог (Павс., III, 14, 6; 20, 1—2). И это естественно. Ведь Диоскуры в представлениях древних — это наездники, участники морских походов и небесных странствий. Они находились в состоянии непрерывного передвижения и появлялись среди смертных часто в обличии гонцов (Плутарх. Эм. Пав., XXV) и странников (Павс., III, 2—3). Поэтому поклонение Диоскурам в пригородном культовом здании Неаполя у дороги невдалеке от городских ворот было бы вполне естественно. Здесь же бытовали и местные культы: поклонялись матери-Земле и приносили ей жертвы, что засвидетельствовано находками.

Для Неаполя Скифского характерно сосуществование местных и греческих культов, что сказывалось в найденных здесь греческих эпиграфических памятниках с посвящениями Зевсу, Афине, Деметре и богине Родос [68]. Наряду с ними в городе и за пределами его стен имели место культовые постройки местного типа, например, пригородное здание с жертвенником и зольником, в которых находились связанные с культом местные и привозные художественные изделия [69]. С одной стороны, примитивные статуэтки богини с животными, вылепленные из земли, с другой — привозные бронзовые Диоскуры.

К. В. Тревер называет «Диоскурами Востока». Так же как в Диоскуры, Ашвины олицетворяли космогонические представления об утренней и вечерней заре, связанной с богиней плодородия и земли — Дхишаной (E. Chapouthier. Ук. соч., стр. 349), сопоставляя Ашвинов с Диоскурами, обратил внимание, что последние тесно связаны с Деметрой. Совпадение культа Ашвинов и Диоскуров, судя по текстам и иконографическому материалу, настолько велики, что невольно возникает вопрос: чем эти совпадения вызваны — проникновением греческих мифологических представлений о Диоскурах на восток или обратно, или же наличием какого-то более древнего общего источника, породившего близость культа близнецов-героев в Греции, Иране и северной Индии. Новый материал по этому вопросу приводит Г. А. Кошеленко в статье «Серебряная ваза с Диоскурами». СА. 2, 1968, стр. 266—268.

[66] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950), стр. 87; Э. И. Соломоник. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. СА, XXVIII, 1958, стр. 308 и сл.

[67] П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г., стр. 5, сл. Хранится в Киеве в ИА АН УССР и в Симферополе (Архив ОАСА, инв. А, И 29/2).

[68] Э. И. Соломоник. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского, стр. 32—44; Ios Pe, I², №№ 668—673.

[69] Сосуществование в Неаполе в изделиях художественного ремесла изображений греческих и местных божеств хорошо прослеживается на материалах, найденных в мавзолее. С одной стороны, Артемида и Аполлон на привозных изделиях, с другой — местная богиня на медальоне варварской работы (П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, М., 1953, рис. 19, на стр. 37, табл. XXX, *18—19*).

Перед нами рядом как бы две ступени восприятия мира, его религиозного и художественного осознания. С одной стороны, воплощение производящих сил Земли, с другой — в лице Диоскуров — обожествление человека-героя и возвеличение его моральных качеств: братства, дружбы и доблести.

P. N. Choultz

FIGURINES EN BRONZE DES DIOSCURES, TROUVÉES EN NAPLES DE SCYTHE

Résumé

La trouvaille des figurines en bronze des Dioscures en Naples de Scythe dans un faubourg de Simféropol permet de poser une question sur la pénétration du culte des Dioscures propre à beaucoup de centres helléniques du littoral de la mer Noire dans une des plus importantes villes des Scythes tardifs.

Les figurines sont trouvées dans un amas de cendre près d'un bâtiment faubourien de hype de mégaron qui était apparu à l'époque d'hellénisme tardif et avait de toute évidence la destination rituelle.

Une des figurines dont le travail excellent appartient à un maître grec est aux yeux incrustés, elle se rapporte evidemment aux temps d'hellénisme. Une autre du travail artisanal est faite aux premiers siècles de notre ère.

Toutes les deux reproduisent facilement les figures traditionnellement paires de la composition statuaire des Dioscures aux chevaux marchant à pas lent qui a été crée si l'on juge sur les monnaies et un autre matériel iconographique à l'aube d'hellénisme.

Les figurines de Naples procurent un matériel complémentaire pour la reconstruction approximative de ce groupe.

D'après les témoignages des auteurs antiques (Hérodote. Lucien), les idées de la fraternisation, de l'amitié fraternelle et de la collaboration héroique dans les luttes et dans les exploits étaient proches aux Scythes.

Elles puvaient contribuer à la pénétration dans le milieu scythique du culte des jumeaux équestres stellaires et de leurs images paires.

С. С. БЕССОНОВА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ В 1963—1964 гг.

В июле 1962 г. на южном склоне горы Митридат был обнаружен фрагмент монументального надгробия с изображением юноши со щитом [1]. В связи с лесопосадками на месте находки были произведены охранные раскопки [2]. В 1963—1964 гг. работы были продолжены и площадь раскопа доведена до 80 *м*^{2}. Раскоп расположен у подножья юго-западного склона Пирамидального, или Круглого, холма, на восточном склоне неглубокого оврага, подходящего к началу улицы им. В. Коробкова.

Известны раскопки более ранних лет в этом районе, но они локализованы недостаточно точно. Так, в 1904/1905 г. В. В. Шкорпил открыл на южном склоне Пирамидального холма несколько погребений эллинистического времени (два из них относятся к IV в. до н. э.) [3]. Как установлено исследованиями В. Д. Блаватского [4] и Г. А. Цветаевой [5], территория между Длинным и Пирамидальным холмами (а сюда входит юго-западный склон Пирамидального холма) входила в состав грунтового некрополя Пантикапея IV—II вв. до н. э. Это наименее насыщенная его часть с рядовыми и бедными погребениями [6]. В I в. до н. э. данная территория была уже отчасти свободна от погребений [7]. Она смыкалась с мусорной свалкой, тянувшейся на запад от городской стены до восточного склона Пирамидального холма [8].

Поверхность раскопа до начала работ была ровной, с небольшим уклоном к дну оврага. В ходе раскопок были найдены еще четыре фрагмента рельефа, а также вскрыты четыре погребения (рис. 1).

Первое погребение (рис. 1, *2*) обнаружено на глубине 60 *см* положение скелета нарушено, он был ориентирован СЗ — ЮВ. Вещей найдено не было, могильная яма не прослежена.

Примерно в центре раскопа, ближе к его восточной части, вскрыты два погребения в каменных плитовых гробницах. Перекрытия гробниц находились на глубине 1,4 *м* от поверхности, а основания — на глубине 2,3 *м*. Обе гробницы нарушены и ограблены. Ориентированы они СЗ — ЮВ и расположены параллельно, почти вплотную друг к другу (рис. 2).

[1] Статья об этой находке подготовлена к печати Л. Г. Мацкевым и П. Н. Шульцем.

[2] Руководил раскопками заведующий отделом древней истории Керченского музея Л. Г. Мацкевой. В раскопках принимали участие сотрудники музея С. А. Семенов и Д. С. Кирилин, а также члены археологического кружка при музее: С. Филонова, Т. Глазер, В. Алешкин и др. Сообщения о находках были помещены в газетах «Керченский рабочий» от 26.X.1962 г., 4.IX.1963 г. и «Крымский комсомолец» от 16.XII.1962 г.

[3] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 году. ИАК, 9, СПб., 1904, стр. 76, 6, 7; его же. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 12, 40, 41.

[4] В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 9 сл.

[5] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его этнический и социальный состав. МИА, 19, стр. 63 сл.

[6] Там же, стр. 70—73, стр. 65, рис. 1.

[7] Там же, стр. 74.

[8] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 25.

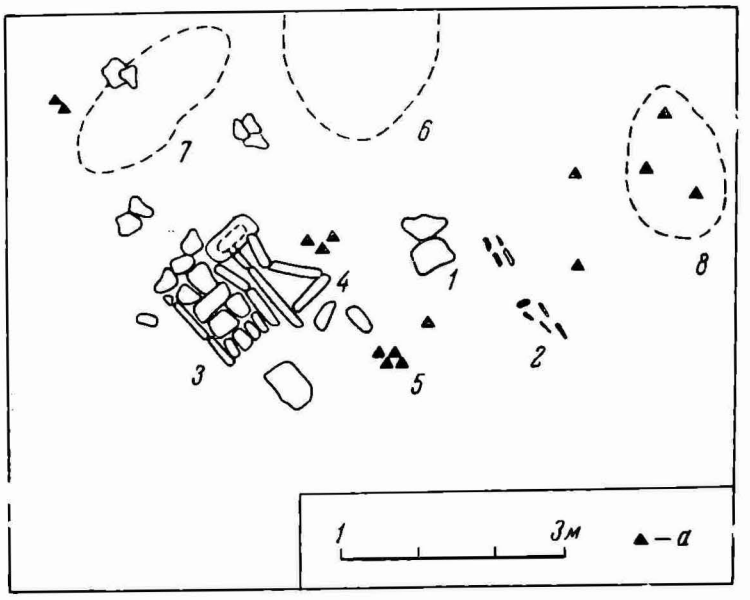


Рис. 1. План раскопа 1963 г.

1 — фрагменты рельефа, *2* — разрушенное погребение, *3—4* — каменные гробницы, *5* — терракоты, *6* — зольник, *7* — скопление керамики в северо-западной части раскопа, *8* — скопление керамики в восточной части раскопа, *а* — отдельные находки

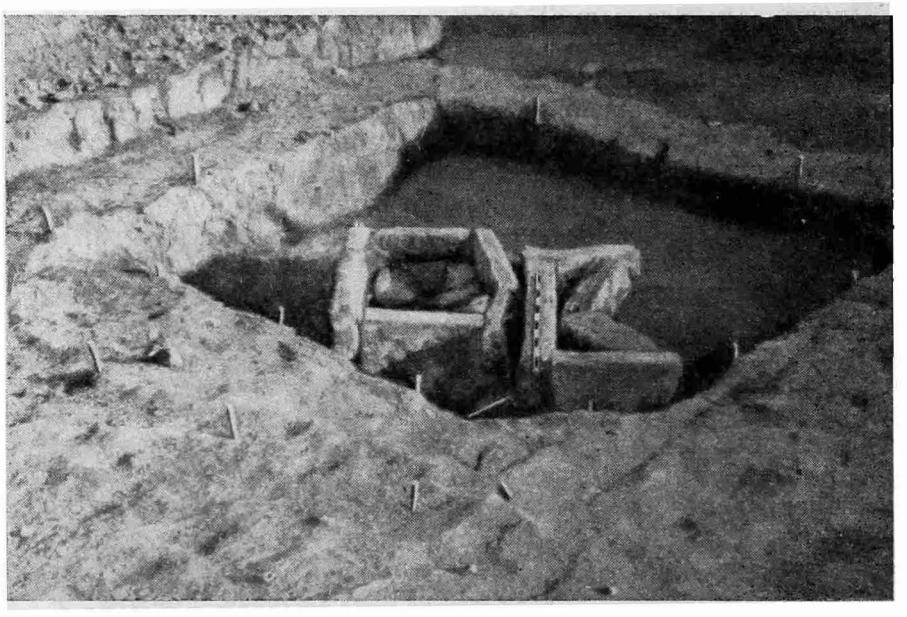


Рис. 2. Каменные гробницы

Каменная гробница (1, *3*). Длина гробницы 1,6, ширина 0,9 *м*. Гробница сложена из больших обработанных плит известняка, отчасти расколотых, и перекрыта сверху шестью фрагментированными плитами. Несколько обломков плит находились в земляном заполнении гробницы. При выемке этой земли были найдены следующие вещи: обломок золотой рубчатой пластинки, фрагменты гончарной посуды, четыре терракоты (женские фигурки), бусы (в основном стеклянные с внутренней позолотой).

Одна терракота сохранилась полностью (рис. 3, *1*). Это стоящая фигура молодой женщины в свободном хитоне и коротком гиматии, который она изящно придерживает на груди. Изготовлена терракота из боспорской

глины. Подобные терракоты встречены при раскопках Мирмекия и Тиритаки в слоях III—II вв. до н. э.[9]. Другая терракота выполнена в виде протомы молодой женщины в остроконечном головном уборе, с распущенными волосами. Через ее левую руку перекинут конец покрывала (рис. 3, *2*). Третья терракота изображает женщину, опирающуюся на герму. У нее невысокий головной убор, верхняя часть туловища обнажена (рис. 4, *1*). Подобные терракоты небрежной выделки были распространены на Боспоре[10]. Четвертая терракота изображает, очевидно, женскую фигуру в движении. Концом покрывала женщина прикрывает нижнюю часть лица (рис. 4, *2*). Такие задрапированные фигурки часто встречаются в детских погребениях, начиная с конца IV века до н. э.[11]. В гробнице найдены также незначительные остатки костей человека, не позволяющие судить о положении скелета и его ориентировке. Судя по остаткам погребального инвентаря (бусы, терракоты), это было погребение девочки. Датируется погребение III—II вв. до н. э.

Рис. 3. Терракоты из каменной гробницы

1 — стоящая женщина, *2* — женская полуфигура в остроконечном уборе

Каменная гробница (1, *4*). Длина 1,42, ширина 0,74 *м*. Боковые стенки сложены из массивных известняковых блоков длиной до 1 *м*. Гробница носит явные следы разрушения. Одна из боковых стенок проломана, и плиты углом вдвинуты внутрь гробницы, от перекрытия сохранилась лишь одна плита. В земляном заполнении гробницы найдены остатки тонких костей человека, очевидно ребенка, маленький железный ножик, обломки боспорского кувшина, железный стержень с ланцетовидным концом и обломки бронзового воронковидного предмета с круглым отверстием и отогнутым краем. На металлических предметах видны следы действия огня (возможно, это было неполное сожжение). По остаткам детских костей и наличию железного ножика можно считать, что погребение принадлежало мальчику. Фрагментированный боспорский кувшин с отогнутым венчиком позволяет датировать погребение II в. до н. э. (рис. 5, *1*)[12]. Очевидно, обе гробницы были сооружены в одно время (об этом говорит их расположение) — в конце III — начале II в. до н. э.

На расстоянии 1 *м* к юго-западу от каменной гробницы (1, *4*) на не-

[9] М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 339, рис. 12, *1—3*, стр. 340, рис. 13, *3—4*.

[10] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г., стр. 43, рис. 26.

[11] Н. П. Кондаков. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии, быту. 300, XI, 1879, Одесса, стр. 166. Подобные терракоты опубликованы, например, В. В. Шкорпилом (погребение девочки III в. до н. э. в Керчи). В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях. ИАК, 30, стр. 62, рис. 5, 7; Ю. Ю. Марти считает их детскими куклами. Ю. Ю. Марти. Детское погребение IV в. до н. э., из кургана близ Тиритаки. СА, VI, 1940, стр. 123, рис. 4.

[12] И. Т. Круглікова. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI—III вв. до н. э. МИА, 56, 1957, стр. 122, рис. 6, *16*.

Рис. 4. Терракоты из каменной гробницы
1 — женщина у гермы, *2* — задрапированная фигурка

большой глубине найдены четыре терракоты. Две из них сделаны из темно-серой, почти черной глины с мелкими белыми включениями (рис. 6, *1—2*). Это мальчик у гермы, играющий с гусем, и Эрот (за спиной его видны остатки крыльев). В кисти правой руки Эрота сохранилось узкое отверстие, часть кисти левой руки повреждена. Положение рук Эрота позволяет предположить, что он держал наклоненный факел (или кифару?), сделанный из дерева или другого материала. Третья терракота выполнена из глины оранжевого цвета и изображает обнаженного мальчика, держащего за шею гуся. Голова мальчика отбита. Четвертая терракота — воин, опирающийся на большой овальный щит,— выполнена также из боспорской глины. Все четыре терракоты можно датировать III—II вв. до н. э. Наличие среди них терракоты, связанной с погребальным культом (Эрот), говорит о принадлежности этих находок к детскому погребению. Очевидно, их можно связывать с погребением мальчика в каменной гробнице. Рядом же обнаружены обломки известняковых плит, служивших, вероятно, перекрытием гробницы.

Примерно в 2 *м* к северу от каменных гробниц на глубине 105—112 *см* обнаружено четко выраженное зольное пятно, имеющее в разрезе вид линзы толщиной 7—10 *см*. Диаметр пятна около двух метров, (рис. 1). В зольной прослойке найдено множество обломков чернолаковых чаш и тарелок, разбитых на мелкие части, стенки амфор, а также фрагмент «мегарской» чаши с изображением букраниев, летучих мышей (?) и шишек пинии. По характеру лака (красновато-черного) фрагмент можно датировать II в. до н. э. Особенно интересна воронкообразная расписная чаша с округлым, слегка заостренным дном (рис. 7). Она была разбита на множество обломков. Диаметр чаши 17,3, высота 8,4 *см*, глина мелкозернистая, со множеством мелких золотистых блесток и небольшими редкими пустотами. Цвет глины колеблется от красно-кирпичного до светлого серовато-коричневого. Внутренняя поверхность покрыта лаком светло-коричневого цвета плохого качества. Снаружи чаша была покрыта плотной

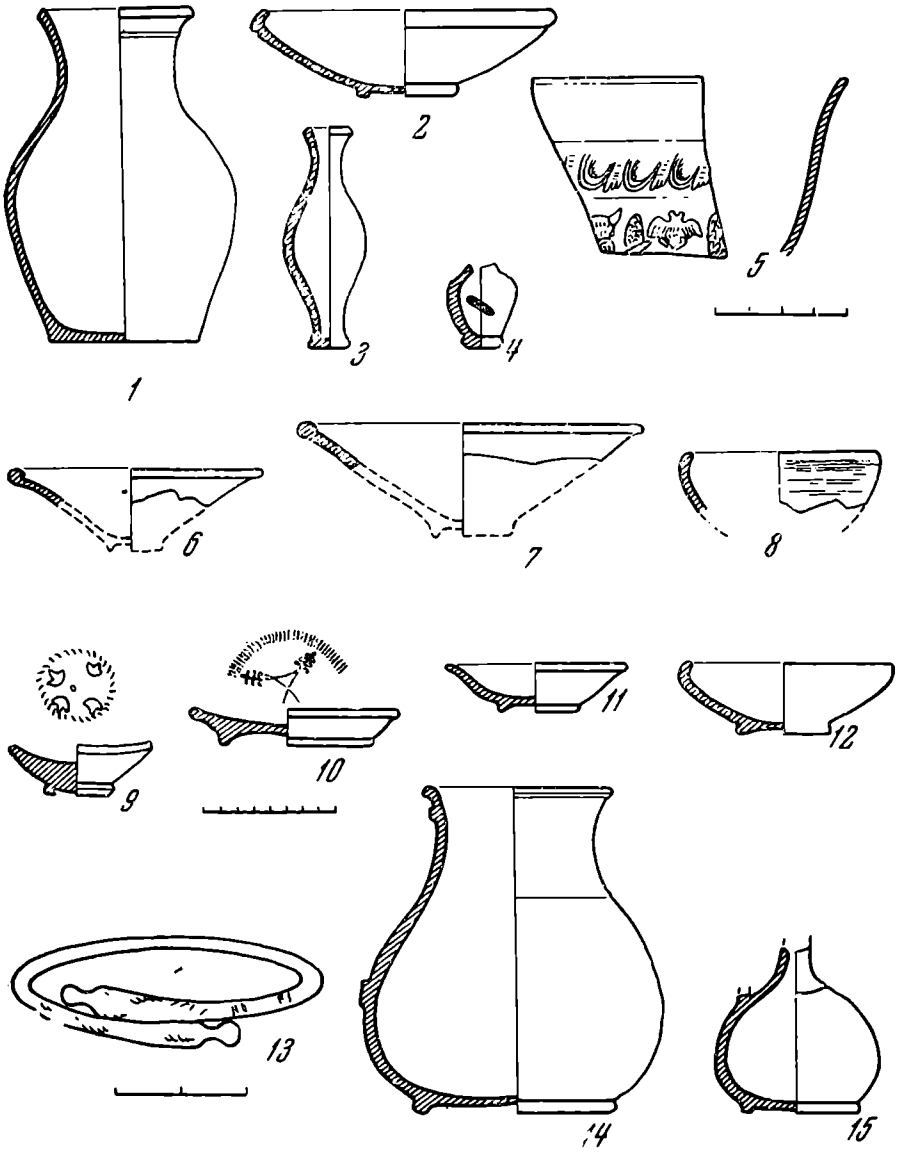


Рис. 5. Керамика IV—III вв. до н. э. и бронзовый браслет

1 — кувшин из каменной гробницы, *2* — миска из погребения конца IV — нач. III вв. до н. э., *3—4* — флаконы IV—III вв. до н. э., *5—9* — керамика из зольника, *10—13* — находки в северо-восточной части раскопа, *14—15* — находки из верхних слоев

белой обмазкой, кое-где сохранившейся. Поверх обмазки нанесена роспись лаком различной густоты — от жидких коричневых до густых черных мазков. Орнамент росписи несложен, но отличается изящной строгостью и простотой. От сплошного кружка на дне чаши расходятся вверх ланцетовидные листья — узкие и более широкие. Последние окружены незамкнутыми волнистыми линиями. Борт чаши обведен тремя узкими горизонтальными полосами. Близких аналогий этой чаше в литературе найти не удалось, хотя воронковидная форма и орнамент из ланцетовидных листьев характерны для эллинистической керамики. Оба эти признака — форма и орнамент — сочетаются, например, в «мегарских» чашах, имеющих, однако, несколько иную форму и небольшой поддон. Совершенно аналогичная по форме митридатской чаша была найдена в богатом погребении эллинистического времени у станицы Ахтанизовской на Кубани [13]. Это серебряная воронковидная чаша с выпуклым точечным орнаментом по внутреннему краю борта, близкая по размеру митридатской чаше (ее диаметр

[13] ОАК за 1900 г., стр. 108, рис. 213.

Рис. 6. Терракоты, найденные вблизи каменной гробницы
1 — мальчик с гусем, *2* — Эрот

15,8 *см*). Возможно, форма нашей чаши также подражает формам металлических кубков, как это было отмечено для мегарских чаш [14]. Интересно также отметить сходство росписи чаши с орнаментом «мегарских» чаш пантикапейского производства с клеймом «Деметрию» [15], что указывает на общность источника этого орнамента. Глина чаши, с обилием мелких золотистых блесток, характерна не для боспорских глин, а для малоазиатских. Поэтому ее следует считать предметом импорта из Малой Азии. Остальная керамика из зольника датируется III—II вв. до н. э. Это тарелки плохого черного лака с косыми стенками и загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне [16] (рис. 5, *6—7*), а также чернолаковые чаши с отогнутым бортиком и небрежными насечками и пальметками на дне (рис. 5, *8—9*). Дно одной из чаш покрыто с обеих сторон бурым лаком. Расписную чашу также следует датировать концом III — началом II в. до н. э. Сам же зольник, возможно, является остатком тризны и связан с одним из погребений в каменных гробницах (или с обоими, если погребения совершены одновременно). В пользу этого предположения говорят следующие факты: фрагментарность и характер набора посуды (фрагменты амфор, чаш, тарелок, разбитых на мелкие осколки), толщина прослойки золы, близость зольника к гробницам. Отсутствие костей животных в зольнике указывает на бескровный характер жертвоприношения. Подобные зольники, связанные с обрядом тризны, известны на Боспоре и в соседних областях как в курганах, так и грунтовых погребениях, причем в последних обряд тризны выражен менее ярко, чем в курганах [17] (в данном случае бескровная жертва). Обычна тризна совершалась к западу от погребения, т. е. напротив входа в гробницу, хотя часты случаи расположения зольника, как и в данном случае, к северу от погребения [18].

---

[14] Н. М. Лосева. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре. МИА, 103, 1962. стр. 196.

[15] Там же, стр. 204, рис. 5, стр. 205, рис. 6.

[16] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 126, рис. 7, *7*.

[17] Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. СА, XIV, 1950, стр. 137.

[18] Мелек-Чесменский курган (ОАК за 1862 г., стр. IV), Баксинский курган (ОАК за 1882—1888 гг. стр. VIII); Львиный курган (Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 246, рис. 5); Нимфеские курганы: курган 11—1876 г. (А. Люценко); гробница 18—1880 г.

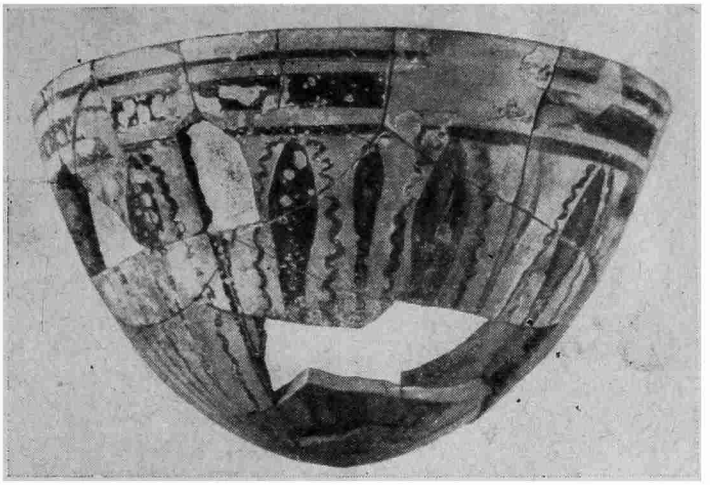


Рис. 7. Расписная чаша из зольника

Недалеко от описанного зольника, на расстоянии 1,5 *м* к западу, на глубине 80—100 *см* было обнаружено второе скопление керамики III—II вв. до н. э.: стенки амфор, два разбитых чернолаковых блюдца с пальметками и насечками на дне, красноглиняная чаша [19] (рис. 5, *10—12*), ручка родосской амфоры со стершимся прямоугольным клеймом. Здесь же найден детский бронзовый браслет с косыми насечками на пруте и стилизованными головами змей на концах (рис. 5, *13*). Возможно, эти находки были выброшены после ограбления одного из детских погребений.

Четвертое погребение было обнаружено непосредственно под плитами гробницы (рис. 1, *3*) на глубине 2,3 *м*. Могильная яма разрушена при сооружении гробницы. Скелет взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении головой на юго-восток. Череп раздавлен плитами гробницы. Между челюстными костями была найдена бронзовая пантикапейская монета 375—340 гг. до н. э.[20]. Возле черепа справа стояли раздавленные сосуды — красноглиняная миска (рис. 5, *2*) и краснофигурная «боспорская» пелика (рис. 8) с изображением головы амазонки, коня и грифона и двух фигур в гиматиях[21]. В стороне от этого погребения примерно на том же уровне были сделаны еще несколько находок. Это два глиняных флакона конца IV — начала III в. до н. э. (рис. 5, *3—4*), фрагменты краснофигурной леканы с маендром и пальметками (рис. 9, *1*), фрагмент чернолакового гутта IV—III вв. до н. э.[22] (рис. 9, *3*) и обломок рыбного блюда с отогнутым вниз краем[23]. Эти находки попали в землю, очевидно, при сооружении грунтового погребения, которое можно поэтому датировать концом IV — началом III в. до н. э. Случаи же положения в могилу старых монет хорошо известны. Здесь же на глубине 2,64 *м* найден фрагмент большого краснофигурного сосуда типа кратера с изображением нижней части торса юноши, очевидно комоста (рис. 9, *2*). За спиной его виден ко-

(С. Веребрюсов); см. (Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 98). Курганы группы «Пять братьев» 5, 10, 13 (В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. Известия Ростовского областного музея краеведения, 1 (3), 1959, Ростов на Дону; его же. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции. Раскопки могильника «Пять братьев» в 1960 г. Архив ИА АН СССР, д. 2156, 1960, стр. 16.

[19] М. М. Кобылина. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, 19, рис. 5, *3* (мог. 29, третья четверть III в. до н. э.).

[20] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. X, *19*.

[21] М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, 19, стр. 158, рис. 11, *2*.

[22] Такой гутт найден В. В. Шкорпилом в гробнице вместе с сетчатым лекифом. В. В. Шкорпил. Отчет о работах в Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 9, 1904, стр. 87, рис. 11.

[23] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 126, рис. 7, *12—13*.

Рис. 8. Пелика из погребения конца IV — начала III в. до н. э.

роткий плащ. Бедра переданы в профиль, торс резко суживается к талии. Контуры фигуры выделены прерывистыми рельефными линиями. Глина сосуда светлая, розовато-коричневая, с мелкими блестками слюды. По некоторым приемам изображения мужской фигуры данный фрагмент сближается с изображением Эрота на лекифе из Ольвии [24], который может быть датирован несколько более ранним временем. Датируется эта находка — концом VI в. до н. э. [25]. Так как культурный слой на данном участке не прослеживается, можно считать фрагмент строго стиля случайной находкой.

Следует также отметить некоторые находки, сделанные в восточной части раскопа. Здесь на глубине 50—60 *см* найдены фрагменты амфор и черепицы, три фрагмента «мегарских» чаш, небольшая бронзовая пальметка с двумя отверстиями для гвоздей (рис. 10, *1*), два фрагмента от сосудов с рельефными украшениями. Один фрагмент принадлежит, очевидно, канфарообразному кубку (рис. 10, *3*). Он покрыт жидким серовато-коричневым лаком и снаружи украшен налепным рельефом в виде женской головки. Глина светлая. В качестве аналогии этой находке можно назвать канфарообразный кубок с налепными трагическими масками, хранящийся в Керченском музее, датируемый второй половиной II в. до н. э.[26]. Близкие изображения дают пергамские формы для терракотовых прилепов в виде женских головок, изданные А. Конце [27]. Второй фрагмент выполнен из красноватой глины без покрытия, обратная сторона обработана небрежно. Возможно, это часть терракотовой статуэтки или прилепа. От изображения, выполненного в высоком рельефе, сохранилась верхняя часть фигуры девочки в профиль. На голове ее покоится рука женщины (рис. 10, *2*). Фрагменты мегарских чаш выполнены из темно-серой глины и украшены один розеткой, другой побегом аканфа. Их можно датировать второй половиной II в. до н. э.

В верхних слоях раскопа на различной глубине встречены также отдельные предметы III—II вв. до н. э. (рис. 5, *14—15*), из которых следует отметить две бронзовые пантикапейские монеты начала II в. до н. э. [28], фрагментированный кувшин с округлым туловом (рис. 5, *14*), небольшой лагинос с отбитым горлом (рис. 5, *15*) фрагментированную «мегарскую» чашу с изображением листьев лотоса, свинцовую гирю весом в 450 *г*.

---

[24] Е. О. Прушевская. Из Ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля. СА, VII, 1941, стр. 318 сл., рис. 1.

[25] По определению Н. М. Лосевой.

[26] И. Г. Шургая. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. КСИА АН СССР 95, 1963, стр. 108, рис. 41, *1*.

[27] A. Conze. Altertümer von Pergamon. Berlin, 1913, стр. 254—255, табл. 32, *6*, табл. 33, *13*.

[28] Наиболее близкая аналогия у А. Н. Зографа. А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XI, II, *9*.

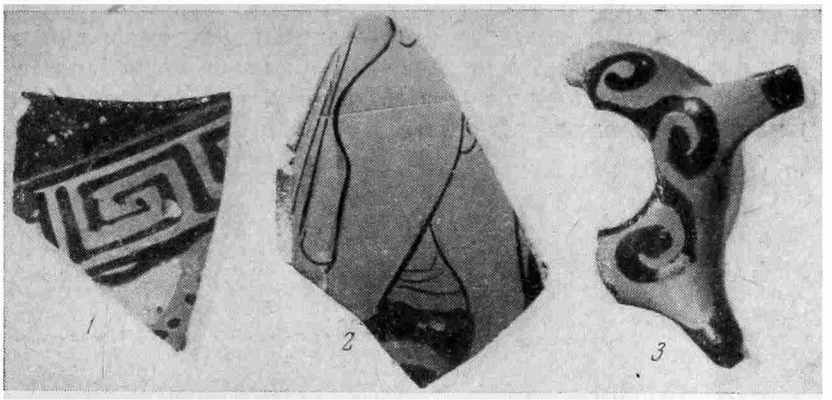


Рис. 9. Находки поблизости от погребения конца IV — начала III в. до н. э.

Таким образом, на вскрытом участке пантикапейского некрополя найдены предметы, относящиеся в основном к IV—II вв. до н. э. В единственном числе представлен фрагмент сосуда VI в. до н. э. Находки эти в основном связаны с погребениями детей в каменных гробницах. Эти погребения, судя по остаткам инвентаря, были сравнительно богатыми. Наиболее поздние находки датируются второй половиной II в. до н. э.,— некоторые фрагменты «мегарских» чаш и фрагмент кубка с налепным рельефом. Возможно, эти вещи также связаны с погребениями. Найденная здесь черепица могла служить перекрытием могилы, так как подобные погребения

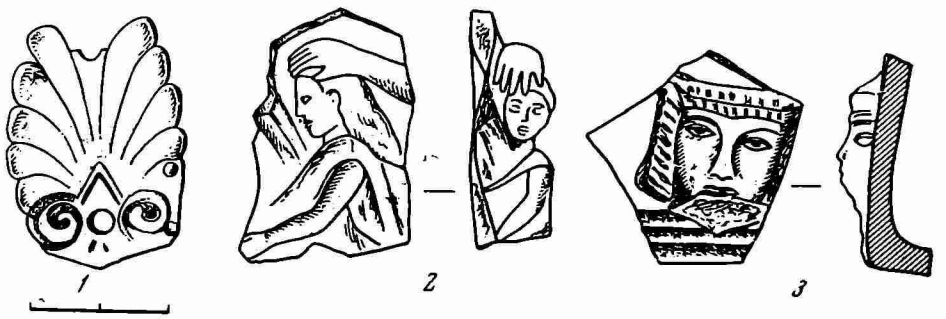


Рис. 10. Находки в восточной части раскопа

1 — бронзовая пальметка, *2* — часть сосуда или терракоты, *3* — фрагмент канфарообразного кубка с налепным рельефом

отмечены в некрополе Пантикапея [29]. Обряд обнаруженных захоронений (кроме неясного разрушенного погребения) греческий: монета во рту, терракоты, надгробный рельеф. Прямой связи рельефа с открытыми погребениями наметить нельзя, так как он найден не in situ. По определению П. Н. Шульца, рельеф датируется началом IV в. до н. э. Ограниченность площади, открытой раскопками, проведенными в 1962—1964 гг. на юго-западном склоне Пирамидального холма, не позволяет сделать широких выводов о характере этого еще недостаточно исследованного участка пантикапейского некрополя. Можно только подтвердить существующее мнение [30], что данный участок был занят некрополем IV—II вв. до н. э. Он служил местом захоронения средних слоев греческого населения Пантикапея. На-

[29] В. В Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, 35, СПб., 1910, стр. 24, мог. 51.

[30] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 70, 71.

бор инвентаря и типы могильных сооружений характерны для некрополя Пантикапея рассматриваемого периода — грунтовые погребения в простых земляных ямах преобладают в нем в IV в. до н. э.[31], а каменные плитовые гробницы наиболее распространены в раннеэллинистическое время[32].

S. S. Bessonova

LES FOUILLES DE LA NECROPOLE DE PANTICAPÉE EN 1963—1964

Résumé

En 1962—1964 sur le mont Mithridate des collaborateurs du musée de Kertch ont effectué les fouilles de protection. La fouille a été située au pied du versant Sud-Ouest de la colline Pyramidalni (Pyramidale) qu'on appelle encore Krougli (Ronde), là où en juillet de 1962 a été trouvé le fragment d'une monumentale pierre tombale sur laquelle état représenté un jeune homme à bouclier.

Durant let fouilles on y a trouvé encore quatre fragments d'une pierre tombale qui peut être datée du début du IVe siècle avant notre ère, à part cela quatre sépultures ont été découvertes.

Une sépulture de la fin du IVe siècle — du début du IIIe siècle avant notre ère est faite dans une simple fosse, elle contient une monnaie des années 375—340 avant notre ère et deux poteries. Elle est recouverte par deux sépultures enfantines pillées faites en cistes (fin du IIIe — début du IIe siècles avant notre ère). Au nord de ces sépultures on a trouvé les vestiges d'un festin funéraire et les débris des poteries ont été découverts. La sépulture dérangée d'une couche supérieure n'est pas datée. Les résultats des fouilles ont approuvé les conclusions des chercheurs d'aprés lesquelles ce terrain était occupé par la nécropole des IVe — IIe siècles avant notre ère.

---

[31] Там же, стр. 69.
[32] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 278.

Г. Ф. НИКИТИНА

ГРЕБНИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние 10 лет в области изучения черняховской культуры сделано много. Исследованы новые поселения и могильники на территории Восточной и Западной Украины, в Молдавии и Румынии. Однако основные вопросы, связанные с происхождением, датировками и этногенезом культуры, по-прежнему являются предметом оживленных споров.

Благодаря накопленному фактическому материалу ряд вопросов мог быть если не решен окончательно, то во всяком случае иметь хорошо разработанные гипотезы, но это возможно лишь при наличии детальной разработки всех категорий вещей. В настоящее же время работ в этом плане нет.

Предлагаемая работа является попыткой детального изучения и систематизации гребней черняховской культуры.

В I—II вв. в северных районах Западной Европы распространяются сделанные из одного куска кости гребни полукруглой, подтреугольной и треугольной форм. На нашей территории эти формы зафиксированы на памятниках типа Брест — Тришин.

На следующем этапе, в III—IV вв., полукруглая форма гребней сохраняется и развивается. Усложняется конструкция гребней. В этот период гребни изготавливаются из нескольких составных пластин, закрепленных цельными накладками с двух сторон. Вся эта конструкция скреплялась бронзовыми или железными гвоздиками. Материалом для изготовления гребней, как правило, служит кость, и лишь изредка встречаются гребни железные.

Гребни римского времени уже давно привлекают внимание ученых. Достаточно сказать, что одна из первых работ, посвященных этой категории вещей, была издана еще в 1899 г. [1]. В последующее время почти каждый крупный исследователь предлагал свою классификацию гребней. В настоящее время наиболее полной сводкой гребней римского времени является работа С. Томас [2], в которой каталогизированы гребни, происходящие из Западной Европы, и дана довольно детальная их классификация.

Достаточное разнообразие конструкций и форм гребней позволяет классифицировать их по определенной схеме. Все гребни римского времени делятся на две большие группы: одночастные и трехчастные.

Одночастные по форме спинки или ручки гребня делятся на четыре типа [3] (рис. 1):

Тип. А. Гребни с полукруглой спинкой: А I — спинка правильной полукруглой формы; А II — спинка той же формы, но гребень составлен из 2—3 плоских пластин, скрепленных металлическими пластинами.

[1] Olshausen «Beitrage zur Geschite des Haarkammes», Zeitschrift fur Etnologie, 1899.

[2] S. Thomas, Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. [w] Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, 8, Leipzig, 1960.

[3] Пользуясь случаем, приношу свою благодарность Ю. В. Кухаренко, предоставившему мне возможность ознакомиться с гребнями могильника Брест — Тришин.

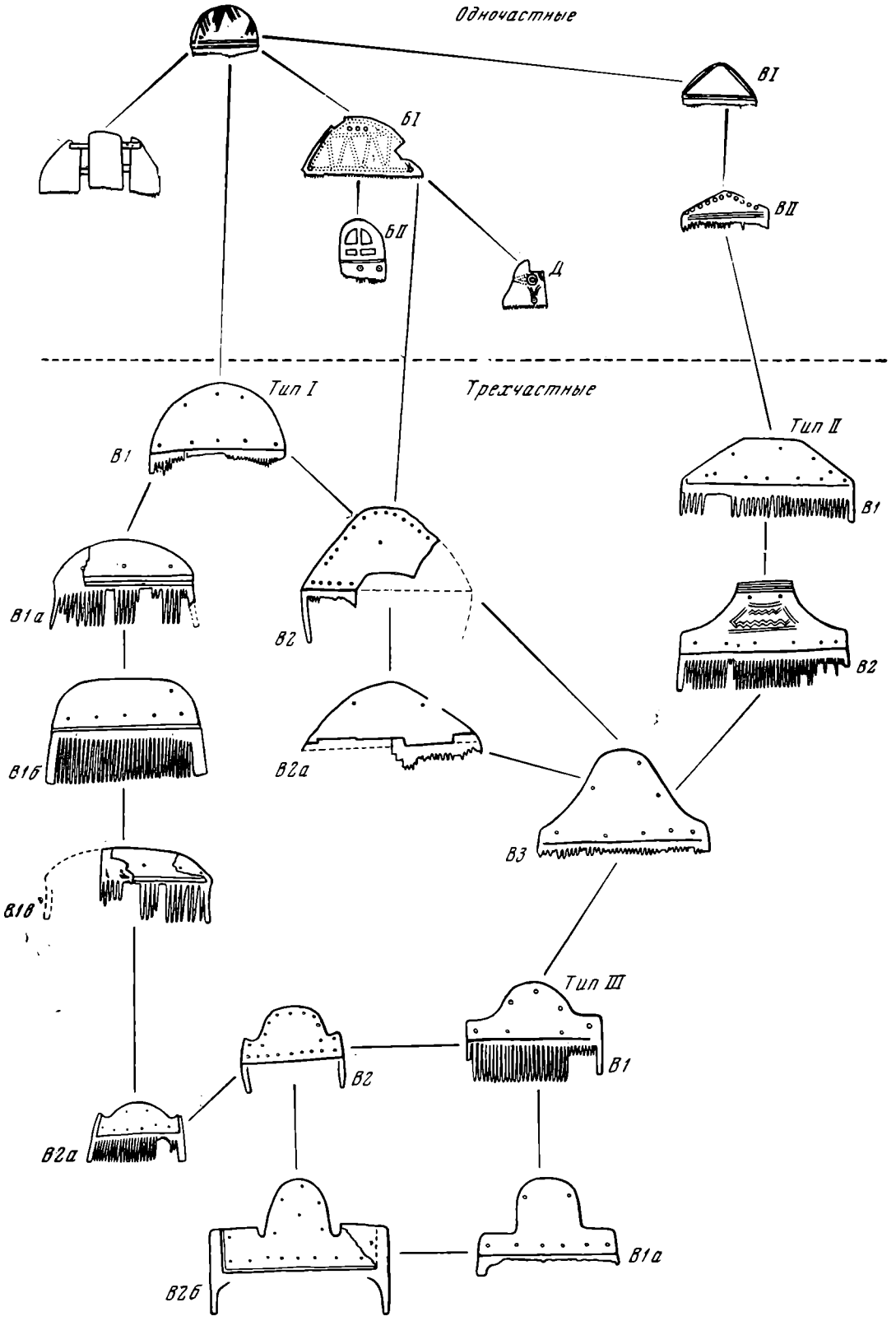


Рис. 1. Схема классификации гребней

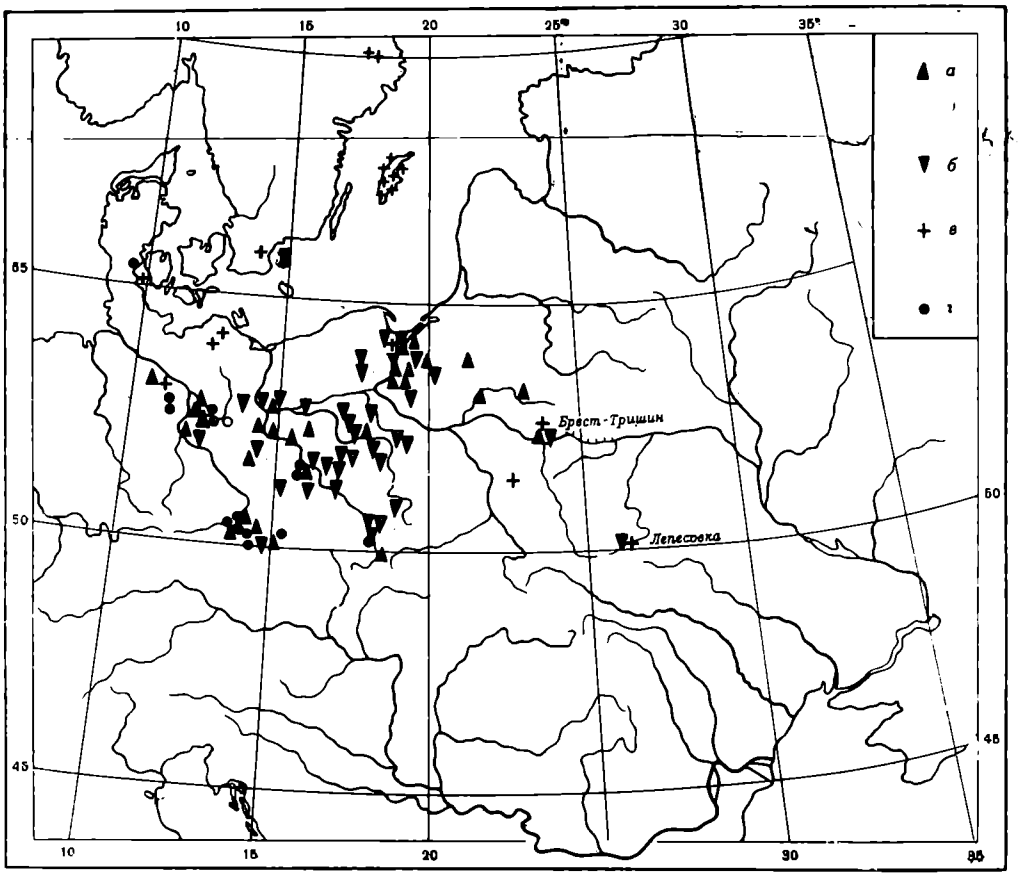


Рис. 2. Карта распространения одночастных гребней на территории Центральной (S. Thomas) и Восточной Европы

а — вариант AI; *б* — вариант AII; *в* — вариант БI; *г* — вариант БII

Тип Б. Гребни с полуовальной спинкой: Б I — спинка широкой полуовальной формы; Б II — спинка узкой полуовальной формы.

Тип В. Гребни треугольной формы: В I — спинка подтреугольной формы; В II — спинка треугольной формы.

Тип Г. Гребни колоколовидной формы.

Трехчастные гребни по тем же признакам делятся на три типа, но большее разнообразие форм позволяет в каждом типе выделить несколько вариантов.

Тип I. Спинка полукруглой формы: вариант 1 — спинка правильной полукруглой формы; 1а — спинка в виде сегмента круга; 1б — спинка в виде сегмента овала; 1в — спинка в виде узкого сегмента; вариант 2 — спинка полуовальной формы; 2а — спинка подтреугольной формы; вариант 3 — спинка колоколовидной формы.

Тип II. Спинка трапециевидной формы: вариант 1 — спинка трапециевидной формы с прямыми боковыми сторонами; вариант 2 — спинка той же формы с вогнутыми боковыми сторонами.

Тип III. Спинка сложной формы, в основе которой лежит прямоугольник с полукруглой, сильно выдающейся средней частью; вариант 1 — плавный округлый переход от полукруглой к прямоугольной части спинки; вариант 1а — переход от прямоугольной к полукруглой части спинки подчеркнут хорошо выраженным углом; вариант 2 — близок к варианту 1, но на переходе от полукруглой части к прямоугольной вырезаны округлые углубления; вариант 2а — та же форма, но полукруглая часть не столь высока и более вытянута; вариант 2б — близок к варианту 1а, но на переходе от полукруглой к прямоугольной части вырезаны узкие и глубокие ложбинки.

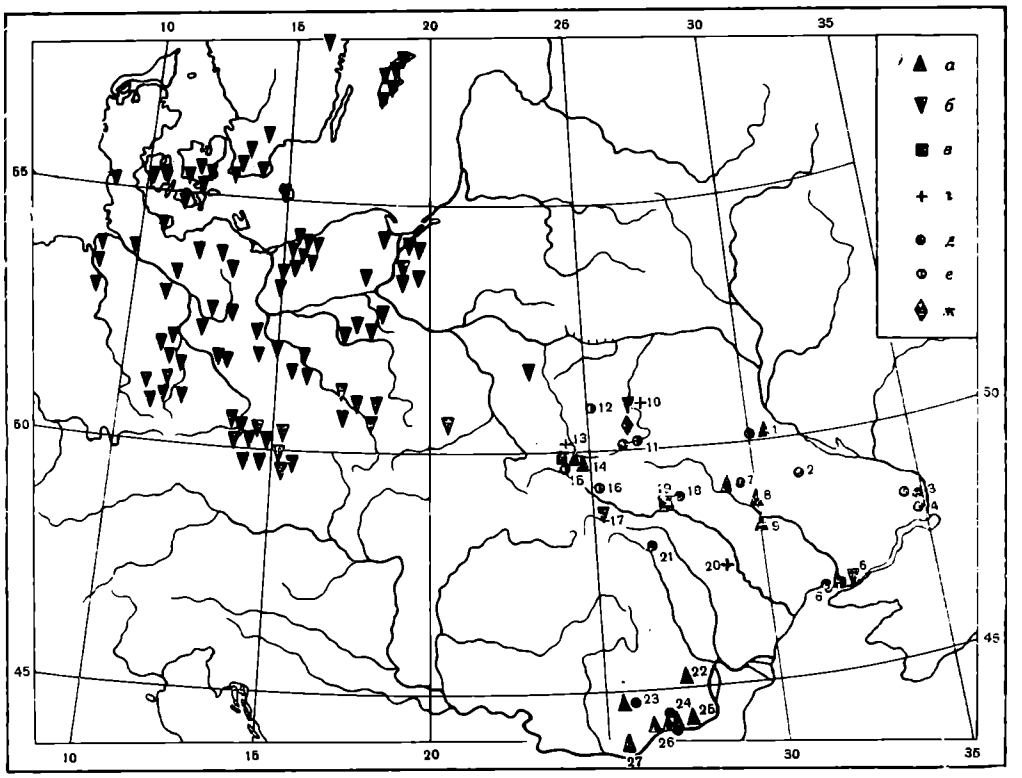


Рис. 3. Карта распространения трехчастных гребней типа I на территории Центральной (S. Thomas) и Восточной Европы

а — вариант 1; *б* — вариант 1а; *в* — вариант 1б; *г* — вариант 1в; *д* — вариант 2; *е* — вариант 2а; *ж* — вариант 3.

Пункты: *1* — Черняхов, *2* — Маслово, *3* — Волошское, *4* — Привольное, *5* — Николаевка (Козацкое), *6* — Ольвия, *7* — Косаново, *8* — Рыжевка, *9* — Кгинички, *10* — Раковец-Чесновский, *11* — Лепесовка, *12* — Горка-Полонка, *13* — Неслухов, *14* — Рипнев II, *15* — Черепин, *16* — Псары, *17* — Незвиска, *18* — Иванковцы, *19* — Вилы-Яругские, *20* — Средние Жоры, *21* — Ботошаны, *22* — Балтени, *23* — Тыргшор, *24* — Спанцов, *25* — Индепенденца, *26* — Алекс. Одобеску, *27* — Четатея Вехе

В особую группу выделяются гребни железные, которые, несмотря на специфику изготовления, имеют практически две формы: гребни с полукруглой спинкой и спинкой полуовальной формы.

В основу нашей классификации положен гребень простой полукруглой формы. Естественно задать вопрос: почему именно эту форму мы рассматриваем как основную, являющуюся исходной в процессе развития данной группы гребней?

К этому выводу можно прийти, рассматривая гребни в двух аспектах: с точки зрения исторической, с одной стороны, и с точки зрения хронологического их развития — с другой.

Итак, первая сторона этого вопроса — локализация различных форм гребней в процессе исторического развития племен и народов Европы.

Наиболее ранние гребни найдены в памятниках неолита, причем уже тогда наряду с примитивной формой встречается полуовал с несколькими зубцами с одной стороны, известны также гребни сложной конфигурации и резьбы.

В странах древних цивилизаций — Древнем Египте и Ассирии известны гребни различных форм и назначений [4]. Именно здесь возникают формы двустороннего гребня чисто гигиенического назначения, получившие широкое распространение в римское время и в эпоху раннего средневековья.

[4] F. Winter. Die Kämme aller Zeiten. Leipzig, 1906.

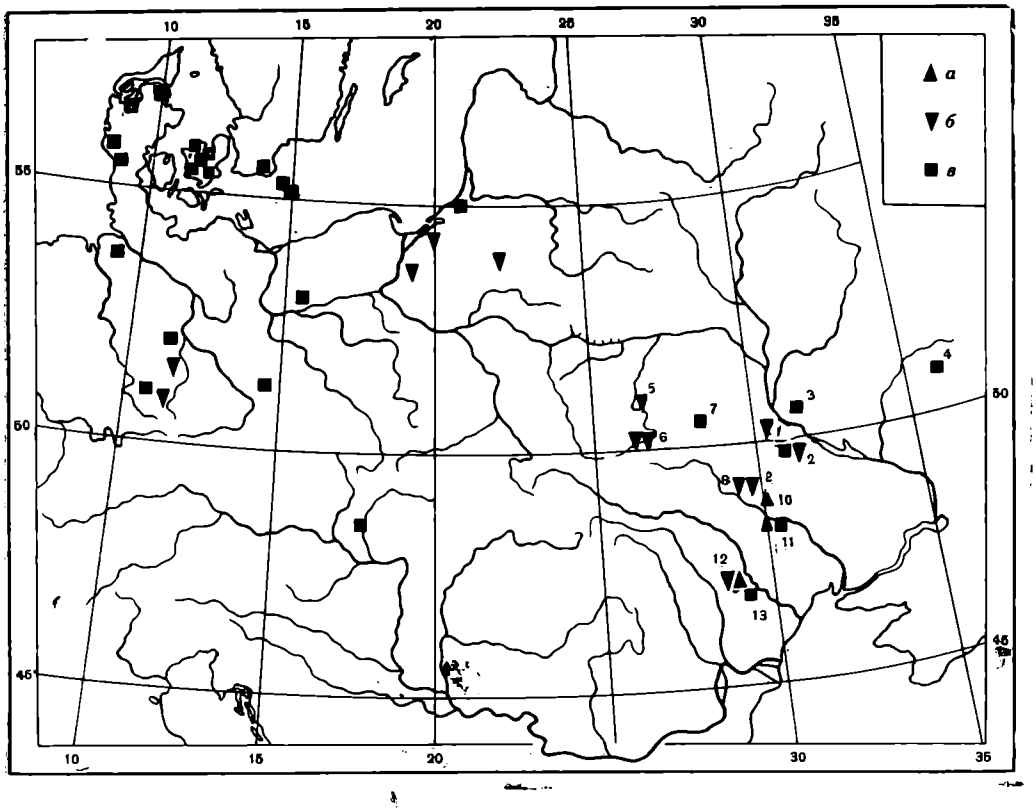


Рис. 4. Карта распространения трехчастных гребней типа II на территории Центральной (S. Thomas) и Восточной Европы

а — вариант I, *б* — вариант 2, *в* — гребни железные.
Пункты: *1* — Черняхов, *2* — Журавка, *3* — Ерковцы, *4* — Пересечное, *5* — Раковец-Чесновский, *6* — Лепесовка, *7* — Ягнятин, *8* — Косаново, *9* — Гайворон, *10* — Рыжевка, *11* — Кринички, *12* — Будешты, *13* — Кабуска-Веке

Известны находки гребней и на нашей территории. Неясно, насколько широко были распространены гребни у скифов, поскольку до нас дошли лишь уникальные по своей отделке гребни из богатых скифских курганов (золотой гребень из Солохи и деревянные гребни с золотым навершьем из Мастюгинских курганов) [5]. Это односторонние гребни прямоугольной формы с богато украшенным навершьем, в обычном для скифов зверином стиле.

Сохранились навершья гребней и из сарматских памятников Поволжья, по форме и стилю они, по-видимому, близки скифским [6].

Достаточно хорошо известны гребни из раскопок античных памятников Северного Причерноморья, где практически была распространена лишь одна форма — двусторонние прямоугольные гребни [7], характерные для античного мира в целом и особенно широко распространенные в римскую эпоху.

Как мы видим, ни одна из перечисленных форм не могла явиться исходной для рассматриваемой группы гребней.

Казалось бы, правильное предположение о влиянии античного мира на материальную культуру варваров в отношении гребней не подтверждается, поскольку ни одной из рассматриваемых форм невозможно вывести из распространенной античной формы двустороннего гребня.

---

[5] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, САИ, Д1—31, М., 1965, табл. 33.

[6] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ Д1—10, М., 1963, табл. 26, рис. 14—23.

[7] Любезное сообщение Н. И. Сокольского.

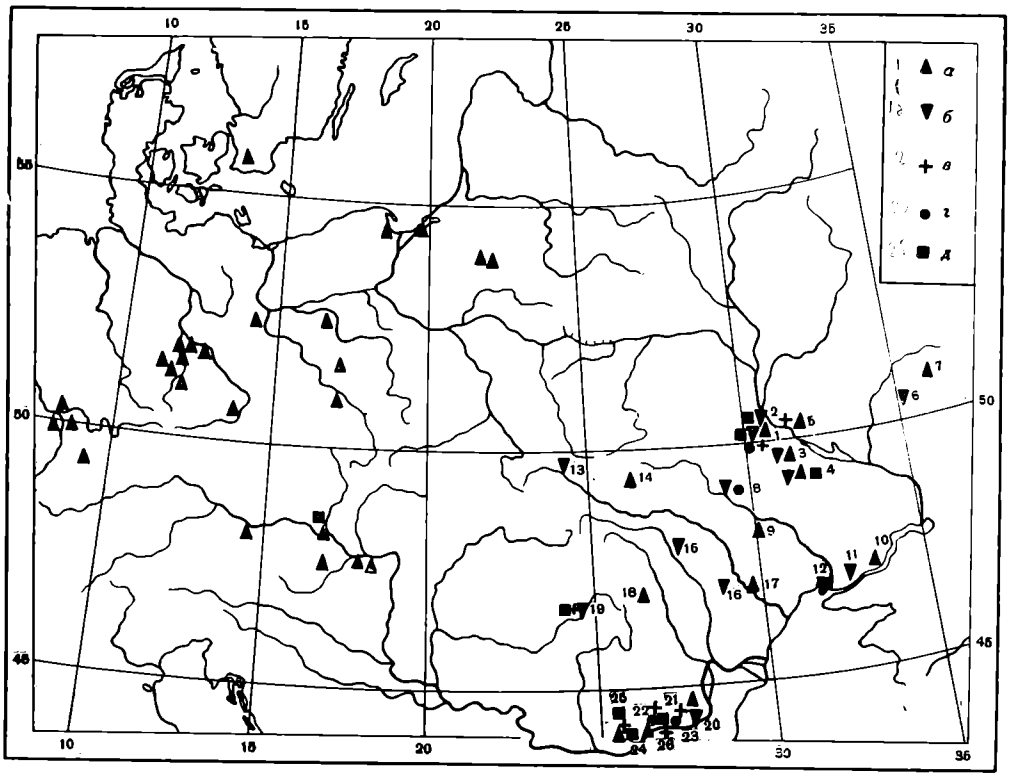


Рис. 5. Карта распространения трехчастных гребней типа III на территории Центральной (S. Thomas) и Восточной Европы

а — вариант 1, *б* — вариант 1а, *в* — вариант 2, *г* — вариант 2а, *д* — вариант 2б.
Пункты: *1* — Черняхов, *2* — Киев, *3* — Журавка, *4* — Маслово, *5* — Переяслав-Хмельницкий, *6* — Кантемировка, *7* — Пересечное, *8* — Косаново, *9* — Кринички, *10* — Гавриловка, *11* — Николаевка (Козацкое), *12* — Оливия, *13* — Черепин, *14* — Увисла, *15* — Мэлаешты, *16* — Будешты, *17* — Делакэу, *18* — Извоаре, *19* — Марош-Сынтана, *20* — Индепенденца, *21* — Спанцов, *22* — Куркани, *23* — Алекс. Одобеску, *24* — Изворул, *25* — Олтени, *26* — Каскиореле

Как ни странно, но возможные источники для решения происхождения интересующей нас формы гребней относятся к эпохе бронзы. Именно в эту эпоху, когда гребни еще не являются характерной деталью материальной культуры, а встречаются лишь спорадически, на территории Западной Европы известны гребни, выполненные из бронзы, но близкие по форме к нашим гребням. Наиболее близкие формы найдены в провинции Бранденбург и в Пруссии [8].

Не является ли эта форма случайной, тем более что нам известны лишь две подобные находки и, кроме того, ни для культур поздней бронзы, ни для эпох гальштатта и латена гребни как предмет материальной культуры не типичны. Лишь в первых веках нашей эры в северных районах Западной Европы гребни становятся одной из распространеннейших находок, характеризующих материальную культуру этой территории. Вероятно, потребность в расчесывании волос у варваров возникает все-таки под влиянием римской цивилизации, но вот форму гребней северные варвары разрабатывают свою, которая возникает еще в эпоху бронзы и в значительной степени отличается от форм, известных в странах древних цивилизаций.

Выше уже было сказано, что на нашей территории впервые широкое распространение гребни получают в культуре Дитиничи — Тришин. Рассмотрим наиболее ранние гребни — одночастные. Как мы уже убедились, ни одна из предшествующих культур на территории Восточной Европы не дает исходных форм для этой категории гребней. Скифские односторонние гребни прямоугольной формы даже отдаленно не напоминают форму

[8] F. Winter. Ук. соч., рис. 10, 15, *в*.

рассматриваемых гребней. Тем более это относится и к двусторонним гребням позднеантичных памятников Северного Причерноморья.

Культуры позднелатенского и раннеримского периодов, предшествующие черняховской, на юге Восточной Европы (липицкая, зарубинецкая, лукашевская, сарматская) вообще не знают гребней, тогда как гребни аналогичных типов со второй половины I в. широко распространяются в северных районах Западной Европы между Рейном и Вислой (рис. 2).

Из таблицы классификации гребней (рис. 1) довольно наглядно видно, как из одночастных логически вытекают все формы сложных, трехчастных гребней. И столь же наглядна картина их картографирования (рис. 3—5) [9]. Все формы черняховских гребней имеют если не всегда идентичные, то очень близкие аналогии гребням, бытовавшим на территории Северной Европы, в междуречье Рейн — Висла.

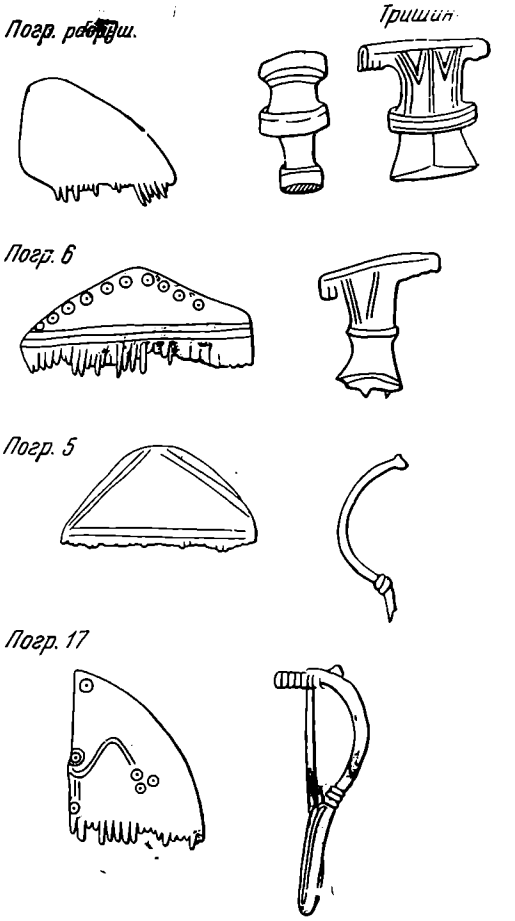


Рис. 6. Комплексы погребений с одночастными гребнями из могильника Брест — Тришин

Итак, можно сделать вывод: формы односторонних гребней с различными вариантами — полукруглой, треугольной и трапециевидной спинкам — возникают в северных районах Западной Европы во второй половине I в. и уже во II в. в результате передвижения племен распространяются сначала в районе верховьев Припяти и Западной Волыни, затем, послужив исходными формами для трехчастных гребней черняховской культуры, распространяются на территории между Днепром и притоком Дуная Олтом.

Известно, что вопросы хронологии черняховской культуры давно вызывают массу споров. Последнее время стало привычным рассматривать черняховскую культуру в двух хронологических диапазонах. Так называемая «узкая» дата укладывается в рамки III—IV вв., сторонники «широкой» даты раздвигают рамки бытования черняховской культуры между II и V вв. Не будем повторять всю историю возникновения этих разногласий, все это достаточно подробно рассмотрено в последней статье М. Б. Щукина [10]. Между тем изучение гребней позволяет в какой-то мере уточнить этот вопрос.

Наиболее ранними гребнями в памятниках «полей погребений» раннеримского времени, как уже говорилось, являются одночастные гребни. Эти гребни обладают одной счастливой особенностью. Их бытование ограничивается коротким промежутком времени. На Западе такие гребни появ-

---

[9] Поскольку наш принцип разделения гребней на варианты отличается от предложенного С. Томас, при составлении карт по территории Центральной Европы мы даем распространение соответствующего типа суммарно.

[10] М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 8—13.

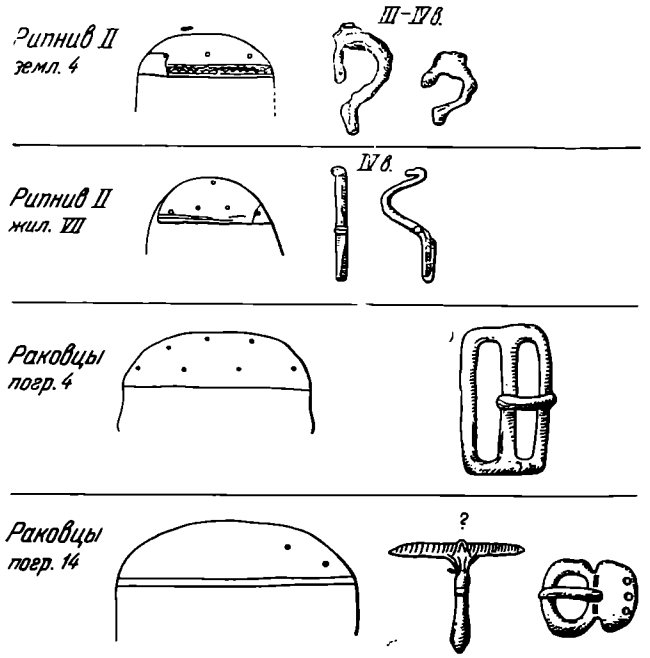


Рис. 7. Комплексы Черняховской культуры с трехчастными гребнями типа I, вариант 1

ляются в середине I в. и бытуют до конца II в., за исключением лишь нескольких типов, которые на территории Скандинавии, и только там, встречаются вплоть до V в.[11]. На нашей территории одночастные гребни характерны для памятников типа Дитиничи — Тришин, в частности, в Тришине представлена наиболее полно эта серия гребней.

В этом могильнике, общие хронологические рамки которого укладываются между II и IV вв., все одночастные гребни сопровождаются, с одной стороны, фибулами североевропейской формы (по Амброзу, II в.) и двучленными, прогнутыми, подвязными фибулами серии II с дуговидной спинкой (рис. 6). Хронология последних не уточнена. Так, румынские археологи датируют такие фибулы III в.[12], северные варианты по их аналогиям А. К. Амброз считает возможным датировать III—IV вв.[13]

Даже если не подвергать сомнению датировку этих фибул, в комплексе с одночастными гребнями из суммарной их датировки нужно выбрать только III в., а точнее, начало III в. И вот почему.

1. Гребни подобных же образцов на территории Средней Европы довольно четко датируются второй половиной I — рубежом III в.[14]

2. На территории пшеворской культуры одночастные гребни бытуют в раннеримское время вплоть до начала III в. Здесь, в частности, можно сослаться на С. Ясноша, опубликовавшего Вымысловский могильник и четко разграничившего периоды бытования одночастных и трехчастных гребней[15]. Одночастные он доводит до времени не позднее начала II в., а о трехчастных пишет следующее: «В разрушенных погребениях 250 — 252 найдены дробные обломки гребней со следами отверстий. Это, по-видимому,

[11] S. Thomas. Ук. соч., стр. 56—75.

[12] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР, САИ Д1—30, М., 1966, стр. 67.

[13] Там же.

[14] S. Thomas. Ук. соч.

[15] S. Jasnosz. Cmentarzisko z okresu posno — latéńskiego i rzymskiego w Wymysłowie pow. Gostiń. Fontes prahistorici. Annales Musei archaeologici Posnaniensis, II, Poznań, 1952.

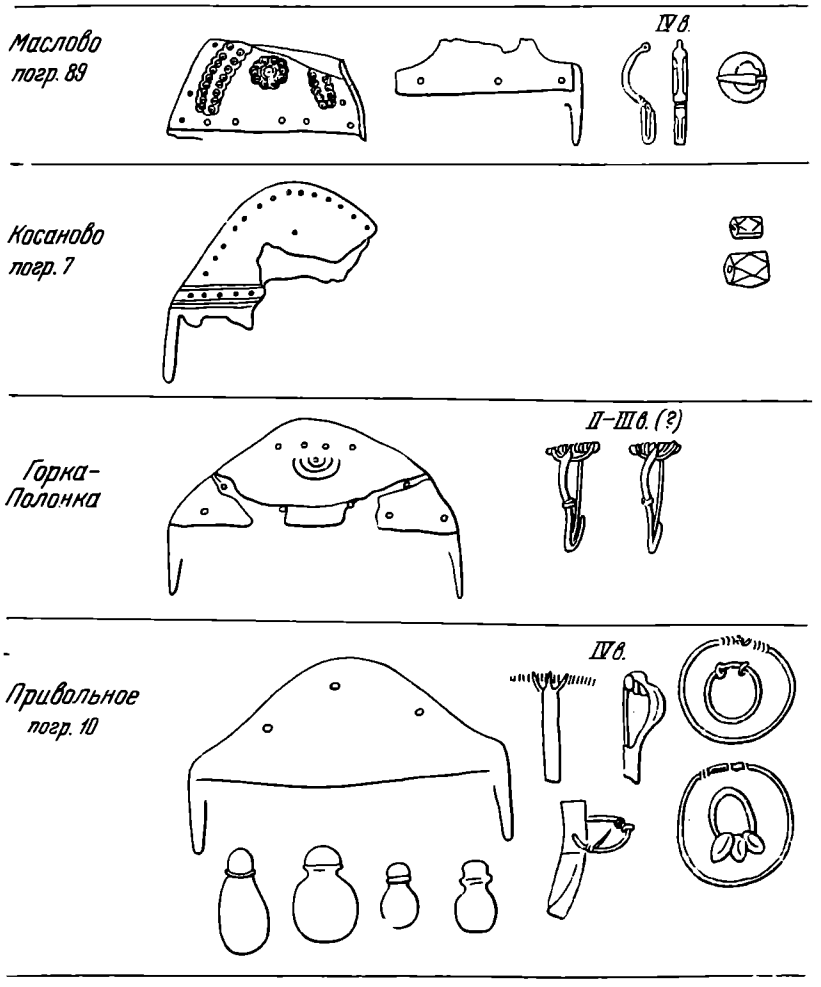


Рис. 8. Комплексы черняховской культуры с трехчастными гребнями типа I, вариант 2

трехчастные гребни. Такие гребни появляются только в «mladszym podokresie rzymskim (по Костшевскому)» [16].

3. Если допустить, что приведенные аргументы нас не убедили и мы склонны больше доверяться не проверенной и не исследованной для нашей территории дате подвязных дуговидных фибул, т. е. доводить существование одночастных гребней до IV в., то в этом случае они должны быть синхронны трехчастным гребням черняховской культуры. Тогда было бы абсолютно закономерным появление одночастных гребней в черняховских могильниках, где черты типа Дитиничи — Тришина достаточно многочисленны и, в частности, встречается лепная керамика, идентичная и Дитинической, и Тришинской, в таких могильниках, как Черняхов, Компанийцы, Косаново, Журавка, Рыжевка, Привольное, Раковец-Чесновский. Но такие случаи не зафиксированы, несмотря на достаточную исследованность этих могильников (в настоящее время известно более 2 тыс. погребений). Это можно объяснить, по-видимому, только прекращением существования одночастных гребней в начале III в., что подтверждается материалами среднеевропейскими, где на многочисленных примерах доказано прекращение бытования этих гребней именно в это время.

Если обратиться к материалам черняховской культуры, то здесь наблюдается следующая картина: большинство трехчастных гребней из достоверно датируемых комплексов относится к IV в. Рассмотрим подробно.

[16] Там же, стр. 270.

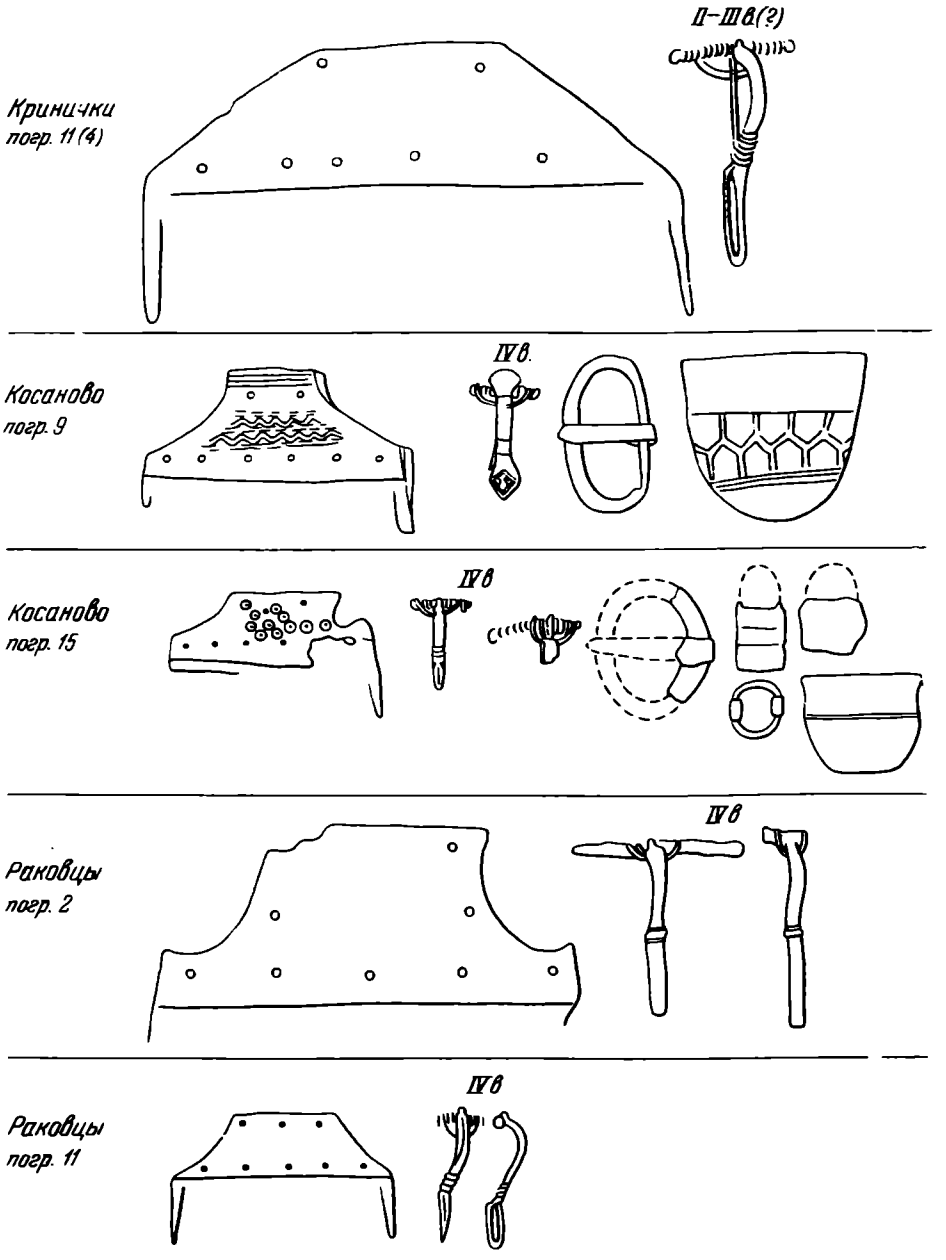


Рис. 9. Комплексы черняховской культуры с трехчастными гребнями типа II

Для определения времени гребней типа I мы, к сожалению, располагаем очень небольшим количеством датированных комплексов.

Так, гребни первого варианта имеют лишь два датированных комплекса (рис. 7). Оба происходят из поселения в Рипниве. Гребень из землянки IV найден вместе с двумя короткими железными фибулами, с пластинчатыми приемниками, датируемыми суммарно III—IV вв. [17]. Гребень из жилища VII найден вместе с фибулой IV в. [18], причем в этом же погребении найдена монета Адриана первой половины II в. Однако последняя не может достоверно служить опорной датой, поскольку определенно доказано, что отдельные монеты в черняховское время не являются датирующими [19].

[17] В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга, МИА, 116, 1964, стр. 248.
[18] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 65.
[19] М. Б. Щукин. Ук. соч., стр. 9.

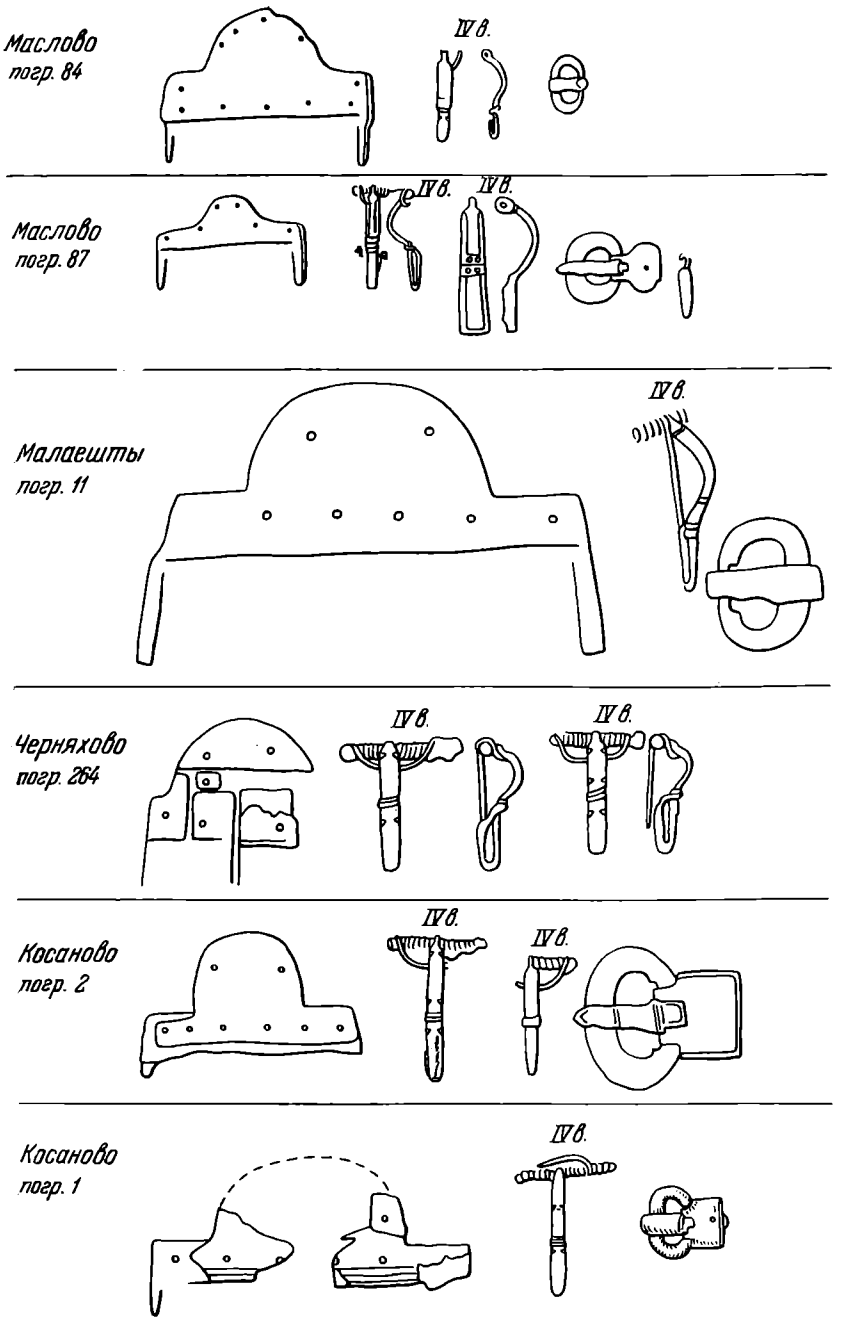


Рис. 10. Комплексы черняховской культуы с трехчастными гребнями типа III

Гребни второго варианта, по нашим данным, найдены в составе трех комплексов находок (рис. 8).

Гребень из единственного погребения из Горки-Полонки сочетается с двумя прогнутыми подвязными фибулами, время которых достоверно не установлено [20]. Этого же варианта гребень известен из погребения № 89 Масловского могильника, где он сопровождался фибулой, четко датируемой IV в. [21].

И еще один гребень, из погребения № 10 могильника в Привольном, найден с фибулой IV в. [22].

[20] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 66.
[21] Там же, стр. 62—63, табл. 11, *6*.
[22] Там же, стр. 71, подгруппа 2.

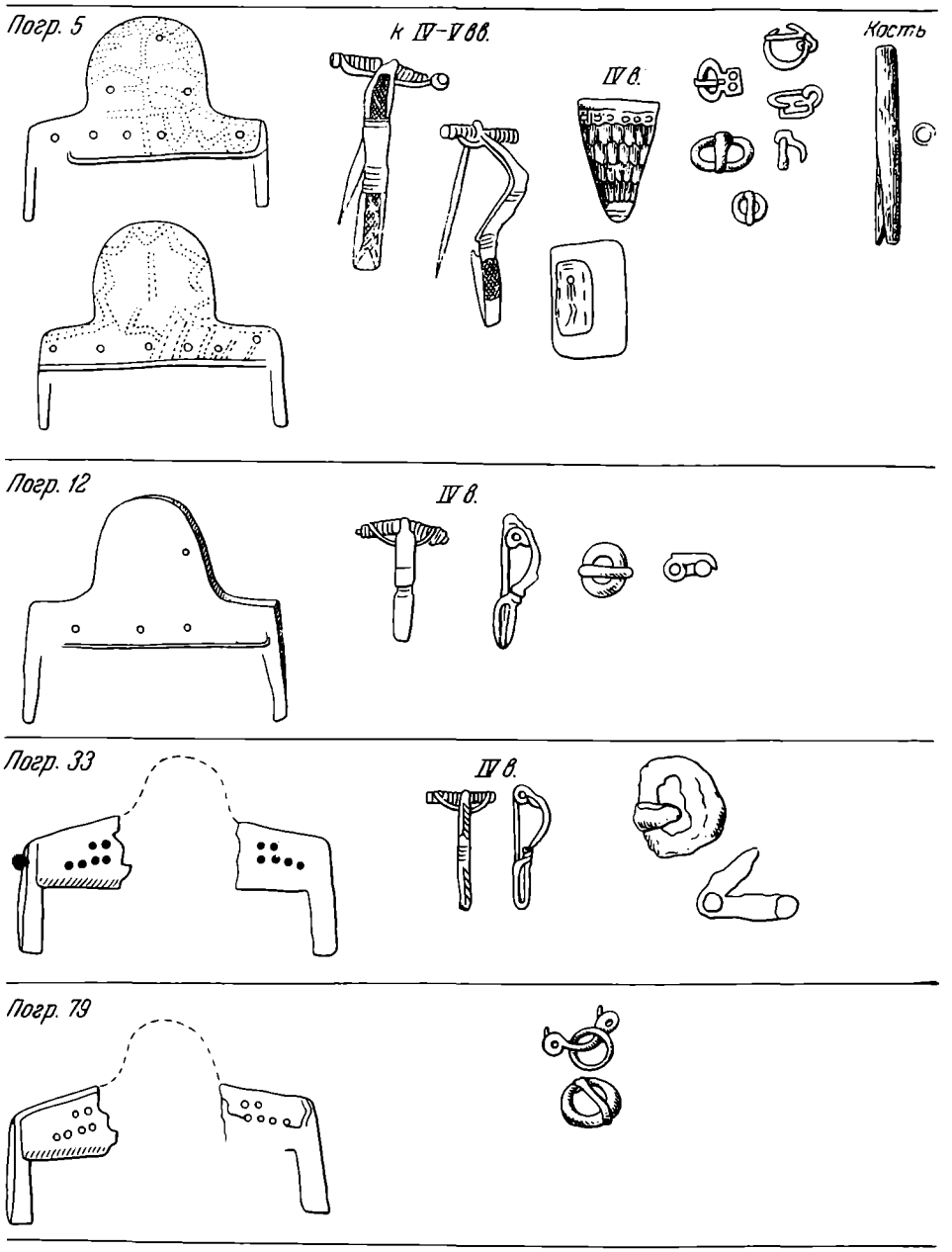


Рис. 11. Комплексы черняховской культуры с трехчастными гребнями типа III. Могильник у с. Гавриловка, совхоз Приднепровский

По западноевропейским материалам, этот тип гребней появляется в начале III в. и бытует вплоть до конца IV в.[23].

Гребни типа II найдены в составе пяти комплексов, четыре из них бесспорно датируются IV в., и лишь один комплекс из могильника в Кринички сопровождается фибулой, суммарно датируемой II—III вв. (рис. 9). Следует оговорить, что фибулы, датируемые столь суммарно, в сочетании с трехчастными гребнями можно датировать не ранее III в., поскольку взаимовстречаемость одночастных и трехчастных гребней не отмечена на черняховских могильниках, следовательно, бытование последних во II в. исключается.

[23] S. Thomas. Ук. соч., стр. 120.

В Центральной Европе этот тип гребней возникает не ранее III в. и продолжает бытовать вплоть до конца IV в. [24].

Тип III довольно четко укладывается в рамки только IV в. Одиннадцать комплексов из могильников, где найдены гребни этого типа, сопровождаются фибулами, датируемыми только IV в.: в Маслове — 3 (погр. № 84, 87, 89), в Косанове — 3 (погр. № 1, 2, 26), в Малаештах — 1 (погр. № 11), в Гавриловке — 3 (погр. № 5, 12, 33), в Черняхове — 1 (погр. № 264) [25]. По западноевропейским материалам, этот тип гребней появляется не ранее IV в. и продолжает бытовать до конца V в. [26] (рис. 10, 11).

На нашей территории верхняя дата этого типа не может быть продолжена в V в., поскольку никаких данных для этого нет, но на территории Западной Европы этот тип гребней весьма часто сопровождается вещами V в. [27].

Весьма красноречива в этом отношении карта распространения гребней типа, который в значительно большей степени рассеян на территории Европы. Это можно отнести лишь за счет рассеивания их в эпоху переселения народов, что соответственно подтверждается сопровождающими их вещами.

Из всего сказанного выше, по нашему мнению, вытекают следующие выводы.

1. Формы гребней, распространенные в черняховской культуре, не являются исконными для территории, занятой этой культурой, т. е. ни в какой из предшествующих культур мы не находим даже отдаленно похожих прототипов, хотя гребени в предшествующее время были известны.

Черняховские формы сложились под влиянием форм, распространившихся в раннеримское время в районах северных областей Центральной Европы, причем промежуточной ступенью послужила культура типа Тришин — Дитиничи.

2. Изучение гребней дает возможность проверить и уточнить датировку черняховской культуры.

Именно на основании анализа гребней мы приходим к выводу, что черняховская культура еще не существовала во II в., а сформировалась не ранее III в.

Что касается верхней даты, то здесь гребни помогают ограничить период бытования черняховской культуры концом IV в., поскольку гребни аналогичных форм на территории Западной Европы продолжают существовать в течение всего V в., где они сопровождаются соответствующим для этого времени набором вещей. На территории же черняховской культуры эти же формы гребней с вещами V в. и тем более VI в. не встречаются.

G. F. Nikitina

LES PEIGNES DE LA CIVILISATION TCHERNIAKHOVIENNE

Résumé

Les résultats de l'études des peignes de la civilisation tcherniakhovienne permettent à l'auteur de tirer la conclusion que les formes de ces peignes ne sont pas originelles pour le territoire de l'extention de cette civilisation car pas une seule civilisation précédente ne nous donne pas de prototypes ayant une ressemblance, fût-elle lointaine, avec celles-là bien que les peignes leur soient connues.

Les formes tcherniakhoviennes ont subi l'influence de celles des régions nordes de l'Europe Centrale de la première période romaine. Il faut ajouter que les monuments du type Trichin — Ditinitchi leur ont servi d'échelon intermédiaire.

Une grande attention dans le présent article est accordée à la question de la chronologie de l'existence des peignes. L'article prouve que les peignes tcherniakhoviennes composées à trois parties n'apparaissent pas avant le IIIe siècle et continuent à exister jusqu'à la fin du IVe siècle de notre ère.

[24] Там же.
[25] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 63—65, табл. 10, *17;* табл. 11, 12—15, 20.
[26] S. Thomas. Ук. соч., стр. 120.
[27] B. Schmidt. Die Späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle, 1961.

А. В. ГАДЛО

РАСКОПКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА У ДЕРЕВНИ ГЕРОЕВКИ В 1964 г. [1]

В 1964 г. экспедиция Ленинградского университета продолжала начатое в 1962 г. изучение раннесредневекового селища на Крымском берегу Керченского пролива около дер. Героевки [2].

Работы предшествующего сезона показали, что прямоугольные наземные каменные постройки с двумя помещениями не являются единственным типом жилых построек VIII—X вв. в Восточном Крыму. В 1963 г. были исследованы остатки девяти жилых сооружений различного типа (землянка, полуземлянка с каменной обкладкой, наземное прямоугольное жилище и др.), относящиеся к разным этапам существования поселения. Таким образом, встал вопрос об эволюции строительных приемов у обитателей раннесредневековых поселений Восточной Таврики и возникло сомнение в наличии непосредственной преемственности между культурой античного Боспора и культурой населения VIII — X вв. [3].

В 1964 г. стояла задача путем исследования новых жилых комплексов проверить истинность этих суждений. Кроме того, было необходимо уточнить хронологические границы существования поселения.

В 1964 г. в прибрежной части поселения было заложено три раскопа: V, VII и VIII (рис. 1). Раскопами V и VIII было продолжено исследование естественно обособленной площадки в средней части поселения, которая с юга ограничена спускающимся к морю оврагом, а с запада и севера — удлиненными всхолмлениями. Раскоп VIII был разбит в 20 *м* к югу от раскопа II (1963 г.) в центре площадки, раскоп V — в 55 *м* на краю площадки, над устьем оврага. Небольшой раскоп VII заложили за пределами площадки, на краю береговой террасы в 250 *м* к северу от нее. В результате этих работ были вскрыты остатки четырех жилищ.

Жилище VIII (раскоп VIII) (рис. 2, *а*) представляло собой ориентированное по оси СВ—СЗ квадратное в плане помещение (3×3 *м*) с небольшой пристройкой (1,50 × 1,30), которая примыкала к основному помещению с северо-востока и являлась его продолжением. Пол жилища был заглублен в материк. В основном помещении он был ниже уровня древней дневной поверхности на 40 *см*, в пристройке — на 30 *см*. В жилище вела двуступенчатая лесенка (ширина 90 *см*), выложенная из плотно пригнанных мелких плиток известняка. Вход в жилище находился в середине юго-восточной стены основного помещения. Нижняя часть жилища (материковые стенки котлована) была облицована камнем. Облицовка сохранилась плохо: частично она сползла внутрь жилища под тяжестью опиравшегося на нее каменного основания наземной части, частично была

[1] Материалы, приведенные в настоящей статье, были доложены на заседании Сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 23 декабря 1965 г.

[2] А. В. Гадло. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. КСИА, АН СССР, 113, 1968.

[3] В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. Сб.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 145; М. А. Фронжуло. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 181, 182.

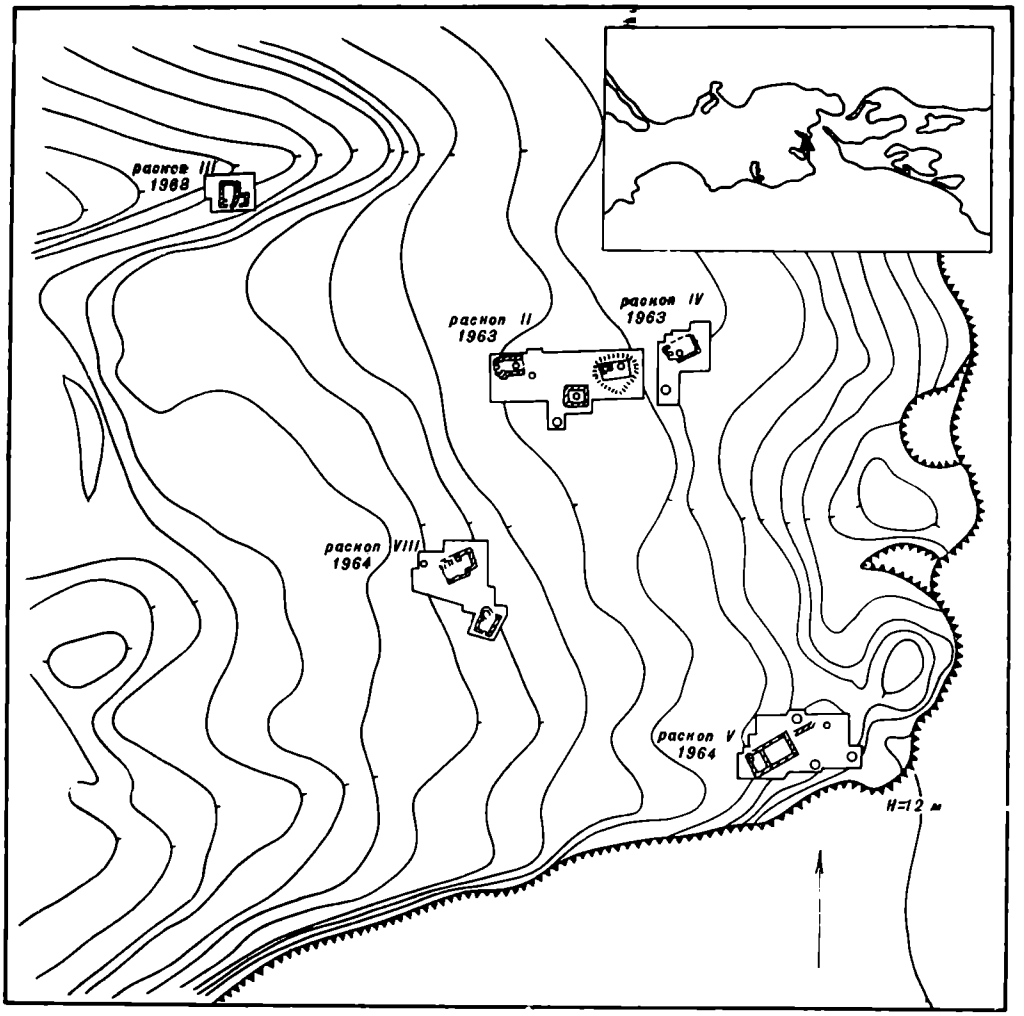


Рис. 1. План расположения раскопов в средней прибрежной части поселения у дер. Героевки

разобрана еще в древности при выборке из завала камня для строительства. Судя по сохранившемуся фрагменту кладки влево от входа, можно думать, что до уровня дневной поверхности от пола жилища подымался один ряд камней, а выше начиналась кладка из двух панцирей с забутовкой между рядами. Камни на этом участке стен были выложены обычным для раннесредневекового Крыма приемом — «в елку». Толщина стен — 60 *см*. Восточная часть основания жилища была сложена из положенных горизонтально крупных плит. При разрушении жилища эти плиты расползлись, нарушив его контур. Было ли жилище VIII целиком построено из камня или каменным было только его основание, трудно сказать. Во всяком случае следует иметь в виду, что площадь жилища была сплошь перекрыта мелким бутовым камнем.

Пол жилища земляной, местами он сохранил следы глиняной подмазки. В центре основной части жилища находился округлый плоский камень диаметром 60 *см*. Слева от него в пол были вкопаны два сосуда (сохранились их нижние части): рифленый горшок и сероглиняный энохойевидный кувшин. При расчистке пола был найден небольшой железный кинжал.

В северо-западном углу жилища находилась печь (ее площадь 1,10 × 0,80 *м*) того же типа, что и печи в землянке (VI) и жилище III (раскоп II), открытые в 1963 г.[4]. Печь была вплотную пристроена к

[4] А. В. Гадло. Ук. соч.

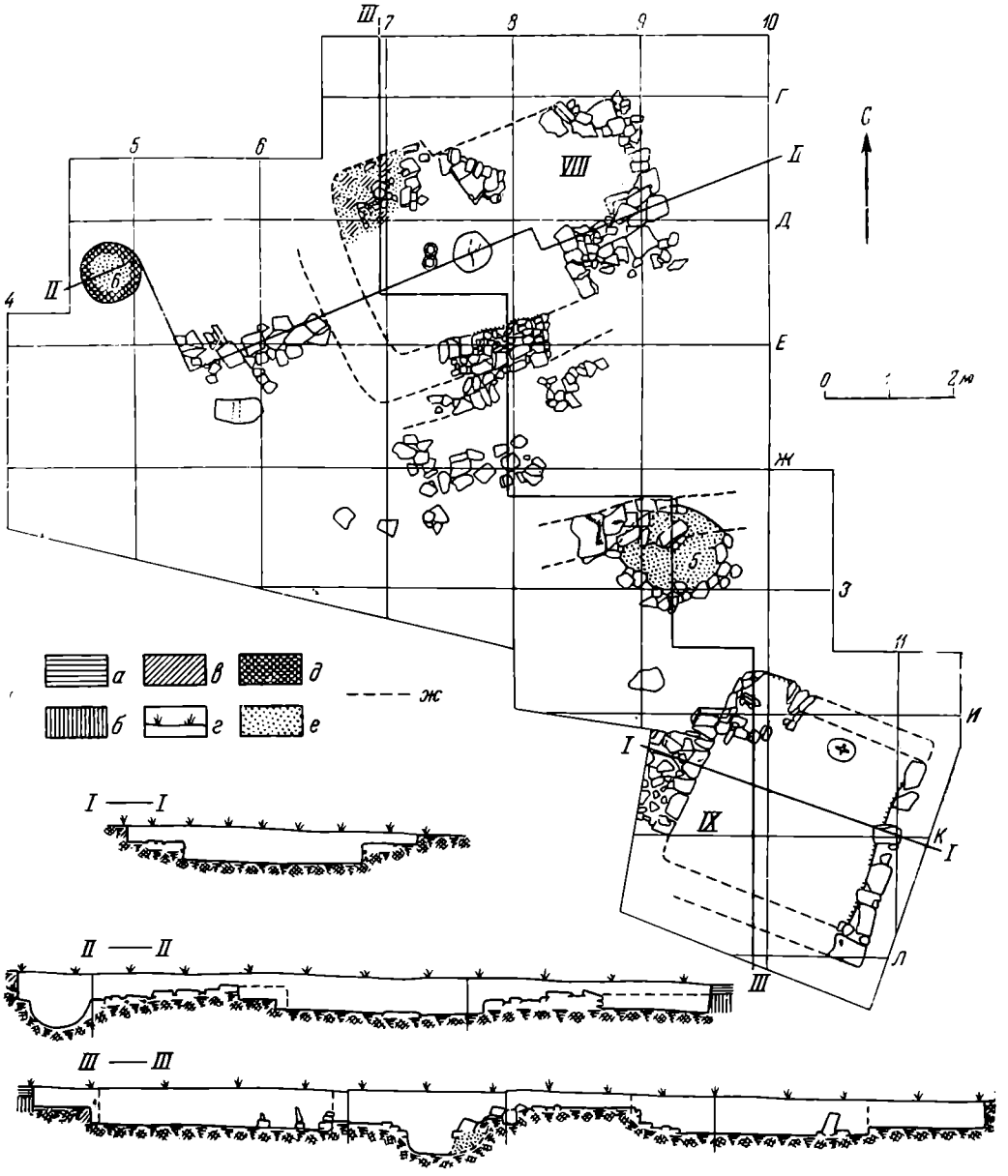


Рис. 2. План и разрезы раскопа VIII

а — гумусный слой, содержащий культурные остатки; *б* — материковый суглинок; *в* — куски пережженного самана; *г* — уровень современной дневной поверхности; *д* — обожженный грунт; *е* — зола; *ж* — знак реконструкции направления кладок, уровня древней дневной поверхности, границы жилищ

материковым стенкам котлована жилища. Восточная стенка сложена из небольших известняковых плит, поставленных на ребро; устье печи находилось с южной стороны. В центре печи был квадратный опорный столб (высотой 40 *см*), который поддерживал перекрытие — обожженную саманную плиту толщиной 5 *см*. Контур развала печи дал возможность определить границы северо-восточной части жилища.

К западу и югу от жилища сохранились следы каменной вымостки, а в 3 *м* к западу от него была открыта очажная яма диаметром 95, глубиной 45 *см*. При расчистке вымостки к юго-западу от жилища были найдены обломки рифленого горшка с косыми насечками по венчику (рис. 3, *а*), обломки горшка с волнистым орнаментом (рис. 3, *б*), обломки крышки с вырезом для выхода пара и обломки двух ранее не встречавшихся на по-

селениях импортных амфор (рис. 4, *а*, *б*) [5]. При расчистке жилища найдены обломки стеклянных сосудов и обычная для поселения VIII—X вв. керамика (обломки причерноморских амфор, энохой, рифленых горшков).

В 6 *м* к югу от жилища VIII открыто другое жилище — IX (рис. 2), ориентированное по оси ССВ — ЮЮЗ. Его площадь 3,00 × 3,04 *м*. Нижняя часть жилища также была заглублена в материк (разница между уровнем древней дневной поверхности и полом жилища 35—40 *см*). Земляные стенки котлована (нижней части жилища), как и в жилище VIII, были, по-видимому, частично облицованы камнем. Кладка сохранилась, однако, только с двух сторон — западной и восточной. Остатки западной стены лежат на материковой ступеньке; кладка начинается на 15 *см* выше пола. Она состоит из ряда тщательно подобранных лицевых камней, верхний уровень которых одинаков на всем протяжении кладки (длина ее 2,24 *м*, высота 12 *см*). Пространство между лицевым рядом камней и стенкой котлована забутовано мелким камнем. Ширина кладки 80 *см*. Восточная стенка котлована была облицована рядом крупных блоков известняка, лежащих в один ряд на материковой ступеньке. Подошва этой кладки на 23 *см* выше пола. Высота сохранившегося ряда 15 *см*. Обе эти кладки скорее всего являются остатками фундамента наземных стен и не служили облицовкой земляных стен котлована.

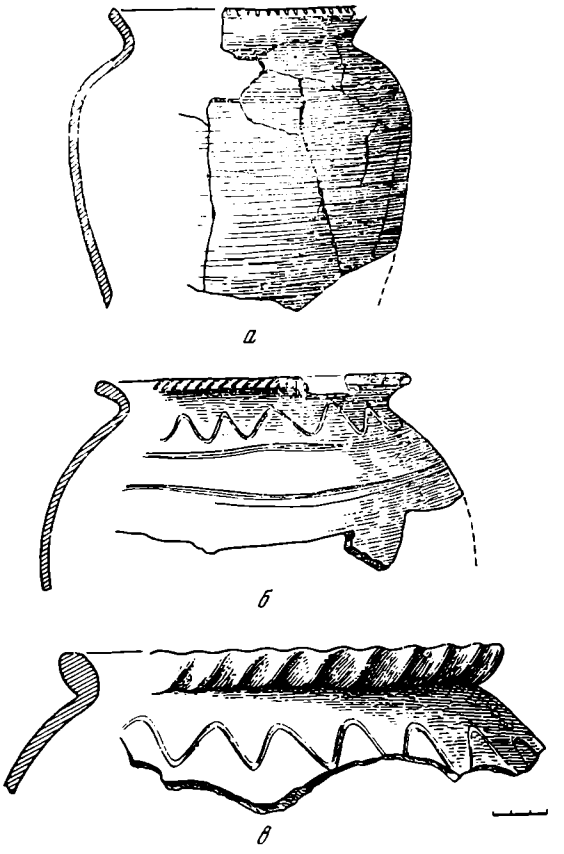


Рис. 3.

а — рифленый горшок. Раскоп VIII. Вымостка; *б* — горшок. Раскоп VIII. Вымостка; *в* — горшок для хранения припасов. Раскоп VIII, жилище IX

Пол жилища IX был земляной, без подмазки. Он хорошо отличался от чистого материка на линии северной и южной стен. В северо-западном углу жилища находилась печь, вплотную пристроенная к основанию западной и северной стен и устьем обращенная на юго-восток. Под печи был на 5—7 *см* ниже уровня пола. Ее западная стенка, сложенная из мелких камней, прижата к материку ниже подошвы основания западной стены жилища. Наружные, обращенные в сторону жилища стенки печи были сложены из небольших округлых камней. В центре печи находился опорный столб, сложенный из двух плоских камней; они лежали на двух больших обломках импортной белоглиняной амфоры, вероятно, той же, обломки которой были найдены к северо-западу от жилища. Под печи плохо выражен, камни, из которых она была сложена, очень слабо обожжены, в самой печи мало золы, около нее на полу не было обычного горелого пятна.

[5] Амфора (рис. 4, *а*) белоглиняная с лиловым оттенком, другая амфора (рис. 4, *б*) имеет красный черепок с коричневатым оттенком. Подобная амфора, но лучшей сохранности найдена нами в 1964 г. при раскопках поселения у дер. Пташкино.

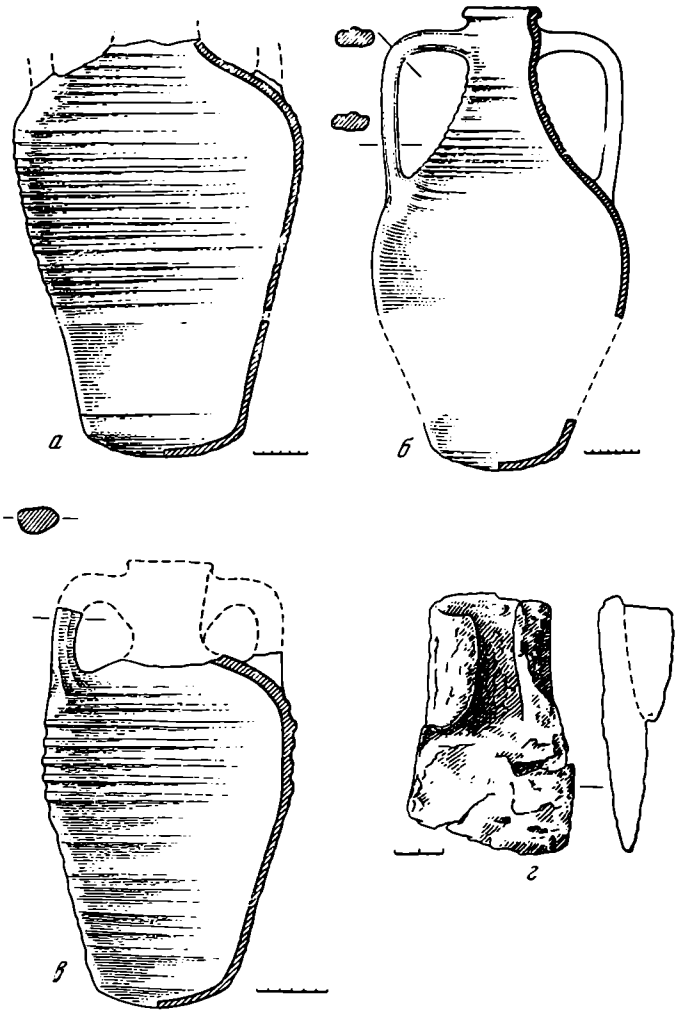


Рис. 4.

а — белоглиняная импортная амфора (реконструкция); пос. у дер. Героевки, раскоп VIII; *б* — красноглиняная импортная амфора (реконструкция), пос. у дер. Пташкино, раскоп II; *в* — реберчатая амфора из жилища IX; *г* — мотыга из жилища IX

Создается впечатление, что печью почти не пользовались. Жилище, по-видимому, просуществовало недолго.

При расчистке печи между остатками северной материковой стены котлована и камнями обкладки печи была найдена железная мотыга (рис. 4, *г*). В северной части жилища на полу лежал верхний камень ротационного жернова. В юго-западном углу найдены бракованная (пережженная) бороздчатая амфора VIII—IX вв. без ручек и горла (рис. 4, *в*) и днище крупного серолощеного пифосообразного сосуда. Здесь же найдены обломки пифосообразного горшка с витым венчиком (рис. 3, *в*).

При расчистке восточной кладки за ее пределами на уровне древней дневной поверхности была найдена бронзовая византийская монета Константа II (641—668) с дырочкой для подвешивания [6].

Между жилищами VIII и IX находилась большая зольная яма, первоначально имевшая по краям каменную обкладку. В последний период существования поселения яма, по-видимому, не использовалась, через нее в направлении В—З прошла кладка, которую удалось зафиксировать только на протяжении 1,80 *м*.

[6] Монета определена И. В. Соколовой, за что приношу ей благодарность. **И. И. Толстой**. Византийские монеты. VII, СПб., 1914, стр. 775, 776, № 282 (10—15).

На раскопе V были открыты остатки наземной каменной постройки[7]. Она была ориентирована по оси СВ — ЮЗ и состояла из двух помещений — западного (I) и восточного (II). Их размеры: 4,00 × 2,60 и 3,90×4,60 *м* (рис. 5).

Площадка, на которой собирались возвести дома, перед его постройкой была выровнена. Вследствие этого пол северо-западной части оказался ниже уровня древней дневной поверхности, а юго-восточной — на ее уровне.

О характере строительных приемов можно судить главным образом по остаткам юго-восточной стены, которая прослеживается на протяжении почти 6,5 *м*. Ширина стены 65—80 *см*. Она состояла из двух панцирей крупных известняковых блоков, промежуток между которыми был заполнен незначительным количеством известнякового щебня. Сохранились камни нижнего и местами второго ряда. Нижний ряд был уложен вдоль края котлована на очищенной от дерна дневной поверхности. От северо-западной стены уцелели только один крупный блок (1,10×0,50× ×0,23 *м*) и завалившаяся внутрь помещения II часть стены, которая была сложена «в елку» из средних по величине кусков рваного известняка. Северо-восточная стена, как можно судить по сохранившемуся фрагменту, была также сложена «в елку» из тщательно подобранных кусков плитчатого камня. Юго-западная стена не сохранилась. Ее направление восстанавливается по кладке печи. Поперечная стена восстанавливается по отдельным камням нижнего ряда, но главным образом по перепаду уровней полов между помещениями I и II.

Помещение I, по-видимому, было жилым. В его северо-западном углу сохранилась печь, устьем обращенная на восток (1,15×0,75 *м*), обычного для поселения типа. Ее северная и западная стенки вплотную прилегли к материку. Высота кладки 21 *см*. Южная стенка была выложена из отдельных плиток известняка; в центре печи стоял опорный столб, при разрушении печи свалившийся на ее под.

Печь была заполнена золой. при ее расчистке внутри был найден маленький красноглиняный кувшинчик с граффити, напоминающим несколько усложненную «тамгу Аспаруха» (рис. 6, *а*), и бронзовое кольцо со стеклянной вставкой в гнезде с четырьмя захватами (рис. 5, *б*) обычное среди находок на памятниках салтово-маяцкого круга, а также перегоревшие лопатки овцы. Рядом с печью в ямке находился желтоглиняный гончарный горшок очень плохого обжига.

Пол в помещении был земляной, в центре его было устроено небольшое углубление, сохранившее следы костра (очажок).

Помещение II, по-видимому, было хозяйственным. Материковый пол здесь выражен плохо. В северной части сохранилась вымостка, сложенная из плотно пригнанных кусков рваного камня и плитняка. В юго-западном углу помещения была устроена хозяйственная яма. Рядом с ней были найдены обломки тонкостенной реберчатой амфоры с красным черепком. При расчистке завала в северо-восточной части помещения был найден бальзамарий с красным черепком, на поверхности которого сохранились следы зеленой поливы, судя по которой, этот сосуд может быть датирован в пределах X в.

К востоку от дома был устроен мощеный дворик, по сторонам которого располагались большие ямы-погреба. При расчистке их среди керамики, обычной для VIII—X вв., были найдены фрагменты амфор VII—VIII вв.

На раскопе VII были обнаружены печь и прилегающий к ней участок углубленного в землю жилища, но проследить его план и размеры не уда-

---

[7] Строительные остатки на этом участке плохо сохранились: на раскопе обнаружено несколько воронок от снарядов, наблюдаются смещения кладок, следы выборки камня.

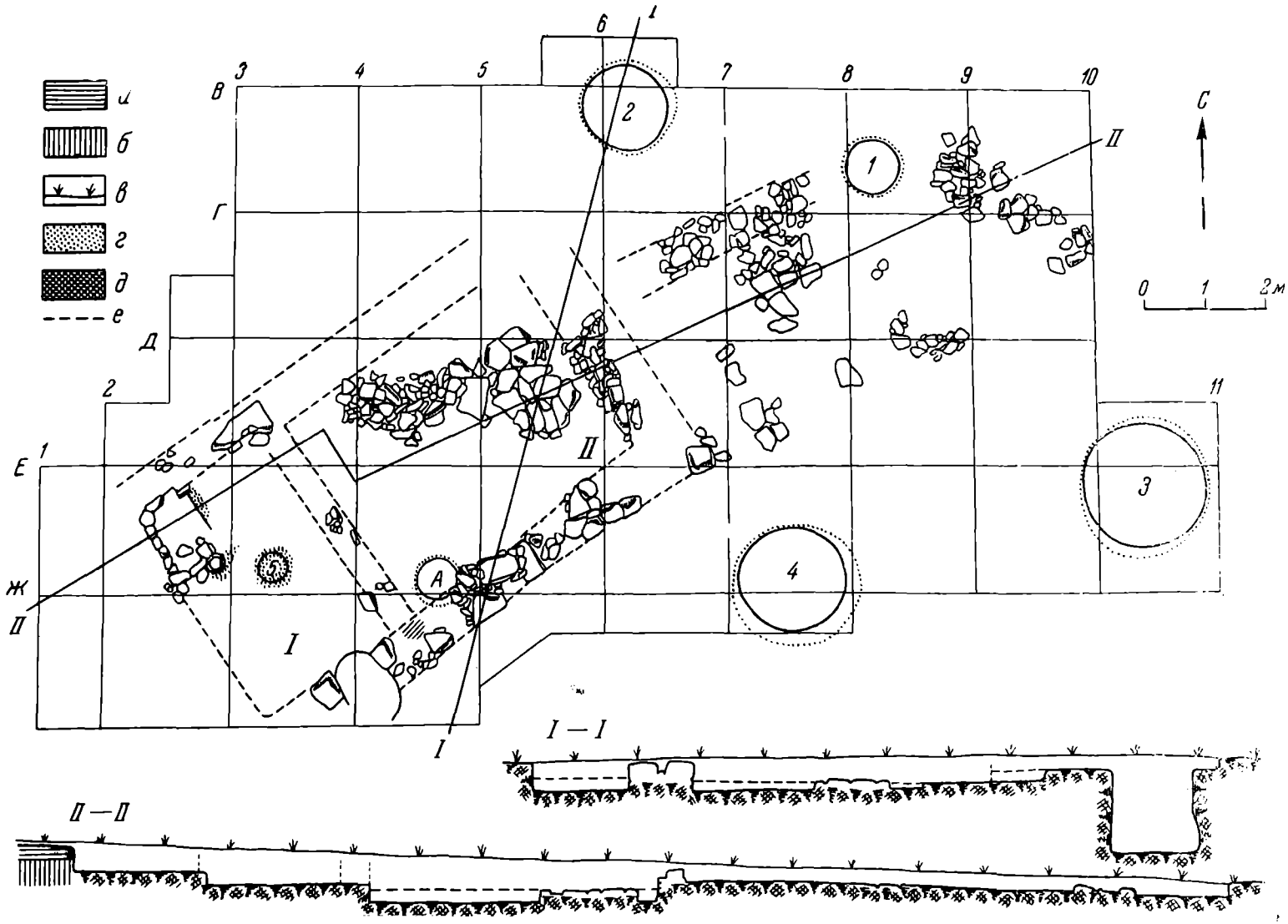


Рис. 5. План и разрезы раскопа V

а — гумусный слой, содержащий культурные остатки; *б* — материковый суглинок; *в* — уровень современной дневной поверхности; *г* — обожженный грунт; *д* — зола; *е* — знак реконструкции направления кладок, уровня древней дневной поверхности, границы жилищ

лось. Печь, представлявшая собой выкопанную в материке колоколообразную яму, внутри была обмазана жидким саманом. Ее глубина 90 *см*, диаметр дна 1,03 *м*. Устье диаметром 60 *см* было перекрыто саманной плитой, провалившейся внутрь [8]. За пределами жилища находился зольник (диаметр 1,40 *м*, высота 40 *см*); в нем, как и при раскопках печи, обломков горшков с рифлением, обычных для этого времени, а преобладали обломки горшков со слабо отогнутым венчиком и грубым песчанистым тестом, близкие по форме и обжигу к горшкам поселения у хутора Казачий Ерик (XI—XII вв.) и Таманского городища (слои X—XI вв.) [9]; встречались обломки амфоры с зонами мелкого рифления (X в.). Здесь же найдены обломок глиняной статуэтки животного и обгорелый плод груши-дичка.

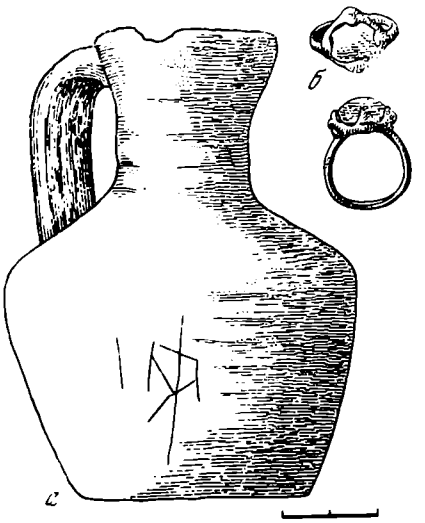


Рис. 6. Красноглиняный кувшинчик граффити (*а*) и «салтовское» кольцо, найденные в печи. Раскоп V (*б*)

Раскопки 1964 г. у дер. Героевки еще раз показали, что это средневековое поселение возникло на рубеже VII—VIII вв. и существовало до начала X в. Поселение, вероятнее всего, было основано этнической группой, родственной носителям зливкинской культуры в Северном Приазовье. Именно с этой культурой связывает поселение у дер. Героевки (как и другие близкие к нему памятники Восточного и степных предгорий Центрального Крыма) основной для средневековья показатель культурной и этнографической общности — бытовая керамика, изготовленная на поселении или вблизи него: кухонные и столовые горшки с рифлением, пифосообразные рифленые и лощеные сосуды для хранения припасов, столовая и парадная лощеная посуда [10].

Открытые на поселении жилища характеризуют, на наш взгляд, различные этапы строительной деятельности его обитателей. Разнообразие типов жилых построек отражает, по-видимому, процесс поиска наиболее рациональных в условиях степного Крыма форм жилища и в какой-то мере — процесс социальной дифференциации среди обитателей поселения; об этом говорит одновременное существование на поселении больших домов с двумя помещениями (хотя открытые нами на участках раскопов I и V дома были наиболее поздними постройками) и заглубленных в землю жилищ, близких к салтово-маяцким полуземлянкам Подонья [11].

Очень интересно для этнографической характеристики поселения сочетание крайне неустойчивого облика жилищ и исключительного однообразия формы основного очага внутри них. Распространенный на поселении у дер. Героевки, как и на других поселениях той же эпохи, распо-

---

[8] Ср. очаги, открытые М. А. Фронжуло на плато Тепсень. М. А. Фронжуло. Ук. соч., стр. 169.

[9] А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 43, 45, рис. 18, *1*; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 10—14, рис. 4, 7.

[10] О связи раннесредневековых поселений Восточной Таврики с салтово-маяцкой культурой Подонья и именно ее южным степным вариантом подробнее см.: А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 458 сл.; его же. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 27 сл.

[11] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 47—53; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 57—65.

ложенных по берегам Керченского пролива, тип отопительных сооружений, несомненно, древний, местный [12]. Естественно возникает вопрос: почему основатели поселений VIII—X вв., переняв у потомков древнего населения Боспора форму очага, не усвоили тип их жилищ и веками выработанные строительные приемы? Возможно, древняя форма очага, приспособленная к местным климатическим условиям и местному топливу, вполне удовлетворяла сложившуюся у новых поселенцев семейную организацию; и в то же время тип жилых построек и планировка поселений, соответствующие античному способу хозяйства и организации общества, резко противоречили их социально-экономическому укладу и традиционным условиям быта. Нам представляется вполне вероятным, что возникновение поселений в степных предгорьях Крыма и на Керченском полуострове в конце VII— начале VIII в. было вызвано интенсивным процессом оседания кочевников, населявших степи Приазовья в VI—VII вв.— процессом, охватившим весь юго-восток Восточной Европы в период становления Хазарского каганата [13].

A. V. Gadlo

LES FOUILLES D'UN VILLAGE DU DEBUT DU MOYEN AGE PRES DU VILLAGE GUEROEVKA EN 1964

Résumé

L'article expose les données essentielles obtenues par l'auteur lors des fouilles d'un grand village des VIIe — X^{e} ss qui est situé le long de la rive ouest du détroit de Kertch. L'étude des types des bâtisses était au centre de l'attention de l'auteur. Les matériaux du 1964 et leur confrontation avec ceux de la saison précédente permettent de supposer qu'en VIIe — X^{e} ss sur ce territoire on a cherché instamment une construction la plus rationnelle pour les conditions des régions steppiques de la Crimée. L'auteur tient pour douteuse l'idée de la succession entre la civilisation de l'antique Bosphore et la civilisation de ce village qui est apparu à la limite des VIIe — VIIIe ss. Il estime que les habitants de celui-là avaient une parenté avec les populations nomades du littoral nord de la mer Azov (la civilisation d'Zlivk).

---

[12] В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 135.

[13] Об этом процессе см.: М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940; его же. История хазар. Л., 1962. В последнее время точку зрения М. И. Артамонова для областей Подонья и Приазовья блестяще подтвердила С. А. Плетнева (С. А. Плетнева. Ук. соч.).

В. И. РАСПОПОВА

КВАРТАЛ ЖИЛИЩ РЯДОВЫХ ГОРОЖАН ПЕНДЖИКЕНТА VII — VIII вв.

В результате многолетних систематических работ на городище древнего Пенджикента вскрыты большие площади, занятые главным образом жилищами горожан. Раскопки Пенджикента показали, что раннесредневековые города Средней Азии состояли из кварталов сплошной застройки [1]. В восточной части городища наметились четыре квартала, границы которых определяются улицами. Эти кварталы состояли главным образом из богатых жилищ [2]. На нескольких участках городища Пенджикента исследованы и менее богатые жилища [3].

В юго - западной части городища раскопан квартал жилищ рядовых горожан VII—VIII вв. (верхнее здание объекта XII), результатам исследования которого и посвящена настоящая статья [4]. В плане квартал представляет собой почти прямоугольник, вытянутый с севера на юг. Оконтурены внешние, фасадные стены, а также вскрыты слои прилегающих улиц и дворов (рис. 1).

Исследовано 10 жилых комплексов и одна мастерская (рис. 2 и 3).

Первый комплекс состоит из трех помещений (8, 6, 10 с выходом во двор — пом. 12); второй — из пяти помещений (37, 4, 9, 2, 7 с выходом во двор — пом. 12); третий — из четырех помещений (22, 5, 17, 21); четвертый — из трех помещений (18, 13, 19), к которым в последнем периоде было присоединено еще одно —24; пятый — из двух помещений (23, 24); шестой — из двух помещений (31, 32; в пом. 31 прослеживаются два строительных периода) с выходом в айван — пом. 36, 38; седьмой — из трех помещений (30, 33, 29; в пом. 30 прослеживаются два строительных периода); восьмой — из четырех помещений (28, 27, 25, 26); девятый — из двух помещений (15, 11); десятый — из пяти помещений (14, 16, 20, 3, 34), от второго этажа частично сохранилось пом. 1; одиннадцатый — из двух помещений (35 — мастерская и 39).

Стены большинства помещений сложены из сырцового кирпича.

Планировка жилых комплексов однотипна: все они имели «вестибюль», в который попадали с улицы; обычно в «вестибюле» имеется лестница или пандус, которые вели в помещения второго этажа; через «вестибюль» попадали также в помещения первого этажа, число которых невелико — от одного до четырех.

---

[1] А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, 3, стр. 178—195.

[2] Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. МИА, 124, 1964, стр. 121—181; О. Г. Большаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, 124, 88—120.

[3] Е. В. Зеймаль. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). МИА, 124, стр. 244—264.

[4] На участке южнее этого квартала вскрыты слои с остатками построек более раннего времени — V—VII вв. (Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, 124, стр. 182—243).

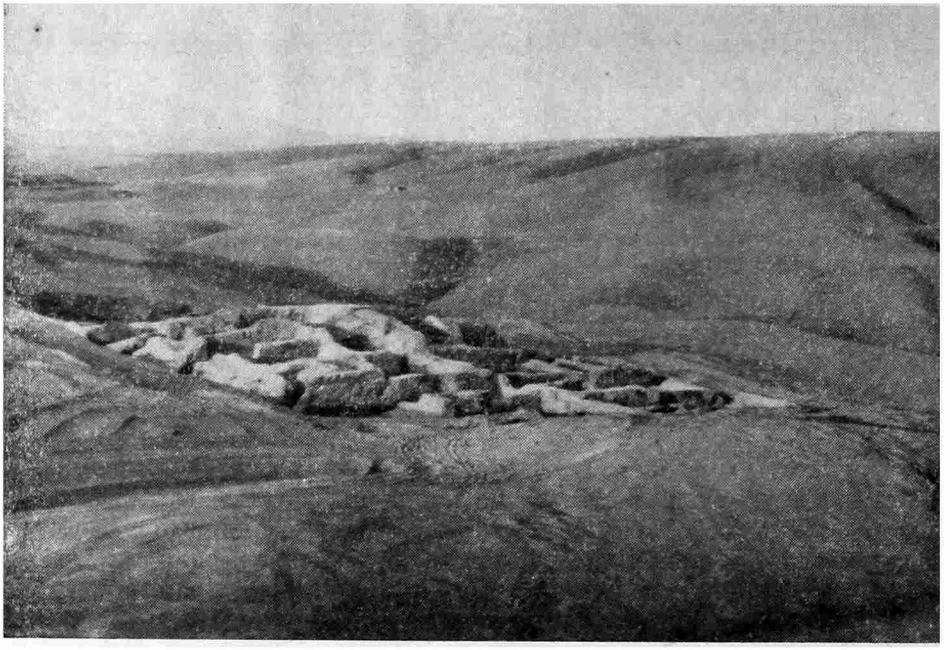


Рис. 1. Общий вид квартала с северо-востока

Наряду с жилищами раскопаны остатки мастерской, находившейся в юго-западной части квартала. Помещение имело плоскую кровлю. Почти в центре помещения сохранилось гнездо от столба, служившего опорой для перекрытия. Северо-восточный угол занят «ванночкой», дно и стены которой были покрыты алебастровой обмазкой. Края «ванночки» обложены одним рядом сырцового кирпича.

К северной стене помещения пристроена невысокая (высотой 10 *см*) суфа. У юго-западного угла суфы лежал плоский камень с очень ровной поверхностью, немного заходивший под суфу. У западной стены находилась другая суфа, с южной стороны которой, чуть заходя под нее, лежал жернов, обращенный гладкой поверхностью вверх. Над жерновом в стене была сделана нишка, еще одна нишка обнаружена в восточной стене. В этом помещении найдены небольшая бронзовая цепочка из семи звеньев, овальная сердоликовая заготовка для печати, бронзовая «булавка» с шаровидной головкой, которая, видимо, является не готовым изделием, а заготовкой (рис. 4, *12*, *13*, *18*). Судя по всему, перед нами мастерская ювелира, где работали два человека: сохранилось два «рабочих места» — суфы с каменными «наковальнями», находившимися справа от сидящего на суфе.

Мастерская датируется VII в. по керамике (чаши, фрагменты кувшинов типа VI комплекса XII объекта нижнего здания) [5] (рис. 5, *37—44*) и по найденным на полу двум монетам типа деградированного у-шу.

Поверх суф мастерской шел уровень пола, относящегося к более позднему периоду жизни этого помещения. Когда помещение запустело, то некоторое время оно использовалось для свалки.

Исследованные комплексы по данным стратиграфии и нумизматики мы можем датировать с точностью около полувека.

На табл. 1 приведены монеты, имеющие достаточно твердые датировки. К ним относятся монеты Вархумана, Тукаспадака, Тархуна, Гурека, Тургара, так называемой пенджикентской царицы и арабские фельсы [6].

[5] Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 19, 20.

[6] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

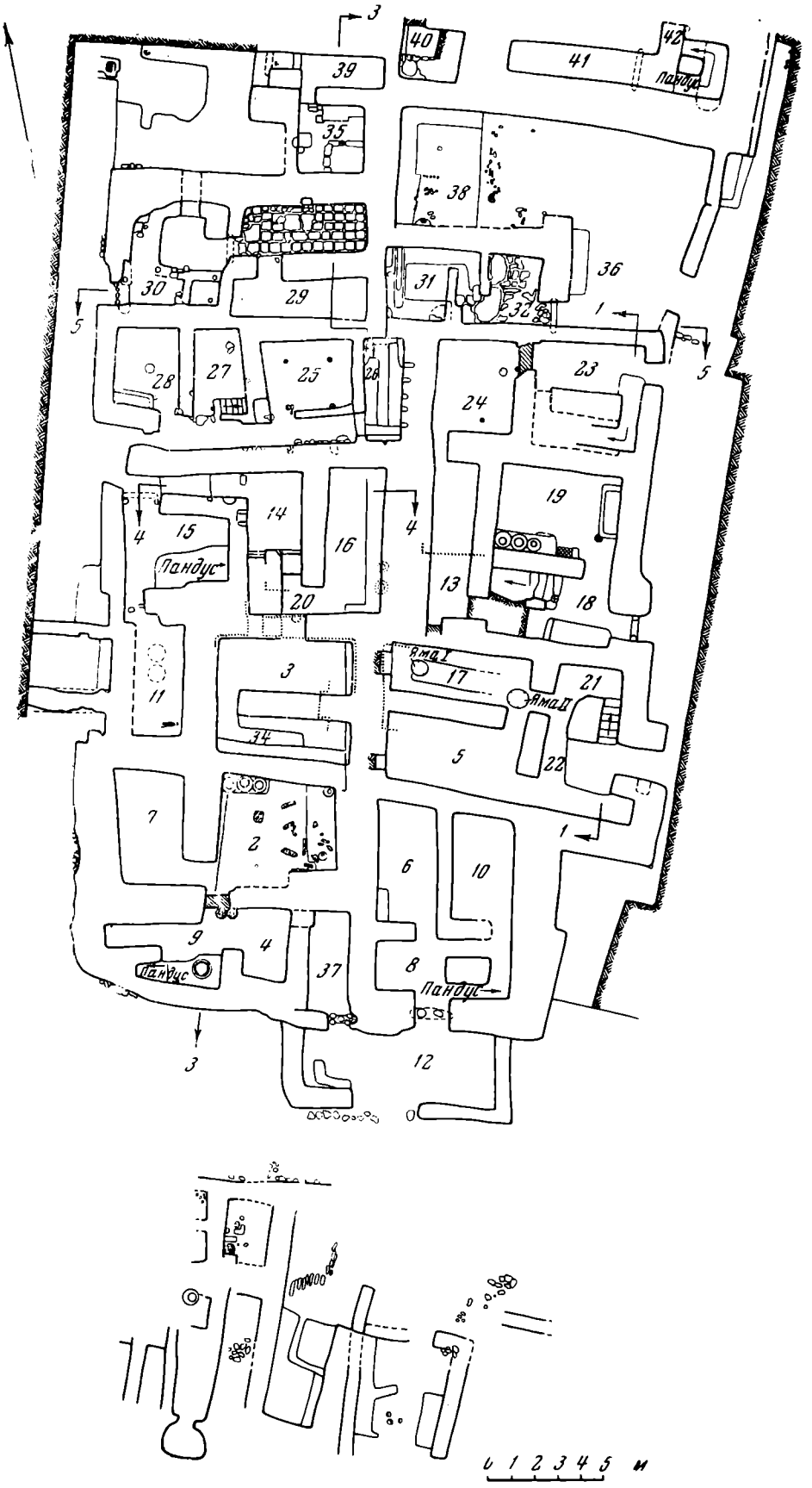


Рис. 2. План квартала

Точечным пунктиром обозначены остатки второго этажа

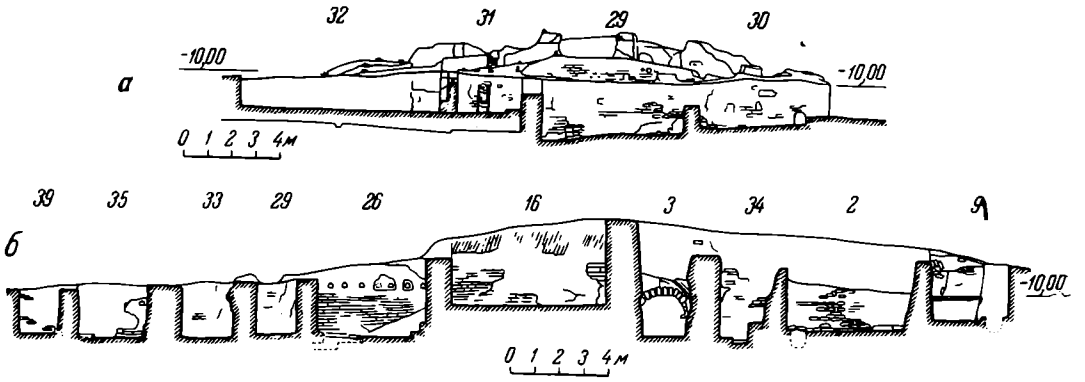


Рис. 3.

а — разрез 5—5 (восток — запад); *б* — разрез 3—3 (север — юг)

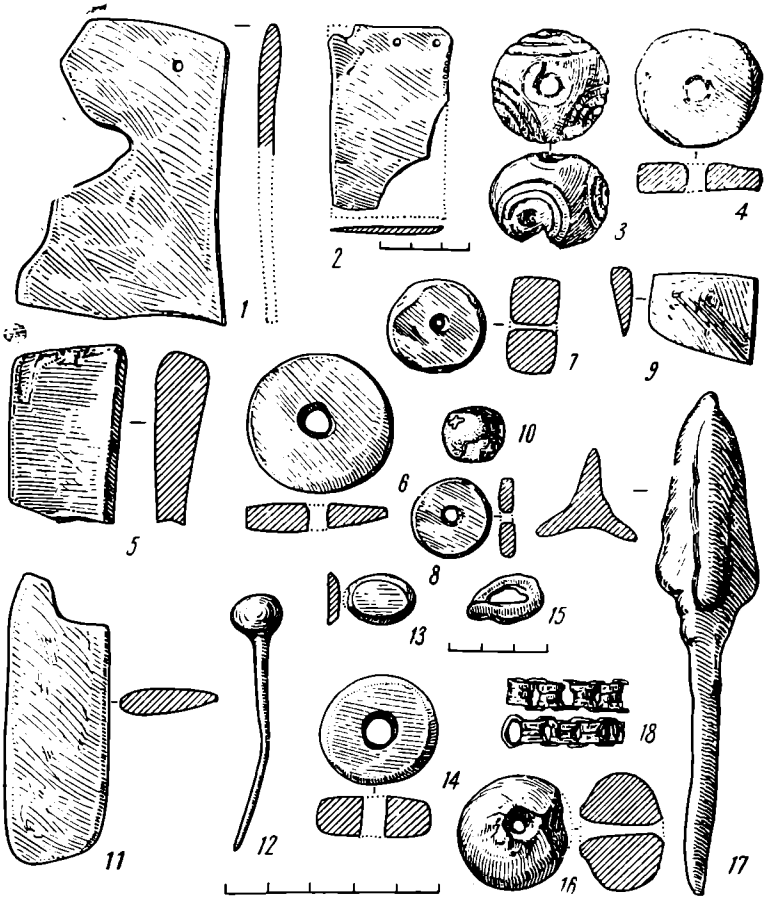


Рис. 4. Находки из помещения 35

1, 2, 9, 11, 15, 17 — железо; *3, 4, 6—8, 12, 14, 16* — керамика; *5* — камень; *10, 13* — сердолик; *12, 18* — бронза. *1—6, 9, 10* найдены в завале помещения 35; *7, 8* — в завале помещения 39; *11—17* — на полу мастерской

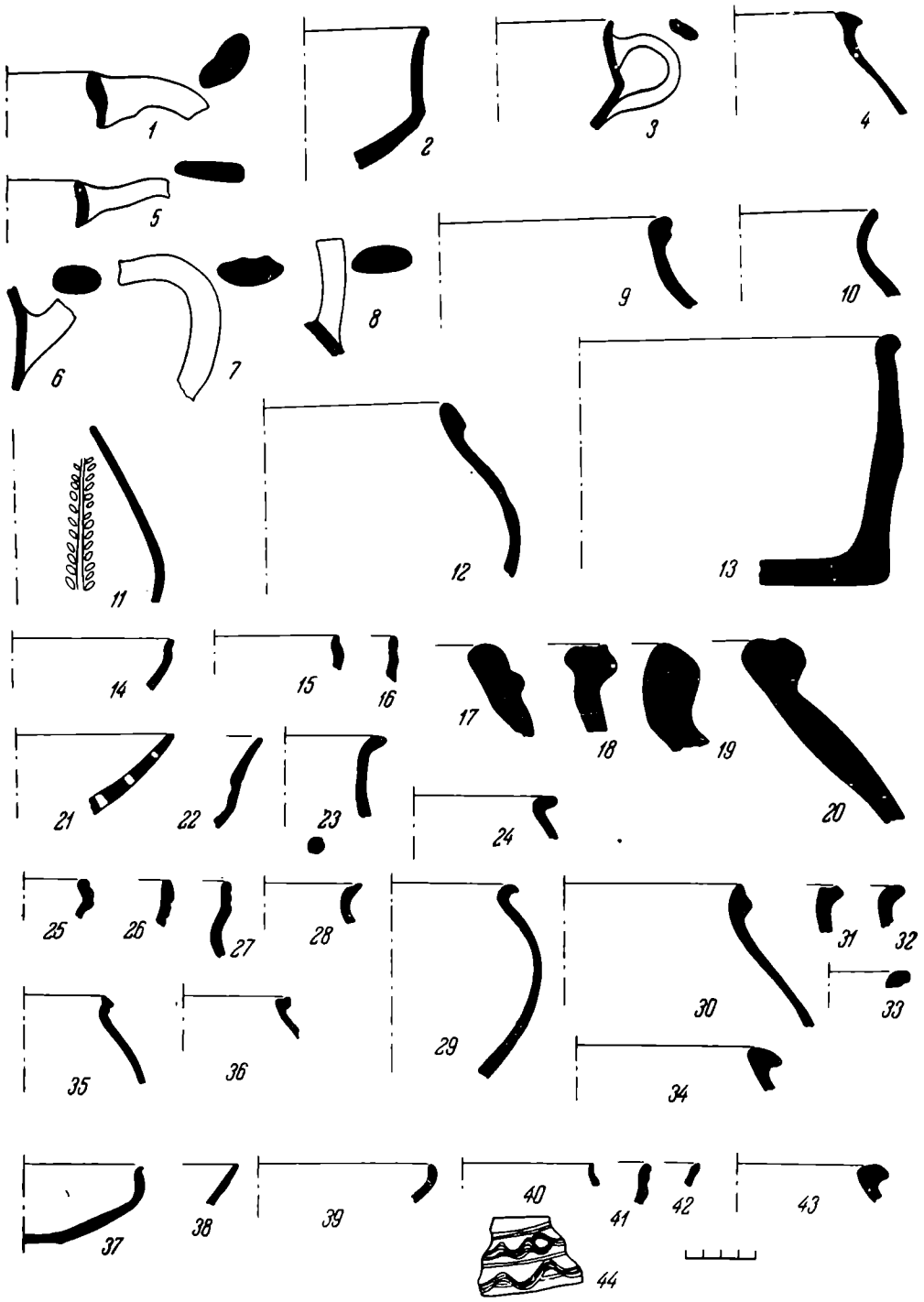


Рис. 5. Керамика из помещения 35

1—13 — из заполнения над верхним полом; *14—36* — из свалки на верхнем полу; *37—44* — с пола мастерской. *10, 13* — лепные; *11* — покрыт белым ангобом; *22* — обломок сосуда с волнистым бортом; *14, 15, 23, 31, 35, 56* — с красным ангобом; *32* — с оранжевым ангобом; *37, 40* — двусторонний красный ангоб; *44* — черный ангоб

Раскопки последних лет в Согде позволили уточнить датировку монет типа деградированного у-шу[7], Укара[8], Бидйана[9], монет Гурека с изображением квадратного отверстия[10].

На табл. 1 приводится также стратиграфическая характеристика монет: на полах, между полами, в завале над верхним полом. Таблица показывает, что гибель комплексов I—IV относится к периоду после 770 г., даты, обозначенной на самых поздних фельсах. Выходы из этих комплексов связаны со слоями улицы, в которых найдены фельсы. По стратиграфическим данным, комплекс X одновременен с комплексами I—IV. Уровни полов этих комплексов совпадают, а выход из X комплекса приходится на слои улицы, где найдены фельсы. Все помещения этих комплексов имеют только один уровень жизни.

Жизнь в комплексах VII, VIII, XI прекратилась в начале VIII в. Верха стен помещений этих комплексов перекрыты слоем, на который выходит пол комплекса X.

Помещения V комплекса выстроены значительно раньше помещений комплекса IV: при присоединении помещения 24 к IV комплексу был прорублен проход, пол поднят. Нижний пол помещения 24 и пол помещения 23 находятся на одном уровне с полом помещений 25 и 26 VIII комплекса, а также приблизительно на одном уровне с нижним полом помещений VI комплекса.

Первый период жизни помещений VI комплекса падает на начало VIII в., о чем свидетельствует находка в припольном слое помещения 32 двух монет Гурека.

Комплекс IX по уровню соответствует комплексу VIII. При постройке помещения 11 использованы стены, относящиеся к помещению VI в.

Постройка комплексов I, II и, вероятно, остальных, связанных с ними, датируется не раньше начала VIII в. по находкам монет в подстилающем слое[11]. Но поскольку в начале VIII в. в комплексах VII, VIII, XI жизнь еще не прекратилась, то постройку жилищ, погибших после 770 г., можно отнести к несколько более позднему времени.

По-видимому, постройка комплексов I—IV, X совпадает по времени с восстановлением зданий III и XIV объектов Пенджикента около 740 г.[12]

Время постройки комплексов, окончательная гибель которых относится к первой трети VIII в., не может быть установлена так точно. Во всяком случае их постройка относится к VII в. В забутовке ранней стены VII комплекса найдена монета Вархумана, что датирует постройку не ранее середины VII в. Мастерская, входившая в XI комплекс, возникла несколько раньше, о чем свидетельствует керамика более архаичного характера, найденная на полу.

Таким образом, все комплексы делятся на две группы. К первой группе относятся комплексы V, IX, XI, постройка которых датируется VII в., а запустение — первой третью VIII в. (В дальнейшем будем называть эти комплексы ранним зданием).

---

[7] Монеты этого типа найдены в Пенджикенте в слое VII в. нижнего здания XII объекта (Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв., стр. 20).

[8] Монеты Укара найдены при раскопках в Чплеке в комплексе второй половины VII в. Раскопки Я. К. Крикиса и Б. И. Маршака в 1962—1963 гг.

[9] Отождествление «Бидйана» с предшественником Диваштича, упоминаемым в документе В-8 с горы Муг, позволило датировать монеты с этим именем не позже 708 г. (см. О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 15—17). О. И. Смирнова допускает также отождествление «Бидйана» с Диваштичем. В нашем VIII комплексе в пом. 27 монета Бидйана найдена ниже пола, который в свою очередь не моложе первой трети VIII в. Находка монеты Бидйана на VI объекте в слое, перекрытом постройками IV комплекса, который относится к VIII в., также скорее свидетельствует в пользу отождествления «Бидйана» не с Диваштичем, а с его предшественником (Б. Я. Ставиский. Ук. соч., стр. 174).

[10] О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 117, 118.

[11] Б. И. Маршак. Отчет о работах на XII объекте..., стр. 221, 222.

[12] О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 119; Е. В. Зеймаль. Ук. соч., стр. 258.

Таблица 1

Распределение монет по комплексам

Место находки		VII в.	Вторая половина VII в.	Рубеж VII—VIII в.	Первая треть VIII в.	Середина VIII в.	Третья четверть VIII в.
комплекс	помещение						
I	10, завал				Царица		ал-Аш'ас
	10, пол			3 Бидйан	Гурек		
II	12						клад аббасидских подражаний бухар худдатским монетам Да'уд 5 ал'Аш'ас
III	5, пол						
	17, завал					Тургар II	
	21, пол					Тургар II	
	22, пол						ал-Аш'-ас
IV	13, пол			Тархун (?)	Царица	2 Тургара II	ал-Джунайд 2 ал-Аш'ас 2 фельса
	18, пол				Царица		ал-Джунайд ал-Аш'ас 2 фельса
	19, завал			Бидйан			
V	24, завал		Укар				
	24, между полами						фельс ?
X	34, завал		Вархуман				
	14, завал					Тургар II	
VI	32, завал			Бидйан			
	32, между полами				2 Гурек		
	36, второй сверху пол				Гурек II		
VII	30, завал			Бидйан			
	30 в забутовке ранней стены		Вархуман				
	30, нижний пол			Бидйан			
				Бидйан			
	33, завал				Царица		
	33, ниша			Бидйан	(?)		
VIII	25, завал	2-й деградировавший тип у-шу	Вархуман		Царица		
	25, второй пол						
	26, пол			Тукаспадак			
	27, завал						
	27 между полами			Бидйан	Царица		
IX	35, пол мастерской	2 деградировавший тип у-шу					
	39, завал		Вархуман (?)	Тархун (?)		Тургар II	

Во вторую группу входят комплексы I—IV, X, постройка которых относится к периоду около 740-х годов, а гибель — к периоду после 770 г. (Эти комплексы будем называть поздним зданием).

Позднее здание представляет собой компактный массив помещений, возведенных заново. От предшествующих построек использованы только

отдельные участки стен. Позднее здание отличается от других объектов Пенджикента, где слои 740—770 гг. почти всегда связаны с новыми уровнями полов в старых стенах [13]. Это дает новые данные о характере и масштабах восстановления города после разгрома 720-х годов.

Для здания 740—770-х годов характерны жилые комплексы со средней площадью по первому этажу около 51 $м^2$ [14]: I комплекс без двора —40 $м^2$; II комплекс без двора — 49 $м^2$; III комплекс — 50,5 $м^2$; IV комплекс — 58 $м^2$, а с присоединением пом. 24 — 72 $м^2$; X комплекс — 57 $м^2$.

Более ранние комплексы значительно меньше, их средняя площадь около 28 $м^2$: V комплекс — 35 $м^2$; VI комплекс — 20,5 $м^2$; VII комплекс — 27,5 $м^2$; VIII комплекс — 46,5 $м^2$ (до пристройки пом. 28 площадь комплекса была 36,5 $м^2$); IX комплекс — 25 $м^2$; XI комплекс — 15,5 $м^2$.

Таким образом, средняя площадь комплексов позднего здания почти в 2 раза больше средней площади ранних комплексов. Необходимо отметить, что площади отдельных комплексов внутри каждой группы мало отличаются от средних значений.

Вероятно, средняя площадь комплекса может служить важным показателем социальной и хронологической характеристики квартала жилищ.

На объекте XIV, расположенном недалеко от нашего квартала, раскопано пять жилищ, построенных примерно в то же время, что и наши ранние комплексы. Их средняя площадь около 34 $м^2$.

Сходный по планировке бедный комплекс III объекта VI, который, по мнению Б. Я. Ставиского, запустел раньше соседних комплексов, погибших в 20-е годы VIII в., имеет площадь около 28 $м^2$ [15].

Все это позволяет предположить, что жилища небогатых горожан Пенджикента VII в. имели среднюю площадь нижнего этажа около 30 $м^2$.

Как уже отмечено, средняя площадь комплексов позднего здания нашего квартала увеличивается. Изменения касаются не только площади, но и планировки.

Жилая комната относительно большой площади с плоским перекрытием имеется в четырех из шести ранних комплексов объекта XII, в трех из пяти — объекта XIV. Помещения комплекса III объекта VI также имели плоское перекрытие. Эта особенность планировки прослежена и при раскопках зданий V—VII вв. XII объекта [16]. В помещении 25 VIII комплекса плоское перекрытие поддерживалось четырьмя столбами, такие же небольшие помещения с четырьмя столбами характерны для жилищ нижнего слоя Пенджикента. В помещении 25 высота потолка 2 *м*, над ним было помещение второго этажа. Такой же высоты было помещение 13 нижнего слоя, над ним также был второй этаж [17]. Это сходство помещений нашего раннего комплекса VIII с нижним слоем неудивительно, так как они близки по времени.

В постройках более позднего здания это сходство исчезает. Помещения становятся выше (до 2 *м* 7 *см*), просторнее, построены более монументально, в нижнем этаже (за двумя исключениями) они имели сводчатое перекрытие.

Для поздних комплексов, так же как и для восточного района Пенджикента, характерны пары сводчатых помещений, расположенных параллельно друг другу. Этим обеспечивалась устойчивость и надежность конструкций второго этажа, которые опирались на своды.

Во всех жилищах большое значение придавалось «вестибюлям». В них устраивались лестница или пандус, опиравшиеся на массивный сырцовый

---

[13] О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 115, 116; Е. В. Зеймаль. Ук. соч., стр. 260.

[14] При подсчете суммировалась площадь помещений без площади, занятой стенами.

[15] Б. Я. Ставиский. Ук. соч., стр. 134—136, 168, 172—175.

[16] Б. И. Маршак. Отчет..., стр. 192—198.

[17] Там же, стр. 200, 201.

столб. Марши лестниц и пандусов шли по сводам, под которыми имелись проходы в другие помещения и кладовки. В тех «вестибюлях», которые лучше сохранились, как, например, в IV, X комплексах, мы видим, как они были оформлены (рис. 6 и 7). В углу при выходе иногда устраивалась суфа. В дугу свода помещения вписывались две арки разной высоты, более высокая арка выводила на лестницу, а более низкая, отделенная от нее лестничным столбом, перекрывала узкий коридор, проходивший под вторым маршем лестницы. Этот же архитектурный прием применен в помещении 12 объекта IX [18], которое, судя по монетным данным [19], может быть отнесено к тому же времени, что и наше позднее здание.

Такое оформление, будучи функционально оправданным, в то же время придавало помещению парадный облик. Отделка сводов и стен была чрезвычайно тщательной. На гладкой верхней штукатурке сохранились следы краски. Парадность оформления «вестибюля» объясняется тем, что из него по лестнице попадали в парадную часть жилища. Об этом мы можем судить по комплексу X, где на втором этаже частично сохранился квадратный зал с суфой вдоль стен и, по-видимому, с деревянными колоннами. В этот зал попадали через «вестибюль», который хорошо сохранился. Рядом с залом на втором этаже над помещением 16 находилась кухня с очагом. Здесь же в хумах, врытых в пол, хранились припасы. В завале помещения 16 найдено несколько котлов и кувшинов, происходящих из этой кухни.

Помещения нижнего этажа этого комплекса имели общий выход в «вестибюль», причем дверь была снабжена деревянным замком. Таким образом, жилище делилось на две части: более доступную парадную и внутреннюю, запиравшуюся специальным замком.

Некоторые помещения нижнего этажа служили, вероятно, кладовыми, поскольку они были лишены естественного освещения. Таким было расположенное под залом помещение 34, в котором большая часть площади была занята высокой суфой. Такие суфы могли служить полками для хозяйственных нужд, как это бывает в современных жилищах в верховьях Зеравшана [20].

Парадные залы раннего и позднего зданий (помещения 1 и 25) по своей планировке напоминают четырехколонные залы аристократических жилищ, характерных для среднеазиатской архитектуры VI—VIII вв. [21]

Парадная часть жилища в позднем здании находилась на втором этаже. Но наряду с единством принципов планировки в отдельных жилищах прослеживаются индивидуальные особенности. Так, в комплексе IV помещение с очагом и вкопанными хумами находилось в нижнем этаже, но рядом с лестницей.

Своеобразно были оформлены сводчатые помещения III комплекса, в его торцовых стенах устроены глубокие сводчатые ниши [22]. В одном из этих помещений в полу были вырыты две ямы-хранилища, закрытые крышками, которые покрывала обмазка пола. Одна из ям, наполненная просом, была так хорошо замаскирована, что сохранилась нетронутой до наших дней. Такая маскировка не удивительна, если учесть тревожную обстановку в Согде во время восстания Муканны, с которым связывается гибель города, и в частности данного здания.

Позднее здание XII объекта, так же как и отдельные комплексы III объекта и дом 3 в пригороде, погибло от пожара [23]. В помещениях с балочным перекрытием (1, 2), ясно прослеживаются следы пожарища.

[18] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, 124, стр. 56, 57.
[19] О. И. Смирнова. Ук. соч., № 882, 918, 919.
[20] М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1965, стр. 12.
[21] В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 42—47, 65—71, 73, 74.
[22] О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 100, рис. 7.
[23] Там же, стр. 119.

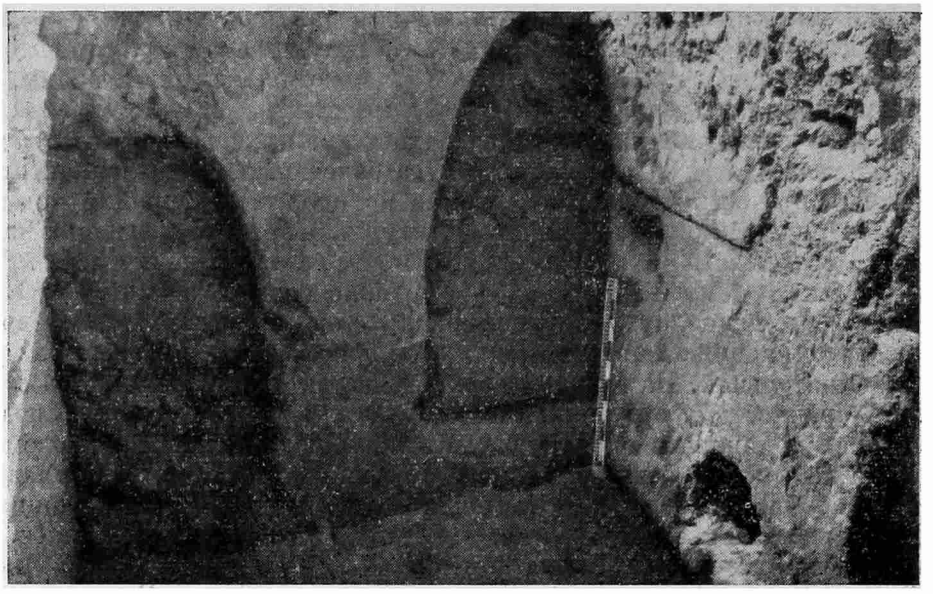


Рис. 6. Помещение 14 X комплекса

Справа — вход на лестницу, слева — проход в жилые помещения нижнего этажа. Справа в стене очаг; в верхней части той же стены видны остатки свода

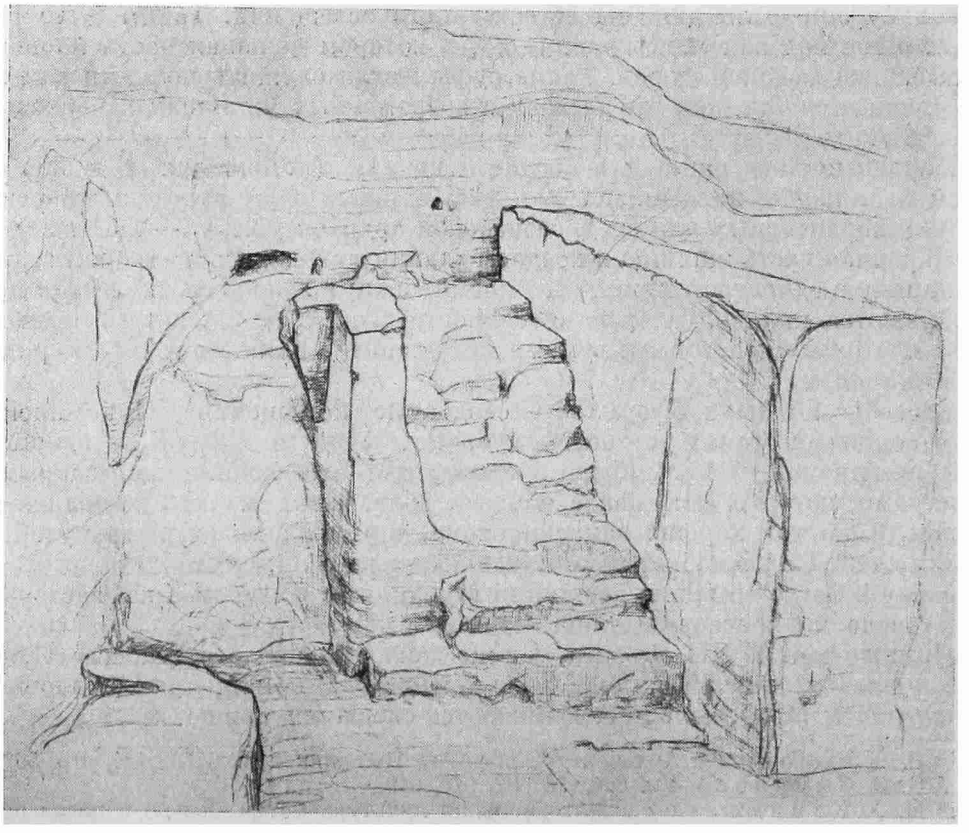


Рис. 7. Помещение 18 IV комплекса с лестницей (рисунок В. Л. Ворониной)

Коротко остановимся на находках. Для обоих зданий XII объекта характерна малочисленность и фрагментарность находок, за исключением керамики. Во всех жилищах позднего здания найдены пуговицы, изготовленные из стенок глиняных сосудов, глиняные и алебастровые пряслица, железные ножи и гвозди. Встречаются обломки бронзовых серег и браслетов, стеклянных сосудов, части поясного набора. Из орудий труда интересен железный скобель, найденный на полу в помещении 37. Необходимо отметить находку каких-то заготовок в виде железных прутьев с пола пом. 2. Представляют интерес грузики для ткацких станков из завалов комплексов II и X, а также заготовка каменной гири, обозначение веса на которой не дописано. Округлые камни с выемками на противоположных сторонах служили, видимо, для растирания орехов [24].

В раннем здании в отличие от позднего имеются железные наконечники стрел и обломки панцирных пластин, но отсутствуют части поясного набора.

При раскопках XII объекта получено значительное количество керамики, фиксация которой производилась по помещениям, а внутри помещений — по слоям: керамика с полов, из завалов конструкций, из зольников при очагах, из свалок. Правильность выделения и понимания слоев постоянно проверялась по археологическим разрезам. Такая фиксация позволила выделить сосуды, которыми пользовались жители к моменту гибели или запустения жилищ. Эти сосуды представлены на табл. 2, где они распределены по жилищам и по назначению. Эта группа керамики важна для реконструкции быта.

Намечается некоторое различие и сходство между ранними и поздними комплексами по составу керамики. В каждом жилище приблизительно одно и то же количество котлов, которые находились на первом и втором этажах (около очагов, в среднем по 3—4 котла на жилище). Сосуды для хранения (хумы, котел и кувшин больших размеров) найдены в трех поздних жилищах, в ранних их не было. Кроме того, в ранних комплексах (VII и VIII) больше столовой посуды, чем в поздних.

Для установления датировок керамики важен материал, происходящий из слоев, накопившихся на полу. Обычно эта керамика сильно фрагментирована.

Между керамикой ранних и поздних комплексов намечаются некоторые различия в формах. Для сравнения форм привлекалась керамика из здания второй половины VIII в., с одной стороны, и керамика с полов и припольных слоев раннего здания, с другой стороны. Кроме того, привлекалась керамика из завалов тех помещений раннего здания, в которых не было поздней свалки.

Между керамикой из раннего и позднего зданий имеются существенные различия и в количественном соотношении отдельных разновидностей (см. табл. 3).

В 40—70-е годы VIII в. лепной посуды употреблялось больше, чем в более раннее время. Это соответствует наблюдению О. Г. Большакова над изменениями керамики на III объекте Пенджикента [25].

В столовой посуде этого времени по сравнению с более ранним также происходят изменения: прежде всего резко уменьшается число чаш, что частично компенсируется увеличением числа лепных мисок. Не случайно многие лепные миски являются подражанием формам столовой посуды, которая в свою очередь связана с металлической посудой.

По формам наиболее существенные изменения претерпевают кружки. В 40—70-х годах VIII в. выходят из употребления кружки цилиндрической формы и появляются новые, ранее неизвестные цилиндро-конические, верхняя и нижняя часть которых примерно одинаковой высоты, они

[24] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. II. Сталинабад, 1958, стр. 92.
[25] О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 120.

Таблица 2

Распределение сосудов по комплексам

	Столовая посуда	Водоносные кувшины	Хумы	Котлы	Сосуды разного назначения	Всего
V		Кувшин лепной на матерчатом шаблоне (пом. 23, завал)			Светильник лепной (пом. 23, завал)	
Всего		1			1	2
VII	2 кружки, одна цилиндрическая, другая с округлым плечиком (пом. 29, пол) Миска с красн. пачкающим ангобом и цилиндрическая кружка с таким же ангобом (пом. 33, пол) Чаша с пачкающим ангобом (пом. 30, пол)			Котел лепной с двумя ручками (пом. 29, пол) Котел лепной большой круглодонный (пом. 33, завал) Котел лепной (пом. 29, завал)	Воронка (пом. 29, завал) Крышка котла (пом. 29, пол)	
Всего	5			3	2	10
VIII	2 чаши (пом. 27, завал) Чаша (пом. 25, завал) 6 чаш, 1 цилиндрическая кружка (пом. 25—26, завал)	Верх кувшина с ручкой (пом. 28, завал) Кувшин с ручкой (пом. 26, завал)		4 лепных котла, из них 2 крупных (пом. 26, завал)	Миска лепная (пом. 28, завал) Воронка, миска лепная, коническая (пом. 25—26, завал)	
Всего	9	2		4	3	18
VI				Небольшой лепной котел (пом. 32, около очага)		
Всего				1		1
III	Кружка со слюдой и штампованным орнаментом (пом. 22, завал)	Кувшин лепной (пом. 17, яма), использовался для хранения зерна		Котел большой (хранилище) (пом. 17, яма) Котел (пом. 22, пол) Котел (пом. 21, завал)	Столик (служил крышкой ямы в пом. 17)	
Всего	1	1		3	1	6

Таблица 2 (продолжение)

	Столовая посуда	Водоносные кувшины	Хумы	Котлы	Сосуды разного назначения	Всего
IV	Кружка цилиндро-коническая с полукруглой ручкой (пом. 13, завал)		3 хума в яме пом. 19	Котел лепной и котел круговой (около очага в пом. 19) Котел лепной (пом. 19, завал) Котел лепной (пом. 24, завал)	Тагора (пом. 19, завал) Лепная миска с вмятинами (пом. 18, завал) Миска лепная с волнистым бортом (пом. 24, завал)	
Всего	1		3	4	3	11
X	Чаша (пом. 16, завал)	Лепной кувшин 2 кувшина круговых (пом. 16, завал) Кувшин круговой (пом. 14, завал)	2 хума (пом. 16, II этаж)	4 котла, из них 1 маленький (пом. 16, завал) Котел лепной (пом. 34, завал)	Широкогорлый сосуд (пом. 16, завал) Цедилка, лепной горшочек, крышка лепная (пом. 16, завал) Миска лепная коническая (пом. 14, пол) Миска лепная с вмятинами (пом. 34, пол) Миска лепная коническая (пом. 34, завал)	
Всего	1	4	2	5	7	19
Итого	17	8	5	20	17	67

имеют высокопосаженную дуговидную, плоскую в сечении ручку, есть также кружки с округлым плечиком и высоким горлом. Материалы III объекта подтверждают наши наблюдения[26]. Сходные наблюдения сделал Г. В. Григорьев на материалах Тали-Барзу.

Изменения были и в других видах посуды. Сосуды из раннего здания имеют много общих черт с посудой Пенджикента VI—VII вв., в частности, в раннем здании больше сосудов с красным ангобом, чем в позднем здании. Связующим звеном между керамическими комплексами VI—VII вв. и верхним слоем Пенджикента является керамика с пола мастерской, которая относится к VI комплексу нижнего здания XII объекта, а непосредственно над полом мастерской лежит слой с обломками сосудов рубежа VII—VIII вв.

Подведем некоторые итоги.

1. Исследованные жилища делятся на две группы — более раннюю — VII — первой трети VIII в. и более позднюю — 740—770-х годов.

2. Исследование позднего здания дает новые материалы, позволяющие судить о характере и объеме восстановления Пенджикента после разгрома 720-х годов.

3. Между жилыми помещениями раннего и позднего зданий имеются значительные архитектурно-планировочные различия.

[26] Там же, рис. 8.

Таблица 3

Сравнение керамики раннего и позднего зданий

Помещения	Кружки	Чаши	Столовые кувшины	Лепные миски	Водоносные кувшины	Широкогорлые сосуды	Котлы круговые	Котлы лепные	Хумы	Прочие лепные	Прочие гончарные	Всего лепных	Всего
Раннее здание	15	48	14	4	22	24	17	15	37	4	3	23	203
Позднее зданиее	14	19	9, из них 1 лепной	14	16, из них 1 лепной	19, из них 1 лепной	18	24	35	8	7	49	183

Наблюдения над средней площадью жилищ исследуемого квартала позволяют заключить, что средняя площадь жилища является важным показателем социальной и хронологической характеристики жилища.

4. Получены данные для реконструкции набора посуды, которой пользовалась рядовая согдийская семья в конце VII — первой трети VIII в. и в 740—770-е годы.

5. Выявлены различия между находками, в том числе и керамикой из раннего и позднего зданий. Комплексы керамики VII—VIII вв. из Пенджикента получают датировки с точностью до полувека.

6. Общий характер жилищ, состав находок свидетельствуют о том, что эти жилища принадлежали рядовому городскому населению. О занятиях населения квартала судить трудно. Связи с сельским хозяйством не наблюдаются. Ремесленное производство засвидетельствовано в одном комплексе раннего здания и, возможно, в одном — позднего здания.

Мастерская раннего здания находится у внешней стены жилища. Многочисленные мастерские восточной части города также в большинстве случаев не связаны с жилищами, нередко аристократическими, к которым они примыкают [27]. Ясно, что эти ремесленники и торговцы жили не в аристократических кварталах, там они только работали и торговали. Скорее всего, они жили в кварталах, подобных исследованному нами.

V. I. Raspopova

QUARTIER DES HABITATIONS DES SIMPLES CITADINS DE PENDJIKENT DES VII — VIII SS.

Résumé

Dans la partie sud-ouest de l'oppidum d'ancien Pendjikent est fouillé un quartier des simples citadins des VII—VIII ss. Dans ce quartier 10 habitations et un atelier d'un bijoutier ont été explorés. Les données numismatiques et les observations stratigraphiques permettent de diviser les habitations du point de vue chronologique en deux groupes qui se rapportent au VIIe siècle — premier quart du VIIIe siècle et aux années 740—770. Un édifice est bâti en brique non cuite. Les constructions en voûte étaient largement employées.

La planification des habitations est d'un même type' toutes avaient un «vestibule» dans lequel on entrait de la rue. Habituellement dans le «vestibule» il y a un escalier ou un plan incliné le remplaçant un pandus qui menaient dans les logis du premier étage. Pour pénétrer dans les logis du rez-de-chaussée dont le nombre n'est pas grand, il fallait également passer par le «vestibule».

Dans les logis il y avait des salles d'apparat et les dépôts dans lesquels on a trouvé des fosses ou de grands vases pour le blé. La superficie moyenne des habitations à en juger d'après le rez-de-chaussée un pandus est d'ordre de 28 m² pour les plus anciennes et de 51 m² pour plus récentes.

[27] А. М. Беленицкий. Ук. соч.

С. К. КАБАНОВ

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТИГРАФИИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ АФАНАСЬЕВИЧА ШИШКИНА ПОСВЯЩАЮ

В северной части городища Афрасиаб — развалин древнего Самарканда — отчетливо выделяется в рельефе возвышенность, подпрямоугольная в плане, и прилегающая к ней с запада ложбина, общей площадью в 9 *га*; крутой склон между возвышенностью и ложбиной несколько сглажен в его северной части, где образуется относительно пологий выступ на запад, в сторону ложбины (рис. 1), вдоль северного края городища. На этом выступе А. И. Тереножкин в 1947 г. заложил раскоп, в котором была выявлена западная часть древнего здания. В 1959 г. руководитель Самаркандского отряда Узбекистанской археологической экспедиции В. А. Шишкин предложил автору настоящей статьи продолжить раскоп с целью полного вскрытия этого памятника. Позднее раскоп был значительно расширен, причем основной задачей работ стало уже стратиграфическое изучение наслоений городища на данном его участке. Площадь раскопа 6 была доведена до 900 *м*^{2} (не считая старого раскопа площадью около 300 *м*^{2}), который также был нами расчищен. Было установлено, что наибольшая мощность культурных наслоений в данном месте — 6 *м*.

Некоторые сведения о раскопе 6 по работам 1959—1962 гг. были нами опубликованы [1], причем в этой статье были упомянуты два древних сооружения, вскрытые в раскопе,— древняя крепостная (городская) стена и древнее здание; раскрытие в раскопе этих конструктивных элементов — чуть ли не первых памятников архитектурного облика, выявленных в древнейших наслоениях Афрасиаба,— создало благоприятные условия для стратиграфического изучения нижних наслоений городища, еще мало изученных.

Древняя крепостная стена является наиболее крупным из вскрытых в раскопе сооружений, прослежена она в пределах раскопа на протяжении 62 *м* [2]. Стена была возведена вдоль края очень крутого и высокого склона, местами переходящего в обрыв к потоку Сиаб. В своей планировке стена следовала изгибам древнего края склона (рис. 2).

Под стеной был обнаружен слой плотной глины с обломками толстостенных керамических изделий, залегающий непосредственно на материковом лёссе; толщина этого культурного слоя от 0,5 до 2 *м*, в зависимости от рельефа поверхности природного грунта. Из посуды наиболее характерной в этом слое находкой был почти целый коническо-цилиндрический сосуд (рис. 3, *1*), толстостенный, покрытый серым ангобом; подобные сосуды были найдены А. И. Тереножкиным в южной части городища и отнесены им к слою Афрасиаб I, датированному VI—IV вв. до н. э. [3] Известно, что сосуды этого вида были найдены в наслоениях многих других памят-

[1] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 79—87.

[2] Раскопки крепостной стены были продолжены в 1965—1966 гг. В работах на раскопе № 6 принимали участие Д. П. Вархотова (1959 г.), М. И. Филанович (1959—1961 гг.), В. Я. Суровенков (1962 г.) и М. С. Саадиев (1966 г.).

[3] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, II.

Рис. 1. Вид на раскоп 6 (в центре) с юга

ников Средней Азии [4], а также в Северном Афганистане [5]. Слой, обнаруженный под фундаментом стены, совершенно изолирован им сверху; другие керамические находки — этого же вида (рис. 3, *2—6*). Кроме того, был найден бронзовый двуперый наконечник стрелы (рис. 4, *1*), также относящийся к указанному времени [6]. Для удобства изложения назовем этот древнейший слой древнесогдийским.

Как показали раскопки, при подготовке к сооружению крепостной стены строители прежде всего подравняли вдоль края обрыва полосу нужной ширины, оставив нетронутой нижнюю часть древнейшего культурного слоя; в местах, где грунт оказывался недостаточно плотным, его заменяли кусками перемешанной глины. На подготовленную полосу накладывался фундамент, состоявший из смеси плотной темно-желтой глины и галечникового камня, слоем толщиною в 40—55 *см*. На ровной поверхности этого слоя и воздвигалась крепостная стена из квадратного сырцового кирпича. Кирпичная кладка в пределах раскопа на значительном отрезке не сохранилась, но трасса стены полностью прослежена по фундаменту, который лишь местами был пробит наиболее глубокими ямами.

По своей планировке и толщине стена делится на две части: восточную, с коридором внутри, и западную, сплошную, толщиною в 2,8 *м*. Часть стены с коридором, видимо, была особо ответственной частью оборонительного сооружения, общая толщина стены достигала здесь 5,8—6 *м*, при ширине коридора в 1,8—2 *м*. Соответственно очертаниям древнего обрыва коридор под тупым углом делился на два сектора — северный и западный.

В стене с коридором перекрытие не сохранилось, поэтому она предстала перед нами как двойная (рис. 5). Видимо, северный фас стены был более мощным, так как толщина даже внутренней ее части равна 2,2 *м*, тогда как в западном секторе коридора толщина его внешней стены равна 1,8 *м*. Во внешней части стены было два проема, из них один выводил к северу, второй — к западу, причем над последним сохранилось перекрытие очень своеобразной конструкции: глиняные удлиненные блоки длиной в 70 *см*, в сечении прямоугольные, были поставлены наклонно на отступы в стене, образуя верхними сомкнутыми углами довольно правильную стрельчатую арку; блоки внутри были скреплены пучками камыша.

Чем объяснить наличие проемов во внешней части стены? В северном секторе коридора проем, возможно, выводил в башню, от которой теперь остатков не сохранилось, за исключением продолжающейся до самого обрыва кладки фундамента. Что же касается западного проема, то он выводил на небольшую площадку, в древности ограниченную с севера и запада обрывом. Проем был открыт относительно недолго, он был заложен кирпичом таких же размеров, как и в кладке самой стены; в закладке проема найден трехперый наконечник стрелы (рис. 4, *3*).

[4] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 42—44.

[5] J.-C. Gardin. Ceramiques de Bactres. MDAFA, XV. Paris, 1957, V, *2a*; VI, *18*.

[6] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 280.

Внутренняя поверхность крепостной стены, обращенная в сторону города, была украшена пилястрами; следовательно, к стене не примыкали другие постройки, они были отделены от стены проходом.

Для исследования структуры стены в ее северной части был сделан разрез, с разбором кладки, поперечной полосой шириною в 1,5 *м* (рис. 6); для разреза было выбрано место, где коридор был сужен до размеров прохода шириною в 95 *см* ремонтной кладкой, приложенной к внутренней части стены. При расчистке поверхности стены сверху выяснилось, что в намеченном для разреза месте как основную, так и ремонтную кладки прорезает яма. Выше уже отмечалось, что стена была повреждена углублениями, были известны ямы X, VIII, IV—V вв., но эта оказалась наиболее древней, в ней были обнаружены материалы, которые нельзя было датировать временем более поздним, чем I в. до н. э., следовательно, стена была построена еще раньше. В разрезе выяснился характер кладок, как основной, так и ремонтной. Перевязка была только по вертикали. Ремонтная кладка уложена не непосредственно на фундамент, как основная стена, а на подкладку из глины, положенной на деревянный настил, которым был покрыт пол коридора; от этого настила сохранилась полоска бурого тлена толщиною в 2—3 *см*.

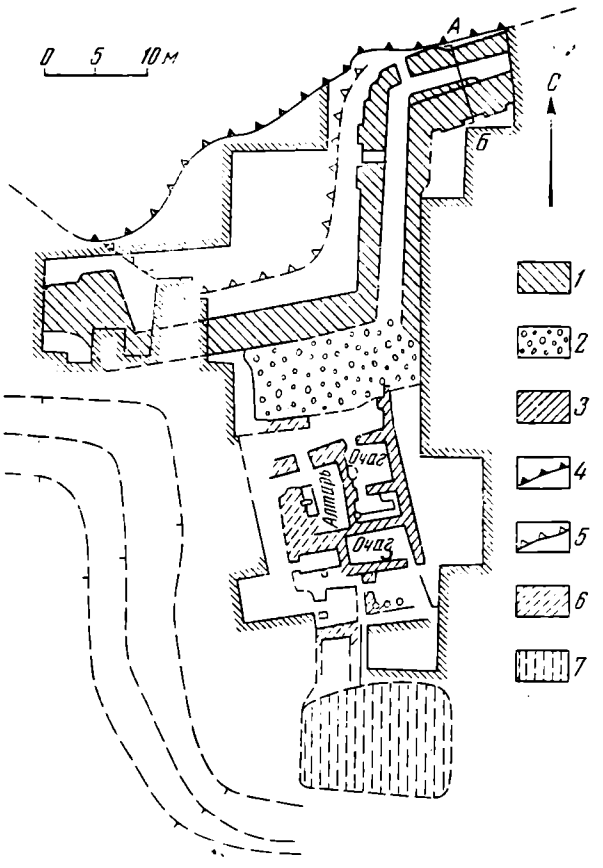


Рис. 2. Схематический план раскопа 6. Условные обозначения:

1 — древняя крепостная стена; *2* — фундамент древней крепостной стены с несохранившейся кирпичной кладкой; *3* — древнее здание; *4* — край современного склона; *5* — край древнего обрыва; *6* — часть древнего здания, вскрытая в 1947 г.; *7* — древние завалы, расчищенные в 1947 г. *А* — *Б* — место разреза древней стены (см. рис. 6)

Размер кирпича в основной кладке почти стандартный, с длинной стороны квадрата в 35—36 *см* и толщиной в 15—16 *см*, в ремонтной — длина стороны в пределах 32—35 *см* при толщине 15—17 *см*. Почти на всех кирпичах, на нижних их поверхностях имеются знаки-клейма.

Фундамент в месте разреза достигает максимальной толщины — 55 *см*; под фундаментом был обнаружен культурный слой мощностью до 1,4 *м* с древнесогдийской керамикой. Поверхность материкового лёсса слегка наклонна в сторону Сиаба.

Переходя к вопросу о датировке стены, напомним, что выше уже был отмечен важный признак, свидетельствующий о древности этого фортификационного сооружения — яма с древней керамикой, прорезающая ее внутреннюю часть. Кирпич по своей толщине тяготеет к памятникам Тохаристана II—I вв. до н. э.[7] Характерно также наличие знаков-клейм на кирпичах, разнообразных и сложных. Знаки эти уже широко известны в литературе[8], сами по себе они не могут быть хотя бы относительно точ-

[7] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 126, 127.

[8] А. В. Гудкова. Ток-Кала. Ташкент, 1964, стр. 33—36; Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 129, 130.

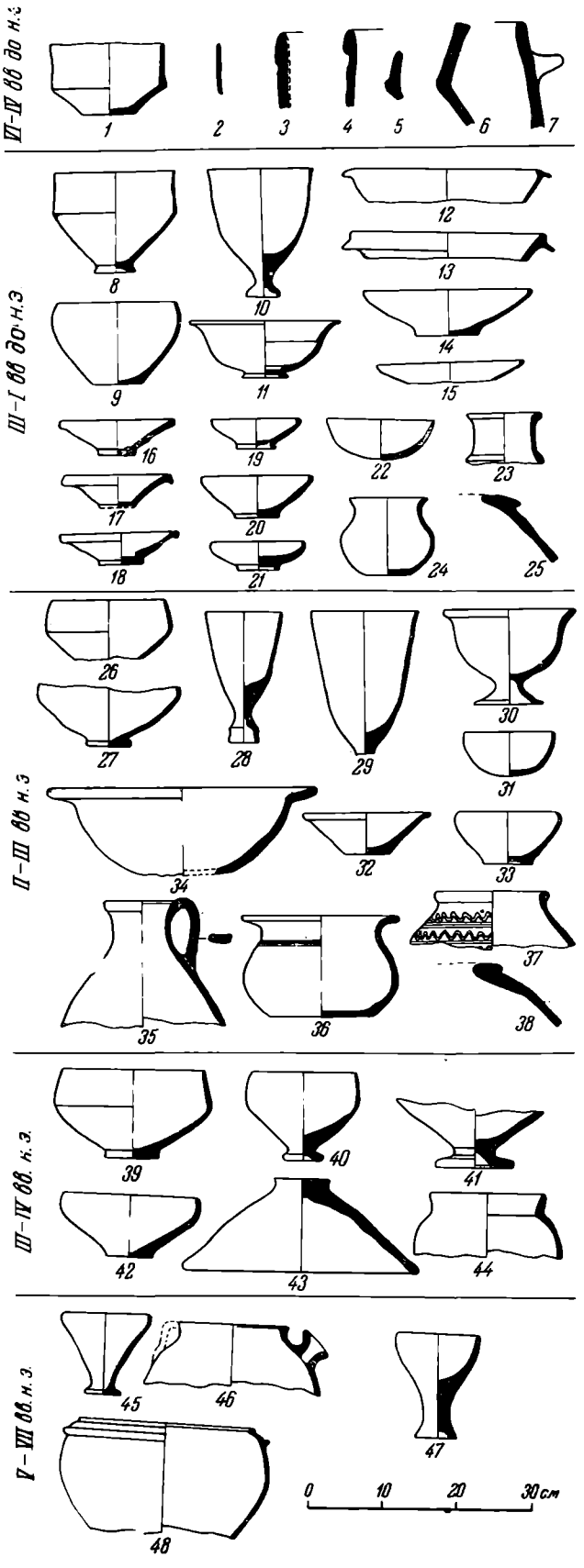


Рис. 3. Формы сосудов

ным датирующим признаком, поскольку бытовали в течение длительного периода, примерно с III в. до н. э. и до III в. н. э. Однако в сочетании с другим важным признаком — толщиною кирпича — они указывают на раннюю половину этого периода.

Для посуды из наслоений, прикрывавших стену, наиболее характерны кубки древнейших форм — приземистые, относительно устойчивые (рис. 3, *10*), датируемый III—II вв. до н. э.[9] В мелких фрагментах встретились чаши с коленчатым перегибом корпуса, также их древнейшего типа. Здесь же найден и сосуд банкообразной формы (рис. 3, *9*), датируемый IV—III вв. до н. э.[10] Отметим и находки тонкостенных сосудов в виде блюдечек или мисок с краями, резко отогнутыми наружу (рис. 3, *12*) или же загнутыми внутрь (рис. 3, *19*); подробнее на рассмотрении этих двух форм сосудов мы остановимся ниже. Наконец, здесь же найден и трехперый наконечник стрелы, датируемый V—IV вв. до н. э. (рис. 4, *2*)[11]. Тем не менее стену нельзя датировать этим же временем потому, что в самих кирпичах, из которых она сложена, и в связывающем их растворе найдены фрагменты сосудов, которые

[9] С. К. Кабанов. Ук. соч. стр. 85.

[10] А. И. Тереножкин. Ук. соч. рис. 69, III, *1*.

[11] В. М. Массон. Указ. соч., стр. 47, 48; С. П. Толстов датирует их несколько более ранним временем — VI—V вв., С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98.

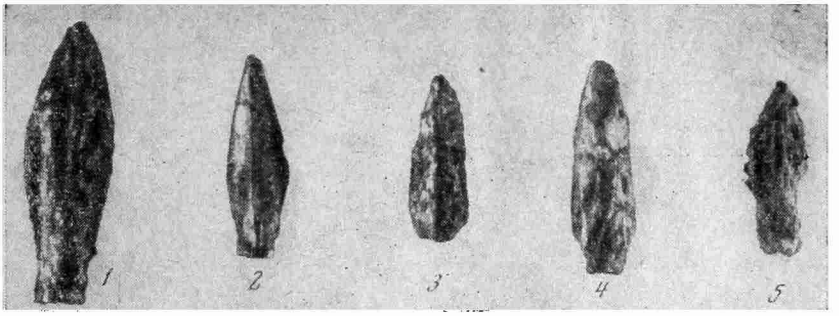


Рис. 4. Наконечники стрел

относятся к III—II вв. до н. э., следовательно, это показывает, что стена, вероятнее всего, построена в первой половине II в. до н. э. В то же время совершенно не исключается и вероятность ее постройки в конце III в. до н. э. Период, к которому относится это сооружение, можно назвать согдийско-эллинистическим. Южнее древней крепостной стены в нашем раскопе были раскрыты остатки другого крупного сооружения.

Западную часть этого древнего здания, как уже указывалось, еще в 1947 г. раскрыл А. И. Тереножкин. Старый раскоп к моменту возобновления работ сильно заплыл, тем не менее удалось расчистить пять помещений, из них три — до восстановления их плана. В одном из этих помещений, размером 5,6 × 3,4 *м*, у западной стены был раскрыт культовый очаг — алтарь огнепоклонников, уже известный в литературе [12]. Рядом с алтарем, сооруженном на возвышении, стоял хум — крупный сосуд для хранения воды или зерна. На полу помещения обнаружен слой золы толщиною в 10 *см*.

К востоку от помещения с алтарем нами были раскрыты два помещения, соединенные проемом. В одном из этих помещений — северном — западная стена имела три неглубокие ниши; перед средней из них пол был слегка приподнят и обожжен. Несомненно, здесь был очаг, хотя стенки его не сохранились. Золы не было совсем, обломков посуды — мало. В другом помещении, меньших размеров, расположенном южнее, вдоль стен были устроены возвышения из глины для сиденья (суфы), а у западной стены стоял хум. На полу была найдена редкая терракота — изображение богини-матери.

К югу от помещения с суфами было расчищено довольно большое помещение, вытянутое с востока на запад. В этом помещении выявлено три пола-уровня, на среднем из них обнаружен очаг с подковообразными стенками. В завалах над полами было много обломков сосудов. Это помещение с очагом было соединено проемом только с одним помещением, расположенном южнее; в этом последнем также было обнаружено три пола, на уровне верхнего из них было расчищено четыре хума, три из них были поставлены рядом. В отложениях было много фрагментов посуды и круглых подвесок из необожженной глины, видимо, от ткацкого станка.

Остатки здания были вскрыты полностью (рис. 7). Выяснилось, что оно было построено отдельно, к нему не примыкали другие строения. Восточная глухая стена здания в своей нижней сохранившейся части прилегала к более древним завалам. Главный фасад, видимо, возвышался над ложбиной, с западной стороны, однако, от него ничего не осталось. В сохранившейся части здания четко различаются две половины — южная, с признаками интенсивной хозяйственной деятельности, и северная, пред-

[12] Л. И. Ремпель. Изображение «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба. ДАН ТаджССР, Сталинабад, 1953, стр. 25—30; В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 39, 40.

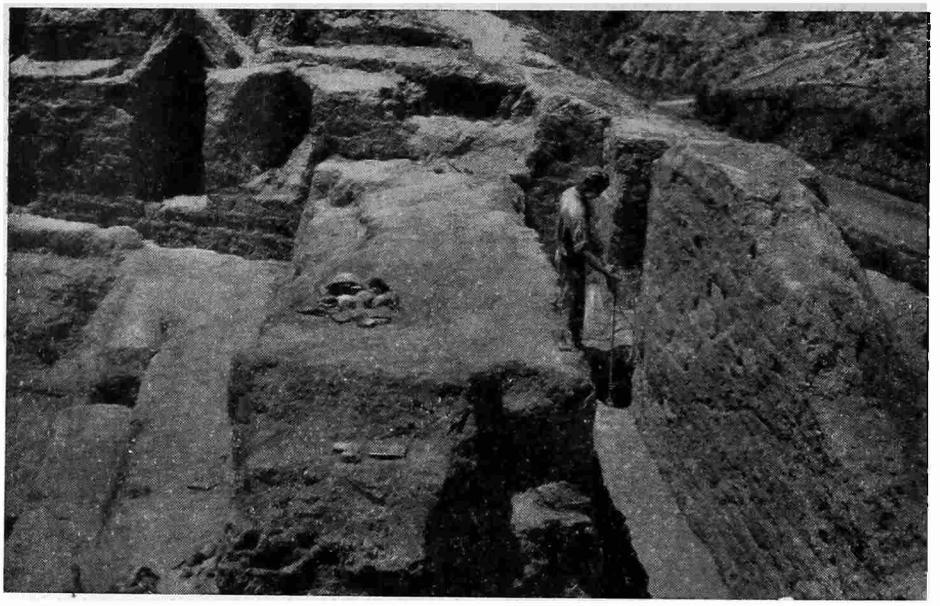


Рис. 5. Руины древней крепостной стены в ее северной части. Вид с востока

назначавшаяся для общественных надобностей. Три помещения, первое — с алтарем, второе — с очагом, и третье — с суфами, надо полагать, составляли «общественный комплекс», подобный по назначению раскрытым помещениям в зданиях Пенджикента [13], но, как мы увидим ниже, значительно более древний.

В кладке древнего здания в различных местах отмечен кирпич следующих размеров: 35—36,5 × 35—36,5 × 10—11 *см*; 38 × 38 × 10 *см*; 40 × × 40 × 9—10 *см*.

При сравнении размеров этого кирпича с кирпичом из древней крепостной стены замечается увеличение размеров кирпича в ребре и уменьшение его толщины, это — существенное наблюдение для ориентировочной датировки здания, в особенности характерен факт уменьшения толщины кирпича. Выше уже отмечено, что по толщине кирпич из древней крепостной стены находит себе аналоги в памятниках Тохаристана II—I вв. до н. э., но если этот же признак кирпича из древнего здания сопоставить с материалами исследований в Тохаристане, то выясняется, что по этому признаку его можно датировать I—III вв. н. э. [14]

Полы помещений в здании сохранились хорошо, они нигде не были пробиты более поздними ямами; следовательно, можно было рассчитывать, что под полами будет обнаружен совершенно изолированный культурный слой, характеризующий предшествующий период в истории города. В помещениях было заложено три шурфа до материкового лёсса, и сплошной полосой углублен раскоп вдоль восточных стен хозяйственных помещений. Выяснилось, что здание было построено без фундамента, на древних отвалах; только в одном месте, возле очага хозяйственного помещения были обнаружены признаки кладки из крупного кирпича, характерные для древней крепостной стены. Известный нам слой глины с галечниковым камнем, служивший фундаментом для крепостной стены, здесь, под зданием, не обнаружен; не было и древнесогдийского слоя.

Завалы, подстилавшие древнее здание, насыщены фрагментами керамики согдийско-эллинистического слоя, известного нам по раскопкам древ-

---

[13] В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, 4, стр. 85—87.

[14] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 126, 127.

ней крепостной стены. В комплексе керамических изделий также наиболее характерными были кубки и чаши с коленчатым перегибом корпуса с тем, однако, различием, что если над полом коридора стены лучше были представлены кубки, то здесь, под зданием,— чаши (рис. 3, *8*). Лучше здесь представлены и сосуды типа блюдечек или небольших мисок двух видов — с круто отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *16—18*) или с загибом края вверх и внутрь сосуда (рис. 3, *20—21*); высота таких сосудов обычно 4—5 *см*, диаметр—12—16 *см*. Сосуды с отогнутым венчиком отличаются прямыми стенками и наличием в донышке характерного выема, иногда окруженного валиком, а также еще и тем, что покрывались они плотным серым ангобом, в отличие от сосудов с загнутым венчиком, стены которых чаще покрывались красным ангобом. Встречаются сосуды и более развитых форм обоих этих видов, больших размеров (рис. 3, *12—15*); особенно хорошего качества красный ангоб, иногда с лощением, в крупных сосудах с загнутым внутрь венчиком.

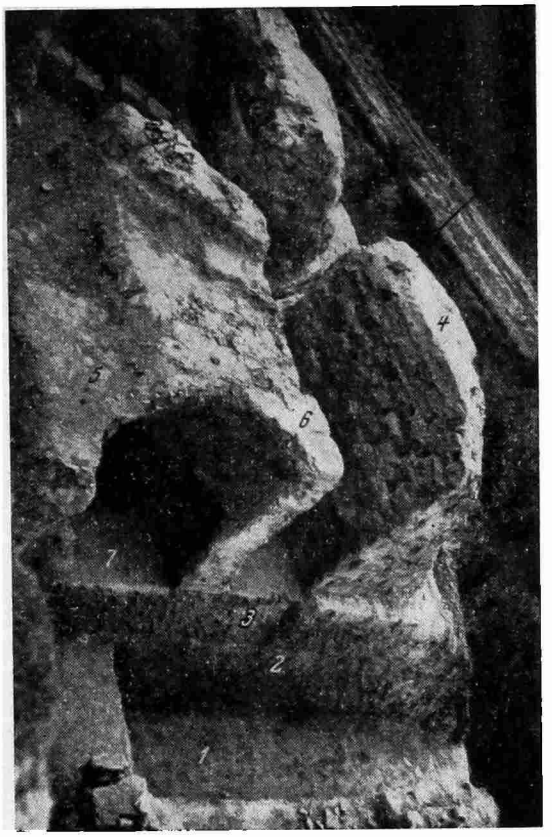


Рис. 6. Разрез стены:

1 — материковый лёсс; *2* — древнейший культурный слой (VI—V вв. до н. э.); *3* — фундамент древней крепостной стены; *4* — внешняя часть стены; *5* — внутренняя часть стены; *6* — ремонтная кладка; *7* — древняя яма. Вид сверху (с края раскопа)

Последние две керамические формы, на описании которых мы относительно подробно остановились, найдены и в других местах Афрасиаба [15] (так же, как и кубки и чаши с коленчатым перегибом корпуса), что говорит об их относительно большой распространенности у населения городища. Видимо (судя по схематическим чертежам), такие сосуды были найдены и А. И. Тереножкиным, отнесшим их к периоду Афрасиаб II [16], отдельные их находки были также в древнем Балхе [17].

Однако рассматриваемым сосудам есть аналогии и в более отдаленных местах. В посуде из города Мирмекия Боспорского царства в отложениях III—II вв. до н. э. отмечены сосуды также в виде небольшого блюда на кольцевом поддоне, с прямыми стенками, резко отогнутым наружу краем и с характерными углублениями в донышке; сосуды эти определяются как рыбные блюда [18]. Вместе с ними найдены и сосуды с загнутыми внутрь краями [19], также вполне аналогичные найденным на Афрасиабе.

Помимо этого, подобные же блюдца или миски найдены на восточном побережье Греции, на п-ове Корони. В раскопочном материале там отмечены сосуды на поддоне, правда, с чуть закругленными стенками, не прямыми, как в наших находках, с отогнутыми наружу краями и с углубле-

---

[15] В южной части городища — в раскопах Н. Б. Немцевой и в западной части — в раскопе Г. В. Шишкиной.

[16] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, III, *3—4*.

[17] J.-C. Gardin. Ук. соч., табл. IV, *18;* VII, *23а*.

[18] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, 1952, стр. 202, рис. 115, *1*.

[19] Там же, рис. 115, *2, 4, 6, 8*.

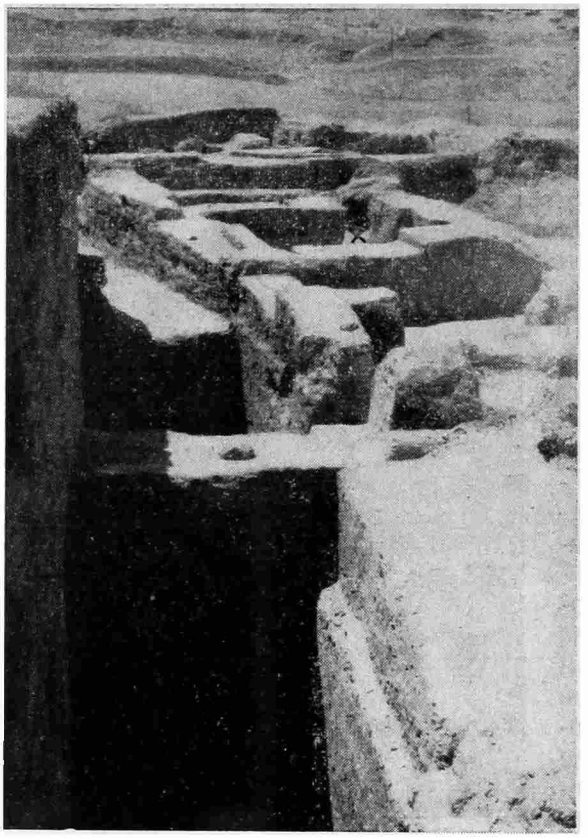


Рис. 7. Руины здания времени кушан (I—III вв.). Вид с северо-востока. Знаком X отмечено помещение с очагом

нием в донышке, даже обрамленном валиком, как на некоторых сосудах из наслоений Афрасиаба; эти сосуды также определены как рыбные блюда [20]. Там же найдены и сосуды с характерной изогнутостью корпуса вверх и внутрь [21]. Поселение (лагерь) на п-ове Корони датировано монетами первой половиной III в. до н. э. [22].

Недавно (1964 г.) разведочными раскопками французских археологов в Северном Афганистане, на городище Ай-Ханум — однослойном памятнике эллинистического времени — раскрыт целый бытовой комплекс, несомненно связанный с эллинистической культурой Передней Азии и Александрии. Среди обнаруженных там керамических изделий выявлены и рыбные блюда [23], похожие на сосуды этого вида из Афрасиаба.

Разумеется, распространение сосудов рассматриваемого вида на столь обширных территориях не может быть случайным, оно свидетельствует о том, что эллинистические традиции находили свое отражение в изделиях гончаров древней Мараканды.

В завалах под зданием обнаружен значительный комплекс керамики, здесь мы можем отметить еще некоторые формы сосудов: круглодонную красноангобированную чашу (рис. 3, *22*), кувшин с цилиндрическим горлышком и с характерным под ним валиком (рис. 3, *23*); миниатюрный горшочек (рис. 3, *24*). Тонкостенные сосуды обычно хорошего обжига, преобладает красный ангоб, иногда с полосчатым лощением. Под зданием были найдены еще два наконечника стрел (рис. 4, *4—5*).

Приведенные материалы, надо полагать, достаточны для датировки рассматриваемого комплекса: как фундамент крепостной стены изолировал сверху древнесогдийский слой, так и пол здания изолировал сверху нижележащие наслоения, отчетливо определяемые согдийско-эллинистическим временем — III—I вв. до н. э. При постройке здания древние завалы и, возможно, некоторые конструктивные остатки были подравнены, и на образовавшейся площадке, без фундамента, было построено здание. Устанавливается, таким образом, хронологический предел, ранее которого не могло быть выстроено здание, это — I в. Время постройки здания те-

---

[20] E. Vanderpool, J. R. McCredie, A. Steinberg. Koroni: A Ptolemaic Camp on the East Coast of Attica. «Hesperia», XXXI, 1, 1962, стр. 40, рис. 8, *18*.

[21] Там же, рис. 8, *12—13*.

[22] Там же, стр. 57.

[23] D. Schlumberger et P. Bernard. Aï Khanoum. BCH, LXXXIX, 1965, II, Athènes — Paris, стр. 607, 608, фиг. 6, *1—3*. Указанием на эту статью автор обязан А. М. Беленицкому.

перь возможно установить по керамическому комплексу, обнаруженному в завалах, заполнявших его помещения.

Прежде всего здесь обращают на себя внимание уже известные нам чаши с перегибом стенок корпуса и кубки, облик которых, однако, значительно изменился: чаши — приземистые, с плавным перегибом корпуса (рис. 3, *26—27*), кубки, наоборот, стали делать более вытянутыми в высоту, с трубчатой высокой ножкой (рис. 3, *28—29*). Выявлена новая форма сосудов, ранее не встречавшаяся,— приземистая ваза на невысокой полой ножке (рис. 3, *30*). У кувшинов чаще всего горлышко плавно переходит в тулово (рис. 3, *35*), но продолжали изготовляться сосуды этого вида и с цилиндрическим горлом. Характерны сосуды с прямыми стенками и с отверстиями в донышке (рис. 3, *32*); похоже сосуды найдены в развалинах поселений III—V вв. в долине р. Кашка-Дарья[24]. Встретилась чаша с загнутым венчиком (рис. 3, *33*), более вытянутая в высоту, чем сосуды этого вида из более древнего слоя, но совершенно исчезли рыбные блюда.

Рис. 8. Терракотовое изображение богини-матери

Произошло изменение в самой технике гончарного дела: сосуды стали более толстостенными, черепок — рыхлый, ангоб — красновато-коричневых оттенков, непрочный, хотя и встречаются сосуды с плотным ангобом, в особенности на внутренних поверхностях кубков. Крупные сосуды поверх серого ангоба украшались внаброс красновато-коричневым ангобом. При сравнении керамических комплексов, найденных под полом здания и в его помещениях, наблюдаются определенные признаки преемственности в формах сосудов, однако в облике и в качестве изделий произошли значительные изменения; это обстоятельство, так же как и отмеченное выше изменение в размерах кирпича, свидетельствует о том, что здание не сразу было построено после образования древних завалов, что прошел длительный промежуток времени, вероятно 100—150 лет, прежде чем на заброшенном участке было выстроено описанное здание. Таким образом, если разрушение древней крепостной стены в ее внутренней части могло произойти в I в. до н. э., то возведение нового здания южнее этой стены могло состояться не ранее конца I в. н. э., а найденный в его помещениях керамический комплекс возможно датировать II—III вв.

Выше было отмечено, что в одном из помещений здания, на полу комнаты с суфами, была найдена терракотовая фигурка богини-матери (рис. 8) из красной глины, покрытая беловатым ангобом, почти истертым на лицевой стороне. Высота терракоты — 10,4 *см*. Изображение нанесено штампом, образ передан схематично, к тому же черты лица и одеяние сильно истерты, надо полагать, при выполнении ритуала. Лицо уплощенное, глаза — в виде округлых бугорков расположены асимметрично, но дугообразные брови — правильных очертаний; между бровями — бугорок, видимо, изображающий украшение. Нос уплощенный, широкий, в виде треугольного выступа; овальный, слегка скошенный рот. Головной убор в виде высокой накладки, над лбом изогнут арочкой с бахромой. Шея непомерно массивная, украшена ниткой крупных бус. Плечи лишь немного шире головы.

---

[24] С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи. ИМКУ. С, 1965, стр. 79, рис. 4, *1—4*.

Руки согнуты в локтях и прижаты ладонями под грудью. Складки платья еле намечаются.

По определению В. А. Мешкерис, образ, выраженный в описанной терракоте, генетически восходит к переднеазиатской богине Иштарь или Нанае, но не исключается и возможность независимого возникновения образа богини-матери в среде земледельческих народов Средней Азии. В. А. Мешкерис датирует подобную терракоту VI—III вв. до н. э. [25]

Место нашей находки установлено точно, комплекс, к которому она относится, не может быть датирован временем более ранним, чем II—III вв. Видимо, образ богини-матери в среде древних земледельческих народов, в данном случае согдийцев, был очень устойчивым, что в религии собственно и не является исключением, это — канонизированный образ.

Итак, мы рассмотрели комплекс находок из здания II—III вв., относящегося к периоду, который обычно называют кушанским. К этому комплексу, по технике изготовления и формам сосудов, тяготеет большая группа сосудов, найденных вне здания примерно на его уровне или несколько выше, которые можно датировать III—IV вв. Из этой группы наиболее характерны чаши с коленчатым перегибом корпуса (рис. 3, *39—40*) и вазы более грубой работы и с ножкой большего диаметра (рис. 3, *41*) различной высоты, иногда с кольцевым валиком на ножке. Показательны трудности, с которыми столкнулись исследователи при датировке этих ваз. Г. В. Григорьев отнес их к слою Тали-Барзу I и датировал их первой половиной I тысячелетия до н. э. [26] А. И. Тереножкин показал завышенность датировки указанного слоя, а следовательно, и данной формы, датировав ее I в. до н. э. — I в. н. э. [27] В нашем раскопе, как уже указывалось, вазы найдены в развалинах древнего здания, и, следовательно, есть основание их датировать II—III вв., но они же в худших, по технике изготовления, экземплярах найдены и в более поздних наслоениях, которые можно датировать IV в. Известны находки этих ваз и в условиях, позволяющих исследователям допускать более позднюю их датировку — V—VI вв. [28]; опубликованные ими материалы, однако, показывают, что найдены они в сильно перемешанных наслоениях, которые в целом можно датировать II—VI вв.

В позднекушанских наслоениях нами найдены толстостенные крышки для хумов (рис. 3, *43*), которые А. И. Тереножкин датировал по крайней мере I в. [29], но нашими данными это не подтверждается (на этом расхождении мы остановимся ниже). Характерным признаком прослоек и линз позднекушанского времени в раскопе явилось отсутствие в них кубков.

Следующий пласт культурного слоя условно можно назвать позднесогдийским. По периодизации Г. В. Григорьева, ему соответствует Тали-Барзу IV, датируется он, по данным А. И. Тереножкина, V—VII вв. [30], что совпадает и с нашими данными. Для наслоений этого времени в особенности характерны кубковидные чаши (рис. 3, *45*), кринки со сливом под венчиком (рис. 3, *46*), котлы станковой работы (рис. 3, *48*), курильницы (рис. 3, *47*). Все эти формы сосудов уже широко известны в памятниках Согда [31], их наличия достаточно для датировки слоя.

Отметим одну редкую находку, которую возможно отнести к данному слою. В северной части раскопа, почти на краю обрыва, на глубине около

---

[25] В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, стр. 15—19.
[26] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Тр. ОВЭ, II, Л., 1940, стр. 87, 88.
[27] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, VI, *1*, *4*.
[28] Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине. Сб.: «Археологические работы в Таджикистане», VI. Сталинабад, 1961, стр. 130—133; М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе. Сб.: «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 21, 22.
[29] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, VI, *7*.
[30] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 161.
[31] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI вв. СА, 1963, 1, стр. 223.

Рис. 9. Фрагмент круглого терракотового медальона

1 *м* от поверхности найден обломок красноглиняного (без ангоба) медальона с частью изображения, нанесенного штампом (рис. 9). Сюжет изображения на обломке устанавливается благодаря тому, что ранее, также на городище Афрасиаб, были найдены два целых медальона этого вида [32]. На медальоне изображена владетельная женщина, восседающая на троне; находящаяся справа от нее одна из прислужниц подносит ей чашу, а вторая, левая — курильницу с благовониями; прислужницы изображены в нарочито уменьшенном виде.

На найденном нами фрагменте сохранилось изображение прислужницы, подносящей курительницу; кроме того, сохранилась левая согнутая в колене нога владетельницы с ниспадающими складками одежды и нижняя часть жезла (скипетра).

По вопросу о датировке и определению семантики этого памятника пока нет единого мнения. К. В. Тревер предполагает, что на медальоне изобра-

---

[32] К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II, М.— Л., 1958, стр. 141, рис. 17; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 58, 59.

жены богиня Ардохшо и относит его к кушанскому времени [33]. Л. И. Рempель находит на медальоне признаки искусства Согда VI—VIII вв. и полагает, что на медальоне изображена не богиня, а царица. Г. А. Пугаченкова принимает истолкование сюжета изображения, предложенное Л. И. Рempелем, но присоединяется к датировке К. В. Тревер, считая медальон древним на основе сопоставления с халчаянским медальоном, на котором изображена, однако, совсем другая сцена [34].

Стратиграфические условия нашей находки могли бы, с небольшой поправкой (в сто лет!), подтвердить датировку Л. И. Рempеля, если бы не сильная перемешанность грунта в верхних наслоениях раскопа, в которых встречаются и фрагменты очень ранних изделий. Однако все же датировка ее устанавливается в известных хронологических пределах (V—VII вв.) достаточно определенно, если рассматривать запечатленный на медальонах образ в развитии. По нашему мнению, если в основе изображения и лежит образ богини Ардохшо, то он пережил продолжительную эволюцию и трансформировался в образ светской владетельницы в апофеозе ее благополучия и величия, окутанный культовым флером.

Архитектурные остатки в наслоениях позднекушанского и позднесогдийского периодов незначительны, преимущественно это части глинобитных стен, но в этих наслоениях выявлены отдельные фрагменты кладок из сырцового прямоугольного кирпича размером: 55×30×9—10 см, 48×28×9—10 *см*, 40×26×11—12 *см*.

В V—VI вв. в Средней Азии прямоугольный кирпич в строительстве применялся повсеместно, кроме Южного Туркменистана и Хорезма [35]. В Согде отмечено применение прямоугольного кирпича крупного размера и раньше — в III—IV вв. [36]

Таким образом, в нашем раскопе выявлены три стадии в развитии строительного дела, характеризующиеся различным размером кирпича. Первая стадия представлена древней крепостной стеной, сложенной из квадратного кирпича, толщина которого была лишь немного меньше половины длины его ребра. Во второй стадии, представленной зданием кушанского времени, кирпич стали делать длиннее в ребре, но значительно тоньше. И, наконец, в остатках зданий IV—VI вв. обнаружен прямоугольный удлиненный кирпич.

Подобное же изменение размеров квадратного кирпича можно наблюдать и в укреплениях Балха: крепостные стены этого города, относимые исследователями к эллинистическому времени (Бактры I), построены из кирпича размером приблизительно в 33×33×13—14 *см*, с небольшими отклонениями, а при постройке стен Бактры II, возведенных, видимо, при кушанах, наиболее употребительным был кирпич размером 38—40×38—40×10—11 см [37]. Прямоугольного удлиненного кирпича в исследованных стенах Балха совсем не обнаружено, что может свидетельствовать об отсутствии в этом городе в IV—VI вв. сколько-нибудь крупного фортификационного строительства.

Выше уже было указано, что мощность культурных наслоений исследованного участка городища достигала 6 *м*. В нижней и средней частях этой толщи наслоений нами выделено четыре слоя, характеризующих четыре крупных периода в истории города: 1) древнесогдийский (VI—IV вв. до н. э.); 2) согдийско-эллинистический (III—I вв. до н. э.); 3) кушанский (I—III вв. н. э.) с позднекушанской прослойкой (III—IV вв.); 4) позднесогдийский (V—VII вв.).

---

[33] К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 139.

[34] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 235—238.

[35] В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, стр. 212.

[36] С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи, стр. 75.

[37] M. Le Berre, D. Schlumberger. Observation sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 92—101.

Не все эти слои сохранились по всей площади раскопа. Древнесогдийский слой, как выше уже было указано, обнаружен только под фундаментом древней крепостной стены, добавим теперь,— на уровне XVIII—XIV ярусов от условного репера (толщина яруса принята в 50 см.). Согдийско-эллинистический слой — единственный из всех слоев, обнаруженный по всей площади раскопа, в северной его части — на уровне древней крепостной стены, в XIV—X ярусах, в южной — под полом древнего (кушанского) здания, находящегося на уровне XIII—XII ярусов от репера. Позднекушанские и позднесогдийские наслоения возможно было проследить в северной и средней частях раскопа, начиная от уровня фундамента древней крепостной стены (XIV—XIII ярусы от репера), в разрушенных ее местах, и до IX яруса. Выше, до VI яруса (уровень современной поверхности в северной части раскопа) сохранились поздние наслоения, местами проникающие (в ямах, землянках) до уровня фундамента древней крепостной стены; выше уже было отмечено, что местами пробит и фундамент.

От более поздних периодов обживания данного участка городища конструктивных остатков сохранилось очень немного — лишь часть глинобитной крепостной стены конца VIII—IX вв., землянки и в одном месте водоотвод. При сооружении средневековой стены была использована часть древней крепостной стены, новая кладка ее прикрыла, чем и объясняется ее относительно хорошая сохранность в некоторых местах. В XI — начале XIII вв. на данном участке городища существовало кладбище, перекрывшее все древние наслоения.

Из изложенного видно, что исследование верхних наслоений в нашем раскопе могло дать лишь отрывочные материалы, характеризующие относительно поздние этапы развития города на территории городища Афрасиаб, в VIII — начале XIII вв. — до монгольского завоевания; эти материалы будут рассмотрены в другом месте [38]. Здесь уместно лишь отметить, что именно верхние наслоения наиболее изучены на Афрасиабе, прежде всего В. Л. Вяткиным [39]. Много нового выявлено уже и большой стационарной экспедицией [40], работающей и в настоящее время на этом, одном из крупнейших в Средней Азии городище.

Раскопки Г. В. Григорьева в 1936—1939 гг. на Тали-Барзу под Самаркандом оставили значительный след в истории археологического изучения Согда: это была первая попытка стратиграфического изучения согдийского сельского поселения, в результате которой была предложена и первая шкала периодизации археологических материалов [41]. Вскоре после первых сообщений о раскопках на Тали-Барзу А. И. Тереножкин высказал существенные замечания о датировках Г. В. Григорьева, указывая на их сильную завышенность [42]. В 1945—1948 гг. А. И. Тереножкин провел раскопки на городище Афрасиаб и, на основе изучения развалин крупнейшего согдийского города, предложил свою периодизацию материала, использовав при этом и результаты работ Г. В. Григорьева. С тех пор периодизация археологических материалов, предложенная А. И. Тереножкиным, широко использовалась археологами, работавшими над исследованием памятников не только Согда, но и всей Средней Азии.

Наш раскоп 6 по площади превосходил любой из раскопов А. И. Тереножкина на Афрасиабе, в нем вскрыты остатки значительных сооружений, прежде всего — древняя крепостная стена и древнее здание. Это дает нам основание в заключение сопоставить намеченную нами выше периодизацию древних наслоений с периодизацией, предложенной А. И. Тереножкиным.

[38] Отчет о работах на раскопе 6 «Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб», возможно, будет опубликован полностью.

[39] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1928.

[40] В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

[41] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Тр. ОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 87—102.

[42] А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, 1939, 1, стр. 189.

Вместе с тем надеемся, более четко выявятся и некоторые штрихи в истории города.

1. Для характеристики древнейшего периода, названного А. И. Тереножкиным сако-ахеменидским и датированного им VI—IV вв. до н. э. (Афрасиаб I), в нашем раскопе получено немного материалов, но и они имеют существенное значение для изучения стратиграфии данного участка городища. Древнейший период, по нашему мнению, лучше назвать древнесогдийским, это название более точно отражает содержание древнейшего слоя городища, выявленной в нем земледельческой культуры.

II. Гораздо больше получено материалов для характеристики следующего периода в истории города, названного нами согдийско-эллинистическими и датированного III—I вв. до н. э. По периодизации А. И. Тереножкина, этому периоду соответствуют археологические слои Афрасиаб II и Афрасиаб III, датированные им IV—II вв. до н. э.[43] Стратиграфически к этому периоду в нашем раскопе, как уже указывалось, относятся древняя крепостная стена, прикрывающие ее наслоения и завалы под древним (кушанским) зданием. Наблюдения над полученными в этих наслоениях материалами не дали нам оснований подразделить его на отдельные комплексы в аспекте хронологической классификации.

Здесь уместно вернуться к вопросу о генезисе одной из характерных керамических форм — кубка (рис. 3, *10*): было высказано предположение, что изготовление сосудов этого вида отчасти обусловлено эллинистической традицией[44]. Это предположение не подтвердилось дальнейшими исследованиями[45], в частности и на Афрасиабе, где в слое IV—III вв. до н. э., непосредственно перекрывающем слой Афрасиаб I[46], были обнаружены сосуды типа кубков: следовательно, надо полагать, эта керамическая форма — местного происхождения.

Фрагмент древней крепостной стены, открытый в нашем раскопе, — безусловно, важный новый факт в изучении городища, позволяющий установить, что город Мараканда после опустошений, произведенных Александром Македонским[47] примерно в первой половине II в. до н. э., вновь был отстроен и укреплен. Стена эта вряд ли окружала весь город, видимо, ею была укреплена только северо-западная его часть, западнее цитадели, где в рельефе намечается, как уже указано в начале статьи, возвышенность с прилегающей к ней с запада ложбиной, общей площадью в 9 *га*; эта особенность рельефа городища была отмечена А. И. Тереножкиным, «плато» с впадиной было определено им как первое укрепление[48]. Керамические материалы этого времени (III—I вв. до н. э.) найдены почти по всей площади городища, однако современные им крепостные стены в других местах пока с определенностью не установлены[49].

В облике культуры, поскольку она отразилась в нашем материале — керамической посуде, произошли значительные изменения: вместо грубых тяжеловесных сосудов, покрытых серым ангобом, характерных для древнесогдийского слоя, обнаружена целая серия тонкостенных изделий

---

[43] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, III, IV.

[44] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 86.

[45] М. Г. Воробьева. Керамика, Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. Тр. ХАЭЭ, V, М., 1967, стр. 121, 122.

[46] С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб. ОНУ, 1968, 3, стр. 54.

[47] Страбон. География, XI, XI, 4. Л., 1964, стр. 488.

[48] А. И. Тереножкин. Согд и Шаш. Канд. дис. Л., 1948, стр. 18, 19. Площадь «первого укрепления» А. И. Тереножкин преуменьшил, определив ее в 7 *га*.

[49] М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб. СА, 1967, 1, стр. 71. М. К. Пачос ставит под сомнение идентификацию Мараканда — Самарканд; этот вопрос выходит за рамки темы данной статьи, укажем лишь, что в печати находится сборник статей сотрудников экспедиции, в котором много места уделено рассмотрению древнейших материалов из наслоений городища, по нашему мнению, рассеивающих сомнения М. К. Пачоса.

(в фрагментах), изготовленных в хорошей гончарной технике, часто покрытых плотным красным ангобом, иногда с лощением. В этом изменении отразился факт поступательного развития ремесла, а следовательно, и самого города.

III. Следующий период — кушанский — в наших материалах представлен древним зданием и прикрывающими его наслоениями, датируемыми в целом II—III вв.; возможно, что здание построено в конце I в. К этому же периоду тяготеют более поздние наслоения, обнаруженные севернее развалин здания, датируемые III—IV вв. и определенные как позднекушанские. В облике керамических материалов отмечается общее понижение качества изделий, относительная рыхлость черепка, слабый ангоб красновато-бурых оттенков, хотя встречаются и изделия хорошего качества, с плотным ангобом. В составе керамических материалов появились изменения, в общем же преемственность выражена четко.

Таким образом, намечается период в истории города общей продолжительностью с конца I в. по начало V в., которому, по периодизации А. И. Тереножкина, соответствуют слои Тали-Барзу I — Тали-Барзу III.

Нужно прежде всего отметить, что датировка слоя Афрасиаб IV А. И. Тереножкиным заглублена, он относит ее к II—I вв. до н. э. [50], произошло же это благодаря тому, что кубки, принятые им за «руководящую» керамическую форму, найденные в его раскопе, в то время, в конце 1940-х годов, датировались именно этим временем по известной находке в некрополе на Туп-Хона, где был найден кубок с монетой, являющейся варварским подражанием оболу Евкратида [51]. Теперь уже известно, что сосуды этого типа — кубки — употреблялись в течение длительного времени, на Афрасиабе они известны примерно с III в. до н. э. и до III в. н. э. [52] Наиболее же показательная находка А. И. Тереножкина этого вида — высокий кубок хорошей сохранности, исходя из типологических наблюдений, может быть датирован I—II вв. н. э., но не II—I вв. до н. э. Об этом могут свидетельствовать и стратиграфические условия находки: этот кубок найден в верхнем слое шурфа [53], заложенного А. И. Тереножкиным, видимо, как раз в том месте, где он позднее, в 1947 г., обнаружил кушанское здание, датировка которого, как оказалось, была им заглублена.

Соответственно была заглублена и датировка наслоений Тали-Барзу I, относимая А. И. Тереножкиным к рубежу нашей эры [54], по своему составу культурный слой этой стадии соответствует позднекушанской прослойке нашего раскопа и может быть датирован III—IV вв.

Приведенная передатировка имеет важное значение для истории города. Если наслоения Афрасиаб IV и Тали-Барзу I датировать II в. до н. э.—I в. н. э., то на Афрасиабе не оказывается наслоений, которые соответствовали бы II—IV вв. н. э., и, следовательно, в истории города как бы обнаруживается длительный перерыв [55]. Известно, что этот вывод был немедленно подвергнут критике [56]. Однако необходимо уточнение, в работах А. И. Тереножкина речь идет именно об упадке, а не о перерыве в жизни города. Несколько выходя за рамки темы данной статьи, нужно отметить, что материалы новейших исследований на Афрасиабе действительно свидетельствуют об упадке городской жизни в первые века нашей эры по сравнению с первыми веками до нашей эры: это выражается не только в ухуд-

---

[50] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, V.

[51] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, стр. 157.

[52] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, стр. 85, 86.

[53] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, 4, стр. 129.

[54] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, VI.

[55] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, стр. 131; его же, Согд и Чач, стр. 160.

[56] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, 4, стр. 156—160.

шении качества керамики кушанского времени, но также еще и в том факте, что пока при раскопках в разных частях городища чаще обнаруживаются места с согдийско-эллинистической керамикой, чем с кушанской.

Однако датировав слой Тали-Барзу I и соответствующий ему период в жизни древнего поселения рубежом нашей эры, А. И. Тереножкин вынужден был датировку следующих слоев — ТБII и ТБIII растянуть, без дальнейших уточнений, на четыре столетия — с I по IV вв., поскольку начало следующего затем периода — ТБIV — возможно было датировать не ранее чем V в. Вопрос о передатировке наслоений ТБI — ТБIII был рассмотрен в недавно опубликованной статье Б. Я. Ставиского [57].

IV. Позднесогдийский период, датированный V—VII вв., представлен в нашем раскопе лишь частями стен жилых зданий из пахсы и сырцового кирпича, а также относительно небольшим комплексом керамики, в облике которой можно отметить определенное повышение качества. О подъеме гончарного производства может свидетельствовать и факт изготовления котлов на станке. Налицо определенные признаки поступательного развития ремесла, а следовательно, и развития города.

В VII—VIII вв. в Согде в условиях укрепления феодальных отношений и перехода тюркских племен к оседлости происходят сложные преобразования в общественной жизни; эти процессы нашли свое отражение и в керамическом производстве, продукция которого стала резко отличаться от более древних керамических изделий как по приемам изготовления, так и по формам сосудов [58]. Однако для изучения стратиграфии городища в этот и более поздние периоды в нашем раскопе слишком неблагоприятна обстановка из-за сильной перемешанности верхних наслоений.

S. K. Kabanov

A L'ETUDE DE LA STRATIGRAPHIE DE L'OPPIDUM MEDIEVAL AFRASIAB

Résumé

En 1959—1962 et en 1965—1966 dans la partie norde de l'oppidum Afrasiab (ruines de l'antique Samarkand) les travaux archéologiques ont été effectués. Dans la fouille dont la superficie a atteint 1200 m² les ruines d'un mur d'une forteresse antique (II—I ss avant notre ère) et d'un édifice datant des I—III ss de notre ère étaient découvertes. L'épaisseur de la couche d'habitation sur le terrain exploré de l'oppidum atteint 6 mètres; elle se date au total à partir de la moitié du premier millénaire avant notre ère jusqu'à l'envahissement mongol (début du XIII s. de notre ère).

Des couches antiques servant d'objet audit article on a dégagé quatre correspondantes aux quatre grandes périodes de l'histoire de la ville.

Ce sont les couches suivantes: 1. Ancienne couche sogdienne (VI—IV ss avant notre ère). 2. Couche sogdo — hellénique (III—I ss avant notre ère). 3. Couche kouchéenne (I—III ss de notre ère) contenant une couche intermédiaire de la période kouchéenne tardive. 4. Couche sogdienne tardive (V—VII ss de notre ère).

Les dimensions assez considérables de la fouille et les restes importants de construction ont permis de compléter largement les renseignements sur la stratigraphie du Sogde et préciser la datation de certaines de ses couches.

[57] Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, 2, стр. 22—28. Статья Б. Я. Ставиского была опубликована после завершения работы над данной статьей. При сопоставлении датировок Б. Я. Ставиского с материалами нашего раскопа 6 на Афрасиабе трудность заключается в том, что в них не устанавливаются все наслоения, выявленные на Тали-Барзу, а некоторые формы сосудов, как, например, кувшинчики с ленточным орнаментом, имеющие важное значение для периодизации наслоений этого памятника, у нас вовсе отсутствуют. Сопоставление материалов, однако, возможно, достаточно предлагаемую нами таблицу (рис. 3) сопоставить с таблицей А. И. Тереножкина, чтобы установить: выделенная нами позднекушанская прослойка (III—IV вв.) с ее комплексом соответствует ТБI и ТБII, а позднесогдийский слой — ТБIII и ТБIV.

[58] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, 1946, стр. 94—103; Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 177—200.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ СОФИИ НОВГОРОДСКОЙ

Из двух древнейших славянских азбук — кириллицы и глаголицы — вторая наибольшее распространение получила у юго-западных славян. Однако в некоторых древнерусских рукописях, написанных кириллицей, в текстах и приписках встречаются отдельные буквы и целые слова, написанные глаголицей [1]. Эти рукописи датируются разным временем (от XI до XVI в.) и свидетельствуют о том, что не только кириллица но и глаголическая азбука была известна в древней Руси. Особенно интересным в этой связи было открытие двух глаголических надписей на стенах Софийского собора в Новгороде. В конце прошлого столетия при реставрации этого собора В. В. Сусловым были обнаружены надписи, прочерченные острым предметом по древнейшей обмазке на стенах собора, под уровнем современного пола. С надписей были сделаны отпечатки на мастике, снимки с которых опубликованы В. Н. Щепкиным. Среди этих надписей были прочитаны две, выполненные и глаголическими и кирилловскими буквами [2]. По типу начертаний глаголические надписи были отнесены В. Н. Щепкиным к древнейшим (XI—XII вв.).

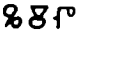
В последние годы при изучении граффити киевского Софийского собора С. А. Высотским обнаружено несколько глаголических букв и фрагмент глаголической надписи [3]. Тем не менее древнерусских памятников глаголического письма все еще известно недостаточно и остается много неясного в вопросе о применении глаголической азбуки на Руси. Тем больший интерес представляет выявление новых, ранее неизвестных глаголических надписей.

В послевоенные годы в новгородском Софийском соборе производились раскопки в южной, Мартирьевской паперти А. Л. Монгайтом (1945 г.) и М. К. Каргером (1955 г.) [4]. Кроме того, в 1962—1964 гг. в связи с проведением отопления был заложен ряд археологических раскопов. В результате этих работ оказались вновь открытыми нижние части некоторых столбов и стен, находившиеся до настоящего времени под уровнем современного пола. На них сохранились многочисленные древнерусские надписи — граффити, прочерченные по древней, так называемой цемяноч-

---

[1] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

[2] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti. «Древности», XIX, 3, М., 1902, табл. I, *4*; II, *8*.

[3] С. А. Высотский. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966, стр. 37, табл. IX, *3*; стр. 41, табл. IX, *2*; стр. 52, табл. XVII, XVIII, стр. 126—127; фрагмент надписи состоит из трех букв,  что означает ГНП..., т. е. начало канонической формулы ГН ПОМОЗН.

[4] А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. КСИИМК, XXIV, 1949; М. К. Каргер. Новгород Великий. М.— Л., 1961, стр. 114—116.

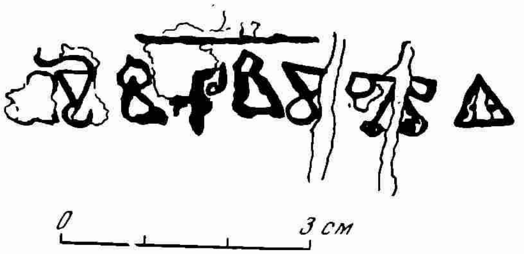


Рис. 1.

1 — надпись № 1 (фото); *2* — надпись № 1 (прорись)

ной обмазке. Среди кирилловских надписей имеются и несколько глаголических (в основном в раскопе у юго-восточного алтарного столба).

Надпись № 1 (рис. 1, *1,2*) находится на южной стороне юго-восточного алтарного столба на 60 *см* ниже уровня современного пола [5]. Текст надписи [6] (ⰳ҃)ⰻⱄ҃ⱂⱄⰻⰿⱑ

Надпись несколько повреждена выбоинами в штукатурке, но вполне поддается прочтению. Текст в кирилловской транскрипции с разделением на слова: г҃н сп҃сн мꙗ, т. е. это обычная молитвенная формула «Господи, спаси мя». Последний знак, ⱑ, употреблялся в глаголице как для обозначения ѣ, так и для обозначения ꙗ, в данном случае он передает ꙗ. Употребление ꙗ в слове мꙗ вместо старославянского ѧ указывает, несомненно, на русского автора надписи, так как для русского, не различавшего в своем произношении носовые и соответствующие неносовые звуки, знаки ꙗ и ѧ были равнозначны [7].

По характеру начертаний букв надпись можно отнести к древнейшим «полукруглым» почеркам болгарской глаголицы. Наиболее близкие аналогии имеются в Пражских отрывках X—XI вв. и Клоцовом сборнике (X + в.)[8].

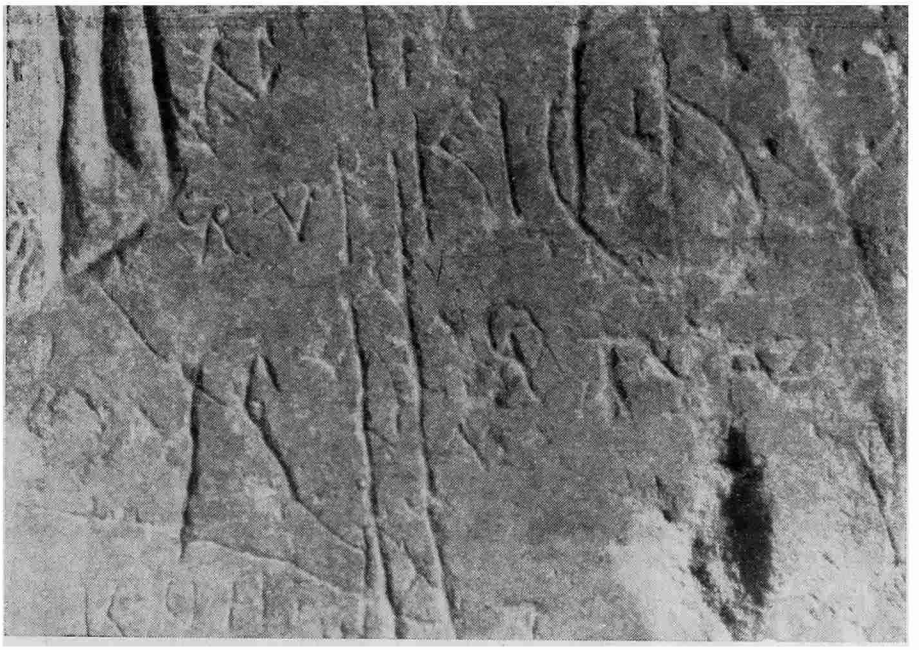
---

[5] Так как разными исследователями глубина пола XI в. определяется по-разному, и к тому же в разных частях собора уровень древнейшего пола, возможно, был неодинаков, отсчет глубины расположения надписей ведется от уровня современного пола.

[6] При транскрибировании в круглых скобках даются поврежденные буквы, в квадратных — дополненные по смыслу.

[7] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 19. 22—23.

[8] И. В. Ягич. Глаголическое письмо. ЭСФ, 3, СПб., 1911, табл. I и II.



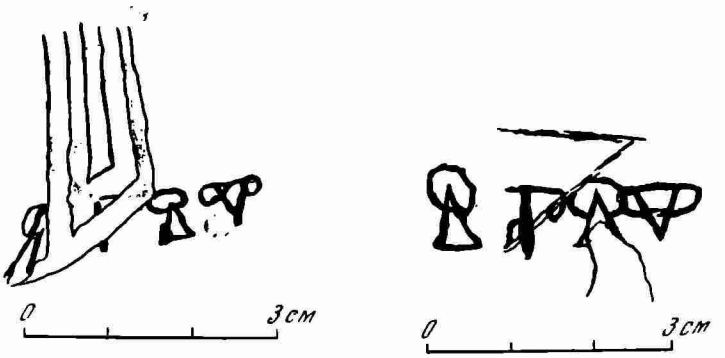


Рис. 2.

1 — надписи № 2 и 3 (фото); *2* — надпись № 2 (прорись); *3* — надпись № 3 (прорись)

Надпись № 2 (рис. 2, *1,2*) состоит из двух букв ѕѷ (сі), прочерченных на глубине около 50 *см* ниже уровня современного пола. Это, очевидно, остатки от слов спсн. Начало слова уничтожено глубоко врезанным изображением креста (можно различить, однако, остатки буквы ѕ). Аналогии начертаниям этих букв имеются в Клоцовом сборнике (XI в.) и Киевских отрывках (X в.) [9]. Следует отметить употребление ѷ (і) для обозначения Н. Эта буква считается принадлежностью древнейших паннонско-македонских памятников, в хорватском угловатом уставе (XII—XIII вв.) она уже почти не употребляется [10].

Надпись № 3 (рис 2, *1,3*) расположена несколько ниже надписи № 2 и представляет собой то же слово «спаси», написанное под титлом:

ѕгѕѷ спсн

[9] И. В. Ягич. Ук. соч., табл. I, *1а — 1в*; II, *3а — 3в*.
[10] Там же, стр. 190.

Рис. 3

1 — надписи № 4 и 5 (фото); *2* — надписи № 4 и 5 (прорись)

В этой надписи также употреблена буква ⰲ, как и в предыдущей. Аналогичные начертания букв встречаются в древнейших дошедших до нас памятниках — Клоцовом сборнике (XI в.), Зографском евангелии (X—XI вв.).

Все три надписи (№ 1—3) одинаковы по содержанию, но выполнены, очевидно, разными лицами, так как отличаются и по графике, и по почерку.

Надпись № 4 (рис. 3, *1*,*2*) состоит из двух строк. Расположена там же, где и предыдущие надписи, на южной стороне восточного алтарного столба на глубине около 65 *см* ниже уровня современного пола. Надпись сильно повреждена выбоинами на штукатурке. Различаются следующие буквы;

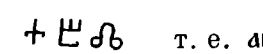
.. (ⰸ)ⰾⰾ(ⰲ)

... ⰱ(ⰹ)ⰻ

В кирилловской транскрипции .... (н)д(і)
.. б(о)...

Последний знак — или ⰻ (Х), или недописанное ⰱ (Б). Надпись, очевидно, не окончена, данных для ее толкования недостаточно.

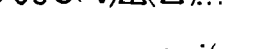
Под записью № 4 находится надпись № 5 (рис. 3, *1—2*):

 т. е. аѣд

По-видимому, надпись № 5 представляет собой начало глаголического алфавита, в котором (д) вместо (в) написано по ошибке в результате сходства обеих букв. имеет форму креста, клинообразные кончики очертаний отсутствуют. Древнейшим типом этой буквы считается такой, у которого «поперечная линия помещалась довольно высоко по отношению к пункту, в котором она пересекала отвесную черту, клинообразные же кончики перекладины были сначала столь слабо развиты, что общий вид буквы напоминал обыкновенный крест» [11]. Следовательно, крестообразное начертание этой буквы в надписи № 5, возможно, является архаичным признаком, но не исключено, что отсутствие клинообразных кончиков у поперечной черты вызвано небрежностью почерка.

Следует отметить, что глаголица на Руси мало изменялась по начертаниям и более поздние тексты часто напоминают древнейшие, хотя и отличаются от последних общей невыдержанностью стиля и многочисленными искажениями подлинных начертаний букв [12]. Дополнительным доказательством древности перечисленных выше надписей является их местоположение. Все они прочерчены по древней цемяночной штукатурке, которая предшествовала росписи собора 1108 г. [13]. Таким образом эти надписи датируются временем от окончания строительства собора (1050 г.) до 1108 г., т. е. второй половиной XI — рубежом XI—XII в.

Надпись № 6 (рис. 4, *1,2*) находится на западной стене Мартирьевской паперти на уровне современного пола. Две строки надписи прочерчены по цемяночной штукатурке, часть которой обрушилась, поэтому конец надписи отсутствует. Кроме того, она повреждена изображением креста, трещинами и выбоинами в штукатурке. Текст сохранившейся части



В кирилловской транскрипции: помі(лоу)[і м]л...
вєлн(ц)ѣ(і)...

Пятая |л| и шестая буквы |оу| в первой строке хорошо восстанавливаются по сохранившимся частям восстановлены по смыслу. Если эти буквы реконструированы верно, то должно означать не ке, а л аналогично некоторым древнейшим глаголическим памятникам, в которых употребляется только [14]. Пятая буква во второй строке, судя по сохранившейся части, может быть только , таким образом, все слово чита-

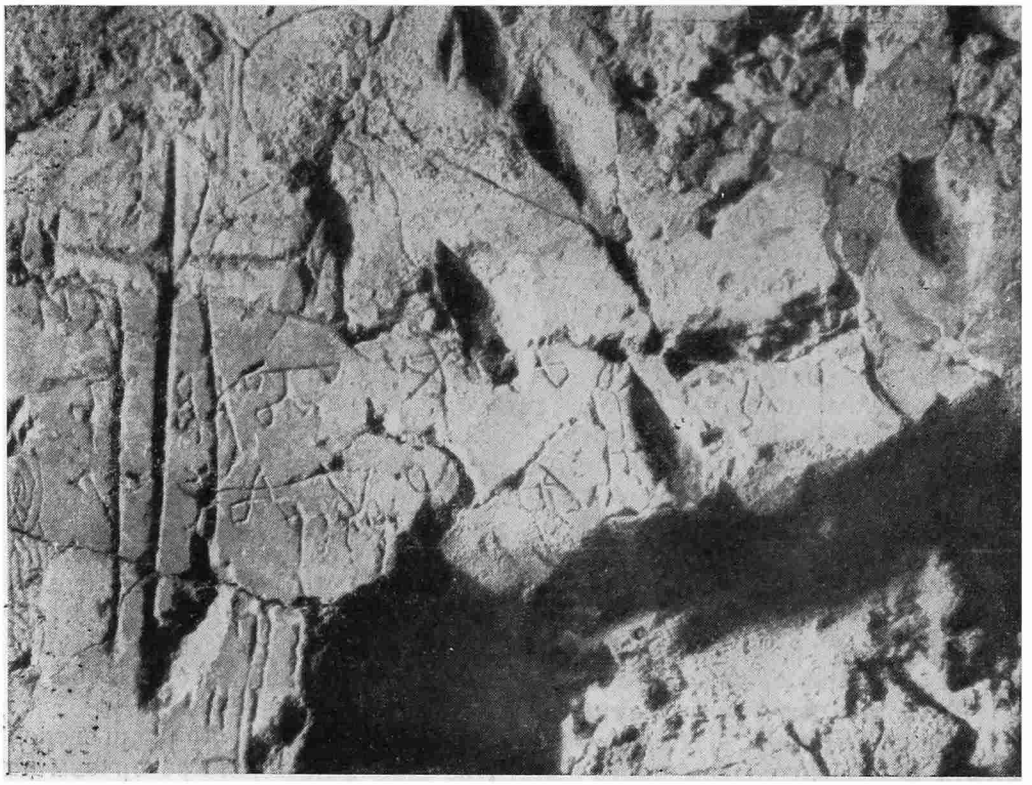
---

[11] И. В. Ягич. Ук. соч., стр. 181—182.

[12] М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. ЭСФ, 4/3, Л., 1929, стр. 64—65; В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи..., стр. 41.

[13] Как показывают новейшие исследования, роспись 1108 г. покрывала собой все стены и столбы внутреннего помещения храма. Эти сведения любезно сообщены В. Г. Брюсовой, которая готовит в настоящее время к печати работу по истории росписи Софийского собора.

[14] И. В. Ягич. Ук. соч., ст. 212—213.



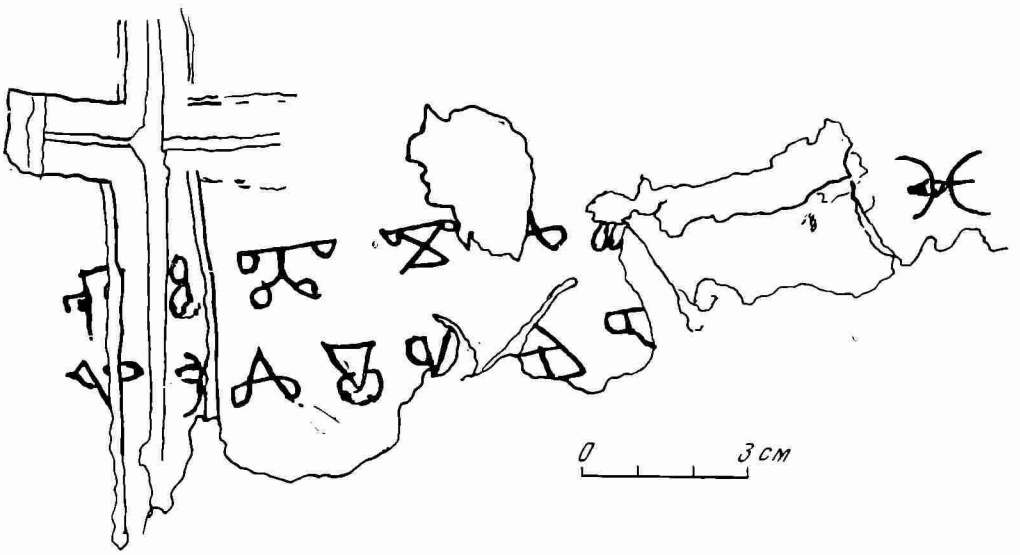


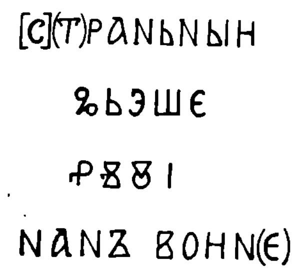
Рис. 4.

1 — надпись № 6 (фото); *2* — надпись № 6 (прорись)

ется **велицѣі**, что означает, очевидно, «великую»—страстную неделю. Содержание надписи—обычная молитвенная формула с указанием времени, когда писалась эта надпись (вероятно, . . . **на велицѣі недѣли**). Архаичн° Э с двумя поперечными чертами [15]. Буквы 8, Ⱅ, Ⱅ, Ⰴ, Э, сходного начертания встречаются в памятниках X—XI вв.—Зографском евангелии (X—XI вв), Клоцовом сборнике (XI в.) и в более древнем памятнике—Киевских глаголических отрывках (X в.) [16], но 8 со сходящимися петлями указывает на XI—XII вв.[17] Таким образом, надпись № 6 можно датировать XI — началом XII в. [18]

Как уже говорилось выше, В. Н. Щепкиным в свое время из кирилловских граффити Софийского собора были опубликованы два, написанные вперемежку глаголическими и кирилловскими буквами.

Надпись № XLII вполне ясна (рис. 5, *1*,*2*). Ее текст:



В кирилловской транскрипции: **[с](т)раньнын грешеныі нанъ вонн(е)** **страньнын**—странник, **нанъ** ошибочно написано вместо **нанъ** (ян) или окончание какого-либо другого имени. По начертаниям букв имеет аналогии с памятниками «круглой» болгарской глаголицы — Мариинского и Ассеманова евангелий и датируется XI—XII вв. [19]

Надпись № XLI (рис. 6, *1*,*2*) В. Н. Щепкин читал следующим образом:

В кирилловской транскрипции: **дидита до(щ)рь кро. . .тькъ** (?)

В таком прочтении смысл надписи оставался неясным. Еще И. Я. Ягич предложил третий знак во второй строке читать не как Ⱋ |щ|, а как Ⱅ |б| [20].

Действительно, иногда б писалось таким образом, что нижняя часть буквы не являлась непосредственным продолжением верхней, а примыкала к ней то ближе к крайней левой палочке, то между первой и средней палочками [21]. Особенностью начертаний этой буквы в софийской надпи-

[15] И. В. Ягич. Ук. соч., стр. 187.

[16] Там же, табл. I—III.

[17] В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи..., стр. 40.

[18] То обстоятельство, что надпись прочерчена по цемяночной обмазке, не может в данном случае уточнить дату надписи, так как Мартирьевская паперть была расписана только в конце XII в.

[19] В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи..., стр. 34, 40—41.

[20] V. Jgič. Analecta romana. Archiv für slavishe Philologie, XXV. Berlin, 1903, sq. 32; его же. Глаголическое письмо.., стр. 110.

[21] И. В. Ягич. Глаголическое письмо.., стр. 183.

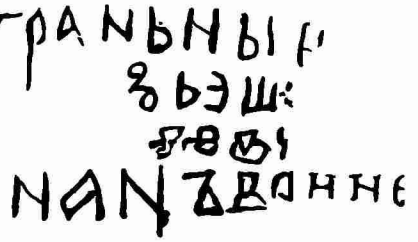
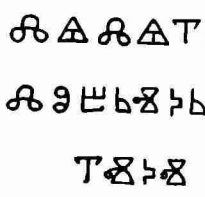


Рис. 5.

1 — глаголическая надпись, изданная В. Н. Щепкиным под № XLII (фото); *2* — глаголическая надпись, изданная В. Н. Щепкиным под № XLII (прорись с фотографии)

и является то, что нижняя часть примыкает к третьей верхней палочке. Установить смысл надписи И. В. Ягичу мешало то, что он вслед за В. Н. Щепкиным принял случайные повреждения штукатурки в начале третьей строки за какие-то глаголические буквы. Надпись восстанавливается следующим образом:



В кирилловской транскрипции: **дидита добръ кротъкъ**

В пользу такого прочтения свидетельствует не только восстанавливаемый смысл, но правильное, в соответствии с этимологией, употребление

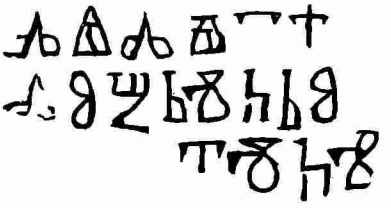


Рис. 6.

1 — глаголическая надпись, изданная В. Н. Щепкиным под № XLI (фото); *2* — глаголическая надпись, изданная В. Н. Щепкиным под № XLI (прорись с фотографии)

о и ъ, нарушавшееся в первоначальном варианте прочтения надписи. Во всех трех случаях ⱏ передает, ъ а не различные знаки ⱏ |ь| и ⱏ ъ ДОБРЪ в данном случае означает «добродетелен»[22]. Эта надпись также писана русскими, на что указывает изменение окончания имени ѧтѧ в ѭтѧ [23].

Среди обнаруженных В. В. Сусловым надписей две глаголические, опубликованные В. Н. Щепкиным, не были единственными. В архиве ЛОИА сохранились фотографии калек, снятых В. В. Сусловым с надписей, найденных им на стенах Софийского собора [24]. К сожалению, отпечатков на мастике с этих надписей не сохранилось, а В. В. Суслов, не будучи палеографом, придавал иногда произвольные очертания даже кирилловским буквам. Но все-таки на кальках среди кирилловских надписей можно различить две несомненно глаголические. Хотя о чтении и датировке нельзя говорить с уверенностью, сам факт их существования заслуживает внимания. Первая из них (рис. 7), как свидетельствует надпись на кальке, находилась на восточной стене. Надпись состоит из двух строк, среди глаголических букв можно различить кирилловские (несомненно кирилловское «К» во второй строке). Первый знак не вызывает сомнения — это глаголическое ⱂ (П), второй, очевидно, ⱏ (ъ), третий знак не-

[22] И. В. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893.

[23] В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи..., стр. 40.

[24] Архив ЛОИА. Фонды Археологической комиссии, кол. 163.

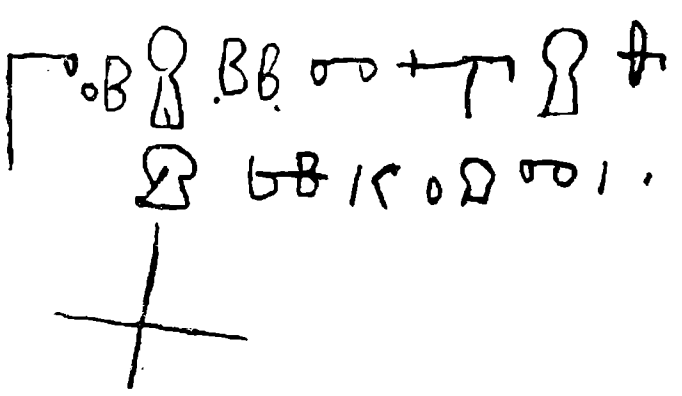


Рис. 7. Глаголическая надпись № 1 из архива В. В. Суслова (фото с кальки)

сомненен — это глаголическое ⰸ (с). Таким образом, начало надписи приобретает вид пъс, т. е. начало обычной для надписй — гриффити формулы пъслъ ... такой-то. Два последующих знака, очевидно ⰰⰻ (ЛЪ) Титло на прориси отсутствует. Затем следует глаголическое ⰿ (т), ясен предпоследний знак — ⰸ (с), остальные неясны, и в конце строки вперемежку глаголическими и кирилловскими буквами КОⰸⰿ+ (КОСТА, т.е. Константин), очевидно, имя писавшего. В таком варианте имя «Константин» имеется в подписи мастера на одном из новгородских кратиров (вторая четверть XII в.) [25]. Насколько мы можем судить по прориси, вся надписть представляет собой обычную формулу с указанием имени — пъслъ .... коста

Вторая глаголическая надпись из архива В. В. Суслова также состоит из двух строк (рис. 8). Среди глаголических букв встречаются кирилловские. Первая строка читается совершенно отчетливо:

ⰲⰻⰰⰾⰿ+ (ВОЯТА)

Во второй строке несколько изолированно от остальных находится буква ⰿ (Т), входящая в какую-то монограмму, затем видны буквы ⰸⰰⰻⰽ (САІⰽ)? . Первая строка представляет собой распространенное в древней Руси имя ВОЯТА. В Новгороде в середине XII в. известен поп Герман Воята, составитель летописного свода церкви Якова [26]. Данная надпись также сделана русским, на что указывает изменение окончания ꙗта на ꙗта. Вторая строка надписи по сохранившимся буквам прочтению не поддается, возможно, это было отчество Вояты. Датировка этих двух надписей еще более предположительна, чем их чтение. Однако округлость петель букв ⰿ, ⰸ, ⰻ, крестообразное + позволяет предположить, что надписи из архива В. В. Суслова относятся к тому же времени, что и

[25] Б. А. Рыбаков. Дрневнерусские датированные надписи. М., 1964.
[26] Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.— Л., 1947, стр. 212—214, надпись № 17.

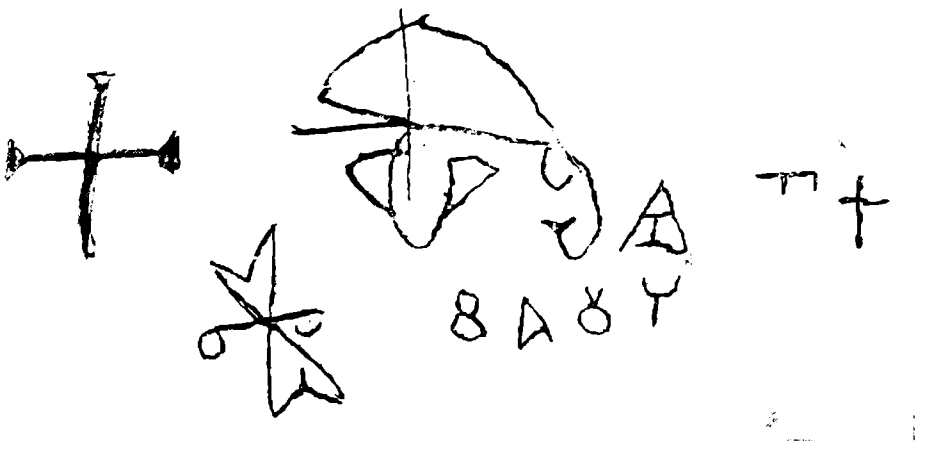


Рис. 8. Глаголическая надпись № 2 из архива В. В. Суслова (фото с кальки)

остальные глаголические надписи Софии Новгородской, т. е. ко второй половине XI—XII в.

Публикуемые в настоящей статье несколько глаголических граффити вместе с изданными ранее В. Н. Щепкиным представляют собой уже значительный материал. Все они датируются довольно узким промежутком времени — второй половиной XI — началом XII в. и, конечно, свидетельствуют о том, что знакомство с глаголицей в этот период не было случайным. Нельзя приписать все глаголические надписи паломникам из южнославянских стран. Три из них, несомненно, сделаны русскими, на что указывают особенности употребления авторами ⍙ (ꙗ).

Глаголические граффити по содержанию ничем не отличаются от обычных надписей на стенах храма. Почти все являются молитвенными формулами (следует отметить, что надписи на стенках храма — «псал такой-то, грешный» или просто «псал такой-то» — делались с благочестивыми целям)[27]. Поэтому трудно согласиться с мнением В. Н. Щепкина, определившего обнаруженные В. В. Сусловым глаголические надписи из Софийского собора как тайнопись[28]. Е. Ф. Карский также считал эти надписи тайнописными, а глаголицу — самым древним способом тайнописания[29], хотя употребление глаголицы в некоторых древнейших русских летописях для написания имени писца скорее можно объяснить желанием обратить внимание читателя, чем из «скромности скрыть своё имя». Очевидно, был прав М. Н. Сперанский, считавший, что о применении глаголицы в качестве тайнописи на Руси можно говорить не ранее чем с конца XII—XIII вв. и чем древнее эпоха, тем меньше шансов видеть в «русской» глаголице тайнопись[30].

Употребление в некоторых надписях и кирилловских и глаголических букв указывает на то, что их авторам были известны оба алфавита. Естественно предположить, что большинство глаголических надписей сделано именно писцами, которым приходилось переписывать кириллицей с глаголических оригиналов. О случаях переписки с одного алфавита на другой свидетельствует и широко известная приписка попа Упыря Лихого (1047 г.) к рукописи Пророков с толкованиями, содержащей буквы и слова, написанные глаголицей: «Слава тебе, господи, царю небесный, яко сподоби мя написати книгы сия ис куриловице». Оставляя в стороне вопрос о том, какой из алфавитов Упырь Лихой называл «куриловицей»,

[27] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 106.
[28] В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи.., стр. 40.
[29] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 249—250.
[30] М. Н. Сперанский. Ук. соч., стр. 63.

можно отметить, что оба алфавита были известны в Новгороде XI в. и, очевидно, писцам часто приходилось выполнять подобную переписку. На широкое распространение переписывания книг в XI в. указывает тот факт, что уже в конце столетия переписка книг перестает быть только делом церковников, и в древнем Новгороде возникает ремесло «книжных списателей»[31]. В этих условиях в Новгороде XI—XII вв. глаголический алфавит получил некоторое распространение, о чем и говорят публикуемые в данной статье глаголические надписи. Однако сравнительная немногочисленность глаголических надписей среди эпиграфического материала свидетельствует о том,что глаголица, как специфически церковная письменность, не нашла широкого распространения среди городского населения Новгорода. И лишь писцы, знакомые с обеими азбуками, употребляли иногда глаголицу для благочестивых надписей на стенах храма.

A. A. Medyntzeva

LES INSCRIPTIONS GLAGOLITIQUES DE LA CATHEDRALE DE SOPHIA DE NOVGOROD

Résumé

L'article met en circulation scientifique les inscriptions glagolitiques peu connues dans l'épigraphie russe.

L'article cite la lecture et la datation de quelques inscriptions glagolitiques découvertes ces derniers temps sur les murs de la cathédrale de Sophia à Novgorod et de deux inscriptions des archives de Souslov qui n'étaient jamais publiées.

A part cela l'auteur mentionne la nouvelle lecture de l'inscription glagolitique éditée par Chtchepkine.

En se basant sur ce matériel l'auteur fait la conclusion que l'alphabet glagolitique était connu assez largement à Novgorod de la deuxième moitié du XIe siècle et du début du XIIe siècle.

---

[31] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 406—407.

Ю. А. КРАСНОВ, А. П. СМИРНОВ, Т. А. ХЛЕБНИКОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА БОЛГАРЫ

В истории культуры казанских татар до последнего времени оставался неразрешенным вопрос о времени постройки архитектурных сооружений города Великие Болгары и их первоначальном облике. Это единственные памятники болгарского зодчества, сохранившиеся от средневековья. Стилистический анализ не давал надежного критерия, и предлагаемые даты колебались в пределах двух-трех столетий.

Обращение к археологической методике оправдало себя, и полученный материал дал возможность определить точно не только время постройки, но и время разрушения памятников. Работы, начатые в 1964 г., продолжались и в последующие годы. В 1967 г. были подняты вопросы о местоположении ханского дворца, упоминаемого в народных преданиях, вопрос о назначении Черной палаты времени постройки Малого минарета, было начато изучение наземных сооружений и конструкций валов оборонительной системы (рис. 1).

Для разрешения вопроса о ханском дворце, якобы существовавшем в районе нынешней Успенской церкви, был заложен раскоп XVI в виде траншеи площадью 72 $м^2$ [1].

Выявлена следующая стратиграфия (рис. 2).

I слой — дерн и строительные остатки последних реставрационных работ.

II слой — супесчаный, оставшийся от гибели города в 1431 г. до XX в. Этот слой включает в себя и остатки III слоя эпохи Казанского ханства, на данном раскопе не выделившиеся. Мощность II слоя от 20 до 110 *см*. В нем были прослежены три горизонта: а) от XX в. до периода строительства церкви 1732 г.; б) прослойка строительного мусора периода строительства церкви в 1732 г. в виде массы битого кирпича, щебня, раствора; в) темная гумированная супесь, местами с суглинком, мощностью до 40 *см*, охватывает период от 1431 до 1732 г. В этом горизонте обращает на себя внимание наличие довольно большого количества темно-серой лощеной керамики.

IV слой — золотоордынский, охватывающий время от разрушения города войсками Батыя в 1236 г. до разгрома в 1431 г. Он характеризуется мощными углистыми прослойками. Его мощность вне ям 85—100 *см*. По цвету и плотности он разделяется на два горизонта: верхний — рыхлая буро-серая супесь с заметным количеством суглинка и незначительным содержанием древесины; нижний — более плотный и темный, с большим количеством древесных остатков в виде сгнившей и сгоревшей древесины. Оба горизонта насыщены остатками бытового характера. Датирующими из них являются: для верхнего горизонта — монеты, относящиеся к XIV —

[1] При характеристике стратиграфии принята следующая номенклатура слоев: I — современный; II — XX—XVI вв.; III — эпоха Казанского ханства; IV — золотоордынский; V — XI — нач. XIII вв.; VI — IX вв.; VII — середина I тысячелетия.

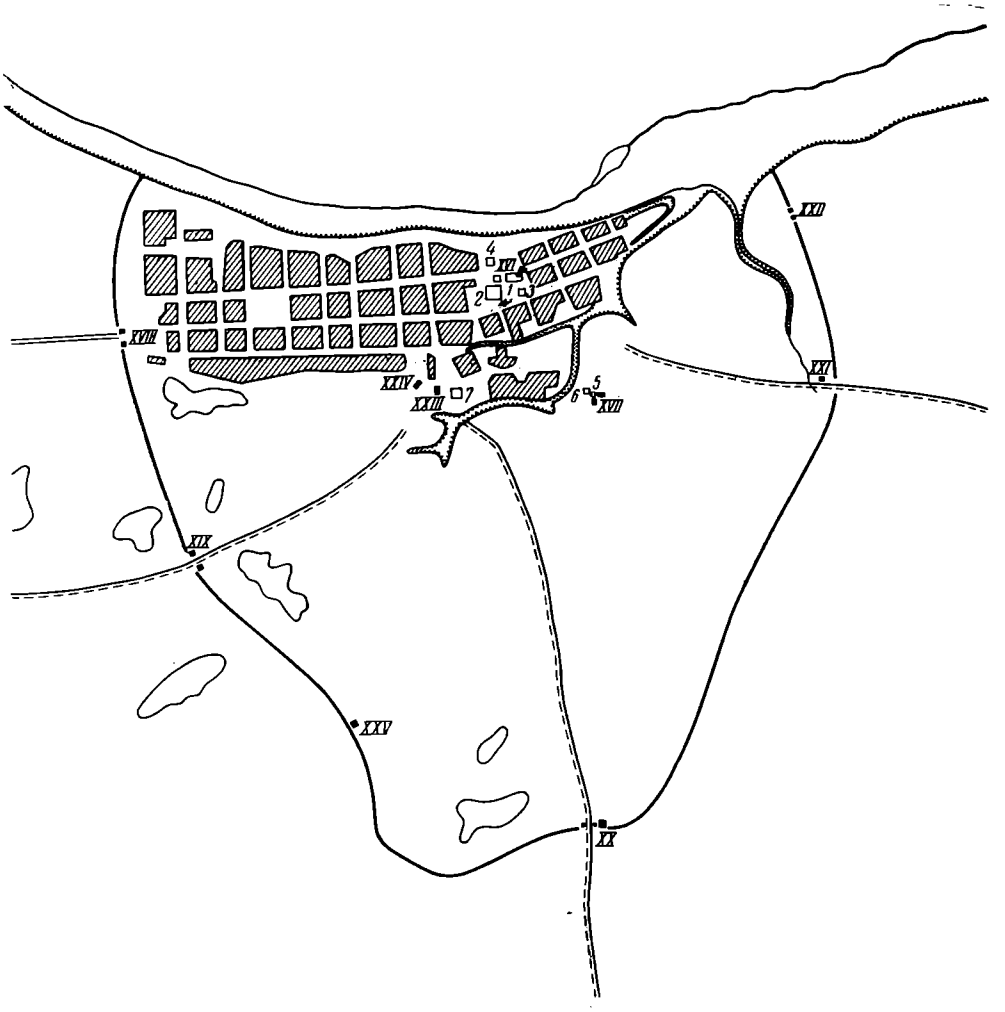


Рис. 1. План городища Болгары с указанием мест раскопок 1967 г.

1 — Успенская церковь; *2* — «Четырехугольник»; *3* — церковь св. Николая; *4* — «Монастырский погреб»; *5* — малый минарет; *6* — ханская усыпальница; *7* — «Черная палата»; XVI—XXII — раскопы 1967 г.

началу XV в., поливная полихромная посуда с подглазурной росписью на кашинном черепке, характерная в Болгарах для позднезолотоордынского периода, китайский селадон XIV в. (в том числе редко встречающийся белый). Довольно часты и находки чугуна. С рубежом нижнего и верхнего горизонтов или с самым верхним наслоением нижнего горизонта может быть связана монета (уч. 14, шт. 8) с именем Менгу-каана (ок. 1259 г.) Учитывая время обращения монет, можно считать, что она бытовала до начала XVI в. Поливная посуда нижнего горизонта чаще монохромная, зеленая на красном черепке, но есть и полихромная желто-коричневатая с вдавленным рисунком на плотном сером или красном черепке.

С IV слоем связано существование многих сооружений. Это обычные для болгар срубные наземные дома горожан и хозяйственные постройки

Слои домонгольского времени — V — VI — сохранились фрагментарно. На отдельных участках выделяются два горизонта: более гумированный с углистыми прослойками периода города, разрушенного в 1236 г., и слабо гумированный, белесого оттенка, залегающий на материке. Культурные остатки связаны в основном с верхним горизонтом. В нижнем они редки. В домонгольских напластованиях обнаружены остатки наземного дома с глинобитной печью, ямы-кладовки и зернохранилища. К этому слою относится также ров.

Стратиграфическими наблюдениями на XVI раскопе выявлено следующее своеобразие культурных напластований по сравнению с напластовани-

ями в районе соборной мечети [2]. На данном участке отсутствует вымостка из известковой щебенки, прослеженная перед мечетью и возле нее на грани верхнего и нижнего горизонтов IV слоя. К этому уровню и к верхнему горизонту слоя IV здесь относится ряд домов с подпольями и хозяйственными ямами. Это означает, что центральная площадь города начала и середины XIV в. сюда уже не распространялась. Данный участок города был застроен на протяжении всего золотоордынского периода. При устройстве площади его подвергли нивелировке. Об этом свидетельствует засыпка ям, представляющих собой к периоду оформления площади довольно крупные западины.

Вопрос о возможном существовании ханского дворца на месте церкви не был решен. Фундамент церкви одновременен стенам. Он сложен в значительной мере из камня, выбранного из болгарских построек. В его верхней части много характерных для болгарской строительной техники блоков известкового камня, обработанного троянкой. Вторичное использование болгарского камня налицо. Но ни одной монументальной постройки болгарского времени в раскопе обнаружено не бы-

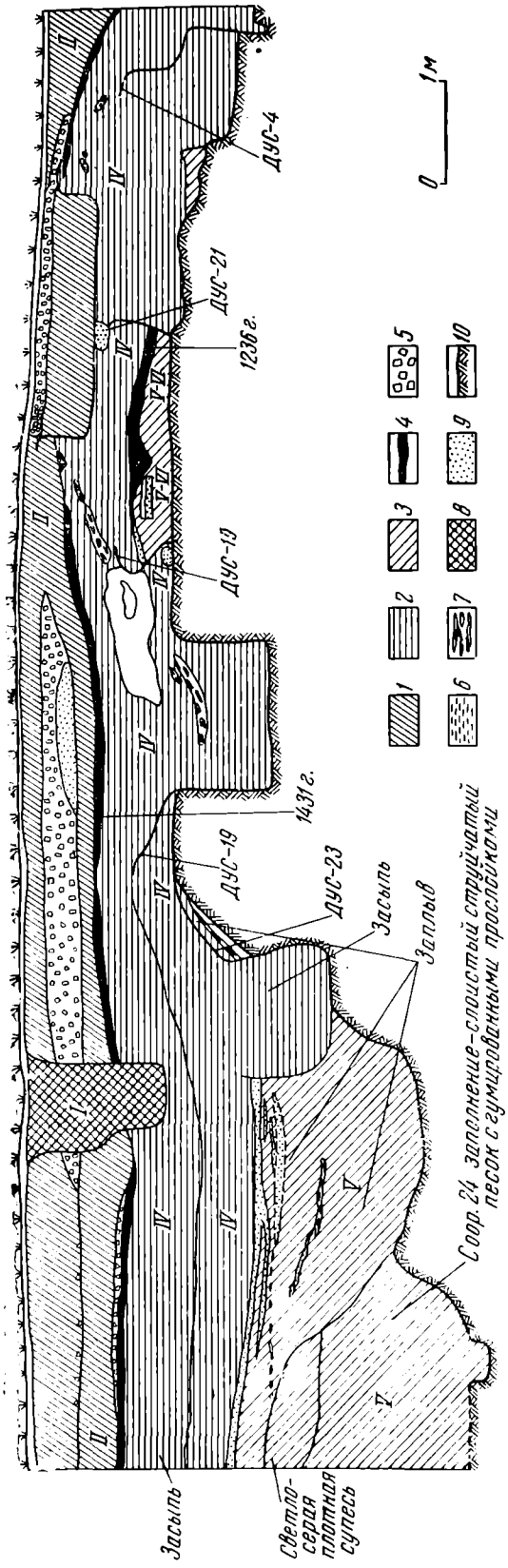


Рис. 2. Раскоп XVI. Профиль южной стенки на участках 9—15.

1 — слой русской деревни XVI—XIX вв.; *2* — слой золотоордынского времени; *3* — слой домонгольского времени; *4* — гаристый слой (следы пожарищ 1236 и 1431 гг.); *5* — кирпичный дом; *6* — древесный тлен; *7* — скопления угля и обожженного дерева; *8* — современный перекоп; *9* — песок; *10* — материк; ДУС — дневной уровень сооружений с указанием их номеров

[2] А. С. Воскресенский, Л. П. Смирнов. Археологические исследования соборной мечети (четырехугольника) в Великих Болгарах. СА, 1966, 1, стр. 246. А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Новые данные об архитектуре волжских болгар. СА, 1967, 4, стр. 275, 276.

ло. Единственными признаками кирпичного и каменного строительства в золотоордынский период были куски известняка, раствора и обломков кирпича в засыпи вблизи церкви и на месте древнего рва к северо-востоку от церкви. Стратиграфически эти остатки синхронны постройке соборной мечети и мавзолеев. Как камень, так и раствор могли быть связаны со строительством любого из этих зданий. Камень для фундамента церкви может происходить также из любой дошедшей или не дошедшей до нас болгарской постройки.

Большой интерес представляет древний ров, открытый на XVI раскопе. Крайними восточными участками раскопа (уч. 13—15) на уровне материка был обнаружен древний заплывший и засыпанный ров, имеющий в данном месте направление с севера на юг. Вскрытием его были получены новые данные к топографии города Болгара. Он был создан и действовал только в домонгольское время жизни города. Выявлены два периода его существования. Первоначальный ров имел глубину 2,8 *м* от уровня материка и ширину не менее 6 *м*. Он сильно заплыл намывным песком с прослойками гумированной супеси и был вычищен с перемещением центра его к западу. Глубина этого второго рва 2,4 *м* от того же уровня, ширина 5,3—5,4 *м*. Он также сильно заплыл супесью. В заполнении этого вторичного рва прослежены прослойки древесной трухи, представляющей собой остатки деревянной конструкции вала или деревянного настила через ров. Выяснить это на ограниченном участке вскрытой части рва не удалось. Древесные прослойки относятся к рубежу домонгольского и золотоордынского периодов, так как выше их залегает напластование серой супеси IV слоя. Этот плотный по составу слой представляет собой засыпь рва. Последующий период засыпки рва относится к рубежу верхнего и нижнего горизонтов IV слоя и был вызван стремлением выровнять образовавшиеся в результате оседания грунта западины в центре города. Ликвидация рва в ранний золотоордынский период была вызвана, скорее всего, расширением территории города.

В 1967 г. было продолжено изучение района Черной палаты с целью более полного раскрытия назначения этого памятника. В 11 *м* к западу от северо-западного угла Черной палаты был заложен раскоп XXIII, а в 44,6 *м* к западу же, но от юго-западного угла — раскоп XXIV. Общая площадь раскопков — 114 $м^2$.

Установлена следующая стратиграфия: I слой — дерн, II слой — периода XX—XVI вв., супесчаный по составу, рыхлый, гумированный, перемешанный с остатками болгарского периода. Датирует его серая лощеная и красная глазурованная посуда, поздний кирпич. Мощность слоя от 8—10 до 120 *см*; III слой (эпохи Казанского ханства) на данном раскопе не прослежен. IV слой — золотоордынский, супесчаный по составу; по цвету и структуре делится на два горизонта: верхний — более темный и рыхлый — завершается углистой прослойкой, аналогичной наслоению 1431 г. в центральной части городища; нижний — плотный, слабо гумированный, светлый. Мощность IV слоя от 0,7 до 1,5 *м*.

Верхний горизонт, более мощный, насыщен остатками жилых и хозяйственных построек и массой культурных остатков. Он хорошо датируется монетами XIV — начала XV в. (от 1310 г. и до первой четверти XV в.), многими образцами поздней золотоордынской поливной посуды, бусинами и поздней неполивной посудой XIV в. Этот горизонт соответствует двум верхним горизонтам раскопа 1966 г.[3] По содержанию культурных остатков и структуре его можно сопоставить с верхним горизонтом IV слоя центральной части городища, но здесь он бурее по цвету, видимо, в силу иного характера застройки этого района.

Нижний горизонт мощностью лишь 10—25 *см* прослежен не везде. К его основанию относится могильник, а затем возникают жилые и хозяй-

[3] А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Ук. соч., стр. 282, 283.

ственные сооружения, нарушившие ряд могил. Находки в нем малочисленны. Этот горизонт соответствует двум нижним горизонтам, выделенным при исследовании 1966 г.[4], и по культурным остаткам также может быть отнесен к середине и второй половине XIII в. Он синхронен нижнему горизонту золотоордынского IV слоя в районе соборной мечети. Но различная интенсивность жизни, иная степень застройки придали им различный цвет и структуру. В исследуемом районе он много плотнее, гораздо светлее от меньшей гумированности и меньшего количества древесных остатков.

V слой — домонгольский — плотная супесь, светло-серая, гумированная, сохранившаяся фрагментарно лишь между ям вышележащих напластований. В юго-восточной части раскопа XXIV на ряде участков прослежена углистая прослойка, отделяющая это напластование от вышележащих. Жилых сооружений в этом слое нет. Находки редки и содержатся лишь в верхней части слоя. По существу своему он может быть определен как древняя почва, образовавшаяся в данной части города в домонгольский период.

В результате исследований 1967 г. в районе Черной палаты получены дополнительные сведения о малоизученном могильнике этого района, существовавшем до конца XIII в. Вскрытые погребения обычны: костяки лежат на спине, головой на запад или с небольшим отклонением к югу и лицом на юг, почти без вещей. Лишь одно имело существенное отклонение от общепринятых норм (погр. № 11). Костяк был обращен спиной вверх, головой на запад, лицом вниз. Правая рука вытянута, левая полусогнута и лежала в области пояса. Стратиграфически оно как будто бы раньше остальных. Дневной уровень ямы наметился в V слое, так что погребение может рассматриваться как предшествующее возникновению раннезолотоордынского могильника. Особенности в обряде этого погребения, совершенного на пустыре, каким был тогда район Черной палаты, могут быть объяснены единственно каким-то необычным положением умершего в обществе.

В 1967 г. были обнаружены подполья наземных домов и ямы хозяйственного назначения. Позднее, судя по монетным находкам и вещам, в XIV в., когда уже воздвигается здание Черной палаты, этот район интенсивно осваивается городским населением как жилой район, где возникает ремесленное производство. Некоторые сооружения дали большое количество губчатого железа. Кто были хозяева этих построек — кузнецы или металлурги? Частичное вскрытие сооружений не позволило выяснить этот вопрос. Но бесспорно, что в период существования Черной палаты окружающий ее район был заселен рядовым городским населением, дома довольно плотно стояли друг к другу, и часть их принадлежала ремесленникам. Таким он был до конца существования города.

Предполагаемое определение Черной палаты как судилища и наличие западнее ее ханского дворца, как о том говорят легенды, археологическими исследованиями не подтвердилось. Более вероятно считать Черную палату небольшой мечетью с помещениями для странствующих дервишей или медресе.

Казанскими реставрационными мастерскими был поставлен вопрос о времени постройки Малого минарета. Для разрешения этого вопроса была заложена система раскопов и траншей (раскоп XVII) общей площадью 80 $м^2$. Полученные таким путем разрезы культурного слоя и открытые сооружения позволяют судить об исторической топографии данного района.

Под дерном, как и всюду, залегает слой русской деревни XVI—XIX вв., к которому относится яма для выборки древнего строительного материала. Эта яма датируется монетами 1798, 1858, 1899 гг., причем монета 1798 г. найдена на дне. По-видимому, здесь производились хищнические раскопки в течение длительного времени. Судя по найденным отдельным хорошо обработанным блокам, здесь существовала постройка типа небольшого ка-

[4] А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Ук. соч., стр. 282, 283.

менного мавзолея, относящегося к золотоордынскому периоду. На соседних участках был прослежен золотоордынский слой, сопровождающийся в ряде мест слоем угля, который по аналогии с пластами, завершающими золотоордынский слой, хорошо датирован началом XV в. Данное обстоятельство дает основание связать слой угля с военной катастрофой 1431 г. Этот пласт покрывает фундамент Малого минарета.

Золотоордынский слой делится на два горизонта. Верхний хорошо выделяется по цвету. Нижний сильно испорчен норами грызунов. Дневной уровень минарета относится к верхнему горизонту золотоордынского слоя, что дает основание датировать постройку минарета XIV в. (вероятнее всего, около половины столетия). Там же, вверху, найден обломок полихромного хорезмийского сосуда.

Под золотоордынским слоем залегает домонгольский, по-видимому представляющий собой в основе почву с ограниченным числом утерянных в то время вещей. Не останавливаясь на всех открытых сооружениях, отметим полуземлянку подквадратной формы 3,9 × 3,4 *м* с отвесными стенками, со ступенчатым входом высотой 0,62 *м* (рис. 3). Рядом со входом помещалась небольшая яма для хранения продуктов. В противоположном углу находился развал печи. На полу прослежен слой гумуса с включением костей рыб и животных, по-видимому отложившийся в период жизни полуземлянки. На дне жилища был найден круглодонный сосуд из глины с примесью толченой раковины, украшенный гребенчатым орнаментом, и несколько обломков лепных сосудов. Здесь же были обнаружены два черепа собаки. Из вещей заслуживает внимания бусина глухого стекла с белыми разводами. Полуземлянка относится ко времени не позднее начала золотоордынского слоя и перекрывается его нижним горизонтом.

На том же раскопе к востоку от минарета были открыты руины глинобитного здания с подпольной системой отопления, часть которого осталась неисследованной. В 1967 г. удалось раскрыть только центральную часть здания (рис. 4). Прослежены остатки глинобитного пола 10 *см* толщины, положенного на плиточные перекрытия каналов подпольного отопления. Толщина плит в среднем 10—12 *см*. Каналы отопления выложены из сырцовых кирпичей размером 4—6 × 8—12 × 16—22 *см* (рис. 5). Ширина каналов в различных местах различна и колеблется от 26 до 36 *см*. Высота каналов — 20—30 *см*. Внутренность каналов заполнена смытым культурным слоем, смешанным с глиной. На дне каналов (не во всех местах) прослежен слой сажи и золы, 1—3 *см* толщиной. Часть каналов разрушена погребениями, совершенными здесь после разрушения здания.

На уч. 18 в юго-западной части дома прослежено расширение крайнего восточного канала. Стенки его были выложены здесь из пяти рядов сырцового кирпича и перекрыты аркой из того же материала на глиняном растворе. Под дном канала в этом месте проходит регулярная кладка из двух рядов сырцовых кирпичей размером 10 × 5, 12 × 5, 14 × 5 и 8 × 4 *см*, лежащих на домонгольском культурном слое. В этом месте внутри канала обнаружено значительное количество угля. Канал здесь перерезан позднейшим погребением, так что объяснить эту конструктивную особенность трудно. Установлено некоторое повышение уровня дна каналов от юго-западного угла раскопа к северу и востоку.

Описанные каналы безусловно являются дымоходами. Их общее направление — с юга на север. Дымоходы располагаются двумя неправильными дугами, из которых одна своей вогнутой стороной обращена на восток, другая — на запад. Между ними имеются небольшие плохо сохранившиеся каналы, вырытые в домонгольском культурном слое. Их функциональное назначение, а также общая характеристика отопительной системы, в частности — месторасположение печи станут ясными лишь после завершения раскопок всего дома.

На площади раскопа прослежены ямы от столбов диаметром 45 *см*, имевших конструктивное назначение и поддерживавших крышу здания.

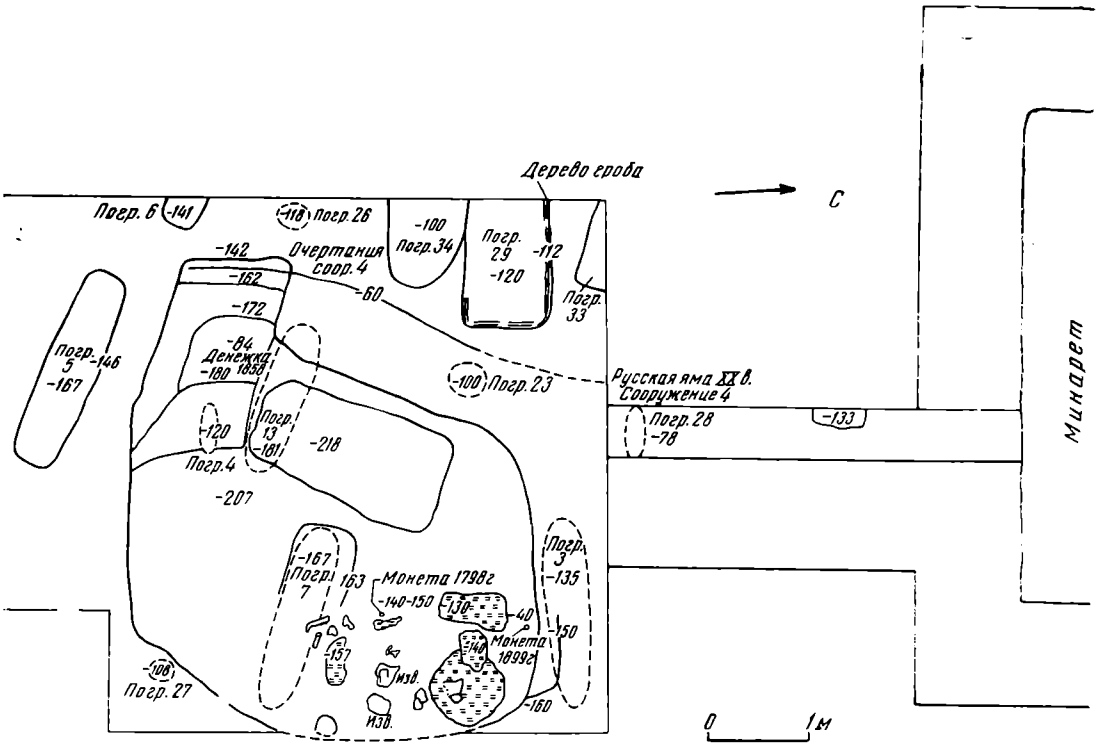


Рис. 3. План раскопа XVII с землянкой домонгольского времени

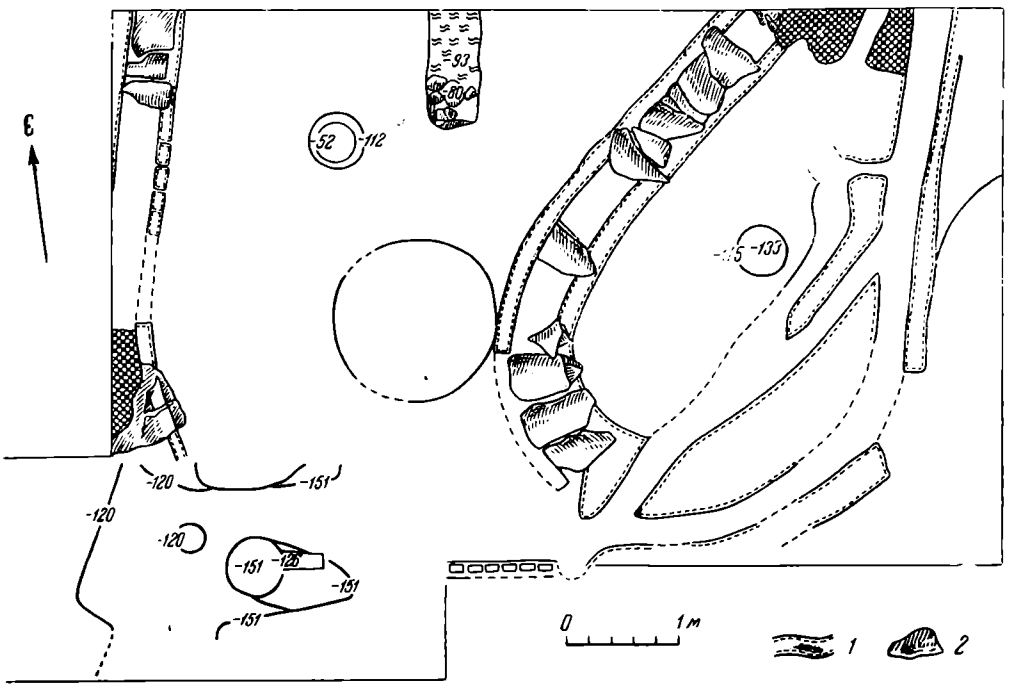


Рис. 4. План сооружения № 3 в раскопе XVII

1 — кладка из сырцового кирпича; *2* — камни (перекрытие отопительных каналов)

В одной части здания открыта большая яма — хранилище бочонкообразной формы (диаметром 145—135 *см*, глубиной 85 *см*), стенки которой были обмазаны глиной. В отдельных местах ямы сохранились отверстия с остатками древесины, по-видимому, от небольших полочек. В яме найдены халцедоновая бусина и два обломка стеклянных браслетов, подтверждающих дату не позднее раннего золотоордынского слоя. Над зданием прослежены пятна угля, по-видимому, следы пожара, в котором погибло здание. Остатки этого здания пересекают ямы, в которых найдено побывавшее в огне

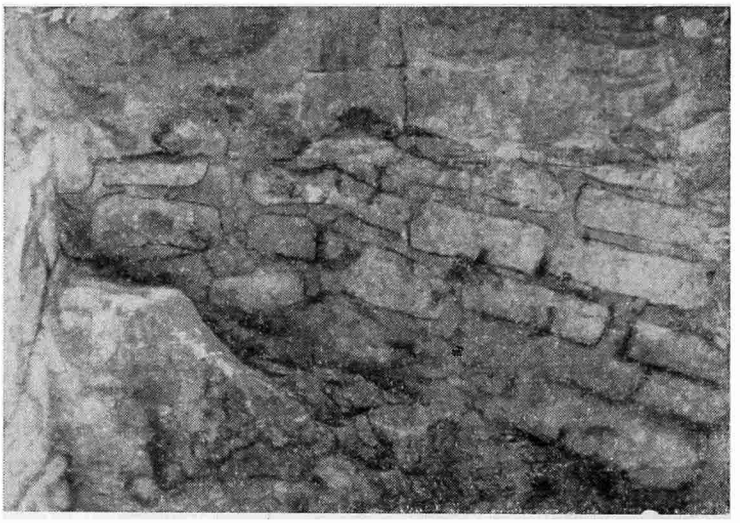


Рис. 5. Кладка отопительного канала сооружения № 3 в раскопе XVII

художественное стекло. Весьма возможно, эти ямы явились результатом нивелировки местности после пожара, куда в числе мусора были сброшены обломки художественного разноцветного стекла XIII—XIV вв., по-видимому, сирийского или месопотамского происхождения.

Дом стратиграфически относится к раннему золотоордынскому слою. Его дневной уровень лежит на 80 *см* ниже дневного уровня Малого минарета. Открытая отопительная система напоминает устройство подпольных отопительных каналов в домах монгольских городов и более ранних городов Сибири. Можно указать дом гуннского времени близ Абакана, открытый Л. А. Евтюховой, в котором каналы отопления были прикрыты плитами, а сверху — глинобитной массой пола. Эти каналы соединялись между собою, образуя непрерывную и разветвленную сеть [5], что напоминает дом, открытый в 1967 г. в Болгарах. Аналогичная система отопления характерна и для жилых домов древнемонгольских городов [6]. Стены этого болгарского дома, по-видимому, были возведены без фундамента. Однако окончательное суждение может быть вынесено после завершения раскопок. Судя по находкам большого числа обломков разноцветного стекла, дом относился к числу богатых.

Позднее в этом районе в продолжение весьма длительного времени существовало кладбище. На площади раскопа над полуземлянкой и глинобитным домом открыты захоронения. В первом случае пять относящихся к раннему золотоордынскому времени и восемь захоронений позднезолото-

[5] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 74.

[6] Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек. Сб. «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 31.

ордынского времени с четкой стратиграфической датой. В некоторых погребениях прослежены или следы гроба, или колоды. Все покойники положены вытянуто на спине, головой на запад (ЮЗЗ и СЗ и в одном случае ЮЗ), лицом на юг или вверх. Правая рука, как правило, вытянута, левая полусогнута. Одно погребение положено на спине в подбое, устроенном в южной стене могилы. В нем находился костяк, лежащий на спине, головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль тела, лицом вверх. Череп его определен как монголоидный, центральноазиатского происхождения.

Последняя задача, над разрешением которой работал коллектив экспедиции, связана с обороной города.

Первое изучение оборонительных сооружений Великих Болгар относится к 1919 г.[7] В 1946 и 1953 гг. они изучались сотрудниками Поволжской экспедиции[8]. Работы 1967 г. имели целью проверку и уточнение полученных ранее данных. Особое внимание уделялось связи конфигурации крепости с окружающей местностью и восстановлению общего характера системы ее обороны. Были проделаны следующие работы: 1) произведен осмотр линии укреплений и снят их полуинструментальный план с тщательной фиксацией отмеченных ранее волнообразных изгибов и мест возможного расположения башен; 2) произведены раскопки валов и полные их разрезы в двух пунктах западной линии обороны (раскопы XVIII и XIX), в одном пункте юго-западной (раскоп XXV), в одном — южной (раскоп XX) и одном — в ее северо-восточной части (раскоп XXII). Наиболее полно устройство укреплений было прослежено в раскопах XX (площадь 150 $м^2$) и XXV (площадь 100 $м^2$).

Основные итоги работ сводятся к следующему. Путем тщательного осмотра местности и изучения старых планов выяснено, что при строительстве укреплений учитывалось наличие вокруг предполагаемой крепости болот, заболоченных низин, озер и оврагов, по отношению к которым валы насыпались таким образом, что естественные препятствия оказывались перед укреплениями и включались в систему обороны. Сама конфигурация крепости, сужающейся к югу (рис. 1), в значительной мере обусловлена этим фактором. Такое явление, как максимальное использование защитных свойств местности и стремление к наибольшему сокращению протяженности линии, на которой был возможен прямой штурм, характерно для крепостного строительства XIII—XIV вв. как в Европе, так и на Востоке. Оно вытекало из применявшейся в то время тактики захвата укрепленных пунктов штурмом при поддержке камнеметных машин, а позднее пушек[9].

Для крепости Болгара наиболее уязвимым участком обороны была узкая южная и прилегающие к ней участки западной и восточной сторон, где естественных препятствий для осаждающих не было. Именно здесь валы имеют наибольшую высоту, а рвы — наибольшую глубину. Стены города здесь были укреплены башнями. Следы их оснований отмечаются в виде полукруглых расширений внутренней стороны вала, которые почему-то до сих пор выпадали из поля зрения исследователей. Размеры их — около 12—13 × 3—5 *м*, поверхность обычно горизонтальная и несколько понижена по сравнению с прилежащими участками валов. То, что эти площадки действительно были основаниями башен, доказывается результатами раскопок двух из них. Нами зафиксированы 14 оснований башен. Расстояния между ними — около 125 *м*, в единичных случаях оно достигает 180 *м* или уменьшается до 50—75 *м*. На тех участках, где зафиксированы остат-

---

[7] А. С. Башкиров. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929.

[8] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, XIX, 1951; О. С. Хованская. Оборонительная система города Болгара. МИА, 61, 1958.

[9] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, 105, 1961, стр. 164; его же. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, 140, 1967, стр. 217.

ки башен, валы и рвы сооружались практически по прямой линии или по дуге, выступающей вне крепости (рис. 6, *Б*).

В других участках оборонительной линии (кроме северо-восточного и, возможно, северо-западного углов) башен, очевидно, не было. Но здесь линия валов и рвов повсюду идет не по прямой, а с волнообразными изгибами, причем эти изгибы не являются отражением рельефа местности, а должны истолковываться как определенный фортификационный прием, обеспечивающий более удобный фланговый обстрел врагов, приближаю-

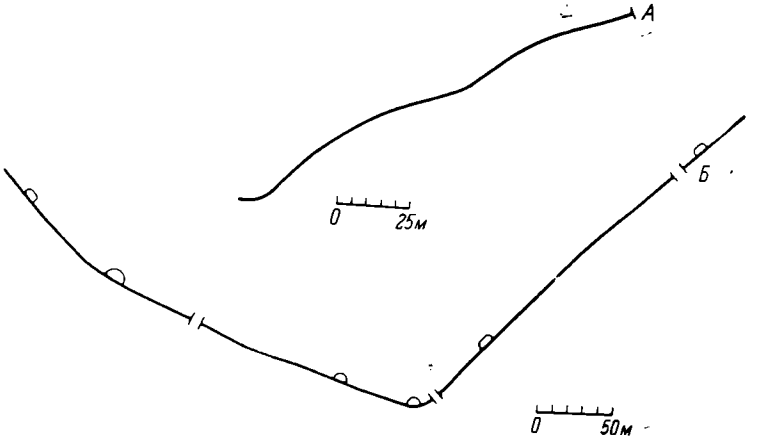


Рис. 6. Планы отдельных участков западной (*А*) и южной (*Б*) линии обороны городища Болгары

щихся к стенам крепости (рис. 6, *А*). Длина таких волнообразных изгибов для западного вала составляет в среднем около 120 *м* (т. е. близка к среднему расстоянию между башнями и соответствует дальности полета стрелы, выпущенной из лука или самострела), глубина — от 5 до 9—10 *м*. В восточном валу отмечается чередование волн такого же размера с более крупными, длиной до 200—240 *м* и глубиной до 10—12 *м*. Очевидно, система стен с башнями была более эффективной в оборонительном отношении, чем система стен без башен, но с волнообразными изгибами, что и объясняет наличие первой в наиболее уязвимой для врага части крепости.

Обследование показало, что в древности в валах города существовали лишь три проезда, по одному в южной, восточной и западной стенах города. Это и ныне существующие проезды: к западу в г. Куйбышев, к востоку на с. Ржавец и к югу на совхоз «Три озера». Несмотря на сильную разрушенность валов, в местах расположения проездов можно установить, что отрезки вала по обеим сторонам проезда сдвигались так, что проезд проходил параллельно направлению самих стен, и подходящие к воротам оказывались обращенными к стенам правой, не защищенной щитом, стороной. Такая система расположения проездов в крепостных стенах в средневековье широко применялась в различных модификациях как в Западной Европе и на Руси, так и на Востоке, причем и в дерево-земляных, и в каменных крепостях. В этой связи следует заметить, что такие укрепления, расположенные вне основных городских валов, как Малый городок, ныне уничтоженный «Окоп Савенкова» и зафиксированные старыми планами следы каких-то укреплений в районе «Армянской колонии», могли выполнять роль фортов, прикрывающих дороги, ведущие к городу.

Валы крепости насыпались из взятых в ближайших к строительству местах почвенного слоя, супеси и чистого песка. В основании вала лежит обычно слой древней почвы, взятой из рва или ближайшей части площади городища, выше располагается слой песка, супеси или песчанистого суглинка, составлявший основную часть насыпи вала. Площадки для башен

Рис. 7. План остатков башни у южных ворот города

1 — следы деревянных конструкций. Глубины указаны от нулевой точки, за которую принята одна из точек на гребне вала

насыпались из чистой глины или глины с супесью, что давало этим конструкциям большую прочность.

В раскопе XX были обнаружены следы обжигания поверхности почвы перед насыпкой вала. Такое явление известно на ряде укреплений доболгарского времени в Среднем Поволжье и, вероятно, имело определенное ритуальное значение. В том же раскопе XX в середине насыпи вала был найден целый череп лошади, ориентированный поперек вала, лицевой стороной к его внешней части. Эта находка связана с ритуальными действиями и, по-видимому, служила оберегом.

Для придания большей прочности насыпи вала применялись деревянные внутривальные конструкции, прослеженные в раскопах XVIII, XIX и XX. Это врытые в насыпь вала короткие бревна-сваи диаметром не менее 0,20—0,30 *м* и длиной около 1 *м*. Они прослеживались с глубины 0,6—0,7 *м*, от поверхности вала. В раскопе XX на протяжении 21 *м* было прослежено 48 таких столбов-свай, расположенных преимущественно во внешней части насыпи, там, где прослежены и остатки наземных деревянных оборонительных конструкций. Впрочем, возможно, что столбы-сваи не были единственным типом внутривальных деревянных конструкций и в Болгарах, о чём свидетельствуют следы горизонтально лежащих перекрещивающихся бревен, возможно, остатков срубов, обнаруженных в раскопе XVIII.

В раскопе XX отмечен своеобразный прием укрепления насыпи вала путем добавления в песок, из которого она здесь состоит, связующего вещества — извести.

От стоявших на валах стен и башен сохранились нижние концы вертикальных бревен, составляющих их основу. Они начали прослеживаться

с глубины 0,25—0,30 *м* от современной поверхности, непосредственно под тонким дерновым слоем и следующим за ним сильно переработанным корнями растений слоем угля и золы. Последний следует рассматривать как след большого пожара при разгроме города русскими войсками князя Федора Давидовича Пестрого в 1431 г.[10], после которого укрепления уже не восстанавливались.

Основу башен (рис. 7) составляли толстые, вертикально стоявшие столбы диаметром не менее 0,30—0,45 *м*, заглубленные от современной поверхности вала на 0,5—0,7 *м* и образовывавшие периметр башни в виде несколько неправильного многоугольника. В раскопе XX зафиксировано 11 таких столбов, в раскопе XXV — 9. Возможно, что некоторые из столбов заменялись во время ремонтных работ; следы некоторых столбов могли не сохраниться, или они не были захвачены площадью раскопа. Поэтому с точностью восстановить форму башен затруднительно. Во всяком случае ясно, что башни были многоугольными и могли иметь от 6 до 8 граней. Размеры двух исследованных башен около 8 × 8 и 8 × 7 *м*. Очевидно, что пространство между опорными столбами забиралось горизонтальными бревнами, соединенными в паз. Интересной особенностью башен было то, что они больше выступали внутрь укреплений, чем вне их. Впрочем, их выступание за внешнюю линию стен (1,5—2 *м*) было вполне достаточно для ведения фланкового обстрела.

Внутри периметра башен было прослежено большое количество отпечатков округлых столбов и прямоугольных плах меньшего диаметра (0,10—0,15 *м*) и горбылей, располагавшихся несколькими рядами, параллельными оси вала. Их заглубленность меньшая, чем у опорных столбов (0,3—0,5 *м*). Часть из них могла служить опорами для настилов башен, часть — выполнять роль свай для укрепления грунта верхней части насыпи.

От примыкавших к башням участков стен сохранились остатки нижних частей вертикально стоявших столбов диаметром не менее 0,3—0,5 *м*, заглубленных от современной поверхности на 0,5—0,8 *м*. Они располагались не строго по гребню вала, а ближе к его внешней стороне, образуя два параллельных ряда, расстояние между которыми в раскопе XX было 1,8—1,9 *м*, в раскопе XXV — 1,5—1,6 *м*. Промежутки между столбами в ряду были длиной около 2 *м*. Очевидно, стена городища была двурядной, имела, как и башни, столбовую конструкцию. Ее основу составляли толстые вертикальные столбы, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, скреплявшимися в паз с опорными столбами. В раскопе XXV прослежены слабые следы нижних рядов таких бревен, толщина которых могла быть около 0,25—0,30 *м*. Близкая система конструкций наземных укреплений наблюдалась и при раскопках 1946 и 1953 гг.[11] Наши раскопки не дали достаточных доказательств того, что пространство между двумя рядами стен заполнялось песком или землей (что, впрочем, весьма вероятно). Следует заметить, что в русском оборонительном зодчестве такое заполнение пространства между двумя рядами деревянных стен нередко производилось только во время опасности нападения и не всегда на всем протяжении стен[12].

Изучение укреплений города Болгары в 1967 г. расширяет и конкретизирует наши представления об оборонительной системе этого интереснейшего города средневековой Восточной Европы.

---

[10] ПСРЛ, XII, СПб., 1901, стр. 9.
[11] О. С. Хованская. Оборонительная система города Болгара.
[12] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества..., стр. 139.

I. A. Krasnov, A. P. Smirnov, T. A. Khlebnikova

LES DONNEES NOUVELLES DE L'HISTOIRE DE LA VILLE DE BOLGARY

Résumé

Les travaux de l'année 1967 étaient consacrés aux questions de la datation du Petit Minaret et à l'étude du système de fortifications de la ville.

A la base des données stratigraphiques on peut dater le Petit Minaret de la deuxième moitié du XIVe siècle. Il était précédé sur ce terrain d'une cabane mi-souterraine du début du XIIIe siècle (constructions en brique crue) dont le système de chauffage rappelle celui des bâtisses et des nécropoles de Zolotaia Orda (Horde d'or). Près de l'église de l'Assomption on a découvert un fossé encerclant la ville dans les temps avant mongols. L'étude du système des constructions défensives du XIVe siècle a permis de découvrir 14 tours dans une partie du rempart tandis que la seconde partie était composée de secteurs en forme d'arc dont le côté concave était tourné à l'ennemi ce qui permettait de le battre de flanc. Dans le remblai étaient décélées les traces des constructions et du fondement d'un mur en bois. Durant les fouilles des habitations et des locaux de ménage ont été trouvés.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В ЗАКАМСКОЙ ТАТАРИИ

Сплошное исследование булгарских памятников в Татарии ведется в плане создания археологической карты республики, начатого в 1945 г. и выполняемого сектором археологии и этнографии КИЯЛИ АН СССР. Параллельно с этой картой составляется и другая — карта всех памятников материальной культуры Волжской Булгарии, расположенных и в областях, соседних с ТАССР. При этом особый интерес представляет изучение Закамской территории Татарии, где находилась центральная часть этого раннего государственного объединения.

В 1946 г. археологическая экспедиция под руководством Н. Ф. Калинина обследовала бассейны рек Бездны и Ахтая, где обнаружила 65 булгарских поселений, в том числе 13 городищ. Однако со следующего года работы казанских археологов были перенесены в другие части Татарии (Предволжье и Предкамье) и вновь возобновились в Закамье в 1958 г., когда три отряда под руководством А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга и Т. А. Хлебниковой обследовали левый берег Камы между устьями Зая и Ика, а также левобережные притоки Камы в пределах Набережно-Челнинского района, левые берега нижних течений Ика и Белой [1]. В результате работ зафиксированы два булгарских поселения золотоордынского времени. В 1959 г. экспедиционные отряды, руководимые А. Х. Халиковым, В. Ф. Генингом и А. П. Шокуровым, проводили исследования на левом берегу Камы между устьями Шешмы и Зая, а также в среднем течении Ика в пределах Ютазинского и Бавлинского районов. Большое количество булгарских памятников (всего 150, среди них 14 городищ) обнаружено вторым отрядом Татарской археологической экспедиции под руководством Т. А. Хлебниковой в 1960 г. в бассейне левого берега Камы между Ахтаем и Шешмой. В 1961 г. автором этой статьи исследовано нижнее течение р. Утки, в 1962 г.— речка Раткуль в водоразделе Бездны и Утки. В результате выявлено 27 памятников, в том числе 5 городищ. В 1962 г. отряд П. Н. Старостина обследовал часть бассейна правого берега р. Малый Черемшан в окрестностях Билярского городища между деревнями Горки и Старое Алпарово. Тот же отряд в 1963 г. изучил памятники на правом берегу Большой Сульчи, на левом берегу нижнего течения Шешмы и по левому же берегу Волги в окрестностях с. Балымеры Куйбышевского района. В итоге зарегистрировано 47 булгарских памятников, в том числе 7 городищ. Экспедиционный отряд Госмузея ТАССР (под руководством С. Морозовой) в 1961 г. проводил разведки на левом берегу Волги по маршруту Щербеть — Маклашеевка, в 1962 г. — в бассейне правого берега Малого Черемшана от его истоков до дер. Горки. Отрядом выявлено 32 памятника, включая 2 городища. В 1961 и 1964 гг. разведочный отряд Та-

[1] Частично обследован и северо-западный угол Башкирской АССР.

тарской археологической экспедиции (руководитель отряда Е. П. Казаков), проверяя состояние археологических памятников в зоне Куйбышевского водохранилища по левому берегу Камы, а также в низовьях Ахтая и Бездны, обнаружил 27 булгарских поселений и местонахождений. В течение ряда лет в Закамье Г. В. Юсуповым зафиксировано около 35 кладбищ Волжской Булгарии с надгробиями золотоордынского периода [2].

Такова краткая история изучения археологических памятников булгарской культуры в закамской части республики. Следует отметить, что выбранные районы были подвергнуты сплошному обследованию. Поселения и местонахождения датируются по керамике, достаточно хорошо классифицированной к настоящему времени. Учтены и уточнены сведения, имевшиеся в старой литературе [3]. Результаты исследований казанских археологов частично нашли отражение в печати [4]. Из этих работ наиболее ценной по вопросу о территории и поселениях Волжской Булгарии является книга Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова «Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.», где дан свод городищ и приложена карта всех памятников, известных до 1952 г.

В 1964 г. III отряд Татарской археологической экспедиции под руководством автора этой статьи (руководитель второй группы отряда — Р. С. Габяшев) проводил большие разведки по четырем маршрутам: водораздел Бездны и Утки, бассейн верхнего и среднего течения Утки, вер-

---

[2] Полевые материалы Татарской археологической экспедиции находятся в Кабинете археологии КИЯЛИ АН СССР. Материалы, собранные отрядом Госмузея, поступили в указанный музей. Помимо работ казанских археологов, в описываемом районе небольшие исследования проводила Куйбышевская археологическая экспедиция. Так, в 1939 г. отряд под руководством А. В. Збруевой проводил разведки в нижнем течении Утки. В 1952 г. разведочная группа этой же экспедиции, возглавляемая Н. Д. Мец, выборочно изучила некоторые булгарские поселения по рекам Каме, Шенталке и Толкишке в Чистопольском районе. Памятники, выявленные этими отрядами, вторично осмотрены казанскими археологами при прохождении маршрутов в 1960 и 1961 гг. Следует также отметить, что во время раскопок городища Великие Болгары под руководством А. П. Смирнова были изучены пять поселений домонгольского и золотоордынского периодов (Отчеты Куйбышевской археологической экспедиции хранятся в Институте археологии АН СССР и в его Ленинградском отделении).

[3] А. А. Артемьев. Древний булгарский город Жукотин. СПб., 1851; К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Вятской, Тр. I АС, II, М., 1871, стр. 521—594; С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1878; И. А. Износков. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках. ИОАИЭ, I, Казань, 1878, стр. 110—114, 124, 125; III, 1884, стр. 73—84; В. А. Казаринов. Заметки о селениях Чистопольского уезда. ИОАИЭ, II, Казань, 1880, стр. 180—183; Н. А. Толмачев. Об остатках древности в пределах Казанской губернии. Тр. IV АС, I, Казань, 1884, стр. 81—109; А. И. Савельев. Городища древнего Болгарского царства. СПб., 1892; П. А. Пономарев. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии, ИОАИЭ, X, 5, Казань, 1892, стр. 467—486; XI, 1893, стр. 321—337; И. А. Износков. Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии. ИОАИЭ, XII, 6, Казань, 1894, стр. 562—569; XIII, 1, 1895, стр. 10—18; В. Карасев. Материалы для археологической карты Казанской губернии. Казань, 1911; А. А. Спицын. Заметки из поездки 1898 года. ИАК, 60, СПб, 1916, стр. 73—83; А. К. Булич. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТССР, Вестник научного общества Татароведения, 4, Казань, 1926, стр. 77—79.

[4] Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания. Материалы по истории Татарии. II, Казань, 1948, стр. 145, 146; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР, сер. истор. н., Казань, 1954, стр. 63—126; История Татарской АССР (II глава, написанная Н. Ф. Калининым), I, Казань, 1951, 1955; Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960; А. Х. Халиков. Археологические исследования ИЯЛИ КФАН СССР в 1957—60 гг. в Татарской АССР, Сб. Вопросы истории Татарии, Казань, 1962, стр. 251—269; Р. Г. Фахрутдинов. К вопросу об оборонных укреплениях домонгольской Булгарии. Археологический сборник, Л., 1964, стр. 111—115.

Дата	Маршруты и памятники													Всего
	водораздел Бездны и Утки			Утка		Майна			Малый Черемшан					
	валы	селища	местонах.	селища	местонах.	городища	селища	местонах.	городища	селища	местонах.	находки	надгробия	
Общебулгарские	—	1	7	—	10	—	—	1	1	14	70	1	—	105
Булгарские ранние	1	7	2	11	4	2	7	1	4	124	33	—	—	196
Булгарские ранние и поздние	—	—	—	1	—	—	1	—	—	5	—	—	—	7
Булгарские поздние	—	4	—	1	—	—	1	—	—	2	3	—	1	12
Итого:	22			27		13					258			320

ховье Майны, бассейн левого берега верхнего и среднего течения Малого Черемшана [5].

Итогом работ экспедиции являются обнаруженные впервые 320 булгарских археологических памятников. На основе собранного материала они датируются двумя периодами истории Волжско-Камской Булгарии — домонгольским или раннебулгарским (X — первая половина XIII в.) и золотоордынским или позднебулгарским (вторая половина XIII — первая половина XV в.). Памятники с ограниченным и мало выразительным материалом датированы общебулгарским временем. К таким памятникам относятся некоторые поселения и большинство местонахождений. Приводим типологическую и хронологическую таблицу всех памятников, изученных в 1964 г.

Все пройденные маршруты (рис. 1; на эту же карту нанесены все остальные поселения и могильники, выявленные перечисленными выше экспедициями) охватывают районы расположения самых крупных городищ Волжско-Камской Булгарии — Биляра, Булгара и Сувара. Чрезвычайно интересны данные изучения бассейна Малого Черемшана, где впервые выявлено такое большое количество памятников, что можно говорить о наиболее плотной заселенности этих земель по сравнению с другими районами. Новые городища с окружающими селищами дают определенные сведения о формировании феодальных отношений в крае. Полученные материалы интересны для освещения вопросов о размерах территории Волжско-Камской Булгарии домонгольского времени и о перемещении основной части населения в другие районы края в золотоордынское время.

В 1964 г. по водоразделу Бездны и Утки обследованы берега суходолов, балок, небольших озер и болотистых низин. Данная территория представляет собой лесостепную зону с преобладанием степи. Карта растительности республики показывает, что здесь простираются сельскохозяйственные земли на месте луговых степей и остепненных лугов в сочетании с массивами широколиственных лесов [6]. По данному маршруту выявлено 22 памятника, среди них 12 селищ, остальные являются местонахождениями; имеется одна оборонительная линия. Из 12 поселений четыре относятся к золотоордынскому, остальные — к домонгольскому времени. Создается впечатление, что район, примыкавший к городу Булгару с юга и юго-востока, не был плотно заселенным. Для развития земледелия описываемый район нельзя считать неблагоприятным. Ахтай-Майнский фи-

[5] Охвачены все притоки Малого Черемшана от ее истоков до д. Чувашский Брод, за исключением верховья речки Билярки.

[6] Разработана А. Н. Лукичевой по материалам Ботанического института им. В. Л. Комарова, М., 1962.

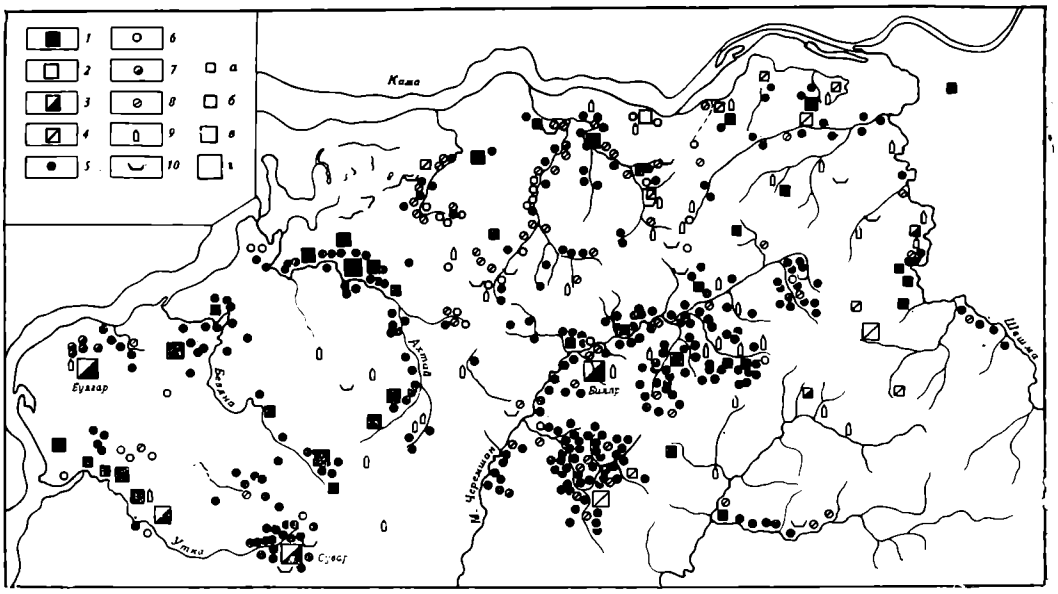


Рис. 1. Карта расположения булгарских памятников

1 — городища раннебулгарские; *2* — городища позднебулгарские; *3* — городища, относящиеся к обоим периодам; *4* — городища общебулгарского времени; *5* — селища раннебулгарские; *6* — селища позднебулгарские; *7* — селища, относящиеся к обоим периодам; *8* — селища общего булгарского времени; *9* — эпитафии позднебулгарские; *10* — могильники и кладбища без камней; *11* — длинные валы. Размеры городищ: *а* — до 25 тыс. *м*², *б* — от 26 до 100 тыс. *м*², *в* — от 101 до 1 000 000 *м*², *г* — свыше 1 000 000 *м*²

зико-географический район, в состав которого входит и исследованный нами участок, характеризуется распространением обыкновенных и мощных террасовых глинистых и сутлинистых черноземов[7]. Хорошие природные условия для земледелия подтверждаются густозаселенностью основных водных артерий этого района — Ахтая и Бездны (рис. 1). Главной причиной слабой заселенности южных и юго-восточных окрестностей города Булгара, как нам кажется, был их стратегический характер. По-видимому, население не стремилось жить в этой открытой местности на стыке военных путей; ведь именно здесь была арена военных столкновений булгар с иноземцами. Нашу мысль подтверждает следующее. Нами обнаружена целая фортификационная система, состоящая из двух рядов валов и рва между ними. Она начинается северо-восточнее дер. Молоствовки, идет в западном направлении и кончается в 4,2 *км* к юго-востоку от Булгарского городища, примыкая вплотную к верховьям большого суходола. Длина укрепления 7,5 *км*, общая ширина обороны 57 *м*, высота вала со дна рва в наиболее хорошо сохранившемся месте — 10 *м*[8]. Данное укрепление является внутренним по отношению к линии, обнаруженной в 1961 г. и состоящей из системы городищ и остатков длинного вала между ними[9]. Расстояние между двумя указанными линиями — около 12—15 *км*. Оба эти солидные по тому времени фортификационные сооружения предназначались, очевидно, для защиты столицы Булгарии от нападения с юга и юго-востока. Наличие целых оборонительных систем является хорошим доказательством военно-стратегического характера земель, прилегавших с юга к городу Булгару[10].

---

[7] Сб.: «Физико-географическое районирование Среднего Поволжья». Казань, 1964, стр. 144.

[8] Указанное сооружение, выявленное в 1964 г., дополнительно изучено в 1966 г., уточнены некоторые детали его планировки.

[9] Р. Г. Фахрутдинов. К вопросу об оборонных укреплениях домонгольской Булгарии, стр. 112—115.

[10] После написания данной статьи велись новые разведочные исследования в районе к северу и северо-востоку от Булгара. Работа казанских археологов 1965—

Хорошей заселенностью отличались окрестности г. Сувара. Картографирование всех памятников, выявленных в результате работ А. П. Смирнова в 1930-х годах и наших разведок в 1961 и 1964 гг., показывает, что район данного городища лишь в радиусе 9 *км* насчитывает 34 памятника. Западно-Закамский типично лесостепной район, охватывающий и верхнее течение Утки с городищем Сувар, характеризуется умеренно-континентальным климатом и распространением черноземных почв, особенно выщелоченных [11]. Аль-Мукаддеси (вторая половина X в.) указывает «множество пахотных полей и иных богатств» у жителей Сувара [12]. Помимо благоприятных почвенных условий, причиной хорошей заселенности пределов Сувара является удобная естественная защита этого района. Сохранившийся до сих пор большой лесной массив в среднем течении Утки и далее к юго-востоку служил, несомненно, серьезной преградой для кочевнических вторжений.

Памятники верхнего и среднего течений Утки, Раткуль, верховьев Бездны и Майны, по-видимому, следует объединить в одну локальную группу, центром которой был Сувар. В нее входили 70 мест поселений, в том числе 6 городищ и 44 селища (на карте не отмечены поселения в верховьях Майны). Вся эта большая группа, безусловно, была оставлена населением, входившим в крупное Суварское княжество. Вспомним восточные источники X в., которые отмечают этот город наряду с Булгаром. Общеизвестно также, что в X в. Сувар чеканил свою монету. Основная часть поселений описываемой группы датируется ранним временем, лишь семь из них относятся к золотоордынской эпохе.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов по поводу изменения территории Волжской Булгарии после нашествия монголов. Как известно, Сувар существовал до конца XIV в. [13] Селища, расположенные непосредственно вокруг городища, в большинстве своем относятся к домонгольскому времени, кроме двух: Кузнечихинского V, датированного на основе материалов экспедиции 1964 г. XIII—XIV вв., и Кузнечихинского III, которое А. П. Смирнов относит к XIV—XVII вв. Последнее селище расположено на «Сувар-горе» у северо-восточного конца с. Кузнечихи.

А. П. Смирнов, пишет: «Вопрос о том, почему местное население связывает этот холм с именем города Сувара, может быть объяснен тем, что после окончательного падения Сувара в XIV в. часть его жителей поселилась недалеко от города, перенеся вместе с тем на новое место и название древнего города» [14]. У местного населения слово «Сувар» сохранилось как за городищем, так и за с. Кузнечихой. Автору этих строк не раз приходилось слышать, как татары не только ближних деревень, но и за несколько десятков километров говорят: «едем на Суар», имея в виду Кузнечиху, бывший райцентр. Татары-старожилы с любовью говорят о некогда мощном и богатом городе, называя его «Шэм-Суар», что в переводе означает «светлый, благородный Сувар».

1967 гг. в зоне Куйбышевского водохранилища в приустьевом участке Камы дала новые многочисленные булгарские поселения как домонгольского, так и золотоордынского времени. В результате многолетних и плодотворных работ казанских археологов в описываемом районе Волго-Камья в 1946, 1960—1967 гг. выявлено более 200 булгарских памятников. Следует также отметить, что многочисленные клады монет и вещей, относящиеся к X и до начала XV в., происходит именно с бассейна нижнего течения левобережья Камы. Таким образом, широкая камская долина с ее просторами и надлуговой террасой, тянувшейся от Булгара до пределов Джукетау, был одним из наиболее густозаселенных районов Волжской Булгарии.

[11] Сб. «Физико географическое районирование Среднего Поволжья», стр. 147, 148.

[12] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен Омар ибн Даста. СПб., 1869, стр. 84.

[13] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, XIX, М., 1951, стр. 264.

[14] А. П. Смирнов. Кузнечихинский район. АИР, М.— Л., 1941, стр. 108.

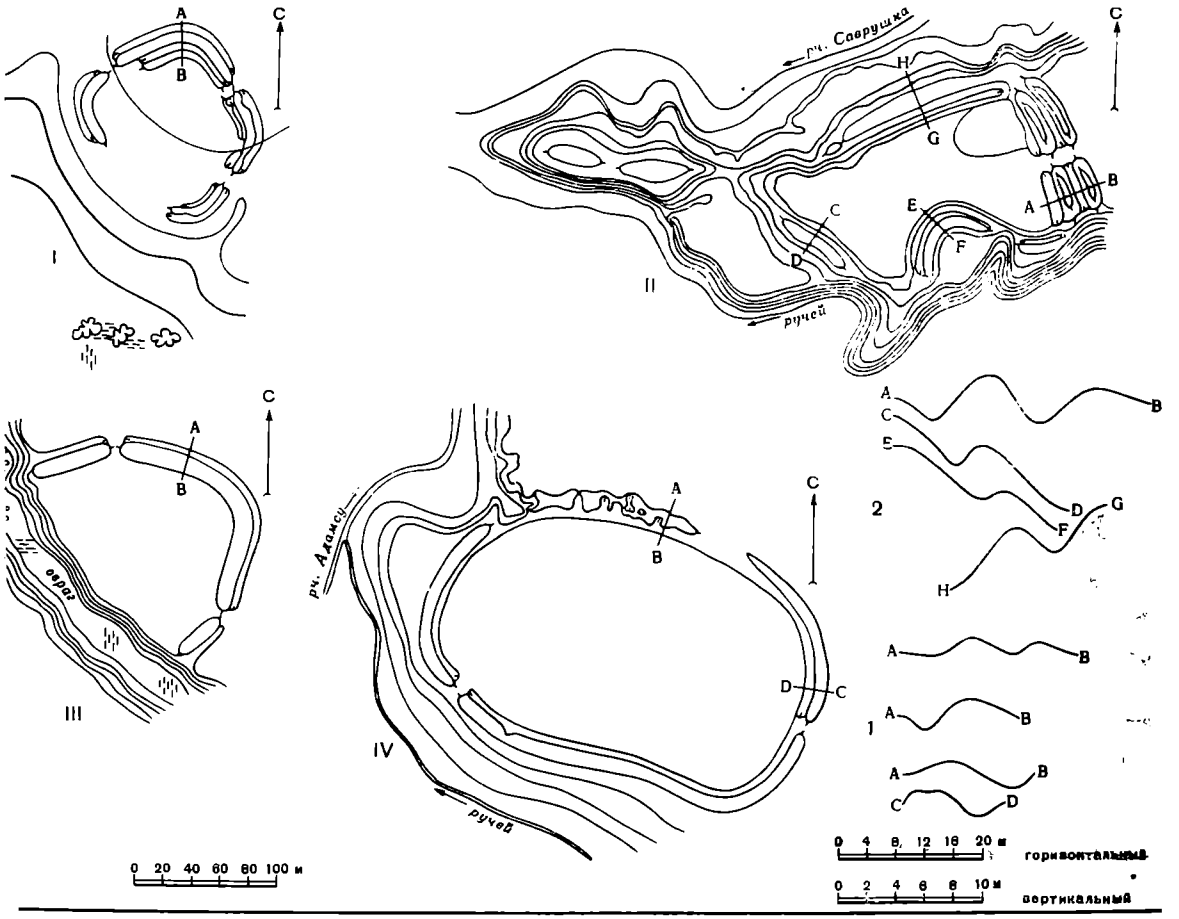


Рис. 2. Планы булгарских городищ

I — Старо-Барановское, *II* — Савгачевское, *III* — Атлашкинское, *IV* — Старо-Татарско-Адамское. Справа — профили укреплений городищ с соответствующей нумерацией

К настоящему времени казанскими археологами почти закончено изучение предволжской территории Татарии, обследована значительная часть Предкамья. Большая часть булгарских памятников сосредоточена в Заказанье по бассейнам рек Меши и Казанки и по нижнему течению Свияги в Предволжье. Однако выявление позднебулгарских поселений и кладбищ в Закамье показывает, что значительная часть населения продолжала жить на своих исконных землях. Нельзя рассматривать эту территорию как «дикое поле» в золотоордынское время, даже во второй половине этого времени, как склонны утверждать некоторые авторы [15]. В Закамье имеются некоторые городища — остатки исторических известных городов: Булгара, Биляра, Сувара, Джукетау, Тубулгатау, причем из них три существовали еще в начале XV в. В Закамье имеются остатки еще трех городов — Кокрятское, Балымерское и Ильдиряковское городища, относящиеся также к двум периодам булгарской истории. В Закамье известно, наконец, более трех десятков кладбищ с эпиграфическими памятниками XIV в. и 50 селищ золотоордынского времени. Интересен комплекс памятников, обнаруженный в 1964 г. у с. Старый Баран Куйбышевского района в верховьях р. Майны. В 3 *км* к северо-востоку от села, на опушке леса, расположено городище подчетырехугольной, близкой к кругу фор-

[15] В. Д. Дмитриев. О происхождении чувашского народа. Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958, стр. 59.

мы, площадью 8100 м². С северной и восточной сторон хорошо сохранились укрепления, состоящие из двух рядов валов и рвов (рис. 2, *1*). В двух местах имеются «ворота» — характерные детали булгарских укреплений. Шурфы, заложенные в трех местах на задернованной площади, не дали культурного слоя, кроме нескольких мелких кусков обожженной глины в слое темно-серой супеси мощностью 15 *см*. Рекогносцировочное исследование еще не решает вопроса о типе данного памятника. Однако учитывая достаточную мощность обороны этого городища при его незначительной площади, этот памятник предположительно можно связывать с усадьбой отдельного князька.

Вокруг городища имеются неукрепленные поселения, одно из них расположено непосредственно за его валами, второе — в 1 *км* к юго-востоку от него. На обоих этих селищах собран раннебулгарский керамический материал, очевидно, городище было синхронно с ними. С юго-западной стороны села, на краю террасы реки, расположено третье селище, которое датируется двумя периодами булгарской культуры; четвертое селище, выявленное в нижних слоях села, относится только к золотоордынскому времени. С последним синхронно старое кладбище («иске зират», «таш билге»), находящееся непосредственно у села; на основе сохранившихся надгробий его время определяется XVI в.[16] Село Старый Баран славится своей величиной и древностью не только у его жителей[17], но и далеко за его пределами, в чем нам пришлось убедиться в течение нескольких экспедиционных сезонов.

Комплекс раннебулгарских селищ и городища, продолжение жизни на одном из этих селищ, основание другого поселения рядом с ним в золотоордынское время, переросшего впоследствии в татарскую деревню, наличие в селе позднебулгарского кладбища, почитаемого местными жителями,— все это является ярким примером единого звена в цепи булгаро-татарской культуры.

Исследование старо-барановских памятников в будущем обещает много интересного. Из известных трех городищ данного района[18] нами осмотрены лишь два. Второе под названием Налеткинского находится в 4 *км* к востоку от села, к настоящему времени от него остались только рвы. Здесь выявлен культурный слой мощностью 25 *см*, содержащий раннебулгарскую керамику.

Густотой расположения памятников в Западном Закамье особо выделяется бассейн левого берега р. Малый Черемшан. В 1964 г. этот район был обследован впервые, если не считать небольших поисков П. А. Пономарева, давшего отрывочные сведения о наличии какого-то городища «версты за 1,5 к востоку от д. Емелькиной» на р. Адам-Су, левого притока Малого Черемшана, и о следах «булгарского аула в $^1/_2$ версты от дер. Емелькиной по дороге в Билярск»[19]. С. М. Шпилевский упоминал лишь одно городище у дер. Новое Альметьево на р. Марасе[20].

Долина Малого Черемшана среди многочисленных рек и речек Татарии выделяется своим природным богатством. Большие луга, покрытые многобразной и сочной травяной растительностью, и до настоящего времени являются прекрасным источником корма для скота. Черемшанский

---

[16] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. стр. 21.

[17] Татарское название с. Иске Рәжәп (Старый Резяп) связано с именем старика Резяпа, прибывшего, по преданию, из Тархана и основавшего данное село. Не так давно село имело восемь мечетей, что характерно для весьма больших населенных пунктов.

[18] К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств... стр. 543.

[19] П. А. Пономарев. Отчет об археологической экскурсии в Билярск в июне 1916 года. ИОАИЭ, XXX, 1, Казань, 1919, стр. 109.

[20] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники, стр. 348.

район смешанных лесов отличается своими мелкими угодьями, занимающими свыше 40% территории. Однако в верхнем и среднем течениях реки этот процент снижается. Здесь преобладают открытые участки, общая распаханность земель данного района доходит до 80% [21]. Большие преимущества этого района в хозяйственно-экономическом отношении служили, вероятно, основной причиной густой заселенности его в домонгольский период. Здесь располагаются остатки города Биляра, самого крупного раннебулгарского политического, экономического и культурного центра — столицы домонгольской Булгарии, известной под названием Великого города. В сфере влияния этого города и были сосредоточены многочисленные поселения, население которых находилось в относительном спокойствии по сравнению с населением, проживавшим в более западных районах. Сохранившийся большой лесной массив в водоразделе Малого Черемшана и Сульчи, болотистый и труднопроходимый даже в настоящее время, надо полагать, и в те отдаленные времена был серьезным препятствием для разных кочевников и надежно защищал города и аулы от их набегов.

Как видно из приведенной таблицы, в бассейне Черемшана выявлено 258 памятников, причем из них только 11 относятся к золотоордынскому периоду; 161 памятник существовал в домонгольское время, в том числе 4 городища, 124 села, 33 местонахождения. Остальные 86 памятников остаются общебулгарскими.

При ознакомлении с нашей картой расположения булгарских памятников (рис. 1) бросается в глаза особенная густота памятников в верхних течениях притоков Малого Черемшана. Хорошим примером этого служит группа поселений около дер. Савгачево Аксубаевского района на р. Саврушке. Напротив села, на мысообразной площади высотой над уровнем речки 10—12 *м*, расположено городище (рис. 2, *2*). Его площадь выемкой террасы разделена на две части — А и Б с общим размером 12 825 *м*^{2}. Основная площадь А с напольной стороны ограждена системой укреплений из двух рядов валов и рвов. Высота и ширина внешнего и внутреннего валов соответственно 1,8—9,6 и 1—11,5 *м*, считая от уровня площади городища. Общая ширина линии обороны 36 *м*. Эта же площадь укреплена дополнительными боковыми сооружениями по склонам террасы (очертания см. рис. 2, *2*). В Среднем Поволжье известны булгарские городища с подобной обороной, например, Екатерининское [22], Б. Тоябинское [23], Кашан 1 [24].

Примерно одинаковая мощность культурного слоя площадей городища (А-18 и Б-14 *см*), малые размеры и отсутствие разделяющего вала между ними не дают права предполагать в нем остатки городка с посадом и цитаделью. Скорее всего, само городище представляет собой остатки цитадели, т. е. княжеского замка по отношению к окружающим поселениям, которых насчитывается семь. Самое дальнее из них отстоит от городища всего на 4 *км*. Три селища расположены непосредственно у городища, причем одно вплотную примыкает к восточным укреплениям; два селища размещены за оврагом к юго-востоку и юго-западу от городища. Толщина культурных слоев всех селищ колеблется от 25 до 50 *см*, средние размеры площадей 70 000 *м*^{2}.

В 1,5 *км* от описанного городища, в 800 *м* к юго-востоку от дер. Атлашкина, на краю неглубокого оврага расположено еще одно городище, полукруглой формы и площадью 12 000 *м*^{2}. С юго-запада оно ограничено обрывом, с остальных сторон окаймлено полукруглым укреплением из од-

---

[21] Сб. «Физико-географическое районирование», стр. 150, 151.

[22] В. Карасев. Материалы для археологической карты, стр. 8.

[23] А. П. Смирнов. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у с. Большая Тояба Чувашской АССР. Зап. ЧНИИ, IV, Чебоксары, 1950, стр. 133.

[24] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг., стр. 94.

ного вала и рва (рис. 2, *3*). Ширина линии обороны 14 *м*, высота вала 1,25 *м*. В двух местах через валы имеются проезды, поверхность, когда-то распахивавшаяся, ныне задернована. Шурфовкой выявлен культурный слой мощностью около 40 *см*. Напротив городища, на другом берегу оврага обнаружено селище домонгольского времени площадью 72 000 $м^2$. Эти два поселения, по всей вероятности, связаны с Савгачевской группой.

Третье городище находится в 200 *м* к югу от с. Старого Татарского Адам-Алексеевского района на правом берегу речки Адам-Су, которая течет параллельно речке Саврушке. Форма городища овальная, площадь 34 000 $м^2$. Линия обороны шириной 17 *м* состоит из одного вала и рва, на севере и востоке она значительно разрушена поздними ямами и проезжей дорогой. Подъемный материал с распаханной площади состоит из булгарской керамики домонгольского облика. В окрестности городища расположено пять селищ.

В с. Новое Татарское Альметьево, на стыке р. Марасы и ее правого притока речки Гирей обнаружено еще одно городище, упомянутое С. М. Шпилевским. Оно занимает невысокую, но широкую мысообразную площадь овальной формы, сильно нарушенную застройками и многолетней вспашкой под огороды. По своим размерам площадь данного городища больше остальных перечисленных — 40 000 $м^2$. С напольной стороны городище ограждено двумя рядами сильно нарушенных валов с проездом в середине. Собранный на нем материал относится к домонгольской эпохе. Особая насыщенность памятниками бассейна р. Марасы в районе расположения этого городища (см. карту), позволяет рассматривать его как центр крупного землевладения.

Пятое городище, которое следует отнести к типу убежищ по его незначительным размерам (2 000 $м^2$) и отсутствию находок, расположено в 2,5 *км* к юго-востоку от дер. Новая Амзя на левом берегу речки Гирей. Характер укреплений, положение его среди булгарских селищ и отсутствие в этом районе поселений другой культуры не оставляют сомнения в принадлежности этого городища булгарам.

Кроме ранних комплексов, на Малом Черемшане есть несколько памятников золотоордынского времени [25]. Недалеко от Савгачевского городища находится Урмандеевское II селище. Напротив него, на правом берегу речки, есть кладбище, где ранее были обнаружены три надгробия. Из них уцелело лишь одно, отнесенное Г. В. Юсуповым к XIV в. Остальные два камня недавно уничтожены местными жителями-чувашами. В 4 *м* ниже по течению реки от этого кладбища, у с. Старый Савруш имеется еще одна могила с камнем золотоордынского времени [26], а на другом берегу той же речки, напротив кладбища, выявлено местонахождение позднебулгарской керамики.

Позднебулгарские памятники, несмотря на их малочисленность, выявлены в продолжение всего маршрута по Малому Черемшану. Из семи селищ два дают чистый позднебулгарский материал, остальные датированы переходным домонгольско-золотоордынским временем.

Определение времени памятников, обнаруженных экспедицией, как и раньше, произведено по керамике. Булгарская гончарная посуда, особенно домонгольского времени, хорошо освещена в литературе. Обобщающей является работа Т. А. Хлебниковой, детально разбирающей особенности раннебулгарской керамики [27]. Керамика, собранная нами в 1964 г. на домонгольских поселениях, в большинстве своем гончарная, коричневого,

---

[25] К 10 памятникам, обнаруженным нами, следует добавить еще 7 кладбищ с сохранившимися надгробиями из исследований Г. В. Юсупова. Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, стр. 20—21, и его полевые материалы последних лет экспедиций.

[26] Г. В. Юсупов. Ук. соч., стр. 20.

[27] МИА, № 111, М., 1962, стр. 93—152.

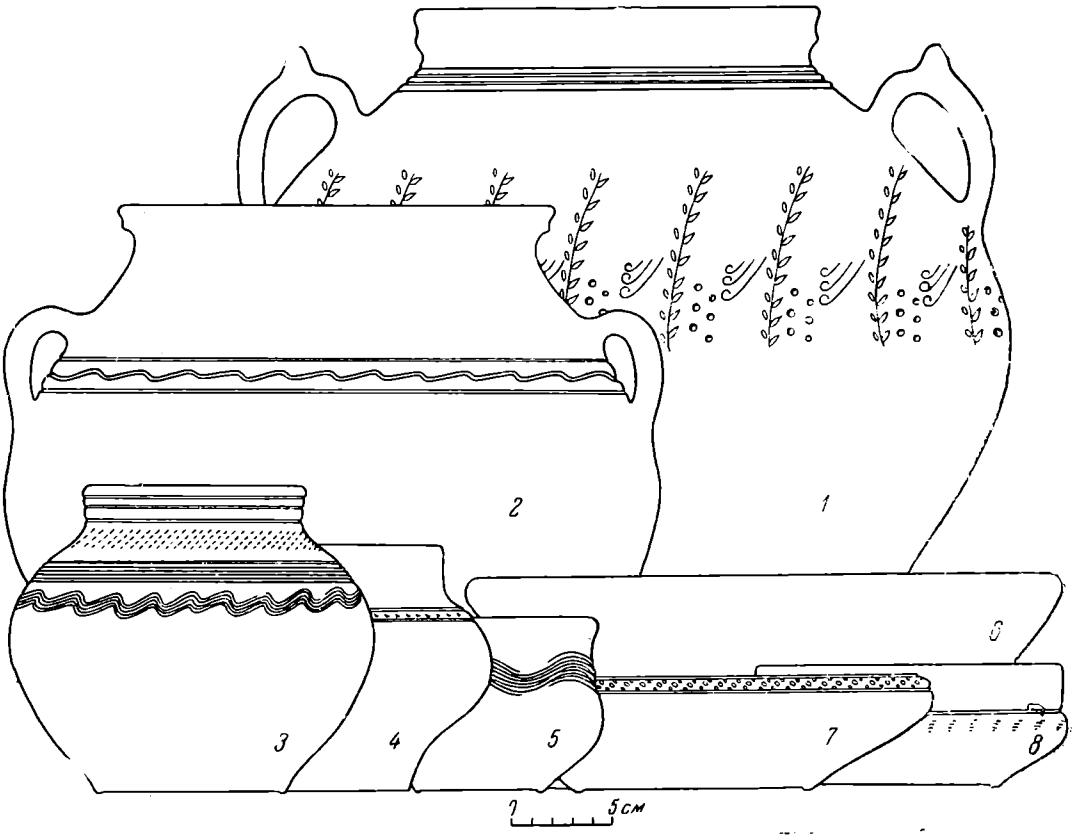


Рис. 3. Булгарская гончарная посуда

желто-красного и серого цвета, из хорошо отмученной глины с примесью мелкого, редко — крупного песка. Основная часть обломков имеет характерное для булгарских глиняных сосудов лощение, как вертикальное, так и горизонтальное. Реконструкция сосудов дает самые различные формы: горшковидные, мискообразные и чашевидные различных размеров (рис. 3). Эти формы в той или иной степени находят аналогии в материалах памятников, рассмотренных Т. А. Хлебниковой.

На рис. 4 мы представили наиболее характерные элементы орнамента на гончарной посуде. К домонгольской эпохе относятся № 1—25, 34. Преобладает линейный орнамент, как самостоятельный мотив (*1, 2*), так и в сопровождении с различными элементами, выполненными гребенчатым штампом (*3, 4*), ямочными вдавлениями круглой (*5*), овальной (*6, 7*) и других форм (*8—13*). В небольшом количестве имеется орнамент, выполненный только оттисками гребенчатого штампа (*15, 16*). На втором месте после линейного стоит волнистый орнамент (*17—19, 22*). Он иногда сопровождается резными линиями (*20, 21*) и овальными вдавлениями (*23*). Встречены сложные узоры из каннелюр, фасок и заштрихованных линий (*14, 25, 34*). Многие элементы орнамента имеют аналогии в посуде ранее исследованных поселений, особенно Рождественского селища[28]. Следует добавить, что в этом году среди материала Старо-Татарско-Адамского II селища впервые найден растительный узор на обломке сосуда домонгольского времени (*24*, опыт реконструкции см. на рис. 3, *1*).

Среди гончарной домонгольской посуды выделяется группа фрагментов от сосудов темно-серого или серого цвета, с растительной примесью

[28] Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар, стр. 101, 103, 134, 135.

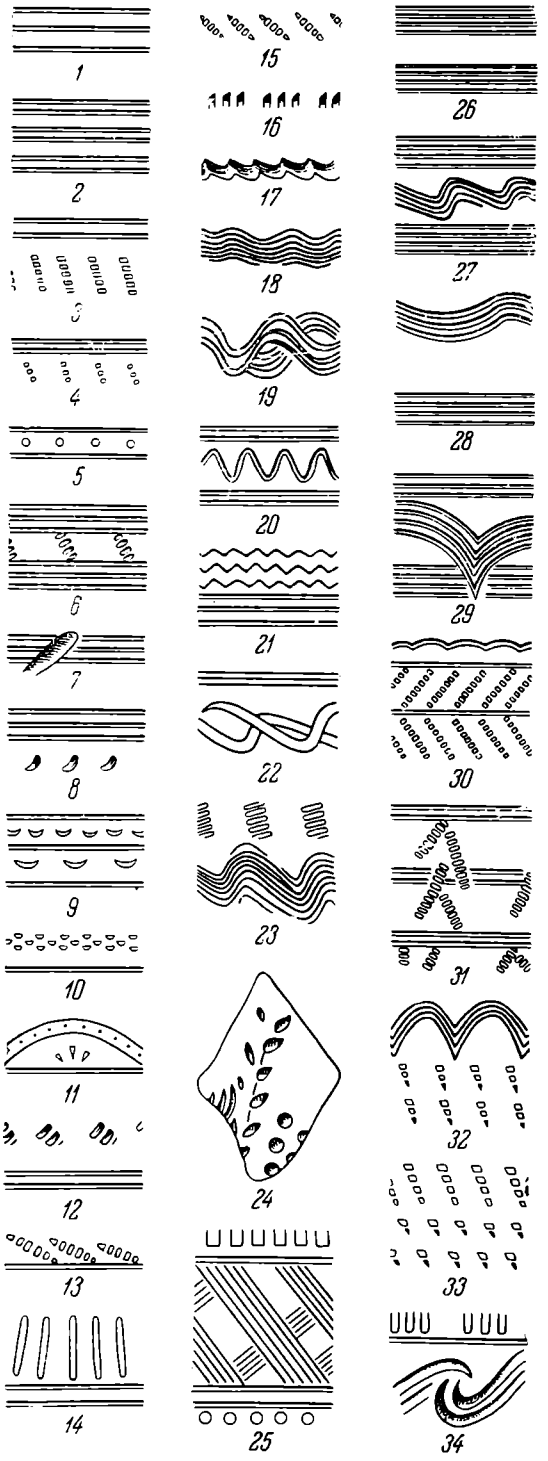


Рис. 4. Орнамент на булгарской гончарной посуде

1—25, 34 — домонгольского времени, *26—33* — золотоордынского времени

в тесте. В небольшом количестве она имеется в материалах, собранных на Большом Пальцинском, Малом Пальцинском и Кайбельском селищах [29].

Хорошим датирующим элементом булгарской гончарной керамики являются венчики крупных горшковидных сосудов-корчаг с сильным наружным желобчатым утолщением, которые характерны лишь для посуды домонгольского времени [30]. Большое количество таких венчиков собрано экспедицией в 1964 г. (рис. 5, *1, 3—4* — от корчаг, причем № 3 сочетается с посудой, содержащей в тесте растительную примесь; № 4 — с лепной булгарской посудой; № 2 — от больших горшковидных сосудов).

Булгарская посуда золотоордынского времени не имеет еще подробной классификации, однако работами В. В. Гольмстен, А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина и других исследователей накоплен достаточно выразительный материал для того, чтобы отличить ее от домонгольской. Позднебулгарская посуда, собранная нами в 1964 г., отличается от ранней по фактуре, форме и орнаменту; но это различие не коренное. Посуда золотоордынского времени является продолжением раннебулгарской, ее отличает лишь более высокая ступень гончарного производства. Фактура в основном та же, но отличается плотностью обжига. Если в уже развитое золотоордынское время (XIV в.) она имеет кирпично-красный цвет, то в первую фазу (XIII в.) она желто-красная, порой желтая. От домонгольской ее отличает форма венчика сосудов и орнамент. На позднебулгарских сосудах обычно в середине изгиба горла имеется налепной валик (рис. 5, *5*). Орнамент характеризуется наличием строго расположенных резных линий в несколько рядов, как в виде самостоятельного элемента (рис. 4, *26*), так и в сочетании с волнистыми или арочными зональными же

[29] Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар, стр. 104, 108, 114.

[30] Там же, стр. 140—142.

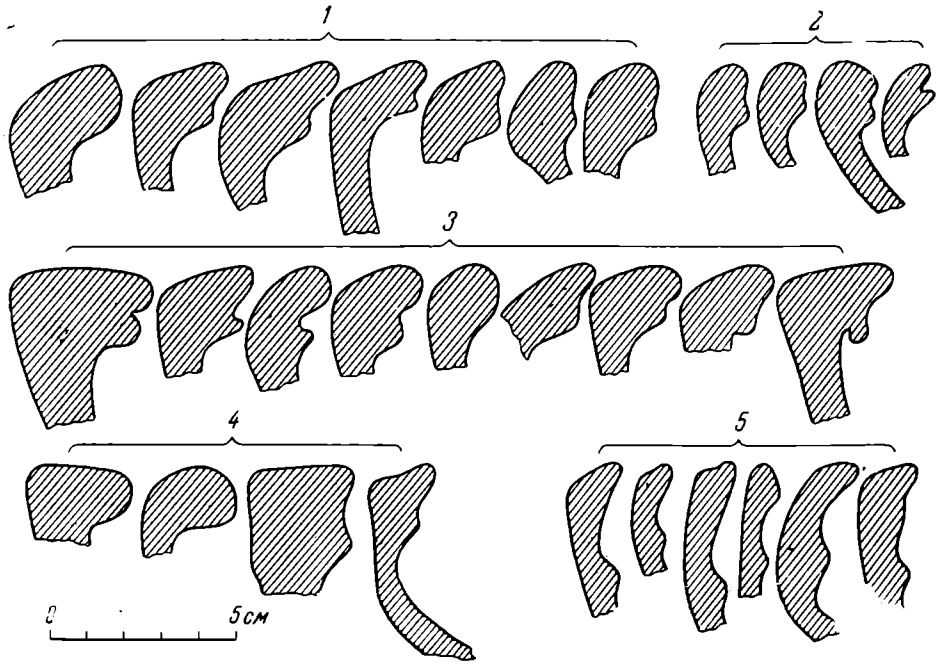


Рис. 5. Профили венчиков булгарской гончарной посуды

1—4 — ранние, *5* — поздние

линиями (рис. 4, *27—29*). Много найдено фрагментов сосудов с елочными узорами, составленными из строго расположенных рядов гребенчатого штампа (рис. 4, *30*). Орнамент в виде птичьих лап, нанесенный сверху резных линий на тонкостенной плотной красной посуде, также следует считать поздним. Наконец, имеется еще один тип позднебулгарской посуды, несколько отличающейся от основной массы по своей фактуре — она содержит в тесте большое количество песка, однако обжиг ее высокий. Цвет — розовато-желтый или розовато-коричневый; на сосудах нанесен орнамент из строго расположенных трех- или четырехугольных наколов гребенчатого штампа. Аналогии им имеются в материале Джукетауского городища, которое существовало в золотоордынское время[31].

Из числа находок мы приводим здесь найденную местными жителями на Суварском городище серебряную шейную гривну, сплетенную из шести проволок (рис. 6). Такие гривны не выходят за пределы XII в.[32]

Таковы некоторые наши наблюдения над булгарскими памятниками, обнаруженными в закамской территории Татарской АССР в 1964 г. Большое количество поселений, выявленных экспедицией путем сплошных разведок, заполняет белые пятна археологической карты Закамья, расширяет наше представление о территории Волжской Булгарии. Обследованы районы расположения самых крупных центральных городов Волжской Булгарии — Биляра, Булгара и Сувара, самые густозаселенные области Булгарии. Зафиксированные отдельные группы поселений во главе с городищами — остатками феодальных замков — представляют интерес в решении вопросов формирования феодальных отношений в крае. Более чем с 300 памятников собрана однотипная характерная булгарская гончарная керамика с лощением, что свидетельствует о единстве обладателей этой керамики. Наша карта дает представление о размещении домонгольских памятников Закамья и о перемещении основного населения в золотоор-

[31] Коллекционный материал 1960 г., собранный II отрядом Татарской археологической экспедиции под руководством Т. А. Хлебниковой. Хранится в кабинете археологии КИЯЛИ АН СССР.

[32] О. С. Хованская. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау. СА, 1958, I, стр. 243.

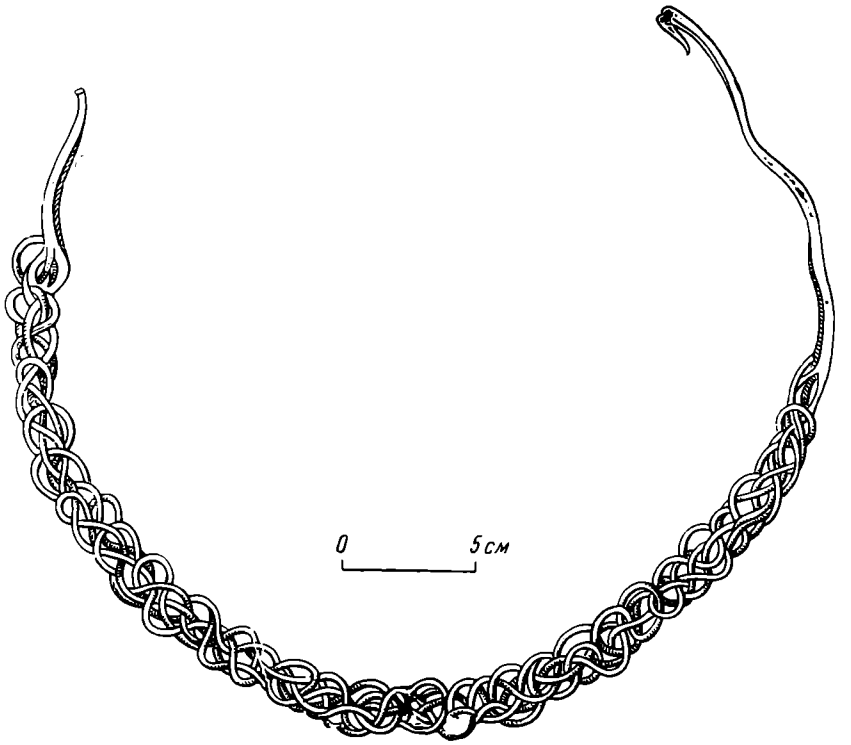


Рис. 6. Булгарская серебряная шейная гривна

дынское время с этой территории. Это подтверждает прежние наблюдения, отмеченные исследователями, занимавшимися памятниками булгарской культуры [33]. Исследования последних лет свидетельствуют также, что часть булгарского населения Закамья и в позднезолотоордынское время осталась на своих землях, развивая свою культуру, которая позднее переходит в культуру казанских татар.

R. G. Fakhroutdinov

NOUVEAUX MONUMENTS ARCHEOLOGIQUES DE LA BULGARIE DE VOLGA DANS LA TARTARIE

Résumé

Le territoire de l'extension des monuments de la Bulgarie de Volga de la période d'avant l'envahissement mongol et de celle de Zolotaia Orda (Horde d'Or) était peu étudié jusqu'à présent.

Grâce aux travaux de prospection de l'expédition archéologique — Tartare un ample matériel d'une grande importance pour l'éthnogenèse des Tartares de Kazan a été recueilli.

R. G. Fakhroutdinov dont les travaux sont consactés aux monuments bulgares du bassin de Kama une nouvelle interprétation de beaucoup de questions de l'histoire des Bulgares de Volga en se basant sur de nombreux matériaux recueillis par lui — même lors des expéditions donne.

Particulièrement, il explique une faible densité de pa population des environs du. Bulgar par des raisons stratégiques.

L'auteur prouve que le Souvar antique appartenait aux Bulgares (tartares) et non aux Tchouvaches.

A la base des matériaux céramiques la datation de nombreux hameaux a été effectuée aussi bien que la succession des monuments du temps antérieur à l'envahissement des Mongols et des monuments de Zolotaia Orda était établie.

La cartographie des monuments démontre avec évidence que la partie la plus importante des Bulgares de Volga était repoussée par les hordes mongoles du bassin de Kama.

[33] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 53; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ, стр. 106, 107.

А. В. ЦИРКИН

КИРЖЕМАНОВСКИЙ КЛАД

В дореволюционной исторической литературе хозяйство Мордовии и, в частности, земледелие, выпадало из поля зрения исследователей.

Существовало ошибочное представление о том, что у древней мордвы основой хозяйства была охота и собирательство [1]. И только в 30-х годах XX в., благодаря новым данным, добытым раскопками советских археологов как на территории мордвы, так и в смежных с нею областях, традиционная точка зрения подверглась критическому разбору и была опровергнута.

А. В. Арциховским и несколько позднее А. П. Смирновым было высказано мнение о растущей роли земледелия, которое у мордовских племен превращается из подсобного мотыжного земледелия в подсечное [2].

Действительно, археологические находки из древнемордовских памятников II—VII вв. подтверждают выводы авторов. В указанный период у мордвы в хозяйстве преобладала подсечная система. В таких могильниках, как Селикский, Армиевский, Ражкинский, Серповой и других, расположенных на территории Пензенской области [3], а также в курганной группе у с. Андреевки [4] Мордовской АССР пашенных земледельческих орудий археологами не обнаружено, зато было найдено большое количество широколезвийных топоров.

Первые признаки, указывающие на зарождение пашенного земледелия у мордвы, дают материалы городища Ош-Пандо. В его культурном слое VII—IX вв. были найдены три сошника, несколько серпов и другой хозяйственно-бытовой инвентарь. Ошпандинские сошники имели размеры от 120 до 140 *мм* при ширине втулки от 62 до 70 *мм*. На городище были найдены также зернотерки и зерна культурных растений (полбы, ячменя, ржи и гороха).

Находки такого сравнительно большого количества орудий на одном памятнике, в сочетании с зернами культурных растений, свидетельствуют о переходе мордвы, населявшей Присурье, к пашенному земледелию. Это во-первых. Во-вторых, ошпандинские сошники, по признанию специалистов по древнему земледелию (В. И. Довженок, В. П. Левашова, А. В. Кирьянов, М. Ф. Жиганов и др.), являлись уже не орудиями мотыжного земледелия, как это отмечал исследовавший городища Ош-Пандо П. Д. Степанов, а были рабочими частями пашенных орудий.

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. I, 1, М., 1959, стр. 117.

[2] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле. ПИДО, 11—12, М., 1934, стр. 40; А. П. Смирнов. Очерк древней истории мордвы. Тр. ТГИМ, 9, М., 1940, стр. 143—144.

[3] М. Р. Полесских. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1952—1957 гг. Рукоп. фонд Пензенского областного музея.

[4] П. Д. Степанов. Андреевский курган. Тр. МНИИ, 27, Саранск, 1964, стр. 206—269.

Исследователи, занимающиеся мордовскими древностями, полагали, что в восточных районах Мордовского края вряд ли было развито пашенное земледелие. При этом указывалось на отсутствие находок земледельческих орудий в этих районах. Однако находка Киржемановского клада сельскохозяйственных орудий, по-видимому, кладет конец этому сомнению. Этот клад был обнаружен в 2 *км* к северо-востоку от с. Киржеманы Атяшевского района Мордовской АССР в бассейне р. Нуя. В его составе железные сошники, плужные резаки, серпы, косы, топоры, тесла и т. д. Клад хранится в археологическом музее при Мордовском гос. университете в Саранске.

В первой половине II тысячелетия у мордвы произошли качественные изменения в развитии почвообрабатывающих орудий, основными орудиями для обработки земли были соха, а позднее плуг. В северных и восточных районах Мордовии применялась преимущественно соха. На западе и на юге мордовской земли — соха и плуг. Как соха, так и плуг делались из дерева и только рабочие части их изготавливались из железа. Для сохи это был сошник, а у плуга — лемех.

Среди археологического материала мордвы позднего средневековья сошники — довольно редкая находка. Наиболее древними сошниками, как уже отмечалось, являются сошники из верхнего горизонта городища Ош-Пандо [5].

Сошники из Киржемановского клада — вдвое больше, чем ошпандинские. Всего в кладе было найдено три сошника, причем один из них типа лемеха, имевшего оковку по наружному краю (рис. 1, *1*). Лемех представлял собой широкую клиновидную лопату, немного выпуклую, с загнутой втулкой в верхней части (общая длина лемеха 370 *мм*). Размеры и форма лемеха близки лемеху, найденному на городище «Пальное» Рязанской области [6].

Техника изготовления лемехов была более сложна, чем сошников. Здесь кроме вытяжки кузнец применял горячую сварку.

Два сошника из Киржеманского клада были наварными, состоявшими каждый из двух одинаковых частей, сваренных путем горячей ковки. У них были следующие размеры: первый сошник имел длину 320 *мм*, ширину втулки 160 *мм*, длину втулки 120 *мм*; второй сошник соответственно 300 × × 150 × 100 *мм* (рис. 1, *2*, *3*).

В Киржемановском кладе были найдены три плужных резака. Чересла, так же как и лемеха, редкая археологическая находка в мордовских памятниках начала II тысячелетия. До настоящего времени был известен лишь один резак из Муранского могильника. М. Ф. Жиганов отмечал, что плужный резак из этого могильника близок резакам из булгарских памятников XIII—XIV вв. [7]. Однако булгарские плужные ножи имеют загнутую режущую часть, направленную вперед по ходу движения лемеха, чем они отличаются от аналогичных рабочих частей древнемордовского плуга.

Найденные в Киржемановском кладе два чересла имеют длину 540 *мм*, третье — 590 *мм* (рис. 2, *1—3*).

По размерам и конструктивным особенностям эти плужные резаки близки к чересламиз древнерусских памятников. Точно такой же по форме плужный резак был найден на городище «Пальное» (хранится в Рязанском областном краеведческом музее) [8], а также на городище Девичья гора [9].

---

[5] П. Д. Степанов. Раскопки городища Ош-Пандо в 1949 г. Рукоп. фонд., МНИИ, 89.

[6] Материальная культура мордвы в XIII—XIV вв. Рукоп. фонд МНИИ, № 262.

[7] М. Ф. Жиганов. Некоторые вопросы развития земледелия у мордвы в XIII—XIV вв. Саранск, 1958, стр. 158, 159.

[8] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни в X—XIII вв. Тр. ГИМ, 32, М., 1956, стр. 33.

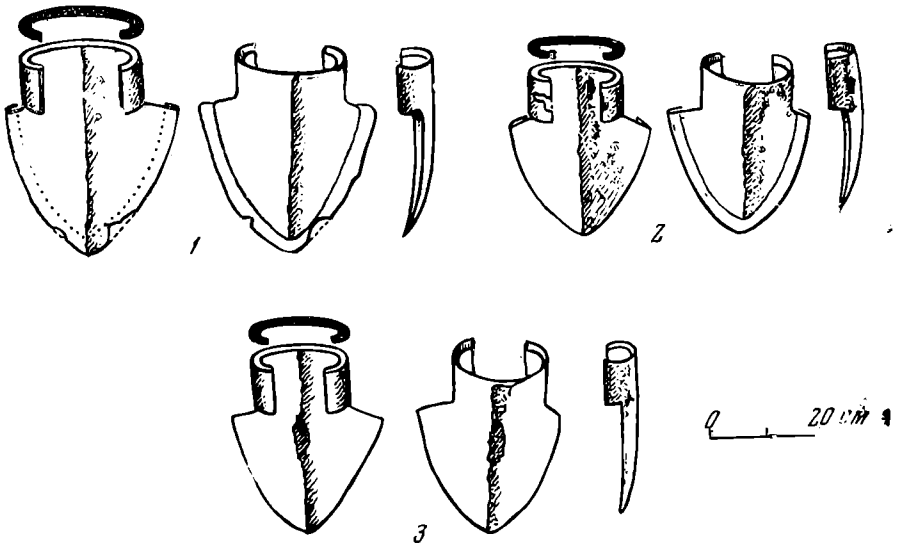


Рис. 1.

1 — плужный лемех, *2, 3* — сошники

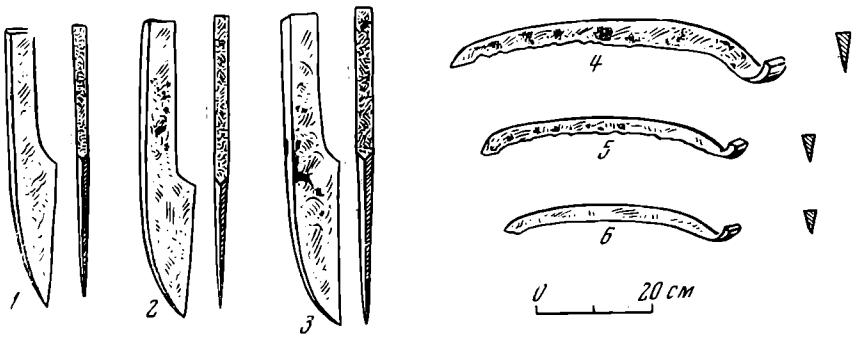


Рис. 2.

1, 2, 3 — плужные резаки, *4, 5, 6* — косы

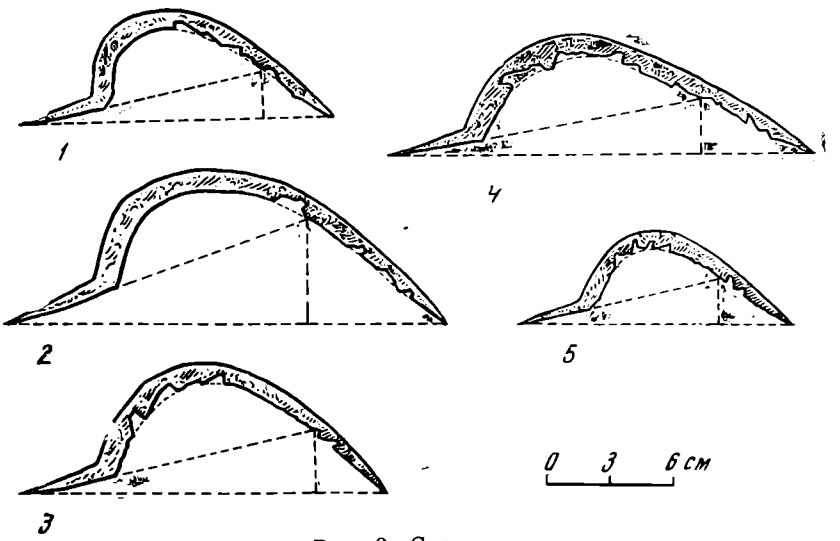


Рис. 3. Серпы

При пашенном земледелии, с его значительными по площади одновременно созревающими участками хлебов, важное место принадлежало орудиям уборки урожая. Серпы в мордовских древностях встречаются сравнительно рано. Так, на городище Ош-Пандо в культурных слоях VIII—IX вв. было найдено семь серпов. Встречаются они и в мордовских могильниках более позднего времени, как правило, в женских захоронениях.

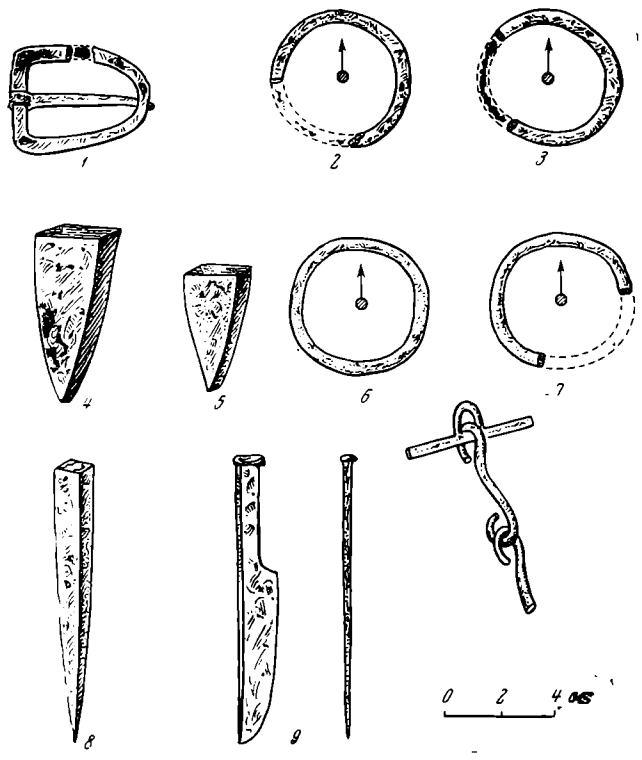


Рис. 4.

1 — пряжка, *2, 3, 6, 7* — кольца для крепления кос к косьевищу, *4, 5* — зубила, *8* — пробойник, *9* — долото, *10* — удила

В составе Киржемановского клада было девять серпов.

Еще в 20-е годы XX в. некоторые исследователи [10] попытались методом аналитической геометрии вывести уравнения кривизны лезвий древних серпов и свести их в несколько групп. Древнерусские серпы выделили в три типа: новгородский, днепровский и московский. Кривая новгородских серпов напоминала параболу, а у днепровского и московского — эллипс. Особняком стоял булгарский серп.

В Киржемановском кладе серпы по своей форме и конструктивным особенностям больше напоминали московский тип и, в частности, серпы из Старо-Рязанского городища [11].

Средний размер серпов из нашего клада колеблется: длина лезвия (по прямой) от 130 до 300 *мм*. Ширина от 28 до 30 *мм* при толщине обушной части 2,5—3 *мм* (рис. 3).

Лезвия у всех девяти серпов не имели насечки, черешок вставлялся в деревянную ручку. Серпы изготовлены широко распространенной в то время техникой: из вязкого железа сделана основа с последующей термической обработкой лезвия [12]. Киржемановские серпы относятся, по-видимому, к XIII в.

---

[9] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 32, 1953, рис. 50.

[10] А. В. Арциховский. К методике серпов. Тр. СА РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 29.

[11] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1965, стр. 165, рис. 128.

[12] Сотрудниками лаборатории металлографии Мордовского государственного университета В. И. Ивлевым и В. И. Полуевым выполнен металлографический анализ одного из серпов (серп № 5). Шлиф был сделан на поперечном сечении центральной части серпа. В результате анализа выяснено, что серп изготовлен из чистого железа с последующей цементацией лезвия. Содержание железа постепенно уменьшается по направлению от острия к тыльной части серпа. Структура металла на острие — перлит и мелкие зерна феррита, содержание углерода примерно 0,4%. Дальше — однородная смесь перлита и феррита, содержание углерода примерно 0,2% и, наконец, крупнозернистый феррит. На шлифе заметно значительное количество шлаковых включений, распределенных равномерно по всему объему серпа.

В указанном кладе особого внимания заслуживают находки трех кос-горбуш (рис. 2, *4, 5, 6*). В древнемордовском археологическом материале признаки, указывающие на наличие косы-горбуши, впервые встречены в материалах Ош-Пандо. В культурном слое VIII—IX вв. было найдено кольцо для крепления косы к косовищу, но самой косы обнаружено не было. К XII в. относятся косы из Ефаевского [13], Кельгининского [14] и Вертелимского [15] могильников, они по своим размерам и форме напоминают древнерусские косы из Старой Рязани [16].

Косы из Киржемановского клада имеют следующие размеры: длина по лезвию от 400 до 500 *мм* при ширине от 25 до 45 *мм*. Толщина лезвия по обуху у всех трех экземпляров 2—3 *мм*. У всех трех на конце сохранились пяточки, с помощью которых они крепились к косовищу. Структура кос двуслойная — на железный клинок наваривалось стальное лезвие.

По размерам и форме киржемановские косы больше всего близки древнерусским косам из Старой Рязани [17]. Таким образом, все три косы могут быть датированы XII—XIII вв.

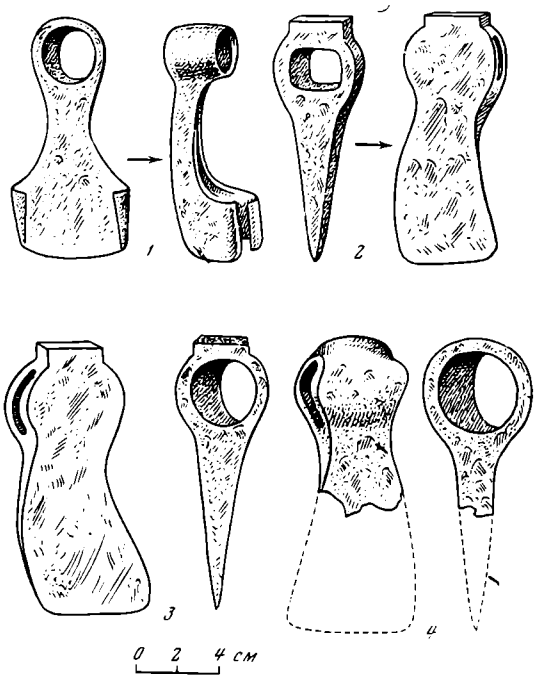


Рис. 5.
1 — тесло, *2, 3, 4* — топоры

Известно, что на косовище древнемордовские косы, так же как и в Древней Руси, прикреплялись черенковой частью (пяткой) посредством железного кольца. В Киржемановском кладе было найдено шесть железных колец (рис. 4, *2, 3, 6, 7*).

Основным поделочным материалом в многообразном древнемордовском хозяйстве и быту было дерево. Снаряжая умершего в загробный мир, вместе с ним в первую очередь клали в могилу топор и нож. Топоры различных форм найдены почти во всех могильниках мордвы VIII—XII вв. Они встречаются и в более позднее время.

В описываемом нами кладе было несколько топоров, причем один плотницкий, с щековицами (рис. 5, *4*), и два топора-молота (рис. 5, *2, 3*). Древнемордовский плотницкий топор не имел обуха (подобно современному) и, следовательно, не мог быть использован дополнительно в качестве орудия для забивки гвоздей, ударов по долоту или пробойнику. Угол заострения лезвия топора из клада составлял примерно 22—25% (вывод Б. А. Колчина).

Все основные виды и формы деревообделочных инструментов выработались у мордвы в глубокой древности. Топоры, долота и тесла приобретали со временем наиболее рациональные формы и с такой конструкцией просуществовали до недавнего времени.

По форме и конструктивным особенностям топоры из клада близко напоминают топоры из Лядинского [18] и Крюковско-Кужновского могиль-

[13] Материальная культура мордвы в XIII—XVI вв. Рукоп. фонд МНИИ № 262.
[14] А. Е. Алихова, Р. Ф. Воронина и А. В. Цыркин. Кельгинский могильник. Тр. МНИИ, 27, стр. 185—205.
[15] А. В. Цыркин. Вертелимский могильник. Отчет об археологических раскопках за 1965 год. Рукоп. фонд МНИИ за 1965 г.
[16] А. Л. Монгайт. Ук. соч., рис. 128.
[17] Там же, рис. 128.
[18] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, табл. X. *15*.

ников [19]. Технологически топоры имели железную основу с последующей термической обработкой — закаливанием.

В Киржемановском кладе было найдено одно тесло, служившее для предварительного и грубого выдалбливания в дереве разнообразных выемов (корыта, лодки, чаши и т. д.). По своей форме — это тот же топор, только с поперечным лезвием (рис. 5, *1*).

Кроме перечисленных орудий труда, в Киржемановском кладе были найдены железная пряжка (рис. 4, *1*), два зубила (рис. 4, *4, 5*), один пробойник (рис. 4, *8*), долото (рис. 4, *9*) и обломок удил (рис. 4, *10*).

Поскольку Киржемановский клад был найден в земле, представлявшей собой культурный слой, можно было бы предположить, что это не клад, а землянка кузнеца-ремесленника. Поэтому в непосредственной близости от места нахождения клада был заложен раскоп 2×4 *м*, но обнаружить остатков жилища нам не удалось. Из находок в раскопке попадались только обломки сосудов, изготовленных на гончарном кругу гладких, лощеных, орнаментированных. Весь мыс, на котором, по-видимому, существовало поселение [20], разрушен вновь образовавшимся оврагом.

Принимая во внимание формы, размеры и конструкцию орудий труда и приведенные им аналогии из древнерусских памятников, можно с известной уверенностью датировать Киржемановский клад XII—XIII вв., т. е. домонгольской эпохой.

A. V. Tzirkin

TRESOR DE KIRGEMAN

Résumé

Dans la littérature historique d'avant la Révolution on n'a pas prêté d'attention à l'économie et particulièrement à l'agriculture des Mordves. Les Mordves étaient considérés comme un peuple incapable de créer rien qui ait une valeur matérielle.

En 1965 près du village Kirgéman de la région d'Atiachévo de la R. S. S. A. M. était trouvé un trésor qui contenait des outils aratoires, et notamment: trois socs, neuf faucilles, trois faux, deux haches-marteaux, deux haches à lame fine, un petit ciseau, un pointeau et un fragment d'un mors.

Formes, dimensions et particularités constructives des instruments du trésor de Kirgéman ont beaucoup d'analogies dans les monuments russes des XIIe—XIVe ss. Le trésor des outils agricoles doit être daté des XIIe—XIVe ss.

Les outils étaient cachés en vue du peril de l'envahissement des Tartares — Mongols.

---

[19] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. 36, *6*.

[20] На другом берегу оврага нами были обнаружены несколько десятков обломков керамики. Некоторые из них имели орнамент, характерный для срубно-хвалынского времени.

Е. С. СИЗОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОКРОВСКОГО ПРИДЕЛА АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА В КРЕМЛЕ

В истории кремлевского Архангельского собора, или «церкви Архангела Михаила на площади», храма-усыпальницы московских великих и удельных князей, крупнейшего памятника московского зодчества начала XVI в., еще немало «белых пятен». Особенно плохо освещен в источниках начальный период в его существовании. Создается невольное впечатление, будто летописи XVI в. старательно обходят этот памятник. До сих пор остается невыясненной история его девяти, появившихся в разное время, приделов. Не составляет исключения и пристройка у северо-восточного угла собора, выходящая на парадную Соборную площадь, позднее название которой — придел св. Уара. Сведения о ней крайне скудны, нет никаких данных о времени ее появления.

Известно, что этот небольшой бесстолпный одноглавый храм до 1848 г. на протяжении более двух столетий назывался Покровским [1], и самые ранние письменные свидетельства о нем, к сожалению, относятся только к середине XVII в. [2]. Впрочем, это касается почти всех приделов собора. Но бесспорно, что интересующий нас памятник существовал еще до прихода в Москву Лжедимитрия I. Об этом можно судить по изображению Архангельского собора на так называемом «Годунове чертеже» [3].

Эта древняя карта города справедливо признана одной из самых достоверных [4]. Несмотря на незначительные размеры собора, показанного на «чертеже», у абсид храма отчетливо различаются два придела, которые расставлены по углам восточного фасада. Справа — интересующий нас придел. К несомненным достоинствам Годуновского плана следует отнести то, что его составитель правильно подметил и передал в рисунке наиболее характерные черты архитектуры собора: мощный карниз отделяет плоскость стены от полукружий закомар, украшенных раковинами; обозначена галерея, которая тогда окружала собор. Автору «Чертежа» удалось показать даже разницу между двумя соседствующими приделами, хотя это дано буквально лишь штрихами. Например, в отличие от пристройки слева у северо-восточного придела обозначен неровный обрез кровли и ломаной линией показан декоративный пояс в верхней части фасада, который, как показывают архитектурные исследования, у него действительно был.

[1] Н. Д. Извеков. Московский придворный Архангельский собор. Сергиев посад, 1916, стр. 78. Перемена названия придела в средине XIX в. с Покровского на Уаровский была связана с перемещением придела Уара из церкви Предтечи, что стояла у Боровицких ворот, в Архангельский собор. Покровский придел перевели тогда из северо-восточной пристройки на третий этаж западной части здания.

[2] Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 387.

[3] Б. Гольденберг, П. Гольденберг. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII, XiX вв., М.— Л., 1935 (приложения).

[4] Н. А. Скворцов. Ук. соч., стр. 35.

На более раннем «Петрове плане» Москвы 1597—1600 гг. Архангельский собор изображен слишком условно, но восточный его фасад нарисован с какими-то прибавлениями. В правом и левом углу нечто в виде вытянутых арочек[5]. Это отличает Архангельский собор от изображений других кремлевских храмов. Трудно сказать, что имел в виду картограф, внося в рисунок эти детали. Не исключено, что так обозначены оба восточных придела, хотя, безусловно, не следует привлекать «Петров план» в качестве бесспорного документа, подтверждающего существование восточных пристроек собора в конце XVI в.

Никаких более ранних документальных свидетельств ни о времени строительства, ни о существовании придела Покрова богоматери не сохранилось, поэтому определить точную дату его создания пока не представляется возможным. Однако анализ и сопоставление скупых письменных известий об Архангельском соборе в связи с изучением основных моментов в истории Москвы XVI — начала XVII в., так же как и натуральные исследования памятника,— вот круг неиспользованных возможностей для выяснения поставленного вопроса. За время существования придела его внешний вид существенно изменился. Последние переделки фасада относятся к XX в. К сожалению, еще не опубликованы материалы последних архитектурных исследований памятника: обмеры, зондажи, эскизный проект реконструкции Покровского придела, исполненные архитектором В. Н. Меркеловой. Анализ полученных результатов и продолжение работ в будущем помогут специалистам атрибутировать этот не лишенный своеобразия памятник.

Настоящее сообщение представляет собой попытку, опираясь на самые общие и косвенные документальные данные, определить возможное время возникновения Покровского придела. Отрезок времени, в рамках которого произошло его сооружение, достаточно велик: от 1508 г. (год окончания строительства Архангельского собора) до начала XVII в., когда был составлен «Годунов чертеж». Среди специалистов нет единого мнения в вопросе о том, когда был построен придел. Причем ни один исследователь не приводит доказательств в пользу своего предположения. Сооружение памятника относят и к первой половине XVI в[6], и к концу XVI — началу XVII в[7]. Только один Н. Д. Извеков связывает возникновение пристройки с определенным историческим моментом. Он предполагает, что Покровский придел мог появиться «в память покорения Казани, до времени построения Покровского собора», т. е. церкви Василия Блаженного на Красной площади[8].

При всем различии мнений обнаруживается и общность взглядов: никто не приурочил появление придела ко времени сооружения Архангельского собора. В самом деле, летописец, отметивший в своей хронике факт строительства такого важного храма, вряд ли бы умолчал о дополнительных приделах, устроенных вне главного здания. Разновременность построек подтверждается рядом признаков: во-первых, обработка фасада придела отлична от архитектурного оформления собора, хотя, безусловно, чувствуется желание строителей придела увязать его формы и декоративное убранство с обликом собора[9]. Во-вторых, стены пристройки и абсида

[5] См. «История Москвы», 1, М., 1952, стр. 225, вклейка на стр. 252—253; Б. Гольденберг, П. Гольденберг. Ук. соч.

[6] А. Власюк. Новые исследования архитектуры Архангельского собора в Московском Кремле. «Архитектурное наследство», 2, М., 1952, стр. 114 и 116.

[7] А. Лебедев. Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880, стр. 105; С. П. Бартенев. Большой Кремлевский дворец, дворцовые церкви и придворные соборы. М., 1916, стр. 161; А. Гончарова, О. Зонова, А. Хамцов. Древние соборы Кремля. М., 1960, стр. 60.

[8] Н. Д. Извеков. Ук. соч., стр. 69.

[9] См. Проект реконструкции придела: В. Н. Меркелова. Эскизный проект придела Уара Архангельского собора. М., 1962, стр. 237 (рукопись). Научный архив государственных музеев Московского Кремля, № 4, за 1963 г.

главного здания между собой не перевязаны. Придел приложен к собору [10]. Кроме того, часть восточной стены собора, оказавшаяся внутри придела, в нижней своей части глубоко подрублена (видимо, из-за тесноты помещения), а наверху сохранила следы первоначальной лицевой отделки. Наконец, размеры кирпича, из которого сложена пристройка, неодинаковы: 7—8×13—14×27—30 *см* [11], в то время как кирпич собора стабилен: 7×14×30 *см* [12]. Таким образом, нет оснований относить устройство придела к 1508 г.

Некоторую ориентировку в выборе примерного времени постройки изучаемого памятника дают летописи. Известно, что в русской истории XVI в. менее освещенным и более тенденциозно представленным летописцами оказался период царствования Ивана IV. Хроники, повествующие о времени правления Василия III, Федорова Ивановича и Бориса Годунова, содержат больше подробных сведений о строительстве, переустройстве и украшении кремлевских зданий. Поэтому отсутствие летописных сведений о Покровском приделе в эти исторические отрезки позволяет думать, что он действительно не был устроен ни при Василии III, ни после Ивана Грозного. Что касается последнего исторического отрезка (конец XVI — начало XVII в.), то по отношению к нему высказанное предположение имеет еще иные обоснования. Среди источников этого периода для истории Архангельского собора особое значение имеют записки архиепископа Элассонского Арсения. Прибывший в Россию на третьем году царствования Федора Ивановича и поставленный через несколько лет быть «безотступно» при соборе-усыпальнице, что прибавило к его титулу звание «архиепископ Архангельский», Арсений больше четверти века находился в центре важнейших московских событий. Призванный служить «завсегды по родителех царских» [13], он, в частности, венчал Лжедимитрия Шапкой Мономаха в приделе Лествичника у гробницы Ивана Грозного. В мемуарах Арсения дана характеристика строительной деятельности царя Федора в Кремле, Москве и в других городах, а говоря о любви Бориса Годунова «к благоукрашению» храмов и палат, архиепископ Архангельский очень точно называет возведенные и украшенные при нем памятники [14]. Но нигде ни слова о каких-либо работах в том соборе, к которому был приписан архиерей. Больше того, из его «Жития» следует, что на средства самого Арсения было создано более 10 церквей в Москве и ее окрестностях; в том числе в Кремле построен двор с церковью Дмитрия [15]. Однако и здесь никаких упоминаний об Архангельском соборе. Значит, за 21 год правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, очевидно, не произошло сколько-нибудь заметных перемен в архитектуре этого здания. Иначе говоря, документальные материалы, связанные с длительным пребыванием архиепископа Элассонского в Кремле, уводят исследователя в определении времени создания Покровского придела в глубь XVI в., а точнее — подводят его к годам царствования Ивана IV.

Выше упомянулось высказывание одного из самых последовательных и вдумчивых дореволюционных исследователей Архангельского собора Н. Д. Извекова о том, что устройство изучаемого предела было, вероятно, связано со взятием Казани в 1552 г. В своем предположении он, видимо, исходил из совпадения названий: Покровский собор на Красной площади, построенный в честь казанской победы, и Покровский придел царской усыпальницы. К сожалению, историк не подкрепил свою мысль рассуж-

---

[10] А. Власюк. Ук. соч., стр. 115.
[11] Там же, стр. 116; В. Н. Меркелова. Ук. соч., стр. 6.
[12] А. Власюк. Ук. соч., стр. 108.
[13] Акты исторические, 2, СПб., 1841, № 355, стр. 422.
[14] А. Дмитриевский. Архиепископ Елассонский и Архангельский и мемуары его из русской истории. Киев, 1899, стр. 92—94, 96—97.
[15] Там же, стр. 51—54, 206—208.

дением. Между тем обращение к источникам позволяет думать, что это событие действительно могло послужить причиной сооружения придела.

Строительство храмов в Москве в честь военных побед не было явлением случайным. Не говоря уже о классическом примере — сооружении собора Василия Блаженного в память об одолении царства Казанского [16], достаточно вспомнить, что еще в XV в., например, Похвальский придел Успенского собора построили в связи с победой над войском хана Седи Ахмата (1459 г.). «Воскресенская летопись» особо подчеркивает, что устроен придел «ради их (т. е. победителей) похвалы» [17]. Эту традицию соблюдали и позже. Так, сооружение в 1593 г. собора Донского монастыря было связано с избавлением от нашествия крымцев [18]. Михаил Романов в 1619 г. велел поставить обетный Покровский собор в своем селе Рубцове в честь успешного сражения с поляками за Москву, происходившего у Арбатских ворот [19]. Известно, наконец, что не обошел этот обычай и древнюю, доалевизовскую, Архангельскую церковь. Летопись сообщает, что в память о Шелонской битве 1471 г. «заложены быша две церкви у Архангела в приделы: Воскресенье Христово да Акила апостол», одну из которых «обещася князь велики поставити», а другую — его воеводы [20]. Небезынтересно отметить, что при устройстве придела к собору-усыпальнице был применен один из распространенных принципов выбора наименования церкви, которую посвящали тому или иному историческому моменту: создание храма во имя святого, на день которого падало данное событие. В последнем случае один из приделов назван в честь Акилы потому, что Шелонская битва происходила 14 июля, в день апостола Акилы [21]. Таким же образом был именован главный алтарь Покровского собора на Красной площади: кульминационный момент битвы за Казань приходится на 1 октября, день Покрова богородицы [22]. Остается выяснить главный вопрос: какие же обстоятельства заставляют полагать, что Покровский придел Архангельского собора появился так же как прямой отзвук на это, одно из важнейших исторических событий в Московском государстве XVI в.

Прежде всего нельзя не заметить, что при подготовке к решающему походу на Казань царь Иван и митрополит Макарий, прибегая к мерам идеологического воздействия на воинов, стремились как бы возвысить древний культ архангела Михаила, главным «домом» которого в Кремле был Архангельский собор. Характерно, что Макарий в грамоте, посланной Ивану IV в Муром, «утверждаючи царя и все его воиньство» [23], проявлял весьма определенную настойчивость в своем обращении к образу небесного покровителя русских воинов. «Да послеть ти господь свыше,— обращался он к Ивану,— на помощь вашу скорого своего архистратига Михаила, предстателя и воеводу святых небесных сил» [24]. Подробно описывая его библейские «подвиги», митрополит в своих упованиях выводит его культ в ту напряженную годину чуть ли не на первое место [25]. Весьма примечательно, что такого поклонения архангелу Михаилу летописцы не отмечают ни в связи с важнейшей победой времени Ивана IV — взятием

---

[16] ПСРЛ, 13, 1, СПб., 1904, стр. 251.
[17] Там же, 8, СПб., 1859, стр. 147.
[18] Там же, 14, СПб, 1910, стр. 43.
[19] Там же, стр. 146; М. Красовский. Очерки истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911, стр. 258.
[20] Там же, 8, стр. 165, 213.
[21] Там же, 8, стр. 165.
[22] Там же, 29, М., 1965, стр. 104, 200.
[23] Там же, 13, 1, стр. 192.
[24] Там же, стр. 193.
[25] См. «Послание митрополита Макария Ивану IV в Муром» от 13 июля 1552 г. ПСРЛ, 13, 1, стр. 192—194; 197.

Полоцка, ни в отношении других военных успехов Московского государства.

Это явление нашло тогда соответствующее выражение и в изобразительном искусстве. Вспомним происходящие из Кремля две иконы, известные под названием «Церковь воинствующая».

Кроме того, в своем послании Макарий обращал мысленные взоры царя Ивана к памяти «великого князя Владимира» Киевского, князей Бориса и Глеба, «великого князя Александра Невского и всех благочестивых сродник» царских [26]. Это обстоятельство тоже играло немаловажную роль в идейном осмыслении событий. Недаром летописцы, рассказывая о движении русских на Казань, подчеркивают, что Иван IV «прочте... и благородно восприах и внутрьуду на скрыжалех сердца своего написах» [27] наставление митрополита Макария и со всем старанием следовал установленному церемониалу поклонения предкам. Во Владимирском Успенском соборе он просил благословения у Александра Невского и прочих «родителей своих прежде почивших государей» [28]; в Муроме приходил с поклоном к «великим чудотворцам князю Петру и княжне Февронии» [29]. Так же методично и настойчиво напоминали власти народу об «участии» царских предков в борьбе с ордынским наследием и после того, как пало «царствующее место, многолюдный град Казань» [30]. Сам царь Иван, возвращаясь из поверженной Казани в Москву, в речи, произнесенной им у Сретенских ворот, объяснял победу не только «мужеством и храбростию... бояр и воевод» и всего «воиньства тщанием и старанием», но и «прежде почивших родителей наших молитвами» [31]. Высказанная в дни казанской победы идея продолжения дела предков впоследствии нашла свое высшее выражение в «Истории о Казанском царстве». Описание триумфальной встречи Ивана, торжественно в Шапке Мономаха вступающего в Москву, дано там в таких красноречивых выражениях: «И вси множество людии... вопиюще и глаголюще: «радуися... победителю врагом, новый Костянтин равный апостолом Владимер!» [32].

В такой исторический момент царь и митрополит, естественно, не могли оставить без внимания храм-усыпальницу московских и великих князей, к тому же посвященную верховному патрону русского воинства. Настойчивое упование на покровительство архистратига Михаила и помощь предков при подготовке к казанской кампании, так же как и прославление этих сил после победы, безусловно, ставило Архангельский собор в непосредственную связь с большими историческими событиями.

К сожалению, не все летописи, современные Ивану IV, говорят о посещении собора царем после казанской победы. Однако очень важно, что в «Казанском летописце», автором которого, как полагают, был свидетель казанских событий [33], мы встречаем сообщение о том, что в день торжественного входа в Москву после посещения главного храма государства, Успенского собора, Иван Грозный «поиде во храм небесного воеводы архистратига Михаила, и мольбы и моления принося всесильному богу и великому архистратигу Михаилу; и гробом прародителей своих по обычаю поклонения сотвори» [34]. Подобное сообщение находим и в «Софийском временнике» [35].

---

[26] ПСРЛ, 13, 1, стр. 194.
[27] Там же, стр. 197.
[28] Там же, 13, 2, СПб., 1906, стр. 489.
[29] Там же.
[30] Там же, стр. 223.
[31] Там же, стр. 224—225.
[32] Там же, 19, СПб., 1903, стр. 475—476.
[33] А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, стр. 423—424.
[34] ПСРЛ, 19, стр. 477.
[35] Софийский современник. II, М., 1821, стр. 423.

Благодарственное обращение Ивана IV к предкам имело тогда еще одну, на наш взгляд, немаловажную, деталь. Празднуя победу, царь одновременно возвестил на «всю область великия Россия» [36] о рождении первого сына Димитрия, наследника престола. Объявлялось, что родился Димитрий ни больше ни меньше, как «в прародителей его место, великого князя Димитрия Ивановича, иже показа великую победу и одоления на безбожного Мамая за Доном» [37]. Образ Димитрия Донского во время казанских событий был, как известно, знаменем борьбы против остатков Золотой Орды. Казанское взятие рассматривалось, как продолжение дела легендарного полководца. Недаром главной святыней, которой поклонялся царь Иван, выступая с полками из Москвы, оказалась, как подчеркивает летописец, икона «Богоматери», о которой говорили, что она та самая, «что на Дону была с преславным великим князем Димитрием Ивановичем» [38].

Косвенное обращение к образу прославленного предка можно видеть и в особом поклонении Ивана IV во время казанского похода 1552 г. Сергию Радонежскому, который благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

Известно, что Сергий Радонежский считался не только покровителем Московского великокняжеского дома, но и одним из патронов самого царя Ивана, так как его рождение связывалось с молениями этому святому [39]. Однако в данной исторической ситуации ясно выступает четко проведенная историческая параллель: от Куликовской битвы к Казани; Сергий так же благословляет Грозного, как в свое время напутствовал Дмитрия Донского. Недаром рождение царевича сразу же после победы дало возможность Ивану IV и его единомышленникам об этом заявить более определенно.

Таким образом, царский поклон Дмитрию Донскому, который был принесен им в Архангельский собор в дни казанских торжеств, сделан не только традиционно в честь победы, но одновременно и по случаю рождения царевича. Две радости и как бы не совсем традиционный особый поклон Дмитрию Донскому.

Есть еще одна деталь в устройстве торжеств для победителей, которая лишний раз говорит о том, что культу архангела Михаила и соответственно Архангельскому собору в обряде, посвященном взятию Казани, отводилось далеко не последнее место. В самом деле, вряд ли можно отнести лишь за счет совпадения то, что праздник победы в «большей полате в Грановитой» состоялся 8 ноября, в день архистратига Михаила [40]. Причем это произошло на десятый день после триумфального входа в столицу.

Наконец, обращает на себя внимание известное затруднение, неожиданно возникшее у правительства Ивана IV еще при подготовке к походу, которое хотя и косвенным образом, но, видимо, все-таки делало Архангельский собор еще более причастным к казанским событиям. Весной 1552 г. «пришла немочь великая на государевы люди»: на детей боярских, стрельцов и казаков, находившихся в Свияжске [41]. В этот напряженный момент для исправления дел, как указывает летописец, «избирают царь и святитель мужа изрядна и наученна богодухновенному писанию архангельского протопопа Тимофея... и велят ехати вместе з боляры великого князя и с нарядом царским» [42]. Через несколько месяцев протопоп привез царю, находившемуся тогда уже с войском во Владимире, утешительные

---

[36] ПСРЛ, 19, стр. 474.
[37] Там же.
[38] Там же, 13, 1, стр. 131.
[39] Там же, 13, II, стр. 414; 21, II, СПб., 1913, стр. 607.
[40] Там же, 13, 1, стр. 227, 13, 2, стр. 522; 29, стр. 115 и 210.
[41] Там же, 13, 1, стр. 178.
[42] Там же, стр. 180.

вести: «...болезнь престала и скоронаходимые смерти бог унял и больные въставают»[43]. В казанском деле с именем архангельского протопопа связана другая ответственная миссия. После падения города он «прислан бысть с Москвы в Казань дозрети церковного устроения»[44]. Его широкая церковно-строительная и миссионерская деятельность в побежденном царстве нашла затем отзвук в литературном рассказе об оглашенном татарском мученике Стефане[45]. Видимо, отмеченное летописью участие протопопа Тимофея в важнейших событиях 1552 г. вполне могло восприниматься современниками как своеобразный «архангельский вклад» в казанскую кампанию.

Все перечисленные выше конкретные и достоверные факты из истории падения царства Казанского, непосредственно и косвенно связанные с Архангельским собором Кремля и почитанием культа небесного покровителя русского воинства, дают возможность предполагать, что Покровский придел царской усыпальницы, так же как и одноименный собор на Красной площади, мог быть создан в память об этом выдающемся событии XVI в. Известно, что первыми памятниками казанской победы были деревянные церкви, поставленные в побежденном городе сразу же после его падения, для чего царь Иван якобы повелел «всем воеводам и воем на плещах своих от леса древие носити. Сам прежде руками своима древо секирою посече и от леса на плещу своего принесе»[46]. Так и на месте церкви Василия Блаженного сначала временно стоял деревянный храм[47]. Не исключено, что архангельская пристройка была первым фундаментальным, выполненным из кирпича, памятником казанского взятия. Как косвенное и отдаленное подтверждение сказанному, можно рассматривать и место расположения Покровского придела. Оно, несомненно, свидетельствует о том, что создатели памятника придавали ему немалое значение: придел выходит на парадную Соборную площадь, где случайных и незначительных зданий не ставили.

Создание такого памятника при царском некрополе после построения на Красной площади уникального храма Василия Блаженного вряд ли могло иметь смысл. Каменный Покровский собор на рву, напротив Фроловских ворот, как известно, начали возводить летом 1555 г.[48]. В таком случае, принимая во внимание, что победа произошла осенью 1552 г., в период окончания строительного сезона, сооружение придела Архангельского собора следовало бы датировать 1553—1554 гг.

К сожалению, не сохранилось ничего от внутреннего оформления древнего придела Покрова богородицы, что бы могло пролить свет на его историю. Известно только описание его иконостаса за 1771 г., из которого видно, что в специальном киоте вне иконостаса (как почитаемый!) хранился образ «Архангела Михаила»[49]. Если предположить, что такой же подбор икон здесь был и в XVI в., то, возможно, поставленная в придел особо чтимая икона «Архангела» могла отражать связь памятника с реальной героикой того времени.

В настоящей работе лишь поставлен вопрос о возможном времени создания Покровского придела. Для его решения необходимо продолжать как документальные, так и натурные исследования. Комплексное изучение материала поможет внести свои коррективы в определение исторического места изучаемого памятника.

---

[43] ПСРЛ, 13, 1, стр. 192; II, стр. 489.
[44] Там же, 19, стр. 478.
[45] Там же, стр. 480.
[46] Там же, стр. 169—170.
[47] Там же, 13, 1, стр. 255.
[48] Там же.
[49] Д. Н. Извеков. Ук. соч., стр. 71.

E. S. Sizov

SUR L'APPARITION DE LA CHAPELLE DE L'INTERCESSION DANS LA CATHEDRALE DE L'ARCHANGE — MICHEL AU KREMLIN

Résumé

Il y a beaucoup de jugements sur l'origine et la datation de la chapelle d'Intercession de la cathédrale de l'Archange — Michel dont le plus vraisemblable à l'avis de l'auteur de l'article est celui de N. D. Izvékov formulé en 1916. D'après cette hypothèse l'installation de la chapelle en question était en rapport immédiat avec la prise de Kazan en 1552. L'étude des matériaux des chroniques du XVIe siècle consacrées à l'adjonction de la principauté de Kazan prouve en quelque mesure ce point de vue.

Nous apprenons des sources écrites que dans l'appréciation idéologique des événements au moment des campagnes décisives des armées russes contre le Kazan comme pendant la célébration de la victoire à Moscou une place particulière était assignée à la cathédrale de l'Archange — Michel. Ce qui permet de supposer que la chapelle de la cathédrale donnant sur l'ancienne place de gala du Kremlin était construite en souvenir de la chute de la principauté de Kazan et qu'elle était nommée de l'Intercession en l'honneur de la victoire aussi bien que la cathéodrale de l'Intercession à la Place Rouge.

Mais il est nécessaire de continuer les recherches des documents et les recherches à la natire pour que cette question soit résolue d'une façon définitive.

А. А. СЕМЕНЦОВ, Е. Н. РОМАНОВА,
П. М. ДОЛУХАНОВ

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ЛАБОРАТОРИИ ЛОИА

Радиоуглеродные даты лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР были впервые опубликованы в журнале «Советская археология» [1]. Позднее они публиковались в сборнике «Абсолютная геохронология четвертичного периода» [2], а также в сборнике «Новые методы в археологических исследованиях» [3].

В период с 1963 по июнь 1967 г. радиоуглеродной лабораторией Института археологии произведен анализ по C^{14} и определен возраст 165 археологических и геологических образцов.

Исследовались главным образом древесный уголь из культурных слоев, очагов и кострищ, остатки древесины из курганов и могильников, деревянные вещи, найденным в курганах и торфяниках, торф, а также камыш, животная ткань.

Для серии образцов до ЛЕ-599 в качестве носителя радиоуглерода использовался этилбензол. Синтез этилбензола из образцов проводился по методу, предложенному И. Е. Старик и Х. А. Арслановым [4] и описанному также в работе С. В. Бутомо [5]. В связи с тем, что наилучшим носителем радиоуглерода является бензол, так как содержание в нем радиоуглерода образца в 4 раза выше, чем в этилбензоле, лаборатория в дальнейшем перешла на синтез бензола из ацетилена образца на новых катализаторах. Бензол синтезировался в лаборатории ранее по методу Н. Д. Зелинского [6] — первые радиоуглеродные даты были получены по бензолу [7]. Затем в лаборатории был применен синтез, предложенный В. Реппе [8].

---

[1] В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду C^{14}. СА, 1961, 2, стр. 3.

[2] Данные радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР (Ленинград). Сб. «Абсолютная геохронология четвертичного периода». М., 1963, стр. 144.

[3] С. В. Бутомо. Применение радиоуглеродного метода в археологии. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.— Л., 1963, стр. 9.

[4] И. Е. Старик, Х. А. Арсланов, А. П. Жарков. «Радиохимия», 2, 1960, стр. 259.

[5] С. В. Бутомо. Ук. соч.

[6] Н. Д. Зелинский. О контактном уплотнении ацетилена. ЖРХО, LV, 1—4, 1924.

[7] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1959, 2, стр. 7.

[8] W. Reppe, W. Schweckendick. Bensol und Stytol aus Acetylen. Annalen der Chemie, 560, 1—2, 1948, стр. 104.

Описание этой методики приведено в работе С. В. Бутомо [9]. Однако из-за сложности синтезов и низких и нестабильных выходов от получения бензола этими методами пришлось отказаться.

В конце 1964 г. лаборатория вновь вернулась к синтезу бензола, применив методику, предложенную И. Е. Стариком и др. [10]. Бензол синтезировался над алюмоорганическим катализатором Циглера согласно схеме:

$$C \rightarrow CaC_2 \xrightarrow{H_2O} H_2C_2 \xrightarrow{(\text{изо } C_4H_9)_3Al-TiCl_4} C_6H_6$$

Выход чистого бензола — 50—60% по ацетилену. По этой методике получены радиоуглеродные даты для образцов с ЛЕ-600 по ЛЕ-653.

Синтез бензола из ацетилена на алюмоникельмолибденовом катализаторе, предложенный Х. А. Арслановым и Л. И. Громовой [11], позволил значительно упростить методику и увеличить выход чистого бензола до 80%. Образцы, датированные по этому методу: с ЛЕ-654 по ЛЕ-661 [12].

Измерения радиоактивности образцов производились на двух счетных установках с одиночными ФЭУ. Применяемые высокие коэффициенты усиления позволили поставить ФЭУ в облегченный режим, благодаря чему их термошумы составляли на уровне 30 *кэв* (ж. с.) 0,5—1,2 *имп/мин* и оставались неизменными в каждой серии измерений. Контроль за эффективностью сцинтиллятора осуществлялся по краю спектра Co^{60}. Для 8,5 *г* бензола скорость счета современного эталона — 41,3±0,19 *имп/мин*, скорость счета фона — 4,5±0,06 *имп/мин*.

Предельный возраст, измеряемый на установках, составляет 43 000 лет. Все приведенные датировки вычислены по периоду полураспада C^{14}, равному 5570 ± 30 лет. В качестве современного эталона лаборатория использует бензол, приготовленный из дерева, срубленного в 1908 г. на Камчатке. Эталон радиоуглеродной лаборатории ГЕОХИ им. Вернадского получен из этой же древесины. Возраст образцов рассчитан относительно 1950 г.

В подготовке образцов к анализу принимали участие лаборанты В. П. Ульянов и В. М. Молебников, которым авторы приносят благодарность.

Предлагаемый список радиоуглеродных датировок является, на наш взгляд, ценным историческим источником и в дальнейшем может послужить основой для целого ряда широких обобщений (в первую очередь для построения хронологических схем). Так, большую ценность представляет серия датировок многослойного памятника Белькачи в Якутской АССР. Построенная хронологическая колонка, вероятно, в дальнейшем может послужить основой для разработки хронологии каменного века Восточной Сибири. Не менее интересны серийные датировки материалов из I Висского торфяника (Коми АССР), подтвердивших существование мезолитических культур на севере европейской части СССР. Получены хорошо согласующиеся между собой датировки неолитических культур Прибалтики и западных областей РСФСР. Большой интерес представляют датировки энеолитических поселений Средней Азии и Кавказа. При накоплении достаточного числа таких датировок можно будет попытаться составить абсолютные хронологические схемы для культур этих районов (подобные тем, которые были составлены для Ближнего Востока, Юго-Восточной, Центральной и Западной Европы).

---

[9] С. В. Бутомо. Ук. соч.

[10] И. Е. Старик, Х. А. Арсланов, И. Р. Кленер. Улучшенная методика химической подготовки образцов для датирования по радиоуглероду сцинтилляционным методом. «Радиохимия», V, 2. 1963, стр. 198.

[11] Х. А. Арсланов, Л. И. Громова. Циклическая тримеризация ацетилена и алкилацетиленов на твердых катализаторах. II. Тримеризация на алюмоникельмолибденовом катализаторе. ДАН СССР, 183, 4, 1968.

[12] Там же.

Однако следует сразу оговориться, что пользоваться радиоуглеродными датами следует с известной осторожностью. Нужно всегда помнить, что радиоуглеродная дата — это не год, не точка, а определенный интервал времени. Приводимое вслед за датой значение стандартного отклонения означает, что искомая дата с вероятностью 68% лежит где-то в пределах этого стандартного отклонения.

Для того чтобы повысить эту вероятность до 95%, следует увеличить значение стандартного отклонения вдвое.

Но и помимо этого, весьма вероятны отдельные ошибочные датировки, значительно выходящие за пределы стандартного отклонения. Основной причиной таких неправильных датировок чаще всего бывает загрязнение образца посторонним углеродом. Не исключена и возможность неправильного отбора образца при недостаточно четкой стратиграфии, возможности переотложения и т. д. Необходимым условием является максимально четкая документация: составление детальных разрезов с точной фиксацией места взятия образца, фотодокументация и т. д. Несоблюдение этих условий может быть причиной несовпадения отдельных датировок. Для того чтобы довести до минимума возможность ошибок, необходимо производить определение возраста археологических объектов на сериях образцов.

ПАЛЕОЛИТ

ЛЕ-618. 22000±800 (20050 до н. э.). Древесный уголь из дюнной стоянки Щепидло I, район Конин, Польша. Уголь взят из третьего очажного слоя, залегающего на 50 *см* ниже погребенной почвы лигоринового времени. Датировка: верхний палеолит.

ЛЕ-620. 8250±160 (6300 до н. э.). Древесный уголь из стоянки Ниеборово I, область Хелм, Люблинское воеводство, Польша. Глубина залегания 55—90 *см*. Датировка: конец мезолита — неолит.

ЛЕ-409. 9840±240 (7890 до н. э.). Костный уголь из II культурного слоя стоянки Аносовка II. Датировка — поздний вюрм. Образец представлен А. Н. Рогачевым.

ЛЕ-451. 8700±270 (6750 до н. э.). Костный уголь из верхнего культурного слоя стоянки Костенки I, очаг II жилища. Датировка — поздний вюрм. Образец представлен А. Н. Рогачевым.

ЛЕ-403. 6230±360 (4280 до н. э.). Костный уголь из I слоя А стоянки Костенки XI. (Ямы 61—43, кв. Ю—39). Образец представлен А. Н. Рогачевым. Полученные по костному углю даты стоянок Костенки I, Костенки XI и Аносовка II оказались моложе ожидаемых. Обугленная кость из Костенок I ГИН-86 дала возраст 14020±60 [13], что значительно отличается от нашей датировки. Второй культурный слой Аносовки II датирован Та-34: 15200±600[14]. Возможным источником погрешности явилось то, что датировки производились по кости в целом, без выделения органической фракции.

ЛЕ-450. 20570±430 (18620 до н. э.). Древесный уголь из основания очага нижнего культурного слоя Гренской стоянки Чечерского района Гомельской области. Датировка — поздний мадлен. Образец, представленный В. Д. Будько, показал совпадающий с археологической оценкой возраст [15].

ЛЕ-700. 14100±140 (12150 до н. э.). Углистая масса из Воронцовской пещеры [16] Адлерского района Краснодарского края. Слой I. Образец представлен В. П. Любиным.

ЛЕ-646. 20600±650 (18650 до н. э.). Древесный уголь из Навалишенской пещеры в долине р. Кудепсты Адлеровского района Краснодарского края. Слой IV. Предполагаемый возраст — мустье. Образец представлен В. П. Любиным.

Группа палеолитических стоянок в окрестностях д. Кокорево на левом берегу р. Енисей, 230 *км* выше г. Красноярска. По мнению З. А. Абрамовой и С. Н. Астахова [17], Кокорево I, II и IV принадлежат к одной группе, из которой наиболее ранним

---

[13] Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. М., 1966, стр. 270.

[14] А. Н. Рогачев. Раскопки палеолита в Костенках. Сб.: «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 40.

[15] В. Д. Будько. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии. У истоков древних культур. МИА, 126, М.— Л., 1966, стр. 35—46.

[16] В. П. Любин. Исследования Малой Воронцовской и Навалишенской пещер. Сб.: «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 50, 51.

[17] З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, 3, стр. 9—16, С. Н. Астахов. О путях первоначального заселе-

является Кокорево II. Кокорево I и аналогичная ей Кокорево IV (раскоп 4) имеют более развитый облик. Памятник Кокорево III считается более молодым и относится к концу сартанского оледенения.

ЛЕ-526. 12940±270 (10990 до н. э.). Древесный уголь из II горизонта стоянки Кокорево I, глубина 2,6 *м*. Датировка — верхний палеолит. Вторая половина сартанского оледенения. Образец представлен З. А. Абрамовой. Образец древесного угля с глубины 3,8 *м* (ГИН-91) дал возраст 13300±50 лет [18].

ЛЕ-628. 14450±150 (12500 до н. э.). Древесный уголь из III горизонта стоянки Кокорево I (пункт 2), глубина 2,8—2,9 *м*. Датировка — верхний палеолит, вторая половина сартанского оледенения. Образец представлен З. А. Абрамовой.

ЛЕ-629. 12690±140 (10740 до н. э.). Древесный уголь из стоянки Кокорево III (Каменный Лог). Датировка — поздний палеолит, вторая половина сартанского оледенения. Образец представлен З. А. Абрамовой.

ЛЕ-540. 15460±320 (13510 до н. э.). Древесный уголь из раскопа 4 стоянки Кокорево IV (Киперпый Лог), глубина 5,20 *м*. Датировка — поздний палеолит, середина сартанского времени. Образец представлен С. Н. Астаховым.

ЛЕ-469. 14320±330 (12370 до н. э.). Древесный уголь из 1 раскопа стоянки Кокорево IV. Слой 3—5, глубина 4—4,5 *м*. Уголь залегал в лессовидной супеси. Возраст — поздний палеолит, середина сартанского времени. Образец представлен С. Н. Астаховым.

НЕОЛИТ И ЭПОХА БРОНЗЫ

ЛЕ-405. 6380±220 (4430 до н. э.). Древесный уголь из очага стоянки Усть-Рыбежно I[19], Ленинградская область, Южное Приладожье. Датировка — неолит. Образец представлен Н. Н. Гуриной.

ЛЕ-599. 4000 ± 70 (2050 до н. э.). Древесина из верхнего контакта погребенного торфяника, обнажающегося у д. Усть-Рыбежно Ленинградской области. Стратиграфически выше культурного слоя стоянки Усть-Рыбежно I. Предполагаемая датировка — неолит. Образец представлен П. М. Долухановым.

ЛЕ-634. 4510±85 (2560 до н. э.). Торф из верхнего контакта погребенного торфяника, обнажающегося на левом берегу р. Паши, против стоянки Усть-Рыбежно I. Ленинградская область. Предполагаемая датировка — неолит. Образец представлен П. М. Долухановым. Датировка ЛЕ-405 получена непосредственно для угля из очага, из культурного слоя. Датировки ЛЕ-634 и ЛЕ-636 определяют время максимума Ладожской трансгрессии, затопившей стоянку.

ЛЕ-636. 3190±60 (1240 до н. э.). Древесный уголь из кремнедобывающих шахт[20], Красное Село, Гродненская область, БССР. Шахты № 2, 3 и 12. Глубина 2,6—3 *м*. Датировка — поздний неолит. Образец представлен Н. Н. Гуриной.

ЛЕ-680. 3370±50 (1420 до н. э.). Древесный уголь из кремнедобывающих шахт, Красное Село, Гродненская область, БССР. Шахта 12. Глубина залегания 0,9 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний неолит. Образец представлен Н. Н. Гуриной.

ЛЕ-637. 5300±300 (3350 до н. э.). Древесный уголь из кремнедобывающих шахт, Красное Село, Гродненская область, БССР. Шахты № 56, 21, 15. Датировка — поздний неолит. Образец представлен Н. Н. Гуриной. Уголь от лучин, найденный в шахтах № 13 и № 3, 11, 18 датирован: 4310±45 (ГИН-148) и 5050±25 (ГИН-164) [21]. Археологическая оценка возраста — поздний неолит.

I и II Висские торфяники расположены в окрестности д. Синдор Железнодорожного района Коми АССР. Образцы представлены Г. М. Буровым.

ЛЕ-616. 7820±80 (5870 до н. э.). Древесина из I Висского торфяника. Глубина залегания 1,6 *м*. Предполагаемый возраст — VII—VI тысячелетие до н. э.

ЛЕ-684. 7150±60 (5200 до н. э.). Древесина — шест с перехватом — из I Висского торфяника. Образец № 1. Предполагаемый возраст — мезолит.

ЛЕ-685. 7090±80 (5140 до н. э.). Древесина — палка с уступом на конце — из I Висского торфяника. Образец № 2, предмет Б. Глубина залегания 1,2 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — мезолит.

ЛЕ-713. 7090±70 (5140 до н. э.). Древесина — доска со срезом — из I Висского торфяника. Образец № 3, предмет Б. Глубина залегания 1,9 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — мезолит.

ния человеком долины Енисея. VII Междунар. конгр. доист. и протоист. Докл. сов. ученых. М., 1966, стр. 56—67.

[18] Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. М., 1966, стр. 273.

[19] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1965, стр. 380—388.

[20] Н. Н. Гурина. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня в Белоруссии. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 50—58; е е ж е. Кремнедобывающие шахты в Белоруссии. Сб.: «Археологические открытия 1965 г.», стр. 57—60.

[21] Верхний плейстоцен..., стр. 280.

ЛЕ-568. 3610±80 (1660 до н. э.). Древесина из II Висского торфяника. Глубина залегания 0,9—1,3 *м*. Датировка; II тысячелетие до н. э.— V в. н. э.

ЛЕ-669. 1990±50 (40 до н. э.). Деревянное весло из II Висского торфяника. Образец № 1. Глубина залегания 2,1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — I тысячетелетие н. э.

ЛЕ-686. 1520±50 (370 н. э.). Деревянная свая № 4 из II Висского торфяника, образец № 2. Предполагаемый возраст — I тысячелетие н. э. Датировки I Висского торфяника подтверждают отнесение его к мезолиту. II Висский торфяник археологически датируется рубежом н. э. [22].

ЛЕ-703. 4510±50 (2560 до н. э.). Древесина — остатки рыболовных заграждений из дранки — из I Мармугинского торфяника, пойма р. Юг, Вологодская область. Сооружение № 2, образец № 2. Предполагаемый возраст — неолит. Образец представлен Г. М. Буровым.

ЛЕ-711. 4700±60 (2750 до н. э.). Древесина — остатки рыболовных сооружений из дранки — из I Мармугинского торфяника, пойма р. Юг, Вологодская область. Сооружение № 1, образец № 1. Предполагаемый возраст — неолит. Образец представлен Г. М. Буровым.

ЛЕ-704. 2000±50 (50 до н. э.). Древесина — палки — из II Мармугинского торфяника, пойма р. Юг, Вологодская область. Образец № 3, предмет № 2. Глубина залегания 1,2 *м* от дневной поверхности. Образец представлен Г. М. Буровым.

ЛЕ-705. 2650 ± 50 (700 до н. э.). Древесина — палки — из II Мармугинского торфяника, пойма р. Юг. Вологодская область. Образец № 3, предмет № 1. Глубина залегания 1,2 *м* от дневной поверхности. Образец представлен Г. М. Буровым. Датировки I Мармугинского торфяника подтверждают отнесение его к неолитической эпохе. Датировка II Мармугинского торфяника — более поздняя, чем I торфяника.

ЛЕ-516. 1700±70 (250 н. э.). Древесный уголь из кострищ стоянки Дикариха Переяславского района Ярославской области. Глубина 0,5 *м*. Предполагаемый возраст — эпоха поздней бронзы. Образец представлен А. Л. Никитиным. Определение возраста углей той же стоянки ГИН-128 — 2200±30 лет [23].

ЛЕ-708. 3410±50 (1460 до н. э.). Дерево из могильной ямы кургана № 8 у д. Ильмень Борисоглебского района Воронежской области. Глубина залегания 2.5—3 *м*. Предполагаемый возраст — эпоха бронзы. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-659. 3340±80 (1390 до н. э.). Торф из торфяника у с. Полесье Черниговской области. В торфе было найдено деревянное рало, типологически относящееся к концу бронзового и началу железного века. Глубина залегания торфа 1.8—2.0 *м* от дневной поверхности. Образец представлен Б. А. Шрамко.

ЛЕ-489. 2380±80 (1430 до н. э.). Уголь из пода печи (нижний слой) древнефракийского поселения у с. Магала Черновицкой области УССР. Глубина залегания 1,5—1,6 *м*. Датировка — эпоха поздней бронзы. Образец представлен Г. И. Смирновой.

ЛЕ-413. 2610±100 (660 до н. э.). Древесный уголь из раскопок у с. Чикаловка Полтавской области УССР. Датировка — эпоха поздней бронзы, начало I тысячелетия до н. э. Образец представлен И. Н. Шарафутдиновой.

ЛЕ-651. 5530±90 (3580 до н. э.). Древесина из свайного поселения Усвяты IV, Псковская область [24]. Слой Б. Образец взят с материка. Предполагаемый возраст — неолит. Образец представлен А. М. Микляевым.

ЛЕ-649. 3920±90 (1970 до н. э.). Древесина из свайного поселения Усвяты IV, Псковская область. Слой Б. Глубина залегания 0,96 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — неолит. Образец представлен А. М. Микляевым. Датировки относятся к неолитическому свайному поселению (Усвяты IV, слой Б). Датировка ЛЕ-651 относится к нижней, а датировка ЛЕ-649 — к верхней части культурного слоя. Средняя часть слоя датирована 4520±70 (ТА-105) [25].

ЛЕ-648. 4170±130 (2220 до н. э.). Торф из стоянки Найнекесте Мадонского района восточной части ЛатвССР. Глубина залегания 0,4—0,5 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — неолит, конец III тысячелетия до н. э. Образец представлен И. А. Лозе. Стоянка содержит пористую керамику с отпечатками шнура, гребенки и линейных вдавлений, меньшая часть — типичный гребенчато-ямочный орнамент [26].

ЛЕ-671. 3870±70 (1920 до н. э.). Торф из стоянки Абора, Мадонского района восточной части ЛатвССР. Глубина залегания 0,74—0,90 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — начало II тысячелетия до н. э. Образец представлен И. А. Лозе. Стоянка содержит шнуровую и раннюю текстильную керамику. Датировка

---

[22] Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, 1, стр. 155—176.

[23] Верхний плейстоцен..., стр. 276.

[24] П. М. Долуханов, А. М. Микляев. О стоянке Усвяты IV. СГЭ, 29, Л., 1968.

[25] А. А. Лийва. Усовершенствование сцинтилляционного варианта радиоуглеродного метода и его применение для изучения хронологии развития материальной культуры и природы Прибалтики. Автореф. канд. дис., Таллин, 1967, стр. 16.

[26] И. Лозе. О новых археологических находках в Лубанской низменности. ИАН Латв ССР, 12(221), 1965, стр. 15—24.

близка к возрасту памятников шнуровой керамики, полученных в Эстонской ССР (Тамула: 3600±180, ТА-10; 4050±180, ТА-28) [27] и в Западной Европе.

ЛЕ-391. 7090±195 (5140 до н. э.). Древесный уголь из жилища № 1 у с. Варваровка, Флорештский район, МолдССР. Датировка — триполье, IV тысячелетие до н. э. Образец представлен Т. С. Пассек.

ЛЕ-640. 5300±60 (3350 до н. э.). Фрагмент обугленной деревянной плахи из фундамента жилища. Раскоп I поселения Вулканешты II МолдССР, жилище 1. Представлен Т. С. Пассек. Поселение относится к культуре гумельница, родственной раннетрипольской культуре. Другая датировка: 5810±150 (МО-417) [28].

ЛЕ-645. 4340±65 (2390 до н. э.). Древесный уголь из поселения у с. Маяки Беляевского района Одесской области. Уголь взят в жилом углублении, на глубине 2—2,4 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний этап трипольской культуры. Образец представлен В. Г. Збенович. Памятник относится к усатовской группе позднетрипольской культуры. Хорошее соответствие с археологической оценкой возраста.

ЛЕ-337. 3530±165 (1580 до н. э.). Часть деревянной подпорки с медных выработок Рача. С. Геби ГрузССР. Предполагаемый возраст — эпоха поздней бронзы. Образец представлен Г. Ф. Кобеджишвили.

ЛЕ-300. 4830±230 (2880 до н. э.). Древесный уголь из кургана № 3 Уч-Тепе, расположенного в Мильской степени, в 4—6 *км* к югу от г. Каркар-Чай, АзербССР. Сгоревшее перекрытие основной могилы. Датировка — конец III—II тысячелетие до н. э. Образец представлен А. А. Иессеном. Другая датировка дерева и угля из перекрытия могильной ямы: 4500±120 (ЛЕ-305) [29].

ЛЕ-631. 7510±70 (5560 до н. э.). Древесный уголь из поселения Шому-Тепе, Акстафа, АзербССР. Глубина залегания 1 *м*. Датировка — V—IV тысячелетие до н. э., энеолит. Образец представлен И. Г. Нариманов ым.

ЛЕ-434. 4870±150 (2920 до н. э.). Древесный уголь из нижнего слоя холма Кюль-Тепе, Нахичевань. Глубина 15,35 *м*. Датировка — энеолит, IV тысячелетие до н. э. Образец представлен А. А. Иессеном.

ЛЕ-477. 5770±90 (3820 до н. э.). Древесный уголь из слоя 1Б стоянки Кюль-Тепе, Нахичевань. Глубина 18,2 *м*. Датировка — конец V—IV тысячелетие до н. э., энеолит. Образец представлен О. А. Абибулаевым. Образец с глубины 8,5 *м* датирован: 4880±90 лет (ЛЕ-163) [30].

ЛЕ-689. 2840±60 (890 до н. э.). Древесный уголь из помещения № 24 циклопической крепости Лчашен. Бассейн оз. Севан, АрмССР. Предполагаемый возраст — XIV—XIII вв. до н. э. Образец представлен А. О. Мнацаканяном.

ЛЕ-693. 4110±60 (2160 до н. э.). Древесина из кургана 32, могилы 10, Усть-Джегутинского могильника, Ставропольский край. Глубина залегания 6,5 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — первая половина II тысячелетия до н. э. Образец представлен Р. М. Мунчаевым.

ЛЕ-687. 4040±60 (2090 до н. э.). Древесина из кургана 24, могилы, 1, Усть-Джегутинского могильника. Ставропольский край. Глубина залегания 2,7 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — первая половина II тысячелетия до н. э. Образец представлен Р. М. Мунчаевым.

ЛЕ-692. 3900±60 (1950 до н. э.). Древесина из кургана 33, могилы 2, Усть-Джегутинского могильника, Ставропольский край. Глубина залегания 2,2 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — первая половина II тысячелетия до н. э. Образец представлен Р. М. Мунчаевым.

ЛЕ-406. 2620±130 (670 до н. э.). Обугленные камыш и дерево из культурного слоя поселения Кобяково, Ростовская область. Предполагаемый возраст — эпоха бронзы. Образец представлен С. И. Капошиной.

ЛЕ-511. 3180±80 (1250 до н. э.). Древесина из культурного слоя поселения у хут. Кудинов Ростовской области. Археологическая датировка — III—II тысячелетие до н. э., эпоха бронзы. Образец представлен А. Н. Мелентьевым.

ЛЕ-624. 3880±90 (1930 до н. э.). Древесина из курганного могильника Ростовской области. Курган 7, погребение 3. Археологическая датировка — эпоха бронзы. Образец представлен И. Б. Брашинским.

ЛЕ-661. 2860±60 (910 до н э.). Древесный уголь из поселения Серженъ-Юрт I, Чечено-Ингушской АССР. Верхний слой, кв. Д-7. Жилое место. Образец представлен Е. И. Крупновым.

ЛЕ-491. 2890±75 (940 до н. э.). Древесный уголь из поселения Серженъ-Юрт I. Кв. Д-7. Штык 3. Образец представлен Е. И. Крупновым.

---

[27] А. А. Лийва, Э. О. Ильвес, Л. Ю. Янитс. Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 46—50.

[28] Т. С. Пассек. Неолит Поднестровья (V—III тысячелетия до н. э.). VII Междунар. конгр. допст. и протоист., стр. 91.

[29] Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963, стр. 146. А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА, 125, 1965, стр. 185.

[30] Абсолютная геохронология четвертичного периода, стр. 146; А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, стр. 12.

ЛЕ-575. 2620±75 (670 до н. э.). Древесный уголь из верхнего слоя поселения Сержень-Юрт I. Образцы взяты из верхнего слоя: поздней бронзы — раннего железа, датируемого археологически IX—VII вв. до н. э.[31]. Образец представлен Е. И. Крупновым.

ЛЕ-548. 3010±70 (1060 до н. э.). Древесина из могильника у с. Чуракаево Башкирской АССР. Датировка — андроновская культура, абашевское время. Образец представлен К. В. Сальниковым.

ЛЕ-664. 4070±50 (2120 до н. э.). Уголь из поселения Алтын-Тепе Тедженского района ТуркмССР. Предполагаемый возраст — начало II тысячелетия до н. э. Образец представлен В. М. Массоном. Датировка относится к слою, непосредственно предшествующему комплексу Намазга V (начало II тысячелетия до н. э.)[32].

ЛЕ-647. 4440±180 (2490 до н. э.). Уголь из верхнего слоя поселения Геоксюр I, ТуркмССР. Помещение № 54, раскоп I. Глубина 1,40 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний энеолит, первая половина III тысячелетия до н. э. Образец представлен В. И. Сарианиди.

ЛЕ-665. 2980±60 (1030 до н. э.). Уголь из поселения Намазг-Тепе Каахкянского района ТуркмССР. Печь III. Предполагаемый возраст — III—II тысячелетия до н. э. Образец представлен В. М. Массоном.

ЛЕ-445. 2240±75 (290 до н. э.). Древесный уголь из Чустского поселения УзбССР. Глубина залегания 1—1,25 *м*. Предполагаемый возраст — эпоха поздней бронзы. Образец представлен В. И. Спришевским.

ЛЕ-592. 7000±110 (5050 до н. э.). Древесный уголь из 2-го слоя Чагыллы-Тепе, пос. Меана, ТуркмССР. Датированы позднеджейтунские слои памятника. Датировка: VI—V тысячелетия до н. э.[33]

Навес Ак-Таньга, Туркестанский хребет, ТаджССР[34]. Образцы представлены В. А. Рановым.

ЛЕ-534. 8785±130 (6835 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя Гиссар VI навеса Ак-Таньга, ТаджССР, кв. Б-17, глубина 9 *м*. Датировка: мезолит — ранний неолит.

ЛЕ-474. 5950±380 (4000 до н. э.). Древесный уголь из слоя Гиссар IV навеса Ак-Таньга, ТаджССР. Датировка — неолит.

ЛЕ-429. 4170±110 (2220 до н. э.). Древесный уголь из раскопа 2 навеса Ак-Таньга, III слой эпохи бронзы или энеолитический горизонт.

ЛЕ-432. 3220±140 (1270 до н. э.). Древесный уголь из навеса Ак-Таньга. Кв. Б-18, II слой эпохи бронзы.

ЛЕ-690. 7100±140 (5150 до н. э.). Уголь из очага поселения Туткаул Нурекского района ТаджССР. Уровень 4,46 *м* от поверхности. Первый культурный горизонт. Предполагаемый возраст — V—VI тысячелетие до н. э., гиссарская культура с галечной техникой, относящаяся к горному неолиту Средней Азии. Образец представлен В. А. Рановым.

ЛЕ-715. 3350±60 (1400 до н. э.). Уголь из могильника Тигровая Балка Шаартузского района ТаджССР, низовье р. Вахш, V терраса. Курган 7. Глубина 0,7 *м* от поверхности. Предполагаемый возраст — эпоха поздней бронзы, вахшская культура. Образец представлен Б. А. Литвинским.

ЛЕ-614. 3500±65 (1550 до н. э.). Древесина (плетень) с поселения Тасты-Бутак, яма 14. Актюбинская область. Датировка — андроновская культура. Плетень из ямы 11 этого же поселения (ЛЕ-213) дал возраст 3190±80 лет[35]. Образцы представлены В. С. Сорокиным.

ЛЕ-513. 3990±80 (2040 до н. э.). Древесный уголь из погребения № 2 Серово, Прибайкалье. Предполагаемый возраст — III тысячелетие до н. э., неолит. Образец представлен А. П. Окладниковым.

ЛЕ-663. 3590±60 (1640 до н. э.). Древесный уголь из поселения Малышево-на-Амуре Хабаровского края. Глубина залегания 2,1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — III — II тысячелетия до н. э., ранний неолит нижнего Амура[36]. Образец представлен А. П. Окладниковым.

ЛЕ-675. 1290±50 (660 н. э.). Древесный уголь из поселения у д. Поляково Свободненского района Амурской области, долина р. Зея. Глубина залегания 1,5 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — неолит. Образец представлен А. П. Окладниковым.

---

[31] Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов. Северо-Кавказская экспедиция. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 60.

[32] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 165—190.

[33] В. М. Массон (ред.). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.

[34] Б. А. Литвинский и В. А. Раков. Раскопки навеса Ак-Таньги в 1961 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, 42, 1964, стр. 3—24.

[35] Данные радиоуглеродной лаборатории..., стр. 148.

[36] А. П. Окладников. Поселение у с. Вознесеновка вблизи устья р. Хунгари. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», стр. 175—178.

ЛЕ-660. 3180±70 (1230 до н. э.). Древесный уголь из Одиновской стоянки Викуловского района Тюменской области. Левый берег р. Ишим. Предполагаемый возраст — ранняя бронза. Образец представлен Л. Я. Крижевской.

Многослойная стоянка Белькачи I на левом берегу р. Алдан, в 1,3 *км* к югу от устья р. Улахан-Эльге, ЯАССР. Образцы представлены Ю. А. Мочановым.

ЛЕ-650. 6720±50 (4770 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя X Белькачи I. Глубина залегания 3,0 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний палеолит (голоценовый).

ЛЕ-698. 6750±70 (4800 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя Ха Белькачи I. Кв. АБ 19.20. Глубина залегания 3,1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний палеолит (голоценовый).

ЛЕ-697. 6250±60 (4300 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя IX Белькачи I. Кв. Д-5. Глубина залегания 2,4 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний палеолит (голоценовый).

ЛЕ-678. 5900±70 (3950 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя VIII Белькачи I. Кв. Г-6. Глубина залегания 1,8 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний палеолит (голоценовый).

ЛЕ-676. 5970±70 (4020 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя VII Белькачи I. Кв. В-11. Глубина залегания 1,2 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — ранний неолит.

ЛЕ-656. 5270±70 (3320 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя VI Белькачи I. Кв. Б-32. Глубина залегания 1,1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — ранний неолит.

ЛЕ-666. 2930±50 (980 до н. э.). Древесный уголь из культурного слоя II Белькачи I. Кв. Б-33. Глубина залегания 0,4 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний неолит. По классификации Ю. А. Мочанова, слои XI—VIII рассматриваются как голоценовый поздний палеолит, слои VII и VI относятся к раннему неолиту; слой II — поздний неолит [37].

ЛЕ-455. 4440±150 (2490 до н. э.). Древесный уголь из могильника Малые Копены II, курган 2. Красноярский край. Датировка — афанасьевская культура. Образец представлен Л. П. Зяблиным.

ЛЕ-694. 4270±60 (2320 до н. э.). Древесина из могильника Саргов Улус, могила 3, левый берег р. Енисей, близ пос. «Советская Хакассия», Хакасская АССР. Предполагаемый возраст — афанасьевская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-563. 2235±100 (285 до н. э.). Древесина из могильника Карасук III, ограда 3, могила 1. Боградский район, Красноярский край. Датировка — афанасьевская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-532. 3700±80 (1750 до н. э.). Древесина из могильника на р. Черновая III, могила 3, курган 4. Боградский район, Красноярский край. Датировка — афанасьевская культура. Образец представлен Г. А. Максименковым.

ЛЕ-519. 3470±200 (1520 до н. э.). Древесина из могильника Карасук III, ограда 7. Боградский район, Красноярский край. Датировка — афанасьевская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-630. 3390±70 (1440 до н. э.). Древесина из могильника Ланин Лог, левый берег р. Сыда, курган 1, могила 1. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-617. 3660±65 (1710 до н. э.). Древесина из могильника Ланин Лог, левый берег р. Сыда, курган 1, могила 3. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-619. 3970±70 (2020 до н. э.). Древесина из могильника Ланин Лог, левый берег р. Сыда, курган 2, могила 1. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-587. 4600±250 (2650 до н. э.). Истлевшая древесина из перекрытия могилы кургана 14, Ужур, Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен Н. Л. Членовой.

ЛЕ-602. 3750±60 (1800 до н. э.). Древесина из могильника Пристань I, ограда 6, могила 2. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-633. 3590±90 (1640 до н. э.). Древесный уголь из землянки стоянки Липовая Курья, Миасский район, Челябинская область. Датировка — андроновская культура. Образец представлен Л. П. Хлобыстиным.

ЛЕ-632. 2760±60 (810 до н. э.). Древесина из могильника у с. Предгорное, курган 2. Район Усть-Каменогорска. Датировка — андроновская культура. Образец представлен С. С. Черниковым.

ЛЕ-662. 3080±50 (1130 до н. э.). Древесина из могильника Турсумбай Домбаровского района Оренбургской области. Кольцо 7, погребение 1. Глубина залегания 0,9 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — андроновская культура. Образец представлен Е. Е. Кузьминой.

---

[37] Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. Автореф. канд. дис. М., 1966 г.

ЛЕ-518. 2370±95 (420 до н. э.). Древесина из могильника Ярки II, могила I. Богородский район, Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-529. 2970±70 (1020 до н. э.). Древесина из могильников Ярки II, могила 2. Богородский район, Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-604. 3910±75 (1960 до н. э.). Древесина из могильника Каменка II, ограда 24, могила 1. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-595. 2540±65 (590 до н. э.). Древесина из могильника Каменка II, ограда 24, могила 2. Красноярский край. Датировка — андроновская культура. Образец представлен М. П. Грязновым.

Резкое различие возраста образцов из соседних могил одних и тех же могильников (ЛЕ-518, ЛЕ-529 и ЛЕ-604, ЛЕ-595) не может быть объяснено ошибкой радиоуглеродного метода. В связи с этим лаборатория намерена провести повторные анализы на вновь отобранном материале.

ЛЕ-695. 2930±60 (980 до н. э.). Древесный уголь из могильника Карасук IV. Богородский район, Красноярский край. Ограда 10, могила. 2. Предполагаемый возраст — каменноложский этап карасукской культуры, X—VIII вв. до н. э. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-577. 2710±75 (760 до н. э.). Древесина из могильника Карасук IV. Богородский район, Красноярский край. Ограда 19, могила. 2. Предполагаемый возраст — каменноложский этап карасукской культуры, X—VIII вв. до н. э. Образец представлен М. П. Грязновым.

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЛЕ-699. 1930±60 (20 н. э.). Древесина из перекрытия могильной ямы кургана № 1 у д. Дуровка Алексеевского района Белгородской области. Глубина залегания 3 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — эпоха раннего железа. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-709. 2150±50 (200 до н. э.). Древесный уголь со дна могильной ямы кургана № 5 у д. Дуровка Алексеевского района Белгородской области. Глубина залегания 2,5 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — эпоха раннего железа. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-701. 2010±50 (60 до н. э.). Уголь из могильной ямы кургана № 9 у с. Русская Тростянка Воронежской области. Глубина залегания 1 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — эпоха раннего железа. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-702. 2120±60 (170 до н. э.). Древесина из перекрытия кургана № 4 у д. Дуровка Алексеевского района Белгородской области. Глубина залегания 2 *м* от вершины кургана. Предполагаемый возраст — эпоха раннего железа. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-707. 2350±60 (400 до н. э.). Остатки деревянных конструкций вала из городища у с. Сторожевое Воронежской области. Глубина залегания 1—1,5 *м* от поверхности вала. Траншея II. Предполагаемый возраст — эпоха раннего железа. Образец представлен П. Д. Либеровым.

ЛЕ-691. 1760±60 (190 н. э.). Дерево из раскопа XVII урочища Обидня Быховского района Могилевской области БССР. Глубина залегания 1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний этап зарубинецкой культуры. Образец представлен Л. Д. Поболем.

ЛЕ-688. 1620±60 (330 н. э.). Уголь из бескурганного могильника в урочище Радышева гора, Новый Быхов Быховского района Могилевской области БССР. Погребение № 35. Глубина залегания 0,3 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — поздний этап зарубинецкой культуры. Образец представлен Л. Д. Поболем.

ЛЕ-340. 1670±240 (280 н. э.). Древесный уголь из жилища № 1 поселения Адаменка Быховского района Могилевской области. Датировка — позднезарубинецкая культура. Образец представлен Л. Д. Поболем.

ЛЕ-654. 1120±100 (830 н. э.). Фрагмент челна, найденного у с. Песчаное Гельмязевского района Черкасской области. Образец представлен О. Д. Ганиной.

ЛЕ-415. 2070±140 (120 до н. э.). Обугленный камыш и древесный уголь из жилища № 1 поселения Кобяково Ростовской области. Датировка — сарматское время. Образец представлен С. И. Капошиной.

ЛЕ-573. 1410±90 (540 н. э.). Древесный уголь из верхнего культурного слоя древнефракийского поселения у с. Магала Садгорского района Черновицкой области. Датировка — ранний железный век. Образец представлен Г. И. Смирновой.

ЛЕ-344. 960±150 (990 н. э.). Уголь из почвенного слоя Тушемля, Смоленская область. Археологическая датировка — конец VIII в. Образец представлен П. Н. Третьяковым.

ЛЕ-545. 1380±75 (570 н. э.). Древесный уголь со дна ямы раскопа 2 селища Смольянь Брянской области. Археологическая датировка — I тысячелетие. Образец представлен П. Н. Третьяковым.

ЛЕ-442. 1770±110 (180 н. э.). Древесина из тына, из городища Колочин I, кв. 349. БССР. Датировка — середина первого тысячелетия н. э. Образец представлен Э. А. Сымоновичем.

ЛЕ-400. 2180±160 (230 до н. э.). Древесный уголь из землянки № 2 городища Колочин I. БССР. Образец представлен Э. А. Сымоновичем.

ЛЕ-386. 980±90 (970 н. э.). Древесный уголь из почвенного слоя городища Вошкино Смоленской области. Датировка — конец VIII в. н. э. Образец представлен П. Н. Третьяковым.

ЛЕ-411. 950±120 (1000 н. э.). Обугленная кора из почвенного слоя слободы Глушица Смоленской области. Археологическая датировка — конец VIII в. Образец представлен П. Н. Третьяковым.

ЛЕ-508. 2400±70 (450 до н. э). Обугленная древесина (остатки сгоревшего жилища) из поселения Квело Челадиди, окрестности Поти, ГрузССР. Глубина 2—2,2 *м*. Датировка — колхидская культура. Образец представлен Т. К. Микеладзе.

ЛЕ-667. 1460±50 (490 н. э.). Дерево — части балки, найденной в проеме двери помещения крепости Ацаван, в 15 *км* к юго-востоку от Еревана, Армения. Глубина 2,2—2,3 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — первые века нашей эры, римский период древней Армении. Образец представлен Г. А. Тирацяном.

ЛЕ-535. 3360±130 (1410 до н. э.). Деревянная подпорка из кургана 35 центрального могильника Чиликтинской долины. КазССР. Датировка — сакское время. Образец представлен С. С. Черниковым.

ЛЕ-712. 970±50 (980 н. э.). Древесный уголь из культурного слоя поселения Чун-Тепе, юго-восточная часть Ферганской долины, Кувинский район УзССР. Глубина залегания 4,5 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — VII—VIII вв., раннее средневековье. Образец представлен Н. Г. Горбуновой.

ЛЕ-543. 1440±60 (510 н. э.). Древесина (часть гроба) из могильника Торкен, курган № 43, КиргССР. Датировка — II—V вв. Образец представлен И. Кожомбердиевым.

ЛЕ-639. 2250±70 (300 до н. э.). Дерево из курганного могильника у Алтын-Акар, северо-восточная оконечность массива Больших Балханских гор, Красноводский р-н ТуркмССР. Курган № 1. Предполагаемый возраст — IV в. до н. э.— V в. н. э. Образец представлен А. М. Мандельштамом.

ЛЕ-716. 1660±50 (290 н. э.). Дерево из могильника Мешреш-Тахт Кызыларватского района Ашхабадской области ТуркмССР. Курган Д. Предполагаемый возраст — IV в. до н. э.—V в. н. э. Образец представлен А. М. Мандельштамом.

ЛЕ-603. 2550±65 (600 до н. э.). Древесина из могильника Бес-Шатыр, курган № 1. Правый берег р. Или, район Илийска, КазССР. Датировка — V в. до н. э. Образец представлен К. А. Акишевым.

ЛЕ-590. 1850±70 (100 н. э.). Древесина из могильника Бес-Шатыр, курган № 3. Правый берег р. Или, район Илийска, КазССР. Датировка — V в. до н. э. Образец представлен К. А. Акишевым.

ЛЕ-309. 2430±200 (480 до н. э.). Уголь из основания очага Тагискен, курган 6. Хорезм. Датировка — скифское время. Образец представлен С. П. Толстовым.

ЛЕ-399. 2280±120 (330 до н. э.). Гнилая древесина из могильника на р. Ягуня, курган № 6, погребение № 3. Кемеровская область. Датировка — VI—IV вв. до н. э. Образец представлен И. А. Мартыновым.

ЛЕ-505. 1970±60 (20 до н. э.). Древесный уголь из могильника на р. Ягуня, курган № 7, погребение № 2. Кемеровская область. Датировка — вторая стадия тагарской эпохи. Образец представлен И. А. Мартыновым.

ЛЕ-553. 1520±100 (430 н. э.). Древесный уголь из могильника на р. Ягуня, курган № 5, погребение № 1. Кемеровская область. Датировка — тагарская эпоха. Образец представлен И. А. Мартыновым.

ЛЕ-467. 2430±110 (480 до н. э.). Ствол лиственницы из перекрытия кургана Башадар, Алтай. Датировка — скифское время. Образец представлен С. И. Руденко.

ЛЕ-652. 2930±80 (980 до н. э.). Древесный уголь из поселения Польцо сел. Кукелево Ленинского района Дальневосточного края. Глубина залегания 1—1,5 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — VI—V вв. до н. э. Образец представлен А. П. Окладниковым.

ЛЕ-657. 1460±50 (490 н. э.). Древесный уголь из культурного слоя жилища поселения Синие Скалы Ольгинского района Приморского края. Предполагаемый возраст— I тысячелетие. Образец представлен Ж. В. Андреевой.

ЛЕ-696. 2450±50 (500 до н. э.). Древесина из могильника Улуг-Кюзюр I, левый берег р. Енисей, около пос. «Советская Хакассия». Курган 3, могила 1. Предполагаемый возраст — сарагашенский этап тагарской культуры. Образец представлен М. Н. Пшеницыной.

ЛЕ-674. 500±50 (1450 н. э.). Древесный уголь из культурного слоя стоянки Вакаревской на р. Майна (бассейн Анадыря), Чукотка. Глубина залегания 1 *м*. Предполагаемый возраст — пережиточный неолит. Образец представлен Н. Н. Диковым.

ЛЕ-473. 730±110 (1220 н. э.). Древесный уголь из очага. Городище Николка, землянка № 5. Камчатка. Предполагаемый возраст — II тысячелетие. Образец представлен Н. Н. Диковым.

ЛЕ-677. Современный. Древесный уголь из кочевнической могилы на р. Экиатап (правый приток Амгуемы). Глубина залегания 10 *см*. Образец представлен Н. Н. Диковым.

ЛЕ-670. 490±50 (1460 н. э.). Уголь из стоянки Ключи, находящейся на левом берегу р. Ключи (приток р. Камчатка). Глубина залегания 1 *м* от дневной поверхности. Предполагаемый возраст — пережиточный неолит. Образец представлен Н. Н. Диковым.

Авторы выражают глубокую признательность доктору технических наук проф. С. И. Руденко и кандидату химических наук С. В. Бутомо за постоянную помощь в работе, а также всем лицам и организациям, предоставившим материал для анализа.

A. A. Cementzov, P. M. Dolukhanov, E. N. Romanova

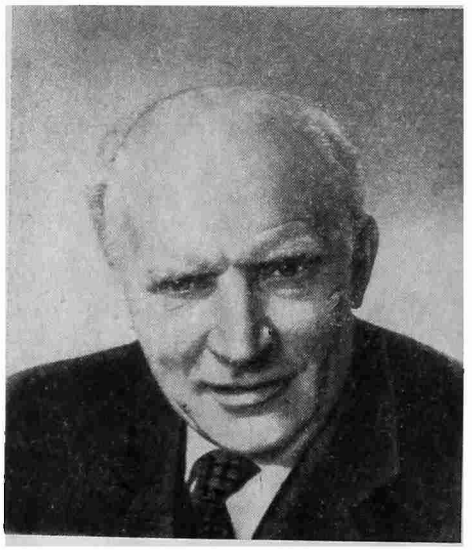
DATATIONS RADIOCARBONIQUES DU LABORATOIRE DE L'INSTITUT D'ARCHEOLOGIE (SECTION DE LENINGRAD)

Résumé

Dans l'article sont cités les résultats des datations radiocarboniques effectuées entre 1963 et 1967. Pour le comptage on a utilisé des scintillateurs. La synthèse du benzol a été obtenue par la méthode de la trimmérisation de l'acétylène avec un catalyseur de silicate et de vanadium.

Le rendement du benzol est de 90—95%.

Parmi les monuments datés sont les stations paléolithiques de Sibérie (groupe de Kokorevo), les stations mésolithiques et néolithiques de la Transarctique (les tourbiers Visski et Marmouguinski, une série de datations de la station Belkatchi en Jakoutie), monuments néolithiques du Nord — Ouest de la partie européenne de l'U.R.S.S., monuments des premières tribus agricoles de l'Asie Centrale et du Caucase, monuments des civilisations d'Afanassievo et d'Andronovo (l'Age du Bronze du sud de la Sibérie) et autres objets.



ПАМЯТИ ХОЛЬГЕРА АРБМАНА

25 января 1968 г. неожиданно, в расцвете своих творческих сил скончался крупнейший шведский археолог профессор Хольгер Арбман. В его лице ученые многих стран утратили глубокого и тонкого знатока не только скандинавских, но и европейских древностей римского времени, раннего средневековья и особенно эпохи викингов.

Х. Арбман родился в 1904 г. в г. Беттне в шведской провинции Сёдермандланд. Свою научную деятельность он начал в 1928 г. в отделении железного века Государственного исторического музея в Стокгольме, где он проработал до 1940 г. Постепенно Х. Арбман включается и в преподавательскую работу. В 1937—1940 гг. он доцент Упсальского университета, в 1941—1945 гг.— доцент Стокгольмского университета; с 1945 г. Арбман профессор «северной и сравнительной археологии» в Лундском университете, директор Лундского университетского исторического музея и редактор (с 1946 г.) «Сообщений» этого музея. За этой не очень богатой внешними фактами биографией скрыты деятельность и труд высокоодаренного археолога.

Еще в 1934 г. Х. Арбман опубликовал большую сводку памятников раннего железного века Швеции. К занятиям, посвященным проблемам и памятникам эпохи бронзы, римского и вендельского времени, Х. Арбман возвращался не раз. Таковы его исследования о топорах эпохи ранней бронзы, о месте изготовления и датировке широко известного серебряного котла из Гундеструпа, о Жертвенном месте в Западной Швеции позднеримского времени.

С конца 30-х годов свои главные научные интересы ученый связал с изучением эпохи викингов, и здесь он зарекомендовал себя и как трезвый, чуждый национальной ограниченности теоретик, и как выдающийся вещевед и историк, постигший в предмете своего изучения живое дыхание истории и судьбы людей давно ушедших поколений.

В своих исканиях Арбман, не замыкаясь национальными рамками, пытался воссоздать картину далеких связей, межконтинентальных путешествий, экономических и человеческих контактов Востока и Запада. С этой целью ученый кроме Швеции вел раскопки во Франции, Греции, Индии, с этой же целью он производил систематизацию и других северных древностей.

В 1937 г. Х. Арбман выступил с докторской диссертацией — «Швеция и Каролингское государство» («Schweden und das karolingische Reich»).

В ней он с большой тщательностью проанализировал вещи континентально-европейского происхождения в Швеции и доказал, что культура норманнов при всей их воинственности и экспансионизме была пронизана влиянием технически более развитых южных соседей.

Событием в развитии европейской средневековой археологии явилось издание, осуществленное Х. Арбманом в 1940—1943 гг., результатов исследования могильника крупнейшего северного торгового города IX—X вв.— Бирки («Birka I. Die Cräber, Text. TafeIn»). Арбман не только систематизировал и описал по комплексам около 5000 предметов из 1200 погребений, раскопанных Х. Стольпе в 70—80-х годах прошлого века, но и ввел в научный оборот первоклассный источник. Публикация могильника Бирки явилась классическим эталоном изданий такого рода. Благодаря ей значительно ускорился темп развития всей северной «викинголо-гии», а автор ее вошел в число лучших европейских археологов-источниковедов. На арбмановской Бирке воспиталось новое поколение шведских археологов. Сам автор начал писать обширный комментарий, но смерть оборвала эту важнейшую работу, в которую включились и исследователи разных стран, в том числе Польши и СССР.

В творчестве Арбмана Бирка открыла период зрелых обобщений. Здесь и статьи о связях Скандинавии со странами Европы и Азии, и вышедшая в 1962 г. сначала в Стокгольме на шведском языке, а затем в Лондоне книга «Викинги» («The Vikings»), и ряд других исследований. В 50—60-х годах Арбмана все более привлекает «восточная» проблематика. Словно осуществляя закономерный цикл, он, познав западные и северные древности, переходит к «восточным». В 1955 г. Арбман опубликовал книгу «Шведские викинги на Востоке» («Svear i Österviking»). Ее содержание по части некоторых теоретических положений в большой мере было традиционным для шведской науки с ее преувеличенным пониманием роли викингов в Русском государстве. Кабинетное изучение восточноевропейского материала, однако, не удовлетворило ученого. Углубленное знакомство с русскими древностями и поездки в СССР оказали на него сильнейшее воздействие. С присущим ему талантом зоркого искателя Арбман скоро увидел и понял, что памятники древнерусской материальной культуры, даже если они и несут печать северного мастерства, часто весьма отличаются от образцов их родины. Отныне Арбман выступает с полными новых и тонких наблюдений работами, которые год от года сближали его с позицией многих советских коллег. Отметим статью Скандинавское ремесло в России в эпоху викингов («Skandinavisches Handwerk in Russland zur Wikingerzeit») в «Meddelanden från Lunds universitets historiska museum» Lund, 1960. Он доказывает местное русское производство ряда киевских вещей, которые раньше считали привозными с Севера, он утверждает, что на Руси творили «славянизирующиеся» шведские ремесленники, на которых сильное влияние оказали местная среда, местные и восточные художественные вкусы. Анализируя орнамент восточноевропейских мечей, фибул и других изделий, Х. Арбман обоснованно выделяет своеобразные русско-норманские вещи — гибриды, сочетавшие влияния искусства разных стран и народов. В самой Швеции Х. Арбман опознал наряду с индийскими, персидскими, венгерскими, хазарскими и ряд русских импортированных изделий. Итоги своих новых наблюдений ученый изложил в вышедшей в 1962 г. статье «Швеция и Восток в эпоху викингов» («Sverige och Östern under vikingatiden». In: Proxima Thule. Sverige och Europa under forntid och medeltid). Некоторые мысли шведского археолога весьма близки тем, что разделяют и советские медиевисты. Арбман взял под сомнение или не принял канонические догмы современного буржуазного норманизма, такие, например, как тезис о шведской крестьянской колонизации Руси, о преобладающем влиянии скандинавской материальной культуры в Киеве, Старой Ладоге и Суздальском

Ополье в IX—X вв. Эволюция взглядов шведского ученого примечательна: она отражает путь объективно мыслящего человека. Арбмана, конечно, нельзя считать борцом против норманизма, но он пытается вывести обсуждение так называемого варяжского вопроса из полосы запальчивых обвинений и перейти к спокойному деловому обсуждению спорных проблем.

Х. Арбман предложил создать смешанную советско-шведскую рабочую группу для изучения культур обеих стран, он во многом способствовал налаживанию советско-шведских археологических контактов. Будучи неоднократным гостем Института археологии АН СССР, Ленинградского и Московского университетов, он выступал там с докладами. Следует надеяться, что усилия Арбмана достигнуть советско-шведского «археологического» сближения, отвечающие духу сотрудничества и добрососедства, не пропадут бесследно.

По инициативе Арбмана некоторые советские специалисты были приглашены в Швецию для чтения лекций. Он же оказывал значительную помощь Центральной археологической библиотеке СССР — библиотеке ЛОИА в пополнении ее фондов новой или отсутствовавшей литературой.

Память о профессоре Арбмане не только как о большом ученом, но и доброжелательном, общительном человеке останется в сердцах всех знавших его советских археологов.

М. А. Тиханова, А. Н. Кирпичников

Заметки

М. Р. КАСЫМОВ, Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

О КЛАССИФИКАЦИИ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИХ МАСТЕРСКИХ

Многие проблемы первобытной культуры, связанные с изучением кремнедобычи и кремнеобработки, разработаны еще чрезвычайно слабо. Одной из них является проблема классификации кремнеобрабатывающих мастерских. За последние годы в разных областях нашей страны открыто и исследовано большое количество памятников этого типа. Укажем хотя бы на кремнеобрабатывающие мастерские Верхней и Средней Волги [1], Урала [2], Белоруссии [3], Приазовья [4], Белгородской области [5], Кавказа [6]. Известны они и в Сибири [7] и Средней Азии [8].

Среди массы мастерских выделяются памятники, различные по составу культурных остатков и по своему местоположению среди других местонахождений (в основном поселений) каменного века. Тем не менее, поскольку в каждом из них в большей или меньшей степени отражены процессы производства орудий труда, все они именуются одним термином — «мастерские». Между тем очевидно, что разные мастерские отражают различные стороны и фазы производственного процесса. Для уточнения представлений о них мы попытались нарисовать следующую схему взаимосвязей поселений с мастерскими и различных типов последних между собой в неолитическую эпоху (см. стр. 268).

Среди мастерских выделяются два основных типа: стоянки-мастерские и мастерские в собственном смысле слова. Стоянки-мастерские характеризуются преобладанием остатков производства орудий труда, в первую очередь в виде большого количества разнообразных отходов: первичных и вторичных отщепов, а также более мелких отщепов вплоть до мельчайших чешуек, краевых и удлиненных сколов и других отбросов. Вместе с послед-

[1] Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА, 13, 1950; Л. Я. Крижевская и А. Х. Халиков. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье. Изв. КФАН СССР, сер гуман. н. 2, Казань, 1959.

[2] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 79, 1960; В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом. СА, 1961, 2, стр. 164—171.

[3] Н. Н. Гурина и Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня на западе Белоруссии. СА, 1964, 2, стр. 3—12; Н. Н. Гурина. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 50—58.

[4] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.— Л., 1953, стр. 368; его же. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье. Краеведческие записки Таганрогского музея. I, Таганрог, 1957, стр. 137—145.

[5] П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.— Л., 1963, стр. 172—190; его же. Кремневые мастерские в окрестностях Валуек на р. Оскол. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 104—111.

[6] М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950, стр. 22, 95; В. П. Любин. Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения). КСИА АН СССР, 82, стр. 59—67.

[7] А. П. Окладников. Мастерская каменного века на о. Каменном-Кежемском. Уч. зап. ЛГУ, 85, сер. истор. н., 13, Л., 1949, стр. 46—53.

[8] М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века Средней Азии. Автореф. канд. дис., Л., 1962.

ними встречаются в больших сериях и полуфабрикаты изготовленных орудий. Чаще всего это топоры и топоровидные изделия: долота, тесла, стамески, оставленные по тем или иным причинам на разной стадии изготовления. Очень часто, когда сырьем является подходящая для пластинчатой индустрии кремневая порода, изготовление топоров сопровождается изготовлением пластин-полуфабрикатов, что находит отражение как в обилии и высоком качестве самих пластин, так и в сериях нуклеусов. Последние также представлены в разных фазах выработки — от заготовок до предельно сработанных экземпляров. В производственный комплекс включаются и инструменты для производства орудий: различные типы отбойников и отжимников. Таковы остатки производства. Они сопровождаются другим инвентарем: орудиями для добывания продуктов питания и обработки предметов домашнего обихода. Это наконечники стрел и копий, грузила, скребки, ножи, проколки, резцы и т. д. В неолитических мастерских встречаются и обломки сосудов. Данный комплекс, являющийся основным в обычных поселениях, сближает их со стоянками-мастерскими. Но в последних он всегда малочислен. Таким образом, стоянки-мастерские отличаются от поселений соотношением производственного и бытового комплексов. Особенно отчетливо это прослеживается на керамике, составляющей на поселениях один из основных видов культурных остатков, а на стоянках-мастерских встречаемой всегда в ограниченном количестве. На стоянках-мастерских, кроме того, отсутствуют остатки долговременных жилищ, что также отличает их от поселений. Эти памятники следует рассматривать как места сезонного пребывания человека, но в то же время не слишком кратковременного. Население подобных местонахождений занималось в основном производством орудий труда.

По своему местоположению стоянки-мастерские делятся на расположенные вблизи выходов сырья, у открытых выработок, и на мастерские, удаленные от мест добычи сырья. Причина различного местоположения одинаковых по общему облику памятников не совсем ясна. По-видимому, в каждом конкретном случае имели значение условия добычи продуктов питания. Места выходов сырья, как правило, являлись неподходящими для охоты и рыболовства. В этих случаях необходимость заставляла, очевидно, транспортировать необработанные куски породы в места, где было легче добыть пищу. Там и продолжалась обработка сырья вплоть до изготовления полуфабрикатов. Последние затем уже переправлялись дальше, в места родовых поселков. К таким памятникам относятся Кызылкирская мастерская в Бухарской области Узбекской ССР[9], Городищенская гора под г. Ржевом[10], Учалинская и Карагайлы I на Южном Урале[11].

Очевидно, что в тех случаях, когда у мест выходов сырья были подходящие условия для более длительного пребывания, производство орудий осуществлялось до стадии полуфабрикатов прямо на месте извлечения сырьевого материала. Памятниками подобного типа являются Усть-Юрюзанская неолитическая и Новгород-Северская палеолитические мастерские[12].

В мастерских, связанных со стоянками и поселениями, многократно зафиксированы места скопления отбросов производства, чаще всего в виде мелких чешуек и отщепов. Это рабочее место мастера, занимающегося

---

[9] М. Р. Касымов. Ук. соч.

[10] Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские...

[11] Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Л., 1968, стр. 29—33.

[12] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская...: М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, I, Л, 1959, стр. 69—76; М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1822.

изготовлением новых орудий или подправкой уже использованных. Такие места известны на многих поселениях, например, на Карачаровской палеолитической стоянке [13]. Такая же мастерская есть на Панфиловской стоянке [14], стоянке Володары [15], стоянке Кубенино [16]. Очевидно, что эти небольшие «домашние» мастерские имели иное назначение, чем крупные специализированные мастерские для изготовления полуфабрикатов. Остатки таких мастерских изредка находят в пределах поселений, таких, как Поливанов Яр [17] или Карташиха [18]. Они возникали в тех случаях, когда родовые поселки располагались у мест, богатых сырьем.

Вторую большую группу мастерских составляют памятники, расположенные у мест выхода сырья и не имеющие признаков даже сезонного пребывания на них человека. Комплекс находок оттуда состоит в основном из отходов производства, в которых большое место занимают продукты самого первичного раскалывания. Другие изделия — промысловые и бытовые орудия, керамика и полуфабрикаты, как правило, здесь отсутствуют.

Примером таких мастерских, связанных с одной функцией производства — процессом первичного раскалывания породы, являются палеолитические и неолитические мастерские Приазовья, на реках Крынке и Миуссе [19], мастерские в устье р. Оскола [20], где добывали кремень обитатели костенковских палеолитических поселений. Такие мастерские известны в Узбекистане [21] и Киргизии [22]. Подобные местонахождения встречены и у Красносельских шахт. Некоторые из них находились в непосредственной близости от меловой линзы, другие же, что особенно интересно, в самих шахтах, уже отработанных и полузасыпанных [23]. При расщеплении породы мастер, очевидно, преследовал еще и цель проверки ее качества. Экономя силы, он тут же на месте производил требуемую для этого операцию, не поднимая тяжелые пласты на дневную поверхность. Остатками таких мастерских и являются груды разбитого кремня.

Первичное расщепление кремня происходило при кратковременном посещении выработок человеком, что и нашло отражение в остатках только отходов производства, при отсутствии других видов изделий.

Отметим и еще одну категорию — мастерские без явных следов обитания в них человека, предназначенные для изготовления специального типа орудий — скребков или наконечников. Из орудий в них представлен только один обрабатываемый тип. Продукция первичного раскалывания отсутствует. Следовательно, на такие местонахождения доставлялись заготовки того или иного орудия, подвергавшиеся здесь окончательной отделке. Мастерские этого типа называются мастерскими «завершающих процессов производства». Такая мастерская для изготовления скреб-

---

[13] А. С. Уваров. Археология России. I, М., 1881, стр. 277.

[14] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Гос. Владимирского музея. II, Владимир, 1926, стр. 7—9.

[15] И. К. Цветкова. Стоянка Володары. КСИИМК, XX, 1948, стр. 54.

[16] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 40.

[17] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 51—54.

[18] Л. Я. Крижевская и А. Х. Халиков. Каменный инвентарь...

[19] П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 368; его же. Некоторые местонахождения.., стр. 137—145.

[20] П. И. Борисковский. Кремневые мастерские..., стр. 104—111; его же. Очерки по палеолиту..., стр. 172—190.

[21] М. Р. Касымов. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области. Научные работы и сообщения. Отд. общ. наук, IV, Ташкент, 1962, стр. 156—158.

[22] А. П. Окладников, М. Р. Касымов и П. Т. Конопля. Капчигайская палеолитическая мастерская. ИМКУ, 5, Ташкент, 1963.

[23] Н. Н. Гурина. Новые данные.., стр. 57.

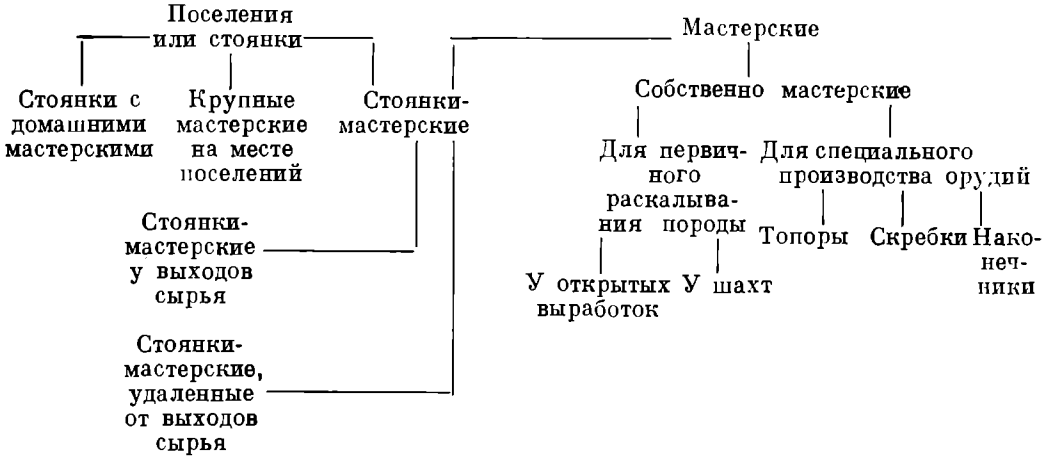
ков известна, например, во Франции [24], там же и в Чехословакии — для полирования топоров [25], в Румынии — для наконечников стрел или скребков [26]. На территории нашей страны подобные мастерские пока неизвестны. В силу недостаточности сведений о них не совсем понятна цель их организации. Как правило, завершающие процессы производства проводятся на стоянках. Чем вызвано специализированное производство завершающих операций, неясно. Возможно, что это явление имеет связь с особо широким изготовлением того или иного орудия «на экспорт».

Различные типы мастерских характеризуют сложный процесс производства с дифференцированными операциями, осуществляемыми в разных пунктах. Этот процесс неизбежно порождал и развивал разделение труда не только в форме выделения одной отрасли хозяйства — древнейшего горного дела, но и в форме разделения функций внутри нее.

Одним из наиболее сложных является вопрос о том, каковы различия между палеолитическими и неолитическими мастерскими. Ответ на него требует дальнейших исследований, но по логике вещей следует допустить, что в неолитическое время должна была быть бóльшая дифференциация производства, что связано с более дробным и совершенным разделением труда. Это нашло отражение в разнотипности памятников.

Вряд ли в палеолите существовали стоянки-мастерские, «домашние» мастерские или мастерские «специализированного назначения», хотя В. П. Любин теоретически и допускает возможность последних еще в мустьерское время [27].

Для неолитического же времени мастерские рисуют весьма яркую картину производственного процесса со всеми вытекающими из него общественными последствиями в виде интенсивного разделения труда, предполагающего развитие обмена, что ведет в свою очередь к дальнейшему развитию производительных сил.



[24] J. de S. Venant. Dissimination des produits des ateliers du Grand Pressigny aux temps préhistorique. Congrés International d'anthropologie et d'archeologie préhistorique, Paris, 1902, стр. 280—285.

[25] St. Jnsak. Naloz poliscarov na Slovensku. Archéologicke rozhledy, VII, I, Praha, 1955, стр. 12—17.

[26] C. S. Nicoláescu-Plopşor. Un atelier neolitic pentru confertiona ria virfuriler de şa geata. SCIV, II, 2, Bucuresti, 1960, стр. 367—372.

[27] В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, 131, 1965, стр. 55, 56.

С. А. ЕСАЯН

КАМЕННАЯ СТАТУЭТКА ИЗ ШАМШАДИНА

Во время моего пребывания в с. Навур Шамшадинского района, где производились археологические раскопки, ученик местной школы К. Далакян передал мне небольшую статуэтку каменного идола, найденную им в местности Пакер, между селами Навур и Ицакар. При осмотре места находки, выяснилось, что статуэтка была обнаружена на картофельном

Рис. 1. Каменный идол из с. Навур Шамшадинского района

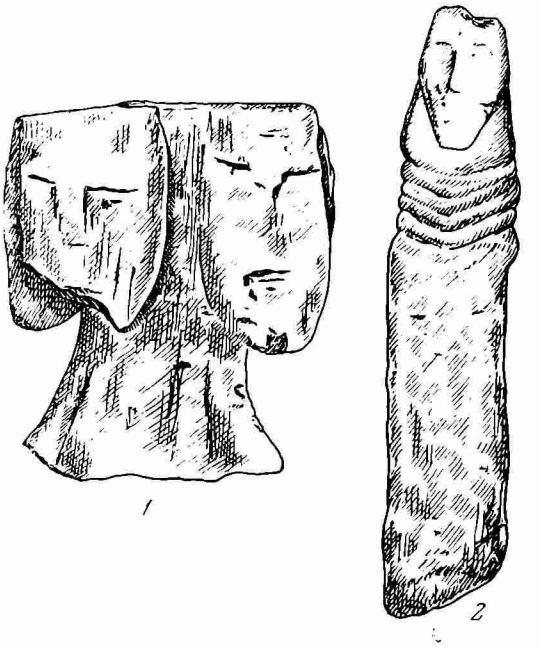


Рис. 2.

1 — базальтовая фигура идола из с. Яйджи Горисского района; *2* — каменное изваяние из с. Верхняя Зейва

поле между указанными селами. На поверхности поля мною было зафиксировано большое количество фрагментов красной и черной керамики, характерной для рубежа II—I тысячелетия до н. э.

Идол изготовлен из известняка и представляет собой восьмиугольный стержень высотой в 6 *см*. От верхней части стержня отходят четыре лицевых овала головы с округлой подбородочной частью, с большим прямым носом, с отверстиями глаз и рта, переданными прямой черточкой.

Верхняя часть головы имеет удлиненную форму, на которой проведены три вдавленные горизонтальные черточки, подчеркивающие высокий остроконечный головной убор (рис. 1).

Для определения места и времени изготовления идола важное значение имеют две другие находки, сделанные на территории Армении в 1961 г.

Одна из них — пятилицый базальтовый идол — была обнаружена в с. Яйджи Горисского района (хранится в Горисском краеведческом музее). Этот идол имеет высоту 76 *см* и сломан в основании шейки. У трех поверхностей лицевых овалов имеются различные повреждения, а носы отбиты на всех пяти лицах.

Верхняя часть головы срезана и образует плоскость, на которой прямой выпуклой резьбой выведены надбровные дуги и нос. Круглыми отверстиями подчеркнуты глаза; рот показан прямой черточкой (рис. 2, *1*).

Несколько отличающийся по форме, но близкий по лицевому овалу идол был обнаружен на территории поселения позднебронзовой поры (содержащего также слой начала I тысячелетия до н. э.) близ с. Верхняя Зейва. Идол имеет четырехугольный корпус высотой 1,6 *м* с фалловидным окончанием в верхней части, одна сторона которого изображает отчетливый овал лица, с удлиненной подбородочной частью, большим кривым носом, с четко подчеркнутыми отверстиями глаз и прямой черточкой рта (рис. 2, *2*).

Указанные предметы из Яйджи и В. Зейвы Л. А. Барсегян датирует XIII—XII вв. до н. э.[1]. А. А. Мартиросян, также изучавший этих идолов, относит их к XIII—VIII вв. до н. э.[2], что кажется более вероятным. Однако окончательное уточнение даты — дело будущего.

Идол из Яйджи, по мнению А. А. Мартиросяна, находился в центре святилища и являлся, несомненно, предметом почитания. По всей вероятности, такое же значение имел и идол из Навура. Однако, отличаясь малыми размерами, он стоял не в святилище, а, скорее всего, в жилом помещении.

Как видно из изложенного выше, все три идола представляют собой плоскую скульптуру, хотя отдельные детали (нос и брови) выражены у них рельефно. К концу указанного времени (VIII в. до н. э.) на территории Армянского нагорья в урартском искусстве появляется выпуклая скульптура, которая относится, однако, к культуре верхушки общества, в то время как плоское изображение на камне сохраняется у местных племен до конца I тысячелетия до н. э., что подтверждается находками аналогичных плоских статуй при раскопках Двина и случайными находками из ряда мест Армении.

---

[1] Л. Барсегян. Некоторые новонайденные культовые памятники эпохи поздней бронзы. Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1962, 3, стр. 258 (на арм. яз.).

[2] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 180.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

О СХОДСТВЕ САМУСЬСКИХ И ОКУНЕВСКИХ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Изображение человека было широко распространено в искусстве древних сибирских племен энеолита и начала бронзового века. Антропоморфные изображения известны в Прибайкалье, на Дальнем Востоке, в районе Томска и на Енисее, причем в разных областях встречаются похожие изображения. Так, костяные фигурки из могил окуневской культуры напоминают костяные фигурки глазковских погребений, а каменные стерженьки с человеческой головой на верхнем конце, известные в окуневской культуре, близки тем, что найдены в погребениях у с. Аносово и на Афонтовой горе. Все упомянутые фигурки объединяются своей миниатюрностью и тем, что они найдены в могилах. Вероятно, и назначение их было одинаковое.

Особенно много антропоморфных изображений в районе Томска и на Енисее, в хакасско-минусинских котловинах. На Енисее они представлены стелами с высеченными на них личинами, плитами с изображениями людей, каменными и костяными миниатюрными фигурками. В районе Томска, на поселении Самусь IV, антропоморфные рисунки прочерчены на сосудах. Отсюда же известна одна каменная скульптурная голова человека.

Рисунки на сосудах поселения Самусь IV достаточно широко освещены в литературе. В. И. Матющенко считает их свидетельством возникновения шаманизма и связывает с шаманскими изображениями из Восточной Сибири [1]. В противоположность ему М. Ф. Косарев предполагает, что самусьские рисунки представляют собой солнечные божества, поскольку у некоторых изображений есть на голове вертикальные черточки, а днища ряда сосудов имеют, по его мнению, солярные атрибуты: округлость и лучи [2]. Однако «солярность» вертикальных черточек личин ничем не доказана, что касается днищ самусьских сосудов, то они бывают не только круглые, но четырехугольные и шестиугольные, причем рисунки на них остаются теми же. Установить смысл рисунков на керамике из поселения Самусь IV чрезвычайно сложно. Но в определенной степени помочь в этом может привлечение в настоящее время более понятных изображений других культур. В то же время представляется целесообразным сравнить самусьские изображения не с кулайскими, усть-полуйскими и вообще поздними, как предлагает В. И. Матющенко [3], а с памятниками примерно того же времени, скажем, с окуневскими на Енисее.

Правда, самусьские изображения на сосудах значительно отличаются как от окуневских миниатюрных фигурок, так и от стел техникой, характером материала, размерами, и возможно, даже способами использования. В частности, окуневские стелы имели явно культовый характер. Сосуды же с рисунками могли служить не только для каких-то культовых целей, но просто для варки пищи. Однако в принципе окуневская и самусьская культуры близки по многим показателям. Для обеих культур характерны как антропоморфные, так и зооморфные изображения. Встречаются похожие вещи: баночные горшки, орнаментированные сплошь, включая дно; шестигранные сосуды; аналогичные каменные луновидные подвески; шары; наконечники стрел. Наличие сходства в вещах свидетельствует о том, что поселение Самусь IV по ряду признаков близко окуневской культуре.

Цель данной статьи — рассмотреть самусьские изображения на сосудах с точки зрения их сходства с окуневскими изображениями на стелах.

По внешнему виду рисунки на сосудах поселения Самусь IV можно разделить на три группы. К одной из них относятся полные изображения людей, т. е. с головой и туловищем. К другой — изображения одних туловищ без головы. К третьей группе относятся изображения одних личин без туловища. Изображение одних личин характерно для окуневского искусства, поэтому сопоставление начнем с окуневских и самусьских личин.

Основная масса окуневских личин имеет поперечные лицевые полосы под глазами, носом и на подбородке, а также полосы на лбу. Они одеты в головные уборы из вертикальной полосы или ленты, идущей от середины лба, рогов и звериноподобных ушей, иногда принимающих геометрические формы. Головной убор очень стилизован и часто имеет вид трех лучей с развилкой у основания.

При сравнении окуневских личин с самусьскими обнаруживается значительное их сходство. Это прежде всего личина на днище сосуда (т. I, *1*). У нее, подобно окуневским, есть полоса под носом и лобный знак, а на щеках — «уголки», часто встречающиеся у рта окуневских личин. Две другие личины напоминают окуневские лобными значками и ушами на голове, а третья — тремя тонко проведенными черточками под глазами (т. I, *2, 3, 6*). Помимо этого по обеим сторонам многих самусьских личин есть горизонтальные черточки, их чаще две или три. Они значительно короче

---

[1] В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. СА, 1961, 4, стр. 268, 269; его же. Материалы по истории раннего шаманизма. Тр. ТОКМ. Томск, VI, 1962, 2, стр. 78.

[2] М. Ф. Косарев. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике. СА, 1964, 1, стр. 294, 295.

[3] В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях..., стр. 268, 269.

тех, что на голове, и явно имеют другое значение. По-видимому, черточки означают лицевые полосы, аналогичные тем, что на окуневских стелах, но вынесенные за контур лица. Лицевые полосы окуневских личин означают раскраску лица изображенного, что находит подтверждение не только в многочисленных этнографических параллелях, но и в археологических находках [4]. Возможно, что значение полос на самусьских личинах то же.

Самусьские личины одеты в головные уборы из вертикальной полосы, идущей вверх от середины лба, и треугольных ушей либо в головные уборы, имеющие вид вертикальных черточек. Оба вида головного убора совпадают с окуневскими (т. I, *4—5*, *7—8*).

Иногда на окуневских стелах личина и головной убор изображены очень схематично. Крайне схематичное изображение головного убора имеет вид незамкнутого треугольника, по краям которого расположены «рожки».

Обращает внимание, что рисунки на самусьской керамике, будь то полные изображения людей, одни туловища или личины, также различаются в зависимости от степени их схематизации. Если взять за исходное наиболее полное изображение личины, то от него можно наметить две линии развития в сторону их схематизации. Исходное изображение имеет вытянутый овал, заостренный подбородок и скошенный лоб. Выше лба — треугольные уши и полоса, около лица — несколько черточек (т. I, *7*). По одной линии схематизации такая личина заменяется похожей, но уши и полоса на голове превращаются в вертикальные черточки (т. I, *8*). В свою очередь вторая личина заменяется третьей, тоже с горизонтальными и вертикальными черточками, но без контура лица (т. I, *9*). Наконец, в последнем варианте пропадают детали лица и горизонтальные черточки, а личина схематично обозначается одними вертикальными черточками, т. е. головным убором (т. I, *10*).

По второй линии схематизации основной вариант заменяется круглой личиной с вертикальными черточками (т. I, *11*). Она превращается в личину без головного убора и лицевых полос, а затем пропадает и контур лица (т. I, *12*, *13*). Как крайняя степень стилизации личины появляется обозначение черт лица просто тремя ямками (т. I, *14*).

Полные изображения людей представлены человеческими фигурами с руками, ногами и вертикальными черточками (т. II, *1*). Причем если личина реалистична, то туловище изображается схематично; если же трактовка туловища реалистична, то личина изображается схематично вертикальными черточками. Полные изображения человека на сосудах из поселения Самусь IV двумя деталями похожи на немногочисленные фигуры людей на окуневских плитах, а именно люди изображены с согнутыми в коленях ногами, туловища иногда пересекают поперечные полосы, имитирующие ребра, а еще вероятнее раскраску тела.

Неполные человеческие фигуры на самусьской керамике также изображены по-разному. Иногда туловище трактуется схематично, спускающимися вниз тремя линиями (т. II, *2*). В другом случае вместо полного изображения человека прочерчено туловище без личины, но с руками и ногами (т. II, *3*), или туловище без рук и ног, но с вертикальными черточками, означающими головной убор, или просто... одно туловище. Туловища расположены как вертикально — на стенках сосудов, так и горизонтально под венчиком. Может быть, как крайняя степень стилизации туловище человека изображается в виде двух заштрихованных треугольников, соединенных вершинами (т. II, *6—8*).

На одном из сосудов поселения Самусь IV полная человеческая фигура помещена не вертикально по тулову сосуда, а горизонтально, параллельно венчику (т. II, *9*). Ноги обозначены волнистыми линиями. Аналогичные

---

[4] Э. Б. Вадецкая. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине. СА, 1965, 4, стр. 219.

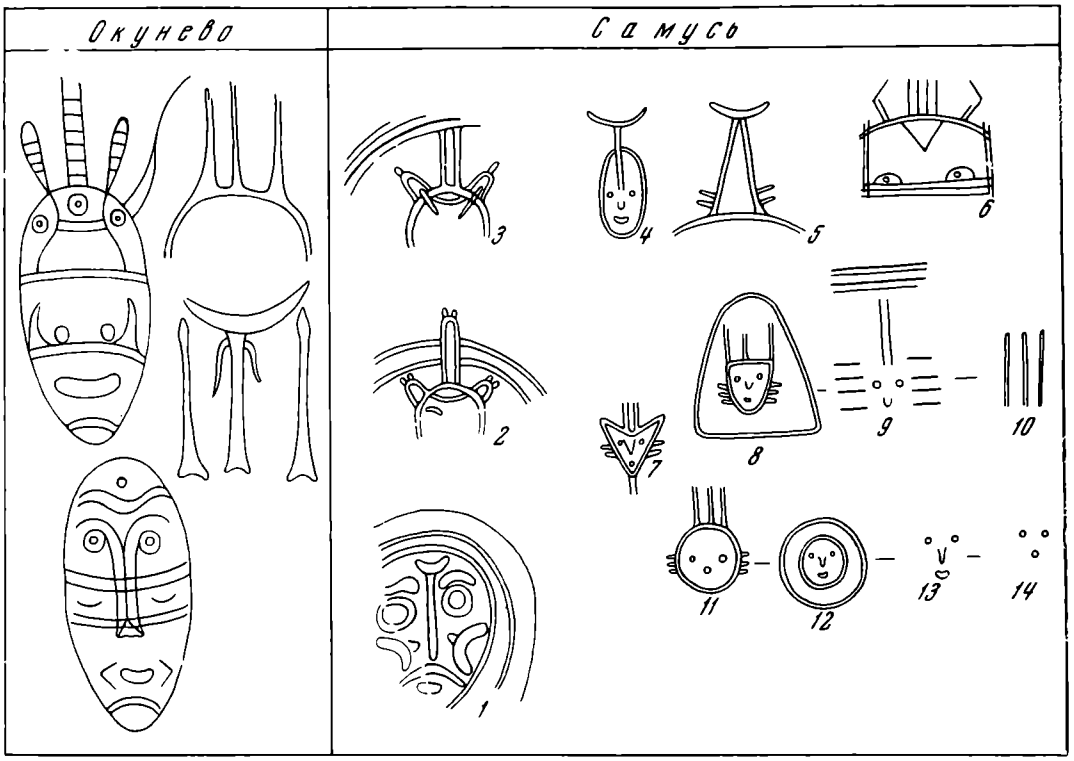


Рис. 1. Сравнительная таблица человеческих личин и головных уборов на окуневских стелах и керамике с поселения Самусь IV

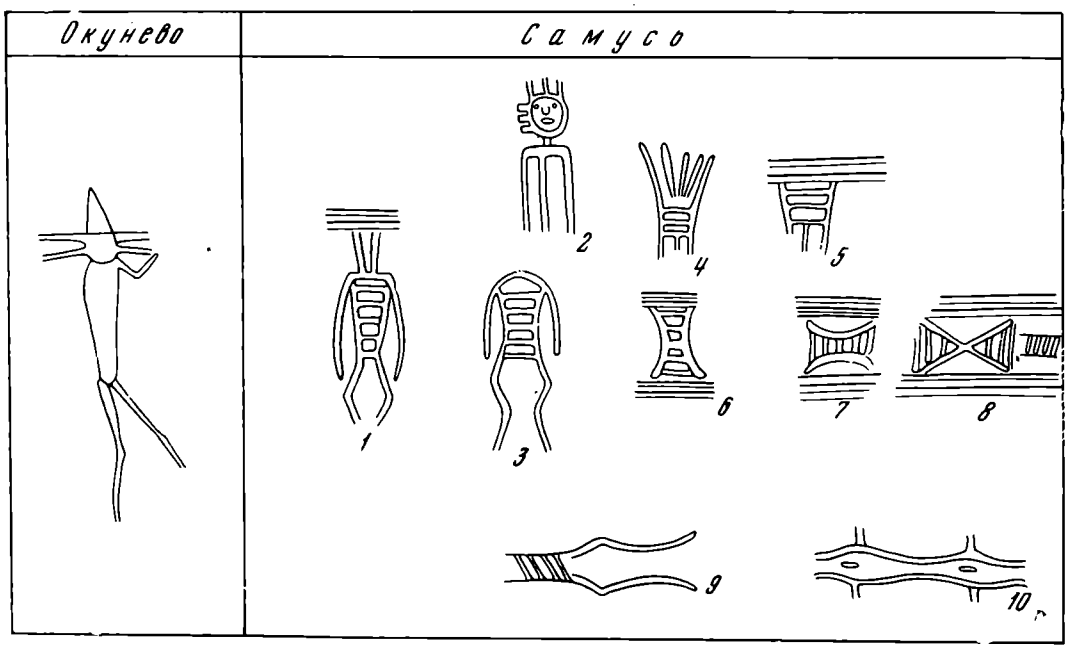


Рис. 2. Варианты изображения человеческих фигур

линии часто украшают верхнюю часть сосудов. Может быть, это тоже крайне стилизованное изображение человека?

Итак, самусьские рисунки различаются большей или меньшей стилизацией. Этот прием характерен и для окуневского искусства. Но там стилизации подвергаются личина и головной убор, здесь же полное изображение человека заменяется его частью. Важно отметить, что и те и другие самусьские рисунки встречаются на одних и тех же сосудах, в сочетании с одинаковыми элементами орнамента, часто внутри одинаковых овалов и полос. Поэтому возможно, что независимо от степени стилизации в них вложен один смысл. Поскольку самые стилизованные варианты, т. е. три ямки, заштрихованные треугольники и волнистые линии, бесспорно украшают сосуды, видимо, и более реалистические изображения имеют не смысловое, а декоративное значение.

Таким образом, личины на самусьской керамике и окуневские изваяния имеют ряд общих черт в головных уборах, раскраске лица, трактовке туловища и манере стилизации. Окуневские изваяния представляется возможным трактовать как изображения родовых покровительниц, каких-то женских предков или шаманов[5]. По-видимому, и у племен самусьской культуры была монументальная культовая скульптура, близкая по значению к окуневской, на что указывает найденная на поселении голова человека, вырезанная из камня. Однако вопрос, насколько близка семантика самусьских и окуневских личин, остается открытым.

Тем не менее наличие общих черт в искусстве двух соседних сибирских культур — самусьской и окуневской — интересно и может помочь изучению вопроса об их датировке и происхождении.

[5] Э. Б. Вадецкая. Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дисс., Л., 1965.

А. А. КРАВЧЕНКО

КЛАД КИЗИКСКИХ СТАТЕРОВ ИЗ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В сентябре 1967 г. в с. Орловка Ренийского района Одесской области во время строительных работ на усадьбе колхозника П. Ф. Гончаренко на глубине около 0,4—0,5 *м* был случайно обнаружен бронзовый сосуд, наполненный электровыми древнегреческими монетами. Монеты были разделены между находчиками, но сотрудникам Одесского археологического музея удалось выявить и получить для музея 71 монету и сосуд, в котором они находились. Судя по объему последнего, собрано и доставлено в музей около трети всего клада.

Бронзовый сосуд, в котором находились монеты, представляет по форме ойнохою с приставной вертикальной ручкой (рис. 1, *1*). Ойнохоя имеет продолговатое, слегка суживающееся книзу тулово, плоское дно (диаметр дна 5,5 *см*) и горизонтальные плечики, плавно переходящие в корпус. Высота сосуда 17,6 *см* (из них на долю горла приходится 6,1 *см*). Венчик оформлен в виде широко отогнутого наружу тройного устья. По пропорциям ойнохоя находит аналогии среди аттической керамики V—IV вв. до н. э.[1]

Горло, тулово и дно ойнохои изготовлены из отдельных листов бронзы, которые припаяны друг к другу, а места соединения аккуратно заделаны. При этом дно выделено невысоким бортиком. У основания горла также заметны два параллельных валика, опоясывающих его. Ручка литая,

[1] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 50—51, № 96, 97, табл. VII—VIII.

Рис. 1.

1 — бронзовая ойнохоя; *2* — голова Диониса на нижнем конце ручки; *3* — женская голова на верхнем конце ручки

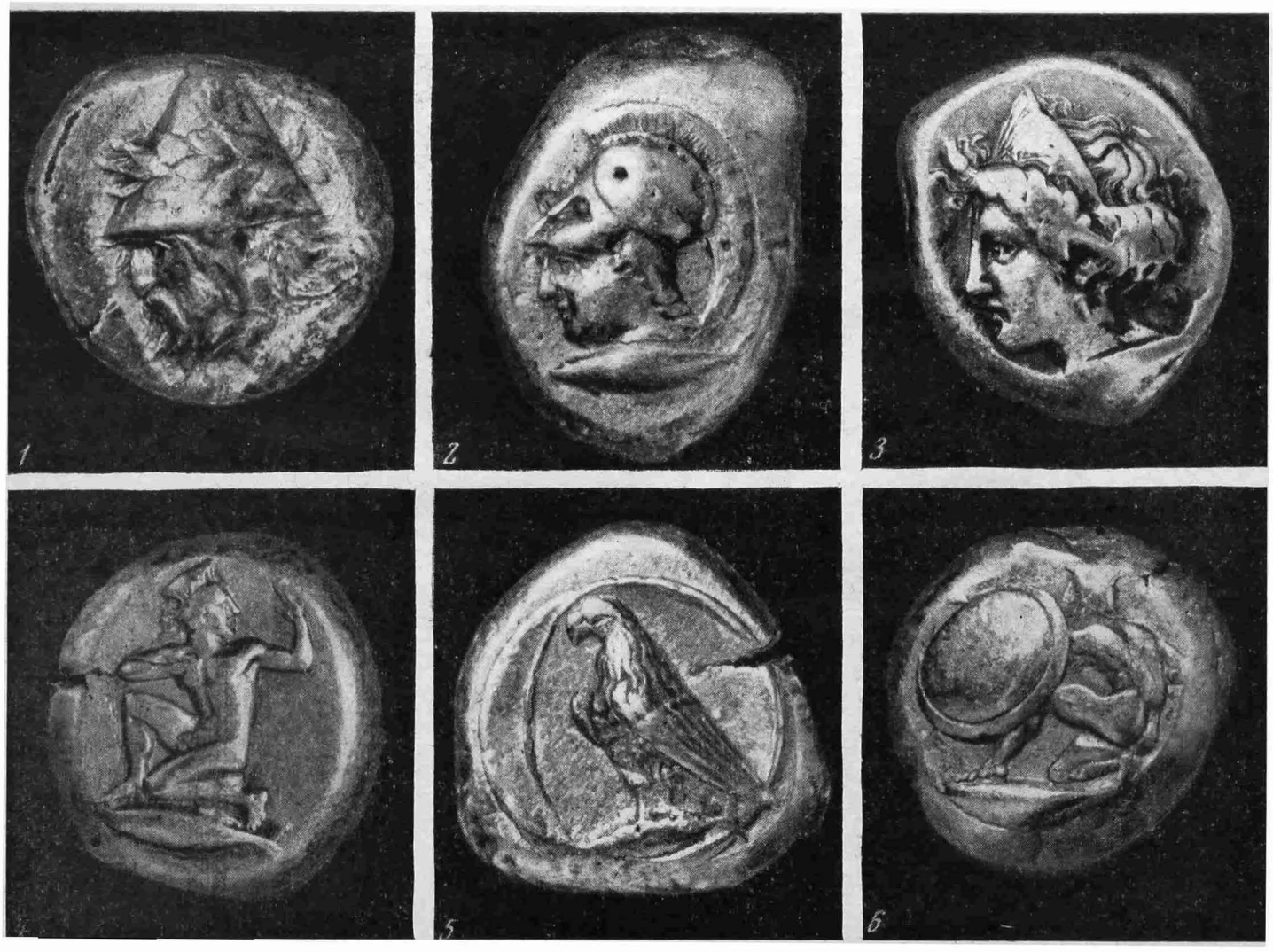


Рис. 2. Несколько электровых кизикинов из Орловского клада

массивная (длина ее 13,5 *см*) с восьмью слабо выраженными продольными гранями. В верхней ее части имеется зазор, в который входит край венчика; нижний конец ручки полый; он плотно прилегает к плечикам ойнохои.

Нижний конец ручки оформлен в виде маски бородатого Диониса. Его вьющиеся прядями волосы разделены посередине над лбом пробором. На бороде пряди еще более удлиненные и волнистые (рис. 1, *2*). Верхний конец ручки украшен женской головкой. Взгляд ее больших выпуклых глаз направлен выше венчика. Нос, губы и подбородок исполнены четко, хотя и несколько сухо. Распущенные и разделенные пробором над серединой лба волосы закрывают уши и ниспадают на плечи, которые постепенно переходят в боковые выступы ручки (рис. 1, *3*) [2].

Сохранность сосуда плохая: на тулове имеются трещины и вмятины, утрачены части дна и боковой стенки; весь сосуд покрыт налетом окиси.

Поступившая в Одесский музей часть клада состоит из электровых монет г. Кизика. Все взятые на учет монеты являются статерами со средним весом около 16 *г* и принадлежат к 43 различным типам (рис. 2). Из этих типов 8 отсутствуют в известной работе Г. Фритце [3], остальные 35 типов распределяются между группами классификации Фритце таким образом, что ко второй группе (между 550—475 гг. до н. э.) принадлежат 6 типов, к третьей (между 475—410 гг. до н. э.) — 15 типов, к четвертой (между 410—330 гг. до н. э.) — 14 типов. Большинство монет носят следы интенсивного обращения.

Расположенное на северном берегу Дуная с. Орловка (бывш. Картал) известно в археологической литературе: еще в 40-х годах прошлого века здесь были обнаружены обломки латинской надписи и поврежденный рельеф, поступившие в Одесский музей [4]. В окрестностях села, на так называемой «Каменной горе», в последние годы ведутся раскопки, выявившие остатки римского укрепления, краснолаковые сосуды и амфоры II—III вв., а также отдельные керамические материалы раннегальштадтского времени IV—III вв. до н. э. и XI—XIII вв. н. э.[5] В римскую эпоху у Каменной горы находилась переправа через Дунай, приходившаяся к северу от Новиодунума (совр. Исакча).

[2] Декор ручки сосуда из Орловки значительно строже, чем аналогичный по характеру декор ручки бронзового кувшина эллинистического времени, хранящегося в Одесском музее; Э. Р. Штерн. Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея. ЗООИД, XXIX, Одесса, 1911, стр. 31, 32, табл. 1.

[3] H. von Fritze. Die Elektronprägung von Kyzikos. «Nomisma», VII, 1912 (монеты определены П. О. Карышковским).

[4] Н. Н. Мурзакевич. Открытие древностей близ селения Картал. ЗООИД, 1, Одесса, 1844, стр. 627, 628; А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. 2, СПб., 1856, стр. 183, 184.

[5] И. Д. Головко, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло. Археологические исследования у с. Орловка Одесской области. КСОГАМ, 1963, Одесса, 1965, стр. 68—80

И. В. БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ

СТАТУЭТКИ ДИОСКУРОВ ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

(химико-технологическое исследование)

В лабораторию археологической технологии ЛОИА АН СССР были переданы для химико-технологического исследования две металлические статуэтки Диоскуров, найденные Тавроскифской экспедицией (руководитель П. Н. Шульц) при раскопках городища Неаполь Скифский в 1957—1958 гг. [1]

[1] Первое упоминание о находке см: П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г. (хранится в Институте АН УССР в Киеве), стр. 17.

Тщательно описанные и датированные П. Н. Шульцем статуэтки [2] если и нуждаются в дополнительном исследовании, то только в плане выяснения технологии их изготовления.

Прежде всего следует отметить резко отличающуюся по внешнему виду сохранность поверхности этих двух статуэток [3], несмотря на то, что в обоих случаях металл (кроме явных дефектов — облом, оплывы и некоторый износ деталей фигуры) хорошо сохранился. Так, у Диоскура № 1 при тщательной и аккуратной отливке всей фигуры в целом (кроме левой ноги, правой ступни и кистей рук) поверхность покрыта темной, почти черной благородной патиной, местами отсвечивающей темно-зеленой. При тщательном изучении, особенно при увеличении, на передней части тела отмечаются небольшие поверхностные разрушения металла, которые, однако, не оказывают существенного влияния на вид хорошо сохранившейся металлической фигурки. Глаза, инкрустированные другим металлом, с пустым (?) зрачком, прекрасно сохранились, следы разрушения незаметны даже под микроскопом. Диоскур № 2 хотя тоже мало корродирован (но с большими дефектами) имеет другую внешнюю поверхность. Отливка и отделка деталей фигурки худшего качества, поверхность неравномерно покрыта темной патиной, сквозь которую местами просвечивает красный металл. Свежий обрубок правой руки имеет излом такого же цвета. Кроме этого различия, статуэтки отличаются по весу, размерам и по манере исполнения.

Внешнее различие вызвало, прежде всего, интерес к химическому составу статуэток, тем более что датируются они П. Н. Шульцем различно. Для анализа были отобраны пробы, которые были высверлены из рук (левой Диоскура № 1 и правой Диоскура № 2). Уже в мелкой стружке они выглядели одинаковыми и по цвету и твердости не отличались друг от друга. Спектральный количественный анализ, сделанный по методу, разработанному в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР [4], показал следующее.

Данные анализов, %

Шифр. лаборат.		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au
3—64	Диоскур № 1	80	7	12,5	0,01	+	0,1	—	+	—
4—64	Диоскур № 2	80	7	12,5	0,05	+	0,1	—	+	—

Ni	Co	Fe	Mn	Si	Ca	Mg	Al	In	Ca	Ti	Ge
+	—	+	—	+	+	+	+	—	+	—	—
+	—	+	—	+	+	+	+	—	+	—	—

Полученные результаты, вернее, полная совместимость состава металла в двух статуэтках вызвала необходимость тщательной проверки результатов данного анализа. Для этого вторично были взяты пробы и дважды повторены анализы (два раза В. Н. Сидоровым и один раз Д. В. Наумовым) — результаты оставались прежними. Таким образом, следует считать

[2] См. статью П. Н. Шульца «Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя-скифского», в этом же выпуске СА, стр. 120.

[3] Для удобства статуэтки будут именоваться по номерам: Диоскур № 1 и Диоскур № 2.

[4] И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов. О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологических бронзовых изделий. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.— Л., 1963, стр. 77.

вполне достоверными данные по химическому составу статуэток, представленные в таблице.

По типу сплава — это оловянисто-свинцовистая бронза, в принятой нами классификации [5] — бронза с незначительными (естественными) примесями цинка и сурьмы; в следах присутствует железо, серебро, висмут, никель, магний, алюминий, кремний и кальций.

Качественный химический анализ инкрустированных глаз Диоскура № 1 показал, что они сделаны из серебра со значительной примесью свинца. Следов инкрустации зрачка камнем или другим материалом под микроскопом не обнаружено. Возможно, вставного зрачка и не было. Его заменяло углубление.

Следующим этапом работы было визуальное и рентгеноскопическое изучение технологии изготовления фигурок.

Диоскур № 1. Как уже отмечалось, эта статуэтка отличается тщательной отливкой фигуры, особенно это заметно со спины. И наряду с этим и с хорошо выдержанными пропорциями тела обращает внимание неаккуратно выполненная кисть правой руки и оплыв кисти левой руки. Правая нога, хорошо сделанная до щиколотки, в пальцах также в оплывах, а левая ступня отсутствует ниже лодыжки.

Тщательное изучение под микроскопом не дало каких-либо оснований полагать, что это облом, даже древний, это скорее всего брак литья.

При рентгеновском просвечивании место литника обнаружить не удалось. Отливка была проведена очень тщательно, пустот и раковин нет, последующая зачистка отлитого изделия сделана также очень аккуратно, на плаще и кудрях обнаружены следы гравировки, хорошо подчеркивающей детали. Прекрасно отлитая спинная часть статуэтки позволяет предполагать, что она отливалась в горизонтальной форме. Хорошо разогретый сплав быстро наполнял форму, однако, несколько приподнятые концы ступни правой ноги и кисти левой руки, находившиеся в верхней части формы, быстрее остывающей, не успели полностью заполнить форму. Очевидно, хорошо сделанная в целом фигурка должна была служить в таком виде. Дефект левой ноги можно объяснить еще и следующим образом. Предположение П. Н. Шульца о парности изображений Диоскуров совершенно справедливо и вызывает вопрос о том, как укреплялась статуэтка. Ясно, что единственной точкой опоры у Диоскура № 1 была левая нога, носок правой лишь касался подставки. Возможно, что штырь, которым закреплялась фигурка в подставке, был из сплава другого состава (подобные случаи известны) и попытка прилить его к фигурке не увенчалась успехом. Предположение о том, что в позднейшее время (статуэтка найдена в зольнике) части фигурки были оплавлены в огне — маловероятно, так как температура, необходимая для этого (порядка 1000°), не могла бы оставить нетронутой вторую ногу.

Диоскур № 2. В этой статуэтке прежде всего обращает на себя внимание несоответствие размеров конечностей с общими пропорциями фигуры. Грубая, большая левая рука, короткие голени с маленькими совершенно бесформенными ступнями. Очень грубо отлитый плащ, голова увенчана или фригийской шапкой, или просто оплывом на обычной шапочке Диоскуров. Ренггеновское просвечивание показало значительное скопление пустот на талии, где, по-видимому, был литник. Он сбит и зачищен, но линия спины прерывается. В верхней части головы не обнаружено ни раковин, ни пустот, так что, очевидно, эти наплывы — детали завершения фригийской шапки. Однако скопление пустот на талии не исключает отливки и через пупок, тем более что спина и этой статуэтки сделана более тщательно. Правда, последнее можно объяснить и условиями сохранности.

Наиболее правильным представляется считать, что Диоскур № 2 является браком литья. Неотделанные и укороченные ноги получились из-за

[5] И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника. МИА, 136, 1966, стр. 225.

того, что, не вылитые в форме ступни были сделаны из кончиков отлитых голеней простой расковкой. Рука явно не обработанная, несоразмерно большая, плащ — грубый. Очевидно, не выброшенная и не переплавленная в силу каких-то причин статуэтка в дальнейшем служила долго, как своего рода амулет, и, возможно, не раз очищалась или находилась в несколько иных условиях, что не повлекло за собой образования благородной патины, соответствующей такому же химическому составу сплава, как у Диоскура № 1.

Аргументированная датировка этих статуэток, данная П. Н. Шульцем, заставляет задуматься над причинами идентичности их состава. Прежде всего встает вопрос о возможности сохранения рецепта в одной и той же литейной мастерской в течение столетий. Это можно допустить, полагая столь же длительное существование одной мастерской. Но приготовление сплава и отливка статуэтки могли быть в различных местах. Предполагая подобную возможность, легко можно представить, что рецепты сплавов, являясь достоянием мастера, приготовляющего его, могли и сохранялись в многих поколениях. Продукция в виде полуфабриката попадала в другую мастерскую, где изготовлялись и отделывались изделия. Древние литейщики, по-видимому, хорошо знали свойство сплава и выбор его не был случайным. Бронза такого типа[6] обладает хорошими литейными свойствами, хорошо обрабатывается резцом и широко распространена во времени и территориально.

Следует отметить, что вес Диоскура № 1 (232,7 *г*) почти точно в два раза больше веса Диоскура № 2 (114,5 *г*). Возможно, что Диоскур № 1 имел парную фигурку, еще более бракованную, которая в дальнейшем попала в переплавку и из нее была изготовлена другая пара Диоскуров меньшей величины; одну из статуэток парной группы и представляет собой Диоскур № 2.

Изучение химического состава металлических изделий из Неаполя Скифского поможет в дальнейшем разрешить поставленные выше вопросы.

---

[6] Г. А. Кащенко. Курс общей металлографии. М., 1937.

Критика и библиография

В. А. БАШИЛОВ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ В АМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Археологический материал бессловесен. Только тщательным анализом, при помощи четкой научной методики можно заставить его заговорить. Совершенно естественно, что советские археологи должны быть как можно лучше информированы о методических достижениях своих зарубежных коллег как в Старом, так и в Новом Свете.

Американские археологи уделяют большое внимание теоретической разработке проблем, связанных со систематизацией материала и, прежде всего, методических приемов, помогающих установить относительную хронологию — костяк любого археологического исследования. К настоящему времени общие принципы хронологии, выработанные на практике различными учеными, суммированы и сведены в довольно стройную систему Г. Р. Уилли и Ф. Филлипсом [1]. В основе их системы лежат приемы, примененные для изучения древностей южных областей США, Мезоамерики и Центральных Анд. Способы, которыми была установлена относительная хронология Перу — Боливия, стали важнейшей составной частью этой системы, и поэтому ее конкретные достоинства и недостатки легче всего рассматривать на примере Андской области.

Специфика природных условий Центральных Анд, где жизнь издревле сосредотачивалась в речных долинах, изолированных друг от друга горными хребтами и прибрежными пустынями, а также своеобразие археологического материала, говорящего о распространении некоторых форм керамики и мотивов изобразительного искусства в относительно короткие промежутки времени на больших территориях, позволили системе относительной хронологии этой области сыграть особенно важную роль в разработке общеамериканской методики. Отправной точкой системы Г. Р. Уилли и Ф. Филлипса является то, что любое археологическое единство (unit) должно быть расположено в двух основных измерениях — во времени и в пространстве. Только после создания периодизации, основанной на этих измерениях, можно переходить к историческим построениям. Археологическое единство рассматривается не как произвольная комбинация материала, а как нечто существующее объективно и отражающее определенную общность населения [2].

Конкретное содержание такой общности раскрывается авторами в терминах и представлениях современной американской этнографии, однако разбор этой стороны дела не входит в задачу данной работы. Ее тема ограничивается методикой систематизации археологического материала.

Прежде чем рассматривать пространственно-хронологическую систему и ее приложение к материалу Андской области зоны древних цивилизаций, нужно познакомиться с определениями основных понятий, которыми оперируют американские археологи. Одна группа понятий относится к разделению пространства. Первое из них — памятник (site). Основная категория памятников Перу — многослойные поселения, культурный слой которых дает стратиграфическую колонку большой продолжительности (толщина культурного слоя на некоторых памятниках достигает 12 *м*). Памятник, являясь точкой на пространственной шкале измерения, имеет иногда большую протяженность во времени.

Следующее по величине понятие — участок (locality). Это очень небольшой отрезок пространства, на котором мы можем предполагать полную культурную одно-

[1] Ph. Phillips and G. R. Willey. Method and Theory in American Archaeology: An Operational Basis for Cultural-Historical Integration. «American Anthropologist», 1953, 55, 5, I; Ph. Phillips. American Archaeology and General Anthropological Theory. «Southwestern Journal of Anthropology», 1955, 11; G. R. Willey and Ph. Phillips. Method and Theory in American Archaeology. II. American Anthropologist, 1955, 57, 4; Их же. Method and Theory in American Archaeology. Chicago, 1958.

[2] G. R. Willey and Ph. Phillips. Method and Theory..., 1958, стр. 11—17.

родность в какое-то данное время. Для Перу такими участками являются упомянутые долины, резко обособленные друг от друга, где сами природные условия заставляют предполагать некоторую однородность. Участок при этом может выделяться даже по одному изолированному памятнику.

Значительно большей пространственной единицей является район (region). Выделение района зависит от нескольких причин. Очень важна при этом степень археологической изученности данной местности. Кроме того, принимаются во внимание географические факторы.

Область Центральных Анд археологически расчленяется на шесть основных районов. Это север, центр и юг побережья и соответствующие им районы в горах. Такое членение общепринято, но накопление новых данных заставляет некоторых исследователей делать попытки его пересмотра. Так, В. К. Беннет [3] выделяет на этой территории десять районов — пять по побережью и пять в горах. Вообще район — понятие в достаточной мере случайное, так как оно тесно связано с изученностью местности. По мере накопления археологического материала и увеличения наших знаний число районов может увеличиваться, а их границы изменяться. Иногда районы могут слиться в результате исследования разделяющих их пространств. В какой-то степени это относится и к участку. Своеобразие Андской области в этом отношении заключается в большой устойчивости пространственных делений, потому что их границы чаще всего совпадают с такими естественными рубежами, как высокие горные хребты и пустыни.

Наибольшее пространственное подразделение называется областью (area). Она обычно включает несколько районов. Выделение области, так же как и района, во многом зависит от исследованности. Внутри области намечаются связи между районами. Область Центральных Анд — хороший пример такой пространственной единицы.

Американские археологи применяют два понятия для обозначения самых мелких совокупностей археологического материала: компонент (component) и фаза (phase). Компонент — это совокупность материала, которая выделяется как нечто единое на одном памятнике. Это наиболее близко сложившемуся в нашей науке понятию «содержание слоя», поскольку оно принимается за единство при интерпретации памятника.

Но компонент не является чем-то самостоятельным. Компоненты с одним культурным содержанием на нескольких памятниках данного участка, а иногда и района, объединяются в фазу. В отличие от компонента фаза имеет пространственное протяжение и рассматривается при хронологических построениях как нечто единое для данного участка или района. Нередко она совпадает с компонентом, так как практически часто выделяется по одному памятнику. Г. Р. Уилли и Ф. Филлипс дают следующее определение фазы: «Археологическое единство, обладающее достаточно характерными чертами, чтобы выделить его среди всех других единств сходного порядка, принадлежащих к той же культуре или к другим культурам и цивилизациям, пространственно ограниченное рамками участка или района, а хронологически относящиеся к сравнительно короткому промежутку времени» [4].

Хотя сам термин «фаза» не является общепринятым, сходное понятие употребляется довольно широко. Хорошим примером может служить расчленение семиметрового культурного слоя поселения Галлинасо (V—59) в долине р. Виру (северный берег Перу). Авторы раскопок У. Д. Стронг и К. Эванс выделяют здесь, в основном по керамике, три последовательно существующих компонента, каждый из которых они называют периодом — Пуэрто Моорин, Галлинасо Уанкако [5]. Эти периоды вместе с соответствующими компонентами других памятников авторы выделяют в «культуры», которые и соответствуют понятию «фаза» по терминологии Уилли и Филлипса. Например, в культуру Пуэрто Моорин объединяются компоненты памятников V — 51, V — 59 и V — 162 в той же долине р. Виру.

Фаза может иметь различные пространственные и временные размеры и даже делиться на подфазы, но в построении хронологической системы она выступает в качестве единого целого.

Орудием для установления временных соотношений служит в первую очередь стратиграфическая колонка памятника (sequence). Она может быть довольно продолжительна во времени и включать компоненты, входящие в различные фазы.

Стратиграфические колонки памятников данного участка складываются в колонку участка (local sequence) (рис. 1). Это «хронологическая серия компонентов, фаз или подфаз, внутри географических границ участка» [6]. Фазы и компоненты

---

[3] W. C. Bennett. The Peruvian Co-Tradition. Memoirs of the Society for American Archaeology. 4, Menasha, 1948, стр. 45.

[4] G. R. Willey and Ph. Phillips. Ук. соч., стр. 22.

[5] W. D. Strong and C. Evans. Cultural stratigraphy in the Virú Valley, Northern Peru. Columbia Studies in Arcthaeology and Ethnology, 4, New York, 1952, стр. 63, рис. 10, стр. 189.

[6] G. R. Willey and Ph. Phillips, Ук. соч., стр. 25.

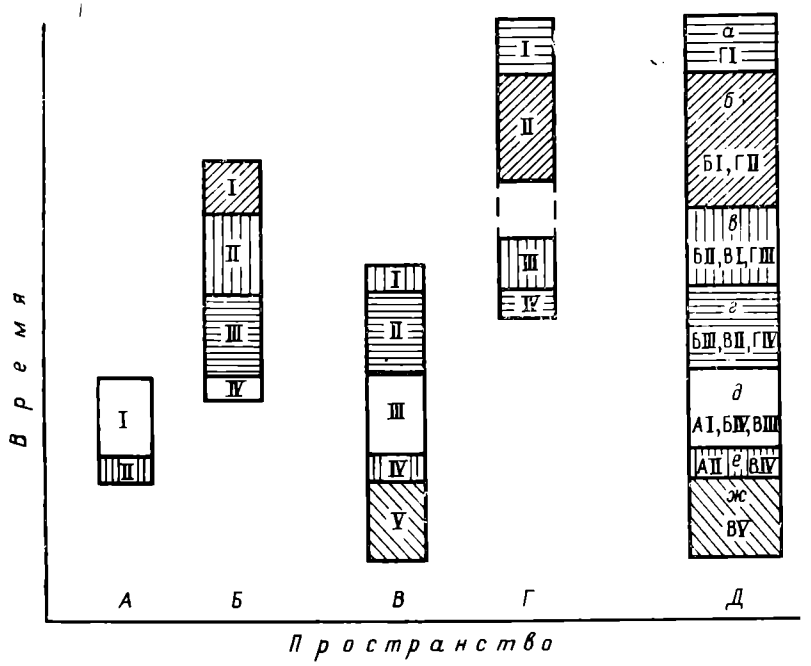


Рис. 1. Схема построения фаз и стратиграфической колонки участка

А — Г — стратиграфические колонки памятников, *Д* — стратиграфическая колонка участка. Одинаковой штриховкой переданы компоненты с идентичной материальной культурой

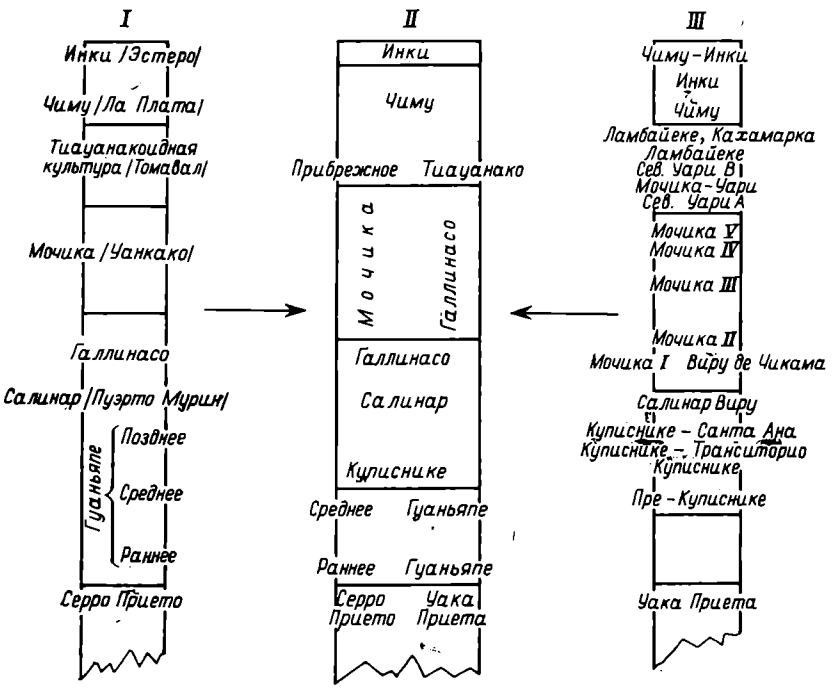


Рис. 2. Схема корреляции стратиграфических колонок участков при создании колонки района

I — стратиграфическая колонка долины р. Виру (по W. D. Strong and C. Evans Cultural stratigraphy...); II — стратиграфическая колонка Северного берега Перу (по D. Collier. The Central Andes. В сб. R. J. Braidwood and G. R. Willey (ed.). Courses Toward Urban Life. Viking Fund Publications in Anthropology, N 32, N. Y., 1962); III — стратиграфическая колонка долины р. Чикама (по R. Larco Hoyle. Cronologia Arqueológica del Norte del Peru. Buenos Aires, 1949).

в колонке участка могут быть связаны между собой не только статиграфически, но и при помощи других средств, так как колонки памятников не всегда удается увязать между собой чисто стратиграфическими методами. Колонка участка — очень ценный инструмент для дальнейших построений, потому что, имея очень незначительные размеры в пространстве, она позволяет считать различия между компонентами явлениями чисто хронологическими. При этом она покрывает достаточно большой промежуток времени.

Великолепным примером стратиграфической колонки участка является колонка долины р. Виру. Размеры этой долины практически ничтожны — около 25 *км* в длину и 5 *км* в самом широком месте. Ее культура едина на всех этапах существования здесь оседлого населения. Ее стратиграфическая колонка покрывает период от докерамических памятников до испанского завоевания. Она и стала ядром колонки для всего этого района.

Стратиграфические колонки участков в свою очередь объединяются в колонку района (рис. 2). Но это не механическое объединение, поскольку для района нельзя говорить о таком же культурном единстве во все периоды, как для участка. Стратиграфическая колонка района — это «хронологическая серия фаз или подфаз внутри географических рамок района» [7]. Правда, фаза чаще всего не совпадает полностью с районом в пространстве. Поэтому связь между ними довольно искусственна и имеет чисто хронологическое значение.

Но как сопоставить между собой стратиграфические колонки различных районов? Ведь их фазы различны по содержанию и не могут непосредственно связываться путем простой идентификации, как это происходит при формировании колонок участка или района. Здесь на помощь приходит явление горизонта (horison), когда на больших территориях распространяются сходные предметы и другие черты культуры, которые носят название показателей горизонта (horison makers). Впервые это явление было открыто и использовано в перуанской археологии [8]. Здесь показателями горизонта явились стили изобразительного искусства, и в первую очередь орнаментации керамики (horison styles). Характерной особенностью горизонта является его относительная краткость во времени при широком пространственном распространении. Он определяется как «преимущественно пространственная непрерывность, представленная культурными чертами и группами, чья природа и условия находки позволяют предполагать широкое и быстрое распространение» [9]. Показатели горизонта встречаются в фазах стратиграфических колонок разных районов и могут служить, таким образом, средством установления приблизительной синхронности этих фаз, приблизительной, потому что горизонт имеет свою временную глубину. Следовательно, это явление можно с достаточной достоверностью использовать только при наличии независимо выработанной стратиграфической колонки данного района.

В Перу и Боливии прослеживается пять основных горизонтов с самыми различными показателями [10]. Так, если для раннего горизонта Чавин характерно резное изображение кошачьего хищника, скорее всего ягуара, то для более позднего «негативного» горизонта показателем является техника негативной росписи сосудов.

Пример явления, аналогичного горизонту, в археологии нашей страны — распространение скифской триады (оружия, конского убора и звериного стиля) на гораздо более широкой территории, чем район, занимаемый собственно скифскими племенами. Значение находок предметов, относящихся к триаде, для установления дат общеизвестно.

Второе связующее понятие — традиция (tradition). Она также ведет свое начало от археологии Центральных Анд [11]. Традиция применяется как противоположность понятию горизонт и представляет собой непрерывность определенных элементов культуры, в первую очередь керамики, во времени при минимальном пространственном распространении. Уилли и Филлипс считают, что археологическая традиция — это «преимущественно временная непрерывность, представленная устойчивыми формами в отдельных техниках и других системах родственных форм» [12]. Таким образом, традиция может прослеживаться не только в керамике, но и в других элементах культуры.

Лучше всего традиции прослежены в северном прибрежном районе Перу, который вообще исследован более широко и тщательно. Очень четкое описание некото-

---

[7] G. R. Willey and Ph. Phillips, Ук. соч., стр. 27.

[8] M. Uhle. Die Ruinen von Moche. «Journal de la Société des Americanistes de Paris», 1913, 10.

[9] G. R. Willey and Ph. Phillips. Ук. соч., стр. 33.

[10] G. R. Willey. Horison Styles and Pottery Traditions in Peruvian Archaeology. AmAn, 1945, 11, 1; Его же. Functional Analysis of «Horison Styles» in Peruvian Archaeology. «Memoirs of the Society for American Archaeology», 4, Menasha, 1948.

[11] G. R. Willey. Horison Styles....

[12] G. R. Willey and Ph. Phillips. Ук. соч., стр. 37.

рых керамических традиций в долине р. Виру дано в работе Д. Колье [13], где автор разбирает керамику периода Позднее Гуаньяпе и периодов, следовавших за культурой Мочика.

Каждый горизонт и каждая традиция теоретически имеют момент наивысшего развития, который называется климаксом (climax). Климакс переживают и культура и цивилизация, где это понятие совпадает с понятием «классический период».

Помимо перечисленных объединяющих понятий для области Перу — Боливия В. К. Беннетом [14] было предложено понятие общей традиции (co-tradition). В. К. Беннет, опираясь на концепцию культурной области, сформулированную А. Л. Кребером, рассмотрел археологические материалы Андской области и нашел, что они составляют единство, обладающее некоторыми общими характеристиками для всей территории на протяжении всей истории этого района, начиная с I тысячелетия до н. э. «Общая традиция области — это всеобъемлющее единство истории культуры области, внутри которой составляющие культуры были взаимосвязаны в течение некоторого периода времени» [15].

Характерные для всей Андской области черты таковы: основа хозяйства — интенсивное земледелие и дополняющее его скотоводство (общий набор культурных растений и домашних животных), основные земледельческие орудия — палка-копалка и орудие для разбивания комков земли. Используются также орошение, террасы, удобрения и севооборот. Известны производство керамики, металлообработка, ткачество и другие отрасли ремесла. Существует сходная строительная техника на базе таких долговечных материалов, как камень и адобы. Имеются политические объединения, сходные религиозные представления и единые мотивы изобразительного искусства. Эти характеристики, по мнению Беннета, найдены в каждом подразделении и в каждом основном периоде времени перуанской общей традиции [16].

Однако этот автор излишне обобщенно и статично трактует историю культуры Перу — Боливии. Ведь далеко не во все ее периоды и не все районы обладают всеми перечисленными характеристиками. Так, ирригационное земледелие появляется в одном из наиболее развитых районов Перу — в северной части побережья не ранее периода Салинар [17], а более ранние эпохи — Гуаньяпе и Куписнике его не знают. Ранние этапы не знают и металлообработки. Она появляется не везде и не сразу. Нельзя также говорить о единстве мотивов изобразительного искусства на всем протяжении существования общей традиции. Действительно, искусство эпохи Чавин и эпохи Тиауанако имеют сходный набор мотивов изображений, но их трактовка и, по-видимому, значение совершенно различны. Вообще большинство приведенных черт характерно для культуры Перу классического периода, но далеко не все они известны в более раннее время. Помимо того, каждая из этих черт имеет свою собственную линию развития, далеко не сходную во всех районах Центральных Анд. Однако в пределах этой части Южной Америки существует много внутренних связей и общее сходство в развитии, что и позволяет выделить ее в качестве единой области. Концепция общей традиции Беннета не получила широкого применения, поскольку она отражает во многом специфические черты Перу — Боливии, что затрудняет ее использование в других районах Нового Света.

Основные (компонент, фаза) и объединительные (горизонт, традиция) археологические единства позволяют строить общую хронологическую систему целой области. Основные единства достаточно малы во времени и пространстве, чтобы ими можно было оперировать как единицами при построении хронологии. Горизонты и традиции, из которых первые обладают большими пространственными измерениями и теоретически почти не имеют временной протяженности, а вторые, наоборот, измеряются во времени и предельно локализованы в пространстве, позволяют распределять фазы, эти кирпичики здания относительной хронологии, в пространстве и времени (рис. 3).

Система относительной хронологии Центральных Анд строится следующим образом: все шесть стратиграфических колонок районов связываются между собою пятью горизонтами. Традиции, в первую очередь керамические, проходят внутри колонок, соединяя отдельные фазы друг с другом. Использование этих приемов позволяет создать довольно надежную картину временных связей древних культур Перу — Боливии.

Такая пространственно-хронологическая система для Центральных Анд была подтверждена проведенным уже после ее создания датированием по радиокарбонному методу [18]. Даты, полученные этим независимым методом, не разрушили отно-

---

[13] D. Collier. Cultural Chronology and Change as Reflected in the Ceramics of the Viru Valley, Peru. Chicago Field Museum of Natural History. Fieldiana: Anthropology, XLIII. Chicago, 1955.

[14] W. C. Bennett. The Peruvian Co-Tradition....,

[15] Там же, стр. 1.

[16] Там же, стр. 2, 3.

[17] D. Collier. Ук. соч., стр. 134.

[18] G. R. Willey. Estimated Correlations and Dating of South and Central American Cultural Sequences. AmAn, 1958, 23, 4.

сительную хронологию. Они только раздвинули ее рамки в абсолютных цифрах. Расхождения между датами по C_{14} и относительной хронологией были невелики, и их вскоре удалось скоррелировать [19]. Это дало ценную взаимную проверку как пространственно-хронологической системе Андской области, так и радиокарбонному методу.

Сейчас, однако, есть тенденция к преувеличению роли методов независимого датирования в ущерб чисто археологическим методам построения хронологических схем [20]. Я думаю, что на данной стадии развития археологической методики необходимо применение всех возможных способов хронологизации, но определяющую роль должна играть относительная хронология, построенная с учетом внутренних закономерностей развития археологического материала, поскольку эти закономерности отражают явления, происходившие в материальной культуре обществ, изучаемых археологами.

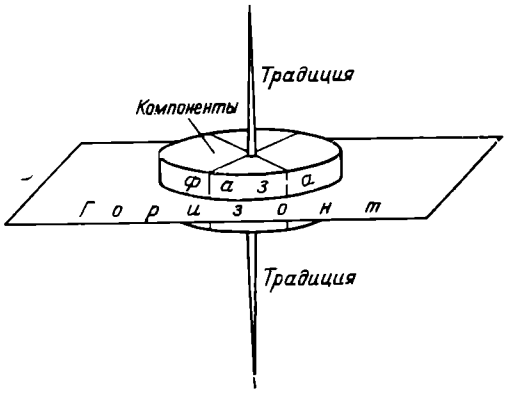


Рис. 3. Схема взаимосвязи компонента, фазы, горизонта и традиции

Самым высоким звеном пространственно-хронологических построений являются максимальные единства (maximum units) — культуры и цивилизации. Максимальные единства складываются из фаз, связанных между собой едиными традициями различных элементов культуры и горизонтами. Между ними нет различия в построении, но употребляются понятия «культура» и «цивилизация» различно. Термин «культура» приложим ко всем максимальным единствам ранних периодов истории Нового Света, а термин «цивилизация» употребляется для наиболее поздних периодов. Максимальное единство иначе может рассматриваться как «полная культурная традиция», т. е. совокупность традиций всех элементов культуры. Культура и цивилизация являются исходным понятием для исторических построений.

Изложенная выше система представляет собой сумму методических достижений американских археологов в области систематизации материала. Она производит впечатление довольно стройного построения, применимого к самым различным археологическим территориям. Здесь удачно сочетаются принципы, почерпнутые из практической работы археологов во многих районах Нового Света и на памятниках разного характера.

Однако памятники эти всегда принадлежат только к одному виду — к поселениям. Существование погребальных комплексов, которые могут дать очень много в хронологических целях, практически игнорируется, хотя именно на них М. Уле были заложены основы перуанской хронологии [21].

Наиболее существенным звеном системы Г. Р. Уилли и Ф. Филлипса является фаза. Именно на этом понятии держатся все дальнейшие построения. Теоретически она должна представлять собою нерасчленимое единство культурных черт. Это, естественно, требует выделения фазы только после всестороннего учета ее культурного содержания. Однако практически в археологии высоких цивилизаций Андской области расчленение материала проводится каждым исследователем на основе своих собственных критериев. Очень показательна в этом отношении история исследования боливийской культуры Тиауанако, где А. Познанский строил периодизацию на основе различий в строительной технике [22], В. К. Беннет — на стилистике изображений [23], а К. Понсе Санхинес — на основании анализа керамики [24]. Такой разнобой в критериях очень затрудняет построение скоррелированной периодизации и заставляет с очень большой осторожностью подходить к выделенным фазам при их использовании. Чрезвычайно мешает получению всесторонней характеристики фазы и применяемая повсеместно в Центральных Андах полевая методика. Раскопки сво-

[19] J. Bird. South American Radiocarbon Dates. «Memoirs of the Society for American Archaeology», 8. Menasha, 1951; D. Collier. Ук. соч., стр. 25—26.

[20] G. R. Willey and Ph. Phillips. Ук. соч., стр. 44—45.

[21] Уже после выхода в свет разбираемой работы калифорнийские археологи во главе с Дж. Роу стали применять погребальные комплексы для создания более детальных периодизаций отдельных районов Перу.

[22] A. Posnansky. Tihuanacu — the Cradle of American Man. New York, 1945.

[23] W. C. Bennett. Excavations at Tiahuanaco. «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», 34, New York, 1934, рис. 3.

[24] C. Ponce Sanginés. Ceramica Tiwanacota. Revista Geografica Americana, XXVIII, 170, Buenes Aires, 1947. Сейчас им же создана новая периодизация Тиауанако на базе стратиграфических наблюдений.

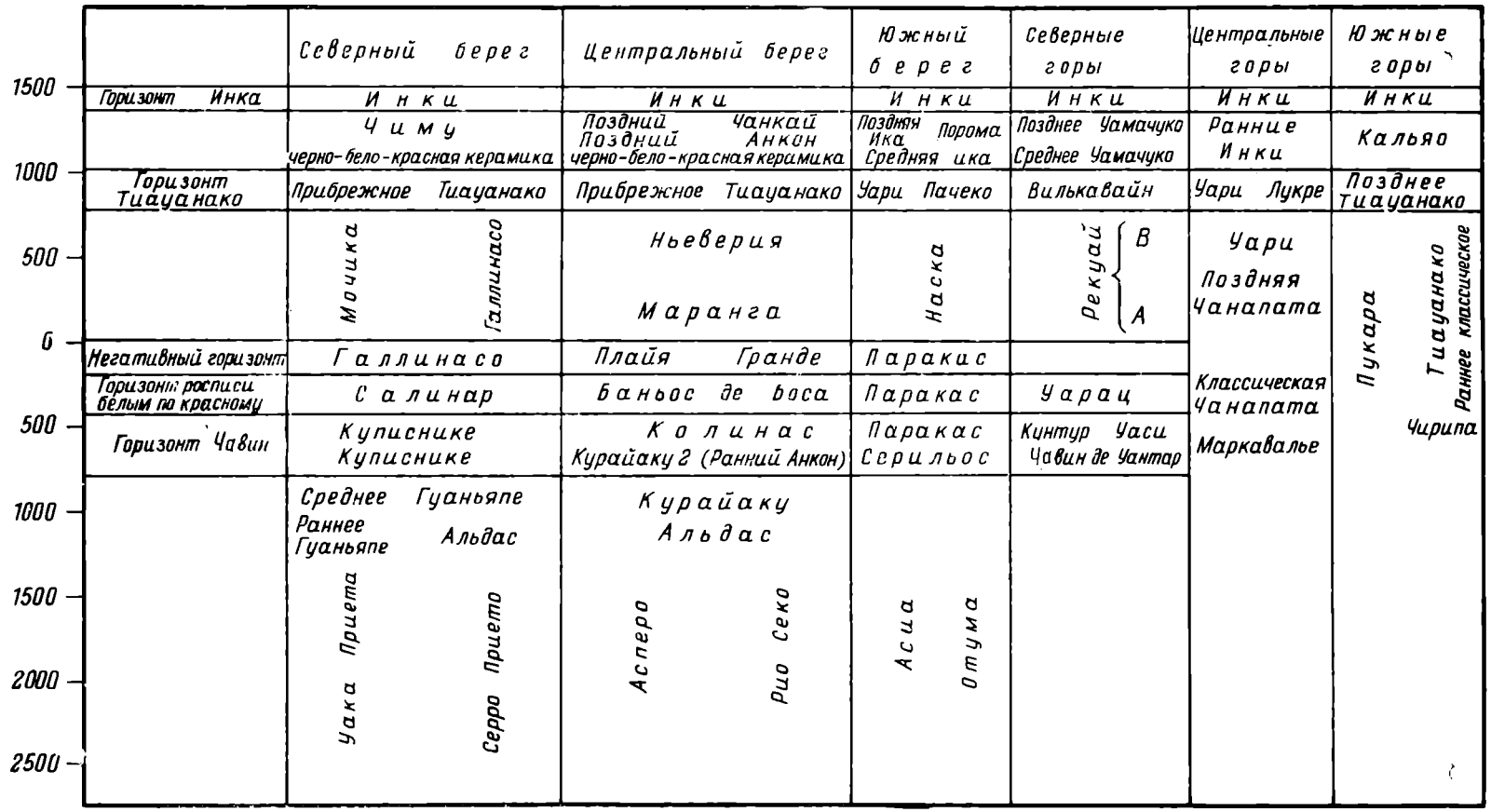


Рис. 4. Хронология древностей Центральных Анд (по G. R. Willey. Functional Analysis... и D. Collier. Centrae Andes.)

дятся чаще всего к стратиграфическим шурфам малой площади и расчисткам архитектурных сооружений. Характерная особенность полевой работы в том, что стратиграфическая колонка зачастую становится самоцелью при раскопках памятника. Абсолютно не исследуются производственные комплексы. Таким образом, фаза, являясь удобным орудием хронологических построений, в практике археологии Андской области очень часто бывает слабо документирована.

При рассмотрении понятия горизонта, сформулированного прежде всего на основании перуанского материала, бросается в глаза разнохарактерность пяти горизонтов Перу (рис. 4). Хотя все они выделяются по распространению того или иного стиля и мотивов орнаментации, каждый из них связан с совершенно различными процессами и историческими событиями, как об этом писал еще Уилли [25]. Географическое распространение горизонтов тоже неодинаково. Если Чавин покрывает только район северных гор и северного и центрального побережья, то границы распространения стиля Инка далеко выходят за пределы Перу — Боливии, проникая на севере в Эквадор, а на юге — в Аргентину и Чили. Это соответствует исторической экспансии Инкского государства.

Кроме того, первые три горизонта — Чавин, керамики, расписанной белым по красному, и негативной росписи — непосредственно следуют друг за другом [26]. Однако, согласно общепринятой сейчас абсолютной хронологии, общая протяженность во времени этих горизонтов — 800—900 лет. Датированию по C_{14}, как уже говорилось выше, можно доверять в силу общего совпадения полученных дат с относительной хронологией Андской области. Период в 300 лет, приходящийся в этом случае на каждый из трех первых горизонтов, никак нельзя назвать кратким. А ведь именно кратковременность придает горизонту особое хронологическое значение.

Все это заставляет усомниться в постулируемой Г. Р. Уилли и Ф. Филлипсом четкой горизонтальности всех «горизонтов», так же как и в их незначительной временной протяженности. Вряд ли нужно сейчас на этом основании полностью отбрасывать всю концепцию такого единства. По всей вероятности, показатели горизонтов и в первых трех случаях сохраняют свое значение как показатели отдельных эпох в древней истории Перу. Однако совершенно необходимо рассматривать горизонты в индивидуальном порядке, не преувеличивая кратковременность и горизонтальность распространения каждого из них. Очень важно также дать членение каждой из этих эпох во времени на основе более тщательного и менее обобщенного исследования показателей горизонтов.

Наиболее слабым звеном всего рассматриваемого построения является его вершина — максимальные единства. Их формулировки чрезвычайно расплывчаты и не дают их ясного понимания. Однако мне кажется, что совершенно правильно намечен путь к определению культуры как определенной совокупности, единства археологического материала — совокупности, являющейся отражением в материальной культуре некогда существовавших человеческих обществ. Каких? Каковы этнические и социальные эквиваленты культур и цивилизаций? Г. Р. Уилли и Ф. Филлипс решают эти вопросы с позиций и в терминах современной буржуазной этнографии. Но эта проблема выходит за пределы методики систематизации материала во времени и пространстве, которая здесь рассматривается.

В целом относительная хронология Перу в свете этой системы позволяет четко видеть достоинства и недостатки последней. Она представляет собою интересную попытку обобщения методических приемов рассмотрения и группировки археологических материалов, привлекая в первую очередь своей четкостью и стройностью. Она открыта для самой серьезной критики, но заслуживает также и самого серьезного внимания со стороны советских археологов.

---

[25] G. R. Willey. Functional Analysis...

[26] G. R. Willey. Functional Analysis, стр. 10—11.

Возникновение и развитие земледелия. Под редакцией В. Д. Блаватского и А. В. Никитина. «Наука», М., 1967, 232 стр., 72 илл. Тираж 4000 экз.

Наша археологическая литература бедна работами, посвященными истории древнего земледелия. Поэтому вполне понятен тот интерес, который вызывает книга В. М. Массона, И. Т. Кругликовой и А. В. Кирьянова «Возникновение и развитие земледелия». Она представляет собой три самостоятельных очерка, посвященных различным этапам развития земледелия и объединенных общей темой, указанной в заглавии. Книга написана на конкретном археологическом материале и является первым и, нужно отметить, удачным опытом обобщающей работы по этой проблеме. История земледелия рассматривается здесь в тесной связи с историей общества. Общедоступная форма изложения рассчитана на самый широкий круг читателей. Однако важность поставленных в книге проблем, мобилизация большого археологического, а также этнографического и исторического материала, неосвещенность многих поднимаемых в ней вопросов в специальной литературе, несомненно, привлекут к ней внимание и специалистов, прежде всего археологов, историков, этнографов.

Не пересказывая здесь содержания книги и не касаясь ее общей оценки, что сделано ниже в рецензии Г. Н. Лисициной и А. Чернецова, мы хотели бы остановиться лишь на некоторых положениях, которые представляются дискуссионными и недостаточно разработанными в нашей науке. При этом цель приводимых ниже замечаний — не «исправление» авторов рецензируемой книги, а желание привлечь внимание исследователей к проблемам, которые, по нашему мнению, еще далеко не ясны и требуют углубленного изучения. Это, таким образом, не столько заметки о книге, сколько заметки по поводу книги.

Одной из таких проблем является проблема эволюции почвообрабатывающих орудий. В рецензируемой книге этому вопросу уделяется значительное внимание в очерках, написанных И. Т. Кругликовой и А. В. Кирьяновым, но очень мало в первом очерке, принадлежащем перу В. М. Массона и посвященном древнейшим этапам развития земледелия. Между тем вопрос о древнейших почвообрабатывающих орудиях, их эволюции и является наиболее сложным. Автор исходит из господствующих в нашей археологической науке представлений, что до появления упряжных пахотных орудий важнейшим, если не единственным почвообрабатывающим орудием древних земледельцев была мотыга. «Мстыга являлась основным орудием первобытного земледельца и сохраняла свое значение на протяжении многих веков и тысячелетий»,— пишет В. М. Массон на стр. 24. Земледелие, при котором почва обрабатывалась без помощи упряжных пахотных орудий, называется мотыжным (стр. 28 и др.), что еще раз подчеркивает решающее значение мотыги как основного почвообрабатывающего орудия древности. Впрочем, автор в ряде мест упоминает палки-копалки и лопаты, но не определяет их место в древней земледельческой технике по сравнению с мотыгами (стр. 24). Примечательно, что о подобных орудиях чаще говорится тогда, когда речь заходит собственно об этнографическом материале (стр. 29, 61, рис. 9, 19).

Такое представление о мотыге, как и сам термин «мотыжное земледелие», обозначающий особую стадию в развитии земледелия, для которой характерно применение в качестве основных орудий мотыг, пришло в археологию из этнографии. Эта гипотеза, впервые введенная в науку еще в XVIII в. Х. Майнерсом, а затем развитая и обоснованная Ф. Ратцелем и Э. Ханом, нашла благодатную почву в археологии и, казалось бы, прекрасно подтверждалась многочисленными находками древних каменных, костяных, роговых, металлических, изредка деревянных мотыг (заметим, кстати, что употребление многих из этих орудий в земледелии далеко не бесспорно). Многочисленность находок мотыг в археологическом материале является, по-видимому, и для В. М. Массона важнейшим обоснованием наличия мотыжного земледелия. На стр. 83 мы читаем: «Вместе с тем значительное число находок на трипольских поселениях разнообразных мотыг — костяных, роговых, каменных — ясно указывает, что они были основными орудиями древних земледельцев».

Однако так ли прост этот вопрос?

Во-первых, заметим, что применяемые при обработке почвы орудия весьма разнообразны по назначению. Среди них следует выделить орудия для первичной обработки почвы (поднятие новь, залежи, перелога и т. п.) и орудия для вторичной обработки почвы (разбивание крупных комьев земли на поле, рыхление, прополка, часто предпосевная обработка уже вспаханного или обработанного иным способом участка). Естественно, что основным почвообрабатывающим орудием следует считать то орудие, которое используется для первичной обработки почвы. Сам факт наличия мотыг в археологическом материале еще не дает указаний на то, как они применялись древними земледельцами: для первичной или вторичной обработки почвы. Вполне естественно, что мы должны здесь обратиться к этнографическому материалу, как очень часто обращаются к нему археологи при выяснении назначения ряда вещей, судить о способе употребления которых по их форме бывает затруднительно. Этнографический материал в данном случае представляется нам отправным пунктом для исследования картины древнего земледелия.

В последнее время гипотеза о всеобщей стадии мотыжного земледелия подвергается этнографами, особенно за рубежом, вполне справедливой критике. Выяснено, что наиболее примитивные земледельческие народы употребляли в качестве основных орудий для обработки почвы отнюдь не мотыги, а разнообразные по форме колья и палки-копалки, а также генетически связанные с ними лопатообразные орудия. На обширном материале установлено, что мотыга была известна далеко не всем первобытным земледельческим народам, что мотыжное земледелие не является единственной формой доплужного земледелия. Выделены формы земледелия, характеризующиеся применением иных ручных орудий: простых палок или кольев для вскапывания земли, таких же орудий, снабженных «подножками», лопатообразных и «царапающих» орудий, ручных орудий для проведения борозд и бороздчатой обработки земли. Эти формы земледелия или их пережитки зафиксированы на огромных пространствах Старого и Нового Света, практически везде, где в древности наличествовало земледелие, и могут рассматриваться как определенные этапы развития земледелия, так же как и орудия, их характеризующие. Этнографический материал показывает, что у подавляющего большинства первобытных земледельческих народов мотыга не являлась основным почвообрабатывающим орудием, а выполняла лишь вспомогательную роль — служила для разбивания комьев земли после ее обработки другими орудиями, при рыхлении, прополке и других операциях. Видимо, мотыга

стала основным почвообрабатывающим орудием лишь у некоторых народов и только с появлением железа [1]. Существование же каменных мотыг, которые были бы основными почвообрабатывающими орудиями, большинством этнографов вообще отрицается, что целиком и полностью относится и к тем каменным мотыгам, которыми так часто оперируют археологи [2]. Эти выводы должны учитываться при восстановлении характера древней земледельческой техники по археологическим данным. Какие-либо попытки построения однолинейной схемы развития древних почвообрабатывающих орудий не могут ныне считаться серьезными [3]. Нет никаких оснований предполагать, что изучаемые археологами племена представляли собой какое-то исключение в отношении своей земледельческой техники. С этой точки зрения вполне понятно будет и отсутствие находок мотыг в целом ряде районов, где наличие земледелия устанавливается на основании других археологических данных.

Археологический материал также позволяет считать, что в древнем земледельческом хозяйстве, кроме мотыг, применялись иные орудия, находящие широкие аналогии среди основных почвообрабатывающих орудий, применяемых земледельческими народами. Вспомним находки каменных колец-утяжелителей для палок-копалок, сделанные в Северной Африке, на юге Туркмении и некоторых других районах, «деревянные заступы», обнаруженные в зауральских торфяниках, роговое орудие из поселения Цедмар в Калининградской области, ряд находок из швейцарских свайных поселений, из болот Северной Германии и Скандинавии и др. Все это различные типы палок для вскапывания земли и развившиеся из них лопатообразные орудия и настоящие лопаты, а также генетически связанные с ними ручные орудия для проведения борозд. Под этим углом зрения нами была предпринята попытка интерпретации ряда находок из археологических памятников лесной полосы Восточной Европы [4].

Все это показывает, что в настоящее время нет оснований считать мотыгу единственным, древнейшим и важнейшим орудием для обработки почвы до появления плуга, имевшим глобальное распространение. Очевидно, вопрос о технике доплужного земледелия (этот термин представляется нам более приемлемым, чем термин «мотыжное земледелие») по археологическим данным должен решаться дифференцированно для отдельных районов, с учетом особенностей климата, почв, характера возделываемых культур, времени и уровня развития техники в целом. Учет этнографических данных при этом совершенно необходим.

Поставленная проблема еще далека от окончательного разрешения, но в книге, посвященной возникновению и развитию земледелия, она должна была найти отражение хотя бы в форме постановки вопроса.

Тесно связана с предшествующей и проблема возникновения, точнее, происхождения упряжных пахотных орудий. В очерке, написанном для рецензируемой книги В. М. Массоном, эта сложная проблема решается буквально в половине фразы: «...примитивная соха, развивавшаяся, кстати, из той же мотыги...» (стр. 24). Этого слишком мало даже для популярной работы.

Старая гипотеза о происхождении первобытного плуга от мотыги, подкреплявшаяся прежде всего представлением о господстве до появления плуга мотыжного земледелия и внешним сходством между древнеегипетским плугом и древнеегипетской мотыгой, является далеко не единственной и к тому же далеко не наиболее вероятной. Существуют предположения, что предшественником плуга была лопата, которую при помощи постромок люди тянули по полю, или палка для вскапывания (Grabstock), применявшаяся таким же образом. Весьма интересна и хорошо обоснована гипотеза о происхождении плуга от особого ручного орудия для проведения борозд. Следует отметить, что имеются этнографические примеры употребления всех этих орудий в качестве тягловых, влекомых людьми. По своим формам древнейшие плуги (точнее, рала), известные нам по пиктографическим знакам из Урука, а также по древнеегипетским изображениям, весьма далеки от мотыги. Но главное не в этом. Следует предполагать, что в земледелии, непосредственно предшествующем земледелию пашенному, должны были присутствовать или развиваться хотя бы некоторые характерные для него элементы: употребление тягловых орудий, проведение борозд при посеве и др. Этих элементов нет в типичном мотыжном земледелии, почему и трудно допустить внезапную трансформацию мотыги в рало — наиболее раннюю форму плуга, а мотыжного земледелия — в земледелие пашенное.

В. М. Массону нужно было если и не рассматривать этот вопрос во всей полноте, то хотя бы не ограничиваться мимоходом брошенной фразой, а указать на сложность проблемы происхождения упряжных пахотных орудий. Заметим кстати, что вопрос

---

[1] W. G. Beck. Beitrage zur Kulturgeschichte der afrikanischer Feldarbeit. Studien zur Kulturkunde, VIII, Stuttgart, 1943; L. Veida. Kulturelle Typen und «Hackbau» in Ostafrika. Сб.: «Agrarethnographie», Berlin, 1957.

[2] G. Höltker. Steinerne Ackerbaugeräte, «Internationales Archiv für Ethnographie», 1947, 45.

[3] Д. Ольдерроге. Земледельческие орудия Западного Судана, Сб. «Культура и языки народов Африки». Тр. ИЭ, нов. сер., XC, М.— Л., 1966, стр. 4.

[4] Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1967, 1.

этот далеко не такой формальный, как это представляется с первого взгляда. Разрешение его — важное звено в выяснении характера доплужного земледелия.

В том же очерке, к сожалению, полностью обойдены вопросы о полицентрическом или моноцентрическом возникновении пашенного земледелия, о возможных путях распространения упряжных пахотных орудий, их изменении под влиянием почвенно-климатических условий различных территорий. Освещение этих вопросов в книге по истории земледелия, на наш взгляд, необходимо, тем более что в археологии они разработаны слабо.

Нельзя не поставить в упрек В. М. Массону (а также редакторам книги) и то, что в написанных им главах упряжные пахотные орудия древнего Востока и Европы везде именуются сохами. Это неверно. Соха кроме обычной двузубости, благодаря чему она и получила свое название, характеризуется высоким прикреплением тягловой силы, чем резко отличается от рала [5]. Общепризнанно, что соха есть орудие преимущественно восточноевропейского лесного земледелия и, по имеющимся данным, появилась сравнительно поздно. Неправильная замена термина «рало» термином «соха», кстати, не такая уж редкая в археологической литературе, приводит лишь к путанице и недоразумениям. Точно так же совсем не ясно, что имеется в виду под «пропашным орудием» (стр. 97).

Автор третьего очерка рецензируемой книги А. В. Кирьянов, рассматривая историю восточнославянских пахотных орудий, считает, что до середины I тысячелетия «главнейшим орудием обработки почвы» на восточнославянских землях было деревянное рало без полоза (стр. 165, 166, 176). Более совершенное, по его мнению, орудие — рало с полозом — появляется здесь лишь в начале второй половины I тысячелетия, «сложившись в лесостепной полосе Русской равнины» (стр. 177). Впрочем, для крайнего запада черняховской территории автор допускает появление рала с полозом уже во II—IV вв. (стр. 166).

Эта точка зрения не нова. Она была сформулирована и обоснована В. И. Довженком [6], без возражений принята другими историками древнерусского земледелия [7] и всеми археологами. Основанием для подобного заключения послужило исследование железных наральников: узколопастные наральники, у которых лопасть уже втулки, стали признаваться принадлежащими ралу без полоза, широколопастные, с лопастью более широкой, чем втулка,— ралу с полозом (подошвенное рало). Предполагается, что наральник с рабочей частью более узкой, чем втулка, не мог работать в горизонтальном положении (т. е. установленный на рале с полозом), так как заклинивался бы при движении в борозде. Находки же самих древних рал, как и этнографический материал, к решению вопроса не привлекались.

Так как широколопастные наральники появляются позднее узколопастных не только на восточнославянской территории, но и в других областях Европы, то этот вывод логично распространить и на эти территории, придав ему всеобщее значение. Тогда следует считать, что рала с полозом появляются в Европе не ранее II—I вв. до н. э., т. е. не ранее того времени, к которому здесь относятся древнейшие находки широколопастных наральников. Но такой вывод находится в явном противоречии с фактами. Наиболее ранние свидетельства о применении рала с полозом в Южной Европе относятся уже к концу III — началу II тысячелетия до н. э. (изображения на глиняных табличках из Кносса), в эпоху бронзы и в начале раннего железа рала такого типа были распространены по всей Европе вплоть до Скандинавии, о чем свидетельствуют подлинные находки древних плугов в торфяниках [8]. Они употреблялись без железных наральников. Не составляет исключения в этом отношении и Восточная Европа: рала из торфяников у с. Токари, Сергеевск, Жабчичи, недавно тщательно исследованные Б. А. Шрамко и отнесенные к скифскому времени (а последнее, возможно, к эпохе, переходной от бронзы к железу), принадлежат именно к этому типу рал [9]. Изображения рал со слаборазвитым полозом мы находим на стеле из кургана Бахчи-Эли под Симферополем, относящейся к первой половине II тысячелетия до н. э. Кстати, в книге об этом замечательном памятнике, древнейшем в

---

[5] Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1951, 4.

[6] В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР, 1, М.— Л., 1952, стр. 119; его же. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 61.

[7] А. В. Кирьянов. Рецензия на книгу В. И. Довженок «Землеробство древньої Русі». СА, 1962, 2, стр. 327, 328; В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 32, М., 1956, стр. 29; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.— Л., 1965, стр. 49.

[8] R. Battalagia. La palafitta del Lago di Ledro nel Trientino. Memoire del Museo di Storia Naturale della Venezia. VII, 1943; P. V. Glob. Ard og Plov i Nordens Oldtid. Aarus, 1951.

[9] Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, 1; его же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, 4.

Восточной Европе прямом свидетельстве применения упряжных пахотных орудий вообще не упоминается. Сомнения в том, что симферопольская стела действительно имеет изображения рал, беспочвенны, на что недавно вновь указал Б. А. Шрамко [10].

Таким образом, нет никаких сомнений в глубокой древности рал с полозом на всей территории Европы, гораздо большей, чем древность широколопастных наральников. Нет оснований считать, что железные наральники употреблялись первонанально у рал без полоза. Очевидно, неверным является само исходное положение, что узколопастные наральники не могли употребляться для рал с полозом. Утверждение о том, что такие наральники при горизонтальном движении (т. е. будучи установленными на подошвенных ралах) заклинивались бы в борозде, представляется нелепым. Как же в таком случае осуществлялось движение подошвенных рал без наральников? Ведь форма рабочего конца полоза таких рал клиновидна, передний конец всегда у́же заднего и иным быть не может, тогда и они должны были бы заклиниваться в борозде. Вполне естественно, что первые железные наральники подошвенных рал просто повторяли форму рабочего конца полоза и были, таким образом, узколопастными. Многочисленные этнографические примеры показывают, что рала с горизонтальным полозом могли иметь наральники, передняя часть которых у́же втулки [11]. Подтверждение этому можно найти и в археологическом материале (см., например, статуэтку из Чивитта-Кастелляно на рис. 27 рецензируемой книги, рало, изображенное на чернофигурной вазе из Лувра на рис. 31).

По-видимому, наличие у железных наральников лопасти более широкой или более узкой, чем втулка, отнюдь не может служить достаточным основанием для утверждения о принадлежности их к тому или иному типу рала, а делаемые на этой основе выводы о времени появления рала с полозом неминуемо приводят к серьезным ошибкам. Появление широколопастных наральников следует рассматривать как важный шаг в развитии самих наральников. Необходимы иные критерии для суждения о типах рал по их железным наконечникам [12]. Следует заметить, что вообще вряд ли можно говорить о большем или меньшем совершенстве рал с полозом и бесполозных рал: каждое из них имело свои достоинства и недостатки, каждое из них имело свою сферу применения в зависимости от типов почв, характера работы, применявшейся системы земледелия. Никаких доказательств большей древности бесполозного рала по сравнению с подошвенным для территории Европы нет. Во всяком случае изображения обоих этих типов пахотных орудий уже присутствуют среди пиктографических знаков на табличках из Кносса, которые являются древнейшими свидетельствами применения упряжных пахотных орудий в Европе.

Касаясь истории сохи, А. В. Кирьянов вслед за П. Н. Третьяковым генетически связывает это орудие с бороной-суковаткой, применявшейся на подсеке (стр. 183). Эта точка зрения, как и предположение о развитии сохи от многозубой формы к двузубой (стр. 221—224), уже ранее подверглась справедливой и убедительной критике со стороны Г. Г. Громова [13] и Г. Е. Кочина [14]. Это позволяет не останавливаться здесь подробно на этом вопросе. Отметим лишь, что происхождение сохи от бороны-суковатки в свете имеющихся данных весьма маловероятно, а существование, а тем более господство в древней Руси многозубых сох убедительно ничем не доказывается.

Следует остановиться еще на одном вопросе. А. В. Кирьянов, на наш взгляд, слишком переоценивает роль ржи в сложении паровой системы земледелия, считая, что она могла сложиться только с появлением этой культуры в озимой форме (см. стр. 174, 175, 195, 199, 226). Причем в изложении А. В. Кирьянова этот тезис приобретает едва ли не всеобщее значение. Действительно, констатация наличия озимой ржи на основании палеоботанических остатков с большой долей вероятности свидетельствует о наличии паровой системы — двуполья, трехполья или различных типов «пестрополья». Но пар мог применяться и без ржи. Известно, что римляне знали одно-, двух- и трехгодичный пар, о чем, кстати, говорится и в очерке И. Т. Кругликовой, помещенном в рецензируемой книге (см. стр. 110). Вероятно, причина появления паровой системы лежит не только и не столько в появлении новой верновой культуры, а и в иных причинах, о которых А. В. Кирьянов ничего не говорит. Датировка появления паровой системы на основании только установления возделывания озимой ржи может быть и ошибочной.

Рассматривая в целом главы, написанные А. В. Кирьяновым, необходимо отметить, что земледелие восточных славян и древней Руси рассмотрены здесь вне всякой связи с развитием земледельческого хозяйства в других частях Европы, что явно неправильно.

Наличие в книге «Возникновение и развитие земледелия» ряда спорных, дискуссионных положений, лишь часть которых отмечена выше, вполне объяснимо ввиду

---

[10] Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.

[11] См., например, A. G. Haudricourt, M. J.-B. Delamarre. L'Homme et la charrue a travers le monde. Paris, 1955, рис. 34, 38, 42, 91 и др.

[12] F. Sach. Radlo a pluh na uzemi Ceskoslovenska. Vědecké práce zemědělské muzea. 5, Praha, 1965, стр. 102—105.

[13] Г. Г. Громов. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв. МГУ, сер. истор., 1958, 4, стр. 141—152.

[14] Г. Е. Кочин. Ук. соч., стр. 51—72.

слабой разработанности в нашей науке многих важных вопросов истории земледелия. Поэтому они отнюдь не снижают достоинств книги и не умаляют значения работы, проделанной авторами, которые сумели в сжатой форме и на высоком научном уровне свести воедино и привести в определенную систему значительный археологический материал по истории земледельческого хозяйства.

Следует надеяться, что появление книги В. М. Массона, И. Т. Кругликовой и А. В. Кирьянова и широкое обсуждение поставленных в ней вопросов послужит толчком для развития исследований в области древнего земледелия, одной из интереснейших областей истории материальной культуры человечества, пока еще слабо изученной.

Ю. А. Краснов

* * *

В 1967 г. издательством «Наука» была выпущена в свет книга «Возникновение и развитие земледелия», написанная коллективом авторов — доктором исторических наук В. М. Массоном и кандидатами исторических наук И. Т. Кругликовой и А. В. Кирьяновым (остается совершенно неясным, почему фамилии авторов не попали на титульный лист).

Книга, задуманная как научно-популярное издание, по существу представляет собой три самостоятельных очерка по истории земледелия, начиная с древнейших этапов его становления в различных центрах земного шара и вплоть до эпохи Древней Руси XIII—XIV вв. Эти очерки неравноценны по охвату территорий, кругу рассматриваемых вопросов и форме изложения, что позволяет говорить о каждом из них отдельно. Но прежде чем перейти к анализу отдельных очерков, необходимо дать общую оценку книги.

Настоящая работа является первым в СССР обобщающим трудом по истории земледелия, в котором очень конкретно и на высоком научном уровне сведены воедино данные о возникновении и развитии земледельческого хозяйства в различных странах мира — Европе, Азии, Америке и Африке. В последние годы в мировой научной литературе проблеме истории земледелия уделяется все большее внимание, особенно в связи с комплексными археологическими работами, которые проводятся в СССР, на Ближнем Востоке и в Новом Свете. Однако сведения о них разбросаны по разным изданиям, о чем достаточно ярко свидетельствует далеко не исчерпывающая библиография, приведенная в конце книги. Поэтому давно уже назрела необходимость создания обобщающего труда, который бы ввел в научный оборот новые малоизвестные факты. Вполне естественно, что в небольшой книжке, рассчитанной на широкого читателя, было невозможно всесторонне охватить этот сложнейший раздел мировой истории. И тем больше заслуга авторов настоящей публикации, сделавших все возможное для максимально полного раскрытия темы.

Сразу же необходимо оговориться, что в рецензии не все разделы разобраны одинаково детально, что ни в коей мере не является их недооценкой. Мы старались уделить внимание лишь наиболее сложным вопросам, требующим некоторого дополнительного обсуждения.

История возникновения и развития земледелия является одной из интереснейших и важнейших проблем первобытной археологии. Исследования последних лет, как в СССР, так и за рубежом, дали и дают новый и чрезвычайно ценный материал, позволяющий охарактеризовать переходный этап в человеческой истории от присваивающей экономики к производящей и развитие древнейшего оседло-земледельческого хозяйства в глобальном масштабе. Именно этому вопросу и посвящен очерк, написанный В. М. Массоном и состоящий из трех разделов: первобытное земледелие, земледелие раннеклассовых обществ и древние земледельцы на территории СССР.

В. М. Массон берет за исходное положение работу Н. И. Вавилова «Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований» [1], где выделено семь очагов происхождения важнейших культурных растений, с которыми связываются и основные центры происхождения земледелия.

Принимая в целом эту схему Н. И. Вавилова, автор корректирует ее новейшими археологическими данными. На стр. 10 он пишет: «Новые данные заставляют внести ряд коррективов в выделенные Н. И. Вавиловым центры. Не получила подтверждения теория об абиссинском центре (Титов, 1962) [2]. По имеющимся археологическим

---

[1] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.— Л., 1932 (Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники, Лондон, 1931).

[2] Ссылка на работу: В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, 88, 1962.

материалам, к сравнительно позднему времени следует относить и развитие производящего хозяйства в Индокитае. В бассейне Ганга и материковой Индии земледельческая культура распространяется скорее всего под воздействием более западных центров и также в сравнительно позднее время (Массон, 1964)»[3].

Все сказанное выше требует некоторого уточнения. В 1935 г. Н. И. Вавилов, пересмотрев заново имевшийся в его распоряжении огромный ботанический материал, сам внес в свою схему существенные коррективы. В работе «Ботанико-географические основы селекции»[4] он выделяет не 7, а 8 основных очагов происхождения важнейших культурных растений, указывая при этом, что хотя эти центры неравноценны по своему значению, все они отличаются определенным своеобразием, что позволяет выделять восемь самостоятельных областей «введения в культуру различных растений»[5]. Этим он уточнил ранее выдвинутое положение о том, что выделенные центры являются основными очагами мирового земледелия. Именно исходя из этих последних высказываний Н. И. Вавилова, не следует с помощью археологических данных вносить коррективы в предложенную им схему, так как во всех указанных центрах земледелие существует с того или иного момента, и в каждом из них в культуру введены какие-то свойственные только этому району растения.

Только в таком смысле и нужно понимать учение Н. И. Вавилова об очагах мирового земледелия. Независимо от времени его возникновения в том или ином районе, будь то VII—VI тысячелетия до н. э., как в Переднеазиатском очаге, или гораздо более позднее, как в Абиссинском, и независимо от того, развилась ли здесь цивилизация мирового значения или земледелие осталось на сравнительно низком уровне, эти центры остаются самостоятельными ботанико-географическими единицами, которые дали мировому земледелию новые виды культурных растений.

Вопрос же о древнейших центрах возникновения земледельческой культуры на земном шаре — совершенно особый, и естественно, что Н. И. Вавилов, не располагавший в то время сколько-нибудь значительными археологическими данными, не мог согласовать их с ботаническими материалами. Он говорил лишь о потенциальных возможностях возникновения мирового земледелия в различных районах субтропической зоны.

Именно Н. И. Вавилов, поддерживавший идею полицентризма в возникновении земледелия, не отрицал и возможностей взаимопроникновения отдельных видов на различные, даже сильно разобщенные территории.

Полицентризм и диффузность — два основных момента в истории земледелия, которые В. М. Массон красной нитью проводит через все разделы своего очерка. И именно эти моменты, подтвержденные археологическими и палеоботаническими материалами, лишний раз подчеркивают правильность основных положений Н. И. Вавилова.

Уделяя основное внимание историческому процессу перехода древних охотников и собирателей к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству, характеристике древнейших оседлых поселений, материальной культуре древнеземледельческих племен и, в первую очередь, орудиям, связанным с земледелием, В. М. Массон в то же время слишком бегло касается характеристики географической среды, на фоне которой происходит этот грандиозный скачок человеческого общества от присвоения продуктов природы к их производству. Хотя автор и указывает, что географическая среда была важнейшим фактором развития общества на его ранних этапах, природа субтропической зоны как таковая в тексте не дана, тогда как для широкого читателя, которому предназначена книга, эти моменты стоило бы осветить более подробно.

Чрезвычайно важным является тот факт, что древнейшие оседло-земледельческие культуры и области древнейшего земледелия связаны с зоной, где только 10% площади пригодно для неполивного земледелия. Многочисленные палеоботанические данные, полученные в последние годы, позволяют считать, что климат современной зоны в целом оставался сухим на протяжении по крайней мере последних 15 тысяч лет (K. Butzer)[6]. Значит, можно полагать, что становление оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства происходило в географической среде, очень близкой к современной.

Автор, опираясь на мнение Н. И. Вавилова и новейшие археологические данные, полагает, что первые оседлые поселения земледельцев возникли в горных долинах субтропической зоны, где сочетание природных богатств создавало особо благоприятные для этого условия. Однако ограниченность пригодных для земледелия участков и растущая численность населения заставили людей очень быстро перейти из

---

[3] Ссылка на работу: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.

[4] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. тр., т. II, 1960 (ранее статья была опубликована в «Теоретических основах селекции», т. 1, 1935).

[5] Н. И. Вавилов. Ук. соч., стр. 28.

[6] K. W. Butzer. Climatic Change in Arid Regions since the Pliocene. Arid Zone Research, XXVII, 1961, Paris, Unesco.

горных долин в аллювиальные долины крупных рек, где земледелие невозможно без искусственного орошения. Трудности этого перехода подтверждаются археологически.

Освоение аллювиальных равнин шло быстрыми темпами, чему способствовало необыкновенно благоприятное сочетание плодороднейших почв и теплого климата, дававших при наличии орошения колоссальный прибавочный продукт, что влекло за собой быстрый рост производительных сил. Хотя это обстоятельство неоднократно подчеркивается автором, может быть имело бы смысл посвятить древней палеогеографии небольшую отдельную главу. Уделяя огромное внимание социологическим факторам в развитии общества, не следует забывать, что на ранних этапах его становления в эпоху первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах географическая среда играла в жизни людей очень большую роль и в значительной мере определяла основное направление хозяйства.

В работе очень четко подчеркнута идея полицентрического характера возникновения земледелия не только на земном шаре, но и в пределах отдельных древнеземледельческих центров, что опять же теснейшим образом связано с особенностями палеогеографической среды IX—VI тысячелетий до н. э. Ярким примером этого положения может служить очаг древнейших земледельческих культур на юге Туркменистана, подробно описанный в разделе «Древнейшие земледельцы на территории СССР».

Рассматривая очерк В. М. Массона в целом, следует указать, что несколько неоправданными кажутся отдельные отступления и экскурсы, осложняющие восприятие материала. Например, на стр. 82—83 очень бегло приводятся данные о земледелии и ирригационных системах государственных объединений античной Средней Азии. Этот раздел здесь кажется не совсем уместным: данные о земледелии античного времени следовало бы сосредоточить в очерке по античному земледелию (стр. 100—160), тем самым подчеркнув различие путей развития сельского хозяйства в Средиземноморье, Причерноморье и Средней Азии. Кроме того, хотя материал по истории земледелия того времени для Парфии, Греко-Бактрии, Кушанской империи и Хорезма очень незначителен по объему, расширить его было можно и нужно.

Менее удачно написан раздел европейского земледелия.

В целом очерк по истории первобытного и раннеклассового земледелия, написанный В. М. Массоном, представляется нам наиболее удачным в свете раскрытия основной темы настоящей публикации — возникновения и развития земледелия. Если автору и не всегда удается выдержать популярность изложения, то это связано с большой сложностью самой проблемы.

Второй очерк по истории античного земледелия, написанный И. Т. Кругликовой, посвящен истории сельского хозяйства Древней Греции, Рима и Причерноморья, а также частично затрагивает вопросы земледелия скифских племен, чья история была тесно связана с античным миром. Этот раздел книги, пожалуй, написан наиболее популярно и создает очень яркую картину развития сельского хозяйства античных государств. Автор приводит множество интересных письменных свидетельств о календарных сроках земледельческих работ, составе возделывавшихся культур, значимости отдельных культур в экономике государств, жизненном укладе сельских жителей и других сторонах экономической жизни. Нужно отметить, что для этого раздела характерен очень удачный подбор иллюстраций. Пожалуй, единственным упущением в этом плане является отсутствие изображений плугов скифского времени, извлеченных из торфянников, которые привлекают к себе внимание, во-первых, потому, что находки такого рода крайне редки, во-вторых, потому, что они имеют интересные конструктивные особенности. И. Т. Кругликова, много лет исследующая сельские поселения Боспорского государства на Керченском полуострове, приводит много новых и интересных фактов о жизни сельских тружеников в античное время.

В книге «Возникновение и развитие земледелия» А. В. Кирьянову принадлежит очерк, посвященный земледелию восточных славян и древней Руси. Как агроном А. В. Кирьянов прекрасно разбирается в свойствах различных почв и вполне конкретно анализирует значение тех или иных усовершенствований техники обработки почвы для повышения интенсивности земледелия. Особое искусство проявляет автор в работе с таким сложным материалом, как остатки древнего зерна культурных и сорных растений. Его исследование имеет целью не столько определение количественного и качественного состава возделываемых культур, сколько выяснение такой важнейшей проблемы, как становление на Руси паровой системы земледелия, которая впервые решается на конкретном материале. А. В. Кирьянов сосредоточивает основное внимание на важнейших аспектах истории древнерусского земледелия — развитии полеводства и пахотных орудий. Характерно и принципиально правильно стремление автора связать ход древнерусской истории (в том числе и военной) с ходом развития земледелия. Автор излагает вопросы развития земледелия на широком историческом фоне и дает краткую характеристику археологическим памятникам соответствующих эпох.

А. В. Кирьянов последовательно рассматривает земледелие племен зарубинецкой и черняховской культур, затем — восточного славянства VI—IX вв., Киевской Руси и, наконец, древней Руси в период феодальной раздробленности (XII—XIII вв.), частично затрагивая и проблемы развития земледелия XIV—XVI вв.

Автор устанавливает существование высокоразвитой земледельческой культуры в черняховское время и относит к этой эпохе возникновение непрерывной земледельческой традиции в восточно-славянских землях. В дальнейшем на этой территории совершалось становление паровой системы земледелия. Переход к этой системе происходил, по мнению автора, в лесостепи в VIII—IX вв., а в лесной зоне в IX—XI вв. Эти выводы основываются главным образом на изучении распространения озимой ржи и сопутствующих ей сорняков. Много внимания уделяет он проблеме возникновения и развития древнерусского тяжелого плуга и сохи, причем история последней изучена им наиболее скрупулезно. То и другое орудия сложились, по мнению автора, накануне возникновения древнерусского государства в VIII—IX вв.

Количество археологических источников, отражающих земледелие в зарубинецкое и черняховское время, невелико. Поэтому утверждение А. В. Кирьянова относительно отставания земледельческой техники в восточных районах распространения черняховской культуры (стр. 168) едва ли можно принимать безоговорочно.

Очень содержательна глава, посвященная земледелию VI—IX вв. В ней автор касается происхождения традиционных орудий восточнославянского крестьянства — русской сохи и украинского плуга. Происхождение древнерусского плуга автор датирует главным образом на основании общих соображений VIII—IX вв. (стр. 180—226). Археологические находки плужных лемехов относятся, как правило, к более позднему времени, к X—XIII вв., и почти все очень плохо датируются[7]. Едва ли можно признать бесспорным утверждение автора о местном происхождении древнерусского плуга (стр. 180).

Нельзя согласиться и с мнением автора о единовременном появлении у древнерусского плуга и чересла, и отвала, и настоящего плужного лемеха (стр. 179—180). Чересла известны, по-видимому, в Восточной Европе с черняховского времени[8]. Находка чересла наряду с широколопастными наральниками у с. Хотомель в слоях IX в., возможно, говорит о существовании на Руси того времени предшествующих плугам подошвенных рал с чересло м[9]. Время появления несохранившихся отвальных досок определить трудно, но известно, что у некоторых ранних западноевропейских колесных плугов эта часть отсутствовала[10]. Не все специалисты согласны с мнением А. В. Кирьянова, что большая часть древнерусских лемехов имеет некоторую ассимметричность (стр. 178)[11]. Предлагаемый читателю в качестве прямой аналогии древнерусскому плуг из полтавского музея (стр. 181, рис. 55) заподозрен некоторыми учеными, как имеющий асимметричный лемех, а потому качественно отличный и для сравнения не подходящий[12].

Разбирая историю сохи, А. В. Кирьянов находит возможным строить в работе, посвященной земледелию новгородской земли, типологическую таблицу сошников, производя их через промежуточные типы от наральников[13]. В то же время он принимает схему П. Н. Третьякова о происхождении сохи от бороны-суковатки, о широком распространении на Руси многозубых и трехзубых сох (стр. 188, 201, 210—212, рис. 65). Известно, что теория П. Н. Третьякова в свое время подвергалась аргументированной критике со стороны Г. Г. Громова. Этот исследователь указал на непригодность многозубых орудий в условиях подсечного земледелия, а поздние многозубые орудия отнес не к пахотным, а к рыхлящим[14]. Находка в новгородском слое XI в. трех сошников многими не признается доказательством существования в то время трехзубых сох[15]. Можно вспомнить и факт находки в старой Ладоге в слоях не позднее X в. рассохи от двузубой сохи[16]. В главе дается детальное описание подсеки (стр. 186—188).

В главе о земледелии Киевской Руси автор в наибольшей степени использует тот материал, с которым ему больше всего приходилось работать — зерно культурных

---

[7] В. И. Довженок. Землеробство в древньої Русі. Київ, 1961, стр. 40—48, 72—75.

[8] М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 36—37, рис. 4, стр. 37.

[9] В. И. Довженок. Землеробство в древньої Русі..., стр. 73, рис. 33.

[10] Charles Parain. The Evolution of Agricultural Technique. В кн.: The Cambridge Economic History from the Decline of the Roman Empire. 1. Cambridge, 1942, стр. 141.

[11] В. И. Довженок. Землеробство в древньої Русі, стр. 80 и др. см. иллюстрации; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского национального государства к XIII — нач. XVI вв. М.— Л., 1965, стр. 44, 46.

[12] Там же, стр. 80.

[13] А. В. Кирьянов. История земледелия новгородской земли X—XV вв. МИА, 65, 1959, стр. 316, рис. 2.

[14] Г. Г. Громов. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв. ВМГУ, истор. сер. 4, 1958, стр. 149—152.

[15] Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство... стр. 65.

[16] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из старой Ладоги. СА, XXI, 1954, стр. 344.

и сорных растений. А. В. Кирьянов был первым, кто профессионально и широко приступил в изучению этого материала из древнерусских археологических объектов. Оставаясь главным авторитетом в этой области, он тем не менее убедил в правоте своих выводов еще не всех историков земледелия [17].

В последней главе автор касается вопроса о возникновении у русской сохи отвального приспособления — полицы. Точно датировать это изобретение пока не удается (стр. 222—223). В свое время С. Н. Орлов пытался отнести его к IX в., считая, что все асимметричные сошники происходят от сох с полицей [18]. А. В. Кирьянов же предположительно говорит о XIV—XV и, может быть, XIII в. (стр. 222—223).

В работе А. В. Кирьянова широко использован богатый этнографический материал. Думается, что работа выиграла бы, если бы одновременно с этнографическими параллелями автор провел параллели из истории земледелия соответствующих веков сопредельных территорий, особенно со сходными климатическими, почвенными и ландшафтными условиями.

Вопрос о сосуществовании в лесостепной зоне домонгольской Руси трех типов орудий Кирьянов решает только с агротехнической стороны (стр. 180). В Европе же аналогичная картина объяснялась прежде всего социальными причинами — расслоением крестьянства. Средневековая Европа знала и «безлошадных» крестьян, обрабатывающих землю вручную [19].

Изучение развития европейского земледелия приковывает внимание и к такому факту, как раннее применение на Руси лошади в качестве тягловой силы (Речь Владимира Мономаха на Любеческом съезде 1097). В Европе лошадь начинает применяться для этой цели примерно в то же время, причем сначала в наиболее развитых районах [20].

К сожалению, А. В. Кирьянов не упоминает о древнерусских изображениях пахотных орудий. Конечно, и плуг из Радзивилловской летописи и соха из Жития Сергия Радонежского — древнейшие изображения русских пахотных орудий — рисунки довольно поздние и сделаны людьми, плохо разбиравшимися в земледельческой технике. Все же первый (если только он не срисован с западного оригинала) — самое раннее прямое свидетельство о существовании на Руси колесного плуга, а вторая — первооснова теории П. Н. Третьякова о трехзубых и многозубых сохах. Теперь, благодаря работе Горского, опубликовано еще два рисунка трехзубых сох [21]. Все они, как и первый, имеют странный третий зуб — он идет сбоку наискось в промежуток между первыми двумя — и больше похожи на соху с полицей, чем на реконструкцию, данную в работе А. В. Кирьянова (стр. 212, рис. 65).

Очерк А. В. Кирьянова вводит читателя в круг проблем, к сожалению, до сих пор мало разработанных. Работа могла бы выиграть еще больше, если бы автор не ограничился изложением взглядов, которые он сам признает верными, но и рассказал немного о разногласиях среди исследователей, подчеркнул бы вопросы, требующие выяснения. Главная же ценность этого очерка в том, что в нем А. В. Кирьянов, крупнейший специалист по истории отечественного земледелия, работавший до этого над историей земледелия отдельных областей, излагает свою концепцию в целом.

Досадными представляются некоторые недочеты, по-видимому, не зависящие от авторов. Так, на стр. 73 вместо «береста» (породы из семейства вязовых), написано «бересты», что совершенно меняет смысл. На той же стр. 73 площадь Геокюрского оазиса указана в 200 *км*^{2}, тогда как в действительности она равна 400 *км*^{2}. Рало на рис. 46 (стр. 165) оказалось перевернутым, а номера на карте (стр. 227) остались нерасшифрованными. В библиографическом указателе отсутствуют важнейшие работы по древнерусскому земледелию, в том числе работа А. В. Кирьянова по земледелию Новгородской земли, и т. д.

Все сказанное выше ни в какой степени не снижает общих достоинств книги. Первый опыт создания обобщающей работы по истории земледелия можно считать вполне удачным.

Остается только пожалеть, что данная публикация, рассчитанная на широкие круги студентов и аспирантов, археологов и этнографов, историков и агрономов, издана тиражом всего 4000 экземпляров.

Г. Н. Лисицына, А. В. Чернецов

---

[17] Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство..., стр. 80—87.

[18] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря..., стр. 349.

[19] E. C. Curwen. Plough and Pasture. London, 1946, стр. 70; E. Lipson. The Economic History of England. London, 1934, стр. 72; Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 228.

[20] Ch. Parain. The Evolution..., стр. 132—134.

[21] А. Д. Горский. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 6. М., 1965, стр. 32—33, рис. 1, 2.

Памятники Туркменистана. Журнал Туркменского республиканского добровольного Общества охраны памятников истории и культуры. Год издания первый. Ашхабад, 1966, № 1, 42 стр., тираж 2500 экз.

Чувство живейшего интереса и глубокого удовлетворения вызывает ознакомление с первым номером нового научно-популярного журнала «Памятники Туркменистана» — печатного органа молодого республиканского Общества охраны памятников истории и культуры.

Ученые и краеведы Советской Туркмении проявили весьма полезную инициативу, показав пример, достойный подражания.

Журнал «Памятники Туркменистана» издается на общественных началах. Выходит он пока два раза в год, на русском и туркменском языках, но содержит также и резюме статей на английском языке. Цель журнала — ознакомление широкого круга читателей (лекторов, пропагандистов, агитаторов, работников партийных и советских организаций, учреждений культуры, студентов высших учебных заведений и др.) с историей Туркменистана с глубокой древности до наших дней. При этом (слова редакционного обращения к читателям) «центральное место на страницах журнала предназначено материалам, рассказывающим о памятниках материальной культуры разных общественных формаций, разных эпох, о памятниках нового времени, представляющих не меньший интерес, чем памятники древней и средневековой истории».

Ознакомление с содержанием первого номера журнала свидетельствует о том, что его издатели уверенно приступили к выполнению намеченной ими задачи.

Журнал открывается статьей председателя президиума Общества А. Клычева «Благородные цели». Автор констатирует, что созданное в октябре 1965 г. республиканское Общество охраны памятников истории и культуры ТуркмССР уже успело приобрести широкую популярность в городах и районах Туркмении. «И это естественно,— пишет автор.— Ведь советский человек — последователь лучших революционных традиций, он — законный наследник богатства материальной и духовной культуры, созданных предыдущими поколениями» (стр. 3). Основная задача вновь возникшего Общества — охранять и популяризировать в массах памятники истории и культуры, которых так много в Туркменистане. В статье приводятся наглядные примеры того, как бережное и внимательное отношение рядовых тружеников республики к случайным находкам памятников древности помогло ученым сделать эти находки достоянием науки.

Справедливо и обоснованно мнение автора статьи, что наряду с выявлением, охраной и изучением памятников минувших эпох необходимо придать особое значение популяризации исторических мест, связанных с именем В. И. Ленина, с героикой революции, с борьбой партии и народа за коммунизм. «Мы должны передать грядущим поколениям памятники трудовой славы советского общества» (стр. 4.).

Опубликованные в журнале другие статьи действительно охватывают время «с глубокой древности до наших дней». Статья кандидата исторических наук О. Бердыева «Архив» земли раскрывает тайны» — знакомит читателя с результатами новейших археологических исследований в южном Туркменистане (в районе между отрогами Копет-Дага и южной кромкой песков пустыни Каракум). Изучение открытых здесь древних поселений хорошо характеризует общественное устройство, жизнь и быт племен, населявших указанный район во времена неолита, энеолита и бронзового века. Автор статьи подчеркивает, что благодаря замечательным открытиям советских археологов, «южный Туркменистан выдвинулся в один ряд с древнейшими земледельческими районами ближнего Востока, где за много тысячелетий до нашей эры зарождались очаги будущих цивилизаций» (стр. 29).

Археолог О. Оразов говорит в своей статье «Города средневековья» о руинах Нисы, Мерва, Гурганджа и других городов Туркменистана, многие из которых сложились еще «в ту пору, когда человечество совершало шаг от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, когда ремесла отделялись от сельского хозяйства, рождались классы и образовывались государства» (стр. 20). Автор также призывает любителей-краеведов помочь ученым проследить «по останкам городов путь, пройденный человеком по туркменской земле от туманной древности до наших дней» (стр. 25).

Одно из центральных мест в содержании журнала занимает статья академика АН ТуркмССР М. Е. Массона «Факты и мысли об охране памятников истории и культуры», эпиграфом к которой автор удачно избрал слова Петра I: «Хорошо вновь строить, а и старое, которое хорошо, не надобно бросать».

Автор прослеживает в историческом плане, как менялись в разные времена стимулы отношений людей к памятникам истории и культуры. В статье убедительно показывается огромная, в государственном масштабе проявляемая забота Советской власти об охране культурного наследия прошлого, перешедшего в руки народа. Автор напоминает читателям волнующие слова первого, последовавшего сразу же после свершения Великой Октябрьской социалистической революции обращения Советского правительства к народу с призывом беречь «то прекрасное, что

талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души... Все это — ваша история, ваша гордость. Помните, что все это — почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство».

Статья М. Е. Массона содержит также краткую справку о развитии в советском Туркменистане работы по охране и изучению памятников исторического прошлого, начиная с 1920-х годов и кончая нашими днями.

Член-корреспондент АН ТуркмССР А. А. Росляков в содружестве с Е. К. Сухо-вым, бывшим членом Закаспийского Совнаркома в 1917—1918 гг., выступает на страницах журнала со статьей «Вечно живые в сердце народа». В статье говорится о богатом революционном прошлом Туркменистана и связанных с этим памятниках (ашхабадский памятник В. И. Ленину, памятник 26 бакинским комиссарам у железнодорожного разъезда № 19, обелиск между станциями Анау и Гяурс в честь девяти ашхабадских комиссаров и командиров Красной Армии, расстрелянных контрреволюционерами в июле 1918 г. и др.). К статье А. А. Рослякова и Е. К. Сухова примыкает статья Героя Советского Союза Курбана Дурды «Их именами гордится Туркмения», посвященная памятникам, связанным с именами и подвигами туркмен — участников Великой Отечественной войны.

Читатель встретит также на страницах журнала небольшую интересную статью Г. Сауровой «Туркменский ковер», знакомящую с национальным ковровым искусством туркменского народа, восходящим своими истоками к глубокой древности. Автор правильно отмечает, что «разгадку многих орнаментальных мотивов (на коврах) мы сможем найти в мировоззрении человека далеких от нас эпох» (стр. 31). Правда, в подтверждение этого не приводится, к сожалению, хотя бы один-два конкретных примеров.

Статья художника Н. Ходжамухамедова знакомит читателя с некоторыми произведениями дореволюционных и советских художников, запечатлевших ряд выдающихся творений древних зодчих на территории республики.

Содержанию первого номера журнала «Памятники Туркменистана» сопутствует также рубрика «Добрых пожеланий». Под этой рубрикой выступают президент республиканской Академии наук П. Азимов, ректор Туркменского государственного университета Б. Пальванова, писатель Берды Кербабаев. Все они желают успеха журналу «Памятники Туркменистана», начавшему свое бытие в преддверии 50-летия Великого Октября.

Последняя страница журнала содержит краткие сообщения о новых открытиях и находках памятников древности на территории Туркмении (обнаружение рабочими совхоза «Москва» древнего «туннеля» в районе Мунон-Тепе, находка колхозниками пос. Меручак клада в составе ста серебряных монет, битых в первой половине XII в. при султане Санджаре, и др.).

Из хроникальных сообщений на этой странице журнала мы узнаем, что за первый год своего существования Туркменское республиканское добровольное общество охраны памятников истории и культуры успело организовать 43 городских и районных отделения и 1300 первичных организаций. Число индивидуальных членов Общества достигло 150 тысяч человек, а юридическими его членами состоит более 500 учреждений, предприятий промышленности и сельского хозяйства, учебных заведений.

Остается добавить, что первый номер журнала «Памятники Туркменистана» издан любовно, с хорошим вкусом, на добротной бумаге и обильно иллюстрирован. Впрочем, при отборе иллюстраций для журнала необходима еще большая строгость и продуманность. Так, на стр. 22 дан фотоснимок «Отделка купола мавзолея султана Текеша». Как и другие снимки, он призван, очевидно, продемонстрировать читателю высокое искусство мастеров древнего зодчества. На деле снимок фиксирует скорее всего лишь незначительные остатки былого убранства купола и для неискушенного читателя совершенно не убедителен. Следовало бы подумать также о возможности красочного воспроизведения некоторых рисунков и фотографий. Например, одноцветные (к тому же не очень удачные) воспроизведения внешнего облика ковров лишь в самой малой степени способны подтвердить правоту сопутствующего им пояснительного текста, гласящего, что ковры эти «пленяют взор не только яркостью красок, но и изяществом, оригинальностью сложного узора» (стр. 32).

Хочется также увидеть в последующих номерах журнала расширенный раздел кратких сообщений. Здесь очень важно сочетать информацию об итогах работ историков, археологов, этнографов, искусствоведов и других специалистов с информацией об итогах работы краеведов-любителей, об их поисках и находках. Это важно и для поощрения энтузиастов науки, членов Общества на местах, и в качестве источника сведений обо всем новом, что связано с выявлением и обследованием историко-культурных памятников Туркмении. Поучительными будут сообщения о примерах безразличного, равнодушного отношения отдельных лиц к судьбе исторических памятников, о недопустимости самовольных раскопок, что будет иметь воспитательное значение и усиливать борьбу краеведческой общественности за сохранность памятников.

Думается также, что будет целесообразным, если редакция журнала уделит определенное внимание публикации методических материалов в помощь краеведам, рассказам и воспоминаниям ученых и краеведов старшего поколения об их работе

по изучению прошлого Туркмении, очеркам жизни и деятельности тех, кто отдал этому большому и важному делу много сил и энергии.

Желательно также, чтобы на страницах журнала печаталось больше статей, посвященных искусству народных умельцев в прошлом и настоящем. Такие статьи было бы, видимо, полезно сопровождать краткими сведениями о сущности и особенностях производственных процессов, связанных с изготовлением керамики, тканей, украшений и т. п.

Словом, перед редакцией журнала — обширное поле деятельности и инициативы, а содержание первого номера вселяет уверенность в успешном его будущем. Журнал, несомненно, встретит самое сочувственное отношение и в среде широкой общественности и в среде специалистов-историков, археологов, этнографов и др.

Выход в свет «Памятников Туркменистана» невольно воскрешает в воспоминаниях всех, кто знаком с историей развития исторического краеведения в советском Туркменистане, журнал «Туркменоведение», издававшийся в республике в 1927—1931 гг. и уделявший много внимания памятникам Туркменистана, археологическим и этнографическим работам на его территории. С тех пор прошло, конечно, много времени. Изменились условия, масштабы, характер научно-краеведческой работы. Сейчас особенно очевидны налет кустарничества, односторонности и другие теневые стороны краеведческой деятельности 1920—1930-х годов, отразившиеся и на содержании журнала «Туркменоведение», на его научном и идейном уровне. Но в целом этот журнал оставил по себе добрую память. Лучшее, что было в традициях исторического краеведения двух первых десятилетий Советской власти, — преданность науке и бескорыстная любовь к ней, энтузиазм и настойчивость в исканиях, горячее стремление запечатлеть и сохранить для народа богатейшее культурное наследие прошлого — имеет все основания войти в арсенал исторического краеведения наших дней.

Пожелаем журналу «Памятники Туркменистана» долгой и успешной творческой жизни, роста его тиража и учащения периодичности выхода в свет.

Сам факт появления такого журнала должен быть признан приметным явлением в общественно-научной жизни советского Туркменистана. Хотелось бы, чтобы подобного рода журналы появились в ближайшее время и в других братских республиках Средней Азии и Казахстана.

Б. В. Лунин

«Pakistan Archaeology», N 2, 1965, Karachi. Published by the Department of Archaeology Ministry of Education Government of Pakistan, p. 1—185.

Очередной, второй номер журнала «Археология Пакистана» кроме двух кратких заметок состоит из развернутых отчетов Ф. А. Хана и Б. де Карди.

Обстоятельная статья Ф. Хана посвящена раскопкам поселения Кот Диджи (стр. 11—85), памятника, имеющего первостепенное значение для решения одной из интригующих загадок древневосточной археологии — происхождение городской цивилизации долины Инда. За почти полувековую историю изучения памятников культуры Хараппы получены большие и разносторонние материалы, характеризующие общий облик этой блестящей цивилизации. Но до сих пор культура Хараппы выступает как бы сразу, в готовом виде, с ее высокоразвитыми городами, ремеслом, искусством.

Проблема происхождения этой древнеиндийской культуры давно является темой специального исследования и полевых поисков, однако сколько-нибудь удовлетворительного решения вопроса все еще нет. Оперируя одними и теми же фактическими данными, некоторые исследователи склоняются к местному происхождению культуры Хараппы [1], в то время как другие связывают ее появление с областями Ирана и Месопотамии [2].

Не дали положительных результатов и раскопки соответствующих слоев на таких столичных памятниках, как Хараппа и Мохенжо Даро. Раскопкам на Мохенжо Даро помешали высокий уровень подпочвенных вод. Более обнадеживающие результаты получены в Хараппе, где под цитаделью были достигнуты дохараппские слои. Однако ограниченность полученного материала препятствовала его точному хронологическому определению [3]. Словом, необходимо было раскопать памятник, с мощными дохараппскими слоями и на большом конкретном материале сопоставить эти

[1] I. M. Casal. Fouilles de Amri. Paris, 1964; W. A. Fairservis. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization. «American Museum Novitates», 2302, 1967.

[2] M. Weeller. Early India and Pakistan; F. A. Khan. Indus Valley and Early Iran. Karachi, 1964.

[3] S. Piggott. Prehistroci India to 1000 в. с. London, 1962; W. A. Fairservis. The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasion. «MAN», 1956.

два комплекса. Таким памятником наряду с поселением Амри оказался Кот Дижи, небольшой городок площадью примерно 200×120 *м*. Памятник состоит из цитадели и собственно города. Раскопки производились под руководством Ф. А. Хана в 1955 и 1957 гг.

Стратиграфический раскоп «А» на цитадели выявил 16 слоев, из которых три верхних (1—3) мощностью около 5 *м* полностью относятся к периоду развитой Хараппы. Дома построены из сырцового кирпича на каменных фундаментах; керамика, в том числе расписная, типично харапская. Найдены терракотовые статуэтки людей и животных, бронзовые топор, наконечники стрел, браслеты, кольца; сердоликовые бусы и две стеатитовые печати. То обстоятельство, что дома построены из необожженного кирпича, и отсутствие дренажной системы указывают, что перед нами периферийное поселение в противоположность «северной столице» — Хараппе.

Если три верхних слоя — это остатки поселения харапского типа, то совершенно иная картина наблюдается в нижележащих напластованиях (слои 4—16). Так, в слое 3-а расчищены остатки стен домов, а главное, мощный слой пожарища, который прослеживается и в городе. Наряду с харапской посудой имеется и иная, более характерная для нижележащих слоев. Все это, по мнению автора, связано с насильственным вторжением харапцев, разрушивших старое поселение Кот Дижи и построивших на его руинах свое собственное (слой 1—3). В слое 4-а также отмечены следы пожарища, что, возможно, связано с первым натиском завоевателей. Культурные напластования, доходящие до скалистого материка, содержат остатки домов из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Хотя в слое 16, непосредственно лежащем на материке, строения не обнаружены, каменные фундаменты отмечены уже в следующем, 15-м слое, так что можно допустить наличие домов с самых ранних этапов образования поселения. В пользу этого свидетельствует и возведение первыми поселенцами мощной оборонительной стены прямо на материке. Фортификационная система с бастионами построена из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Сохранившаяся высота — свыше 5 *м*, длина северного фаса — около 35 *м*. В период позднего Кот Дижи фортификационная система была заброшена, а в харапский — перекрыта культурными слоями.

Керамический комплекс 4—16 слоев, по Ф. Хану, в целом отличен от вышележащего, харапского и выделен в особую культуру — Кот Дижи. Уже самая ранняя посуда культуры Кот Дижи имеет высокое качество и изготовлена на гончарном круге. В раннем комплексе распространены широкогорлые, со слабо выраженным венчиком сосуды, обычно нерасписные; лишь единичные экземпляры украшены прямыми, реже волнистыми лентами. В развитой, более поздней культуре Кот Дижи появляются все более сложные керамические формы, особенно широко распространяются вазы на высоких ножках, появляются геометрические орнаменты и рисунки в виде «рыбьей чешуи», которые автор вполне правомерно связывает с соответствующими орнаментами харапской посуды.

Особого интереса заслуживает сосуд с рисунком рогатого божества (Pl XVII, в), которое, как нам кажется, является прототипом сходных изображений на печатях культуры Хараппы.

Во всех 4—16 слоях найдено много каменных орудий, в том числе ножевидные пластины, скребки, микропластины, листовидные наконечники стрел; часть их употреблялась в качестве серпов или пилок. Терракотовые поделки весьма немногочисленны: браслеты, бусы, конусы, возможно, пряслица.

Раскоп «В» на территории города выявил всего пять слоев. Слои 1—2 содержат керамику как харапского типа, так и культуры Кот Дижи; ниже — только посуда Кот Дижи. Однако в некоторых шурфах харапская керамика продолжается до слоя 3, а ниже идет совместно с посудой типа Кот Дижи. Автор делает вывод, что жизнь в городе закончилась раньше, чем в цитадели. Обнаружены остатки домов. В целом материал из раскопок в городе ничем не отличается от соответствующих находок в цитадели.

В заключение Ф. Хан делает вывод о том, что при некоторых чертах сходства культура Кот Дижи отлична от харапской, которая появилась в долине Инда уже во вполне сложившемся виде. При всем том культура Кот Дижи явно предшествует харапской и относится к первой половине III тысячелетия до н. э. Однако и общество Кот Дижи с самого начала демонстрирует развитую структуру, так как, к примеру, представители правящей элиты жили за стенами цитадели.

Автор правильно отмечает, что расписная посуда Кот Дижи находит лишь частичные соответствия в керамике нижних слоев Амри и Хараппы. И действительно, комплекс Амри I более входит в круг белуджистанских культур, перекликаясь с посудой района Калата, и в первую очередь с керамикой типа Тогай.

Следует указать, что Ф. Хан весьма осторожно аргументирует свои выводы и избегает поспешных заключений. Так, отмечая взаимовлияние харапского керамического комплекса и позднего Кот Дижи, автор не спешит с выводами, подчеркивая различия в «фактуре» черепков. Вместе с тем показательно, что орнаментированная посуда культуры Кот Дижи концентрируется в ее поздних слоях (4—5) и по существу составляет комплекс ранней фазы культуры Хараппы вообще. В таком случае для собственно расписной керамики культуры Кот Дижи остаются характерными лишь узоры в виде лент по венчику и волнистых линий.

Ф. Хан полагает, что поселение Кот Дижи с самого начала состояло из цитадели и собственно города. Однако посуда с геометрическими орнаментами происходит только из нижних слоев города (fig. 15, № 8), и, как отмечает сам автор, отсюда же известен также раннехараппский материал. Не свидетельствует ли это в пользу того, что с самого начала жизнь концентрировалась в укрепленном поселении Кот Дижи и лишь позднее распространилась за его пределы? В таком случае станет понятным, почему фортификационные стены были заброшены именно в поздний период культуры Кот Дижи, когда жизнь перехлестнула ставшие узкими рамки цитадели. Трудно представить себе, что город захирел раньше, чем цитадель, скорее можно допустить, что городское поселение сложилось незадолго до нашествия харапщев, свидетельством чего и являются харапские находки, доходящие вплоть до слоя 3. В таком случае отпадает необходимость объяснять глубокое залегание харапских материалов в городе как следствие возможного обвала культурных слоев с цитадели, как это делает автор (стр. 34). Если это предположение подтвердится в дальнейшем, то тогда Кот Дижи — обычное укрепленное поселение, а не обязательно «город с цитаделью». Разумеется, все эти вопросы могут быть проверены и уточнены лишь при дальнейших исследованиях. Пока же остается фактом, то, что и в Кот Дижи, и в Амри появление харапской культуры связано с разгромом и пожарищами, что оставляет открытым вопрос о раннем этапе сложения древнеиндийской цивилизации.

Вторая статья, Беатрисы де Кардп, посвящена развернутому отчету о раскопках и исследованиях в районе Калата, в Западном Пакистане (стр. 89—180). На основании раскопок поселений Анджира и Сиах Дамб автор делает общую периодизацию памятников Центрального Белуджистана, которая кратко была опубликована ею еще раньше [4].

Период I. К нему относится нижний, неолитический слой в Анджире. Отсутствие строительных остатков, по мнению автора, свидетельствует в пользу полукочевого поселения. Керамика хорошего качества, изготовлена преимущественно на гончарном круге, иногда с хорошим лощением. Единичные расписные фрагменты находят соответствие в посуде второго слоя Кили Гул Мухамад [5].

Много каменных орудий, в том числе пластины и один сегмент. Остеологический материал принадлежит в основном мелкому рогатому скоту.

Период II. Образование оседлого поселения на Анджире. Отмечены дома, построенные из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Керамика и каменные орудия того же облика, что и в предыдущем периоде. Увеличивается количество керамики, в том числе ручной выделки и сосудов типа «basket marked». Соответствия с комплексом КГМ II—III.

Период III, переходный, связан с большими изменениями в культуре. Делится на три фазы. В фазе 1 предшествующий керамический комплекс периодов I—II встречен вместе с новой посудой типа Тогай и бихромной керамикой типа Амри-Кечи Бег. В фазе 2 практически исчезает посуда I—II периодов. В фазе 3 существует керамика, представляющая собой местный вариант культуры Наль. Отсутствие каменных орудий намекает на наличие металла. В целом этому периоду полностью соответствует материал поселения Сиах Дамб; аналогии в КГМ IV и Дамб Садаат.

Период IV частично совпадает с кветтской культурой в Дамб Садаат II. Увеличиваются в размерах старые поселения. В Анджире отмечаются следы экспансии. Наряду с посудой типа Анджира имеется керамика типа Наль с полихромными орнаментами.

Период V выделен в основном по поверхностному материалу. Черепки типа Рана Гундай III-с указывают на контакты, если не на приход нового населения, в начале II тысячелетия до н. э. Соответствующие материалы имеются на Дамб Садаат III и Мундигак IV_2.

Исходя из этой периодизации, Б. де Карди намечает историко-хронологические контуры раннеземледельческих общин Центрального Белуджистана. Здесь самой ранней является культура КГМ около современного г. Кветты [6].

Честь открытия памятников этой раннеземледельческой культуры дальше на юг вплоть до долины Орнач полностью принадлежит Б. де Карди. Соответствующие находки в Бампуре показывают западную границу распространения культуры КГМ, на основе которой возникают раннеземледельческие поселения Белуджистана.

Сложнее обстоит дело с происхождением самой культуры КГМ. «Докерамические» слои поселения Кили Гул Мухамад I по радиокарбоновому методу датиру-

---

[4] Beatrice de Gardi. New Wares and Frech Problems from Baluchistan. «Antiquity», XXXIII, 1959.

[5] Далее для удобства изложения — КГМ.

[6] W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Walley. «APAMNH», 45, pt 2, 1956.

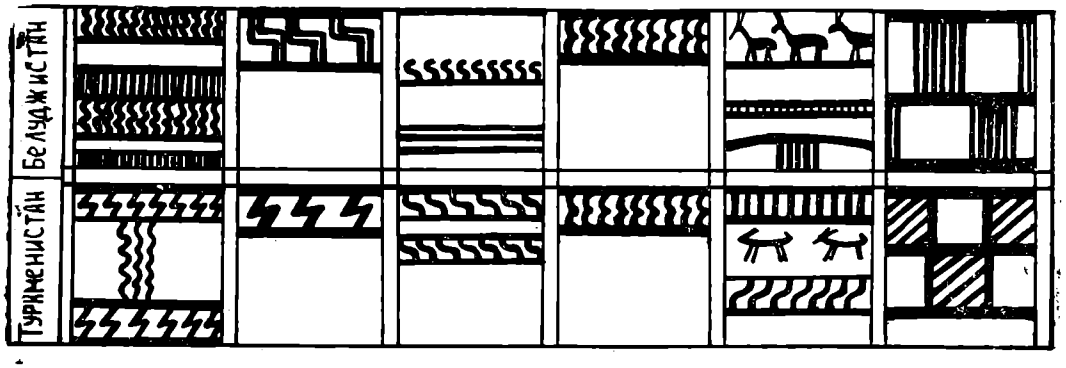


Рис. 1. Сходные мотивы орнаментации керамики из Туркмении и Белуджистана

ются 3300 г. до н. э., хотя вполне возможно, что ее начальный этап уходит в V тысячелетие до н. э. (В. Фанрсервис, Б. Суббарао).

Отмечая ряд сходных орнаментов в росписи посуды КГМ, Сиалка I—III, Гиссара I и Туркмении, Б. де Карди вслед за многими другими авторами склонна рассматривать культуру КГМ как производную от северопранской. Однако во всех случаях следует говорить о происхождении керамического комплекса КГМ II, оставляя в стороне вопрос о происхождении самой этой культуры. Действительно, пока в нижнем, «докерамическом» слое КГМ I не будут найдены твердые доказательства (и в первую очередь керамика), проблема происхождения раннеземледельческой культуры Белуджистана остается по существу открытой. Вместе с тем нет никаких данных, противоречащих тому, что в Северном Белуджистане оседлоземледельческие общины сложились на месте еще неизвестных нам доземледельческих культур.

Что же касается сходства единичных орнаментов посуды КГМ II и Сиалка I, то и сама Б. де Карди оговаривает условность таких сопоставлений, искусственно допуская, что посуда КГМ II «отражает наиболее ранние декоративные традиции, которые могут иметь свой источник в Сиалке I» (стр. 113). Вообще же вопрос о ранней керамике Белуджистана требует дальнейших стратиграфических наблюдений. Так, В. Фанрсервис характеризует ее как лепную, часто сделанную техникой «basked marked» и в редких случаях покрытую грубой росписью [7].

В таком случае этот самый ранний керамический комплекс Белуджистана может отражать местную линию развития, напоминая в некоторых отношениях (например, наличие «basked marked» керамики) становление ранней культуры Сузианы [8]. Б. де Карди вполне убедительно показывает, что носители культуры КГМ II основывают поселение на месте Анджиры. И именно поэтому трудно допустить, что колонисты, хорошо знакомые с домостроительной техникой, вели бы на новом месте полукочевую жизнь. Отсюда, как нам кажется, можно предполагать в дальнейшем открытие строений и на поселениях Калата уже в период I.

Полностью права Б. де Карди, говоря о больших культурных изменениях в периоде III. Особенно показательно распространение керамики типа Тогай с высококачественным звонким черепком и характерными орнаментами в виде крючков, затовидных рисунков и некоторых других. Отметив широкое распространение сходных мотивов в посуде Ирана, автор все же воздерживается от окончательных заключений, допуская либо ее местное развитие внутри культуры КГМ, либо как следствие контакта с культурами северо-восточного Ирана. Иранское происхождение посуды типа Тогай несомненно, однако ее истоки уходят, скорее, в районы Южного Ирана. Во всяком случае показательны параллели, отмечаемые самим автором в материалах Фарса и Хузистана (стр. 114); более того, сходные орнаменты из Южного Туркменистана (рис. 1) указывают именно на эламское, а не сиалковское происхождение [9].

Особого внимания заслуживает «загадочная» кветтская посуда. Б. де Карди совершенно справедливо указывает на проникновение этой посуды в район Калата из Туркменистана и Афганистана, причем ее наблюдения о совместном нахождении кветтской посуды с керамикой Наль дают новые хронологические уточнения (сопоставление ее с керамикой Анау II (стр. 115) следует считать недоразумением). Вместе с тем утверждение в противовес С. Пиготту, что комплекс Кветты

---

[7] W. A. Fairservis. The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization, стр. 5—6.

[8] L. le Breton. The Early Period at Susa, Mesopotamian Relation. «Iraq», XIX, 1957, стр. 2.

[9] В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Турмении. САИ, Б3-8, М.— Л., 1962, стр. 26, 27.

никак не связан с южным Ираном, представляется малоубедительным. В самом деле, как кажется, кветтская посуда своим происхождением обязана керамике геоксюрского типа, однако и последняя не находит в самой Туркмении местных истоков [10].

В конечном итоге происхождение кветто-геоксюрского керамического комплекса уходит в район южного Ирана, в зону распространения «buff»-культуры, и в этом смысле положение С. Пиготта сохраняет свою правомерность [11]. Другое дело, что механизму процесса сложения керамики от «buff culture» к геоксюрской и затем к кветтской еще недостает некоторых промежуточных звеньев и что сам кветтский комплекс никак нельзя сопоставлять непосредственно с керамикой Суз, на что уже было обращено внимание [12].

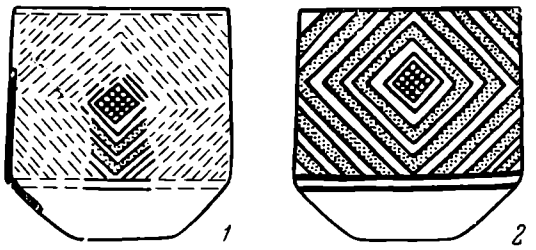


Рис. 2. Сходные типы орнамента

1 — Сиах Дамб, Белуджистан, *2* — Улуг депе, Южная Туркмения

Керамический комплекс IV периода представляет для нас особый интерес из-за находки на поверхности Сиах Дамба фрагмента сосуда с полихромным орнаментом в виде центрального ромба, окаймленного параллельными ломаными лентами. К сожалению, на приведенном рисунке трудно определить фигуру, изображенную внутри этого ромба, и тем не менее показательно, что точно такая же орнаментация является ведущей на сосудах Намазга IV Южного Туркменистана (рис. 2). Совпадение формы и орнаментальной композиции настолько выразительно, что может свидетельствовать о первых прямых контактах между этими областями древневосточного мира.

Заканчивая обзор журнала «Археология Пакистана», следует отметить всю сложность изучения раннеземледельческих культур Белуджистана. Занимая промежуточное положение между долиной Инда, Ираном, Афганистаном и Туркменистаном, плодородные области Центрального Белуджистана лежали на пересечении древних торговых путей и племенных передвижений. Яркий пример тому — пестрая картина смены одних керамических комплексов другими, так что порой с трудом прослеживаются контуры исторических событий. И в этом плане особенно приятно отметить, что Б. де Карди удалось избежать излишне дробной периодизации и модного увлечения выделением все новых «культур» на основании одних только керамических материалов. Очевидно, что настала пора комплексного изучения каждой отдельной культуры Белуджистана, когда за основу будут браться не новые керамические стили, а весь комплекс признаков. И в этом отношении можно всячески приветствовать тот страстный призыв, с которым обратился к своим коллегам В. Фэирсервис, отметивший крупные методические ошибки в практике изучения археологии и истории Белуджистана [13].

В. И. Сарианиди

Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud. 1960 (Tokyo). The Institute for oriental culture, the University of Tokyo. 1966. XIII + 57 стр. (англ. яз.) + 65 стр. (на япон. яз.) + 56 табл.+ 23 рис. (in 4).
The Tokyo university Iraq-Iran archaeological expedition. Report 7. Diflaman II.

В 1960 г. японские археологи открыли в Дайламане совершенно новые для Ирана археологические памятники-захоронения в грунтовых ямах и катакомбных могилах парфянского периода. Раскопки их осуществлены Ирако-Иранской археологической экспедицией Токийского университета, руководимой проф. Намио Эгами. Рецензируемая книга большого формата представляет собой отчет об этих работах.

Прежде всего отметим, что для советских археологов большой интерес представляет сам район исследования благодаря географической близости к нашей стране. Замкнутая горная долина Дайламан расположена у юго-западного побережья Кас-

---

[10] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965.

[11] S. Piggott. Prehistoric India.

[12] В. М. Массон. Рец. I. Gasal. Fouilles de Mundigak. CA, 1964, 4.

[13] W. A. Fairservis. The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization, стр. 17—20.

пийского моря. К тому же эта часть Ирана почти совсем не изучена археологами, хотя отсюда происходит довольно много случайных находок древностей.

Упомянутые захоронения обнаружены на холме возле сел. Норузмахале. На поверхности они ничем не отмечены и выявить их удалось только в траншеях. Здесь раскопано 9 погребений в грунтовой ямной могиле и 6 — в катакомбах. Могилы частично прорезали культурный слой поселения эпохи бронзы с костями домашних животных, обломками зернотерок и керамикой, которая по заключению авторов сходна с комплексом Шах-Тепе II в. и Тепе-Гисар III в. (стр. 13). Открытие этого поселения само по себе имеет большое значение для установления ареала культуры бронзового века с серой и черноглощеной керамикой.

В другом пункте — возле сел. Хорамруд доследованы 17 или 18 катакомб (на стр. 2 указана цифра 17, а на плане (табл. 55) — 18), полностью ограбленных в древности. В этом месте оказалась только одна непотревоженная катакомба. Всего в двух могильниках исследовано 9 ямных и 24 катакомбные могилы. Подобные захоронения отмечены и в других пунктах Дайламана. Существенных различий между обоими могильниками не выявлено. Захоронения в ямных и катакомбных могилах сближаются по одинаковому обряду положения умерших в скорченной позе на боку. Они имеют также много общего в сопровождающем инвентаре и поэтому рассматриваются авторами как единый археологический комплекс.

Во всех могилах костяки лежат в скорченной позе на левом или правом боку. Ориентированы умершие различно, но, как правило, головой обращены к вершине холма. Преобладают одиночные погребения и только в одной могиле оказалось два костяка — мужской и женский. Мужчинам положено оружие (меч, кинжал, наконечник копья), ножницы для стрижки овец, глиняные сосуды и др. Набор инвентаря женских погребений включает прясла, разнообразные украшения, зеркало, глиняные сосуды.

Антропологические материалы, представляющие важный источник для изучения расового типа населения Ирана, исследованы в отдельной книге [1]. Погребенные относятся к долихокранному средиземноморскому типу и отличаются от предшествующего населения эпохи раннего железа, для которого характерен был брахикранный тип. Следует отметить, что сопоставить изученные черепа с определенными могилами невозможно, так как в английском тексте не указано, из каких могил происходят черепа.

Кратко охарактеризуем основные находки. Керамика коричневого цвета. Почти все сосуды изготовлены на гончарном круге. Преобладают круглодонные формы. Весьма своеобразны сосуды на трех ножках-подставках. Найдено в могилах 6 железных мечей обоюдоострых без перекрестия и с прямым перекрестием и без навершия, а также один однолезвийный меч. Среди десяти наконечников копий и пик представлено несколько их вариантов. В могилах обнаружено несколько железных ножниц, различающихся по размеру. Ножницы большого размера по заключению авторов употреблялись для стрижки овец. Довольно широко представлены в погребениях украшения из стекла. В одной могиле обнаружен обломок стеклянного сосуда. Стеклянным изделиям посвящен специальный раздел в книге [2]. В нем дана классификация стеклянных бус и описан процесс изготовления их. Стеклянные изделия исследованы флюоресцентным и спектральным качественным методами, а также количественным химическим и другими методами. Это исследование, несомненно, представляет большую ценность для изучения истории раннего стеклоделия в Иране. В могилах обнаружен также ряд других предметов. Кроме того, в рецензируемой книге впервые публикуется ряд ценных случайных находок. Среди них отметим бронзовое зеркало с рельефным ободком и коническим выступом и с рукоятью — форма, типичная для среднесарматского этапа Нижнего Поволжья и Приуралья [3]. Эта находка в Дайламане расширяет наши представления об ареале зеркал этого типа.

Датировка захоронений устанавливается на основании сравнительного изучения всего комплекса находок. Авторы считают, что памятники Дайламана относятся к периоду более позднему чем Ахеменидский и более раннему чем Сасанидский, т. е. что они могут быть датированы парфянским периодом (поздней половиной его). С предлагаемой датировкой — первые вв. н. э. вполне можно согласиться, в чем нас убеждают многочисленные аналогии с сарматскими комплексами.

Значительно сложнее с вопросом о происхождении погребальных памятников Дайламана. Об этнической принадлежности и происхождении ямных захоронений авторы ничего не говорят. Поскольку подобные захоронения представляют универсальное явление, то авторы основное внимание уделили происхождению катакомбных погребений. Они пришли к заключению, что этот тип погребений представляет

---

[1] Namio Egami and Jiro Ikeda. Human remains from the tombs in Dailamanistan. Northern Iran, The Tokyo university Iraq-Iran archaeological expedition. Report 5. 1963.

[2] Sachiko Oda. A chemical study on the Glass from the Noruzmahale site (стр. 27—50).

[3] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, VIII тип.

развитие местной традиции, скрестившейся с влиянием из Южной России и Кавказа (стр. 21). При этом имеется в виду влияние со стороны сарматских и аланских племен. Предположение об автохтонном происхождении катакомб основывается на обнаружении ниши-камеры сбоку у одного каменного склепа в Дайламане. Последний связывается с могилами периода раннего железа, а наличие ниши рассматривается как зародыш катакомбы. Кроме того, авторы сравнивают с катакомбами Дайламана камерные погребальные сооружения в Сузах парфянского времени. Первый довод не убедителен. Второй аргумент также нельзя принять, поскольку погребальные сооружения в Сузах и Дайламане различаются в существенных деталях и не могут быть поставлены в один ряд.

Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основания утверждать, что открытые в Дайламане захоронения первых вв. н. э. являются первыми катакомбными могилами на территории Ирана. Обряд захоронения в катакомбах, по всей вероятности, не был распространен у населения древнего Ирана. В то же время аналогичные памятники широко представлены на территории Средней Азии, в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии, на Северном Кавказе и в Закавказье (Мингечаур и др.). Этот тип могил был характерен для праиоязычных кочевых племен Великого пояса степей и был распространен здесь уже в середине I тысячелетия до н. э. Обряд захоронения в катакомбах, как считают специалисты, был привнесен сармато-аланскими племенами на Северный Кавказ и в Закавказье. Принимая все это во внимание, заключение авторов о местном происхождении катакомб вызывает сомнение и с ним согласиться нельзя.

Катакомбы Дайламана представляют тот вариант, при котором камера (катакомба) является как бы продолжением входной ямы (дромоса). При этом вход в камеру прикрыт каменной плитой.

Сравнительное изучение особенностей конструкции катакомб Дайламана позволяет прийти к заключению, что они имеют наибольшее сходство с сармато-аланскими памятниками Северного Кавказа I—III вв. н. э.[4]

Ряд предметов материальной культуры Дайламана сходны с изделиями, характерными для сармато-аланских племен. Вместе с тем в обряде и в инвентаре могильников Дайламана имеются явления, отличающие их от сармато-аланских комплексов. В частности, положение умерших в скорченной позе встречается очень редко в сарматских захоронениях первых веков. Но этот обряд был широко распространен у населения Закавказья в последних вв. до и в первых в. н. э. в грунтовых[5], кувшинных[6] и иных захоронениях[7]. Ряд форм керамики Дайламана сходны с посудой из этих захоронений в Закавказье. Все сказанное дает основание поставить вопрос об ином происхождении катакомб в Дайламане, о том, что они возможно так же, как на Северном Кавказе и в Закавказье, привнесены извне, с севера. Указанные черты сходства с памятниками Закавказья позволяют отметить определенное воздействие населения его на культуру племен, оставивших могильники Дайламана. Это еще более ярко проявляется, по нашему мнению, в ямных погребениях. Пожалуй наиболее существенным недостатком рецензируемой книги является то, что авторы совсем не обратили внимание на сравнительное изучение захоронений в ямных могилах. Между тем можно найти много общего между ними и грунтовыми захоронениями Ялойлутепинской культуры Закавказья. Сходство обряда погребения в грунтовой могиле, отсутствие насыпей, положение костяков в скорченной позе, ориентировка, сходство некоторых видов оружия и украшений, а также ведущего типа посуды — своеобразных сосудов на трех ножках — все это сближает памятники обоих районов. К этому можно добавить сходство антропологического типа населения в обоих районах[8]. Сходство настолько велико, что нельзя не обратить на него внимание археологов-кавказоведов. Можно надеяться, что археологи, занимающиеся изучением указанных памятников Закавказья, найдут этому объяснение.

Рецензируемая книга японских археологов представляет большую ценность как для изучения культуры древнего Ирана, так и нашей страны, особенно для Кавказа, а также для культуры кочевых праиоязычных племен. В частности, имеются определенные основания рассматривать катакомбные захоронения Дайламана как свидетельство влияния или проникновения сармато-аланских племен в Сев. Иран. Последнее может быть подтверждено сообщениями письменных источников о событиях

---

[4] Л. Г. Пчаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Сб. Исследования по археологии СССР. Л., 1961; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. Чечено-Ингушского НИИ, т. IV. Грозный, 1963.

[5] О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1959.

[6] Т. И. Голубкина. Культура кувшинных погребений в Азербайджане. Мат. по истории Азербайджана, т. IV, Баку, 1961.

[7] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М.— Л., 1959.

[8] Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.

I—II вв. Издание памятников Дайламана хорошо документировано, прекрасно иллюстрировано и им удобно пользоваться. Авторы ссылаются, хотя и крайне недостаточно, на работы советских археологов. Своими трудами Японская экспедиция уже внесла значительный вклад в развитие археологического изучения Ирана и можно пожелать ей дальнейших успехов.

Ю. А. Заднепровский

Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965, 144 стр. +45 рис. +32 табл. Тираж 800 экз.

Археология стран Юго-Восточной Прибалтики в изучении средневековья давно сталкивается с двумя противоборствующими тенденциями. С одной стороны, поразительно устойчивое и последовательное развитие местной материальной культуры, с другой — всякого рода чужеродные наслоения, иногда столь же сильные и быстротечные, как внезапный вихрь. Как понять и объяснить эти явления?

Еще не так давно в специальной прибалтийской литературе господствовали взгляды, отдающие предпочтение всякого рода влияниям и недооценивающие возможности местного развития. Необходимость широкого и радикального пересмотра взглядов прибалтийско-немецких и буржуазных латышских, литовских и эстонских археологов с марксистских позиций, поиск и утверждение новых творческих путей не сходят с повестки дня. В этом отношении рецензируемая работа, обсуждающая на современном научном уровне большой и сложный вопрос о торговых и культурных связях восточнолатышских племен X—XIII вв., представляет новое слово советской прибалтийской археологии. Заметим, что книга Э. С. Мугуревича представляет собой третий том серии публикаций археологических материалов Латвийской ССР на русском языке и, следовательно, обращена к широкой научной аудитории.

Работа основана главным образом на материалах из восточной Латвии, однако круг поставленных в ней проблем весьма широк и включает вопросы культурно-экономического развития в X—XIII вв. как Латвии, так и сопредельных стран.

В рецензируемую работу вложен многолетний и упорный труд. Монография состоит из введения, четырех глав и заключения, в библиографию включено свыше 400 работ. В первой главе даны обзор археологических и письменных источников и историография вопроса. Э. С. Мугуревич стремился привлечь самый разнообразный материал и в том числе средневековые хроники (некоторые ретроспективно), русские летописи, саги, старинные карты, данные топонимики, фольклора и лингвистики. Вторая глава посвящена землям Восточной Латвии X—XIII вв. Здесь основное внимание уделено географической характеристике территории, проанализированы ее заселенность и социально-экономический строй. При рассмотрении границ ранних государственных образований (Ерсика, Талава) автор пытается определить места замков и поселений, упомянутых в письменных источниках. Вследствие недостаточного количества доказательств идентификация некоторых населенных пунктов кажется спорной. Третья, наиболее обширная глава отведена анализу вещественного материала. Э. С. Мугуревич проделал серьезный источниковедческий поиск, он опознал и привлек тот комплекс вещей, который выступает показателем внешней торговли и связей, а именно монеты, слитки, весы и гирьки, шиферные пряслица, оружие, раковины каури, янтарные изделия, предметы культа, бусы, бронзовые украшения. В четвертой главе автор на основании всей совокупности рассмотренных источников прослеживает направления экономических связей и локализует важнейшие пути сообщения Восточной Латвии в период раннего средневековья. В приложении опубликованы данные спектрального анализа бронзовых предметов и стеклянных бус, выполненного Д. В. Наумовым и Ю. Л. Щаповой. Ю. Л. Щаповой же совместно с автором написан раздел о стеклянных украшениях. Книга целенаправленно иллюстрирована, снабжена латышским и немецким резюме, к сожалению, отсутствует указатель географических пунктов. В целом усилия, потраченные Э. С. Мугуревичем, оказались не напрасными, его книга получилась как своеобразный историко-торговый справочник прибалтийских древностей, да и не только прибалтийских.

Автор рецензируемой монографии, на наш взгляд, сумел правильно разобраться в сложных делах североевропейской торговли раннего средневековья. В связи с этим он показал неосновательность теорий о преобладании в Юго-Восточной Прибалтике скандинавско-немецкого влияния и изоляции, даже вражде, древней Латвии к восточнославянскому миру. Э. С. Мугуревич, в частности, непредвзято рассмотрел восточный и западный импорт. Новые наблюдения исследователя выражаются в том, что Русь поставляла древним ливам и латгалам, как правило, массовые, недорогие предметы (все они выявлены и изучены большей частью впервые): шиферные пряслица, бусы, крестики, бронзовые и стеклянные браслеты, поясные пряжки, подвески, лунницы, застежки. Из Руси или через ее посредство в Латвию ввозились бронзовые булавы, чеканы, бляшки с «восточным» орнаментом, раковины каури. По изыска-

ниям Э. С. Мугуревича, торговля русских земель с Восточной Прибалтикой, особенно начиная со второй половины XI в., оказалась более значительной, чем представляли до сих пор. Русский импорт, отличаясь «бытовой» направленностью [1], носил, так сказать, демократически народный характер и был осложнен элементами данической зависимости и православной пропаганды (на это указывают предметы культа и тамги чиновников киевской администрации). Оживленные экономические связи с Киевским государством способствовали развитию ливской и латгальской материальной культуры и становлению в Восточной Латвии раннефеодальных отношений. Изложенные здесь выводы Э. С. Мугуревича направлены против тех, кто еще и сегодня хотел бы найти в отношениях древних латышей и русских вражду, отчужденность и постоянный раздор.

В отличие от русского импорта, среди изделий, привезенных из северо-западных стран, согласно Э. С. Мугуревичу, преобладали дорогие, индивидуальные вещи: фибулы, ганзейские чаши, копья с серебряной платировкой, мечи. Эти вещи свидетельствуют подчас о колонизаторской и военной деятельности чужеземных пришельцев или о потребностях зажиточной местной прослойки общества. Автор верно замечает, что эти вещи для простого народа в целом оставались чуждыми (стр. 84). После всего сказанного заключение Э. С. Мугуревича о том, что для восточной Латвии связи в восточном направлении имели несравненно большее значение, чем сношения с Западом, не кажется неожиданным.

В рецензируемой работе не только показаны «внешнеторговые» связи древних латышей, но и оценено значение местного ремесла и торговли. Автор сличил отливки бронзовых вещей, и оказалось, что ряд предметов ливы и латгалы научились производить на месте по привозным образцам (копья, крестики, пряжки, черепаховидные фибулы, возможно, мечи).

Э. С. Мугуревич приводит впечатляющий список древнелатышских изделий, в основном украшений, найденных на о. Готланд, в Швеции, Финляндии, Эстонии, Литве, Новгородской, Полоцкой, Псковской и Киевской землях. Характер древнелатышских торгово-экономических и культурных связей отнюдь не был односторонним и пассивным.

Описываемые им процессы Э. С. Мигуревич дифференцировал с точностью 50—100 лет (иногда и уже), что сообразно уровню, достигнутому современной археологией, вполне удовлетворительно.

Естественно, что в сводной итоговой работе трудно избежать ошибок. Автор иногда излишне доверчиво относится к чужим мнениям. Так, он полностью воспринял утверждение Э. Штурма о существовании особых куршских мечей и наконечников ножен. Курши (их особую активность Э. С. Мугуревич не раз и справедливо подчеркивает), по-видимому, действительно вырабатывали мечи (наверняка оправляли привозные клинки своими рукоятями) и бронзовые наконечники ножен, но по своему типу и распространению те и другие были не куршскими, а восточноевропейскими. Части мечей и ножен, похожие на куршские, находятся во всей Юго-Восточной Прибалтике, на Руси, в Волжской Болгарии, иногда проникают в Польшу, Самбию (Калининградская обл.), Финляндию и вряд ли все эти вещи можно обозначить как курземский импорт. Обилие куршских находок объясняется погребальной обрядностью, и соответствующие цифровые данные как показатель повышенной ремесленной производительности жителей западной Латвии относительно других земель требуют осторожного источниковедческого истолкования. Как значителен был вклад куршей в развитие материальной культуры стран Юго-Восточной Прибалтики — покажет анализ самих вещей. Древности этого народа, известные в поразительных по своему количеству скоплениях, создают отличную базу для такого исследования.

В ряде мест Э. С. Мугуревич без критики ссылается на рассуждения немецкого археолога П. Паульсена о балтийских и восточнославянских топорах. Следовало бы учесть, что последний давно специализируется на восточноевропейских материалах, в том числе и топорах, с целью возвести их к германскому или исламскому культурному кругу.

Э. С. Мугуревич солидаризируется с Т. Арне относительно восточного происхождения многих орнаментальных поясных бляшек. Думаю, что некоторые бляшки убедительнее связать не с Волжской Болгарией, Хазарией или славянскими районами, бывшими, как пишет автор, под влиянием двух упомянутых образований, а с русскими городами (ср., например, застежку сумки, табл. XVI, *1*). Достойно сожаления (и здесь Э. С. Мугуревича винить нельзя), что у нас до сих пор нет обобщающей работы о костюме и украшениях русских IX—XIII вв., хотя накопленный материал более чем достаточен.

В целом книга Э. С. Мугуревича является разносторонним и серьезным исследованием. Это произведение свидетельствует о появлении в братских прибалтийских республиках молодых, пытливых и энергичных ученых, которые, преодолевая наследие буржуазной науки и совершенствуя методы и качество своей работы, добиваются самых обнадеживающих результатов.

А. Н. Кирпичников

[1] О. В. Навицкайте-Кунцене. Импорт древней Руси в Литве. Тр. АН ЛитССР, сер. А, 1 (16), Вильнюс, 1964, стр. 115—134 (на литовском яз.).

Хроника

О. Н. БАДЕР

СОВЕТСКИЕ АРХЕОЛОГИ И ПАЛЕОНТОЛОГИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ЮГОСЛАВИИ

Конгресс вместе с экскурсиями состоялся между 9 и 26 сентября 1965 г. В нем приняло участие 440 членов из 25 стран всех пяти материков. Наиболее многочисленными были делегации: страны-устроительницы — 78 членов, Франции — 62, Италии — 59, Австрии — 35, СССР и США — по 26 членов.

В составе советской делегации были карстоведы-географы и геологи, палеонтологи, биоспелеологи, спелеологи-спортсмены и др. Значительную часть делегации составили грузинские ученые. Из археологов в делегацию были включены А. Н. Каландадзе (Тбилиси), В. П. Любин (Ленинград) и автор (Москва); из палеонтологов — В. И. Бурчак-Абрамович (Тбилиси) и Г. А. Бачинский (Киев).

Конгресс был хорошо и заботливо организован. 9—11 сентября состоялась предконгрессная экскурсия в область горного, классического карста предгорий Юлийских Альп по маршруту Постойна — Предъямский Град — Випава — Локве — Новая Горица — Липица — Сежана — Копер — Постойна с осмотром нескольких крупных пещер, в том числе Предъяма, Липичка Яма, Дымница.

12 сентября в знаменитой Постойнской пещере, в огромном Танцевальном зале, переименованном с этого дня в зал Конгресса, состоялось торжественное открытие конгресса.

Работа его происходила в Любляне между 13 и 16 сентября. Кроме пленарных заседаний были организованы пять секций: 1) физической спелеологии и гидрологии карста; 2) биоспелеологии, 3) палеонтологии и доисторической спелеологии, 4) техники исследования и документации пещер и 5) по использованию пещер и вод в карсте. Всего было заслушано и обсуждено более 170 докладов, из них 24 доклада советских ученых. Языками конгресса были, в соответствии с его уставом, французский, английский, немецкий, русский, итальянский и испанский.

Секция палеонтологии и доисторической спелеологии работала всего 2 дня; зато мы получили возможность внимательно познакомиться с выставкой, материалами музея и совершить интересную экскурсию. На заседаниях секции присутствовало не более 30 человек и было всего 15 докладов. Работой секции руководили академики Словенской академии наук С. Бродар и Новак. Охарактеризую коротко археологические и некоторые палеонтологические доклады.

1. А. Каландадзе (СССР). Цонская пещера и ее культура.

Основное внимание докладчик уделил культурной стратиграфии стоянки, содержащей сложную свиту отложений от ашеля и мустье до эпипалеолита и ранней бронзы. Доклад был опубликован к конгрессу [1].

2. В. Любин (СССР). Краткий очерк древнего и среднего палеолита Кавказа.

В докладе рассмотрен вопрос о времени появления человека в Закавказье (ранний и средний ашель), о путях и этапах расселения нижнепалеолитических людей на территории Кавказского перешейка, о возможных передвижениях этих людей в периоды похолоданий (уход из горных районов и сосредоточение главным образом в Колхиде).

Поставлены некоторые вопросы, касающиеся хозяйственной и социальной жизни и организации древнейшего населения Кавказа:

а) предложены критерии для социально-экономической классификации нижнепалеолитических памятников (стоянок, охотничьих лагерей, мастерских);

б) приведены факты, иллюстрирующие половое и возрастное разделение труда в нижнем палеолите;

в) отмечено прогрессивное всемирно-историческое значение появления и развития леваллуазской техники расщепления камня и ее важная роль для периодизации нижнего палеолита;

г) отмечено многообразие каменных индустрий Кавказа как свидетельство наличия в то время различных вариантов мустьерской культуры и, возможно, социальных образований типа родовых и племенных.

[1] Сб. «Карст и пещеры Грузии». Тбилиси, 1965.

3. Ф. Урс (Ливан). Проблема появления верхнего палеолита на Ближнем Востоке.

Докладчик указал, что переход среднего палеолита в верхний на Ближнем Востоке был весьма сложен: он совершался через серию индустрий, имеющих различные технико-типологические характеристики.

1) Амудийская индустрия (пре-ориньяк Руста) с многочисленными пластинами и орудиями на пластинах (слои 13, 15 Ябруда, пещера Адлун).

2) Эмирийская индустрия, в которой сочетаются орудия типично мустьерские (скребла и остроконечники) с орудиями верхнепалеолитическими (орудия на пластинах, резцы, скребки) и постоянно встречаются своеобразные остроконечники эмирийского типа.

3) Леваллуазская индустрия (или леваллуа-мустье некоторых авторов), отличающаяся специфической техникой расщепления камня и немногочисленными орудиями верхнепалеолитического типа.

4) Мейрубийские комплексы, в которых широко применяется техника леваллуа, но типология имеет переходный характер (орудия мустьерских типов смешиваются с орудиями более прогрессивных типов — главным образом концевыми скребками и скребками высокой формы).

Исследования ведутся по линии установления связей, которые существуют между различными традициями, их относительной и абсолютной хронологии. В настоящее время можно наметить лишь общую линию эволюции этих индустрий, в которой ябрудская и амудийская являются наиболее древними, а мейрубийская — самой молодой.

Установление относительной хронологии облегчается тем обстоятельством, что некоторые приморские гроты хорошо коррелируются с древними морскими уровнями (гроты Адлун, Рас эль Кельб и др.): отложение морских пляжей составляют часть отложений пещер. Так, орудия развитого леваллуа включены в пляжи 15-метровых террас, амудийского и ябрудского типов — в пляжи 15—6-метровых террас (Вюрм I). Леваллуа-мустье гротов коррелируется с 6-метровым уровнем (Вюрм I). Мейрубийские комплексы помещаются в конце этого периода (Вюрм II).

4. О. Бадер (СССР). Изучение следов палеолита в пещерах СССР.

В докладе содержался краткий обзор истории археологического изучения пещер на территории СССР за 100 лет. Далее дана характеристика методов датировки пещер и культурных отложений в них: палеонтологического, палинологического, археологического, абсолютно-хронологического, геоморфологического, а также угла нарастания пещер, изучения интенсивности отложений щебня на дне пещер и степени сохранности щебня в отложениях различного возраста.

5. Ф. Осоле (Югославия). Поздний граветт в Словении.

Докладчик отметил, что довольно густо расположенные в Словении палеолитические стоянки, а их открыто там до 24, указывают, что на протяжении вюрмского века эта территория была довольно густо заселена. Исследования палеолита, эффективные за последние годы в районе Постойны, подтверждают положение о том, что климатические условия на протяжении последнего оледенения, точнее в его вторую половину (Вюрм III по Зергелю), были наиболее суровы.

Это доказывается горноальпийской фауной (Rangifer tarandus, Marmota marmota, и др.) и углями хвойных деревьев (Pinus montana, Pinus cembra, и др.). Каменная индустрия, открытая вместе с аркто-альпийской фауной, относится к позднему граветту. Она характеризуется граветтскими наконечниками, которые редки, но типичны, атипичными наконечниками с выемкой (pointes à cran) и многочисленными пластинками с притупленной спинкой. Эта индустрия также характеризуется очень сильной тенденцией микролитизации и очень ограниченной утилизацией кости.

Так как поздний граветт Карста хронологически соответствует мадлену в Центральной и Западной Европе, следы которого до сих пор не найдены в Югославии, мы вполне можем допустить, что мадлен был в Югославии полностью заменен граветтом, преимущественно его финальной фазой. Судя по результатам, полученным на сегодня, Словения не была задета ни солютрейской, ни мадленской культурами, так же как и соседняя территория — Северная Италия.

По предварительным данным Кельнской радиокарбоновой лаборатории, исследованный Ф. Осоле граветтский памятник Оучья Яма относится к 17 500 г. до н. э.

6. С. Бродар (Югославия). Следы палеолитического человека в гроте Постойна.

Докладчик сообщил о второй находке остатков мустьерской стоянки в гроте Постойна, обнаруженной в 1964 г. на расстоянии 265 *км* от главного входа при прокладке туннеля для туристской железной дороги. Там же, возможно, имеются следы посещения пещеры и верхнепалеолитическим человеком. Как удалось выяснить, в то время существовал вход в пещеру близ мустьерского местонахождения. Впоследствии этот вход перестал существовать.

В отложениях красноцветной глины, заполнивших вход, обнаружена верхнепалеолитическая фауна и следы палеолита. Мустьерские остатки залегали ниже, в слое с галечником и более древней фауной, в состав которой входит гигантский олень и пещерный медведь. Кремневые находки состоят главным образом из широких отщепов, частью леваллуазского облика. Среди готовых изделий представлены почти исключительно скребла, которые иногда похожи на ручные остроконечники.

Видимо, памятник относится к финальному мустье.

7. Е. К. Третмэн (Англия). Плейстоценовая костеносная пещера в районе Менджи-Хилл, Англия.

Докладчик сообщил данные о раскопках костеносных пещер и следах солютре и позднего мадлена, залегавших в упомянутой пещере в брекчии. Пещеры относятся ко времени не раньше последнего интергляциала. Докладчик заявил, что в Англии имеется только одна пещера с мустьерскими остатками — Менджи-Хилл. Остальные мустьерские местонахождения располагаются под открытым небом.

8. П. И. Ватсон (США). Археологические открытия в пещере Селт и в Мамонтовой пещере в Национальном Парке, Кентукки.

В названных пещерах были произведены археологические исследования в 1963 г. Установлено, что пещера Селт интенсивно посещалась людьми в течение последнего тысячелетия до н. э. Это время совпадает с существованием поздней архаической или ранней лесной культуры в истории Северо-восточной Америки. В этих пещерах люди эксплуатировали залежи кристаллического сульфата.

Следы человека распространяются до 2 *миль* в глубь пещеры.

9. Г. Гверрини (Италия). Спелеология и доистория в провинции Гроссето.

Докладчиком сделан обзор спелеологических исследований гротов в провинции Гроссето. Он сделал попытку установления взаимосвязи между различными формациями в развитии карста и доисторическими эпохами.

10. Х. Ильминг (Австрия). Пещеры и замки.

По мнению докладчика, устанавливается взаимосвязь между средневековыми замками и пещерами. Так, в Нижней Австрии, где предприняты специальные обследования, в отдельных случаях крепости строились прямо в пещерах. В большинстве же случаев прослеживается связь между замками и пещерами, заселенными в древности человеком. Сходная взаимосвязь, по-видимому, наблюдается и в других странах.

11. Г. А. Бачинский (СССР). Результаты палеонтологического исследования карстовых пещер Украины.

В докладе освещены основные результаты работ палеозоологического отряда комплексной карстовой экспедиции АН УССР и Госгеолкома СССР в карстовых пещерах Украины (Крым, Подолия, Карпаты) за 1960—1965 гг. На основании изучения более 25 новонайденных местонахождений ископаемых позвоночных различного геологического возраста (в интервале поздний плиоцен — средний голоцен) предложена тафономическая классификация пещерных местонахождений ископаемых костей. В пещерном тафономическом типе выделены четыре тафономические фации: 1) гротов и навесов, 2) горизонтально-наклонных пещер, 3) вертикальных карстовых шахт и колодцев, 4) пещер со входами в отвесных обрывах. Для каждой фации кратко рассмотрены факторы, обусловливающие накопление костных остатков, их захоронение отложениями и фоссилизацию. В заключение сделаны некоторые выводы об изменениях палеогеографической обстановки на Украине на протяжении антропогенового периода.

12. П. И. Бурчак-Абрамович (СССР). Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии.

Докладчик дал общую физико географическую характеристику пещер Южной Абхазии с находками культуры верхнего палеолита и мезолита и фауны позвоночных из культурных слоев (пещеры Ква-Чара, Кен-Богаз, Хупынишахва) и привел списки фауны: млекопитающих, птиц и амфибий. Особый интерес имеет первое констатирование в ископаемом состоянии кавказского тетерева, эндемичного для фауны Кавказа, и наиболее южного пункта ареала распространения в прошлом на Кавказе хомяка в пещере Кен-Богаз. Весьма важным с точки зрения истории фауны и экологии является присутствие в мезолитических пещерах Южной Абхазии пещерного медведя, который был здесь в мезолите настолько обычен, что служил, как и в верхнем палеолите, главной охотничьей добычей для человека. Это вообще наиболее поздний по времени предел существования пещерного медведя в палеоарктике.

13. Г. А. Бачинский (СССР). Тафономические особенности местонахождения среднеплиоценовых позвоночных одесских «катакомб».

В докладе рассмотрены тафономические особенности и история образования уникального пещерного местонахождения ископаемых костей в одесских катакомбах.

По мнению автора, нижний слой пещерных отложений формировался в условиях периодически обводняемой горизонтально-наклонной пещеры, не имеющей широкой связи с поверхностью. В дальнейшем в результате провала кровли отдельных глубинных вертикальных полостей в пещеру через новообразованные колодцы начал поступать грубообломочный материал и кости животных, падавших и погибавших на дно колодцев. В конце среднего плиоцена колодцы были полностью забиты красно бурой глиной, и поступление вглубь крупных костей прекратилось.

Видовой состав местонахождения свидетельствует о существовании во время образования местонахождения в его окрестностях засушливых, жарких степей и полупустынь.

14. А. Канеллис (Греция). О находке неандертальца в Греции (Петралона).

Докладчик сообщил о находке в средней Греции в пещере у Петралона в мустьерском слое черепа неандертальского типа, хорошей сохранности. Далее он подробно

остановился на краниологических особенностях черепа и демонстрировал чертежи и графики. Он привел также краткую характеристику фауны (первобытный бык, бурый медведь, пещерный медведь, грызуны и пр.).

15. Мирко Малез (Югославия). О палеолите пещеры Велика Печина на Равной Горе в северо-западной Хорватии.

В докладе содержался анализ культурных остатков мустьерского, ориньякского, граветтийского и мезолитического слоев памятника, а также характеристика культурного содержания пещеры Ветерница и других пещер, исследуемых автором и относимых им к времени от последнего интергляциала до начала голоцена включительно. Внимание акцентировалось на переходном характере остатков (от мустье к верхнему палеолиту). Стоянка Велика Печина интересна также обилием костяных изделий в ориньякском слое, подобно высокогорной Мокрицкой пещере. Важна также находка в пещере обломка черепной крышки неандертальского человека.

Параллельно с работой секции члены ее получили возможность познакомиться с археологическими материалами по палеолиту Словении, экспонированными в особом зале в виде большой выставки, открытой к конгрессу.

Кроме того, мы знакомились с археологическими и палеонтологическими материалами в Любляне: в Академии наук, в Народном музее, в Естественно-историческом музее и в музее геологического факультета Люблянского университета.

Все это позволило нам составить представление о палеолите Югославии. Эта большая тема, естественно, не укладывается в рамки этой статьи.

16 сентября состоялась генеральная ассамблея конгресса, на которой, по предложению Французской федерации спелеологов был учрежден Международный спелеологический союз. В качестве членов-учредителей в него вошли все страны, участвовавшие в конгрессе, за исключением СССР и Австрии, не имевших для этого полномочий. Был обсужден и утвержден разработанный французами устав Союза.

Президентом Международного спелеологического союза избран проф. Бернар Жез (Париж), вице-президентом — проф. Гордон Варвик (Бирмингам), вторым вице-президентом — проф. Степан Микулец (Сараево) и генеральным секретарем — проф. Альбер Анави (Бейрут).

Наконец, 17—26 сентября состоялась большая экскурсия по маршруту Любляна — Планинская пещера — Постойна — Церкнишко озеро — Раков — Шкоциан — Абация — Риека — Локварское озеро — Карловец — Слунь — Плитвицкие озера — Госпич — хребет Велебит — Задар — Шибеник — Скрадинский Бук — Трогир — Сплит — Синь — Ливно — Имотски — Мостар — Столац — Требинье — Дубровник — Котар — Цетинье — Дубровник и затем возвращение в Белград через Сараево.

Всего мы проехали на автобусах около 3500 *км*. Для карстоведов и спелеологов обе экскурсии были до предела насыщены материалом, но археологи и палеонтологи остались неудовлетворенными: в программу экскурсий не был включен ни один палеолитический памятник или палеонтологическое местонахождение, хотя мимо некоторых из них мы проезжали почти вплотную. Этот факт нужно отметить как недостаток в организации экскурсий. Частичное исключение представляет мустьерская пещера Беталов сподмол у Постойны: нам ее показали в течение 5—7 мин., но не дали при этом никаких объяснений. Лишь благодаря любезности люблянских ученых три наших археолога получили возможность совершить сверх программы поездку в окрестности Любляны для осмотра граветтской пещеры Жупанов сподмол (раскапывавшейся Ф. Осоле в 1964 г.), а два палеонтолога — в один из заповедников Словении.

У нас остались яркие впечатления от классического карста Югославии во всех его проявлениях и поразительно красивой и разнообразной в географическом и историко-этнографическом отношении страны. Югославия — страна солнца, камня, голых горных склонов и подтропической растительности, теплого моря и тысячи островов, католических храмов, православных церквей и турецких мечетей, средневековых и римских развалин.

Но из множества впечатлений мне хочется остановиться на одном: образцовой организации туризма и экскурсионного дела и в связи с этим и охраны памятников природы, археологии и искусства.

Не только знаменитые Постойнинская и Шкоцианская пещеры (величественней последней, по словам Норбера Кастере, нет в мире), но и многие другие пещеры великолепно оборудованы для посетителей, умело подсвечены, имеют удобные дорожки и тропы, а также прекрасные подъездные пути, мотели, гостиницы. Они обслуживаются большим штатом сторожей, экскурсоводов, все служащие одеты в специальную форму с названием пещеры на фуражках. На базе эксплуатации пещер развернута большая научная работа, а в Постойне существует специальный карстово-спелеологический институт.

Об организационном размахе туризма, составляющего одну из главных статей государственного дохода Югославии, дают представление примеры Постойнинской и Шкоцианской пещер.

Постойнинская пещера особенно хорошо оборудована. Перед входом стоит отличный ресторан. При входе все посетители могут получить специальные халаты. Пещера на несколько километров электрифицирована. Открытые платформы узкоколейки доставляют посетителей на 4 *км* в глубь пещеры, почти до зала Конгресса

и еще более величественного Танцевального зала. Еще дальше ведет удобная тропа с перилами и мостиками через пропасти, двигаясь по которой, посетитель видит грандиозные подземные дворцы, сооруженные природой карста (по словенски — краса). Везде продаются отличные цветные открытки, диапозитивы, альбомы и прочие сувениры.

В Постойнинской пещере бывает до 6—7 тыс. человек в день, а всего в ней побывало уже больше 6 млн. человек.

По словам директора Шкоцианской пещеры, за лето в ней побывало 400 тыс. человек (при входной плате 1450 динаров). Обслуживающий персонал состоит из 47 штатных единиц, и содержание его обходится 27 млн. динаров в год; при этом в летние месяцы в качестве экскурсоводов привлекается до 100 студентов. Чистый доход от эксплуатации Шкоцианской пещеры составляет 9 млн. динаров в год, а от всех пещер только одной Словении — около 1 млрд. динаров в год, при этом главным образом в валюте.

Наши изумительные пещеры Карпат, Крыма, Кавказа, Урала и Средней Азии при соответствующем оборудовании и организации могли бы привлечь гораздо больше туристов и соответственно давать гораздо больший доход. Тем самым эти неповторимые памятники природы были бы спасены от быстрого разрушения их неорганизованными и невежественными туристами. Не секрет, что как за рубежом, так и у нас многие пещеры уже настолько изуродованы туристами, что почти полностью потеряли свое научное значение.

Г. В. ЮСУПОВ

26 июня 1968 г. в Казани скоропостижно скончался Гарун Валеевич Юсупов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. В его лице историческая наука потеряла одного из разносторонних ученых, внесших определенный вклад в изучение археологии, этнографии и эпиграфики народов Поволжья и Приуралья и в первую очередь поволжских татар и башкир.

Г. В. Юсупов родился 22 июня 1914 г. в Казани, в семье татарского приказчика. После окончания школы начался его трудовой путь — он работал счетоводом, электромонтером и одновременно учился с 1936 по 1941 г. на географическом факультете Казанского университета. В 1941—1942 гг., после нескольких месяцев работы в Татарском геологоразведочном тресте, Г. В. Юсупов был призван в действующую армию. С октября 1942 по 1945 г. он защищает Родину, участвуя в самых тяжелых военных действиях — обороне Воронежа, Сталинградской битве, на Курской дуге и др. Несмотря на тяжелое ранение, Г. В. Юсупов остается в армии до октября 1945 г.

В 1946—1949 гг. он заведует этнографическим музеем Казанского университета. К этому периоду относятся первые его научные статьи — по истории музея, об этнографических наблюдениях И. М. Симонова и др. Тогда же начинает формироваться и его основное научное направление — изучение булгаро-татарской эпиграфики. Прекрасное знание не только арабской палеографии, но и языка, быта и культуры татарского народа позволили ему за краткое время (1948—1952 гг., когда Г. В. Юсупов был аспирантом Казанского филиала АН СССР) овладеть искусством чтения древних булгаро-татарских эпитафий. Об этом свидетельствовали появившиеся в 1951—1956 гг. на страницах «Эпиграфики Востока» статьи Г. В. Юсупова, посвященные классификации, дешифровке и научной интерпретации булгаро-татарских эпиграфических памятников XIV—XVI вв.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации на тему «Булгаро-татарские эпиграфические памятники XIII—XVII вв. (к вопросу о происхождении казанских татар)» Г. В. Юсупов в 1952—1958 гг. создает в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР археологическую группу и возглавляет археологические исследования в Башкирии. Им в течение пяти полевых сезонов в бассейне р. Белой открываются и исследуются оригинальные памятники I тысячелетия до и рубежа н. э., результаты изучения которых получили отражение в статье «Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР». Параллельно он продолжает и свои этнографические работы, участвует вместе с С. И. Руденко в этнографических экспедициях по Башкирии, где собирает богатый материал по духовной культуре башкир и татар. Г. В. Юсупов даже в специальных археологических и эпиграфических экспедициях никогда не упускал возможности этнографических наблюдений, а также наблюдений по топонимике, диалектологии. В результате им еще в конце 50-х годов были написаны статьи общего характера — «Об этногенезе башкир», «О тюркском населении запада Башкирии» и др.

В 1960 г., уже будучи сотрудником ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР, Г. В. Юсупов публикует монографию «Введение в булгаро-татарскую эпиграфику», представляющую собой не только первый научный свод более чем 200 эпиграфических

памятников Поволжья и Приуралья, но и первую их детальную классификацию. В науку был введен огромный материал, имеющий первостепенное значение как для истории, так и для языкознания тюркских народов края. В последующем Г. В. Юсупов продолжает усиленные поиски и изучение булгаро-татарских эпиграфических памятников. Совершив более десятка эпиграфических экспедиций почти по всем областям Поволжья и Приуралья, он выявил до 600 эпитафий XIII—XVI вв. К сожалению, смерть прервала составление обширного свода этого уникального вида историко-лингвистических источников, над которым работал в последние годы своей жизни ученый.

Занятия эпиграфикой сочетались у Г. В. Юсупова в то же время с этнографическими работами. Особенно важное значение имеют его исследования в области духовной культуры татарского народа. Ряд статей, а также главы по верованиям коллективной монографии «Татары Поволжья и Приуралья» впервые позволили представить домусульманские религиозные пережитки у татар, что имеет определенное значение не только для выяснения особенностей духовной культуры поволжских татар, но и дает новые материалы для суждения об их этногенезе. В этом же плане были написаны незадолго до кончины работы Г. В. Юсупова по тюркской топонимике и ономастике.

Г. В. Юсупов был не только крупным ученым, это был и неутомимый труженик, хороший товарищ, требовательный к себе и окружающим. Все, кто работал с Г. В. Юсуповым, сохранят память об этом скромном и добром человеке.

А. Х. Халиков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты археографической экспедиции
АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья»
АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖРХО — Журнал Русского химического общества
Зап. ЧНИИ — Записки Чувашского научно-исследовательского института
ЗКМ — Закарпатский краеведческий музей
ЗООИД [ЗОО] — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИАН Латв. ССР — Известия Академии наук Латвийской ССР
ИАЮЗО — Сб. «История и археология Юго-западных областей СССР начала нашей эры»
ИБАИ [ИАИ] — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
Изв. КФАН СССР — Известия Казанского филиала АН СССР
ИКДР — Сб. «История культуры древней Руси»
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1878—1930 гг.
ИЭ — Институт этнографии
КИЯЛИ — Казанский Институт языка, литературы и истории АН
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государств. археологического музея
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МОПИ — Московский областной педагогический институт
МЭ — Материалы по этнографии
НИС — Новгородский исторический сборник
НПК — Новгородские писцовые книги
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОАСА — Отдел античной и средневековой археологии, Института археологии Академии наук Украинской ССР
ОИ — Отделение истории Молд. АН
ООН МАН — Отделение общественных наук Молдавской АН
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане». Журнал
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Российская Историческая библиотека
РИМ — Российский Исторический музей
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
Смела — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы
СПМС — Структура и прочность металлов и сплавов. Кафедра металловедения Московского механического института
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды археологического съезда
» ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
» ИИАН ТаджССР — Труды Института истории АН Тадж. ССР
» ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
» ИЭ — Труды Института этнографии
» КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
» МНИИ — Труды Мордовского научно-исследовательского института

» ОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
» САРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
» ТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета
» ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
» ХАЭЭ [ХЭ] — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
» ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка, литературы
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского государственного университета
ХС — Христианский сборник
ЦГИА УзССР — Центральный Государственный исторический архив Узбекской ССР
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЭСФ — Энциклопедия славянской филологии
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AAH — Acta archaeologia hungaricae
AJA — American Journal of Archaeology (Cambridge)
AJS — American Jourhal of Science
AM — Athenische Mitteilungen
Am An — American Anticuity
Arndt Br. — H. Brunn — F. Bruckmann — Arndt, Denkmäler griechischer und römischer Skulptur. München, 1888—1941.
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
DAGR — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
Iospe — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — The Journal of Hellenic Studies
JSA — Journal de la Société des Americanistes
KHKM — Kwartalnik historii kultury materialnej
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
MW — Ad. Furtwangler. Meisterwerke der Griechischen Plastik. Leipzig — Berlin, 1893.
NP — Nawpa Pacha
PT — Przeglad techniczny
PWK — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädia der klassischen Altertumswissenschaft.
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RA — Revue Archéologique
RE — M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte
SA — Slovenské Archaeologia
SCIV — Studii şi cercetări de istoric veche

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю. Е. Березкин (Ленинград). Начало земледелия на Перуанском побережье 3
Е. И. Крупнов (Москва). Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры 13
А. П. Манцевич (Ленинград). О щитах скифской эпохи 19
А. И. Шкурко (Москва). Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии 31
Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин, Б. А. Шрамко (Харьков). О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе 40
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен 48
Г. В. Шишкина (Ташкент). О местонахождении Мараканды 62
О. В. Овсянников (Ленинград). О косторезном ремесле в средневековой Руси 76

Публикации

А. В. Виноградов, Э. Мамедов (Москва). Кызылнура I — первый мустьерский памятник в Кызылкумах 84
И. Т. Кругликова (Москва). Некрополь поселения у дер. Семеновки . . . 98
П. Н. Шульц (Ленинград). Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского 120
С. С. Бессонова (Керчь). Раскопки некрополя Пантикапея в 1963—1964 гг. . 137
Г. Ф. Никитина (Москва). Гребни черняховской культуры 147
А. В. Гадло (Ленинград). Раскопки раннесредневекового селища у д. Героевки в 1964 г. 160
В. И. Распопова (Ленинград). Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. 169
С. К. Кабанов (Ташкент). Изучение стратиграфии городища Афрасиаб 183
А. А. Медынцева (Москва). Глаголические надписи из Софии Новгородской 199
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова (Москва, Казань). Новые данные по истории города Болгары 211
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии 224
А. В. Циркин (Саранск). Кпржемановский клад 237
Е. С. **Сизов** (Москва). О происхождении Покровского Придела Архангельского собора в Кремле 243
А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов (Ленинград). Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА 251
Памяти Хольгера Арбмана 262

Заметки

М. Р. Касымов, Л. Я. Крижевская (Ленинград). О классификации кремнеобрабатывающих мастерских 265
С. А. **Есаян** (Ереван). Каменная статуэтка из Шамшадина 269
Э. Б. **Вадецкая** (Ленинград). О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений 270
А. А. **Кравченко** (Одесса). Клад кизикских статеров из Одесской области 274
И. В. Богданова-Березовская (Ленинград). Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского (химико-технологическое исследование) 277

Критика и Библиография

В. А. Башилов (Москва). Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке 281
Ю. А. Краснов (Москва). «Возникновение и развитие земледелия» 288
Г. Н. Лисицына, А. В. Чернецов (Москва). «Возникновение и развитие земледелия» 293
Б. В. Лунин (Ташкент). «Памятники Туркменистана» 298
В. И. Сарианиди (Москва). «Pakistan Archaeology», № 2, 1965, Karachi . . 300
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Namio Egami and Shinji Fukai, Sciichi Masuda 304
А. Н. Кирпичников (Ленинград), Э. С. Мугуревич. «Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв.» 307

Хроника

О. Н. Бадер (Москва). Советские археологи и палеонтологи на IV Международном спелеологическом конгрессе в Югославии 309
Г. В. Юсупов 314

SOMMAIRE

Articles

G. E. **Bériozkine** (Léningrad). Les débuts de l'agriculture sur la côté périvienne 3
E. I. **Kroupnov** (Moscou). Sur la datation précisée et le classement chronologique de la civilisation de Koban du Caucase du Nord 13
A. P. **Mantzévitch** (Léningrad). Sur les boucliers de l'époque des Scythes . . 19
A. I. **Chkourko** (Moscou). Sur l'image d'un fauve roulé en boule dans d'art des Scythes habitants des steppes boisées 31
L. A. **Solntzev, L. D. Fomine, B. A. Chramko** (Kharkov). Sur les premiers objets en fonte en Europe de l'Est 40
I. S. **Vinokour** (Kaménetz-Podolski). Certaines questions de la civilization spirituelle des tribus tcherniakhoviennes 48
G. V. **Chichkina** (Tachkent). Sur l'emplacement de Marokand 62
O. V. **Ovsianikov** (Léningrad). Sur la ciselure sur os dans la Russie de Moyen âge 76

Publications

A. V. **Vinogradov, E. Mamédov** (Moscou). Kyzylnoura I — premier monument moustérien en Kyzyl-Koum 84
I. T. **Krouglikova** (Moscou). Nécropole près du village Sémionovka 98
P. N. **Choultz** (Léningrad). Figurines en bronze des Dioscures, trouvées en Naple de Scythe 120
S. S. **Bessonova** (Kertch). Fouilles de la nécropole de Panticapée en 1963—1964 137
G. F. **Nikitina** (Moscou). Peignes de la civilization tcherniakhovienne 147
A. V. **Gadlo** (Léningrad). Fouilles d'un village du début du Moyen âge près du village Guéroévka en 1964 160
V. I. **Raspopova** (Léningrad). Quartier des habitations de simples citadins de Pendjikent des VIIe—VIIIe ss. 169
S. K. **Kabanov** (Tachkent). A l'étude de la stratigraphie de l'oppidum médiéval Afrociab 183
A. A. **Médyntzeva** (Moscou). Inscriptions glagolitiques de la cathédrale de Sophia de Novgorod 199
I. A. **Krasnov, A. P. Smirnov, T. A. Khlebnikova** (Moscou), Kazan). Données nouvelles de l'histoire de la ville de Bolgary 211
R. G. **Fakhroutdinov** (Kazan). Nouveaux monuments archéologiques de la Bulgarie de Volga en Tartaries 224
A. V. **Tzirkin** (Saransk). Trésor de Kirgéman 237
E. S. **Sizov** (Moscou). Sur l'apparition de la chapelle de l'Intercession dans la cathédrale de l'Archange-Michel au Kremlin 243
A. A. **Cémentzov, E. N. Romanova, P. M. Doloukhanov** (Léningrad). Datation radiocarboniques du Laboratoire de l'Institut d'Archéologie (section de Léningrad) 251
A la mémoire de H. Arbman 262

Notes

M. R. **Kacymov, L. I. Krigévskaia** (Léningrad). Sur la classification des ateliers de taille des pierres 265
S. A. **Essaian** (Erévan). Figurine d'un idole en pierre de Chamarine 269
E. B. **Vadétzkaia** (Léningrad). Sur la ressemblance des images nathropomorphiques de Samous et d'Okounevo 270
A. A. **Kravtchenko** (Odessa). Trésor de statéres de arégion d'Odessa 274
I. V. **Bogdanova-Bérésovskaia** (Léningrad). Tigurines des Dioscures de Naples de Scythe (analise Chimico-technologique) 277

Bibliographie

V. A. **Bachilov** (Moscou). Principes de la construction de la chronologie relative dans la science archéologique américaine 281
I. A. **Krasnov** (Moscou). Origines et développement de l'agriculture 288
G. N. **Lisitzina, A. Tchernietzov** (Moscou). Origines et développement de l'agriculture 293
B. V. **Lounine** (Tachkent). Monuments de Tourkménistan 298
V. I. **Sarianidi** (Moscou). «Pakistan Archaeology» № 2, 1965, Karachi 300
I. A. **Zadnéprovski** (Léningrad): Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda 304
A. N. **Kirpitshnikov** (Léningrad): E. S. Mougourevitch. Lettonie d'Est et les terres voisines aux X-e—XIII-e siécles 307

Chronique

O. N. **Bahder** (Moscou): Archeologues et paléontologues soviétiques a la IV congrés spéléologique International en Vougoslavie 309
G. V. Jousoupov 314

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/X 1968 г. Т-01104. Подписано к печати 3/I—1969 г. Тираж 2540 экз.
Зак 1193 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл.-печ. л. 28,0 Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л 30,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь выпедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.